В ритмах сердца

коллективный сборник,
посваящённеый 45-летию
присвоения Мегиону
статуса города

2025 г.

Ббк 84(2=411.2)6
В 11

Редактор-составитель
Татьяна Владимировна Юргенсон

Художник
Альфея Фахриттиновна Мухаметова

В 11 В ритмах сердца : коллективный сборник, посваящённеый 45-летию присвоения Мегиону статуса города / ред.-сост. Т. В. Юргенсон ; вст. статья Т. Юргенсон, М. Сладкова ; худ. А. Мухаметова. – Мегион, 2025. – 680 с. : илл.

Коллективный сборник «В ритмах сердца» объединяет в себе литературное творчество людей, чья судьба в той или иной степени связана с Мегионом, с его культурным пространством и интереснейшей историей. Многообразие литературных жанров и тем в полной мере отражают насыщенную жизнь города и его многоплановость. А ещё определяет значимую роль Мегиона в целостности литературной жизни Югры.

Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

Ббк 84(2=411.2)6

© Коллектив авторов
© Татьяна Юргенсон
© Альфея Мухаметова

От составителя

Юбилейные даты чаще всего становятся причиной для осмысления действий в предыдущее время и формирования новой точки отсчёта. Вот и 45-летие со дня присвоения Мегиону статуса города, которое произошло 23 июля 1980 года, формально стало поводом для создания этой книги.

Почему формально? Да потому что реальный возраст Мегиона сегодня, если верить найденным записям в Тобольском государственном архиве, уже превышает 240 лет. И за это время Мегион прошёл свой собственный путь превращения из небольшого поселения в современный северный город, к облику которого приложили руку и спецпереселенцы, и геологи-первопроходцы, и нефтедобытчики, и деятели культуры, и мастера слова…

Особое литературное пространство в ауре того или иного поселения возникает не в момент закладки первого дома, а значительно позже, когда постепенно накапливается обычный житейский и настоящий исторический опыт вживания в приютившую человека землю. Человек тем и отличается от всего остального живого мира, что может в слове сохранить и передать последующим поколениям свой практический и духовный опыт. И при передаче последнего наиболее ценным оказывается не его бытовая, рациональная составляющая, а эмоции, переживания и чувства.

Так появляется художественное Слово. Так появляется потребность в литературном творчестве, которое практически не носит прикладного характера, в отличие от тех же замечательных народных промыслов, но ценность для самоидентификации, как части чего-то большого, имеет огромнейшую.

Повторюсь, процесс этот очень длительный и заметным становится спустя лишь долгое-долгое время. И потому так много радости вызвали неожиданные находки во время сбора материалов для этой книги.

Первым опытом публикации мегионских авторов под одной обложкой было издание книги «Под северным небом» в 2000 году. Поводом издания сборника было 20-летие города Мегиона. Редактором-составителем сборника выступил С. А. Луцкий, замечательный писатель, заимевший огромный опыт по работе с начинающими литераторами ещё в советское время после окончания Литературного института им. А. М. Горького. Он в начале 1990-х приехал жить в Нижневартовский район и активно включился в литературные процессы Югры, особенно её восточной части – Нижневартовска и Мегиона. Для литературной жизни города это был прорыв или закономерный промежуточный итог насыщенной деятельности городского литературного объединения «Логос». Множественные творческие встречи, укрепление связей с молодым окружным отделением Союза писателей России, личные творческие связи – всё шло на выстраивание литературного пространства в Мегионе и формирование его имиджа, как бурно развивающегося, духовного и творческого города. Многое тогда удалось сделать в поддержку будущего лозунга: «Мегион – город первых».

С 2000 по 2005 год город показал немалую заинтересованность в своих литераторах, издав несколько художественных и публицистических книг таким авторам как – В. Н. Козлов, Е. В. Гостева, Л. П. Такташева, Т. В. Юргенсон, профинансировав проведение двух региональных литературных семинаров

с участием мастеров слова из Тюмени, Челябинска, Москвы, Красноярска и семинаристов от Ханты-Мансийска до Радужного. Бурлящая литературная жизнь выявила замечательную талантливую молодёжь – Андрея Сунцова, Розу Хуснутдинову, Алёну Газизову, Дарью Ярушину, Сергея Третьякова и многих других. И казалось, что литературные силы города будут только возрастать...

Однако, жизнь всё делает по-своему. Талантливая молодёжь в абсолютном большинстве, особенно та, которая проявила себя ещё в школьные годы – разлетелась во все края России, но в основном туда, где есть университеты и академии. Но в памяти и ауре города остались строки первых и где-то наивных и искренних стихов. Впрочем, в его памяти, влияющей на менталитет жителей, уже хранятся стихи и проза авторов самых разных возрастов и поколений, прибывших в этот край уже в осознанном и состоявшемся творческом возрасте. И не обязательно эти авторы совпадают с поколением геологов и нефтедобытчиков – первопроходцев, хотя то время привлекало в этот край действительно интересных людей.

Говоря об истории становления литературного пространства в Мегионе, стоит упомянуть о доступных превоисточниках информации. Конечно – это личные авторские архивы, которыми в своё время они поделились с составителем этой книги и как с товарищем по перу, и как с редактором культурно-просветительской газеты «Глаголъ» в первые годы нулевых. И эта часть – самая значимая по объёму материала и количеству авторов. Однако, старые подшивки районной газеты Ларьякского, а после Нижневартовского районов «Ленинское знамя», подарили не просто новые литературные имена мегионцев, но и позволили значительно углубиться в историю литературной жизни в Мегионе.

Итак, именно желание представить самому широкому кругу читателей весь, известный на сегодня, путь творческой ли-

тературной составляющей духовной жизни Мегиона и легло в основу настоящей книги и её построения.

Первая глава – «Точка опоры».

Уже само название говорит о том, что в ней представлены произведения тех мегионцев, кого можно назвать либо первыми, либо достигшими определённого результата на писательской стезе. Среди них – пять имён, которые чуть не затерялись на страницах истории и не стёрлись в нашей памяти практически навсегда. Сегодня уже можно сказать, что найден по-настоящему первый поэт Мегиона – это Павел Миронов. Пусть он и родился где-то в Подмосковье, а в Сибири оказался по воле непростой судьбы, никак не связанной с изысканиями первопроходцев в пятидесятые годы прошлого века. Но здесь, в Мегионе он прожил около двадцати лет, строил посёлок, работая плотником и столяром и писал свои простые, искренние и настоящие стихи. Иногда позволял себе сатирические наблюдения превращать в басни, которые весьма благосклонно публиковали не только на страницах районной газеты, но и в весьма популярном всесоюзном журнале «Крокодил».

О биографии Инны Алаевой, Владимира Обозенко не удалось узнать ничего, кроме того, что районная газета назвала их места работы, и все они были связаны с Мегионом, а Геннадий Барнев, безусловно талантливый журналист и мастер слова, чуть больше года проработавший в районной газете, оставил удивительный художественный очерк об одной из бригад Мегионской экспедиции в 1964 году, тем самым запечатлев её для Истории.

Имя Микуля Шульгина не скрылось в истории, его помнят, публикуют, собирают воспоминания о нём. Казалось бы, он-то не связан с Мегионом никоим образом, ан нет. Есть в его наследии несколько стихов, посвящённых Мегиону и мегионцам, потому как захватил его тот масштаб событий и преобразований, который он увидел в этом краю во время творческих встреч. Литературные десанты на этой земле в 60-е – 70-е годы

прошлого века имели большой размах. И вот он в маленьком комментарии к своему стихотворению «Мегион» даёт неожиданный перевод этого названия с хантыйского, как «великанище».

Другая грань точки опоры – это природные богатства этой земли и люди, которые трудятся на ней. Этому посвящена проза В. Н. Козлова и автора этих строк, которая также вошла в первую главу книги.

Так получилось исторически, что юбилейный год города Мегиона всегда будет отмечаться в один год с юбилейной годовщиной Великой Победы. И потому вторая глава «А нам нужна одна победа…» объединила произведения, раскрывающие силу духа русского воинства и глубину патриотического чувства. И если роман Е. В. Гостевой «Стрекозка Горгона», главы из которого вошли в эту книгу, основаны на исторических документах 19 века, то В. М. Шлябина, Н. И Черняев и Т. П. Адартасова оказались свидетелями и даже участниками страшных лет Великой Отечественной.

Сегодня наша Родина переживает тоже не простое время. Его осмысление скорей всего произойдёт позже, но помочь в этом помогут такие произведения, как очерк о Мариуполе и Авдеевке А. Пикалова и стихи Л. Берлева и той же Е. Гостевой.

Вообще раскрывать и растолковывать подробно смысловую суть каждой главы – занятие неправильное. Таким образом у читателя значительно отнимается право на собственную оценку прочитанного. А так хочется, чтобы эта книга всё-таки заставила подумать, помечтать, разобраться самому.

Из общих пояснений хочется добавить только то, что в главе «Дотянусь издалека» свой творческий привет Мегиону передают те авторы, кто сегодня уже живёт в других городах России, но в чьей судьбе значительный след от связи с этим городом взаимный. А глава «Прекрасное дыхание молодости» представляет стихи и прозу, написанные либо сегодняшними молодыми авторами, либо той, подающей большие надежды,

молодёжью, которая, увы, разъехалась. Сегодня сложно сказать – сколькие из них продолжают творить, но сохранившиеся произведения юности навсегда вошли литературное пространство Мегиона.

Не смею утверждать, что удалось выявить всех мегионцев, кто на достаточно серьёзном уровне работал и работает с художественным словом. Есть очень скромные люди и есть те, чья судьба закручивается так, что творческие порывы просто отодвигаются на задний план, хотя и даны были способности или даже талант. Но верю, что через десять и двадцать лет после публикации этой книги, найдётся тот, кто захочет погрузиться в литературное постоянно обновляющееся пространство Мегиона и раскроет его богатство для всех.

Татьяна Юргенсон,
член Союза писателей России

Очищение души

Память, ожидания, боль и силы выжить и жить дальше… и вера. «Очищение души» по Галине Чепиль – жизнь по чести «…упаси, Господь, мне быть фальшивой» и принятии своей судьбы. «Пусть лучше песней жизнь твоя зовётся» – это и есть её продолжение молитвы за детей и близких, за всех приходящих в её действительность и проходящих , за веру «с поклоном самым низким».

А сегодня обращение к своему самому близкому человеку – своей матери – «*дорогая, милая моя*» навряд ли услышишь. Как и про переписку «*задушевная перекличка*». Здесь же сердечность идёт от человека волевого, ведомого идеей. Гордость за свои шаги и деяния он предназначает матери в двух ипостасях: женщине и родной земле одинаково тепло и честно:

«*Вот в краю лесов, в краю воды, / Где скупы весенние зарницы, / Сын твой строит детские сады, / Ясли, клубы, школы и больницы…*». (П. Миронов)

И слышен голос не одного человека – сына-строителя будущего, а множество голосов как звучание и действия самого времени с его изменениями в ландшафте, мышлении, целях и благосостоянии. Книга не зря начата произведениями Павла Миронова. Он сам и такие как он его современники, и есть первооснова нашего сегодняшнего дня.

И «Вот она, буровая!» (Г. Барнев) – техногенная до чёртиков и романтично-поэтичная в сути деятельность! Погружение в

процесс добычи нефти как в отношения: от предчувствия и первого взгляда до связывания сердец и жизнеописания их будней:

«*Вспотели медные лбы дизелей…*»; «*Высоко над землёй где-то на тридцатиметровой отметке, в люльке, похожей на аистово гнездо, примостился верховой…*»; «*Выползают и выползают из чёрной пасти скважины трубы…*»; «*И слева, и справа, и со всех сторон буровой огни, море огней, океан огней. И не тайга вокруг, не болота, а сверкающие неоном рабочие посёлки…*». (Г. Барнев)

Круглосуточный «*крылатый*» праздник труда с «*янтарной накипью смолы*»!

И было время подмечать дары искусств и родственных отношений:

«*что стрекочет в пьяной зелени, / Что дышит, борется, живёт…*»;

«*он хочет, чтобы солнце /Ему позировать стало…*»;

«*И гибнет человек, а солнце остаётся. / Оно остаётся людям, в солнцу подобных полотнах…*»;

«*Мой дед трудился весь свой век, / И были у него большие и сильные руки. / И много жилок на них, как на карте рек…*». (И. Алаева)

Да, вползает техникой цивилизация в тайгу. Такова реальность развития края – торжествующая, с грустинкой:

«*Ханты щурится в новом доме, / Добротою лучится взгляд…*»;

«*И олени пятятся, косясь, / Увидав крылатого коня…*». (М. Шульгин)

Вхождение в целинную, обильную, нетронутую и непуганую природу человек тоже воспринимает как праздник души:

«*Вот улов – моторам даже жарко! / У ребят чубы черней тайги, / Бронзовые, волевые лица…*»;

«*И почёт, и слава рыбакам, / Что сегодня вышли на путину…*». (М. Шульгин)

Категоричность суждений сродни стремительно развивающемуся времени:

«*Я живу непреложной суровостью века:… /…«Накажи!..*»

«*Кто со мной не согласен? / Приди, докажи!..*».

И тут же другая сторона той же души:

«*Не торопитесь осуждать… /…Слишком сложен мир людской…*». (В. Обозенко)

И балансирует на тонком стальном канате человек в небесах, работник честнейшей отдачи всего себя делу, с местом в сердце для размышлений о смыслах, о жизни, имеющий смелость ставить вопросы ребром.

И вот очередное неожиданное присоединение времени, своего к незнакомому, пятидесятиградусному, но тёплому, резкому, бескомпромиссному, понятному, идейному. На таком фоне однозначнее высвечиваются «бугдачи» – карьеристы и собственники, которые эти идеи и высочайшие задания используют в личных целях, переступая через людей, судьбы человеческие ни во что не ставя. Но в противовес – другой человек, Сергей Бороздин не может уснуть, чувствуя, что что-то забыто, не сделано за день… и это оказывается несказанное «спасибо». Это так необходимо – внимательно всмотреться, вслушаться хотя бы в обозримо давнее время, чтобы сравнить порядочность и нравы с сегодняшними. (Т. Юргенсон «На излучине Меги и судьбы».)

Вроде бы обыкновенная женщина эта Анна Васильевна, «не при должностях», а полёт – орлицы. Всё замечает. Где окажется – там помощь и решение проблем. Внимание каждому уделит, похвалит.

От людей же досталось незлобное, почти любовное, но не слишком почтительное «электровеник». И монолог-вопрос из самой глубины «Вот, всю жизнь, считайте, проработала и – ничего! Зайдите к нам: пусто! Всю жизнь – зря,

получается?..». Нет, не зря. Такими женщинами – общество и земля держатся. (В. Козлов «Электровеник».)

Сборник «В ритмах сердца» появился в юбилейный год Победы в Великой Отечественной войне и может считаться своеобразной юбилейной литературной медалью родному Мегиону от мегионцев. В сборнике в разные годы с 1967 по 2025 в этой земле сибирской просиявшие простые да не простые люди оставили своё наследие. Именно страницы книг помогают хранить честную память и воспламеняют в уставших сердцах и зарождают в сердцах молодых чувство патриотизма и любви к родной земле, к её истории и судьбам.

Воспоминания и эмоции, исторические поиски и сегодняшние острые вопросы и события стоят в один ряд вне времени, актуальные и безотлагательные в выборе и действиях. Каждая победа начинается с ежесекундными победами над своим разумом, над своими страхами, над видимыми и скрытыми всё новыми технологиями врагами. И нет у нас права забывать эти факты, не учитывать на что они были способны тогда и сейчас. Ведь история – это не только события давних лет, а произошедшее и минуту назад и сотворяемое сейчас:

«*Поддерживаемые картечными залпами русские солдаты снова полезли на гору. Эту штыковую атаку неприятель не выдержал. Телятьев со своим взводом успел достичь окопа, перепрыгнул через него и кинулся к знамени, водружённому над бруствером, но, уже схватившись за древко, получил сильный удар саблей под колено. Споткнувшись, упал на чьи-то тела, заметил, как за это же знамя теперь дерутся с персами его егеря…*». (Е. Гостева, «Стрекозка Горгона».)

«*Услышала: «Война! Началась война!» «С кем?» – выдавила я из себя, полагая, что на нас напала Япония. «С Германией! Немцы напали!» – услышала я в ответ, сползла с трактора и упала без чувств. С Германией у СССР был пакт о ненападении, ждали войну с Востока…*». (В. Шлябина, «Юность, опалённая войной».)

«*Видел, как листва, ещё зеленая, / Падала под пулями в войне…*». (Н.Черняев)

«*Чтоб не было войны, / Чтоб в счастье люди жили, / Но беды нас, увы, / Так жить не научили...*». (Т. Адартасова)

«*ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ВСЁ ЖИВОЕ СПАСШИМ – СЕБЯ НЕ СПАСШИМ». Как будто эти слова что-то восстанавливали в памяти из тех лет. Вроде и не было меня в те годы, но это что-то тоненькой острой иголочкой постукивало в мозгах…*». (А. Пикалов, «1943».)

«*Слово было источником силы, / Богатырской славы бескрайней… / А теперь – вместо правды – кривда. / Ты славянам теперь чужбина?..*». (Т. Юргенсон)

«*То былинное прошло время, / Вновь змеиное взошло семя… / Было ль, не было ль когда счастье? / Вонь, да копоть вновь глаза застит…*». (Е. Гостева)

«*А в небесах всё те же журавли / Летят в века, / Уже в парадном строе…*». (Л. Берлев)

За очень короткое время эта книга стала мне родной. Ожидаю её в бумажном воплощении, чтобы прикоснуться не только сердцем, но и руками и, прикрыв веки – узнать те «глаза-в-глаза», раствориться в них и поблагодарить…

За подсказку:

«*Мир меняет обличье. / А это значит и мне придется. / Поменять свою шкуру на шкуру с другим окрасом…*» (А.Булкин;)

за надежду:

«*Так радуйся тому, / Что у тебя есть повод оглянуться, / Убавить шаг, открыть глаза, очнуться, / И в суете не пропустить Весну…*» (А. Булкин);

за честность:

«*Давай просто снимем маски? / – Снимем? / – Да, как провода оголённые! Только... / – Что только? / – Я могу исчезнуть*» (И. Кулаков);

за глубину:

«*Только знающий, промолчит как по нотам...*» (И. Кулаков);

за боль:

«*Со стороны Европы – рать, / Владея вашими умами, / Нас, братьев, сделала врагами…*» (Л. Берлев);

за красоту:

«*Тайна – хрустальная, Север – бескрайний! / И я о Югре эту песню пою!..*» (Л. Хомутова).

Оголёнными, чистыми, философствующими, задушевными, исцеляющими – звучат «Мимолётности»:

«*Служение Богу и людям даже неживые строения делают долговечнее, особенно когда в них поселяется истинная вера…*»;

«*Только корни позволяют выстоять дереву, только семья и род позволяют человеку чувствовать себя человеком, а не оторванным от мира неопознанным Нечто…*» (Т. Юргенсон).

Чтобы повествование стало родным, мало сюжетов и образов. Обязательно должна быть «печать», формула, то, что сказано лично для тебя. «*Случайное событие, ничего не значащий пустячок сопровождает тебя всю жизнь…*». Начинаешь замечать чаще и свои, незаметные, «опорные» пустячки, чтобы «*задержаться в памяти подольше…*». (А. Филановский, «Филиграни или… Не просто так».)

Сон Тамары «*Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает во враждебную тёмную воду, не даёт дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие её силы...*» не такой уж и сон. Ни от родных, ни от бывших близких поддержки нет и не предвидится. А пришла беда. Чужаки посягнули на святое – семью. Значит, надо самой стать и быть значимой силой, которая может защитить! Недолго думая, Тамара уже действует. (С. Луцкий, «В Усть-Сабун и обратно».)

«*Всегда Великая река Обь здесь текла. А как иначе могло быть?... Сам Ими-Хили – сын Торума, живущий в золотом чуме, в полуденной стороне в светлом бору, научил людей рыбачить да охотничать. Озеро большое чудесное людям подарил… Но вот не всем оно даётся, не всем открывается…*». (В. Михайловский)

Так начинается северная легенда по мотивам мифов народа ханты о священном озере, расположенном в самом центре Земли. Издана и отдельной книгой легенда «Три тайны Самотлора» В. Михайловского, иллюстрированная известным художником А. Мухаметовой в авторской технике с использованием нефти с того самого Самотлорского месторождения.

«*Перебитое сердце стонало, / И опять уходило во тьму. / Накипевшие слёзы глотало, / Задыхаясь тихонько в дыму. / И из страшного тёмного мрака, / Поднимали её не спеша. / Всё решали: волчица, собака? / Ошибаетесь – это душа!..*». (А. Мухаметова)

«*Когда мне хочется поплакать – / Я силюсь!.. но глаза сухи. / Не то, чтоб чувства так туги, / Но!.. слёзы – в душу рвутся капать...*». (А. Шнеур)

И всё. С этими строками можно долго стоять, ошеломлённо понимая себя чуть больше…

Россыпи – месторождение полезного ископаемого, почвенный пласт, содержащий зёрна или кристаллы полезных минералов. Некоторые из синонимов: скопление, запас, собрание (Словари). Так и есть. «Россыпи» – мерцающие мысли, смыслы:

«*Мегион – это зимние россыпи Алых ягод рябины в снегах…*». (Ю. Смирнова)

«*Поэтов измеряют нервами, / Гвоздями вечного / Проклятия. / Поэтам чуждо мироздaньице / где есть помост / И есть подножие…*». (А. Мичурин)

Открываю главу «Прекрасное дыхание молодости». Встречаю два знакомых имени: Любовь Бобылева и Ольга Юргенсон-Линкер. Предвкушаю… От Любови всегда жду её удивительных замыслов, ассоциаций и правды:

«*Решимся ли быть счастливыми, / Когда все шипят: «Не смей!»?..*»;

«*Тайны? Да нет, всё открыто, просто... / Знаете, я отвечать устала. / Для переплавки много вопросов, / А для любви и не те, и мало…*».

И от Ольги сюр-приз! В её «Инструкции…» вроде всё логично и в рамки традиций укладывается, но «по ту сторону» точно не ожидаешь ни человеческой речи, ни их милого общения с реальными людьми, чем приоткрывается тема-табу. И к завершению рассказа, написанного с иронией и лёгкостью, ты уже, так сказать, социализирован и там. Сакральность здесь не принижается, наоборот, возводится в степень жизненности. Это парадоксально, возможно – неотъемлемо, но тоже прекрасно.

Как и творчество новых для меня имён в этой главе.

А теперь я попала в детский мир. Отошли проблемы и тревоги, стало легче дышать. Чистые образы птиц, бельчат и скворечника, большой лужи, солнца, ерша и ежа, Друга, пузырей, весёлых воробьёв, черепашонка, маслёнка, дождика, весны, ящерки, черёмуховых лепёшек, червячка, кедрового зёрнышка и даже имени! – способны на это.

Книга ещё не дочитана, а мысли возвращаются к разным страницам, полюбившимся строкам и ставшими близкими героям произведений. Несмотря на серьёзность тем, книга воспринимается общим праздником, и конечно, рождает чувство уважения и гордости. И появляются новые душевные силы от общения с этими людьми – авторами разных лет и столетий, с богатством их пространств.

Личная жизнь и опыт каждого и есть История – поимённая, великодушная – как в «Тихих шагах истории». Они документальные. Ни одного слова ни убрать, ни смягчить… Что это были за люди?! Что за сила держала их в этой жизни, не лишая человечности?! «Ореховские переселенцы» и «Васюган и «враги народа» Л. Кашиной трудно перечитывать. Репрессии… Обвинения за умение работать… Напрашиваются слишком болезненные, актуальные вопросы... Здесь всё – с лишком:

«*…много веков пройдёт, копнут археологи эти места и будут ломать голову, что за природные катаклизмы свели воедино и уничтожили столько русских людей. Никому и в мысль не придёт, что это деяния их собратьев…*». (Л. Кашина)

«*Свет догорающего костра подсвечивал снизу лицо старика, делая его ещё более древним... …И словно подтверждая это, дедушка рассказывал нам, как он в юности ездил по монастырям в поисках невесты, играл на гуслях, видел на фронте императора Николая II… …бережно развернул ткань – и в старческих руках оказался ржавый кусок кованого металла: подкова – всё, что осталось у Николая Фёдоровича Удачина от старой России, когда о нём говорили с почтением: хозяин!..*». (Д. Шлябин)

«*Мой дед, Чамалетдин Хамидуллович Хамидуллин, известный среди односельчан как Дед Чамака, родился в 1894 году… Мы знали, что он был на войне. Знали, что вернулся с одной рукой. Старались не расспрашивать о тех годах… по крупицам складывался образ войны. Жестокой и страшной войны… Уже, будучи опытным разведчиком, дедушка понял, что у каждой разведшколы была своя специфика, свои плюсы и минусы, но самыми стойкими и надёжными слыли сибиряки…*». (Р. Ибраева)

«*Но в этот праздник у взрослых мужчин свои разборки. Если кто-нибудь за год сделал много плохого, то его Маленчик (так звали Ивана Ивановича Вавина за его большой рост и великую силу) обнимал и говорил – хороший ты мужик, все мы*

тебя полюбили, дай-ка я тебя пожалею, и сжимал его как удав. Рядом стояли мужчины, чтобы не вздумал кто заступиться. Но это делалось справедливо от имени большинства жителей…». (Н. Черняев)

Проехав по территории России от Екатеринбурга до Сургута (плюс три часа) ловлю стойкое желание, не откладывая, купить билет на поезд и так же душевно и расслабленно, ехать и ехать… подмечая «куда делись мужики», «легально уединяясь» вслушиваться в чужую жизнь, волею РЖД прикоснувшуюся к тебе на несколько часов, и принимая «чай в постель». Путешествия с Эльвирой Ганеевой удались! А описанные языком добродушным, занимательным и поблёскивающим живыми «золотыми и серебряными чешуйками» – и запомнились как свои.

Мэтры о мэтрах – это «Взгляд со стороны» и завершающее сборник Слово мастеров. Глава, ставшая для меня «взглядом из глубины». Она активно требует ещё и ещё прочтений произведений сборника, т. к. не все они за время моего знакомства с книгой успели развернуться во всей своей значимости. Это говорит о статусе «настольной Книги», которая настолько разнопланова по темам и временам, что каждый найдёт там соответствующую своему душевному состоянию подсказку, подтверждение или поддержку. А гордость за страну и каждого, составляющего страну, память об обычных, но легендарных судьбах и эпохальных событиях как проводник к своей памяти и оценке незамеченного или забытого – тому подтверждение.

С благодарностью автору этого грандиозного проекта
Татьяне Юргенсон и всем помощникам,
участникам, поэтам и писателям сборника
«В ритмах сердца».

Маргарита Сладкова,
член Союза писателей России

Точка опоры

Павел Миронов

Ответ

Дорогая, милая моя,
В строчках задушевной переклички
Ты журишь меня за то, что я
Жить уехал «к чёрту на кулички».

Ты мне пишешь: даже и врагу
Не желаю, мол, пути на Север,
Где не зреет хлеб, а на лугу
Не цветёт, как в Подмосковье, клевер.

Где ветров неистовая звень
Поднимает яростные вьюги
И, слыхала, даже деревень
Не найдёшь на сотню вёрст в округе.

Не грусти, о сыне не болей.
Я тебе отвечу без утайки:
Здесь морозы псов свирепых злей,
А весной гулять не выйдешь в майке.

Но, заехав на далёкий Вах,
Я от жизни здешней не в уроне,

Да, какой невиданный размах
Новь взяла здесь в северном районе.

Северным стихиям вопреки,
Все опровергая кривотолки,
На земле чудесной вдоль реки
Новые рождаются посёлки.

Вот в краю лесов, в краю воды,
Где скупы весенние зарницы,
Сын твой строит детские сады,
Ясли, клубы, школы и больницы.

И пускай не в городском саду
Я в досуг гуляю по дорожке,
А по кочкам вечером иду
В клуб колхозный на призыв гармошки.

Любо в голубые вечера
Слушать лебединые напевы
И смотреть как в поле трактора
Поднимают землю под посевы.

А вдали сверкают за рекой
Молнии – электросварки вспышки,
И плечами небо высоко
Приподняли буровые вышки.

И поверь: пройдёт немного лет
Партией намеченная строго
Здесь в коммунистический рассвет
Будет нами сделана дорога.

1960

Клад

Ночь, как дёготь, ветер жгучий
И пурга – кромешный ад.
В эту ночь в тайге дремучей
Отыскали люди клад.

Клад богатый, но не груды
Самородков золотых,
Не алмазы-изумруды
Засверкали в добрый миг.

Не сиял он семицветьем
Словно радуги дуга,
А добротною чернедью
Красил белые снега.

Людям робы вдрызг измазал,
Рук и лиц не пощадил,
Но от радости – чумазый
Каждый козырем ходил.

Хоть от устали шатались,
Хоть и был полночный час,
Люди пели, обнимались
И пускались даже в пляс.

– Лишь бы клад давался сразу
Вот такой, какой сейчас
Я бы век ходил чумазый
Всем девчатам напоказ!

Смех и шутки-прибаутки –
Значит, счастлив человек.
Золотые те минутки
Не забудутся вовек.

Целовалися до боли
И забыли люди вдруг
И кровавые мозоли
На ладонях грубых рук,

И колючие метели,
И морозы – в пору плачь,
И бессонницу в постели
От проклятых неудач.

Прочь из памяти, что было!
Клад нашли такой. Краса!..
Буровая вышка била
Буйно нефтью в небеса.

Весеннее

Озадаченные рокотом бульдозера,
Песнями и говором людей
В синем небе, над таёжным озером,
Кружит с криком стая лебедей.

Опытный вожак в недоумении:
Озеро в орнаменте болот.
Как оно знакомо, тем не менее
Лебедь отчий край не узнаёт.

Где же та берёзовая рощица?
Ведь она за саймою была?
А вон там, где алый флаг полощется,
Вёснами черёмуха цвела.

Все места родные стали странными:
Оттеснив от озера тайгу,
Буровые вышки великанами
Встали на замшелом берегу.

А вокруг звенит, гремит неистово
Вой сирен и скрежет гусениц.
И взлетают сполохи цветистые
Резких, ослепительных зарниц.

И кричу я вожаку с улыбкою:
– Милый лебедь, сердце не тревожь,
Не считай, пожалуйста, ошибкою
Если край родной не узнаёшь!

И прости, что мы гнездовью летнему
Помешали, но печаль убавь,
Это мы по плану семилетнему
Строим здесь счастливой жизни явь!

Прочитал вождя я телеграмму

Прочитал вождя я телеграмму.
Нету слов о чувстве рассказать.
На его портрет смотрю, и прямо
В душу мне глядят его глаза.

– Говори, – мне мнится, – шепчет Ленин, –
Как сумеешь, я не укорю.
– Не пришлось мне быть на Челекене, –
Ильичу, волнуясь, говорю.

А дела, судить коль по газетам,
Впрямь на Челекене хороши.
Только, вы простите, не об этом
Расскажу, родной, вам от души.

Расскажу я о моём посёлке,
Что стоит в Сибирской стороне,
О котором радостные толки
Разгулялись аж по всей стране.

Мой посёлок нынче знаменитый.
Говорю о нём я без прикрас.
Здесь, Ильич, недавно нефть открыта –
И такой в земле её запас!

Заявляют смело инженеры:
– Нефти здесь – не выкачать в сто лет –
Ну, а инженерам у нас вера:
Никогда у них просчёта нет.

Мы её, родной Ильич, добудем
Всем невзгодам, бедам вопреки.
Этому порукой наши люди:
Москвичи, казанцы, туляки.

Ваши все, Ильич, родные дети,
Крепкой хватки, зоркости большой.
Мы за счастье Родины в ответе
Перед вами телом и душой.

Я не знаю, как на Челекене
У нефтяников идут дела,
А у нас в ночной сегодня смене
Нефть очередная скважина дала.

Так хлестнула – небо закачало,
Задрожала ширь земной груди.
А ведь это доблести начало –
Трудовая доблесть впереди.

И в труде никто из нас, я знаю,
В трудный час не склонит головы.
С нами наша партия родная,
Партия, а значит с нами Вы.

Крылья

У меня есть крылья, и по жизни
Гордый и весёлый я лечу.
С ними радостно мне жить в Отчизне,
С ними в жизни всё мне по плечу.

У меня есть крылья, и, поверьте,
Если эти крылья враз отсечь,
То потеря равносильна смерти.
Эти крылья должен я беречь.

Мне без них ни радости, ни счастья,
Светлый день без них – сплошная тьма,
Мне без крыльев в ведренность – ненастье,
Мне без них весна-красна – зима.

С ними я осилю все невзгоды,
Путь осилю – будь он трижды крут.
С крыльями меня не старят годы.
У меня есть крылья – это труд.

Моя цель

Издавна я с пилой и рубанком дружу,
По душе аромат мне сосновой смолы.
Неспроста ремеслом я своим дорожу
И добротные лажу шкафы и столы.

И когда на карнизе я режу узор,
То мечта моя птицей летит в облака.
Я хочу, чтоб рисунок мой радовал взор
И, как песня хорошая, прожил века.

Не с корыстной я целью мечтаю о том
И не ради похвал в работе я крут.

Я строгаю, пилю и долблю долотом,
Чтобы радость принёс человеку мой труд.

Когда вижу я: вещь водворяют в жильё
И владелец обновке поистине рад,
Вдохновенье глядит на искусство моё.
Для меня его радость превыше наград.

Этой цели всю жизнь я служил и служу,
Отдавая и сердце, и разум труду.
Потому, знать, я с песней по жизни хожу,
Потому, знать, и дело со мною в ладу.

Новоселье

Звенит заливисто баян,
Бурлит в избе веселье.
Мой друг-товарищ дед Иван
Справляет новоселье.
Иван немного под хмельком
И занят разговором,
Но нет да нет, тайком, мельком
Окинет избу взором.
Янтарной накипью смолы
Ещё искрятся брёвна.
Добротно крашены полы,
Карниз протянут ровно.
Печь из калёных кирпичей
И светлые оконца,
Электролампа в сто свечей
Сияет, словно солнце.
Сидят с Иваном за столом
Его друзья и дети.
Сын Афанасий – агроном,
Механик – младший, Петя.
А вон к гармонике приник
В рубашке с алым кантом

Внучонок Коля, ученик.
Тот метит в музыканты.
И музыкантом быть ему,
Старик уверен в этом,
Он знает, ныне никому
На счастье нет запрета.
И он, таёжный старожил,
Решил друзьям поведать
О том, как в молодости жил,
Что довелось изведать.
И вот, сказал он, много лет
Я знал одни напасти,
А счастье увидал я, свет
Лишь при Советской власти.
А раньше в зной, в мороз, в пургу
Охотился, рыбачил,
Облазил реки и тайгу
В погоне за удачей.
Ловил и стерлядей, и щук
И зверя бил немало,
Но вся добыча дюжих рук
В чужие уплывала.
Купцу за сеть, за острогу,
Бывало, дай собольку.
Отдашь, и всё же ты в долгу,
Купец смеётся только.
Чиновник царский и шаман
Где силой, где обманом,
Как шкурку, вывернут карман
У остяка Ивана.
А что в лачуге! Чад и смрад.
Мокреть, чуть дождик брызни.
Остяк был смерти больше рад,
Чем той проклятой жизни.
И я до нынешнего дня
Знал только бы напасти,
Когда бы Ленин не поднял
Народ на бой за счастье.

И счастье это наяву,
Я крепко им владею,
Восьмой десяток лет живу,
А сердцем молодею.
И труд любой мне по плечу
Мы с ним неразделимы.
За всё спасибо Ильичу
И Партии любимой!

Небылицей назовут

Самолет летит, и в памяти
Воскресает у меня:
Мчит подвода в снежной замяти,
Колокольчиком звеня.
Впереди прохожий, веха ли —
Не рассмотришь за пургой.
Сколько вёрст, ямщик, проехали?
Чёрт их мерил кочергой!
Путь лежит ломнём, высоткою,
То свернёт на реку Обь.
От озноба зубы чёткую
Выколачивают дробь.
А пурга во всю куражится,
Всё вокруг белым-бело.
Да когда ж оно покажется,
Долгожданное село?
И лицо от ветра прячу я.
Эй, Серко, быстрей скачи!
Чаю, чаю бы горячего,
Да погреться на печи!
Так с морозами, метелями,
Надрывая кашлем грудь,
«По верёвочке» неделями
Совершали люди путь.
Быль вот эту небылицею
Наши внуки назовут.

Самолёт гудящей птицею
Прорезает синеву.

Мегион

Мегнон мой, Мегион,
Я не сказку-вымысел
О тебе, мой Мегион,
Правду в сердце выносил.
Помню я, каким ты был
В тихой неизвестности,
До сих пор я не забыл
Дикие окрестности.
За рекою ширь – луга
С буйною осокою,
А по взгорью бор-тайга.
Как стена высокая.
По утрам в разлив зари
В вешнее раздольице
Токовали глухари
Прямо у околицы.
Полтора десятка хат
Прятались под кедрами,
А земля хранила клад.
Недра были щедрыми.
Закрывали клад тайги
Голубые пологи.
И пришли под свист пурги
В Мегион геологи.
От зари в до зари
Шла работа слаженно,
К сердцу матушки-земли
Пробурили скважины.
Застучали топоры
Хрястко от старания.

И вдоль Меги, вдоль горы
Вырастали здания.
И посёлок стал хорош,
Городской наружности.
За полдня не обойдёшь
По его окружности!
О тебе пою любя,
Мегион разбуженный.
Ныне все зовут тебя
Северной жемчужиной.

Рыбачка

Ходит плавно, словно пава.
Брови крыльями вразлёт.
И о ней большая слава,
Слава добрая идёт.

Смехом взгляд её завьюжен.
Смуглолица и стройна,
На рыбалке в зной и в стужу
С песней трудится она.

Никогда у ней со словом
Не расходятся дела.
Вот опять она с уловом
К нам на базу приплыла.

– Принимай! – и улыбаясь
Стёрла пот руки ребром.
Рыбья спинка голубая,
Отливает серебром.

– На добычу нет обиды.
Гляньте – нельмы хороши.
Кладовщик видавший виды
Только крякнул от души.

На рыбалке

Тумана пологом белёсым
Укрылась сонная река.
Блесной серебряной над лесом
Луна ныряет в облака.

И густо, словно мелкой дробью
Осыпан звёздами зенит.
И тихо-тихо. Лишь над Обью
Рыбачья песенка летит.

Давным-давно окончен ужин,
В костре дотлели угольки,
Уж стало росно и к тому же
Устали крепко рыбаки.

И не далече до рассвета –
Опять за невод рыбакам,
Но не до сна, по всем приметам,
Ни молодым, ни старикам.

За крутояра серой глыбой,
В укромной заводи реки,
Стоят наполненные рыбой
Смолёные неводники.

Знать, потому сердца тревожит
Всю ночь нам песенная звень,
Что день опять недаром прожит,
И будет счастлив новый день.

Не уйду!

Прохожу по улицам посёлка,
По дорогам ровным, как струна,

И пою я песни без умолку
И от счастья хмелен без вина.
Всё мне здесь давным-давно знакомо.
Здесь я первым новосёлом был.
И, пожалуй, нет такою дома,
Где бы я руки не приложил.
В этом доме я навесил двери,
В этом – рамы изготовил сам.
Ну, а тут, я больше чем уверен,
Лазил самым первым по лесам.
И смотрел с лесов на край таёжный,
Без улыбки вспомнить не могу,
Как твердил: да жить тут невозможно,
Всё равно отсюда убегу.
А в ответ тайга шумела глухо,
Словно говорила мне в ответ –
Ну, желаю ни пера, ни пуха.
Малодушным здесь удачи нет.
И тогда я кедрам, соснам русым
Во всё горло яростно кричал:
Никогда я в жизни не был трусом,
Все невзгоды грудью я встречал!
Не уйду! и с твёрдым убежденьем,
Слушая моторов голоса,
Сам себя стыдил за наважденье,
Лез упрямо снова на леса.
А посёлок рос без передышки,
И вокруг свершались чудеса –
Вырастали буровые вышки,
Поднимая плечи в небеса.
Потому, знать, счастье-хмель по жилам
Буйно бьёт, что сердцем был я крут.
Потому, знать, местным старожилом
С уваженьем все меня зовут.

Геннадий Барнев

Где начинаются дороги

Вот она буровая! Стальной пятидесятиметровый гигант, опоясанный лентами деревянных переходов, ревущий мощными дизелями, отфыркивающийся дымом, грохочущий лебёдкой. А вокруг, едва достигая ему до колена, удивлённая, оробелая тайга с острыми шишаками елей, лохматыми чубами кедров, аккуратными метёлками сосен.

Крутые шаткие лесенки взбегают прямо в поднебесье. Унылая и вместе с тем величественная картина открывается с верхней площадки. Слева от буровой – дорога, разлинованная глубокими колеями, похожая на большое и грязное полотенце, то ли случайно, то ли нарочно, но брошенное так, что один конец его обвился вокруг буровой, а второй, изогнутый и измятый, затерялся у ног деревьев.

За дорогой – жиденькая тайга, сменяющаяся обширными лугами; далеко, у самого горизонта, узенькой полоской угадывается Обь. С двух других сторон буровой – та же чахлая болотистая тайга, поблёскивающая голубыми глазёнками небольших озёрц. Только справа – тайга сплошным клином уходит к самому горизонту. И куда ни глянь – ни единой фабричной трубы. Да что там трубы!.. Ни единого жилья, ни единой живой души. Озёра, лес, болота... Неоглядный дремлющий простор... Унылый вид, глухой край. Царство комаров да болотной мошкары. Настороженное безлюдье, извечный сон. Сколько ещё десятилетий продолжал бы он спать, если бы геологи не нашли здесь нефть, богатейшие в Союзе месторождения?..

Внизу в грохоте и шуме работают люди. Вахту стоит смена бурильщика Александра Сергеевича Савельева. В смене всего шесть человек: один бурильщик, три помбура и два дизелиста. Бурение ведут то бурильщик, то его помощники Михаил Нечаев и Александр Климентьев. Бурильщики работают молча: не очень-то поговоришь в этаком шуме. Все объяснения – жестами.

Сейчас у рычага бурмашины сам Александр Сергеевич, невысокий кряжистый мужчина лет пятидесяти двух – пятидесяти четырёх, в брезентовой робе и сетке от комаров поверх старенькой

помятой кепчонки. Это по его воле ревут дизеля, поднимается и вновь опускается двухкилометровая нитка труб и где-то там, в беспросветной темноте, на глубине свыше двух тысяч метров, бешено вгрызаясь в неподатливую землю, вращаются шарошки бурового долота. Бурильщик не отрывает взгляда от смонтированного на щите индикатора нагрузки на долото. Стрелка прибора пульсирует. Она то ползёт к красной черте на шкале, то возвращается назад – ближе к нулю. Красная черта – рубеж, за которым начинаются предельные нагрузки. «Забуриваться» за неё – опасно.

Долото может не выдержать: сломается от непосильной нагрузки цапфа шарошки, упадёт та на дно скважины, и тогда попробуй-ка разбурить прочнейший сплав, из которого она сделана. Старый бурильщик немало знает таких случаев, когда по пять – шесть дней приходилось разбуривать злосчастную шарошку. Пять – шесть дней, чтобы пройти каких-нибудь десять сантиметров. Нет, надо быть осторожным. Не первый год работает. Как-никак с 49-го года, считай шестнадцать лет уже...

Мелко-мелко дрожит квадратная штанга, которая гонит трубы в глубь скважины. Где-то у самой красной черты лихорадит стрелку индикатора. А бур застрял и не идёт дальше. Два часа как началась смена, а бур не прошёл ни сантиметра. Что случилось в этой адской глубине? Может сломалась одна из трёх шарошек и непреодолимой преградой легла на пути своих сестёр? Может забарахлил турбобур? Может ещё непредвиденное... Как заглянуть туда? Наука не снабдила ещё бурильщика такими приборами, чтобы он в любую минуту мог знать, как чувствует себя долото, какая преграда легла на его пути...

Табун в 900 лошадей и его хозяева

Три дизеля, каждый мощностью в триста лошадиных сил, дрожат мелкой дрожью. Они напряжены до предела. Вращаются приводные ремни. Два мощных насоса с огромной силой гонят в буровую воду. 150 атмосфер! Тоненькая струйка воды, вырвавшись под таким давлением из шланга, может прошить человека насквозь. А сейчас под её напором глубоко в теле земли вращается турбина турбобура, размывается встречный пласт. А турбобур не идёт и баста...

Чёрный дым из шести выхлопных труб расстреливает подступившую тайгу. Вспотели медные лбы дизелей. Горячие вихри воздуха разгоняются по дизельной лопастями вентиляторов. Сильно пахнет соляром. Сюда не рискует залетать комариное отродье.

Молодой стройный парень в белом накомарнике, что-то колдующий над электростанцией. Это шеф-директор дизельной Борис Никоноров. Он потомственный дизелист и представляет второе поколение в роду Никоноровых, связавших судьбу с машинами. В разведочном бурений Борис уже пятый год. Был дизелистом на буровых Шаима, а теперь работает в Мегионской экспедиции. Борис учится на четвертом курсе Бугурусланского нефтяного техникума на механическом отделении. Мечтает после «податься» в институт, пока «капитально не обсемьянел».

Второй парень, с продолговатым подвижным лицом – Владимир Масленников, тот самый. С ним я познакомился ещё в дороге. Владимир спокойно расхаживает среди своего ревущего стада. Он то окачивает вспотевшие лбы дизелей, то подпаивает холодной водой из подведённого в дизельную шланга, то подкармливает их солярой. Владимир в Мегионской экспедиции работает первый год. Приехал сюда из-под Норильска. А ещё раньше – служил в армии, был механиком-водителем первого класса, так что с «лошадиными силами» знаком коротко.

Дизелисты обеспокоены тоже. Что там случилось у бурильщиков? Что решит старший? Савельев подал команду поднимать бур.

Подъём труб... Человеку, не знакомому с работой буровиков, трудно представить до чего это нудная и трудоёмкая работа. Нужно втащить и разобрать всю стальную в несколько тысяч метров длиной нитку труб, чтобы на самом конце её сменить долото, заменить бур. И потом снова смонтировать, и опустить. Сколько рабочего времени уходит на эту в общем-то пустяковую в других условиях операцию. А повторяется она каждые четыре часа, согласно техническим условиям.

Два Александра

Мне нравится смотреть, как они работают. Р-раз – и 94-килограммовая каретка лихо подлетает под стык показавшейся из сква-

жины трубы и заключает всю нитку труб в объятья замка; два-а – и тяжёлый механический ключ стопорит наружную трубу; три-и – ещё змеится резьба свинчиваемой, с помощью ротора трубы, а один из Александров уже тянет железным крючком за конец готовой вот-вот освободиться трубы. Труба освобождается, и второй Александр помогает первому отвести трубу на место, на специально для этого предназначенный настил. Бурильщик «майнует». Тяжёлая труба глухо тыкается в дощатый настил. А в это время верховой освобождает верхний конец трубы, и, пока ставит её в вертикальное положение, крюк лебедки с прикреплёнными к нему штропами уже скользит вниз. И-раз – летит в сторону каретка, на которой только что поднималась труба, два – железные штропы залетают в вырез первой каретки, три – вставлены стерженьки, предохраняющие штроп от срыва, и новые трубы ползут из скважины. Потом всё повторяется сначала. Две минуты на подъём и спуск.

Фамилия одного из Александров вам уже знакома. Это Климентьев. Он уроженец Тюменской области. В 1963 году сменил распространённую тогда на тюменщине профессию лесоруба на специальность буровика. Сейчас он уже помбур четвёртого разряда и на его счету около десятка скважин, в разбуривании которых он принимал участие. Некоторые из них дают промышленную нефть.

Другой Александр – паренёк лет семнадцати, с чистым доверчивым взглядом серых глаз – носит известную на тюменщине фамилию – Малыгин. Я сначала подумал даже, что он сын пли по крайней мере родственник того самого С. Л. Малыгина, о котором не раз писали газеты.

– Не-е, я просто однофамилец, – ответил Саша на вопрос о родстве.

Саша родом из Татарии. Учится там в городе Советске на четвёртом курсе техникума, на буровика. Почему он здесь?

– Практика у нас 14-ти месячная, – объяснил мне уже после смены Саша. Нас 32 человека из Татарии сюда на практику приехало. Всей группой. Были и другие места, конечно, но нас на Тюмень потянуло, потому что новое тут всё, только что начинается. Интересно. Опасались вначале, думали не возьмут всех в одно место, куда нас столько скажут. А в Тюмени в управлении совсем другое слышали: хоть ещё пять раз по столько приезжайте – примем. Ну вот и работаем. Кто в Шаиме, кто в Сургуте, а я вот здесь.

Саша самый молодой на смене. Он в три раза младше старшего бурильщика. А по трудовому стажу и того больше. Эта скважина четвёртая в его жизни. Но и жизнь у него-то только начинается.

Верховой

Высоко над землёй где-то на тридцатиметровой отметке, в люльке, похожей на аистово гнездо, примостился верховой Михаил Нечаев. Работа у Михаила не ахти какая сложная. Перегнуться через перила мостика, подхватить кожаным ремнём трубу подтянуть её к себе, освободить из каретки – вот и все дела. Выполняет её мастерски. Но эта работа выглядит просто только в летнее время, да и то на первый взгляд. А зимой, когда обледеняющий ветер пронизывает насквозь и ты весь коченеешь, надо быть гибким. Тут ой каким сильным надо быть, чтобы работать вот так, как Михаил.

И характер Михаила от такой работы изменился даже неразговорчивым стал: не с кем говорить. Михаил – ветеран бригады. Вместе с ней работал на Шаимском месторождении. Пробурил, считай, не одни десяток скважин. В буровой бригаде он пятый год.

Из двух университетов

Выползают и выползают из чёрной пасти скважины трубы. Время от времени из дверей вагончика, что рядом с буровой, показываются две девушки. Это тоже практиканты: Галя – студентка Саратовского университета и Надя – из Тюменского. Приехали они совсем недавно. Наверно поэтому и работа у них пока несложная: делать замер глубины скважины, что они выполняют быстро и точно, успевая между делом показать язык Саше Малыгину и посмеяться над чем-то одним им известным...

По-кошачьи и незаметно подкралась ночь. Вспыхнули над буровой весёлые огоньки. Бурильщики уже закончили подъём труб и теперь заменяли бур, который оказался неисправным. Чтобы не путаться у них под ногами и не мешать своими вопросами, тихонько поднимаюсь на верхнюю площадку буровой.

Глухая темь увязла в тайге, уже не различить ни отдельных деревьев, ни полян – всё превратилось в однообразное тёмное пространство без огонька, без звука. И только чуть белеет начинающаяся у буровой дорога. Дорога от буровой... Это символично, не правда ли? От буровой начинается дорога и молодого паренька Саши Малыгина, с буровой начиналась она и у Бориса Никонорова, и у Михаила Нечаева, и многих, многих других парней и девчат. Здесь начинается и дорога самой Тюменской области, дорога в большую промышленность. Уже сейчас со всех сторон приезжают сюда специалисты. Вот и девушки из крупнейших вузов страны на практику приехали, и Сашкины друзья из Татарии. А какие перспективы открываются перед областью! Миллион тонн нефти в 1965 году – это, так сказать, аванс «на карманные расходы». 45 млн. тонн нефти, будет давать Тюмень уже в 1970 году. А сколько в дальнейшем? Даже не верится, но вполне уважаемые специалисты утверждают, что в будущем Тюменская область сможет производить столько нефти, сколько её сейчас производится во всём Советском Союзе. Замечательные перспективы!

Я смотрю в ночь, обступившую буровую вышку, и вижу, как в глухой темени вспыхивают огни. И слева, и справа, и со всех сторон буровой огни, море огней, океан огней. И не тайга вокруг, не болота, а сверкающие неоном рабочие посёлки, города с асфальтированными улицами, мчащимися автомобилями, праздничными нарядными людьми. И в центре этого огненного фейерверка – буровая, на которой стоит вахту смена бурильщика Савельева. Одна из сотен буровых, от которых начинается дорога.

Мегионская экспедиция, 124-я скважина, 1964 г.

Инна Алаева

***

Весна меня переполняет нежностью
К тому, что жизнь она даёт,
Что тянется за солнцем, нежится,
И что без умолку поёт,
И что стрекочет в пьяной зелени,
Что дышит, борется, живёт.

***

Роден. Весна. Любовь к скульптуре.
Тела в объятье сплетены.
Застыли в мраморе фигуры,
Лета разнять их не могли.
Дано забвенье на минуту,
А длится целые века.
Как океан вселенской муки
Рождает скорбная река.
Они в безудержном порыве,
Их заковала в камне страсть.
Трагедия людского мира
Для них забвенью предалась.

Ван Гог

В его полотнах так много солнца
и много страсти,
Любви к искусству.
В них солнце буйным потоком льётся,
дробясь о землю, в ней утопая.
А он всё ходит с непокрытой головою
под лучами солнца, –

он хочет, чтобы солнце
ему позировать стало.
В глаза заглянуть светилу,
Поймать его голой рукой.
Но жить в обнимку с солнцем –
оно ведь жжётся…
И гибнет человек, а солнце остаётся.
Оно остаётся людям, в солнцу подобных полотнах,
где столько любви и страсти,
великой страсти к искусству.

***

Мой дед трудился весь свой век,
И были у него большие и сильные руки
И много жилок на них, как на карте рек…
И ровные, как застывший янтарь, ногти.

Микуль Шульгин

Мегион

Люди знают страну Мегионию.
К ней стремятся, покинув уют.
Там величественно и стройно
Буровые вышки встают.
Дизеля окутаны паром –
И морозище, ох, даёт!..
Рядом с опытным русским парнем
Старый ханты-оленевод.
Он приехал из древней Меги,
В молодой, как Танья, Мегион.
Человек идёт к человеку
Наяву сбывается сон.

Ханты щурится в новом доме,
Добротою лучится взгляд...
Осмелев, олени, знакомясь.
Обнюхивают дизеля...

** МЕГИОН — великанище (по-хантыйски).*

1966

Чудная машина

Командиру вертолета
МИ-6 Глухих Юре

Он послушен летчика руке,
С виду некрасив, сутул и тих,
Словно великан хантыйский Кев,
Поднял вдруг свирепый снежный вихрь.
И олени пятятся, косясь,
Увидав крылатого коня.
Улыбаясь, ты прибавил газ.
Поднял, будто пёрышко меня.
Чудная машина – вертолёт –
Строить помогла нефтепровод.
И сейчас буровикам везём
Важный груз в далёкий Мегион.
Облака белеют, словно снег.
Ветер яростно в винтах звенит.
А в тайге под нами яркий свет –
Новой жизни светятся огни.

Обские рыбаки

Сколько рыбы у нас на Оби!
В нерест просто руками бери.
А селёдки – слитки серебра.
Цепка гор – хребет у осетра.
А муксун, а нельма, так бела,

Как в сметане свежей побыла.
Ешь и не насытишься – так сладка!
Вот какая на Оби стерлядка!
Молодые парни – рыбаки
По реке проходят на бударках.
Тянут сети дружно из реки:
Вот улов – моторам даже жарко!
У ребят чубы черней тайги,
Бронзовые, волевые лица.
И любое дело у таких
Хорошо идёт, как говорится.
Трудятся как надо – от души.
К вечеру занюют сладко спины...
Вы ведь ели, правда хороши
Нельма и муксун, и осетрина?
Говорят спасибо рыбакам
Люди, выходя из магазина.
И почёт, и слава рыбакам,
Что сегодня вышли на путину.

Перевёл с хантыйского
Н. КАСЬЯНОВ.

Владимир Обозенко

Стихи о тревоге

Как неизбывно пишется ночами,
когда земля,
ворочаясь меж звёзд,
ещё свежа
и словно изначальна
с белёсыми туманами берёз.
Усталая, степенная планета
с сократовскими лбами площадей

и с трепетом неонового света,
и с табунами чутких лошадей.
Стоят дома с подъездами пустыми,
висят мосты
над тишиною рек.
Отроги гор с уступами крутыми
свой вековой попридержали бег.
Затихли сосны,
замер цепкий вереск...
Земля ночная,
как спокойно мне!
Спокойно кряквам,
вышедшим на берег,
и матерям, забывшимся во сне.
Но день идёт
через поля и прясла,
через листву комолых тополей.
Уже звезда последняя загасла.
Восходит солнце над землёй моей.
Она встаёт
размеренно и трудно,
день принимая новый на порог.
И тишину
сменяет голос трубный
ещё живущих на земле тревог.

Заповеди

I

Я живу непреложной суровостью века:
за проступок – любой –
накажи человека!
Накажи
за неубранный хлеб на полях.
Накажи за порубленные тополя.
Накажи
за небрежность.

За ложь
накажи.
Накажи
за оставленные рубежи.
Накажи!
И дурак себя выдаст, озлобясь.
Накажи!
Оробевший забудет про робость.
Накажи!
Не солжёт тебе прежде солгавший,
и насадит сады, тополя вырубавший.
Если хочешь добра на земле,
накажи!
Кто со мной не согласен?
Приди, докажи!

II

Не торопитесь осуждать,
старайтесь вникнуть
в суть порока,
спешите разум упреждать
волной душевного истока.
В крутых характерах людских,
в порывах странных
и мгновенных
ищите смысл сокровенный
переложенья дел мирских:
событий века,
тихих ссор,
звезды, упавшей за домами,
грозы с далёкими громами,
любви, не ставшей до сих пор...
Я не пророк,
в душе своей не проповедник
всепрощенья,
но слишком сложен мир людской,
и ничего нет тяжелей
напрасной меры осужденья.

Татьяна Юргенсон

На излучине Меги и судьбы

(главы из романа)

Глава 3

К разговору на повышенных тонах в кабинете Осипова прислушивалась вся контора. В кабинете у Литвакова, в котором было слышно лучше всего, неожиданным образом скопилось уже человек семь.

– ...Да что вы себе позволяете! – незнакомый, неприятный холодный тенорок чуть ли не перешёл на фальцет. – Вы обязаны выполнять распоряжения партии...

Голос Осипова был внешне спокоен, но твёрд до предела. Обычно Георгий Самуилович Арнапольский, главный инженер управления в таких случаях полушутя говорил: «Ну, всё, Борис, закусил удила». Сейчас, слушая перепалку, происходящую за стеной, вместе со всеми у Литвакова, он только ухмылялся. Его самого достал этот новый третий секретарь Нижневартовского райкома, некто Бугдач, своими бесконечными инициативами и требованиями, мол «Мегионнефть» должна и даже обязана...

– Партия поставила передо мной задачу организовать производство добычи нефти. Я этим и занимаюсь. А вот вы... просто позорите звание коммуниста.

Дверь кабинета громко хлопнула, по коридору послышались торопливые шаги, совершенно смазавшие попытку Бугдача оставить последнее слово за собой: «Я доложу Первому...». Молчания подслушивающих хватило на пару минут, а потом здоровый мужской смех заставил даже задрожать стакан с чаем на столе Литвакова. Правда, смех так же резко оборвался, когда в кабинет вошёл Осипов и окинул толпу задумчивым взглядом. Увидел Арнапольского, улыбнулся, и тяжесть предыдущей встречи просто истаяла.

– Георгий Самуилович, вы вернулись. Это хорошо. Что там Абазаров... – и повлёк за собой главного инженера. Остальные тоже уже

собрались расходиться по своим кабинетам, как Багрецов произнёс:

– Не легко придётся Борису Ивановичу. Этот Бугдач – сволочь ещё та.

Народ остановился, зашумел, требуя дальнейшего пояснения.

– Павел Васильевич, не томи, говори, в чём дело? Что знаешь?

Павел действительно знал уже не мало. В августе, буквально через неделю после издания приказа о создании нефтепромыслового управления «Мегионнефть» из райкома комсомола пришло напоминание, что в новом трудовом коллективе со списочным составом в семьдесят восемь человек почти половина – это молодёжь комсомольского возраста, а потому «необходимо в срочном порядке создать комсомольскую организацию на предприятии».

Собрание провели ещё через неделю, и кандидатура Багрецова, предложенная самим Арнапольским, была поддержана единогласно. Так Павел стал комсоргом. Он не рвался на это место, но как сын потомственного офицера был просто воспитан в традициях русской армии – получен приказ, оказано доверие, нужно хоть в лепёшку разбиться, а выполнить. Только обязательно при этом думать своей головой. Продолжает семейную воинскую династию старший брат, Пётр. А Павел выбрал профессию, связанную с его страстью к технике, чему очень была рада мама.

Бугдач в Нижневартовске появился месяц назад. По образованию – нефтяник, но по профессии, не смотря на свои тридцать семь лет, отработал от силы года четыре. Всё остальное время был руководителем по общественной линии – начинал с председателя подразделения профкома на одном из самарских предприятий, потом всего предприятия... Вверх по карьерной лестнице он даже не шёл, а вползал незаметно, но упорно. В общем-то не глупый человек, все свои явные и мнимые таланты он посвятил одному – быть руководителем, и чем крупнее предприятие, тем сладостнее его душе. Поэтому, когда в центральной прессе пошли публикации об открытии, а затем и добыче первой нефти в Мегионе, его особым образом настроенная натура нервно затрепетала, видя свой шанс. Уж путём каких интриг и провёрнутых многоходовок он добился своего направления в Нижневартовский райком партии распутать не удастся, но первая встреча с Бугдачем оставила у Павла неизгладимое впечатление. И очень, очень нехорошее.

– Он скользкий, как жаба, – невольное омерзение промелькнуло на лице Багрецова, хотя обычно таких проявлений он себе не позволял. – Карьерист и, как мне кажется, метит на место Бориса Ивановича.

– А куда смотрят в райкоме? – скорее возмущение, чем вопрос от невысокого, крепенького связиста Алексея.

– А куда им смотреть? Бугдач делает всё, чтобы его посчитали незаменимым, такую бурную деятельность развёл и всё через постановления да указания. В райкоме комсомола уже стонут от его руководящих действий. А придраться не к чему – он действует строго в рамках решений съезда партии, поделился своими наблюдениями Павел.

Дальнейшее обсуждение прервал Литваков, мол «поживём, увидим, а сейчас работать надо», и народ разошёлся. Сергей остался в кабинете, точнее после той первой поездки «в поле» на Баграс Владимир Уриелевич сам два месяца назад распорядился поставить в своём кабинете второй стол для Бороздина, увидев в нём хорошего помощника – умного, наблюдательного, с чёткой логикой. «Самое то для мозговых штурмов!» – так высказался он о Сергее в кабинете Осипова.

– Так что там, у Владимира Алексеевича? – повторил вопрос Арнапольскому начальник управления, когда они вошли в кабинет Осипова и плотно прикрыли за собой двери.

– Все документы по передаче буровых на Мегионском месторождении нам от геологов подписаны. Так что мы тут оборудованием чуть ли не на полмиллиона обзавелись, – начал рассказ главный инженер.

– Это хорошо, – задумчиво произнёс Борис Иванович. – Нам бы ещё на зарплату выделили, а то, нефть – давай, а как платить, так подождёте. Боюсь, что до нового года нормальной зарплаты народ не увидит. Я уже срочную депешу в Главк отправил… На свой страх и риск.

– А люди едут. У нас тут ещё более-менее спокойно, а вот что в Мегионе, – продолжил делиться новостями главный инженер. – Ты ж этот закрытый указ о направлении на места общественно-значимых строек в Сибири и на Дальнем Востоке бывших зэков знаешь. В Мегион прибыла партия в пятьсот... человек. – Арнапольский зап-

нулся на последнем слове, словно засомневался, можно ли бывших преступников именовать людьми, ибо и для него «Человек – это звучит гордо!» не было пустым звуком. – Какой это контингент, сам понимаешь. Так вот геологи с ними едва справляются. Владимир Алексеевич рассказал, как мужики на прошлой неделе двое суток выдерживали осаду вокруг женского общежития, охраняя от пришлых.

– Да-а, знаю, – протянул нервно Осипов. – Я тут в райкоме партии с первым практически разругался из-за этой партии каторжан. Высказал ему все свои сомнения. А он мне, мол, мы должны считать каждую народную копейку, да и воспитанием бывших зэков заниматься. Слушай, может наших в Мегион на подмогу отправить? У нас же молодёжь создала дружину правопорядка. Вот и поможем геологам немного, да и народ наш к Мегиону начнёт присматриваться. Рано или поздно нам там создавать свои базы.

– Наверное, можно отправить, – согласился Арнапольский, – всё равно сейчас не заняты добычей. Эх! Труба нужна.

– Нужна, конечно. В нашем министерстве, – и Осипов с усмешкой указал на потолок рукой, одновременно подняв глаза, как в молитвенном жесте, мол «молитесь и обрящете», – обещают строительство начать со следующего года, за зиму должны всё оборудование для стройки завезти. Да Владимир Уриелевич обещает закончить оконтуривание Мегионского месторождения уже к весне.

– Ну, он у нас в геологии – Бог! – со смешком одобрения оценил новость Арнапольский, направляясь к выходу. – Я вроде всё главное тебе рассказал. – Вдруг остановился возле самой двери, – Ты тут с Бугдачем поосторожнее – действительно премерзкий и скользкий тип, а не подловить пока. Ребята тут считают, что он под тебя копает. Очень недовольны этим, всегда тебя поддержат. И я всегда тебя поддержу. Только и ты постарайся сильно не нарываться. Хотя… Доведёт, я сам не сдержусь…

– Эх, время дуэлей закончилось, – с настоящей грустью в голосе, проводил своего главного инженера Осипов. – Жаль…

Разговор о нефтепроводе начинался уже не раз, и первыми о нём заговорили ещё геологи из команды Абазарова. И, не смотря на то, что уже три с половиной года фонтан мегионской нефти так же силён, как при первом выбросе, там, в Москве, находятся весьма авторитетные умники и среди партийцев, и среди учёных, которые

считают западносибирскую нефть делом бесперспективным и даже вредным для народного хозяйства. Противостояние с ними выматывало и Осипова, и Абазарова гораздо больше, чем суровые природные условия и первобытность бесконечных таёжно-болотных территорий. К этому неверию в сибирскую нефть прибавлялись голоса сторонников строительства на Оби новой ГРЭС, в результате чего рукотворное море может похоронить под собой невероятно огромную территорию, до нефти будет практически не добраться... И не только Осипова мучили сомнения – а не связаны ли позиции неверящих «умников» из Москвы и сторонников строительства между собой какими-то крепкими верёвками? От того, что это противостояние отзывалось на каждом работнике пока ещё малочисленного коллектива «Мегионнефти» в виде задержки оборудования, зарплаты, отсутствия жилья, похоже голова болела только у Осипова, Арнапольского и Литвакова.

Погружённый в невесёлые мысли, Борис Иванович подошёл к окну. Конец ноября, а зима уже недели как три давит морозами. Одно хорошо – лёд на протоках окреп, тяжёлая техника проходит, осторожно, но всё-таки. На другой берег Оби транспортировать буровое оборудование, конечно ещё опасно, но то, что полегче, начали перетаскивать. Фронт работы предстоит бесконечный. Мегионские геологи молодцы, прошедшей весной ещё одно неплохое месторождение нашли возле такой маленькой деревушки – Ваты.

Такие вот минуты спокойного размышления в этом кабинете выдавались очень редко. Обычно кабинет начальника управления был более похож на военный штаб – это сравнение неоднократно приходило к Борису Ивановичу, напоминая о его фронтовой юности.

– Борис Иванович, можно? – ну вот и закончились минутки тишины. Со своими выкладками пришёл бухгалтер. – Вы просили предварительные финансовые итоги года показать.

– Ну да, по добыче план-то мы перевыполнили почти в полтора раза, а вот что получат люди – хотелось бы знать. Особенно с учётом, что коллектив вырос больше чем в шесть раз…

Вечером уже дома, на квартире Анастасии Семёновны Павел и Сергей неожиданно для себя вернулись к разговору об утреннем посещении конторы третьим секретарём райкома. За прошедшую

пару месяцев молодые люди крепко подружились, находя друг в друге то, что более всего ценили – честность и крепость натуры, а также начитанность и образованность. Удивительное дело, но публикации в толстых литературных журналах могли вызвать у них не менее жаркий спор, чем какая-нибудь проблема на работе. В маленькой сельской библиотеке за короткий срок они стали чуть ли не любимыми посетителями, и дело не только в том, что каждый раз баловали девочек-библиотекарш конфетами и комплиментами, но и были, что называется «запойными» читателями.

Вот и сейчас, удобно устроившись полулёжа на своей кровати, Павел, который на этот раз выиграл первую очередь на прочтение нового номера журнала «Юность» у Сергея в шутливом споре, уже было открыл первую попавшуюся страницу в предвкушении, но замер на какое-то мгновение и медленно положил журнал рядом с собой.

– Знаешь, у меня всё не идёт из головы утренний разговор Осипова и Бугдача.

Сергей в молчаливом вопросе приподнял бровь в ожидании продолжения мыслей друга.

– Ведь всё, что мы делаем здесь идёт на благо страны. Согласен? Нефть нужна! И нужна всем! Вот представь, сколько её надо там, на совхозных полях или для полёта наших ракет в космосе, или для армии. Но что мы видим!? Находятся такие особи, которые за собственной личной выгодой ничего понимать не хотят. Почему? Откуда? Откуда берутся в нашей стране такие люди, которым личное застит глаза перед всем остальным? – Риторические вопросы Павел задавал нередко. Во-первых, потому, что его деятельная натура, кажется, даже во сне находилась в состоянии размышления, и мысли часто просто прорывались наружу, затягивая в свой водоворот каждого, кто оказывался поблизости. Во-вторых, он был уверен, что только через обмен мнениями и даже спор можно определить позицию любого человека и найти решение любой проблемы. Ну, или почти любой. Однажды чётко определив для себя, где находится его «правда», Павел оставлял за другими право собственного мнения и отстаивания собственной позиции. Именно отстаивания, доказательного, подтверждённого железобетонными аргументами. Тех же, чьи аргументы были слабоваты или вообще происходили из интересов собственно «особи», в устах Павла это слово звучало

презрительно и даже оскорбительно, Багрецов способен был в словесном поединке «уложить на лопатки».

Разговоры с Сергеем же часто помогали комсоргу оттачивать собственные аргументы, потому как жизненные принципы их практически совпадали, но интуиция и интеллект, которые сразу оценил в своё время Литваков, да ещё и наследственная интеллигентность, выпестованная несколькими поколениями учительской династии Бороздиных, делали Сергея потрясающим собеседником именно для Павла.

– Я никак не могу поверить в то, что человек, получивший высшее образование, не может дать адекватную оценку своим способностям… – продолжил Павел, взъерошивая волосы на затылке, как он делал всегда во время споров или размышлений вслух. – Вот возьми, например, нашего связиста – Алексея. Поёт – заслушаешься, но, как сам считает, что не дотягивает до большой сцены, а потому выбрал себе реальное дело. И, несмотря на то что закончил институт связи, не отказывается здесь быть просто связистом, потому что общее дело для него важнее, чем построение личной карьеры.

– Думаю, что долго рядовым связистом он не будет, – прервал своё молчание Сергей, откладывая в сторону, рядом с собой на раскладушку, своё «рукоделие» – прохудившиеся шерстяные носки, которые до этого пытался заштопать. – Ещё немного, и здесь тоже потребуется развитие собственной большой связи. Да она уже нужна. Как расползутся наши участки нефтедобычи по тайге, так и застонем мы без надёжной связи.

– Согласен. Зато, смотри, какой опыт он нарабатывает, свою теорию, полученную в институте, подтверждает практикой. И в итоге из него выйдет настоящий специалист, которому не страшно будет поручить и большое дело. А этот…

– Ты о Бугдаче?

– Ну да. Ведь если бы он по-настоящему работал, то, думаю, давно бы уже какое-нибудь большое предприятие возглавлял.

– Если бы он работал по-настоящему, ему скорей всего всё равно было бы, какую должность занимать, – убеждённо сказал Сергей.

– Да, ты прав.

– Нет, я не прав, – задумчиво опроверг себя Сергей. – Он – карьерист, а им, как мне кажется, вообще нельзя доверять руководство, хоть чем.

– Это в идеале, а на практике получается полная противоположность.

Замолчали. Сергей, которому по жизни пока везло больше, и он ещё не встречал таких типов, пытался понять самого себя, почему в нём живёт такое отторжение и неприятие некоторых качеств людей.

Павел же, не желая того, вспомнил одного аспиранта на своей кафедре физики, который лестью, хитростью и наглостью, просто выжил из института старого декана, умнейшего и старомодно честного человека, ветерана войны. Вся та история прошла как бы мимо него, студента-третьекурсника, но вот уход декана и всплывшие потом обстоятельства вызвали в нём бурю гнева, и он даже готов было набить морду зарвавшемуся карьеристу. Последнего от неизбежной драки спас только перевод его в другой институт, в другой город. Декан на работу так и не вернулся, сражённый инфарктом.

– Знаешь, – прервал молчание Павел, – я уже видел, как гнусная ложь и такое вот давление ломали, казалось бы, железных людей. Их нельзя было сломать ни пытками на войне, ни тяжёлым трудом… А вот человеческая подлость оказалась для них непреодолимой.

– Мне кажется, – Сергей посмотрел прямо в глаза другу, – у хороших, порядочных людей просто нет иммунитета против подлости. Я часто ставлю себя на место участников самых разных ситуаций, чтобы понять, а как бы сам поступил в том или ином случае…

– И-и-и? – заинтригованный Павел, даже встал с кровати.

– Иногда я просто не нахожу своего ответа, такого, чтобы позволял чувствовать себя сильным.

– А может ты просто не находишь свою правду?

– Нет. Я думаю, чувство Правды во мне воспитали крепко, и я не уступлю, отстаивая её. Но если дело затронет меня самого, моей личности… Я не всепрощенец, но мараться из-за чьей-то непорядочности и мерзости…

– И что бы ты сделал на месте Осипова? – Павел хитро улыбнулся, думая, что поставил друга своим вопросом в тупик.

– Просто работал, может быть ещё больше, чем работаю сейчас, чтобы не словами, а делом доказать свою правду, но постарался бы к минимуму свести всё общение с этим… – не подобрав точного слова в определении Бугдача, Сергей только махнул рукой.

– Да… Он действительно так поступит, но мне кажется, этого будет недостаточно…

Новость, поведанная Осиповым на расширенной утренней планёрке, на которую были приглашены все конторские, вызвала всеобщее большое оживление.

– На освоение тюменских богатств направят две тысячи добровольцев – демобилизованных после службы в армии.

– Ух ты!

– Да-а-а...

– А к нам тоже прибудут? – заговорили одновременно все радостно. Несмотря на то, что коллектив за два месяца увеличился в несколько раз, людей катастрофически не хватало.

– По разнарядке именно к нам должны приехать шестьдесят четыре человека...

– Девушек опять не будет. Жаль, – печальным голосом схохмил связист Алексей.

– ...И мы, – чуть повысив голос, чтобы вернуть внимание и тишину, Осипов продолжил, – мы должны обеспечить их всем – от работы до вилки с ложкой! Итак, у кого какие мысли? Давайте по порядку...

Обсуждение затянулось надолго. Жильё надо было строить и очень быстро, а строительных материалов несмотря на то, что вокруг тайга, было мало. Ну, не будешь же, в самом деле, рубить общежития из кругляка. А речники, которые должны были завезти всё необходимое за лето, со своими планами и обязательствами не справились. Вроде и по объективным причинам, но легче от этого никому не было.

Хорошо ещё, что смогли вывезти добытую с большим трудом первую нефть в Омск на переработку. Никто в стране не был готов к открытию такого огромного богатства, потребовавшего бесконечных сил на его добычу. Осознание и прочувствование собственной кожей всего масштаба и грандиозности предстоящего происходило здесь, на местах, среди тайги и непроходимых болот в маленьких посёлках.

– ...Ну, молодёжь, что скажешь? – В разговор давно вступил Арнапольский, своими точными, ироничными, а порой и едкими замечаниями управляя ходом всего разговора. Ему, как главному инженеру, конечно хотелось, чтобы первоочередное внимание было уделено обустройству самого месторождения, чтобы процесс добычи был отлажен и шёл, как часы, без сбоев. Но и необходимость развития жилого посёлка тоже была насущной.

И потому, Георгий Самуилович вынужденно тормозил свои порывы отстаивать приоритет обустройства месторождения, от чего злился – на себя, потому что должен сдерживаться, на речников, потому что не выполнили обещанное, на обстоятельства вообще и на всех тех, кто до сих пор не понял, какое дело государственной важности здесь в маленьких Нижневартовске и Мегионе совершается.

Осипов же, словно отстранился от разговора, молча, наблюдал за всеми со стороны. Борис Иванович уже давно успел понять и оценить горячую натуру Арнапольского и мудрое спокойствие Литвакова и потому прекрасно прочитывал их состояние, как, впрочем, и всех остальных. Его лёгкая улыбка удовлетворения от происходящего была замечена и понята лишь Литваковым и Арнапольским, да ещё и Сергеем. Он улыбнулся в ответ, мысленно соглашаясь с тем, что всё, что они тут наговорили – правильно, и в этом тоже есть своя прелесть жизни.

В завершении обсуждения слово взял Багрецов.

– Сегодня же соберём комсомольское собрание и обсудим строительство новых общежитий здесь, в Нижневартовске.

– Это хорошо, – прервал своё молчание Осипов, – когда сможете начать стройку?

– Я думаю, дня через два, когда определим каждому его фронт работ, и будет ясно с местом расположения будущей молодёжной улицы.

Глава 4

К прибытию первых пятнадцати человек послеармейской молодёжи едва-едва успели построить общежитие. На обустройство им дали всего полдня, а на следующий день они уже вместе со «стариками» приступили к строительству следующего общежития. Кураторство новеньких поручили Сергею. И, так получилось, что и все проблемы по строительству жилья для прибывающих, также перешли к нему. Литваков, уже привыкший к своему надёжному помощнику, ворчал, а в особо напряжённые дни даже срывался и на Сергея, и на Осипова, но всегда был готов если не помочь, то подсказать.

– Ты, главное, не тушуйся, – как-то заметил Литваков, перед последним разговором Сергея с завскладом, когда он собрался идти

«выбивать» недостающие матрасы и посуду для общежития. – Викентий Иванович прижимист, так его должность и материальная ответственность обязывают. Но он же всё прекрасно понимает, так что выдаст тебе всё нужное, ты только будь спокоен и твёрд в своих требованиях. А то снова сойдётесь, как в прошлый раз – два петуха…

Да, ситуация для Сергея получилась неприятная. Ему до сих пор было стыдно за свою несдержанность, когда он по просьбе Павла пошёл на склад за гвоздями, пилами, молотками – всем тем, без чего невозможно вести строительство. И наткнулся на стену глухого непонимания и неприятия со стороны завсклада. То, что отвратительное настроение последнего было вызвано приватным и неприятным разговором с Арнапольским из-за недополученного оборудования, Сергей не знал и потому был глубоко уязвлён. Поначалу он пытался сдерживаться, но градус разговора всё повышался. И когда Викентий Иванович бросил язвительное: «Можете идти жаловаться главному инженеру», Сергей не выдержал и в сердцах выкрикнул: «Ну и пойду, и скажу!» И вышел со склада, фактически хлопнув дверью.

По-настоящему примириться им так и не удалось, но после официального извинения, принесённого друг другу в кабинете Осипова, между Бороздиным и завскладом установился рабочий нейтралитет.

– …Там выдавать уже нечего, – с горечью в голосе сказал Сергей. – Я все запасы матрасов перепроверил. Так мало того, что их не хватает, так ещё и не качественные, отсыревшие и даже порванные. Стыдно, совестно такое предлагать людям. Владимир Уриелевич, может вы спросите у мегионских геологов? Наверняка у них лучше с обеспечением было в этом году, чем у нас.

– Спрошу, спрошу, – успокоил Литваков своего помощника. – Алексея позови, пожалуйста.

Сергей быстрым шагом покинул кабинет и уже через пару минут в кабинет вошли Алексей и Сергей.

– Слушай, Лёша, как там сегодня связь? Соедини меня с Абазаровым. – Такое свойское, почти семейное отношение сложилось у Литвакова с той молодёжью, которая работала в «Мегионнефти» почти с самого начала образования предприятия.

– Связь сегодня нормальная, сейчас всё будет, – всегда улыбающийся связист, выскользнул за дверь, а через минуту раздался звонок телефонного аппарата.

Литваков с улыбкой поднял трубку и жестом остановил Сергея, который хотел выйти из кабинета, чтобы не мешать разговору двух коллег, двух друзей.

– Приветствую, Владимир Алексеевич! – связь действительно была превосходной, и потому Сергей очень хорошо слышал и ответы Абазарова.

– Привет, привет, дружище! Что случилось?

– Ты, вроде, говорил, что у тебя там лишняя «бытовка» есть…

– В смысле?

– Матрасы, постельное, подушки, посуда – ну, в общем, всё, что надо для оборудования общежитий.

– Когда это я говорил? – удивление в голосе Абазарова было неподдельным.

– Ну, может, мне показалось. – В голосе Литвакова прозвучала извиняющаяся интонация. – Выручи, а? Слышал, что нам направляют команду демобилизованных? Вот, наша молодёжь своими силами уже первое общежитие достроила, а полностью оборудовать его нечем. Сам знаешь, как нас нынче речники подвели…

– Да нас тоже не по всей заявке обеспечили… Но… Ладно, говори, сколько надо?

– А сколько сможешь выделить? Мы в следующем году тебе вернём или чем другим поможем.

– Хм, последнее предпочтительнее. Ты сможешь мне прислать на время хотя бы одну бригаду твоих молодых крепких и деятельных архаровцев? У меня тут три баржи на зиму причалены ещё не разгруженные. Людей не хватает, сам знаешь.

Литваков глянул на Сергея, мол, видишь, чем будем расплачиваться за помощь? И Сергей правильно понял, что выбираться в Мегион с этой бригадой помощников придётся ему.

– Хорошо, будет тебе бригада, но только можно с этим немного повременить, ребята тут второе общежитие построят, и отправим?

– Договорились. А завтра я тебе с вертолётом отправлю всё, что смогу. Надеюсь, и на второе общежитие хватит. Вы там по сколько человек планируете селить?..

Всю зиму временная комсомольско-молодёжная бригада Сергея Бороздина из пятнадцати человек прожила в Мегионе. Отправляясь в столь длительную командировку, Сергей выслушал наставления и от

Литвакова, и от Арнапольского, и от Осипова. В целом они говорили об одном и том же, с небольшой разницей в несколько нюансов. Главная же мысль заключалась в том, что через год-другой именно Мегион должен стать основной базой «Мегионнефти» и потому уже сейчас надо закладывать основу для всех будущих подразделений, которые предстоит развивать молодому нефтедобывающему управлению. А посему помимо всемерной помощи геологам с разгрузкой барж, команда Бороздина должна начать готовить площадки под размещение производственных объектов. И первоочередными объектами должны стать причал в Мегионе и нефтеналивная база.

С разрешения Осипова Сергей сам отобрал восемь человек из той самой первой группы демобилизованных, к которой успел присмотреться, пока строили второе общежитие. Большинство ребят имели не только права, но и опыт работы либо трактористами, либо водителями, двое же были нефтяниками, правда, без единого дня профессионального опыта. Гостеприимные мегионские геологи им выделили целый вагончик, который согревал, пока в нём жарко топилась буржуйка. Под утро же температура в помещении была ненамного теплее, чем на улице. А зима выдалась суровая. Весь январь морозы давили под пятьдесят, и от обморожения непривычную к таким климатическим условиям молодёжь спасли лишь советы опытных и давно привыкших к местной погоде геологов.

Здесь, в Мегионе, они впервые познакомились с хантами, которые по своим надобностям приехали в село, что располагалось большей частью под горкой, ближе к берегу Меги и Оби. Молодёжь с любопытством разглядывала и оленьи упряжки – удивительный для них «транспорт», и самих хантов. Особый, практический интерес вызвала национальная одежда из оленьих шкур и странные меховые очки, закрывающие пол-лица с небольшими прорезями для глаз. Кто-то не выдержал и спросил:

–А вы, правда, не мёрзнете?

Ханты вопрос не сразу поняли, а разобравшись, рассмеялись, потому как им было удивительно, как это можно мёрзнуть в тайге. По рекомендации старших товарищей, сторговали три пары кисов – очень высокой, почти во всю длину ног обувки из оленьих шкур.

Обновки подошли не всем, потому как размеры всё-таки для большинства были маловаты. Но Сергей оказался как раз среди тех счастливчиков, кому новая обувь пришлась впору, и уже на следу-

ющий день он по достоинству оценил её удобство. Кисы были действительно лёгкими и очень тёплыми.

За всю зиму в Нижневартовск он выбрался всего два раза, и оба по причине комсомольского собрания управления. И если на январском обсуждались текущие рабочие, производственные проблемы всего управления, то февральское неожиданно получилось торжественным.

Бригаду Бороздина представляли как сам бригадир, так и его помощник Владимир Ладыгин, прибывший на работу на нефтепромысел с первой партией демобилизованных. До службы в армии он как раз успел закончить Московский институт имени Губкина, мог в армию и не ходить, но по настоянию своего отца и двух дедов сам пошёл в военкомат и напросился в войска радиохимической защиты. Молчаливый и даже немного замкнутый, никому не навязывал своего общения, однако его внутренняя сила и уверенность в себе притягивала к нему ребят из бригады, как гвозди магнит. Ещё во время строительства общежития Сергей обратил внимание на этот факт, и в бригаду для поездки в Мегион он позвал молчуна больше из собственного желания разобраться, что же представляет из себя Ладыгин, как человек.

Уже через две недели жизни и работы в Мегионе Бороздин неожиданно для самого себя осознал, что за такое короткое время Владимир стал для него неприметной опорой, которую он, как начинающий бригадир и руководитель, невольно искал в окружающих людях. Понимание пришло в прозаический и физически тяжёлый момент, когда всем скопом пытались оторвать от железного пола баржи примёрзшую к ней огромную, в человеческий рост, катушку с металлическим тросом. «Дёрнуть» трактором, как предложил кто-то из ребят, не получалось. Слишком в неудобном месте она стояла. Первым за ломик взялся Владимир и молча начал отдалбливать лёд, намёрзший вокруг катушки, за время стоянки баржи. Парни повздыхали, и, вооружившись, кто пешнями, кто топориками, присоединились к Ладыгину. Злосчастный трос перекатили на берег спустя час, взмокшие и от того расхристанные. Увидевший это дед Матвей, который был приставлен к баржам для охраны, не церемонясь, отвесил словесных оплеух.

– Вы, сопляки, вам что, жить надоело?! А ну живо застегнулись все, чай не весна на улице! Чахотку заработать ничего не стоит…

Уже вечером, после ужина, когда бригада практически спала, лишь один Сергей продолжал сидеть за столом и при тусклом свете настольной керосиновой лампы что-то задумчиво записывал в свой блокнот, Ладыгин приподнялся на своей кровати и тихо спросил:

– Сергей, ты чего не спишь?

– А? Ты что-то хотел? – Бороздин встрепенулся, и медленно оглянулся, – прости, тебе свет мешает? Сейчас уже закончу…

– Да я спросил, почему не спишь, – смутившись, уточнил Владимир.

– Да вот сидел и думал, что я сегодня упустил, что не сделал...

– А что ты хотел ещё? – удивлённо вскинул брови Ладыгин. – Мы и так первую баржу разгрузили, почти вдвое быстрее, чем нам давали время геологи.

– Баржа – это да! – удовлетворённо подтвердил слова Сергей. – Но я не сказал тебе «спасибо». Прости, запурхался.

– За что?! – Владимир невольно вскрикнул и тут же оглядел ребят – никто там от его возгласа не проснулся?

– Да за трос этот! Знаешь, мне словно мысли все выстудило, всё искал какое-то техническое решение, а ты просто взял и начал делать. Ну, а за тобой и остальные потянулись. Вот и успели доразгружать эту баржу, а то ещё бы завтра к ней пришлось возвращаться. Так что ещё раз тебе спасибо.

– Да ну… – Владимир засмущался, но Сергей чувствовал, словно сам находился сейчас в теле Ладыгина, как по нему прокатилась волна тепла и благодарности от искреннего признания хорошего дела. Ладыгин встал, подхватил табуретку и, пристроившись к столу напротив Бороздина, тихо заговорил:

– Слушай, Сергей, я давно хотел поговорить… Ну, не так давно, потому что я всего второй месяц тут. И всё-таки… Вот у тебя образование нефтяника, Рифат вот, тоже геолог-нефтяник, я успел закончить один из лучших нефтяных институтов страны…

– А мы тут баржи разгружаем? – Сергей задумался. А действительно, почему они, молодые специалисты, знания которых тоже очень ценны на производстве, это уже хорошо показала работа с Литваковым, по которой он, Сергей, честно говоря, соскучился, вынуждены или должны заниматься вот таким неквалифицированным трудом? Ну ладно он сам, потому как для него это новый опыт управления пусть и небольшим, но коллективом, в котором боль-

шинство ребят имеют простые рабочие профессии – водителей, трактористов, сварщиков. А зачем он взял в бригаду Ладыгина и Яппарова, дипломированных специалистов пусть и без опыта? И Осипов ведь одобрил их кандидатуры и даже похвалил за то, что он их выбрал.

– Мне кажется, – начал Сергей осторожно, словно боясь потерять едва наметившееся понимание, – нам нужна эта школа противостояния с природой, нужен этот опыт самостоятельной работы. Мы же не можем всё время находиться под опекой старших. И...

Владимир что-то хотел уточнить, но Бороздин в останавливающем жесте поднял ладонь.

– Дай договорю, а то мысль потеряю. Так вот, нам, как специалистам в скором времени придётся брать на себя ответственность за производственный процесс и за коллектив. И мы должны знать всё с самого нуля. Я тоже, когда приехал в сентябре, просился на буровую, чтобы через свои руки пропустить каждую деталь, но меня Литваков не пустил. Правда, народа было совсем мало в управлении. А если бы было столько же, сколько сейчас, то сам бы отправил набираться производственного опыта. И в просто рабочих нам не дадут засидеться, уж поверь мне. – Сергей весело улыбнулся.

– Может ты и прав, – задумчиво проговорил Владимир. – Да я и не против такой работы. Я «за», – он выделил ударением это слово, – любое дело, которое идёт на пользу. В данном случае нашему управлению. Ведь, по большому счёту мы работаем на благо всему народу. Просто иногда кажется, что можно быть более рациональным.

– Как ты сегодня?! – уточнил бригадир.

– Это был не рационализм, – уже улыбался Владимир, – просто эта баржа до того достала, что я готов её был по винтику разобрать.

– Не забывай, что нас ещё две баржи ждут.

– Да, конечно, но они-то будут уже другими.

Снова воцарилось молчание. Сергей думал о том, что этот парень ему очень симпатичен, и он будет рад, если их отношения из бригадира – подчинённого перейдут в качество бригадир – помощник, а в идеале станут друзьями. Владимир же обдумывал свою просьбу, которая возникла вот только сейчас, но была, как он чувствовал – правильной и своевременной.

– Слушай, Сергей. Я всё-таки хочу договорить о рационализме. А точнее о Рифате Яппарове.

Бороздин внимательно посмотрел на парня, молча ожидая продолжения.

– …Он вообще не знает, что я тут говорю. Эта мысль мне пришла только что. Он же геолог и очень толковый человек, да ты и сам видишь. Просто очень скромный, никогда про себя не заикнётся. И если говорить о наставниках, то если его сейчас возьмётся натаскивать Литваков, это будет очень хорошо. Для всех хорошо! – Владимир убеждённо стукнул себя по колени кулаком. – И для Литвакова, и для Рифата, и для коллектива. Поговори с Владимиром Уриелевичем, а? Он же твоё мнение ценит. Мы все это заметили, ещё когда общагу строили.

– Поговорю, – согласно пообещал Сергей. – Ну что, спать пойдём, а то утром рано вставать…

На комсомольское собрание они прилетели попутчиками на вертолёте геологов. До собрания было ещё полдня. На доклад Осипову и Литвакову ушло всего пятнадцать минут, и молодёжь была отправлена домой отдохнуть. По пути зашли в библиотеку. Сергей честно привёз все книги и журнал, который взял месяц назад и надеялся уговорить девочек на то, чтобы ему выдали все журналы за прошедший январь. Уговорил тем, что это просьба всей бригады. Владимир отказался от приглашения Сергея пойти к нему, пообещав, что зайдёт после собрания, и отправился в своё общежитие, повидаться с некоторыми знакомыми ребятами.

Анастасия Семёновна обрадовалась Бороздину, как родному внуку.

– Серёженька! – старая женщина всплеснула белыми от муки руками. – Я знала, что вы приедете, Павел Васильевич мне обещал. Вот и пирожки будут скоро и хлеба напекла побольше, с собой возьмёшь… – Она так и не решила окончательно, как обращаться к нему – на «вы» или на «ты». А Сергею уже было всё равно, главное, что он почувствовал то самое тепло, которое обычно даёт родной дом. И это было странно и очень приятно.

Женщина суетилась по кухне радостно возбуждённая, а Сергей, быстро переодевшись в любимое домашнее трико, в доме было жарко, или успел отвыкнуть от настоящего тепла в мегионском вагончике, пошёл в уголок с рукомойником, чтобы умыться, побриться и вообще привести себя в порядок к собранию.

Пока он занимался своим туалетом, пришёл Павел, а Анастасия Семёновна успела накрыть на стол.

– Ну, здорово, мегионец! – Павел сначала протянул руку для рукопожатия, а потом мужчины крепко обнялись. Отстранились друг от друга. Павел внимательно осмотрел друга с ног до головы. – Бороду уже сбрил. Жаль, хотел посмотреть, как ты с бородой смотришься. А так, ничего, заматерел, уже не примешь за юнца.

– Да ладно, вроде какой был, таким и остался, – не согласился Сергей.

– Да со стороны виднее. Правда, Анастасия Семёновна? – обратился комсорг за поддержкой к хозяйке дома.

– Да, Серёженька, возмужали вы… – и вдруг строгим учительским голосом, – Так, мальчики, давайте обедать, а то всё остынет.

За обедом Павел делился новостями.

– Ты к общежитиям ходил? Там их уже четыре!

– Ого! – удивился Сергей, – а стройматериал где взяли?

– Вы в Мегионе баржи разгружали, а мы здесь тоже, – довольный удивлению друга пояснил, – эти две баржи пришли самыми последними, уже практически по шуге. Их и пришвартовали тогда кое-как. И, помнишь, какая запарка была по осени? Ну, так вот про баржи и забыли, точнее мы даже толком о них и не знали, там какой-то недогляд речников был. Их Арнапольский фактически случайно обнаружил. Ну, так вот на одной и были стройматериалы и несколько вагончиков. Вагончики на первый нефтепромысел Рынковой забрал и по лежнёвкам и зимникам по кустам уже развёз, обустраивает месторождение…

Собрание было бурным. Оживление началось сразу после выступления первого секретаря райком комсомола, который пришёл специально сообщить, что первым пунктом Постановления ЦК ВЛКСМ от 12 февраля, то есть неделю назад, принято решение об объявлении всего комплекса работ по освоению нефтяных и газовых месторождений Тюменской области Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. А потому теперь следует ждать прибытия комсомольско-молодёжных отрядов, правда это будет летом, так как студенческие стройотряды создаются на каникулах и с ними намного проще, так как они изначально организованные.

С открытием навигации явно начнётся поток из желающих поработать на освоении, но он большей частью будет не организованным,

хаотичным, и поэтому уже сейчас надо думать и планировать – как принимать людей, и, главное, обеспечить их рабочими местами для высокопроизводительного труда.

– Работы – и за всю жизнь не переделаешь, – кто-то со смешком выкрикнул из зала. Его поддержали, и первая волна голосов прокатилась по присутствующим. Слово взял Багрецов.

– Да, с обеспечением рабочими местами проблем не будет. Нам нужны все – и буровики, и водители тяжёлых машин, и сейсмики, и клубные работники тоже нужны… – По залу прокатились смешки.

– Да, нужны! – прерывая хохотки, убеждённо проговорил комсорг. – И к теме культурной организации нашего досуга мы ещё вернёмся. Но сейчас я хочу сказать о том, что сегодня первоочередной задачей является строительство. Строительство всего – от производственных баз, обустройства месторождения до жилья. Эти четыре общежития, что мы построили за четыре месяца, только маленькая такая отправная точка. Всё основное только начинается. Поэтому предлагаю каждому комсомольцу принять самое активное участие на возведении всех строительных объектов помимо своих непосредственных обязанностей. Давайте всё объективно взвесим, и каждая бригада предложит график своего участия в стройке. Сделаем общий и согласуем с руководством управления…

– Хорошее предложение, Павел Васильевич, – из-за стола президиума поднялся первый секретарь райкома комсомола. – Я вот что хочу дополнить – Госкомам по газовой и нефтедобывающей промышленности при Госплане поручено организовать социалистическое соревнование молодёжных коллективов геологоразведчиков, нефтяников и строителей, участвующих в освоении месторождений в Западной Сибири. По итогам года победителям будет вручаться переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ…

Глава 5

Суровые морозы спали к марту. Прошло уже три недели, как бригада Сергея закончила разгрузку барж и приступила к оборудованию нормального причала. Вроде не бездельничали, делали очень важно дело, а в душе бригадира и ставшими ему друзьями Владимира и Рифата всё более и более скапливалась не-

удовлетворённость. Хотелось большего – такой работы, которая требовала бы не только их физическую силу, а и голову, те знания, которые они получили в институтах. И в неожиданный вызов в контору управления Бороздин решил откровенно поговорить и с Литваковым, и с Осиповым. Ну, не ударят же в нос, в конце концов.

Разговор состоялся в их с Литваковым кабинете. До Нижневартовска Сергей добирался с сейсмиками на вездеходе и даже не успел заскочить на квартиру к Анастасии Семёновне, чтобы переодеться, а потому был в телогрейке, напрочь пропахшей солярой, большой собачей шапке-ушанке, в своих любимых кисах и с бородой, так как даже не успел её сбрить перед отъездом, до последнего решая текущие проблемы строительства причала.

– Владимир Уриелевич! Ты посмотри, каким диким таёжником стал наш Сергей Константинович! – с весёлой усмешкой Осипов первый протянул руку вошедшему. Сергей торопливо снял свой полупустой рюкзак на пол, сдёрнул шапку и ответил на рукопожатие.

– Здравствуйте, Борис Иванович, – спокойно с достоинством ответил, повернулся, сделал пару шагов к Литвакову и также поприветствовал его рукопожатием – Владимир Уриелевич.

– Привет, привет, Серёжа. – Литваков давно звал Бороздина просто по имени, видя в нём скорее младшего брата или друга, нежели подчинённого. И уже продолжил начатую Осиповым подколку, – нет, он не просто таёжник, он стал настоящим мегионцем, там все так ходят, я сам видел, – и с хитрым прищуром посмотрел в глаза Сергею.

Месяца три б назад он обязательно бы вспыхнул от смущения, но в этот раз просто погладил свою бороду и ответил:

– Сбрею, когда вернёте меня к себе на нормальную работу, ту, которой я учился, и где смогу принести больше пользы.

Осипов и Литваков переглянулись с улыбкой, мол «а, что я тебе говорил!» и «а, то!» и вместе же, уже почти смеясь, вновь уставились на Сергея. Тот молчал и прикладывал не мало усилий, чтобы не показать старшим товарищам накопившиеся неудовлетворение и обиду. Затянувшееся молчание прервал главный геолог:

– Ну вот, а мы всё ждали, когда ж, наконец, ты взбунтуешься! – и старшие расхохотались весело и громко.

– Так это... это была проверка?! – удивление и неожиданное осознание напрочь смели всю тренируемую выдержку, и Сергей густо покраснел, что называется, до кончиков ушей.

– Нет, не проверка, но, зная твою деятельную натуру и характер, предполагали, что так должно случиться, – объяснил Литваков, пытаясь погасить обиду молодого человека.

– И вы продержались гораздо дольше, чем мы загадывали, что говорит только в вашу пользу, – продолжил уже Осипов. – Вы не только хорошо выполнили порученную вам работу, но и доказали, что на вас можно положиться в любом деле. А это, знаете ли, тянет на официальную благодарность с занесением в трудовую книжку.

– Да не надо мне никакой благодарности, – вконец смутившийся Сергей, совершенно не умеющий принимать похвалы в свой адрес, думал, как перевести разговор на действительно важные вопросы. Но тут Осипов продолжил:

– Я думаю, пора ваших ребят вернуть в Нижневартовск. Как, бригада сложилась? – Осипов дождался утвердительного кивка от Сергея и продолжил, – так вот, вы вернётесь к своей работе, а ваших ребят отправим в подразделение технологического транспорта под руководство Павла Васильевича, а уж он, найдёт им нового бригадира. Здесь вы, действительно, нужнее. Ну, а строительство причала и других объектов уже будут завершать строители, они тут стали набирать силу и пусть реализовывают свои задачи.

– Борис Иванович! – Сергей очень обрадовался, что разговор пошёл именно в нужном ему русле. – Я бы хотел поделиться своим мнением по поводу Ладыгина Владимира и Рифата Яппарова.

– Ваши друзья? – уточнил Осипов.

– Мы все в бригаде подружились, это так. Просто это очень толковые, знающие и грамотные специалисты. Рифат бредит геологией, и там, в Мегионе использует каждую минуту, чтобы поучиться у геологов. Правда, времени на это было не много. Так что, Владимир Уриелевич, возьмите его в свою команду, а?

Литваков снова разулыбался:

– Ты действительно становишься неплохим руководителем, раз способен по достоинству и, надеюсь, объективно оценить других людей. Да за одно то, что это первая твоя рекомендация, стоит взять парня под начало. Поработаете на первых порах вместе, а потом, если он на самом деле так хорош, как ты говоришь, и заменит тебя. Я так понимаю, Борис Иванович вскоре тебя заберёт ещё куда-нибудь...

Осипов только махнул рукой, мол «не открывай все карты» и спросил:

– А что Ладыгин?

– Во-первых, у него замечательное инженерно-техническое мышление, подкреплённое серьёзными институтскими и армейскими знаниями. Он ведь сам напросился и служил в войсках радио-химической защиты. И то, что мы гораздо раньше справились с разгрузкой барж, и очень многое успели уже сделать на строительстве причала – это результат использования его технических расчётов. Во-вторых, он порядочен и честен...

– Порядочен и честен? – задумчиво уточнил Осипов, – это хорошо. А что, есть ещё и в-третьих?

– Да. К нему тянутся люди...

И это было действительно так. Несколько раз в «мегионском сидении», как полушутя назвали свою эпопею ребята из бригады Бороздина, случались острые моменты, когда какое-то решение требовалось «продавить» чуть ли не авторитарным методом. Сергей такую методику не терпел, но работу надо было выполнять, несмотря ни на усталость, ни на зверские морозы. В общении с людьми он всегда был спокоен и убедителен, используя логически ясные и чёткие аргументы. Но и их иногда не хватало. И в такие минуты к нему на помощь приходил Владимир. Обычно хватало его: «Надо, значит надо».

Попала к ним пара человек, которые способны были замутить даже кристально-чистую воду. Сергей даже подозревал, что их специально включили в бригаду для перевоспитания. Причём, то, что они могут попортить немало нервов, понял ещё во время знакомства. Но вот найти подход к этим «раздолбаям» сразу ему не удалось. И первая стычка не заставила себя долго ждать.

В первый же выходной вечер бригада почти в полном составе, в вагончике остались Бороздин и Яппаров, отправилась на танцы в сельский клуб. И эта пара «малолетних козликов», как их потом окрестили, чуть ли не устроила драку банально из-за того, что местные парни не позволили им увести своих девушек. Скрутили хулиганов свои же ребята, Владимир принёс от имени бригады извинения и пообещал, что эти «свинтусы» на танцах больше не появятся. Кстати, обещание он своё выполнил. В вагончик все вернулись с испорченным настроением. Сергею особо ничего рассказывать не стали, а Владимир вывел двух дебоширов подальше от вагончика и с полчаса о чём-то с ними говорил. Что уж там было сказано,

Владимир так не признался и потом, даже Сергею, хотя любопытно было всем. Но воспитательной беседы хватило на какое-то время. А Ладыгин своим умением молчать, сохраняющим достоинство других, вызвал всеобщее уважение...

Осипов к мнению молодого бригадира прислушался, и через три дня, когда вернулась бригада в полном составе, тут же пригласил Ладыгина для приватного разговора в свой кабинет. О чём уж там шёл разговор, Владимир так и не признался, но он заглянул в соседний кабинет в поисках Бороздина и увидел, что и тут шёл разговор Литвакова с Яппаровым, правда, в присутствии Сергея. Точнее, мужики на троих уже соображали, как лучше поставить третий стол, чтобы всем было удобно работать.

– Всё, идите, там вас ждут, – кивнул Литваков в сторону двери, – пятнадцать минут рабочего времени сейчас ничего не решат, а завтра в восемь утра. Чтобы как штык, без опозданий. Сергей, у вас будет сегодня время вечером, обрисуйте Рифату Маратовичу хотя бы в общих чертах задачи, которые необходимо решить в срочном порядке. Вдруг, какая светлая мысль придёт в свежую голову.

Попрощавшись, молодёжь торопливо вышла из кабинета. Ожидающий их Владимир оценил выражение лица Рифата, с которого ещё не сошло радостное удивление и даже некая растерянность. Для него приглашение главного геолога поработать его помощником оказалось полной неожиданностью. Ладыгин молча, но с искренней улыбкой и благодарностью во взгляде пожал руку Сергею, они оба помнили тот ночной разговор, но никому так и не рассказали о нём. Сергей немного смутился и тут же на правах всё ещё бригадира начал распределять время на вечер.

– Так, сначала идём в общагу, кидаете вещи, переодеваетесь, берёте то, что нужно для баньки и идём ко мне. Я предупредил Анастасию Семёновну, что у нас сегодня будут гости, поэтому всё нормально. Она там такой борщец сварила! За уши не оттащишь. И пирожки с брусникой. Между прочим, ягоду я сам насобирал...

Баньку топили вчетвером, перекидываясь шутками, невероятными идеями и весёлыми рассказами о пережитом за прошедшую зиму. Павел сразу же расположил к себе и Рифата, и Владимира, который, вот удивительное дело! – без конца улыбался и шутил вместе со всеми. Таким его ещё ни Сергей, ни Рифат не видели. А после баньки, которая к хорошему настроению ещё добавила и благо-

душной разморённости, устроились на кухне вокруг стола. И потёк разговор, понятно дело, о работе, о первоочередных задачах вперемешку с искренней благодарностью Анастасии Семёновне за гостеприимство, замечательный ужин и восхитительные пирожки.

– Мне сегодня Борис Иванович, – неожиданно вдруг сменил тему Владимир, – ...предложил организовать работу лаборатории химанализа. Сказал, что лаборатория геологов и так загружена, поэтому надо создавать свою.

– Ну, а ты? – в нетерпении спросил Сергей, а Павел с Рифатом выжидательно посмотрели на товарища.

– Я согласился, хотя...

– Ты хотел чего-то иного? – серьёзно уточнил Павел.

– Наверное. На буровую, туда, где требуется решать технические задачи.

– Успеешь ещё нарешаться, ещё устанешь от них, – Павел снова заулыбался. – Мне, может быть, немного больше повезло, потому что сразу определили к технике, но вот заниматься организацией подразделения пришлось. И это, скажу тебе, такая головная боль, что придётся использовать всё – от институтских знаний, до самых скрытых талантов, причём и не угадаешь, что понадобится – способность к дипломатии, умение сделать технический расчёт или просто нарисовать картинку...

Весна оказалась дружной, быстрой и коварной. Резкое потепление чуть ли не за одну неделю вывело из строя зимники и ледовые переправы. С одной стороны это радовало, потому как с открытием навигации будут освобождены резервуары, и снова в полную мощь заработают нефтяные вышки на месторождении. План-то по добыче нефти только увеличился, а ещё условия Всесоюзного социалистического соревнования, а ещё и готовность некоторых партийных чиновников разного ранга создать волну «вперёдбегущих» за чужой счёт. А с другой стороны, не успели передислоцировать всю технику, которую планировали. Не обошлось и без ЧП, хотя Осипов и надеялся, что ситуация с затонувшей в болоте техникой, которую пережили в начале зимы, не повторится. Тогда, не имея ещё местного опыта, поторопились с отправкой целой колонны тяжёлого транспорта к точке оборудования нового куста. И... потеряли несколько бульдозеров и самосвал. Надёжная с виду дорога через болото оказалась ловушкой. Благо люди успели повыскакивать из

кабин. А ведь они долго на совещании тогда обмозговывали эту переброску и советовались со старожилами и геологами. Ну, кто мог знать, что под толщей торфа скрывается подземная, коварная речушка и живуны, которые и не дали промёрзнуть болоту.

Сейчас же... просто не успели. Метеорологи предупреждали, что весна, возможно, будет бурной. Но вот это совершенно не конкретное «возможно», как ворожба на прошлогоднем снеге, не позволило прислушаться к прогнозу всерьёз, да и успеть хотелось как можно больше именно по обустройству и разработке самого месторождения.

Вся работа по строительству, оборудованию и эксплуатации непосредственно мегионского месторождения ещё с осени легла на плечи начальника первого нефтепромысла Ивана Ивановича Рынкового. И он великолепно вписался в изначальную команду – Осипов, Арнапольский, Литваков. Такой же деятельный, умный, профессионал, правда, несколько жестковатый и взрывной, но на этом непростом участке становления нефтепромыслового управления и нужен был такой.

Вообще, Осипов старательно подбирал команду, в большинстве случаев отдавая предпочтение уже хорошо знакомым и проверенным в работе людям. Он уже отправил несколько писем своим бывшим коллегам на Сахалин с предложением перебраться на работу в новое НПУ, у которого должно быть большое будущее. Люди обещали подумать.

И вот снова ЧП. Теперь на переправе через Обь. И снова затонул бульдозер. Узнав об этом, Осипов даже в сердцах про себя рыкнул: «Да что это?! Как проклятье кто какое наложил!» И самым неприятным было то, что первым к нему с этой новостью в кабинет зашёл Бугдач. Спешащий с докладом Рынковой, опоздал буквально на пять минут.

– ...Что у вас творится на предприятии?!! – голос партийного функционера уже набрал обороты и вызывал только зубную боль. – У вас люди гибнут, а вам наплевать!

– Где погибли люди? – внешне оставаясь невозмутимым, Борис Иванович начал срочно в уме просчитывать возможные варианты трагедии.

– Нам в райком партии уже сообщили, что два часа назад под лёд на Оби ушли несколько единиц вашей техники вместе с людьми...

И тут в дверь без стука вошёл Рынковой.

– Борис Иванович, я только что из больницы...

– Сколько человек погибло? – Его резко перебил Осипов. Рынковой остановился, словно уткнулся в невидимую преграду.

– Нисколько.

– Сколько единиц техники провалилось? – Продолжил допрос Осипов, едва переведя дыхание.

– Один бульдозер. Тракториста вытащили и вертолётом сразу же доставили в больницу. Вот, я только оттуда, – начальник нефтепромысла выдохнул и устало опустился на стул возле стены. – С ним всё в порядке, ну, в смысле с бульдозеристом. Пару деньков отлежится под присмотром докторов и снова выйдет на работу.

Успокоенный Осипов пристально посмотрел на Бугдача и тихо сказал:

– Вон из моего кабинета.

Тот даже побагровел, но не посмел ничего сказать против и выскользнул в коридор.

Сам же Осипов медленно подошёл к своему стулу, сел и начал рыться в ящиках стола, что-то бурча под нос. Нашёл сердечные капли и тихо попросил:

– Иван Иванович, не в службу, а в дружбу, налей стакан воды. Графин, там, на окне за занавеской. – И его правая рука медленно, словно продираясь через волю этого человека, накрыла грудь в области сердца.

Рынковой стремительно подошёл к окну, где рядом с графином стояла пара стаканов, налил в оба воды, один поднёс Осипову, за вторым вернулся уже для себя. Внимательно посмотрел на Осипова.

– А может лучше доктора позвать? – неуверенно предложил Рынковой. За полгода совместной работы он впервые видел начальника управления в таком состоянии. Тот не успел ничего ответить, как в кабинет вошёл Арнапольский с неизменной ехидной улыбкой, явно скрывающей какую-то любопытную новость, но резкий запах сердечного лекарства остановил его на мгновение, а потом он чуть ли не подбежал к столу.

– Борис, ты чего? Что случилось? Давай в больницу, а?

– Нет. Сейчас всё пройдёт, – отбрыкался Осипов. – Вот тебе Иван Иванович всё расскажет, жаль он чуть-чуть опоздал...

И Рынковой снова, но уже подробно рассказал о ЧП.

Ледовая переправа через Обь была по пути кратчайшего расстояния до отдалённых строящихся кустов нефтедобычи на месторождении и выходила на самые удобные пологие берега реки. Однако у самого берега уже начиналась большая глубина, а чуть правее переправы у самого дна в Обь впадает подземная речка. Видимо из-за её течения и истончился здесь лёд быстрее, чем на других участках. Но люди-то этого не знали, проверяли толщину замороженной воды в значительном удалении от берега. Хорошо ещё следовали правилам техники безопасности и пускали машины на значительном удалении друг от друга. Пошёл первый бульдозер, всё было нормально. Второй отправился следом, когда первый уже дополз чуть ли не до середины реки, и тут треск, грохот и быстро уходящая под воду техника. Тракторист успел выпрыгнуть, благо дверца кабины была открыта. Его чуть не утянуло в воронку вслед за тонущей техникой, но кто-то уже успел кинуть трос, и промокшего насквозь в ледяной воде человека вытянули всем миром. Повезло тем, что будку у переправы совсем недавно оборудовали рацией. С Рынковым связались быстро, и он тут же организовал вертолёт. Пострадавший тракторист хорохорился, говорил, что всё нормально, но против сурового слова Ивана Ивановича, который сам прилетел с вертолётчиками, спорить не стал. И его тут же доставили в больницу.

– А почему ты говоришь, что Иван Иванович опоздал? – удивился Арнапольский.

– Первым эту новость, на пять минут раньше, мне принёс Бугдач, и в его исполнении она была намного страшнее, с погибшими людьми.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Георгий Самуилович, – и кто это у нас такой прыткий, чтобы тут же докладывать по инстанциям?

– Наверное, корреспонденты, – после некоторого молчания предположил Рынковой. Они ведь были у нас сегодня, собирали материал. Я их ещё с собой в вертолёт взял. Только я-то в больнице почти час просидел, пока удостоверился, что с пострадавшим всё нормально, а они-то умчались в редакцию.

– Ну да, по времени тогда всё сходится, – прикинул Арнапольский, – а сколько их было?

– Двое – один просто корреспондент, а второй – фотограф.

– Не даст он тебе покоя, Борис, – подвёл грустную черту этой истории главный инженер.

– Ты о Бугдаче?.. И не говори...

Глава 6

Апрель, май, июнь пролетели так, что никто и не заметил. Лишь какими-то фрагментами изредка выныривая из работы, как из клубов молочного тумана Сергей замечал, как что-то меняется в окружающем мире. Вот ледоход прошёл... Вот на День Победы такой праздник организовали с обязательным митингом и концертом художественной самодеятельности, что было очень приятно от людей благодарности слышать... Вот навигация началась, и к её открытию как раз успели достроить два грузовых причала — в Нижневартовске и в Мегионе. И строители не обошлись без помощи молодёжи нефтепромыслового управления... А вот уже пришвартовались первые баржи с теми, кто прибыл искать свою судьбу здесь, среди обских болот на месте Всесоюзной комсомольско-молодёжной стройки.

События настолько уплотнились и предощущения чего-то грандиозного стали настолько осязаемы, что Сергею казалось – ещё одно небольшое усилие и плотность мироздания лопнет, как перетянутая струна. И вот...

Сергей и Марат буквально на пять минут заскочили в свой кабинет перед завершением рабочего дня за очередной кипой бумаг, утром им снова предстояло лететь вертолётом на новый строящийся куст, как их внимание привлекли возбуждённые голоса в соседнем кабинете.

– ... Я же говорил! Я точно знал!.. – отчего-то весело громыхал голос Литвакова.

Понукаемые любопытством, друзья осторожно заглянули в кабинет Осипова. Там они увидели весь триумвират руководства управления и ещё Рынкового в одинаково радужно-возбуждённом состоянии. Первым молодёжь заметил главный геолог.

– А, вот и свидетель! – кивая на Сергея, Литваков махнул рукой, мол, входите. – Коллега, помнишь тот разговор с нашими гостями из столицы в твою первую командировку на Баграс? Ну, ну... Вспоминай же, – попросил он с затаённым триумфом в голосе.

– Вы тогда с ними о многом говорили, хоть намекните, что конкретно вспомнить, – улыбнулся Сергей.

– О нашем споре на ящик шампанского, – уже нетерпеливо подсказал Литваков.

– А-а! Вы тогда предположили, что следующее крупное месторождение откроет в этих краях команда Абазарова и непосредственно бригада Норкина. А что... – Сергей не успел договорить, как его со смехом перебил Арнапольский.

– Ну, Владимир Уриелевич, тебе в провидцы надо записываться. В предсказатели. Да не забудь потом шампанским с нами поделиться… – и, увидев удивление на лицах молодёжи, объяснил, – да вот вчера на Самотлоре рванул нефтяной фонтан такой мощи – более тысячи тонн в сутки... И угадайте, кто пробную скважину бурил? Причём первую на этом новом месте...

– Неужели Григорий Иванович? – по-настоящему удивился Сергей.

– Да, сегодня Абазаров телеграмму в Москву дал и нам позвонил – поделился радостью, – подтвердил Осипов. – Надеюсь, теперь насовсем исчезнет мнение о бесперспективности освоения Западной Сибири.

А через неделю на стол Литвакова легла телеграмма из Москвы: «О споре помним. С нас ящик шампанского». Без подписи.

Всё лето Нижневартовск гудел, как растревоженный улей. Посёлок строился. Бесконечный рёв тягачей и бульдозеров, стук топоров и гомон людей не умолкал почти круглые сутки. Тому способствовали белые ночи. На свежей, ещё не раскорчёванной высокой гриве вырос целый палаточный городок студенческих строительных отрядов, прибывших из Уфы, Казани и Тюмени.

Полностью занятые своей непосредственной работой под руководством Литвакова, Сергей и Рифат появлялись в Нижневартовске изредка, над чем посмеивался Павел. Он по-прежнему тянул на себе лямку комсорга, а потому вплотную занимался всеми вопросами помощников-студентов.

– Друзья, – Павел по уже сложившейся традиции взялся за организацию интересного вечера в один из редких совпавших выходных, когда четвёрка собралась в доме у Анастасии Семёновны, чтобы попариться в баньке. – Вы там совсем одичали в своей тайге.

– А ты не одичал? – удивился Рифат, проверяя, хорошо ли запарился пихтовый веник.

– А я не в тайге, но тоже стал таким диким-диким – пошутил Владимир, удобно опершись на бревенчатую стену, разомлев от пара.

– Я предлагаю нам сегодня после ужина пойти на танцы.

– Куда? – Сергей и Рифат задали вопрос одновременно.

– А что я говорю! – Павел в подтверждении поднял вверх указательный палец, как восклицательный знак. – Танцы это такое действие... – начал было он своё шутливое объяснение, как для маленьких детей, но его прервали остальные.

– Да знаем мы, что такое танцы, – в голосе Сергея даже не было намёка на улыбку или смешок. – Ты хочешь сказать, что у нас здесь и танцы проводятся?

– Конечно, – безмятежно и с лёгким покровительственным тоном, за которым читалось «эх, ничего-то вы ещё не знаете», подначивая друзей, подтвердил Павел. – На них иногда даже наше руководство заглядывает.

– А им-то зачем? – снова удивились самые несведущие.

– Ну как же! Должны же они не понаслышке знать, что всё нормально. – И Павел вдруг резко сменил шутливо-задиристый тон на просто дружеский, – Пойдём? Там такие девочки есть! Познакомимся. Вдруг повезёт? Ну, не всё же нам бобылями ходить, чай не малолетки уже, – привёл он последний довод.

– Ну, пойдём, – согласились все, а Владимир добавил, – только сначала в общагу к нам заглянем, надо хоть поприличнее одеться...

Дождей не было уже больше недели, и друзья отправились «культурно отдохнуть», как выразился Рифат, при полном параде – в белых рубашках, в светлых вельветовых брюках- «дудочках», из-под которых выглядывали яркие носки, идеально начищенных туфлях, и завершали облик такие же вельветовые пиджаки, которые парни небрежно кинули через плечо. Вообще, первой реакцией друзей после того, как Павел вручил каждому свой подарок – по новому костюму в комплекте с яркими разноцветными носками, было полное недоумение и даже явно высказанное нежелание подражать «стилягам».

– Да причём здесь «стиляги»? – недоумевая, Павел убеждал друзей принять приготовленный «сюрприз». – Да я ещё в марте в Москве заказал всё это нам, и вот прислали, по почте. Это же просто красиво! А представьте, как мы заинтересуем девушек, я ведь без вас тоже никуда не надевал обновку.

– Вот интересно, – вдруг спросил Владимир, а как же ты наши размеры угадал?

– Так для спецовки ж ещё в январе список составляли. Вы что не помните? Я у кладовщика и взял.

Крыть было нечем. В конце концов, после длительных уговоров друзья согласились с доводами своего предводителя и, перешучиваясь, они, наконец, дошли до окраины посёлка, где рядом с палаточным городком был сделан специальный дощатый настил для летней танцплощадки. Молодёжь, она ведь такая – и работает от души, и отдыхает зажигательно.

Музыка неслась из колонок, выведенных от большого катушечного магнитофона, который гордо возвышался на столе под охраной двух незнакомых Сергею и Рифату ребят. Павел и Владимир поздоровались с ними за руку.

– О, комсорг! – Радостно поприветствовал подошедших высокий, даже какой-то нескладный парень лет двадцати – двадцати двух.

– Знакомьтесь, – Павел представил своим друзьям ответственного за музыку, – командир стройотряда из Тюмени, Александр Плотников. Наш коллега в будущем, между прочим.

– Ну да, я в Тюмени на нефтяника учусь, – протягивая руку по очереди, подтвердил новый знакомый. И уже с искренним интересом друзья ответили на рукопожатие, представляясь. «Вряд ли мы станем такими же друзьями, но хорошими приятелями – вполне», – почему-то вдруг подумалось Сергею. Вслух же спросил другое.

– Паша, откуда магнитофон? Ребята с собой, что ли привезли, вместе с колонками? Ну, в смысле, стройотрядовцы…

– Нет, это для нашего клуба Борис Иванович привёз, то ли из Тюмени, то ли из Москвы. Он ещё новую радиолу в качестве клубного оборудования заказал. Кстати, вот как раз стройотрядовцы среди прочих объектов и клуб новый достраивают. Ну что, пошли танцевать? Смотрите, сколько народа! А уж девушек хорошеньких сколько! – вновь, подначивая друзей, Павел первым пошёл в самый центр заполненной танцплощадки. Рифат и Владимир двинулись за ним, а Сергей, сделав один шаг, остановился и как-то по-новому для себя посмотрел на развлекающуюся молодёжь.

Нет, он не чувствовал себя старшим по возрасту, хотя в отношении большинства студентов так оно и было. Просто опыт, полученный за последний год, вынуждал на всех уже смотреть иначе, вдумчиво и даже с прикидкой – надёжен человек или нет, способен

на большие дела или всё-таки просто пловец по течению. Даже к девушкам в первые несколько мгновений он присматривался с этими мыслями. А когда осознал сиюминутную нелепость такого подхода, рассмеялся и скинул с себя странное оцепенение, словно невидимую занавесь, направился вслед за друзьями.

Какого же было удивление Сергея, когда в центре площадки в небольшом кружке, в котором собрались несколько незнакомых девушек и друзья, он увидел Арнапольского, лихо и, главное, красиво, двигающегося под зажигательную мелодию твиста. Георгий Самуилович по достоинству оценил вздёрнутые брови Сергея.

– Что, Сергей Константинович, не ожидали увидеть «старика» здесь? А мы вот такие вот, ещё и на танцплощадке многому можем вас научить, – и он залихватски подмигнул одной из барышень.

–Да уж, – только и вымолвил Бороздин в замешательстве. Танцевать он тоже любил, но так как не делал это почти целый год, поначалу немного понаблюдал за всеми, что ж такого нового и интересного сейчас танцуют, почувствовал ритм и отдался ему со всей радостью своей молодой души.

– Вы удивительно хорошо танцуете, – неожиданные тихие слова вывели его из состояния лёгкой эйфории. – Правда мне почему-то кажется, что вы сейчас танцуете не со мной, а со всем миром. Это, конечно интересно, но немного обидно. Не находите?

Как, когда он успел пригласить девушку на медленный танец, Сергей не мог вспомнить. Весёлую шутку сыграло с ним его состояние некоторой разбалансировки от хорошей музыки и располагающего вечера.

– Простите, – Сергей почувствовал, как от смущения и чувства неловкости у него загорелись уши, и он уже стал пунцовым весь, ну прямо как мальчишка, решившись задать мучающий вопрос: – Скажите, а мы с вами уже успели познакомиться?

Девушка остановилась и громко рассмеялась, заставляя оборачиваться танцующие соседние пары. Потом неожиданно крепко взяла Сергея за руку и решительно направилась к краю площадки. Сергей шёл за ней молча, но осознавая, что в более глупой ситуации ему ещё не приходилось бывать, сам себя ругал самыми обидными словами, которые пришли на ум – оболтус, размазня, тюфяк.

– Да, – всё ещё посмеиваясь, произнесла незнакомка, когда, наконец, они выбрались из толпы танцующих. – Такого со мной ещё

не было, и такого любопытного партнёра по танцам у меня тоже ещё не было. – Неожиданно она почувствовала момент неловкости и медленно отпустила руку парня, при этом пристально посмотрела ему в глаза. – Меня зовут Галя. И нет, мы с вами познакомиться ещё не успели, – и замолчала.

– Сергей, – просто представился он. Замолчал, а потом, собравшись с мыслями, продолжил, – Галя, вы меня простите, пожалуйста. Я и вправду, одичал, как говорит мой друг Павел…

– Это ваш комсорг, что ли? Вы, действительно, друзья? – добрая улыбка девушки сделала её ещё милее и более беззащитной, что ли. Сергей вглядывался в черты её лица и, мимоходом, по привычке угадывая черты характера – «смелая, независимая, борец за правду, наверняка умная и эрудированная», неожиданно для себя стал выделять совершенно другое – «какая маленькая, едва достаёт ему макушкой до плеча, тоненькая, похоже, гибкая, но упругая, как пружинка и просто красивая. И вот эта совершенно очаровательная маленькая родинка возле левого ушка, совсем не портит лицо, а наоборот, добавляет ему неизъяснимую прелесть»… Боясь снова уплыть в своих размышлениях куда-то далеко, Сергей решительно предложил пройтись и протянул руку. Девушка осторожно вложила свою маленькую ладошку в его ладонь, и они медленно, словно не веря тому, что всё это происходит с ними и на самом деле, отправились мимо палаточного городка вдоль будущей новой улицы, которую и возводят стройотрядовцы.

«Скажите, Серёжа, – и тут же извиняющийся вопрос – А можно я вас буду вот так вот просто называть?.. Вы здесь давно работает?.. А кем?.. А сами откуда?.. Скучаете?.. А вот этот стиляжный вид – это ваше самовыражение?..» И ещё десятки вопросов, отвечая на которые, не таясь, рассказал любопытствующей девушке всё о себе. Но и сам узнал, что Галя родилась в Нижегородской области, на берегу Волги, а несколько лет назад вместе с родителями переехала в Тюмень, поэтому учиться она поступила в Тюменский государственный университет на физико-математическое отделение. Перешла на четвёртый курс и через два года будет уже специалистом. Ей очень интересна наука, но и вот так вот ещё поучаствовать в каком-нибудь грандиозном деле тоже будет не против…

– Знаете, что, Галя, а выходите за меня замуж, – Сергей сказал это как-то вразрез текущему разговору, но так, что напряжённо

замолчавшая девушка, поняла, что это была не шутка. И всё-таки уточнила:

– Вы шутите?

– Нет. Я совершенно серьёзно, – Сергей снова засмущался, а потом торопливо добавил, – я знаю, вы сейчас скажете, что вам ещё надо доучиться, что за это время много чего может произойти. Знаю. Но сразу отвечу на ваш не заданный вопрос – больше никому я предложение делать не буду, а вас буду ждать, пока вы получите свой диплом. Только вы, пожалуйста, больше никому не давайте согласия. Хорошо? – и с затаённой надеждой посмотрел прямо в распахнутые от изумления глаза девушки.

Не отводя взгляда, она сначала молча кивнула, а потом подтвердила:

– Хорошо. Обещаю, что никому я больше согласия не дам. – Снова помолчала минуту и уже совсем тихо сказала, – а вообще, всё это так неожиданно и странно, что не могу поверить, что всё это происходит со мной.

– Мне самому странно… – Помолчал и потом словно подвёл итог – но я чувствую, точнее даже знаю, что это правильно.

Они молча развернулись и также молча пошли просто рядом, не касаясь друг друга. Однако нечто невидимое уже соединило их гораздо крепче, чем рука в руке. Возле входа в палатку, где жила Галя с подругами, Сергей прервал затянувшееся молчание:

– Я завтра с утра снова улечу на очередной куст дня на три. Вечером погуляем?

– Хорошо, – девушка едва коснулась его щеки рукой и попрощалась – Спокойной ночи, Серёжа, – и тут же нырнула под полог палатки.

– До встречи, – выдохнул он, развернулся и быстрым шагом направился в сторону дома.

Когда на цыпочках Сергей пробрался в комнату, стараясь не помешать чуткому сну Анастасии Семёновны, он увидел, что друг его уже сладко спит, чему-то улыбаясь во сне. «Ну, вот и хорошо, а то начал бы меня расспрашивать, а я и сам ещё ничего толком понять не могу». Он не мог уснуть почти до самого утра, однако, по привычке вскочил в пять часов и побежал умываться из бочки. Вышедшая вслед за ним старая женщина, молча подала полотенце, внимательно посмотрела, а потом вдруг спросила:

– Серёженька, скажи… девушка то хорошая?

Он задумался на мгновение и ответил:

– Мне кажется, что самая лучшая!

Анастасия Семёновна заулыбалась:

– Ну вот и хорошо… Вот и славно! Пойдём пить чай с оладушками, я специально напекла…

Стройотрядовцы покидали Нижневартовск после двадцатого августа. До Сургута молодёжь добиралась на двух теплоходах «Заря», любезно снятых со своих основных маршрутов и выделенных речниками, а оттуда им предстояло путешествие поездом. За два месяца студенты построили несколько жилых двухэтажных многоквартирников, ещё пару общежитий и новый клуб. Последний строили вместе с работниками из Мегионского НПУ. Молодёжь подружилась, и даже образовалось несколько пар, которые теперь трепетно расставались на пристани, давая обещания помнить друг о друге. Галя и Сергей не обещали ничего, они вообще на тему вероятного совместного будущего больше ни разу не говорили. Сергей потому, что уже всё сказал, а Галя… Она просто решила довериться судьбе. Да и на пристань Сергей успел прибежать буквально за десять минут до отхода, когда речники уже усиленно просили народ подняться на борт.

– Я вот тут тебе немного черники насобирал. Варенье сваришь, – сунул он в руки растерявшейся девушке свой походный, ещё армейский котелок. – У меня скоро должен быть отпуск, если, конечно, отпустят, – порадовался каламбуру и продолжил с просьбой во взгляде, – я к тебе заеду?..

– Да, конечно! – Искренне обрадовалась Галя, видно, что едва сдерживает предательские слёзы. – Я буду ждать. Ты, главное, отвечай на мои письма, а я буду писать…

На «Заре» взревел гудок, и последние пассажиры этого речного автобуса поднялись на палубу. И оставшиеся на берегу, и отправившиеся путешествовать ещё долго махали друг другу на прощание, все, кроме Сергея и Гали. Они до последнего стояли не шелохнувшись, каждый на своём месте, и цепко вглядывались в удаляющиеся фигуры друг друга до тех пор, пока теплоход не ушёл за поворот, следуя изгибам реки.

Друзья, поначалу пытавшиеся выяснить подробности зарождающихся отношений, очень быстро поняли, что никакие пытки не заставят Сергея поведать о своих чувствах, отстали и только украдкой, иногда наблюдали за Бороздиным, отмечая, что тот стал ещё больше одержим работой, мотаясь по заданиям Осипова и Литвакова вообще без выходных.

Однажды, уже в конце сентября, Владимир с Павлом не выдержали и напрямую спросили:

– Серега, что с тобой? Ты как с цепи сорвался. У вас что-то с Галей случилось? Поссорились?

– Нет, всё действительно хорошо. Я просто в отпуск хочу, но только поехать смогу с чистой совестью, когда сделаю по максимуму до отъезда.

– Вот ты чудик, – первым отошёл Павел, – да у нас же никогда всё не переделаешь. Ты хоть заявление на отпуск написал?

– Нет ещё.

– А ну, давай, пиши, пока Осипов здесь, а то он в командировку в Москву на несколько дней собрался. Вот он на вертолёте до Тюмени полетит, глядишь, и тебя с собой прихватит.

– Пиши-пиши, – поддержал комсорга и Ладыгин.

Под явным наблюдением друзей Бороздин написал заявление, и они буквально впихнули его в кабинет Осипова, закрыв за ним дверь.

Борис Иванович поднял глаза от кучи документов на столе, улыбнулся:

– Сергей Константинович, что у вас? – Протянул руку за листом бумаги, который держал Сергей. Тот молча отдал заявление и в некотором напряжении следил за главным. Осипов же, поставил свою роспись, даже не раздумывая, лишь вернул листок со словами:

– Занесите в отдел кадров сами, пожалуйста.

– Да, конечно. Спасибо, Борис Иванович, – и Бороздин уже было повернулся к двери, как Осипов его остановил.

– Неужели уже целый год прошёл, как мы работаем вместе?

– Ну, да, на второй перевалило.

– Вот как время бежит. Мне иногда кажется, что вот вы только вчера с нами на вездеходе до конторы добирались, под снегом в одной рубашке и со своим смешным чемоданчиком, а иногда, как подумаю, сколько мы за это время вместе успели сделать, так кажется,

что и не один год прошёл. Ну как, довольны вы своей работой? До сих пор на Сахалин рвётесь?

– Ну, рваться, наверное, уже и не рвусь, но мечта там поработать, хотя бы побывать, осталась, – чистосердечно признался Сергей.

– Поработать на Сахалине вам не обещаю, вы и здесь нужны, – Осипов одобрительно хмыкнул, а вот побывать в следующем году, скорей всего получится.

От неожиданного радостного обещания от человека, который всегда держит своё слово, у Бороздина даже дух захватило.

– Ну, это к следующему лету посмотрим, – Осипов перешёл на деловой тон. – Да, вы как добираетесь на большую землю? Я послезавтра вертолётом до Тюмени. Полетите со мной?

– Конечно же! Спасибо огромное! Ну, я пока пошёл? – Сергей снова направился к двери.

– Идите, конечно. Попросите заглянуть ко мне Владимира Урielевича, мы с ним на предстоящий месяц нагрузку Рифату Маратовичу обмозгуем...

Виктор Козлов

«Электровеник»

Однажды я, после бессонной ночи, в ожидании вертолета прикорнул, сидя на пне огромного кедра, удобно прислонившись к пучку торчащей из пня смолистой гибкой сердцевины, не захотевшей расставаться с родными корнями. И невольно подслушал разговор бурмастера с улетавшей на базу женой-коллекторшей; он оставался на заключительные работы.

Разговор вроде был семейный, но совершенно не интимный: о событиях прошлой ночи, когда они тоже не спали, занимались своими делами; поэтому я решил пока себя не обнаруживать.

Голос у мастера глухой, осенним дождичком – не разобрать, её – чистый, дробный – летний капельник: кап-кап-кап, – проникал сквозь дремоту. «... Я тебе точно говорю: медведь или рысь! Глаза зелёным блестели. Вон оттуда, из завала... Цементаж как закончили – я пробы в сушилку понесла... а то я не знаю! Собаки под балок

спрятались, хвосты поджали... Обратно иду – уже огоньков не видно. Медведь или рысь любопытствовали... Местные говорят, самый медвежий угол – здесь! Сам подумай: лога, осинники, ручьи... Живность: зайцы, лоси, рябчики и прочая дичь... А шиповника, красной, чёрной смородины и другой ягоды – море!..».

Встречался я с четой Дружининых сравнительно часто, но по обстоятельствам: на спуске и креплении скважин эксплуатационными колоннами или при геологических осложнениях. Претензий у меня к этой бригаде никогда не было в технологическом плане: переданным параметрам режима бурения и бурового раствора можно было уверенно доверять, в этом я убеждался неоднократно. Не могли нарадоваться на неё и в геологическом отделе: коллектор Анна Васильевна Дружинина даже могла заменить и геолога на буровой. Она вполне квалифицированно могла описать керн, грамотно «читала» каротажные диаграммы...

Однажды глухой зимой был я по делам в дружининской бригаде. Смотрю, жены его не видно. И в котлопункт он один пришёл. Я поинтересовался у мастера: «Супруга – на выходном?» Он усмехнулся: «На выходные – она всегда со мной! На рыбалке! Она ж у меня заядлая рыбачка. А тут озеро рыбаки отыскали, вот она с ними на подлёдный лов – как свободная минута выдаётся – и бегает! Сегодня что-то и про обед забыла: она ж всегда второе для меня сама готовит, у меня ж – протезы! Я ж до Сибири в Вандее работал: там все зубы и оставил!» – и Михаил Иванович улыбнулся белозубой улыбкой. Я искренне удивился: «Шутишь, Михаил Иванович! Я всегда завидовал твоим зубам: ровные, белые!» – «Нет, Николаич, правда: одна видимость, протезы! Анна Васильевна как-то к ним приспособилась: её стряпня – мне по зубам! А без неё я только первое кушаю да манную кашу!» – «А вот на это-то и я раньше обратил внимание: ты даже гуляш не берешь!».

В этот момент в столовую – мы обедали последние – заглянула краснощёкая, разгорячённая Дружинина. «Опоздала, никак? – с порога спросила она. – Ну уж, извиняйте, ради Бога! Зато на ужин такие котлетки рыбные сделаю, пальчики оближите! И ушицу двойную сгоношу, на всех! Как, Романовна, берёшь в помощницы?..»

Ну, и конечно ужин был знатный для всей бригады!..

«Васильевна! – предлагали ей мужики, – организовывай рыболовецкую артель! Согласны на ежедневный «рыбный четверг»»!

Внешне Анна Васильевна походила на типичную среднерусскую женщину в конце среднего возраста, то есть, под пятьдесят: широколица, скуласта в меру, голубоглаза, волосы светлорусые, брови нерезкочерченые, взгляд добрый, всепонимающий, у уголков глаз и губ – светлые лапки морщинок, голос приятный, чёткий. Похожа она на мою мать в ту пору, когда мне было 24 года и я уезжал на работу в Сибирь. А сейчас у меня самого первая дочь уже старше! По возрасту мы с Дружининами почти ровня. Я вообще-то с людьми схожусь душевно трудновато, но Анна Васильевна меня сразу подкупила своей естественной добротой и открытостью. Сблизило нас и то, что у них было сейчас тоже две дочери и общие проблемы. Старшей их дочери было 26 лет, не замужем. С претензиями, но всё ещё – у них на шее! Младшей – двадцапть лет. Но уже внук бегает...

Дружинина про свою молодость вспоминает неохотно: «Отец пропивал всё до ниточки. Я старшая была. Вырвалась с радостью... В коммуналке с Мишей жили, дом вроде барака. Потом Дружинина в армию забрали. Я стирала... А в положении была – в окно глянула и обомлела: Миша стоит в окне в военном. И голос слышу: пришёл, разговаривает. Одет обыкновенно. Я его вот так явственно видела – ну прям живого!.. Вот, ну не чудо ли! Как отслужил он, мы уж больше не расставались, как иголка с ниткой: куда он, туда и я. Кем только я не работала: и техничкой, и комендантшей общежития, и лаборанткой, и заведующей лабораторией, но больше всего – коллекторшей. Вот как здесь...».

«Здесь-то, я смотрю, вы и за технолога вполне справляетесь! Правда, на общественных, так сказать, началах. И – вообще: мать-командирша вы настоящая! Ей Богу, была бы моя воля, я бы назначил вас с чистой совестью помощником бурового мастера!».

«Это вы, Николаич, перегнули, пожалуй... Мне ж не должность важна, а вот оклад поболе – не мешало бы. С этой переаттестацией... Вроде Петров в разведком приглашал и по каждому пунктику разъяснил: и насчёт разряда, и оклада – пересчитают, мол, с июня. А то сделали – 90 рублей! Курам на смех! Ирина Ивановна хоть что-то подкидывала, а Тамара – такая злая! Хуже нет, когда некоторые твои же знакомые маленькими «кочками» становятся... И не оправдывайте её: ей в удовольствие помытарить человека! Я, поди, не хуже вас её знаю, а в своём деле разбираюсь получше её!.. – и неожиданно

спросила: – А что вы свою кандидатуру на начальника не выставите? Тоже ведь и за себя, и за «того» парня пашете! Все удивляются! Хоть бы в начальничьем кабинете поразговаривала с вами...».

Я сказал, что поздно: «Укатали Сивку горки... Дорогу – молодым!».

Ничего не сказала моя собеседница, только тяжко вздохнула: не по душе ей пришёлся мой ответ...

Повариха Ванюрихина, в другой буровой бригаде как-то к слову сказала про неё, про Анну Васильевну Дружинину: «Электровеник» – зовём её. Всё успевает: и свою работу, и уберёт, и постирает, и на кухне поможет: что картошку чистить, что пельмени лепить... Или вот: у раковины слив забился! Сказала тому, другому... Слесарю. Он: «Ты кипятком пролей – пробка ледяная там!» Не помог кипяток. Васильевна узнала, сама сняла этот шланг, что-то с ним поделала, в котельной ли чего, поставила – всё о'кей! – потекло... Опять же рыбачит – любому мужику нос утрёт! Ну, право: электровеник!».

В то время я начал публиковать в региональных СМИ некоторые свои зарисовки из серии «Экспедиционные будни» и стихи. Внимательным читателем и ценителем их оказалась Анна Васильевна. Геологоразведка тогда переживала трудные времена. Лётные буровые бригады сократили. Дружинин работал в отделе техники безопасности и охраны труда, она – кем-то при конторе. При случайных встречах обязательно отзывалась о какой-нибудь моей последней публикации. Особенно она приветствовала зарисовку «Подстраховались...»: «Её ведь, Миша говорил, на разнарядке у Перепелюка обсуждали! А что? Ведь истинная правда! Сама не раз свидетелем была... А вот уж про тётю Клаву – до чего душевные стихи вы написали! Спасибо вам!».

Её похвала была мне приятнее профессиональных разборов!

Когда Романовны не стало, Анна Васильевна наказ мне дала: «Напишите вот про жизнь тяжёлую таких – «военных» – поварих!».

Про Романовну-то я давно написал, наказ выполнил, а вот про таких «электровеников», как Анна Васильевна, – только собрался...

Последний раз я видел её 10 июля 1992 года. Я прилетел с Р-720 Никольской. Был уже конец дня. Я зашёл на работу – технологический отдел закрыт. Заглянул в АХО, узнать – там одна Дружинина. Она мне объяснила всё и доброжелательно так говорит: «Читала

подборку ваших стихов. Над «Военным фото» даже всплакнула! Вырезала из местной газеты: храню! Очень душевно написано!..».

Но я спешил и не мог с ней поболтать: надо было деньги получить и т.п. Она – почти вдогонку: «Вот, всю жизнь, считайте, проработала и – ничего! Зайдите к нам: пусто! Всю жизнь – зря, получается?..».

Мы с ней на буровых частенько «за жизнь» говорили (иногда ночью, когда в мороз заходили в культбудку погреться, если технологические операции позволяли).

Поэтому я понял её и на ходу уже ответил: «Ну уж – нет! И зато – совесть чиста!».

«Это уж – так! Совесть – чиста! Точно!» – подтвердила Анна Васильевна.

Где она сейчас?.. Прочтёт ли эти искренние строки о себе?

Нефтяники России

Вы – кормильцы России, нефтяники!
Вы достойно несёте свой крест:
В голой тундре, в зыбучем торфянике
Жгёт мороз вас, гнус поедом ест.
Труден путь по тайге болотистой,
Но не легче и в недра путь:
Там свои зыбуны и пропасти,
Надо их одолеть – не свернуть!
Вы – кормильцы России, нефтяники!
Издалёка – жизнь наша манит,
Будто тульским печатным пряником,
Вы ж – зарплатою не избалованы!
Чувство долга – у нас в крови!
Вы – сибирской пургой исцелованы:
Нет провереннее любви!
Что там, нытики, слюни тянете!?.
Поработали б лучше всласть...
Есть пока в России нефтяники!
Не дадут они ей пропасть.

А нам нужна
одна победа...
Пусть всегда будет
Мир!

Елена Гостева

Русско-иранская война 1826-1828 гг. Первая война Антона Телятьева

(главы из романа «Стрекозка Горгона»)

Глава 23

Перед выпуском из корпуса Телятьев подавал прошение с просьбой зачислить его в уланский полк, поскольку хотел, как отец, быть уланом. Однако ему сказали, что офицерских вакансий в уланских полках нет, отправили егерем на Кавказ. Он заехал домой, пообщался с родными, с соседями и отправился к месту назначения. Недолго послужил в Тифлисе, затем был переведён поближе к Персии, ему дали взвод в 42-м егерском полку, что стоял в Карабахе – самой южной провинции России.

Поначалу не столько командовал, сколько сам от старых солдат учился. Так советовал дед, затем и ротный командир. Капитан рекомендовал, не стесняясь и не чинясь, спрашивать обо всём фельдфебеля Савина. Тот отслужил уже 18 лет, в Карабахе с того времени, как эта провинция стала России принадлежать, так что слыл докой во всех вопросах. Также капитан предупредил, чтобы за село в одиночку не высовывался и в темноте даже возле своей квартиры один не гулял:

– На Вас, Телятьев, новенький мундир, эполеты блестят, Вы – новичок в этом крае, а за такими здесь охотятся.

Подпоручик «высовывал нос» в сопровождении солдат. Перед отъездом из Петербурга пообещал сестре писать длинные-предлинные письма. И здесь, на чём бы ни останавливал взор, сразу же составлял фразы, которые лягут в письмо. Сортировал свои впечатления на то, чем можно делиться с сестрой, и то, о чём можно сообщать лишь товарищам по кадетскому корпусу, попавшим в другие части. О том, что здешние сёла не похожи на русские, можно рассказывать всем. Даже у самых бедных людей жилища из камня. Каменные стены под лучами солнца кажутся то лиловыми, то розовыми, а в сумерки – фиолетовыми. Вокруг Чинахчи, где размещается штаб-квартира полка, на плавно поднимающихся склонах гор тянутся пшеничные поля, за ними – террасы виноградных и яблоневых садов, тут же пасутся лошади, коровы, овцы. Коровёнок местных можно принять за телят, столь они невысоки да поджары, и все рыжие, в цвет выжженной солнцем здешней земли. Свиней нигде нет, зато овцы местные до того грязны, что наши поросята – чистюли перед ними. Поднявшись на луга высоко в горы, Телятьев увидел, что там овцы уже пристойно выглядят – травы там гуще, сочнее, меньше пыли, потому животные и чище, и упитанней.

Когда первый раз он вышел далеко от села – егеря шли на смену другой роте, что на высокогорных пастбищах охраняла кочевников – крутил головой по сторонам с превеликим любопытством. Поднимались долго, на вершине сделали привал. Телятьев отошёл от солдат, чтобы с горы оглядеть окрестности. И был поражён тому, что недалеко от Чинахчи ушли: вон оно, село, почти под ногами, казалось, если взять камушек и кинуть, можно на крышу того самого дома, где квартирует, попасть. Конечно, это обман зрения, но если здесь на горе пушки поставить, ядра запросто долетят. Линия горизонта со всех сторон неровная: то плавно, словно волнами, поднимается и опускается, то остро ломается, царапая небо остроконечными пиками дальних гор.

Телятьев любовался на сию линию и вдруг услыхал: в кустах за спиной что-то легонько хрустнуло. Резко обернулся, выхватывая пистолет. Из кустов, разведя зелёные ветви, вышел изумлённый штабс-капитан Драченов, сдвинул фуражку залихватски на бок, хохотнул. Телятьеву стало стыдно, подумал, как глупо он выглядит перед командиром с пистолетом в руке.

– Прошу прощения, господин штабс-капитан, – пролепетал, краснея. – Испугался.

– Стыдиться нечего, – ответил тот. – Наоборот, хвалю за хорошую реакцию. Я заметил, что Вы один гуляете, и хотел отчитать. В здешних местах нельзя в одиночку по горам-лесам разгуливать, можете головы лишиться.

– А что, местные до такой степени русских ненавидят?

– Не любят, да главное не в этом. За Араксом за каждую русскую голову по сотне червонцев дают, потому средь местных и не переводятся охотнички до сего промысла. Смотрят на нас примерно, как охотник на медведя. Разве охотник ненавидит зверя? Нет, но шкуру его добыть не прочь. Татары с персами торгуют, заодно с товаром и головы отвозят.

Штабс-капитан подошёл к краю горы, посмотрел со вздохом на штаб-квартиру, достал из кармана трубку, неторопливо раскурил. Предложил Телятьеву, тот отказался.

– Не курите ещё? Ну и правильно, и не пробуйте… Хотя здесь от тоски все курить начинают. – Вздохнул, потом продолжил наставления. – Нас татары, вроде бы, вполне приемлют, в верности клянутся, в милиции вон многие служат. Однако боюсь я им верить. Сдаётся мне, что даже милиционер-татарин, если представится случай голову русскому отрезать, сделает это, не упустит. Сто червонцев, это ж немалые деньги. Кстати, что за офицерскую голову, что за солдатскую там одну и ту ж цену дают, у нас с Вами никаких преимуществ перед нижними чинами.

– А там-то что с головами делают? – спросил подпоручик. Здесь он от всех только и слышал: головы не лишись, голову на плечах сохрани, но и не предполагал, что всё до такой степени дико.

– Говорят, перед дворцом Аббаса-Мирзы высоченные пирамиды из голов сложены. Всё в садах шаха-заде есть, богатств видимо-невидимо, а он любит более всего услаждать свой взор видом пирамид из голов поверженных врагов, потому и скупает. Особенно ценит светловолосые, белокожие. Головы армян, например, там всего за пятьдесят червонцев идут. Учтите это!

Затянулся, выдохнул дым шумно, поделился другими мыслями:

– Эх, смотрю я на село и думаю: если война случится, сложно нам будет в столь открытом месте защищаться. Как считаете?

– Пожалуй, – согласился подпоручик. – Если на склонах артиллерию разместят, пропадёт село.

– Да. Зато это – родина Мадатова, известного храбреца, разве что его имя нас оборонять будет.

В Чинахчи в основном жили армяне, но были и мусульмане. Здешних мусульман, как и прочие горские народы, русские звали, особо не заморачиваясь, татарами, а сами они именовали себя иначе. Село это принадлежало армянскому князю Мадатову, прославившемуся в прежних войнах с турками и французами, ныне одному из командиров Кавказской линии. Армяне превозносили подвиги своего князя, татары говорили более сдержанно, но тоже с уважением, поскольку воинская храбрость восхищает всех. К лету 1826 года мусульмане стали более агрессивными, и в спорах с армянами уже доказывали, что село это – не Мадатова, а хана Шахназара, и что хан скоро вернётся и заберёт его себе. А храброго князя в родном селе давно не было. Полковник Реут сказал, что князь уехал лечиться на север Кавказа, к минеральным источникам, татары говорили, что он и не вернётся никогда. Отношения с местными мусульманами ухудшались и, видимо, неспроста. В воздухе пахло войной.

Глава 24

Первая русско-персидская война закончилась подписанием в 1813 году Гюлистанского мирного договора, по которому Иран (древняя Персия) признал присоединение к России Грузии, Дагестана и северо-азербайджанских ханств (за исключением Эриванского и Нахичеванского). Тринадцать лет после Гюлистанского мира Иран был ареной дипломатической борьбы между Россией и Англией за влияние. Англичане боялись потерять жемчужину своей короны – сказочно богатую Индию, им мерещилось, что Россия планирует отнять её, потому в соседних странах усиленно проводили антирусскую агитацию. В Иране заваливали деньгами и подарками всё окружение шаха, помогали его сыну Аббасу-Мирзе готовить новую армию. Соревноваться с Англией в размерах взяток Россия не могла – у неё не было колоний, подобных Индии. Ермолов в своих донесениях отмечал: «…ни торговли, ни рассеваемых Англией денег мы заменить не в состоянии». В Великобритании ястребы нагнетали русофобскую истерию. И жители туманного Альбиона,

начитавшись своих газет, были уверены, что их главный враг – Россия, северный монстр, сумевший разгромить великого Наполеона, мечтает погубить их страну.

После Гюлистанского мира границы между Россией и Персией так и остались неразмежёванными. России по договору должно было отойти Талышинское ханство, но она должна была вывести войска из армянской области вокруг озера, что армяне звали Севаном, а азербайджанцы – Гокчей. Там находилась христианская святыня – древний армянский монастырь. Обосновавшись здесь, русские поняли, что владеть землями, населёнными армянами, выгоднее, спокойней, чем удалённым ханством, где живут кочевники мусульмане. Потому не ушли, не очистили территорию возле Севана. Россия предлагала произвести размен территориями, Персия вроде бы и соглашалась, но переговоры затягивала.

Аббас-Мирза мечтал получить Талышинское ханство силой – восточные люди не прощают своему правителю поражения в войне, принцу нужно было реабилитировать себя в их глазах. И он даже предлагал Ермолову заплатить за то ханство, но – тайно! – чтобы все его подданные сочли, что русские испугались персидского принца и сами уступили. Ермолов, зная нравы восточных народов, был категорически против этого предложения. Он понимал, что такое соглашение иранцев только раззадорит, это всё равно, что небольшой кусок мяса голодной собаке бросить: проглотят и, уверенные в слабости противника, за другим куском кинутся.

Восстание декабристов в России было воспринято персами как наиболее благоприятный момент для отмщения. Аббас-Мирза, создавший с помощью английских инструкторов новую армию, решил воспользоваться удобным случаем. Он считал, что император Николай занят борьбой за власть со старшим братом – на Востоке никто не мог поверить, что цесаревич Константин уступил престол добровольно.

А государь-император Николай Павлович готовился к войне с Турцией: он был настроен помочь грекам, и был готов за нейтралитет Ирана пойти на уступки. Ермолов писал, что уговаривать иранцев бесполезно, предупреждал, что они жаждут войны, и не подарками заваливать, а угрожать им нужно, но в столице ему уже не доверяли. Он, при Александре – всевластный наместник Кавказа, был на подозрении у императора Николая за его дружеские и родственные связи с декабристами.

В Тегеран направили князя Меншикова с поручением обеспечить мир любой ценой. Когда князь заехал по пути из столицы к наместнику Кавказа, тот давал ему наставления, как вести себя при переговорах с персами, но царедворец знал, что к Ермолову в Петербурге ныне относятся с подозрением, и слушал советы вполуха. Он вёз богатые подарки шаху, а также согласие на некоторые территориальные уступки. Однако советники – иранские и английские – внушали шаху и его сыну, что Россия слаба, иначе зачем бы император соглашался вернуть захваченные в предыдущей войне земли? Иран готовился к войне. Министр иностранных дел России барон Нессельроде не мог даже и представить подобного неблагоразумия со стороны шаха, он видел, что война опасна для правящей династии Ирана. Барон мыслил слишком по-европейски, практично. Народов Востока он не знал, не понимал и возможность войны отвергал до самого её начала, донесения Ермолова считал бредовыми. А молодой император Николай доверял своему министру.

***

Русская граница тянулась от Каспийского моря, захватывая Талышинское ханство, включала Карабах, выдаваясь острым углом на юг, шла к озеру Севан, затем тянулась на запад ломаной линией по Бомбакскому горному хребту, отклонившись от него, упиралась под прямым углом в границу с Турцией, и потом поворачивала на север, к Чёрному морю. Со стороны Эриванского ханства граница проходила всего в каких-нибудь полутораста верстах от Тифлиса. Русских войск на границе было немного, на всю огромную территорию от Каспия до Чёрного моря приходилось менее десяти тысяч русских штыков, разбросанных небольшими отрядами, постами.

16 июля 1826 года начались нападения в разных пунктах. Многие казачьи посты, выставленные возле границы для наблюдения, были полностью вырезаны иль взяты в плен. Русские отряды, теснимые многократно превосходящими силами, либо отступали, либо погибали. Стягивались в Большой Караклис, оставляя селенья армян беззащитными, и конные партии разных ханов грабили, уводили в плен жителей. Русские солдаты, а следом армяне, отходили из Бомбакской долины и Шурагеля на Безобдал, горный хребет, отделяющий Армению от Грузии.

Ермолов первые известия о вторжении персиян получил 18 июля 1826 года. Но и для него ещё было неясно: была ли это настоящая война или только пограничное столкновение из-за неповиновения кое-кого из ханов самому властителю Персии. Русский посол с богатыми дарами от императора совсем недавно въехал в столицу той империи, объявления войны не было. Много позже стало известно, что Меншиков уже возвращался из Тегерана, ничего не добившись, но по дороге его задержал и не пропускал в Россию своевольный эриванский сардар, почти что пленил.

Шестнадцатого и семнадцатого июля набеги совершали отряды, набранные ханами и беками. А восемнадцатого в Карабах вступил уже сам шах-заде – наследный принц Аббас-Мирза с сорокатысячной регулярной армией.

Разбросанность русских войск становилась всё более и более опасной. Окружённые плотной стеной персидских отрядов посты перестали быть полезными для защиты края, а попытки выйти из блокады оканчивались бедой. Так, 26 июля русский отряд в сто шестьдесят шесть человек Тифлисского полка шёл от границы, прикрывая артиллерийский транспорт, но был окружён. Отстреливались, пока не кончились патроны. Тогда бросились в штыки, но врагов было вдесятеро больше. Тяжело израненный капитан Воронков и ещё семнадцать человек были взяты в плен; двум обер-офицерам персияне сразу же отрезали головы. Сорок человек сумели штыками проложить себе дорогу в чащу леса и пробрались в Караклис, сообщили о гибели товарищей. Причину этого приписывают измене казахских татар, которые, вызвавшись быть проводниками, навели отряд прямо на неприятеля. И сей случай был не единственным…

Глава 25

Полковнику Реуту, командиру 42-го егерского полка, армяне ещё с весны сообщали, что за границей собираются войска и делаются большие запасы продовольствия. Реут Иосиф Антонович доносил об этом в Тифлис, и Ермолов обещал послать подкрепление. Роты 42-го полка стояли далеко друг от друга, и в случае войны им непросто было бы собраться и защищать свою штаб-квартиру в Чинахчи.

Одна рота занимала Шушу, три были на юге, далеко в горах, в Герюсах, охраняли татарские кочевья, пять – в окрестностях Чинахчи, один батальон уже за пределами Карабаха – в Нухе.

17 июля к Реуту было доставлено предписание Ермолова строить новые укрепления возле села и обновлять старые. Но времени на это уже не было. На следующий день, восемнадцатого, в Чинахчах появились пешие, потерявшие лошадей казаки и доложили, что они производили разведку вдоль Аракса, и у Худоперинского моста девять их товарищей взяты в плен, а они сами спаслись чудом: лишь потому, что отходили к реке. Казачий есаул со своей сотней помчался к мосту и столкнулся уже со всей персидской армией. Затем прискакали армяне с известием, что на заре 19 июля персияне в числе шестидесяти тысяч человек при тридцати орудиях вторглись в Карабах и идут форсированным маршем к Шуше, поднимая татар на бунт против русских.

Оборонять Чинахчи, лежащие на плоскогорье, Реут не решился – если у неприятеля есть артиллерия, никакая отвага не спасёт. Зато в двенадцати верстах от штаб-квартиры стояла крепость Шуша, которая уже благодаря своему расположению на высоком труднодоступном плато давала возможность обороняться. К тому ж в ней, как единственном городе на всю провинцию, можно было надеяться и на другого рода помощь. Полк нуждался в провианте, к заготовлению коего из-за недовольства местных жителей пока не приступали. Роту, в которой служил Телятьев, отправили в Шушу – приводить крепость в боевой вид, а егеря других рот стали собирать полковое имущество, грузить на арбы.

Горы перед Шушей выше и круче. Та, на которой расположился город, довольно изрезана, среди серого с розовым оттенком камня совсем немного зелени. Плато огромным амфитеатром возвышается над равниной, и снизу путникам видны только самые высокие из крепостных башен да остроконечные пирамиды церковных крыш. Вскарабкались с обозом на гору, увидели, что не столь уж и мала Шуша, крепостные стены высотой в 7-8 метров примерно на три версты тянутся, над ними полукруглые бастионы нависают. Самая высокая часть – с юго-запада, к востоку плато снижается, потом резко обрывается над ущельем Хунот, стена крепости почти висит над ним. Ворот в крепостных стенах четверо, двое узкие, только для пешеходов, вели к соседним деревням, а главными были ворота

Елизаветпольские и Эриванские, через них в прошлом проходили торговые караваны.

Шуша стоит несколько в стороне от дороги, и Ермолов мало обращал на неё внимания, не думал, что пригодится. Стены были в плачевном состоянии, (что-то от времени разрушилось, что-то местные жители на постройку жилищ разобрали), но зато сам рельеф работал на защитников города.

Комендант майор Чиляев народ на сход собрал, объявил, что нужно укрепляться. В Шуше жило до трёх тысяч жителей мужеского пола, по большей части армян. Армяне с готовностью согласились, сразу же старших выделили – каменотёсов и строителей, татары пока угрюмо помалкивали.

К вечеру следующего дня пришли и остальные роты с четырьмя орудиями и наскоро собранным обозом. Оказалось, к Реуту в Чинахчи прискакали с юга армяне с известием, что Аббас-Мирза совсем рядом, и он поспешил. Но весть не подтвердилась, иранцы задержались, и одна рота вернулась за полковым имуществом. Два дня перевозили из Чинахчи вещи и запасы, в гору повозки взбирались очень медленно, за светлое время суток успевали лишь два раза туда-сюда сходить. Вслед за русскими в Шушу переезжали и армяне. На третий день шайка татар напала на обоз. Отбились, но в Чинахчи больше не ездили. Поутру неподалеку от крепостной стены обнаружили трупы троих армян: наверное, из деревни крестьяне хотели в городе найти укрытие, но их кто-то настиг. На соседней мельнице были убиты двое рядовых, посланных за мукой. Стало быть, местные татары уже бесчинствовать начали.

Защитники города взялись за восстановление стен. Кое-кто из армян даже свои постройки поломал, чтоб камни в стену, на прежнее место, вернуть. И невысокую каменную ограду, окружавшую старое армянское кладбище, разобрали, перенесли камни к крепостной стене. Надгробные плиты, конечно, не трогали. Телятьев, следивший за работами, обратил на них внимание: некоторые из плит были столь древними, что не просто вросли в землю, а уже были расколоты проросшими сквозь них высоченными деревьями! И на всех ещё можно было разглядеть замысловатую вязь армянских букв. Татары уверяли, что Шуша в 1752 году построена их ханом, а, получается, привирают они: откуда ж тогда столь древние армянские могилы могли взяться, если сто лет назад здесь не было города?

Самой большой проблемой для гарнизона был недостаток продовольствия. С собой егеря привезли только восьмидневный запас, у местных жителей запасов тоже было немного, поскольку хлеб в полях ещё неубранным стоял. Потому с первого дня перешли на половинную норму провианта. Зная, что мусульмане могут вредить, Реут приказал казакам по окрестным сёлам проехаться, самых влиятельных беков с семьями собрать и в крепости под замок посадить. А из бывших в городе мусульман молодых, недобро посматривающих, просто выслали – убивать их не за что, закрывать под замок помещений бы не хватило, а рядом держать опасно. Армян вооружили и причислили к войскам, добровольцев армянских набралось около полутора тысяч. Были и азербайджанцы, что клялись защищаться вместе с русскими, хотя мало. Над каждым бастионом и фасом старшего офицера назначили. Роте Брюммера, в частности, взводу подпоручика Телятьева достался участок слева от Елизаветпольских ворот. Пока неприятеля не было видно, он следил за восстановлением стены и проверял, насколько хорошо армянские волонтёры оружием владеют, обучал прицельной стрельбе.

Итак, в крепости было тысяча триста егерей, триста казаков плюс добровольцы. Вдобавок к полковым конным пушкам нашли три старые азиатские разных калибров – без лафетов, без снарядов. Их очистили, дубовые лафеты сделали. Армянин Погос Барутчи пообещал, что будет в своей мастерской порох делать, чтобы, если снарядов нет, хотя бы камнями со стен обстрел вести. Из ворот решено было оставить одни, Елизаветпольские, другие заложили мешками с землей.

Глава 26

Двадцать четвёртого июля прискакал армянин с известием о пленении отряда Назимки. Почти следом показались передовые персидские отряды. На следующий день полчища персов уже колыхались внизу, как безбрежное море. Армяне говорили, что их от пятидесяти до шестидесяти тысяч. С опаской защитники Шуши взирали на эту копошащуюся, бурлящую, как море при штормовом ветре, массу людей, облеплявших склоны горы, лезущих вверх.

Всех волновало, каким образом Назимка с тремя ротами и казаками, с двумя орудиями мог попасть в плен? Истребление отряда почти в тысячу штыков было делом, не слыханным для Кавказского края. Здесь привыкли к другой статистике, когда тысяча русских побеждала вдесятеро больший отряд противников. А потом ещё известие пришло, что персы Татевский монастырь – святыню армянскую – захватили. Монастырь тот расположен в горах, на высокой скале, к нему даже сложнее подойти, чем к Шуше. Как в него-то враги проникли? А персы вовсю трубили о своих победах, и население армянское было в панике.

26 июля в крепость прокрался пробравшийся горными тропинками вестовой и передал дубликат предписания Ермолова. Дубликат, потому как первого курьера, что вёз сам приказ, персы уже взяли в плен. Ермолов предписывал Реуту собрать войска в Чинахчах, дождаться прибытия двух рот из Ширвани и держаться там, насколько возможно, чтобы поспешным отступлением не произвести волнения в народе. Если сам Аббас-Мирза перейдёт границу, то истребить все тяжести и отступать на Елизаветполь и далее к Тифлису, не давая себя отрезать в горах. Инструкцию сию Ермолов писал, не зная, что Аббас-Мирза со своей армией уже вошёл в пределы России. Роты ширванцев, посланные в Чинахчи на подмогу 42-му полку, встретив персиян, вернулись обратно в Тифлис, а для самого Реута дорога была отрезана.

Ермолов приказывал также собрать карабахскую милицию. А кого собирать? Армяне – земледельцы, и не слишком умело с оружием обращаются, хотя уже вооружились, готовы защищать свой город. Кочевые народы, татары здесь все – прирождённые воины, но они либо уже открыто переходили на сторону персов, либо выжидали. Их преданность зависела от того, в ком силу увидят. Сейчас видели, что русские отступают, и спешили перейти на сторону сильнейшего.

Сначала Аббас-Мирза приступил к переговорам о сдаче крепости. Полковник решил, что самое лучшее в их положении – тянуть время, и согласился. Первого парламентёра вышедший ему навстречу майор Клюки фон Клюгенау оглядел с презрительным высокомерием аристократа и разговаривать отказался – посланный был простым армянином в персидской одежде, и фон Клюки счёл того недостойным важной миссии. День таким образом протянули.

Через день к воротам крепости подъехал один из персидских сановников, хан с блестящей свитой; ему завязали глаза и доставили к Реуту, который ожидал его, окруженный всеми штаб-офицерами. Хан объявил, что уполномочен предложить гарнизону почётную сдачу, то есть принц готов выпустить отряд Реута вооружённым и пропустить в Тифлис. Персияне, перехватив ермоловское предписание об уходе из Карабаха, надеялись, что Реут согласится. Посланник от шаха-заде сообщал также, что все прочие уже давно выполнили приказ, и с этой стороны хребта больше нет русских. Вести сии произвели тяжёлое впечатление. Тем не менее, когда Реут опросил офицеров, все единодушно объявили, что готовы защищаться до последнего.

Этот ответ и передал полковник парламентёру, прибавив, что охотно исполнил бы предписание Ермолова, если б оно застало его в Чинахчи; а сейчас при всём великодушии его высочества, никак нет. Тем более что со времени предписания обстоятельства могли измениться, потому для выхода из Шуши ему нужен новый приказ. Хан-парламентёр, посокрушавшись надменно об участи, ожидающей гарнизон, уехал. А на склонах соседних гор персы уже делали батареи, и началось бомбардирование крепости.

Вероятно, чтобы сломить дух защитников, на следующий день шах-заде прислал в крепость смотрителя провиантского магазина Рудичева, что был пленён вместе с Назимкой. Он и привёз письмо от самого майора с подписями других офицеров. Хоть сейчас, наконец, узнали, что произошло с однополчанами. Назимка писал, что предписание Реута вестовой к нему, в Герюсы, отчего-то два дня вёз. Сразу же собрали обоз и вышли не по главной дороге, поскольку там стояли персы, а через горы. Надеялись, что эта дорога врагу неизвестна. Однако, как говорилось в письме: «…лишь только я тронулся, герюсинские армяне тотчас дали на Аракс знать Аббас-Мирзе; а сей последний в ночь же отправил несколько баталионов с конницею». Отряд сначала был окружён в глубоком каменистом ущелье карабахской милицией во главе с капитаном Гаджи-Агалар-беком – людьми, что состояли на русской службе(!), а потом подошла и персидская армия.

Назимка вынужден был принять бой на невыгодной местности, когда с окружавших высот и слева, и справа по ним стреляли иль наскакивали лихие наездники. Если б отряд перешёл речку Аракчай,

был бы спасён – за ней начинался густой лес, в котором у персов не было преимущества: на тесной лесной дороге и взвод мог бы целую армию долго удерживать. Но до неё оставалось тринадцать верст, их нужно было проходить, отстреливаясь и отбиваясь штыками. Вдобавок ко всему персидская артиллерия, довольно искусно управляемая одним англичанином, взорвала зарядный ящик, раздробив лафет, и убила артиллерийских лошадей. Солдаты поволокли орудия на себе, сменяя друг друга. Отряд потерял убитыми почти половину состава, но до речки всё же дошёл. А здесь поджидал новый отряд персов, и все оставшиеся в живых попали в плен.

Реут прочитал письмо несколько раз. Выходило, что отряд дрался очень даже хорошо, если тринадцать вёрст сквозь врага прошёл. Да ещё и орудия люди его при этом на себе волокли! Смогли же! Однако почему речку-то, маленький ручеёк, не преодолели?

Рудичев горестно опустил голову и признался:

– Так, извольте доложить, с перепою все были. Приказ-то пришёл как раз в день, когда жалованье солдатам раздавали. Что бывает в такой день, сами знаете. Гуляют, пьют, сколь могут. Назимка сбор объявил, а солдаты на ногах еле стоят. Собрались кое-как, выступили к вечеру. Пришлось к тому ж привал на пятой версте делать, чтоб отставших собрать. За ночь ещё верст семь прошли. Утром увидели, что окружены со всех сторон. Хорошо бились солдаты, некого упрекнуть. А как жара началась, невмоготу людям совсем стало. К речке пришли, так многие, почитай, что все, к воде кинулись, а не на бусурман: до невозможности пить хотелось. У речки-то мало кто уж дрался. Так и в плен попались.

– Вот стало быть, в чём дело… Эх, Назимка, Назимка… Сколь храбр, а дисциплину поддержать в ротах не смог. – Реут оглядел офицеров мрачным взглядом, горько вздохнул.

– Ну, может, вернутся ещё из плена… – робко сказал Рудичев.

– Из плена, может, и вернутся, а честь кто вернёт? В плен любой попасть может, но как попасть? Если из-за того, что с вечера пьян был, то сие позорное пятно трудно смыть. – И полковник приказал Рудичеву. – Всем: и офицерам, и солдатам расскажите об этом. Пусть знают, от чего и самый отчаянный храбрец может погибнуть иль того хуже – чести лишиться.

В трёх истреблённых ротах Назимки находились восемнадцать офицеров и восемьсот семьдесят четыре нижних чина; сверх того, при двух орудиях находилось двадцать артиллеристов да в казачьей

сотне три обер-офицера и девяносто четыре казака. Сколько из них погибло и сколько попало в плен, Рудичев не знал, в письме тоже не сообщалось. Понял Реут, каким образом и монастырь Татевский мог быть захвачен. Небольшой отряд, его охранявший, знал капитана Гаджи-Агалар-бека как своего, перед ним охранники сами могли ворота открыть, не подозревая, что он окажется в роли Троянского коня для Татева.

Глава 27

Бомбардировка Шуши продолжалась. Однако орудия были расположены далеко, и ядра большого вреда не причиняли. Если в стене появлялись разрушения, их успевали за ночь заделать. Неподалёку за городом, выше персидской армии, были пшеничные поля, и жители города с фуражирами ходили убирать их. День, два носили снопы в крепость. Но отряд персов поднялся и туда. Первого августа фуражиры, успевшие сжать и связать в снопы совсем немного, были атакованы на поле. Не приближались персы вплотную, поскольку взвод прикрытия вперёд штыки выставил и отстреливался. Но собирать хлеб стало невозможно, пришлось возвращаться. Возле Елизаветпольских ворот большой отряд конных персов крутился, сквозь них бы не пробиться, и фуражиры пошли в обход, к Эриванским воротам. Но те были изнутри заложены мешками, чтоб их разобрать, требовалось время.

Чтобы отвлечь внимание персиян от фуражиров, майор Клюгенау быстро собрал три взвода и вывел из Елизаветпольских ворот. Взвод Телятьева, как самый близкий к воротам, был в их числе. Это был первый бой Антона!

Конники отхлынули почти сразу, как только сверху картечью стрелять стали, из-за них вышли сарбазы – пехотинцы. Три построенные в шеренги русских взвода прицельным огнём положили кое-кого из них, и отступили сарбазы, не решившись на рукопашный бой. Но за ними, со штыками наперевес появились рослые, в чёрных папахах с длинными светлыми волосами светлолицые солдаты в персидских мундирах. Неужто русские?! Эти дрались умело и жестоко. Майор приказал встретить их штыками, и ружья заскрежетали друг о друга. Телятьев сцепился с одним, кто кого? Видел,

что его солдаты стоят крепко. Огонь со стены стал совсем редким, поскольку мог и своих достать, русские стреляли, только если успевали выхватить врага. Кажется, двое из нападавших упали от пуль, кто-то был поражён штыками. Персидский офицер, тоже светловолосый, дал команду отступить. Чёрные папахи строем, дисциплинированно, отодвинулись на несколько шагов, сомкнули ряд и вновь бегом ринулись в атаку. Сейчас вторая шеренга русских вышла вперёд и встретила атакующих штыками, а другая перезаряжала ружья и целилась. Снова отскочили враги и снова бросились на защитников. Это не персы, которые бегут почти сразу, как встречают отпор. Со стены лучшие из стрелков пытались выцелить нападавших, но те двигались быстро, потому выстрелы звучали редко. Редко, зато метко – как раз, когда Телятьев, упершись в землю, выставил штык против одного солдата, а тот пытался достать его своим штыком, и неизвестно, кто б кого пересилил, персидский воин вдруг ослабил хватку, схватившись за руку – пуля, кажется, ему в правое плечо попала. Телятьеву осталось лишь добить раненого штыком в шею. Вот и первый поверженный! Противник пал, и подпоручик оглянулся по сторонам: вокруг солдаты умело фехтовали штыками, а в центре высокий майор Клюгенау размахивал саблей, в левой его руке был пистолет. Персидские бойцы снова строем отхлынули, майор приказал шеренгам поменяться местами, дав несколько минут передышки тем, кто на сей раз врага встречал. Но вот и бесстрашные чёрные папахи отошли, снова с двух сторон на цепь конница налетела – её штыками приняли, ни одна персидская сабля не коснулась русского воина. Потом, наконец, со стены протрубили отбой: значит, фуражиры вне опасности, уже вошли в другие ворота. Напоследок дав залп по персам, один за другим взводы возвратились в крепость. Сверху, прикрывая отход, велась усиленная канонада.

Когда заперли за собой ворота, майор подошёл к Телятьеву, подал руку:

– Молодец, подпоручик, хвалю! Хорошо дрались, за такой бой можно уже к Анне четвёртой степени представлять.

– Благодарю, Ваше высокоблагородие! – ответил он, а сам чувствовал, что у него здесь, в безопасности, колени трястись стали. Хотелось привалиться к стене и не думать ни о чем. И об орденах – тоже. Клюгенау посмотрел на него с понимающей улыбкой, спросил:

– Это у Вас первый бой? Значит, с боевым крещением!

Да уж! Покрестили! Недурно скрещивали штыки. Из солдат, выходивших навстречу персам, никто не убит, только раненых трое, к счастью, раны неглубокие. В этот день защитники крепости рассуждали, с кем же они бились. Не хотелось верить, что с русскими же. Один из солдат доказывал, что его противник по-польски ругался, другой говорил, что с ним дрался русский. Да, были и в Персии, и в Турции польские батальоны, в кои поступали шляхтичи из польских земель, ныне принадлежащих Австрии, России и Пруссии. Но ведь бывали и в русских войсках дезертиры: солдаты, по каким-то причинам сбегавшие из полков. С кем столь отчаянно пришлось биться трём взводам егерей, точно не удалось выяснить. Сошлись во мнении, что это поляки, поскольку мужчины именно этой нации любили щеголять длинными волосами в стиле «a la Kosctuszko».

В зарядных ящиках полка была в основном картечь, потому по батареям противника стрельбу не вели. Солдаты приловчились ловить падающие внутрь крепости персидские ядра: если успеть загасить фитиль, ядро не взрывалось, и его несли к азиатским пушкам, к которым русские ядра по калибру не подходили, а эти – самое то! Однако Реут с неудовольствием на сию опасную охоту смотрел, боялся, как бы ядро в руках солдата не взорвалось.

Скота внутри крепости было немного – стадо, пасшееся рядом, персы угнали. Но так как фуража не было, то и оставшихся животных стали резать. Хоть было что варить. Жители города с самого начала осады стали делиться с солдатами всем, что имели сами, питались из общих котлов. В крепости у беков было зерно, и его изъяли, для перемола носили в высокогорную деревню Шушакент по недоступному для персов узкому каньону. Аббас-Мирза, через своих лазутчиков знавший об этом, неоднократно пытался пройти в Шушакент. Но его усилия разбивались о неприступность гор и стойкость жителей деревни. Армяне под руководством братьев Тархановых, засев в скалистом ущелье в созданных самой природой каменных редутах, отражали все нападения. И даже сами время от времени спускались с гор и тревожили персидский лагерь.

Аббас-Мирза, главной целью которого был Тифлис, не нуждался в Шушинской крепости, мог бы пройти мимо. Однако упёрся, видно, очень уж хотелось ему сломить волю непокорных гяуров.

У наследного принца Ирана была 40-тысячная регулярная армия. А приспешников было больше, чем собственного войска: к наследному принцу присоединились ханы и беки, каждый привёл тысячи. Были даже курды, что из Турции примчались. Они собрались не столько ради помощи шаху-заде, сколько ради наживы, слетались, подобно воронью, на запах крови, жаждали добычи. Сёла на равнине были уже обчищены, сожжены, всё, что могли там захватить, захватили, увели, увезли. Там добычей были скот и невольники. Здесь же перед персами лежал древний город, и алчно поглядывали они на него – надеялись найти несметные богатства. Десятитысячный отряд шах-заде отправил в Елизаветполь (по-азербайджански Ганджи), поскольку жители того города сами уже прогнали русских чиновников (военных в нём не было), и персам оставалось лишь своё знамя над цитаделью поднять. Город, сдавшийся добровольно, Аббас-Мирза грабить не позволил. А Шуша, населённая армянами, которая сопротивляется – другое дело.

***

В один день к Телятьеву подошёл фельдфебель и спросил, не посылал ли подпоручик куда унтера Чалого, а то его нигде не видать. С Чалым у Телятьева были непростые отношения. Этот унтер с самого начала обратил на себя внимание угрюмым видом. Когда другие солдаты весело песни распевали, он лишь мрачно наблюдал. Телятьев расспрашивал его, узнал, что того в рекруты забрали в 24 года, когда у него уже трое детей было. Видимо, тосковал по ним солдат, особенно по сыну, о нём одном вспоминал с теплотой. Подпоручик пообещал Чалому, что напишет на родину, пусть хоть весточку оттуда пришлют. Письмо пришло месяца через четыре, и было оно неутешительным. Оказалось, что дочек его барин к себе в дворовые определил, а из сына хотел гайдука сделать: слугу, что стоит сзади на запятках кареты, а потом дверцу перед хозяином открывает, подножку откидывает. Но мальчик сорвался во время быстрой езды и разбился насмерть. Не знал Телятьев, как поступить, с фельдфебелем Савиным советовался. Тот покачал головой сочувственно, поохал и сказал, что лучше бы Чалому об этом не знать, а то затоскует совсем. С месяц Телятьев молчал, но потом унтер сам после каждой почты спрашивать стал, нет ли письма для него, и Телятьев не смог солгать. И с какой болью принял унтер весть о гибели сына!

Восьмилетним он его оставил, лелеял мечты, что хоть сынок поживёт лучше бати, а оказалось вон что. Неделю пил и бушевал Чалый, гоняя местных татар и армян – всех, кто под руку попадался, и не осмеливался Телятьев силу к нему применить. На гауптвахту унтера сам полковник отправил. После и без того угрюмый солдат совсем озлобился. И вот он исчез – в плен такого вояку взять бы не смогли, не иначе как сам ушёл.

– Видно, в батальон тот, к головорезам в чёрных папахах, подался, – заключил фельдфебель.

Телятьев в этом и себя винил: если б не передал письмо, может, не ушёл бы Чалый? Савин успокаивал:

– Не его одного от семьи оторвали. Средь нашего брата, солдата, женатых мало, а всё ж бывают, и свыкаются, потому как все под Богом ходим. Характер у Чалого тяжёл, нелюдим он, лют чересчур. Я вот думал не раз, может, он из-за того и в солдаты отдан, что драчлив, поди, лютовал в деревне своей. С его характером токмо в разбойники идти…

Может, и так. Впрочем, размышлять было некогда: осада продолжалась.

Глава 28

Шах-заде Аббас-Мирза понял, что одним обстрелом гарнизон не сломить, и решился на штурм, в его лагере готовились лестницы, туры и фашины. Армяне Тархановы, имевшие в персидском стане знакомых, предупредили Реута, и он приготовился. Ночью часовой услыхал шум взбиравшихся по камням людей и дал залп. Русские были наготове. Майор Клюгенау, распоряжавшийся обороной этого фаса, приказал не открывать огня прежде сигнала. Осторожно двигались иранцы, таща огромные лестницы и туры для закидывания рва. А на крепостной стене в напряжённом ожидании стояли солдаты, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Когда враги приблизились на ружейный выстрел, вся окрестность осветилась зажжёнными русскими подсветами, и картечные залпы, ружейный огонь начали осыпать нападавших. Иранцы побежали, побросав и туры, и лестницы; наутро русские солдаты их подобрали.

Аббас-Мирза снова предложил переговоры, свидание назначил в персидском стане. В полной парадной форме, верхом на коне,

спустился Клюгенау к дожидавшемуся его персидскому конвою. Вернулся майор с тем же конвоем и рассказал, что шах-заде его с почётом принял, повторил то же предложение пропустить гарнизон с оружием в руках, даже обещал выделить свои повозки и коней для вывоза тяжестей. Клюгенау же просил принца пока пропустить офицера в Тифлис, чтобы тот за приказом Ермолова съездил. Если полковник получит приказ о сдаче крепости, тогда и выйдет. Аббас-Мирза не согласился, и снова потянулись дни томительной осады.

Опять гарнизон, исправляя повреждения в стенах, бодрствовал по ночам в ожидании приступа. Через неделю, выбрав тёмную ночь, персияне кинулись на новый приступ, но и на этот раз не добились ничего: встреченные батальным огнём, отхлынули назад, завалив гору телами убитых.

На следующее утро защитники Шуши увидели, что персы наступают, а перед собой гонят людей в армянских одеждах: мужчин, женщин с детьми на руках. Среди армян был даже священник – архиепископ Саркис. Перед толпой ехал глашатай, который кричал, что шах-заде воюет только с русскими, а местные жители могут спокойно выйти из крепости, их не тронут. Они, мол, должны помогать не русским, а иранцам. Однако прокричал, что крестьяне, что собраны перед крепостью, за непокорность своих сородичей будут казнены, если армяне не помогут освободить крепость от русских. Архиепископ уныло подтвердил эти слова и тоже уговаривал сдаться.

Реут встревоженно оглянулся на армян, одна женщина, поднявшаяся на стену, запричитала:

– Доченька! Господин, отпусти меня. Там моя дочь.

На женщину прикрикнул её муж:

– Замолчи! У тебя и другие дети есть. Хочешь, чтобы всех зарезали?

И она, закрыв глаза, из которых текли слёзы, опустилась на колени, уткнулась лбом в камень, зашептала молитву. Не получив ответа из крепости, вперед выехали воины-иранцы и с грозными криками стали рубить головы крестьянам.

– Пли! – приказал полковник.

И с десяток персов упали с коней, упали и несколько армян – то ль от страха, то ль от ударов саблями. Персы погнали пленников обратно, оставив перед крепостью больше двух десятков тел армян и своих воинов. Мрачными были в тот вечер солдаты, они ловили

на себе робкие взгляды армян и тихонько рассуждали меж собой, что дальше от этих людей ждать, не предадут ли? Когда совсем стемнело, за воротами раздался голос: кто-то по-армянски просил открыть ворота, впустить в крепость. Армяне передали полковнику, что там мальчик просится в крепость, женщины умоляли впустить его, спасти хотя б одного. Сверху сбросили верёвку, мальчика втащили наверх.

Это оказался невысокий армянин лет тринадцати, перепачканный кровью и грязью, испуганный донельзя. Когда его переволокли через каменный выступ стены, он, увидев возле себя сородичей, навзрыд разрыдался. Придя в себя, заговорил быстро, сбивчиво, постоянно всхлипывая. Мальчик умолял не верить ни единому слову персов. Они лгут, когда говорят, что не воюют с мирными жителями. На равнине уже не осталось ни одного армянского села. Туда несметной ордой нахлынули курды, сёла жгут, а армян режут. Он сказал, что из их села спастись удалось только ему и старшему брату. И мать, и отец у него на глазах убиты, только сестрёнку не убили, а утащили куда-то. Старший брат увлёк его с места бойни, они выскочили в лес, убежали в другое селение, выше в горы, к родне. Но и туда пришли курды. На этот раз не стали убивать, а привели сюда, к Шуше. Однако село всё равно разграбили и сожгли, весь скот угнали. И здесь, под крепостью, братья были вместе. Когда курды начали головы рубить, брата убили – тот выше был, и сабля просвистела, перерезая шею старшего; он, падая, повалил младшего, упал на него. Так и пролежал мальчишка дотемна, спасённый мёртвым уже обезглавленным братом…

Через день лазутчики сообщили, что согнанных в персидский стан армян шах-заде не казнил. К Аббасу-Мирзе привели армянина, отставного поручика русской армии Вани Атабекова, который в своём имении ныне жил, и Вани по-умному беседу повёл. Сказал, что он житель Карабаха, и пока русские владели им, он им и служил. Если будет у Карабаха другой властитель, будет служить ему. «Карабах мой! – объявил принц. – Мои войска попирают его землю, а несчастные русские не смеют и носа показать из своей крепости». «Э, нет, великий принц! Если Карабах твой, – отвечал Вани почтительно, – зачем персияне режут твоих подданных? Так поступают в стране чужой, вражеской. Никогда царь не истребляет своих подвластных, напротив, стремится преумножить число их. Чем более

подданных, тем могущественнее и славнее царство». Аббас-Мирза отпустил Вани, видимо, желая привлечь к себе умного и влиятельного армянина не страхом, а лаской. Приказал и плененных армян освободить. Хотя и не было уверенности, что отпущенные из его лагеря армяне далеко уйдут, что те ж курды, например, не налетят на них заново, но всё-таки ушли они.

Для осаждённых настали минуты сомнений и колебаний. Жители, потеряв надежду на скорую помощь, роптали. Были даже попытки вступить в тайные сношения с иранцами, один молодой татарин хотел отворить им ворота. Правда, его поймали сами армяне и, не предупреждая коменданта, сбросили со стены, нависающей над Хунотом. Русские узнали об этом, только прибежав на жуткий предсмертный крик падающего в пропасть человека.

Полковник Реут более всего переживал, что никаких известий о положении русских войск не имеет. А вдруг и вправду персы уже и Тифлис заняли, как похваляются? Уже несколько человек отправил тайными тропами, но никто не вернулся. Сумел ли кто дойти? Знает ли Ермолов, что их батальоны живы? Реут опасался за людей: а они-то выдержат ли осаду, не сочтут ли её бесполезной? Чтобы хоть немного успокоить своих солдат и жителей, прибегнул к хитрости. В тёмную ночь тайно от всех был спущен со стены переодетый армянин – не местный, коего узнать не могли бы. Он, пройдя вдоль стены до другой башни, назвался лазутчиком из Грузии и просил впустить. Его подняли на стену, привели к Реуту. Он передал депеши, присланные будто бы от главнокомандующего, (хотя рукой Реута) которые и были прочтены в присутствии офицеров. Содержание бумаг было весьма утешительно. Приятная новость мгновенно облетела крепость, и надежда на помощь подняла дух жителей.

А Аббас-Мирза, видя безуспешность штурмов, но зная, что в крепости не хватает продовольствия, не терял надежды на успех переговоров, и в третий раз просил выслать парламентёра. Отправился опять Клюгенау. На этот раз шах-заде согласился пропустить курьера в Тифлис. Решено было отправить того же майора Клюки фон Клюгенау. А пока заключили перемирие на девять дней. В крепость были присланы два влиятельных сановника, а взамен из гарнизона ушёл майор Чиляев – на офицера меньшего ранга принц не соглашался. Персы убирали трупы со склона горы, а голодный гарнизон получил право выслать на пшеничные поля фуражиров.

Клюгенау не возвратился, но через горы пришёл лазутчик, о котором персы не узнали, и он передал записку от Ермолова:

«Я в Грузии. У нас есть войска и ещё придут новые. Отвечаете головой, если осмелитесь сдать крепость. Защищайтесь до последнего. Защита Шуши одна может сделать вам честь и поправить ошибки (оставление Чинахчи без боя и гибель Назимки). Извольте держаться и не принимать никаких предложений, ибо подлецы вас обманывают. Зачем прислали Клюки, который вам нужен? Он лучший ваш помощник. Защищайтесь. Употребите в пищу весь скот, всех лошадей, но чтобы не было подлой мысли о сдаче крепости. Соберите весь хлеб от беков, – пусть с голоду умрут изменники. Великодушно обращайтесь с армянами, ибо они хорошо служат».

Условленные девять дней прошли, официального ответа – через персидский лагерь – от Ермолова не было, и гарнизон, выпустив заложников, сам сдаться отказался. Раздражённый новой неудачей, Аббас-Мирза майора Чиляева не вернул, отослал в Тавриз.

Томительная и голодная блокада продолжалась. После того, как от Ермолова пришла весть, по крайней мере, защитники крепости взбодрились: знали, что не зря терпят, что это нужно командованию. К бомбардировкам уже привыкли. Но персы строили новые батареи – ближе и ближе. Помешать было невозможно: умело там дело шло, не по-персидски, сапой из брёвен при возведении батарей прикрывались, так что ни пули, ни картечь не могли достать. Армяне сообщали, что там два англичанина руководят. А также узнали, что под стены ведутся подкопы. Один из подкопов персы бросили из-за твёрдого грунта, другой успешно подвигался вперёд, не видимый со стен крепости. При помощи его Аббас-Мирза рассчитывал сломить упорное сопротивление гарнизона. И защитники готовились, ждали, что вот-вот раздастся взрыв под стеной, и если он будет удачен, персы хлынут в брешь подобно лавине. Обсуждали, как драться в том случае. Что сможет горстка защитников против армии, превосходящей их по численности раз в двадцать-тридцать? Молились и готовились принять смерть на развалинах…

Глава 29

Так наступило 5 сентября. Начался день обычными тревогами. А в полдень весь персидский лагерь пришёл в неописуемое волнение: к ним пришло известие о Шамхорской битве, о том, что князь Мадатов истребил авангард персидской армии и занял Елизаветполь. Поздно увидел Аббас-Мирза, сколько времени потерял даром, стоя перед Шушей, и, бросив блокаду, решил со всеми силами двинуться на Мадатова, наказать дерзкого князя. Защитники Шуши об этом узнали через армян. В битве возле Шамхора у персов была пятнадцатитысячная армия, а у князя Мадатова – 4300 штыков да восемь орудий. Мадатов столь решительно и умело в бой свой отряд повёл, что две тысячи персов на поле брани остались, став пищей шакалов и воронья, а в русском отряде выбыли из строя убитыми и ранеными лишь двадцать семь человек. Для кавказских войск такая статистика боя не была чем-то из ряда вон выходящим, они знали, что лишь в храбрости – спасение.

От Шуши армия персов ушла не сразу, собирались они медленно, полностью очистили склон дня через три. Получается, что 47 дней отряд Реута в осаде провёл. После отхода неприятеля вздохнули с облегчением, стали пересчитывать свои ряды. Несмотря на все лишения, потери гарнизона были ничтожны. Убитых четверо, раненых двенадцать, и шестнадцать пропало без вести. Казаки половины коней лишились. Все, конечно, отощали за полтора голодных месяца, но это невелика беда для солдата. Полковник Реут, дав людям перевести дух, оставил в Шуше небольшой отряд, а тысячу повёл вслед Аббасу-Мирзе. Полковник знал, что у шаха-заде только здесь, под Шушей, было собственного войска, не считая татар, 30 тысяч, знал и то, что русские войска сопоставимый по количеству отряд никак не смогут собрать, потому спешил. Тысяча умелых храбрых егерей будет нелишней.

Нужно было передать командующему донесение, и Реут решил отправить толкового офицера, который лучше армян положение отряда обрисовать способен, его выбор пал на подпоручика Телятьева. Армяне повели офицера горными тропами, обходя армию неприятеля. С гор в некоторых местах видны были долины, полностью запруженные персами, там словно чёрно-красно-бурая лавина медленно текла по дорогам в том же направлении, куда

и Телятьев с армянами направлялся, над селеньями, попавшими под эту лавину, поднимался чёрный дым. Маленькая партия, состоявшая из русского офицера и троих армян-проводников, шла быстрее персов, и они обогнали армию шаха-заде, к Елизаветполю прибыли 12 сентября.

Здесь Телятьев просил провести к Мадатову, но оказалось, что командует уже не князь, а прибывший из Петербурга генерал-лейтенант Паскевич, новому командующему подпоручик и передал донесение полковника. Паскевич долго и подробно расспрашивал, почему гарнизон в Шуше заперся, как оборонялся, всем, что касалось отряда Назимки, интересовался. Телятьев аж вспотел под пристальным взглядом генерал-лейтенанта. По выходе из штабной палатки его офицеры окружили: всем хотелось увидеть защитника Шуши, услышать о её обороне из первых уст. Все повторяли, что лишь благодаря остановке Аббаса-Мирзы у Шуши русские успели собрать войска и стянуть к Елизаветполю. На Телятьева, как на одного из защитников Шуши, смотрели с восхищением. Расспросы прервал майор Клюгенау, появившийся неожиданно:

– Кто тут от Реута?

Увидев Телятьева, обрадовался, обнял его, увёл к себе. В своей палатке сказал, что ему под начало даны два батальона карабинеров, и что он подпоручику сразу же взвод поручает.

– Причём, знаете, что за солдаты в сём взводе? Из роты Назимки!

– Значит, отряд спасся? – обрадовался Телятьев.

– Мало спаслось, мало. В госпиталь семнадцать отправлено, да у меня под рукой двадцать четыре… Кстати, на них тут некоторые с презрением смотрят, ширванцы насмехаются, спрашивают, как это они своих командиров потеряли… Я упросил, чтобы их мне отдали, присоединил к карабинерам. Вы сюда пришли, значит, и взводный у них свой будет.

– Как они пробились? Рудичев же говорил…

– Рудичев докладывал верно. В одном он ошибся. Арак-чай, речку, где отряд пленён был, часть егерей и казаков сумели пройти. Не мог Рудичев этого видеть, потому что в хвосте шёл. А был там бой, прорвались храбрецы. К сожалению, менее сотни. Пока шли, натыкались на иранцев, ещё половину потеряли, одиннадцать тяжелораненых в селе армянском оставили. Мало надежды, что найдём их живыми, Вы ж знаете, как с самими армянами иранцы поступают…

Да, армянские сёла курды и персы жгут нещадно, слишком мало надежды, что тяжелораненых егерей спасут. И всё ж настроение Телятьева поднялось от известия, что хотя б часть отряда из Герюсы, малая горсточка храбрецов, а спаслась, пробилась-таки к своим. Клюгенау сказал, что находящимся здесь егерям сорок второго полка нужно честь свою отстаивать, смывать позорное пятно. А то над полковником Реутом тучи сгущаются, не дай Бог, под суд отдадут. Полковнику ставят в вину, что отряд Назимки пленён из-за его нераспорядительности, и что он, не выполнив приказ Ермолова, самовольно Чинахчи оставил.

– Но неужель не понимают, что, останься мы в Чинахчи, наша участь была б не лучше, чем Назимки? – удивился Телятьев.

– Думаю, понимают, но приказ есть приказ. Как Ермолов рассудит, не знаю. А нам с Вами, Телятьев, нужно постараться склонить чашу весов в пользу Реута. В битве, что завтра ожидается, мы должны проявить мужества не меньше, чем в Шуше. Чтобы не говорили, что егеря сорок второго полка только в крепости сидеть молодцы.

Глава 30

Назавтра войска выступили навстречу армии Аббаса-Мирзы часу в шестом утра и в нескольких верстах от лагеря заняли позицию между двумя притоками Куры. Как и все низменности в горах, эта обширная и на первый взгляд ровная долина имела овраги и возвышенности. От истоков двух речек тянутся по ней языками незначительные возвышения, оканчивающиеся верстах в двенадцати от Елизаветполя. На одном из таких возвышений и стали войска, выслав вперёд сильные разъезды для наблюдения за долиной.

Около десяти часов утра показалось войско шаха-заде. Огромная тёмная лавина быстро заполняла всю равнину. Некоторое время персы густой массой быстро надвигались на русскую позицию. Вот стали развёртываться вправо и влево. Конница отошла на фланги, артиллерия выехала в центр. Но выстроив войска в виде полумесяца, готового обхватить русских, и персидская армия остановилась.

В боевом порядке неподвижно стояли друг против друга армии часа два. Ни та, ни другая не хотела начинать сражения. Офицеры русские перешёптывались недоумённо: они не привыкли ждать, зна-

ли, что на Кавказе нужно быть решительным, храбрым до безумия, тогда и есть шанс в живых остаться. Но новый главнокомандующий, не зная войско, не доверяя пока ему, колебался. Не считая двух рот и двух орудий, оставленных при вагенбурге, в русском корпусе было шесть с половиной батальонов, до полутора тысяч всадников и двадцать две пушки. Персов раз в пять больше.

Вооружённые жители окрестных сёл занимали соседние высоты, ожидая развязки дела, чтобы в зависимости от исхода битвы присоединиться к тому, кто победит, и наброситься на добычу.

Батальоны карабинеров были в резерве. Телятьев с возвышения наблюдал за происходящим на равнине. Вот, наконец, русский центр двинулся вперёд, в центр полумесяца. Над персидской батареей показался дымок, и прогремел залп. В ответ русские пушки заговорили, наши войска прошли немного и снова встали, вновь на выгодной позиции. Пушечный огонь охватил всю линию. Кавалерия неприятеля с обоих флагов пошла в наступление. День выдался безветренный, и вскоре за ходом сражения из-за дыма следить стало трудно. С высоты, где размещались карабинеры, можно было теперь разглядеть только то, что происходит на флангах.

Целая туча неприятельской конницы, обскакав первую линию, неслась на роты грузин, стоявших в каре во второй линии. К счастью, весь левый фланг был прикрыт небольшим, но крутым оврагом, который персы издали не заметили. Разлетевшаяся во всю конскую прыть толпа, как вкопанная, стала перед ним и – попала под огонь целого батальона. В то же время, обогнув овраг, насели на вражескую конницу казаки и верные России татары. Не выдержав напора, потерявшие голову персидские всадники бросились врассыпную назад, открыли свою пехоту.

Другой отряд неприятельской конницы нёсся на русскую центральную батарею, которую защищало каре гренадёров. За конницей шли батальоны сарбазов. Но там были генерал Симонич и князь Мадатов, испытанные воины. Два русских батальона отчаянно схватились с восемнадцатью персидскими! И уже не слышно было пушечных залпов оттуда: артиллеристы не могли стрелять, чтобы не попасть в своих. Там дрались врукопашную, ширванцы принимали сарбазов по-русски, на штыки. Рядом с ширванцами темнели мундиры грузинского батальона: вторая линия подтянулась вперёд, воины сплотились и дрались бок о бок.

Атака на левом фланге была отражена, татары и казаки преследовали бежавших, а драгунские дивизионы понеслись вправо, на помощь пехоте, сражавшейся в центре. Белые летние мундиры драгун-нижегородцев выделялись среди пестроты персидских воинов, следить за их атакой было легко. Подобно стальному клинку драгуны врезались в середину персидских батальонов, рассекли их, разбрасывая в стороны. Вот русская пехота и конница сомкнулись, объединили удары. И регулярные войска, гордость принца Аббаса-Мирзы, были рассеяны и в беспорядке побежали. Персидская артиллерия, опасаясь плена, взяла на передки: погрузила пушки на повозки, на верблюдов и понеслась следом за своей кавалерией, обгоняя сарбазов.

И вот уже слева и в центре не стало видно ни персов, ни преследовавших их русских: бой перенёсся далеко вперёд. «А мы так и не вступили в дело! – переживал Телятьев. – И как тут мужество проявить, Реуту помочь!» К карабинерам примчался вестовой с приказом от Паскевича идти вслед наступающим, чтобы спасти их, если те зайдут слишком далеко и попадут в засаду. Клюгенау спешно повёл батальоны. Хотя вряд ли у пехоты был хоть какой-то шанс догнать улепётывавших во всю прыть персов. Но на взмыленном коне подскакал драгунский генерал Шабельский и попросил идти на правый фланг. Там положение русских было плохим. Клюгенау не стал уточнять, это приказ командующего Паскевича иль личная просьба Шабельского, развернул вверенные ему батальоны.

Когда на левом фланге и в центре русские войска уже разгромили отряды противника, на правом успешное наступление вели иранцы. Там они разместились на возвышенности, им и рельеф помогал. Пока две армии в нерешительности стояли, ожидая начала сражения, они время не теряли – успели окопаться и очень удачно разместили орудия. Картечью и атакой пехоты они отогнали пехоту русскую, а их конница загнала казаков почти до Елизаветполя и уже обходила русскую линию. Вот-вот могла в тыл зайти, от города армию отрезать. Один дивизион Нижегородского полка и две роты Херсонских гренадёр напрягали все силы, чтобы сдержать персиян, но русских воинов там было недостаточно.

Майор Гофман, стоявший на этой позиции с самого утра, уже отступал, но, увидев подкрепление, собрал своих стрелков и пошёл вперёд. Пока пешие карабинеры подходили, драгуны-нижегородцы обскакали неприятеля с фланга. И вот карабинеры встали в одну линию с гре-

надёрами Гофмана, майор Клюгенау обнажил саблю с криком «ура», барабаны стали отбивать ритм атаки, и все бросились вперёд. Телятьев вёл свой взвод чуть левее от Клюгенау, стараясь, чтобы его егеря шли вровень с майором. Их даже приходилось придерживать, так как они, обозлённые, рвались вперёд безоглядно, хотели доказать, что умеют сражаться ничуть не хуже других. Генерал Шабельский вёл драгун в атаку с другой стороны, и она была стремительной. Всё, что попало под несущийся ураган русской кавалерии, было смято и стоптано.

По равнине пехотинцы преследовали персов почти бегом, однако наступать в гору через овраги было непросто. Стремительность атаки была потеряна, персы укрылись в окопах, а русские залегли. А уже наступали сумерки. Чтобы скорее покончить дело, Клюгенау пошёл на приступ. Но встречен был столь сильным огнём из окопов и орудий, что вынужден был отступить. Сей штурм стоил карабинерам до шестидесяти человек убитыми и ранеными. Поредел и взвод Телятьева. Снова залегли под горой, одни перевязывали товарищей, другие обстреливали персиян, видели, что спешившиеся драгуны стерегут врага с другой стороны.

Но вот на помощь подошли стоявшие пока в резерве у вагенбурга роты херсонцев, и главное – при них были два орудия, кои спешно снялись с передков и открыли стрельбу по окопам. Поддерживаемые картечными залпами русские солдаты снова полезли на гору. Эту штыковую атаку неприятель не выдержал. Телятьев со своим взводом успел достичь окопа, перепрыгнул через него и кинулся к знамени, водружённому над бруствером, но, уже схватившись за древко, получил сильный удар саблей под колено. Споткнувшись, упал на чьи-то тела, заметил, как за это же знамя теперь дерутся с персами его егеря. Затем почувствовал новый укол – в бедро, заметил, что из окопа к нему с обнаженной саблей перс вылезает, успел выстрелить в его лицо и потерял сознание.

Глава 31

Очнулся и увидел склонившегося над собой улыбающегося майора. Клюгенау был доволен:

– Что ж, Телятьев, и здесь Вы хорошо показали себя. Отмечу в рапорте, опишу Ваши подвиги. Как самочувствие?

Пока Телятьев был без сознания, его перебинтовали. Егеря, положив на скрещённые ружья пару шинелей, поверх них – подпоручика, несли его в город. А майор шёл рядом, сияющий, и делился впечатлениями:

– Заметьте, подпоручик, как вовремя мы в атаку пошли! Чуть бы промедлили, так слава бы уже другим досталась. Мы только успели окопы занять, пленных считать принялись, как прискакал князь Мадатов, жаждущий битвы. Мало ему того, что он в центре сегодня отличился! Но здесь ему осталось только пожать мне руку и сказать, что я счастливее его, не с пустыми руками возвращаюсь из боя. Увидел пленных, персидские знамёна и захваченные орудия и пожаловался, что от него самого проклятые чабаны так шибко бежали, что поживиться ничем не удалось…

Славная битва, переломившая ход войны, закончилась. Татары, что ещё выжидали, не решаясь примкнуть ни к тем, ни к другим, возвращались на свои пастбища, счастливые, что у русского царя нет повода обвинить их в измене, да и кое-кто из примкнувших к персам ханов торопливо отводил свои отряды.

Говорили, что персов убито более двух тысяч и тысяча пленена. Кроме взятых карабинерами и нижегородскими драгунами, других пленных было мало. С русской стороны в бою под Елизаветполем из строя ранеными и убитыми выбыло двенадцать офицеров и двести восемьдесят пять нижних чинов. Старые кавказцы считали, что если б не медлили, не размышляли два часа ввиду неприятеля, потерь было бы в разы меньше. В списках погибших были известные воины. Более всего сожалели товарищи о гибели командира Ширванского полка, первым принявшего бой, подполковника Грекова.

На следующий день рано утром Мадатов с конницей, двумя батальонами пехоты, полком казаков и четырьмя орудиями пустился в погоню за неприятелем и гнал его двадцать три версты. Реут с другой стороны ему помогал. Говорят, Аббас-Мирза до того торопился, что приказал пехоте сесть на лошадей вместе с кавалеристами, так что на одной лошади было по два всадника. Пятнадцатого сентября сам он был уже за Араксом, семнадцатого переправилась в пределы Персии вся его армия. Карабах был очищен от врага, война перенеслась на земли Персии. Телятьев узнавал эти новости в Тифлисском госпитале.

Император щедро наградил героев обороны Шуши и Елизаветпольской битвы. 42-му егерскому полку пожаловано Георгиевское знамя с надписью: «За оборону Шуши против персиян в 1826 году». Полковник Реут награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Армянин Ростом Тарханов был произведён в прапорщики и пожалован пожизненной пенсией, а семье его брата Сафара, умершего вскоре после снятия блокады, назначено содержание из государственной казны. Майор Клюки фон Клюгенау получил орден Георгия 4-й степени.

В донесениях о ходе битвы генерал Ермолов, сообщив о гибели подполковника Грекова, приписал, что в Ширванском полку служило шесть братьев Грековых, старший, генерал, погиб в 1825 г. в Чечне вместе с Лисаневичем, трое в разных стычках с горцами убиты, а теперь погиб пятый. Остался в рядах ширванцев лишь самый младший. Император распорядился младшего Грекова, даже если он и сам того не желает, уволить в отставку с полным пенсионом, вернуть матери. На полную пенсию юный Греков права ещё не имел, зато старшие братья заслужили.

Далее в списках отличившихся государь увидал имя подпоручика Телятьева. Вспомнил о генерале Целищеве, решил сберечь и его внука как последнего представителя славного дворянского рода. В отставку не отправил, но, выяснив, что по окончании кадетского корпуса Телятьев просил направить его в уланский полк, решил, по крайней мере, удалить с Кавказа. И против фамилии Телятьева, которого командиры представляли к ордену Святой Анны 3 степени, Николай написал: «Наградить, произвести в следующий чин, предоставить отпуск с тем, чтобы Телятьев посетил могилу деда, генерал-лейтенанта Целищева. Учитывая его прежнее желание быть уланом, перевести в Харьковский уланский полк».

Глава 32

Война с Персией продолжалась ещё год. Русские войска перешли Аракс, вошли в земли, куда до них ни разу не ступала нога русского воина, и где до сих пор как величайшего полководца помнят Александра Македонского. Перед армией Паскевича падали одна за другой иранские крепости. Древняя Эривань, Тавриз, города с незнакомыми и незапоминающимися названиями.

Осенью 1827 года принц Аббас-Мирза предложил Паскевичу заключить мирный договор, но сами же персы и затягивали переговоры. На сцену вышел другой сын шаха, который, видя, что любимец отца теряет авторитет, решил воспользоваться ситуацией и чванливо пообещался разбить пришельцев с севера. К тому же муллы фанатично призывали бить и бить неверных, не щадя ни их, ни себя. И шах не согласился на условия России. Переговоры были прерваны, и Паскевич снова двинул войска вперёд. Русские, пройдя горные перевалы почти по пояс в снегу, брали один за другим иранские города уже в самом сердце Персии: Урмию – родину Заратустры, Ардебиль – древнее родовое гнездо каджарской династии, где сами шахи короновались…

В феврале 1828 года, осознав, наконец, что затягивание переговоров сулит лишь новые потери, шах согласился на все условия России. По договору Персия выплачивала большую контрибуцию, и к России присоединялись два ханства: Эриванское и Нахичеванское. Можно было бы и весь Азербайджан забрать иль создать независимое от Персии ханство. Паскевич сообщал своему государю, что этого легко достичь, поскольку азербайджанцы не любят династию Каджаров, их ханы к главнокомандующему сами с такими предложениями приезжали, но Николай Павлович был против. Император думал о будущем, считал: если шаха слишком унизить, то он непременно будет готовить новую войну.

Положение наследника шаха, Аббаса-Мирзы, потерпевшего второй раз поражение в войне с Россией, было опасным. Но он знал восточных людей, и гнев толпы, собравшейся перед его дворцом, готовой растерзать его самого, сумел перенаправить. Выйдя на балкон перед возмущённым народом, шах-заде произнёс речь, которая изумила и заставила крепко задуматься его подданных:

– Несчастье, посланное нам Всевышним, да послужит уроком, – призывно воскликнул Аббас-Мирза. – Взгляните на мой дворец: здесь зимовала целая казачья бригада. И что же? Ни прутика не тронуто, как будто я поручил дом лучшему хозяину. А вас, негодяев, куда ни поведу, везде грабите, жжёте, убиваете. Вас встречают и провожают проклятиями. Может ли быть над вами благословление неба?

Народ был ошеломлён, и толпа перед дворцом понемногу рассеялась.

Глава 33

В бою Телятьев получил две раны. Та, что на бедре, зажила довольно быстро, а рана под коленом долго не закрывалась, так как была крепко оцарапана кость. Когда пришло распоряжение императора, он ещё еле ходил, но упросил докторов отпустить – был уверен, что дома, у бабушки, вылечится быстрее. Добрался домой в первой декаде ноября. Бабушка после гибели сыновей не снимала траур, и смерть мужа её не подкосила: она научилась стойко принимать удары судьбы, только стала ещё суровей, величественней в умножающейся скорби. Антон собирался весь отпуск провести у неё, но, как только рана затянулась, бабушка настояла, чтобы внук ехал в столицу. «Тебе, молодому, жить надо, а не возле старухи околачиваться. Посетил могилки родные, да и хватит. Мне-то что? Одно осталось: молиться за вас, да смерти дожидаться, – сказала она. – Поезжай, с Танюшей повидайся, да в делах отцовских разберись. Сколько ещё Александр Петрович будет о вашем имуществе заботиться?» В конце лета она столь же настойчиво выпроводила и Анастасию, что хотела при ней остаться, заявив, что та детям нужнее. А то Колька баламут, не дай Бог, снова из училища сбежит, позору не оберёшься, а Сеня сбежать-то не сбежит, а затоскует без матери. А за ней, старой, есть кому присматривать – вон слуг сколько!

Накануне Рождества Антон въехал в Петербург. Танюше вскорости исполнялось 15 лет, и Александр Петрович упросил директрису, чтобы она отпустила её к родне ненадолго. Поскольку сестра и брат – новоиспечённый кавалер ордена – не виделись давным-давно, а может, потому, что сам Император проявлял внимание к семье Телятьевых, его просьба была уважена. Юную барышню под присмотр тётушки не дворянки или даже родного брата из Смольного бы не отпустили. Потому ей остановиться пришлось у Лапиных, а не в отцовском доме, как хотелось старшему брату.

В Петербурге Телятьев с удивлением выяснил, что двоюродные братья, цыганята, как их называла бабушка, интересными молодыми людьми оказались: образование хорошее получают, языками владеют, оба – музыканты неплохие. А Семён даже в придворные музыканты каким-то чудом попал. Рад Антон был увидеться с Сергеем Лапиным – совместная учёба в кадетском корпусе их сблизила. Друзья Сергея тоже собрались, чтобы послушать поручика – и они

его помнили по корпусу. Были в восхищении, что Телятьеву лишь 22 года, а уже возвратился из боёв с первым орденом, с Анной в петлице. Расспрашивали, как была организована оборона Шуши, что делал сам Телятьев. А переломившая ход войны Елизаветпольская битва, какой она была? Антон рассказывал обо всём, что помнил. Расспрашивали кадеты и о гибели отряда Назимки. Антон знал, что в русских газетах сообщалось о пленении незначительного числа солдат, только раненых, и не стал опровергать официальную версию, счёл, что слишком юны ещё Сергей и его романтичные друзья, чтобы ранить их души жестокой правдой…

Вера Шлябина

Юность, опалённая войной

(главы из книги)

Первый день войны

Четыре года войны... В мирной жизни четыре года – не такой уж большой срок. Но разве сравнить его с жестокими, голодными, бесконечно длинными годами войны, когда каждый день на карту ставились и наши жизни, и будущее советской страны, которую мы беззаветно любили. Так уж нас воспитали... Мы настолько любили Родину, свой народ, что свято верили в победу, в Сталина! Я не знала, останусь ли в живых, но была уверена, всё равно победа будет за нами.

Я росла в атмосфере любви и счастья и в мире пения. Моя мама имела великолепный голос, играла на гитаре и цымбалах. Четыре любимые сестры, я – старшая, родители, которыми я восхищалась и гордилась. Дом в белорусской деревне, под Минском, утопающей в зелени садов. Море цветов. Я очень любила и хотела учиться. Даже моя будущая счастливая жизнь была предопределена.

Ещё в детстве моя бабушка Тэкля предсказала мне, что я выйду замуж за офицера, но говорила при этом: «„Внука» Верка, будут выселять на Соловки (дурней много, у нас в ссылке полстраны), сразу просись в Зергут. В Зергуте люди вольно живут. Там нет ночей, всё видно и видно, и луга там заливные, оттого травы растут в человеческий рост. На соснах большие шишки с орехами созревают. Там нет ограничения на рыбную ловлю и скотоводчество. И птиц там стреляют, кто сколько хочет, и зайцев в петли по целому возу берут. И зверья разного тьма. Но ездят на собаках и оленьих упряжках, железной дороги в тех землях нет. И яблоки там не растут, а только журавинки. Но есть черница и голубица.

А в лесу сам лук растёт. Богато в Зергуте люди живут, но их туда в ссылку сослали, а домой им никак нельзя...». Сестра Ева её поправляла: «Зергут, Зергут! Ты, Фёкла, чай память потеряла. Зургут, а не Зергут... Там комары заедают людей, города далеко, и почта по году не ходит. Вона сколько людей в той холодной Сибири загибло».

«Не пугай дитя! Зима там длинная, а зимой комаров нет. Ежели что, „внука», пиши заяву в Зургут», – настаивала бабушка. Этот загадочный Зургут, где мой двоюродный дед Ефим служил ещё у царя и откуда привозил диковинные подарки моим бабушкам, – он тоже был из довоенной сказки.

Тот воскресный день выдался на редкость солнечным и тёплым. Это был первый день моей практики. Я, пятнадцатилетняя студентка агротехнического факультета Марьина-Горского сельскохозяйственного техникума, Вера Линник, получила задание вспахать большое поле. Пахала и любовалась ровными бороздами, проложенными трактором. От перевёрнутых пластов земли исходил пар. Тёплый ветерок доносил тонкий аромат полевых цветов, растущих по краям поля, вдали синел лес. Я радовалась и этому ветру, и солнцу, и тому, что я так ловко управляю стальным «конём». Какое это счастье – приносить пользу своему народу! Душа ликовала, и я, как всегда, пела.

Вдруг увидела бегущего по полю знакомого студента. Паренёк бежал и размахивал руками, что-то крича. «Чего он бежит, я ещё и половину работы не выполнила», – подумала я и остановила трактор. Услышала: «Война! Началась война!» «С кем?» – выдавила я из себя, полагая, что на нас напала Япония. «С Германией! Немцы напали!» – услышала я в ответ, сползла с трактора и упала без чувств.

С Германией у СССР был пакт о ненападении, ждали войну с Востока.

Счастливая сказка закончилась. Сто девяносто фашистских дивизий Германии перешли границы Советского Союза. Коричневая чума расползалась по всему миру.

Госпиталь

Война началась в воскресенье 22 июня 1941 года. А в шесть часов утра следующего дня к нам пришёл бригадир колхоза «Осоавиахим» нашей деревни Блонь Пуховичского района Минской области и дал мне команду взять ещё три девочки, прихватить вёдра, тряпки и идти готовить казармы под госпиталь в военном городке Марьина Горка. Ожидались раненые красноармейцы из Лиды, Волковыска и Гродно.

Нам было приказано идти за пропусками в Марьина-Горский горисполком. После чего мы начали обрабатывать керосином стены и кровати. Тумбочки и окна мыли мылом. Но не успели закончить, стали поступать раненые. А после обеда началась бомбёжка Марьиной Горки. Здесь размещались танковые и десантные части Красной Армии. Станция Пуховичи и военный городок Марьина Горка уже до войны разрослись и практически представляли единый жилой комплекс, как и местечко Пуховичи, совхоз «Индустрия» с племзаводом, деревни Блонь и Заречье. Первый комплекс от второго отделяло небольшое расстояние. До войны мы легко преодолевали его пешком.

Санинструктор приказал не говорить раненым, что мы не медработники, дал каждой по простыне, в центре которой вырезал дырку для головы, протянул бинты. Мы ими опоясались, надели пилотки и обулись в солдатские ботинки. В приспособленном госпитале раненых становилось всё больше и больше.

Вчетвером мы, пятнадцатилетние девчонки (Катя Фуре, Нина Воскобович, Нюра Цеханович – моя лучшая подруга и родственница, или Регина Ревтович, тоже родственница, уже не помню, и я – Вера Линник) поднимали раненых на носилках на четвёртый этаж. Это я потом стала высокой, а тогда была маленькой и тоненькой, как былинка (не зря в школе звали Дюймовочкой), но ловкой и сильной. Санинструктор остался с нами, он дал нам бутыль с ри-

ванолом, бутыль йода, вату и кипу наволочек с простынями в качестве перевязочного материала. Показал на одном раненом, как делать перевязки. Сам ставил уколы.

Трое суток, не отходя, мы неумелыми руками обрабатывали раны и перевязывали тяжелораненых красноармейцев. Страна ожидала нападения, мы все сдавали нормативы по военной и физической подготовке, учились оказывать первую помощь раненым. Я в числе первых получила значки ГТО (Готов к труду и обороне) и «Ворошиловский стрелок». Отец, кадровый офицер, учил меня быть сильной и ловкой, предвидя неизбежность войны. Но одно дело – теория в мирное время и совсем другое – настоящие раненые.

До сих пор в памяти стоит картина тех дней: тяжёлые носилки, ступени, ступени, ступени, бесчисленные ступени до четвёртого этажа, искажённые болью лица, крики и маты в адрес Гитлера, кровавые рваные раны, часто заткнутые мхом или наспех перевязанные рукавом от рубахи, сучья, привязанные к конечностям вместо дощечек, окровавленные бинты. А раненых везли и везли, их становилось всё больше и больше. Но именно тогда я окончательно решила для себя, если выживу на войне, стану хирургом.

Немцы наступали быстро. Бомбёжки усилились. Мы получили приказ везти раненых в Бобруйск, солдаты погрузили их в телеги и в машины, и вместе со старшими мы двинулись в сторону населённого пункта Майского. Но уже было поздно, с воздуха строчили пулемёты, бомбили дорогу и объекты. Было непонятно, где фронт, а где тыл. Старшина дал нам приказ оставить раненых в лесочке, а самим вернуться назад в казарму. Кого-то из раненых разместили в сараях деревни.

Пятнадцатилетние подростки, мы уже третьи сутки не были дома, безумно устали от носилок с ранеными, перевязок и крови, трое суток не спали и почти не ели (было некогда), но никому из нас даже в голову не пришло пойти домой. Однако в казарме уже было пусто. Несмотря на это, домой нас не пускали, не было с собой документов. Целый день мы сидели голодные, прислушивались к грохоту канонад, потрясённые тем, что творится, и в неведении, что делается дома, а главное, мучаясь, от бездействия.

Когда подъехала машина с политруком, мы успели поспать. Объяснили ему ситуацию, после чего нам разрешили вернуться к родителям. Было уже около пяти часов утра.

Сергей Данилов

Вернувшись из госпиталя домой, я переоделась, умылась, поела. Отца дома не было. Он до меня приезжал домой верхом на вороном красавце Черкесе, через открытое окно попрощался со всеми, маме сказал, что едет с заданием, больше ничего не сообщил. Потом мы узнали, что он возил секретные документы в военный городок Лапичи. Но дома сидеть я не могла, собралась идти к бригадиру, чтобы поручил что-нибудь важное. Однако мама задержала, отправила меня с младшей сестрой Марусей посмотреть, не забрались ли в огород совхозные коровы.

Наш большой огород с одной стороны соседствовал с совхозным, с другой заканчивался ольшаником, который переходил в болото. Моё внимание привлекли вороны, которые кружились рядом с большим тополем. По ту сторону забора возле дерева лежал раненый. Нам, выросшим в окружении военных городков, не составило труда определить, что он был танкистом. Потом от родственника Женьки Буценца узнали, что раненый, его звали Сергей Данилов, пытался через наш огород спуститься к реке Титовке, где стояла воинская часть нашего отца. Но не смог оторвать доску от забора и потерял сознание.

С десятилетней сестрой мы, отодвинув доску в лазе, через который до войны бегали на танцы, затащили танкиста в огород. Он был для нас тяжёлый, ибо не двигался и не помогал нам.

Пока я с его фляжкой сбегала к реке за водой, Маруся порвала фартучек и косынку на бинты и начала перевязывать танкиста. Он пришёл в сознание. Я ещё не успела вернуться с водой, как послышались стрельба, лязг машин и чужая речь. Части отца на берегу Титовки уже не было. Быстро перевязав раненого, закидали его огуречной ботвой, а сами затаились между огуречных грядок. Немцы уже были на нашем огороде, посмотрели в нашу сторону, ничего подозрительного не заметили, на всякий случай постреляли. Но мы уже сделали своё дело.

Когда мы вернулись домой другой дорогой, через болото, на нашем развороченном гусеницами огороде, прямо на клумбе с георгинами, стояли немецкие танки, штук семь. Во дворе на собственной шкуре лежал зарезанный телёнок, одни немцы свежевали гусей и кур, другие с пьяным смехом рубили кустарники и пилили фруктовые деревья. Я потянула Марусю на сеновал.

На крыльцо вышла двухлетняя Иринка. Стоявшая во дворе мама забеспокоилась и взяла её на руки. Немец со смехом попросил дать подержать девочку, мать крепче прижала её к груди. Тогда он вырвал Иринку из рук мамы, а молодой фашист, стоявший рядом, приставил к её груди автомат, не пуская к ребёнку.

Изверг потянул Иринку к кринице и вылил на неё ведро ледяной воды. Девочка посинела и страшно закричала. Немцы смеялись:

«Гут, карашо!» Я закрыла Марусе рот ладошкой в страхе, что она закричит. К коленям матери жалась перепуганная пятилетняя Нюся. На третьи сутки она стала плохо ходить, а вскоре на нервной почве у неё отнимутся ноги. Для Иринки «купание» не пройдёт бесследно: ночью заболят уши, начнётся сильный жар. Антибиотиков не было. Уши будут болеть всю войну. Начнётся потеря слуха, с возрастом младшая сестра-певунья почти оглохнет.

Фашисты вынесли из дома патефон, цимбалы и граммофон, праздновали победу. Был четверг. Шёл пятый день войны. Как же мы их ненавидели!

И полилась кровь

Было жутко: доносился плач, лаяли собаки, забившись в подворотню. Непривычно молчал репродуктор, пахло гарью – догорали наши танки вместе с танкистами... По обочинам дорог и возле танков лежали убитые красноармейцы, женщины, дети.

Хоронить не давали. Фашисты везде установили виселицы, вешали раненых красноармейцев, попавших под руку евреев и по доносу – комсомольцев, коммунистов, активистов. Черноволосых и смуглых ожидала та же участь. От соседей мы узнали, что из баков наших самолётов кто-то слил горючее, ни один не смог взлететь с аэродрома. Никто из нашей семьи до еды не дотронулся.

Вечером, когда немцы съехали с нашего подворья, мы с мамой и тринадцатилетней сестрой Соней перетащили пришедшего в себя раненого танкиста на высокий сеновал, где мама обработала его раны и перевязала заново. С наступлением темноты появился отец. Мы его не узнали – его чёрные, как смоль, волосы поседели. Он всё повторял: «Как же так? Почему мы отступили? Почему сдали свою землю?». Один его спутник был убит, другой ранен, пока отец

определил его в госпиталь, потерял много времени. Несмотря на приказ эвакуироваться после выполнения задания, он не успел уйти за линию фронта. Фронт был ещё далеко. Но навстречу по дороге и через мост уже ехали мотоциклисты с чужой речью, однако в красноармейской форме. Отцу пришлось искать брод и прятаться. Все пути были отрезаны, немцы стремительно продвигались вперёд. И хотя дома было опасно, он вернулся в Блонь.

На пятый день раненый танкист с утра не приходил в сознание. Мы решили привести на сеновал врача, капитана медицинской службы Кучинского. Он представился немцам ветеринаром, они праздновали победу и не особенно вникали в жизнь населения. Обработал раны Сергея и наложил повязку на здоровую ногу корове.

«Где сейчас наши войска?» – часто спрашивал раненый, но мы сами хотели знать, где советские войска. Как-то вечером мама привела ещё пятерых раненых на сеновал. Других раненых она перевязывала в окопе, под который использовали большое хранилище для фуража за огородом, в зарослях деревьев и кустов. Отлежавшихся раненых мы переводили через болото и направляли в лес. Пришло время, проводили и Сергея Данилова, снабдив гражданской одеждой и продуктами.

Через много лет, в 1966 году, он приедет из Челябинска в Белоруссию и с трудом найдёт наш дом. Поговорит с мамой, посмотрит наши фотографии, а потом напишет письмо в Нижневартовск, в редакцию районной газеты «Ленинское знамя».

Главный редактор сделает запрос и получит ответ из Пуховичского райвоенкомата: «... В период оккупации Линник по мере возможности помогали бежавшим из плена и выходившим из окружения военнослужащим Советской Армии, а также партизанам». И только после этого напечатают письмо полковника Данилова на всю газетную полосу. Будут и ещё публикации.

Новые порядки

На второй день оккупации, в пятницу, фашисты всех согнали к церкви, вверху на звоннице установили пулемёты и навели стволы на нас. Зачитали приказ немецкого командования. Он состоял, помнится мне, из двадцати четырёх пунктов. За ослушание или на-

рушение почти каждого из них грозил расстрел либо повешение. За ношение красной одежды – расстрел, даже если она была в цветочек или в горошек, за сбор более трёх человек – виселица, за прослушивание радио – виселица, за нахождение на улице после установленного времени – расстрел, за помощь пленным – расстрел. Всё-всё сводилось к смерти.

Немцы ввели новое административно-территориальное деление и определили новые должности. Здание Блонского сельсовета отвели под волостное управление. Бургомистром Блонской волости назначили бывшего уголовника Овсянника, отсидевшего в своё время десять лет в тюрьме в Оренбургской области. В сельскохозяйственной школе и интернате разместили полицию и войска СС. А в Блонской школе расположились комендатура и немецкая охрана. В Марьиной Горке организовали два лагеря, один для военнопленных, другой для гражданского населения.

Фашисты установили строгий комендантский час, запретили закрывать двери на крючок. Очень тяжело было зимой с шести часов вечера сидеть без света. Не работали магазины, аптеки, клуб, библиотеки, школы с седьмого класса. Их посещали очень немногие, наша Маруся продолжала учиться. Бедных учителей потом обвинят в пособничестве фашистам. Много позже Александр Солженицын в защиту учителей напишет о малых ребятах: «Имучиться или баранами пожить года два-три во искупление ошибок верховного главнокомандующего? Не дал батька шапки, так пусть уши мёрзнут, да?..».

Организовали биржу труда, заставили работать на себя всех, в том числе и военнопленных. На работы нас направляли по разнарядке и в Марьину Горку, и в совхоз «Индустрия», и в Пуховичский городок, так назывался аэродром за Поповой Горкой.

Здесь мы красили самолёты – маскировали их, заодно воровали знаки для передачи пленным, они из пластика делали расчёски.

Все годы оккупации нас гоняли на лесоповал, немцы бензопилами (у них уже были и электропилы) валили строевой сосняк, а мы рубили сучья, шкурили брёвна и на стяжках волоком по несколько человек вытаскивали их из леса к дороге. Фашисты вывозили наше богатство к себе, в Германию. Возили нас в карьеры и на стройки, мы и крыши крыли, и занимались разным ремонтом.

Однажды немецкий офицер вёз на мотоцикле военнопленного Фёдора Филатенко. В двух километрах от нашей деревни мотоцикл

заглох, немец начал копаться в нём. Дал команду пленнику помочь ему. Филатенко «помог» – убил склонившегося немца сапёрной лопатой, забрал планшет и бежал к партизанам.

Он, военный, остался в лесу – руководить партизанским отрядом. Планшет с ценными документами передали в штаб фронта. Потом говорили, что Фёдор получил высокую награду, чуть ли не Героя Советского Союза. Немцы подожгли дом родителей его жены Евдокии, а её расстреляли на пепелище. Двое маленьких сыновей Фёдора находились с его тёщей где-то в другом месте, они уцелели. Ей придётся вместе с внуками жить в бане, но это потом.

А пока нас, жителей деревень Блонь, Заречье и совхоза «Индустрия» снова согнали к церкви и поставили на расстрел. Перед нами – немцы и полицаи с автоматами, сзади со звонницы церкви в спины направлены дула пулемётов. За смерть немецкого офицера подлежала расстрелу тысяча мирных жителей.

Немцы требовали выдать убийцу, считали, что мы знаем, где он прячется. Наделали виселиц, многих вздёрнули для острастки.

Двое суток я, мне было пятнадцать лет и семь месяцев, моя мама и две сестры младше меня стояли под прицелом и ждали, когда нас расстреляют. Две наши маленькие сестрёнки, когда нас забирали, успели спрятаться по маминой команде в нише под русской печкой, сколько там сидели, неизвестно. А когда услышали во дворе чужую речь, пятилетняя Нюся открыла окно, прямо под ним росла густая сирень, и подсадила Иринку, ползком доползли до криницы, оттуда к болоту под ёлку. Но об этом мы узнали позже, а пока все это время, уверенные в скорой смерти своей (насмотрелись на зверства фашистов), думали о беспомощных детях, оставшихся дома без присмотра, и о том, что их ждёт после нашей смерти.

После того, как от нас, стоявших под расстрелом, не удалось ничего добиться, немцы дали команду сжечь все три деревни дотла, а людей уничтожить. Тогда из толпы обречённых вышла эстонка. Католичка прижимала к груди большую старинную библию. «Не убивайте людей, – заговорила она по-немецки, – они ни в чём не повинны. Вы видите, мы единственные в районе сохранили Божий храм. Если хотите, убейте меня! Стреляйте в моё сердце через эту библию!»

Но не её речь повлияла на решение немцев оставить нас в живых и сохранить деревни. Вмешался вернувшийся недавно немец,

пан Гараис, до революции бывший управляющим имением у пана Смоловского, что находилось на территории совхоза «Индустрия». Он-то и спас от уничтожения совхоз, нашу Блонь, Заречье и нас, их жителей. Гараис заявил фашистам, что планы быстрого захвата русских не оправдались, и неизвестно, сколько немцы пробудут в СССР. Если сейчас уничтожат самый большой в районе сельскохозяйственный комплекс из трёх деревень, самим скоро нечего станет есть. Не лучше ли сохранить колхоз и совхоз с племзаводом и заставить работать местное население.

Немцы народ практичный – подумали, посовещались и согнанную толпу сельчан распустили по домам.

Когда мы вернулись домой, в доме было пусто. Все вещи исчезли, вплоть до детского горшка. Матрацы распороты, (перины, пуховые подушки, одеяла и хорошие вещи немцы забрали в первый день войны), перьевые подушки выпотрошены, по всему дому перья и сено из матрацев. Ни детей, ни игрушек. Мама не выдержала, упала в беспамятстве. Мы долго искали сестричек, они были в тёмных платьицах. Нашли под ёлкой, в сырой траве. Сколько они там просидели, неизвестно. Иринка прижалась к Нюсе, вцепилась в неё мёртвой хваткой. Нас сестрички не узнали. Соня попыталась забрать Иринку, Нюся её укусила. Мы долго не могли развести ручки Ире. Когда детей привели к матери, она тоже ничего не понимала. Мы плакали, отпаивали маму валерьянкой, боялись, что она сошла с ума, не придёт в себя.

Фашисты последовали совету Гараиса, сохранили советскую модель коллективного хозяйства. До 1942 года мы работали на совхозных и колхозных полях и огородах. Племенной скот ещё до появления Гараиса фашисты «телятниками» отправили в Германию, остальной частично успели порезать на мясо. Я работала в колхозе, кто-то в совхозе. Потом их преобразовали в крестьянские общины, поля и огороды разделили на участки, назначили каждому норму сдачи урожая германцам. Но на пять-шесть хозяев выдавали одну лошадь, на десять человек один хомут. Как было работать?

С приходом немцев начались массовые расстрелы евреев, пленных красноармейцев, кругом понаставили виселиц, вешали без суда и следствия коммунистов, комсомольцев. Часто убитые лежали вдоль дорог и в канавах, хоронить их не разрешали в назидание другим, за этим смотрела стража. Уготовили дикую смерть

неповинным детям. Их собирали по деревням и везли в Марьину Горку в Дом писателей, где немцы устроили госпиталь.

Там у детей забирали кровь, тут же обескровленных, ещё полуживых, но уже обречённых на смерть, забрасывали в машину и везли в общую яму.

Особым издевательствам подвергались евреи. На наших глазах им давали спицы и заставляли выкалывать друг другу глаза, пить из грязных луж воду, есть дождевых червей, прыгать со второго или третьего этажа, закапывать живьём друзей или родных, толстых заставляли пролазить через узкие ножки стульев.

Всё это сопровождалось диким хохотом фашистов. Наверно, не было такого издевательства, которого не придумали фашисты с их извращённой психикой.

Не лучшим отношение было и к советским военнопленным, которых содержали в конюшнях Заречья. Зима 1941 года была отмечена трескучими морозами. Но, несмотря на это, бедные пленные спали в конюшне на голом полу, без шапок, сапог, в рваных шинелях, а то и того хуже, в том, в чём их летом захватили немцы. Ноги примерзали к дырявым ботинкам. Голодные, больные, они гибли ежедневно. Их становилось всё меньше и меньше. Бывало, сядешь в машину, спросишь, где Иван или Семён, пленные только пилотки снимут. Шапок у них не было в самые сильные морозы. За помощь пленным грозила смерть, но никакие пытки, никакие угрозы не останавливали нас. Как могли, старались помочь пленным. Иногда стирали их рваную одежду, приносили отвары трав. Бывало, неловко бросишь кусок тыквы или картошку, полоску какой-нибудь тряпки перевязать рану, а немец увидит, тут уж не жди пощады – били, сколько хотели и как могли.

Сколько раз мы с сердобольной сестрой Соней были биты! Хорошо, что не до смерти. Случалось, немцы и убивали.

Ужас и неслыханные зверства обрушились на наше молодое советское государство. Так мы узнали, что такое фашизм.

Николай Черняев

Разные судьбы

Перед боем последний привал.
Все надеждой полны.
Кто-то в первом бою погибал,
Не увидев войны.
А кому-то везло всю войну –
Не убит и не ранен,
Жив, остался в строю
И судьбе благодарен.
Кто-то был награждён,
Но не знал про награду.
Поздно орден вручён,
С ним теперь на парадах.
Кто-то в плен угодил
Не по собственной воле,
Лагеря проходил –
Нет печальнее доли.
Кто калекою стал
Без руки иль без ног,
Кто глаза потерял,
Спирт не выпить не смог.
А кого-то с войны
Ждать не стала жена –
К ней презренья полны
И измены такой
Не списала война.

Июль 43 года

Я это видел не в кино
Не в страшной книге прочитал,
Участвовать юнцом дано –
Не сдать Орловско-Курский вал.

За этот бой я повзрослел
Не на год, даже не на два,
Здесь я впервые углядел,
Как плавится в огне земля.

Впервые трупы увидал
В жару припрятанные рожью.
И трупный запах напугал
Какой-то суеверной дрожью.

В сравненье взять Полтавский бой –
Значенье Курской битвы то же.
А вдохновенно описать,
Наверно Пушкин только сможет.

И битвы сравнивать нельзя.
Несправедливо только будет, –
Сошлись в Полтаве «кони, люди…»,
А здесь – огонь, железо,
небо и земля.

***

Война для многих только звуки
И лишь на бумаге слова.
А войну – повседневные муки
Несла на себе вся страна.
До поздней ночи спозаранку
Сражаться приходилось нам,
В сраженье танки шли на танки,
Шли самолёты на таран.
Снарядов взрывы нам известны
И бомбы падающей звук,
Огонь и грохот – боя песни,
Перемешалось всё вокруг.
Сошлись с пехотою пехота,
В ходу гранаты и штыки.

Война – тяжёлая работа,
Вам подтвердят фронтовики.

В наступлении

Танкисты, скрытые в броне,
В металле спрятаны пилоты,
Горели танки на земле,
Горели в небе самолёты.
Снарядов, бомб и мин разрывы –
Всё в наступленье для пехоты.
Солдаты шли неотвратимо,
Собою закрывая ДОТы.
И враг не выдержал, бежит,
Мы овладели их окопом,
И только трупы позади –
Свои и вражьи – общим скопом.
Мы были б рады отдыхать,
В траншеях обогреться раньше,
Но есть приказ нам – наступать
И гнать врага как можно дальше.

***

Дождь затяжной, в окопе сырость,
Сползает грязь со стен окопа.
За облаками солнце скрылось.
Промок солдат, как в день потопа.
Ночные шорохи тревожны,
И ветер шевелит листву.
В такую ночь быть осторожным
Солдату надо на посту.
Иначе враг коварный может
Неслышной тенью подползти.
И только если бог поможет,
Солдат себя может спасти.

***

Белёсое солнце над лесом осенним,
И свет без тепла так любимого.
Осень Пушкин любил, и родился Есенин
В Рязанском селе Константиново.
А мне нашептал ветер светлый, весенний
О первой моей полудетской любви.
На фронте ходил рукописный Есенин –
В землянках знакомились мы.

***

Осень затяжная престарелая.
И зимушку давно я ожидаю,
Под деревьями лежат листочки прелые
И под дождём осенним догнивают.
Видел, как листва, ещё зеленая,
Падала под пулями в войне,
И парни молодые, не целованные
Шли добивать врага в чужой стране.
Им было восемнадцать в сорок пятом –
Заканчивали в мае ту войну,
И этим недоученным солдатам
Пришлось чужую искупать вину.

Атака

В атаку шли лавиной,
В бою не разобрать –
Где «Господи, помилуй»,
Где «в Бога душу мать».
Рвались тела на части
В разрывах бомб и мин,
Кому какое счастье
Лишь знает Бог один.

Бежали офицеры
С криками «вперёд»!
От страха и от гнева,
Скривив гримасой рот.
И все кричали что-то,
И слышалось - а - а - а!
Тяжёлая работа,
Жестокая война.
Атака захлебнулась –
Всё надо повторить,
Солдаты, повинуясь,
Шли сок анчара пить.
Анчара сок – отрава.
Итог боёв такой:
Кому свеча за здравие,
Кому – за упокой.

Письма военных лет

Просмотрено военной цензурой,
На треугольных письмах штамп.
Писали, что живём недурно –
Нельзя писать иначе нам.
О трудностях войны не сообщали,
Писали, что одетые и сытые.
Военную цензуру уважали
И письма отсылали не закрытые.
Обратный адрес – почта полевая –
Ни города, ни области, ни местности.
Матери и жёны, слёзы проливая,
Мучились от этой неизвестности.
Мы снова в наступление готовились
И получали письма из родной сторонки –
Картошка уродилась, сена заготовили
И на кого прислали похоронки…

Временная оборона

Наступленье прекратили,
Мы в обороне наконец.
Окоп – солдатская квартира,
Блиндаж – комбатовский дворец.
Окопы мы соединили,
Траншея – общежитие.
В земле с врагами рядом жили
И врага мы видели.
Но пополнение прислали,
А это значит – наступать,
Окоп солдаты оставляли,
Чтоб где-то вновь его копать.
И отнимали у солдат
Силушки немеряно,
Ведь такая оборона
Называлась временной.

***

Молитесь вы насколько хватит силы
О тех, кто не пришёл с войны домой,
Но не вскрывайте братские могилы –
Не нарушайте воинов покой.

Таисия Адартасова

Я сам не рад...

Опять осколок шевельнулся
В войну оторванной ноге…
От дикой боли развернулся,
Не понимая: что с ним? где?

Плечом упёрся в стенку рядом…
Огонь вокруг, сдавило грудь.
Разрывы, крик и свист снарядов,
В мозгу – лишь автоматов стук.
Он закричал, схватил гранату:
«Ну, гады, получите! – и швырнул, –
Не сдамся идолам треклятым!» –
В небытие и сам нырнул.
Очнулся лишь на дне окопа:
«Ура! Я всё-таки попал…
Заткнулись вражьи пулемёты…», –
Размазывая слёзы, прошептал.
И вдруг услышал тихий голос,
Знакомый, нежный – из войны:
«Ты, Васенька, уже не молод –
Полвека видишь те же сны.
Пролом всё ищешь в стенке слева
И на пол сбросил телефон…
Смотри – аж пальцы побелели,
Всю месть вложил, разбив плафон!
Там, за окном, гроза лютует,
Стучится ветками в окно,
Рокочет гром и салютует…
Война ж закончилась давно», –
Жена так говорила мужу,
Со лба его стирая пот,
Войну прошла с ним и к тому же
Спасла, когда тот бросился на дзот.
И он печально улыбнулся:
«Я сам не рад… Душа не спит…
Мало того, каким вернулся,
Ещё изгадил сны мне фриц».

Много лет спустя

Что связано с войной,
Забыть я зря старалась.

То чёрной полосой
Навек со мной осталось.
И много лет спустя
Мы ждём, чтоб день стал светел,
Чтоб жили все не зря,
Чтоб живы были дети.
Чтоб не было войны,
Чтоб в счастье люди жили,
Но беды нас, увы,
Так жить не научили.

Анатолий Пикалов

1943-й

Памяти моего деда
Пикалова Ивана Петровича,
а также его супруги, моей бабушки,
Пикаловой Дарьи Григорьевны.

***

Жаркое июльское солнце радостно поднималось из-за горизонта на светлом небе. Ни единого облачка и безветрие обещали знойный день. Машина резво катила по сдобренному росой асфальту, объезжая редкие выбоины на дороге.

Большая семейка из двух пар аистов колдовала в гнезде на высокой водонапорной башне. То ли редкие деревья в округе неудобны были для гнездовья, то ли ещё по какой причине, но они удивительно дружно прижились на одной крыше, соорудив свой птичий дом на две семьи.

Через несколько километров по полю рядом с дорогой широким фронтом шагал огонь. Горели аккуратно уложенные в валки хлебные колосья. Казалось, что они были специально подожжены с раз-

ных сторон, чтобы не было возможности потушить. Но зачем? Кто? Не война ведь…

***

Воинский эшелон сердито звякнул буферами вагонов и встал как вкопанный на сортировочной станции Чапаевск. С открывающихся теплушек вываливал парок, и прыгали новобранцы. Окрики старших предупреждали о времени стоянки и необходимости запастись водой, углём, дровами к дальнейшему движению. Как чётко организованный муравейник, только растянувшийся далеко по перрону, личный состав выполнял каждый свою задачу. По их выучке у стороннего наблюдателя могло сложиться впечатление, что эти юные и не очень бойцы уже порядочно обучены, хотя и не до совершенства.

Две женщины и пятеро ребятишек бежали вдоль эшелона, словно боясь куда-то опоздать. Они судорожно останавливались возле каждого вагона, что-то спрашивали и снова бежали. Самый маленький беглец был запелёнат в тёплое одеяло и громко заливался плачем на руках у матери. Мальчишка лет трёх сначала весело бежал, взявшись за руку старшего брата, но потом забрался ему на руки и стал вглядываться в лица военных. Морозный февральский воздух щипал за носы и щёки, но после январских холодов было тепло и уютно в их лёгкой детской одёжке, и они бежали за матерью, принимая эту погоню за какую-то интересную игру.

Интересную, но не очень весёлую, потому что едва поспевавшая женщина постарше постоянно утирала краем платка свои глаза от непрерывно катящихся оттуда то ли слезинок, то ли растаявших снежинок.

– Даша! – через свободный путь со стороны станции вприпрыжку по рельсам быстро шёл мужчина в форме с охапкой толстых веток и чайником.

Погоня разом остановилась, и все её участники, как маленькие и большие железные шарики, подкатились к магниту в шинели, чтобы больше никогда от него не откатываться.

– Мама, ребята, приехали… молодцы!

Солдат был их отец, муж, сын, чем многое и объяснялось в этой утренней беготне…

***

Тянувшиеся по бокам поля стали постепенно переходить в редкие степные островки, а затем, когда дорога повернула на запад, – сплошное лесное море лишь невзначай показывало проблески небольших опушек, где едва умещались две-три копны сена. И было удивительно, как среди болот и леса умелые крестьянские руки возводили эти травяные дворцы.

Лес сплошной стеной нависал с двух сторон над дорогой ветвистыми ярко-зелёными берёзами, колючими стройными соснами и тёмными седыми елями. Казалось, всем своим видом он предупреждал о чём-то грозном, затаившемся в его мрачной дремучей тишине. Возможно, прожитые воспоминания тяжёлого лихолетья оставили на нём свой отпечаток, или что-то ещё неизвестное посылало отзвуки через ауру деревьев проезжающим путникам.

***

Клочок за клочком, деревня за деревней, район за районом приходилось отбирать у врага с такими жестокими потерями, что становилось страшно в эти жуткие минуты обоюдных бомбёжек, когда было не понятно, где наши, а где немцы.

Во всех деревнях на занятой вражескими войсками территории в долгие месяцы оккупации почти все дома были сожжены или разрушены бомбёжками. Оставались лишь чудом уцелевшие. Вот в них и устраивались зимние квартиры со штабными пунктами немецкого командования.

Морозной мартовской ночью, почти утром, когда рассвет вот-вот займётся, начался артобстрел. Женщина лет сорока с четырьмя ребятишками укрылась в дальнем углу избы под иконами и обезумевшими от страха за детей губами шептала молитву. Двухлетняя девочка пыталась было заплакать, но мать прижала её к себе и укачивала. Старшая Шурочка не скрывала слёз и помогала сжиматься этому маленькому комочку из пяти человек.

С улицы в дом вбегали солдаты, докладывали главному о чём-то, тот хмурился и ничего не отвечал, лишь как-то неприятно посма-

тривал на бабу со своим выводком. Нет, он не думал ничего плохого про них в эту минуту. Его злило другое. Неужели именно его дети больше не увидят отца. А он так хотел сейчас к ним. Стало страшно. Прожжённому в песках Африки, прошедшему тысячи километров по Европе, попадавшему и не в такие переделки, именно сейчас ему стало страшно… Никакие команды не лезли в голову. Лишь когда от осколка фугаса разбилось оконное стекло, он опомнился и бросился во двор. Внутри остался лишь фельдшер, который не в пример командиру был предельно собран.

Обстрел стих, но послышались автоматные очереди наступавшей стороны. Всполохи разрывов сменились свистом пуль… Светало.

Маленькая снова заплакала. Шурочка бросилась к ведру за водой. Зачерпнула кружкой и назад, чтобы напоить сестрёнку, но внезапно споткнулась и упала вниз лицом. Она повернулась на бок, и мать увидела, как на её кофточке появилось красное пятнышко, с каждым мгновением становившееся больше.

– Саша, дочка! – женщина бросилась к ней, едва не выронив из рук малую. И разом полились слёзы. В какой-то миг всё перемешалось – стоны дочери, вспышки взрывов, свист рикошетивших от стен пуль, детский крик. Рассудок вернулся, лишь когда стихло.

…Было не понять, что же произошло. Шурочка лежала уже на лавке. Немецкий фельдшер подручными тряпицами пытался забинтовать кровавые раны от разрывной пули, но его срочно вызвали к своим раненым. Убегая, он бросил: – Пить нельзя!

А девчонка уже ничего не могла сказать, лишь жалостный хрип вырывался из детского горлышка, да ещё недавно такие живые глазёнки иногда открывались в горячке и с мольбой смотрели на мать, словно говоря: «Мама, помоги!» А чем же помочь-то!? «Господи, возьми мою жизнь, дочь пожалей! Господи! Господи!»

Она набрала в рот воды и приложилась к губам Шурочки. Словно живая, вода перебежала в горячие губы ребёнка. Но это было всё, что могла сделать мать для дочери…

Лишь на мгновение к девочке вернулось сознание. Она слабо обняла шею матери, и сквозь хрип та услышала последний её плач…

«Господи! Где же ты?»…

***

С обеих сторон дороги периодически проносились одинокие памятники. Были и военные обелиски. Но в основном – символы памяти павшим в битве за первенство на асфальте. Темнеющая лесная глушь от этого становилась ещё тоскливей. Но жизнь брала своё. Наступивший солнечный день отливал весёлыми красками, и просто никак не хотелось грустить. Машина словно почувствовала перемену настроения водителя и как бы невзначай побежала чуть быстрее.

На указателе населённого пункта «Спаск-Деменск» автомобиль принял вправо и остановился.

– Где мы? – заспанный голос пробудившегося на заднем сиденье пассажира заставил вздрогнуть.

– Ну ты и спать, пошли умоемся.

Мужчина и парнишка лет четырнадцати вышли размяться после утомительного участка пути.

– Скоро Смоленщина. Уже подъезжаем. Сейчас уйдём с трассы направо.

Через десяток минут они уже въезжали в село.

– Надо бы в церковь заехать. На карте она здесь указана, а там, на месте – неизвестно, есть ли. А то ведь и свечку желательно поставить на могиле, не мешало бы ещё спросить, какую молитву, может службу заказать, – со знанием дела размышлял мужчина. Парень ничего не ответил, да и нечего было сказать на это. Надо, так надо…

Церковь нашли сразу, она заметно возвышалась над двухэтажным райцентром, хотя высокие деревья старательно её затеняли.

При приближении к святилищу обозначилась древность его постройки – никак не менее позапрошлого столетья. Но облупленность добротных стен говорила, что не сладко всё-таки приходится деревенским приходам.

Двери были заперты. Хоть и поздний, но ещё утренний час. Пришлось даже постучать. Молчок. Проходивший мимо небритый мужичок не очень опрятного вида посоветовал:

– А вы попробуйте вон в тот дом, батюшка там живёт. А пока рано. В девять откроют.

В доме никто не отреагировал на стук. Было немного досадно, что не получилось сделать намеченного. Но лишь потом пришло в

голову, что это несостоявшееся событие было особым знаком в череде совпадений, лишь потом обозначились выводы по ним…

Сразу за селом закончился асфальт, пришлось пробираться по песчаной вперемежку с редким щебнем дороге. Передний привод автомобиля легко проскакивал вязкие повороты. Воздух был лёгкий и свежий – невысохшая утренняя роса ещё не позволяла дорожной пыли подниматься высоко.

И деревьев стало поменьше. Могучие сосны нестройным табором стояли кучками то тут, то там. Попадались и открытые песчаные косогоры, заросшие иван-чаем. Вот уж грибное место, подумалось, маслят, поди, невиданно. Ехали потихоньку, изредка получалось включить третью передачу – кочкарник и сплошные изгибы не позволяли разогнаться.

И на этой, казалось бы, лесной дороге, вдруг встретилась деревенька из нескольких покосившихся домов, стоящих среди вековых сосен. И никого вокруг. Пришло даже сравнение с эдаким призраком, летучим голландцем, что ли. Только вот никакой он был не летучий.

Дальше – больше. Через пару километров стоял указатель, на котором было написано название тут же расположенного, как и назвать – не поймёшь – посёлка, деревни. Но вся суть-то в том, что кроме названия и двух-трёх почти разрушенных построек, какой без крыши, а то и из одной стены – ничего больше не было.

А лес опять сделался густой и высокий, как в сказке. И лишь на дорогу светило солнышко, а за обочиной уже грезились избушки на курьих ножках в тени хвойных и берёзовых крон…

И вот появился указатель «ВСХОДЫ».

– Вот мы и приехали, Дим. Аж не верится.

Въехав в село, я остановил машину у торгового ларька, оборудованного из старенького вагончика. Из магазинчика вышла продавщица в годах, поздоровались.

– Не подскажете, где тут у вас военное захоронение? – спросил я женщину.

– Да вон за поворотом – пригорок, подниметесь, а слева оно и будет, в парке. – А после того, как я отблагодарил её, спросила:

– Откуда ж будете-то?

– С Волги, самарские.

– Ого, откуда вас занесло.

– Так и война не спрашивала, кто откуда.

– Так оно, сынок. С Богом вам.

Как сел в машину, руки как-то неуверенно взялись за руль.

– Волнуюсь я что-то, Дим, – сказал я племяннику.

– Я тоже, наверно.

Поднявшись на пригорок и миновав парк, заехали на большой деревенский перекрёсток, где торговал стихийный рыночек, да открытыми дверями зазывал покупателей сельмаг старой постройки. Было жарко.

Повернув налево и обогнув базарчик, заехали в проулочек к местному клубу, который находился в том же парке. Остановили девятку у вросшего в асфальт бордюра.

– Пошли.

Сквозь темноту многолетних деревьев можно было рассмотреть неровность паркового рельефа, который из небольшого ровного участка постепенно превращался в аккуратный холм, старательно затенённый клёнами, соснами и берёзами.

Проторенная пешеходная дорога вывела к подножию этого холма, откуда начиналась широкая гранитная лестница. Мы поднялись наверх к видневшейся ограде.

Вот он, мемориал, правильно по квадрату стороной около двадцати пяти метров огороженный металлическим низеньким заборчиком, выложенный гранитными плитками между длинными прямоугольными клумбами с красивыми цветами разной масти. Нависшая шатром лесная сумрачная тень не создавала впечатление, что находишься на самом верху хоть и небольшого, но холма. По обоим дальним от входа углам стояли два одинаковых обелиска, а посередине между ними возвышался монумент воина с солдатской каской в руке, устремившего свой невидящий взгляд из почти забытого далёкого прошлого куда-то в неизведанное будущее.

***

Многострадальная смоленская земля приняла на себя больше всех других мест военных невзгод и потерь. Центральный русский тракт со времён Наполеона манил к себе иноземцев. И те не отличались особым радушием к населению. Обездоленные семьи, миллионы беженцев и сирот. Когда же кончится это испытание для народа?

Уже больше года Иван был в действующей армии после кратковременной учебки. И почти всё это время здесь, на Смоленщине. И постоянно его одолевали такие невесёлые мысли, когда приходилось наблюдать людское горе.

Конечно, солдатская, по большей части окопная жизнь, не особо-то располагала к веселью. Но на передовой нельзя унывать, иначе совсем худо будет. Тем более, что периодические наступления наших войск, частые передислокации, бессонные марши по бездорожью и вовсе не оставляли места для плохих дум. Тут голова только и занята тем, как бы урвать у военной судьбины часок-другой для отдыха.

Вот уже несколько месяцев, как Ивана прикрепили к штабу. Сослуживцы могли предполагать, что штабникам всегда фартит, что они и в наступление последние, и в обоз первые. Но это приходило в голову только не пробовавшим подобного. И без того бессонные ночи становились ночами уже и без намёка на сон, когда бесконечные депеши, сменялись такими же бесконечными поручениями, сопровождающимися беготнёй в соседние подразделения через минные поля, да обстреливаемую снайперами территорию. Ноги уже просто не успевали высыхать в хлюпающих сапогах от мартовской сырости.

Вспомнился один случай, рассказанный матерью. В годы колхозного аврала, когда никто не считался с людьми, как им приходится работать, какие терпеть невзгоды за жалкие трудодни, после схода снега весной и до первого снега осенью народ пахал от зари до зари. Ходили в поля, на тока и фермы группами, собираясь, как собираются в большое стадо идущие от края села на выпас коровы с каждого двора. Так было удобно, чтобы не опоздать, да и по пути можно о чём-то поговорить, чтобы ненароком не заснуть.

Вот так, однажды, после обычного напряжённого трудового дня возвращались бабы по домам, дабы накормить ребятню, да чуточку вздремнуть, кому есть под чьим боком. Мать Ивана, бабаня, как её ласково называли в семье, будучи уже женщиной в годах, ковыляла в хвосте общей группы, стараясь не отстать от молодых. Дорожные разговоры между попутчицами то возникали, то так же стихийно затихали, не имея своего продолжения. Вдруг шедшая позади бабаня во всеуслышание заявила остальным:

– Ой, бабоньки! какой я щас сон видела, страсть! – Удручённо-усталое настроение шедших женщин в раз переменилось. Все засмеялись, понимая иронию ситуации, когда вот так на ходу не просто задремала тётка, а даже и сон увидела, о котором спешила всем рассказать…

Лишь такие приятные сердцу воспоминания и грели солдатскую душу, не позволяя очерстветь в нечеловеческих условиях. Дома осталось пятеро ребятишек – дочь да четверо пацанов. Когда мобилизовали, младшему был только год с хвостиком. Как же теперь не хватало ему озорных выходок детворы, таких обыденных домашних забот, за которые сейчас бы взялся с утроенной энергией...

Но сейчас не до этого. В бесконечной походной военной суголоке в голове только одна мысль и осталась – выдержать бы. Полк готовился к очередному наступлению, это было ясно по нервным указаниям командования. А тогда неизбежна канонада артобстрела, которая могла перейти в такой же ответ с той стороны. Вот тогда не зевай, иначе не спастись…

Запланированные и, тем не менее, всё равно неожиданные всполохи артподготовки заставили сконцентрироваться все наступательные силы перед броском. Ситуация осложнялась расположенными в сосновых лесах труднопроходимыми болотными топями, которые надо было не мешкая преодолевать. И начавшаяся весна уже порядком подтопила верхний мёрзлый слой, так что никакой уверенности, что он выдержит человека, не было.

До рассвета было уже рукой подать, как началось. Какофония беспорядочных звуков, завываний неслась над головой и оканчивалась где-то на вражеских позициях. Только-только начавшее светлеть небо, казалось, передумало и остановило ход земли, чтобы не было стыдно показывать наступающему дню этот кошмар. Всё вокруг заволокло гарью, пороховой копотью.

По прошедшей цепью команде тёмные тени в шинелях молча двинулись в темноту, к лесу, уходя от восхода. И лишь там, в сумраке чёрных деревьев, одновременно началась стрельба, и прекратилась артподготовка. И стало страшно от неизвестности, ожидавшей впереди.

***

– Ну, вроде здесь. А, Дим?

Мы обошли по гранитной дорожке центральную клумбу, остановились у каменного воина, стоявшего на постаменте. Щебетание пташек в парке придавало некую весёлость, и совсем не хотелось думать о конечной цели нашего путешествия.

На братском захоронении отсутствовали надписи с фамилиями погибших. Конечно, никто бы и не дал однозначного ответа, здесь ли лежит мой дед. По крайней мере, полученный мной полгода назад ответ главного военкома Угранского района утверждал, что проведённые в начале пятидесятых перезахоронения одиночных могил в одну общую, а также составление списка общего захоронения, включившего в себя также и безымянных воинов, документально доказывает, что Иван Петрович Пикалов действительно лежит здесь. Но ведь при тех масштабах, когда было свезено в одно место более семи тысяч останков, возможно было и ошибиться. Но не хотелось как-то перепроверять истинность этого. Главное, что всё-таки мы нашли, что наконец-то сбылась моя мечта семнадцатилетней давности, когда ещё студентом, получая в райвоенкомате на родине деда копию извещения, задумал я отыскать место, где он похоронен. Начавшиеся тогда поиски практически тут же и остановились, так как указанные в похоронке деревня и район давно уже не существовали. Лишь приблизительно удалось выяснить нужное место.

А настоящие доказательства были чуть позже…

Прошлись ещё внутри оградки и в который раз за эти несколько минут прочли на обелиске: «Здесь покоится прах свыше 7 тыс. воинов, павших в 1943 году при освобождении Всходского района от немецко-фашистских захватчиков. ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ВСЁ ЖИВОЕ СПАСШИМ – СЕБЯ НЕ СПАСШИМ». Как будто эти слова что-то восстанавливали в памяти из тех лет. Вроде и не было меня в те годы, но это что-то тоненькой острой иголочкой постукивало в мозгах, мысли как-то сбились с толку, и только величавые кроны деревьев на непонятном языке ветра шептали утешительные слова, от которых становилось тихо и спокойно на душе.

Достав сотовый телефон, набрал номер дома. Трубку взял отец.

– Пап, привет! Ну что, мы здесь, на месте. Вот прям тут и стоим…

Мои разъяснения места пребывания сумбурно сбились в кучу, голос начал предательски дрожать, потому что и на том конце «провода» я тоже услышал, вернее, почувствовал сильное волнение. И как было не понять всего, когда лишь по прошествии шести с половиной десятков лет вот таким телефонным способом сын смог образно побывать на могиле своего отца, когда здоровье не позволило самому, недавно ещё крепкому мужчине, поехать вместе с сестрой к маленькой частице родного человека, лежащего в песчаной смоленской земле, когда у него, а параллельно, каким-то образом – и у меня, возникло щемящее чувство обиды на судьбу за то, что годы безотцовщины легли тяжким бременем на их мать, вырастившей пятерых детей, не просто вырастившей, а достойно воспитавшей, когда не познано было чувство гордости за его отца, держащего на руках внуков, а не каску…

Мы спустились по лестнице вниз, к подножию холма. Вспомнив, украдкой перекрестился, в последний раз взглянув на монумент. Когда отошёл несколько шагов и оглянулся, увидел в глазах у Димки немой вопрос – и это всё?

После посещения захоронения вышли на открытое пространство, сразу стало припекать почти полуденным солнцем. Я вспомнил, что надо ведь в церковь было зайти. Подумал, наверное, придётся на обратной дороге в ту же церковь заехать. Но, оглядевшись по сторонам, увидели рядом с перекрёстком на одном из старых, барачного типа, строений свежевозведённый куполок с крестом. У торговцев на маленьком рынке выяснили, что смотрительницей в ней пожилая женщина Любовь Никитична, только она сейчас дома, но с ней можно связаться из магазина, там и телефон скажут.

Как всё-таки разительно отличаются деревенские жители от городских. Даже при отсутствии настроения они всегда с неделанным радушием поздороваются с незнакомым человеком, не ища при этом абсолютно никакой выгоды. Сейчас, конечно, таких мест всё меньше и меньше. Ещё пацаном я приметил эту особенность сельских людей, и потом, много раз бывая в небольших деревнях, всегда старался первым поздороваться, пожелать здравия этим бесконечно добродушным, а потому и мудрым человечищам.

В магазине набрал на стареньком аппарате трёхзначный номер, полученный от симпатичной полненькой весёлой продавщицы.

– Только она приболела, а так была бы в церкви, – предупредила та.

Трубку взяла женщина с уставшим голосом. Поздоровались.

– Любовь Никитична! Скажите, вы не могли бы сейчас открыть церковь, я бы за вами заехал на машине.

– Конечно, сейчас соберусь, только пешком я, рядом живу, не надо ехать, – она даже не спросила, зачем кому-то надо туда попасть, пешком, сказала, придёт, а с её больными ногами те триста метров – совсем не рядом.

Мы вместе с Димкой подошли к церквушке с почти игрушечным куполком. Любовь Никитична подошла минут через десять. Беседа наша с ней не была вначале особо примечательной. Поведал я ей о цели своего приезда, после чего, как делается в таких случаях, заказали молебен по усопшему, поставили свечки. Дала она нам в мешочке освящённой земли с братской могилы. А потом Любовь Никитична рассказала произошедший на 9 мая этого года случай.

В уже далёкие лихие девяностые годы, когда поголовно останавливалось всё мало-мальски полезное производство, когда количество нищих в стране увеличивалось в геометрической прогрессии, повадился народец цветные металлы собирать да в скупку сдавать. В дело шло не только валявшееся бесхозно, не гнушались даже алюминиевые провода с действующих линий снимать, а уж какие-то там медные и бронзовые таблички с военных надгробий и вовсе на «ура» пошли. Оставшиеся полтора-два десятка табличек Любовь Никитична и уберегла от дальнейшего разграбления. Собрала она это богатство и в своей церквушке каждый год на День Победы выкладывала на парадную лавку. А одна небольшая мраморная доска была расколота на множество частей, её и не собирала ни разу, потому что было сложно. Так она и лежала отдельно от остальных. В этот год, как обычно, подошедшее 9 мая заставило взяться за привычную процедуру уже накануне. Как же, ведь назавтра должно столько народу съехаться, ветераны старенькие, бабульки с медалями, всё должно быть торжественно. Ведь им это последняя радость осталась – собраться по такому случаю.

Припозднившись с приготовлениями, сделав, что надо, собралась Любовь Никитична до дому. Вышла, закрыла дверь церкви, но что-то кольнуло внутри. Она отворила дверь, зашла, постояла минутку, опять вышла. Закрыла дверь и пошла домой, но опять

что-то непонятное заставило её вернуться назад. Какой-то беззвучный голос толкал её выложить на скамье и эту мраморную плиту из осколков. Не понимая, зачем это надо делать, она всё-таки выложила цельную мраморную надпись «Командир батареи Иванов Александр Николаевич…» рядом с остальными табличками, хоть и заняло это порядочное время…

Праздничное шествие шаркающих ногами ветеранов, возложение венков, пафосные речи, минута молчания, панихида с помощью приезжего из районной церкви священника – всё как обычно за последние годы. Только добавилось одно интересное событие.

В разгар празднества в село приехала сухощавая бодрая, не сказать, что бабушка, нет, женщина лет семидесяти в строгом, как потом оказалось, монашеском одеянии. И сразу направилась в церквушку к той самой парадной лавке с табличками. И сразу увидела сложенную накануне мраморную табличку с фамилией своего отца. Она была впервые в этих местах. Всю жизнь искала место захоронения своего отца и вот нашла. И, приехав, сразу нашла родное имя, никуда не отвлекаясь, не обращая внимания на торжественную сутолоку. Она рассказала потом Любови Никитичне, что ею двигало что-то свыше её понимания, и она была уверена в достижении цели своей. И вот это чудесное появление монахини, случайно рассказанное нам Любовью Никитичной, явилось для меня тем самым доказательством, что и мы правильно сюда приехали. А разве может быть иначе. Ведь и первая церковь на нашем пути была закрыта в утренний час, и церквушка возле мемориала оказалась буквально в нужном месте, и больная женщина не поленилась прийти к нам, а потом зачем-то привела к себе в дом, поила чаем и рассказывала, и рассказывала. А ещё тот факт, что и отец монахини, и мой дед погибли в один день 18 марта.

Тогда я пожалел, что не сразу стал записывать сказанное Любовью Никитичной. Она не просто делилась воспоминаниями, она в присутствии своей дочери, приехавшей в те дни погостить из столицы, изливала свои страдания, как принято на Руси изливать свою боль или радость первому встречному, потому что он лучший слушатель, чем все твои соседи и родственники. И эта история с Шурочкой, её родной сестрой, и опустевшие безмолвные нежилые призраки бывших в округе деревень, и расположенный в парке, где

мемориал, дом-музей поэта-песенника Исаковского, сочинившего знаменитую «Катюшу». Всё это ложилось драгоценным грузом в закрома памяти.

И с какой-то дальней её полочки восстановились сказанные давным-давно дядь Мишей, старшим сыном Ивановым, несколько слов о его, случайной ли, встрече в поезде с отцовым однополчанином, поведавшем историю того памятного дня…

***

Война – это такая грязная, мазутно-пороховая работа. Но человек – существо, привыкающее ко всем невзгодам. И вот эту работу Ивану тоже приходилось делать. Как когда-то на колхозном поле он, весь в земле и мазуте, но счастливый, возился с починкой трактора в разгар посевной, когда дождик подгоняет, когда ночевать забываешь, так и сейчас, но уже нет той радости, а есть необходимость постоянно двигаться, выполняя приказы, стараясь не замёрзнуть в бесконечной сырости и гари.

Наступление проходило быстро. Не было, как в кино, криков «Ура!», никто не пытался проводить агитацию среди состава о том, как нужно лечь костьми, все и так понимали, что ценой уже привычных людских потерь будет взят очередной рубеж. Вот когда становилось жутко. Когда эти потери уже воспринимались, как что-то обыденное.

Наступившее утро принёсло первые результаты – батальон успешно освободил две деревушки, расположенные рядом друг с другом. Налаживалась связь с полковым командованием. Настало небольшое затишье, которое подозрительно затянулось.

Постепенно поступали сведения о действиях соседних подразделений. Делались коррективы по оборонительным мерам. Вот когда приходилось потеть связистам и посыльным.

Начавшийся ответный артобстрел был ожидаем. В такие мгновения сложно угадать безопасное место. Надеешься только на интуицию да хороший слух. Хотя при верном попадании даже это не поможет.

В беспорядочной бомбёжке Иван уже добежал до штабной избы, вбежал с поручением. Свист снаряда лишь на секунду прозвучал в воздухе. Взрыв, грохот, дым, куски брёвен. И тишина…

***

Сорок семь лет прошло со дня того боя, ставшего последним в жизни деда, как появилось у меня желание найти место его захоронения, отыскать ту землю многострадальную, за которую была положена не одна человеческая жизнь, и которая, в принципе, стала родной и мне, и отцу моему, и всем-всем нам – потомкам Ивана Петровича.

И лишь по прошествии семнадцати с лишним лет была осуществлена задуманная мечта, отыскался последний приют дедовский. И так обидно стало за то, что он, почивший в братской могиле, целую вечность в разлуке со своей Дарьей Григорьевной, что их души, может быть, ещё мыкаются в поисках друг друга.

И захотелось поскорее отвезти частицу его – мешочек освящённой земли – к месту погребения его половинки Даши.

Только так и никак иначе и думалось, и хотелось, чтоб именно таким образом получилось снять всю родовую скорбь за давнюю и невозвратную потерю близкого человека, подарить кусочек счастья дожившим до глубоких седин детям.

По приезду созвонился с Леной, двоюродной сестрой. Лишь дядя Ваня, её отец, проживает сейчас в старом дедовском доме, и именно там во все времена жили и были счастливы наши предки.

Условились, чтоб в свой очередной визит в родные места прихватила она с собой этот священный смоленский груз.

***

Вечерние сумерки спускались на степь. Пожелтевший ковыль обозначал лёгкое дуновение ветра, слегка покачиваясь в наступающей прохладе. Дневная жара немного спала.

Лена сошла с автобуса и направилась к дому отца, расположенному в нескольких километрах от трассы в родной Красной Поля-

не. Шлось легко и беззаботно. У неё всегда было такое настроение, когда она приезжала в свои родные места, где выросла. Давно уже нет мамы, отец один частенько увлекается выпивкой. Но ей всегда кажется, что она идёт к ним обоим. Мамка с порога крикнет:

– Лен, ты, что ль?

И в такие минуты она впадала в своё уже далёкое детство, представляла себя весёлой деревенской девчонкой, настоящей хозяйкой в их большом тогда родительском доме.

С этими думами на попутке доехала до поворота. Прошла через деревню на другой конец и через небольшой заросший пустырь вышла к открытому всем ветрам лугу. Перекрестившись, открыла калитку у ворот деревенского погоста.

– Ну, привет, бабань. А я тебе землицы от деда твоего привезла. Показывай, куда высыпать…

Заходящее солнце посылало весёлые лучики на верхушки редких деревьев. Было радостно созерцать закат. Радостно было, что они всё-таки встретились, хоть и вот так. Теперь его частица лежала здесь же. И сейчас почувствовалось, что они вдвоём стали свободны, что их души соединились и полетели навстречу своему счастью, такому далёкому и непонятному нам, живым.

Татьяна Юргенсон

***

Что с тобою, моя Родина, творится?
За какими ты стремишься племенами?
Позабыла, что ты – огненная птица...
Под чужим седлом и стременами,
Понукаема, несёшься на утёсы.
Над тобой разбитой не поплачут –
Твои нежные берёзовые косы
Кинут в топку, жизнь переиначат.

Что осталось выпавшим до срока –
Нам, что кровь свою с твоей смешали? –
Только зубы сжать в молчании глубоком,
Чтобы боли крик враги не услыхали.
12.01.19

***

Непрочность мира – увы, не иллюзия.
И нет ни соломинки, ни паутинки,
Чтоб зацепиться за призрак спасения.
Осталась надежда и может немного удачи,
Что всё ещё держат над краем обрыва,
Куда полетели – старушка-Европа
И заокеанские кукловоды
Со связками нитей в руках –
Поводков от армады безумцев.
Им – потерявшим и разум, и лица,
Так просто идти под диктовку
неведомой воли,
Что возомнила себя выше Бога…
И что делать нам – неуступчивым,
свободолюбивым?
Сами себя едва удержали
Над краем разверстого ада.
И как нам исполнить великое
предначертанье,
Возложенное на Россию Всевышним?
1.01.2023

***

Наши бы добрые слова
Да туда,
Где безумие через край –
Жгёт и рвёт

Человеческие тела
И из луж кровавых пьёт…
Наши мудрые бы слова
Да для тех,
Кто себя иссушил во лжи
И теперь
Не способен видеть провал,
Что скрывает насилия дверь.
Наши искренние слова
Да щитом
На пути озверевших орд,
Что несёт
Сатанинский яростный вал,
Ставя на кон целый народ…
Наше доброе слово… Спасёт?..

12.05.14

***

Время длинных теней…
(И ножей?)
За штакетником полумрака
Скрыты помыслы и причины.
Пред чернеющим зевом ада
Закипела кровавая драка.
Где же память твоя…
Украина…
Кто вращает пропеллеры мельниц,
Перемалывая в небыль
Корни, землю, что нас взрастили –
Правде преданный род славянский?
Слово было источником силы,
Богатырской славы бескрайней…
А теперь – вместо правды – кривда.
Ты славянам теперь чужбина?
Где же совесть твоя…
Украина…

Как ты можешь наветам верить
И, не морщась, лгать откровенно?
Что за злая чёрная сила
Поглотила разум и душу,
Превратив тебя в куклу на нитках?
Где же сердце твоё…
Украина…

14.05.14

Елена Гостева

Змеище поганое

Над калиновым мостом –
морок,
За калиновым мостом –
ворог,
У пещеры змея – чуды-юды
Черепов, костей людских –
груды.
А у чудища голов много,
Но оно ведь не сильней Бога!
Плач и стоны по Руси слыша,
Сын крестьянский с ним
на бой вышел.
Битвы не было лютей, злее,
Одолел крестьянский сын змея.

То былинное прошло время,
Вновь змеиное взошло семя…
Было ль, не было ль когда счастье?
Вонь, да копоть вновь глаза застит.
Змей коварный по земле рыщет,
Слабых духом средь людей ищет…
А змей нынешний хитрей кратно
За него воюет брат с братом.

Одурманил, опоил ядом,
Превратил крещёных в слуг ада,
Бывший брат, очнись! Кому служишь?
Над тобой поганый змей кружит.
У него, как встарь, голов много,
Но и он ведь не сильней Бога!
Сын крестьянский вновь на бой вышел,
Рядом воинов Руси – тыщи!
С Божьей помощью, с Его Словом
Будет ворог побеждён снова.

Вернись!

Здесь и сейчас тихий закат,
Новости по ТВ...
Снова тебе, милый солдат,
Шлю смс: «Привет!»
Где ты и с кем рядом идёшь?
Может, сейчас в бою.
Знаю одно: весточку ждёшь,
Веришь в любовь мою.
Я день и ночь Бога молю
За нас с тобой, за жизнь.
Только вернись, только вернись,
Только живым вернись!

Там далеко – дождь из свинца,
В рваных воронках – кровь.
И берегут сердце бойца
Мужество и любовь.
В тех же краях в годы войны
Бился с врагом мой дед…
Новости вновь боли полны.
И мне покоя нет!
Я день и ночь Бога молю
За нас с тобой, за жизнь.
Только вернись, только вернись,
Только живым вернись!

Анатолий Пикалов

Мариуполь. Авдеевка. Записки волонтёра

Очерк

МАРИУПОЛЬ

Часть первая

Вода в море была не сказать, что холодная, но в отсутствие севшего солнца дрожь сразу добралась до костей, а ветер моментально сделал кожу гусиной по выходу на берег. Так что последовавшее после купания мытьё с мылом (в общаге ведь горячей воды вообще нет, только ночью напор позволяет набрать запасы просто холодной) вконец заставило приплясывать для согрева.

Сегодня первый день в Мариуполе на вторые сутки по выезду из дома. Трудовой десант, так сказать. Или современный студотряд, если это определение можно отнести к 40-50-60-летним мужикам, а некоторым ведь по 70. Есть, конечно, и совсем пацаны. И все на вольных началах, по зову сердца, а точнее сказать – во славу Божью, потому что бескорыстно... А вообще – по призыву Русской Православной Церкви.

Дорога моя была длинной. В понедельник в 630 вылетел самолётом из Нижневартовска до Москвы. В Москве, коротая время до вечернего автобуса в ДНР, поехал на метро в храм Христа Спасителя, где была выставлена икона святой Троицы Андрея Рублёва. Поклонился иконе, написал поминальные записки, поставил зажжённые свечки и пошёл в поисках, где перекусить.

В находившейся рядом трапезной цены неприлично указывали, что за одну только чашку чая придётся выложить 50 целковых, не говоря о сказочно дорогих пирожках и прочих яствах. Тут как раз позвонил товарищ Михаил. Поговорили. Он посоветовал обязательно съездить к Матроне московской, заодно там и перекусишь, мол, всё намного доступней. После разговора с ним я отзвонился сестрице

Марине, посвятил её в цель своей поездки в Мариуполь, заодно похвастался что еду на море покупаться, подышать солёным воздухом, чему она не возражала, а искренне порадовалась за меня.

В Покровском монастыре хотелось быть и не уходить, настолько живая благодать лилась в сердце, переполнялась через край и отдавалась миру, окружающим паломникам любовью и благодарностью. Почти часовая очередь к мощам Матронушки нисколько не утомила, а показалась даже ничтожно быстротечной. Исходившая от сердца молитва к блаженной была живой и осязаемой, чувствовалось её присутствие, чувствовалось ответное обещание всё устроить, упросить Бога об исцелении немощных, о помощи нуждающимся. Все шли к ней с цветами.

Казалось бы, там всё должно быть ими завалено. Но собиравшие цветы монахини, обрывая соцветия, раздавали их паломникам, как будто великую драгоценность. И от них шёл просто святой аромат, их буквально хотелось проглотить, поместить внутрь своей грешной души, унести и сохранить на оставшуюся жизнь...

На автовокзале в Битцевском парке встретился с попутчиком-волонтёром Александром. Он ехал уже второй раз. В седьмом вечернем часу автобус тронулся в путь. Через пробки выезд из столицы затянулся, но ненамного. Два водителя за шестнадцать часов, периодически меняясь, доставили немногочисленных пассажиров, в том числе и пятерых солдатиков, возвращавшихся из отпусков, до нужного города.

Город быстро возрождался, как приметил Александр. Дороги чудесным образом превращались из покрытых ямами и воронками в гладенькие проезжие улицы и проспекты. Только зияли глазницами пустые окна ещё значительной части городской застройки. Некоторые дворы были не тронуты бомбёжкой, но это в том числе по причине скорых восстановительных работ. Лишь частный сектор слабо поспевал обрастать новыми крышами.

И этими крышами и занимаются ребята наших волонтёрских бригад. Демонтаж старой кровли, побитой, проломленной, просто разваленной, ремонт стропил, настил обрешётки, покрытие шифером. Все работы в трёх строках, а каждая крыша – повесть о её обитателях, о потерях и бедах под ней, о слезах и неустанных молитвах...

За ужином наш руководитель Юрий Алексеевич объявил, что сегодня окончена 56-я крыша, в 56-ом доме воплотилась надежда на возрождение...

Наши славные повара Мария и Лидия Фёдоровна в каждое блюдо вкладывают своё волшебное умение превращать продукты в источник нужной нам силы, которая должна воплотиться в очередную 57-ю, 58-ю крышу, а их здесь сотни и сотни ожидают своей очереди на новую шиферную перспективу.

День второй не поразил особо почти ничем, потому что практически все новые впечатления вместились в первый. Практически, но не все. Был труд по созиданию крыши, по перетаскиванию тяжеленного старого шифера и прочего. Яркий мазок на холсте второго дня оставил эпизод, когда после обеда наша бригада из шести человек заехала на неплановый разбор потолочного перекрытия одного дома местного врача, крыша отсутствовала полностью. Перекрытие необходимо было удалить на половине дома, остальное было уже демонтировано. На месте работ уже находилось несколько человек, и они ждали нашего приезда. Обговорив порядок действий, мы забрались наверх по хлипкой лестнице и приступили к грязной работе. А так как перед обедом мы заезжали ополоснуться на море, то эта неплановая весьма пыльная процедура не особо понравилась, ведь планировалось чистовое покрытие нашей крыши обрешёткой и шифером.

Я задал бригадиру Петру вопрос, а почему, мол, они нас ждали и не могли сами всё это порушить. На это Пётр пояснил, что дом этот местного уважаемого врача, а ожидавшие нас люди –это такие же, как и мы, только местные, и они просто готовились класть кирпичную кладку по венцу стен. Но самый примечательный момент, что среди них работал наравне со всеми батюшка Гавриил из храма.

Есть и отрицательный эпизод, как, наверное, бывает везде и всегда. Появившийся накануне Евгений постоянно высказывал недовольство любым процессом, на все действия у него был свой комментарий, причём в каждом из них присутствовала негативная критика производимых действий. А так как люди все разные, то на его критику нашлась и контркритика, что не замедлило сказаться на начавшейся перепалке, перешедшей даже к ругани на грани оскорблений. Первый такой, так сказать, контрбатарейный конфликт

был с трудом погашен окружающими, не позволившим перейти ему в что-то невозвратное. Но после обеда, когда работали на доме врача, Евгений затеял вторую бучу, результатом которой стала перепалка с лёгкими оскорблениями (если такое определение можно придумать). Соответственно Пётр и указал Евгению направление на расставание с нашим обществом, после чего с ним мирно попрощался и наш руководитель Юрий Алексеевич Грубый.

В третий день мы выделились в отдельное звено из трёх человек и поехали на демонтаж старой шиферной кровли старожилам-пенсионерам. Хозяин, Николай Александрович, 1946 года рождения. Его отец, кстати, в послевоенные годы восстанавливал из руин разрушенный в годы Великой Отечественной Мариуполь, работая кровельщиком, а теперь вот и его сыну подоспела такая же миссия.

Их дом давней постройки 1948 года не сильно пострадал, имели место лишь точечные поражения кровли, которые впоследствии были залатаны. Но это отдельная категория нуждающихся, заслуженных пенсионеров, которым не отказывает православная церковь, предоставляя помощь.

До обеда мы сняли три четверти крыши и, чтобы не тратить время на поездку в общагу постоловаться, решили работать без подкрепления, тем более что на жаре и не очень хочется кушать, да и хозяева радушно напоили чаем во время перекура. Но наши дядя Коля (которого мы так стали звать) и Лилия Ивановна безапелляционно усадили за стол всех нас троих и накормили и первым, и вторым, что лишний раз доказывает гостеприимство русского человека.

А вечером опять тёплое Азовское море, напрочь смывающее усталость с тела и нервозность с души. Чёрными крапинками вдоль песчано-галечного побережья как специально рассыпанное обугленное зерно придаёт закатному пляжу подобающий вечерний оттенок. Появилось оно там после разрушения военными действиями зерновых элеваторов, сопровождавшимися последующими пожарами, после которых многострадальному хлебу не осталось никуда деться, как только в спасительное море, которое и разнесло его по всему берегу, как будто природа пыталась таким образом донести зерно до тверди земной, где оно бы имело возможность прорасти. Но, видать ещё рано нам созерцать чудо восстания из пепла,

достойны мы пока лишь своим потом и кровью доказывать право на возрождение...

День четвёртый мы начали раньше обычного. Накануне сговорились с водителем Сергеем, что отправляться на работу будем в 7 часов, чтобы по холодку начинать трудиться, пока не припекло знойное южное солнце.

Добавился к нам четвёртый работник Дмитрий, пермский уроженец со своеобразным говором, характерным каждому пермяку. Дима специалист по кровле, и его умения и подсказки здорово нам помогали. Мы дружно приступили к покрытию шиферными листами лицевого ската.

Но свои советы давал и хозяин Николай Александрович, Саныч, который по молодости тоже имел опыт кровельщика, скакал по крышам не меньше нашего. Даже, по рассказам его супруги Лилии Ивановны, умудрился раз заснуть на крохотном горизонтальном пятачке возле дымоходной трубы, утомившись от работы и поленившись спуститься отдохнуть вниз.

К 13-ти часам я попросил Юрия Алексеевича прислать «Газель» для поездки на обед. Но когда ближе к назначенному часу сказал бригаде готовиться к отъезду, услышал недовольно-угрожающее от Саныча: «Чего?» Так и пришлось во второй раз оставаться на хозяйский разносол, чему мы, конечно, были очень даже рады.

Домашнее гостеприимство. Не надо ехать по жаре в общагу, тащить уставшее тело на восьмой этаж, терять минимум полтора часа на все эти передвижения, а просто отвлечься на вкусную беседу за обеденным столом, послушать умудрённых жизненным опытом стариков, отдохнуть с полчаса в тенёчке и опять приступить к кровельным делам.

Дневной зной, конечно, делал свою адскую работу не менее старательно наших усердий. Усталость и обезвоживание паляще сжигали весь энтузиазм. Наши замечательные хозяева и здесь предусмотрительно подготовились, периодически подсовывая полторашки с холодной минералкой или настойчиво приглашая на чай-кофе в редкий перерыв...

А вечером, закончив работу по объектам, всем составом ездили на помывку в горячий душ, в который добирались на другой конец города, где на территории полуразрушенного детского интерна-

та-санатория был устроен медицинский пункт от московской больницы святителя Алексия.

В этой помывочной поездке поразило увиденное по дороге. Все многоэтажки были затронуты разрушением и огнём, не осталось ни одного целого окна, все зияли чернотой пожарищ. Если где вдруг замечался блеск стекла, это свидетельствовало о том, что тут уже идут восстановительные работы.

Конечно, поразил своим ужасающим видом завод «Азовсталь». Ни один блокбастер не способен передать увиденных впечатлений.

Тем не менее радовало глаз и автомобильные колёса масштабное обновление дорожного покрытия по всему городу. Если полгода назад, по рассказам Юрия Алексеевича, невозможно было ехать быстрее второй скорости коробки передач, настолько все дороги были разрушены снарядными воронками, то сейчас по городу массово восстанавливается светофорная сеть, призванная ограничивать чрезмерный скоростной режим, присущий практически всем автовладельцам.

Субботний, пятый день. Всё шло уже по накатанной схеме. Выезд из общежития в семь. Начало работ и сама работа – как по конвейерной ленте. Я замесил цементный раствор, и пока бригада зашивала обрешёткой второй скат, забрался на ремонт кирпичной кладки дымовой старой трубы, которой, как и дому, стукнуло, считая по рассказам Николая Александровича, 75 лет. Пришлось поднимать наверх два десятка кирпичей, зачищать от сажи и осколков место ремонта. Сложно всегда настроиться, но зато потом работа сама собою льётся как дыхание, мерно и постепенно-созидательно. В этот раз не палило сильно солнце, переменная облачность значительно умерила потребление нами минералки, коей мы привезли нынче аж две упаковки, в какой-то мере стыдясь понесённых водно-минеральных затрат хозяев на утоление нашей жажды в первые два дня.

После обеда сгустились тучи, далёкий гром угрожающе предостерегал о грядущем ненастье. Мне оставалось израсходовать совсем немного цементного раствора, как ливанул сильный дождь. Мужики спустились с крыши и спрятались под навес. Но дождь был настолько тёплый, что его влага не согнала меня вниз, тем более, что быстро закончился.

И тут ударил далёкий благовест. Большой колокол возвещал о начале вечерни – всенощного бдения. Минутный промежуток, второй удар, третий... Находясь на крыше, чувствовал какую-то нереальность, привносящую душевный покой. «Господи, помилуй мя грешного».

Завтра с утра на службу, на Литургию. Как говорится в Писании, шесть дней работай, а седьмой отдай Богу...

Божий, воскресный день. Теперь он действительно воспринимается, как истинный праздник. Раньше иного понятия, как выходной, никак не прилагалось к нему. Даже восставало какое-то внутреннее возмущение в ответ на искреннее «с праздником!» от благочестивого прихожанина. А теперь по-другому, как и должно быть. Как на Пасху, только каждую неделю, на малую воскресную Пасху. А это Праздник с большой буквы.

Батюшка Гавриил исповедовал быстро, но профессионально, подводя исповедающегося к сути своего покаяния, не затягивая его монолога, но и не прерывая на полуслове. Литургия была примечательно обще-храмовым чтением, не пением, а именно чтением молитвы «Отче наш», в т. ч. и на часах, что с самого начала ввело в подходящий молитвенный тонус, отчего и пелось в полголоса вместе с хором и «Господи, помилуй», и «подай, Господи». И это давало ощущение, что храм дышит и молится в едином многоголосии...

Александр Невский, престольный святой храма, вместе со всеми молил Бога о мире на многострадальной земле, о здравии болящим, об изобилии нуждающимся, о прощении грешников, об упокоении усопших.

Запоминающимся моментом стало общее коленопреклонение всего прихода по звонкому зову алтарного колокольчика во время евхаристического канона. Единым порывом в эту минуту удесятерённая молитва вознеслась горе´. С таким же сигналом все и поднялись. И сил как будто прибавилось, как будто кто незримый помог и подняться, и стоять, и молиться снова и снова, паки и паки...

На обед наш коллега по звену Санька приготовил замечательный холодный свекольный борщ-окрошку. Живительное блюдо шло на ура, с добавкой желающим. А после часового отдыха собрались и поехали на море. Всю неделю, посещая этот пляж, обращали внимание на размещённое на доске объявлений запрещение купаться: «Осто-

рожно! Не разминировано!». Но ведь все купаются, и мы купались, и даже фотографировались на фоне этого запрещения. А сегодня по пляжной зоне в воде, углубляясь по максимуму, ходил по дну сапёр с миноискателем, прочёсывая последовательно вперёд-назад весь пляж. Самое примечательное, что никто не прекратил ни плавать, ни нырять, лишь расступаясь перед ним, давая дорогу искателю смертоносного железа.

В нашем общежитии, которое в принципе изначально принадлежит Приазовскому государственному техническому университету, расположен пункт временного размещения жителей, лишившихся жилья. В основном это, конечно, бабушки, одинокие женщины, неполные семьи. Одна женщина, потерявшая во время боевых действий мужа и дочь, проживает с семилетним сыном Богданом. Пацан очень коммуникабельный, шустренький, постоянно является в наше расположение, здороваясь со всеми за руку. Но он нормально практически не разговаривает. Лишь неполными слогами может сказать какое-то слово, которое является ключевым в его обращении, а там уже сам додумывай. По всей видимости, это отклонение явилось следствием воздействия тяжёлой обстановки на психическое развитие ребёнка. Да и мать практически не пытается развивать его способности, а глубоко ушла в личные переживания, заглушая их непомерными алкогольными возлияниями.

Вот Богдан и пытается всё свободное время, а его у него предостаточно, проводить не с матерью, а где придётся, в том числе и на нашем этаже. Он приходит в любое время. Если это происходит вечером, когда все вернулись с объектов и сидят за столом в обеденной зоне, тогда для него просто рай. Можно и подкрепиться, и у кого-то выклянчить телефон, полазить в его содержимом, а его осведомлённость в современных гаджетах весьма даже не по возрасту совершенна, диву даёшься, как малые дети это всё быстро постигают.

Восьмой день, пришедшийся на вторник и давший начало второй трудовой неделе, ознаменовался завершением работ на дому у дяди Коли. Пять дней мы трудились по смене шиферного покрытия, ремонту обрешётки, дымовой трубы. И вот сегодня, можно сказать, праздник, завершение этапа.

После крепления жестяного конька слезли на твёрдую землю, собрали леса и инструмент к вывозу на другой объект. А в это время

хозяйка Лилия Ивановна вынесла нам угощение – по стаканчику своего вкусного вина. Вино действительно было прекрасное, и хоть у нас в сообществе негласный сухой закон, мы с удовольствием в данном случае его нарушили, оказав почтение хозяевам и удовлетворив свою малую жажду по лёгкому опьяняющему напитку.

Сегодня также провожали домой нашего бригадного соработника Артемия. Отец пятерых детей, от года до восьми лет, уезжал домой в Татарию, возле Болгара. Подошло время выхода на основную работу по месту жительства. По словам Артемия, супруга его одна тяжело справляется с пятью детками, пора ехать помогать.

Не всё гладко протекает в даже в самых идеальных условиях. Даже в первозданном раю Адам и Ева искусились от змия и согрешили, нарушив заповеди Божии. А что уж тут судить о нас, грешных, не могущих устоять перед мелкими соблазнами.

Работник нашего проекта Максим застудил спину и не смог выйти с утра на работу. Юрий Алексеевич вник в ситуацию и посоветовал ему собираться и уезжать домой поправлять здоровье. Максим собрался нынче утром, чтобы отправиться к бабушке в Симферополь. Но что-то помешало ему уехать.

Когда все наши звенья разъехались по объектам, Максиму взбрела в голову бесовская мысль, и он, найдя в себе силы, сходил в магазин за коньяком, принял дозу и в пьяном состоянии дефилировал по общежитию в не наших блоках, даже поругался с тамошними жителями, после чего завалился в забытьи на своём лежбище. А вечером, когда все съехались с объектов приводить себя в порядок и ужинать, пришла одна из обитательниц, обиженных этим Максимом, и стала жаловаться Алексеевичу на непристойное его поведение.

В общем, было очень неприятно не только руководителю нашему, ведь проект подразумевался без всяких намёков на выпивку. Здесь и нам досталось за тот допущенный винный соблазн, который дал себя знать не утаившимся перегаром, привезённым от дяди Коли. Максима на следующее утро под неусыпным сопровождением самого Юрия Алексеевича решено было отправлять в направлении на Ростов от греха подальше. Естественно, в связи с этим, он уже является невъездным в рамках деятельности нашего проекта на территории Мариуполя.

Десятый день, как и все предыдущие, был такой же жаркий в трудах на крыше под палящим солнцем. Лишь когда пробегали небольшие тучки и закрывали солнце, становилось чуть прохладнее, тогда работалось более охотно.

Под конец дня собрались мы в условленное время к шести вечера в ожидании нашей «Газели» и пошли ей навстречу на дорогу. В подъехавшей машине места было лишь на одного человека. Посадив Дмитрия, мы с Сашей решили идти пешком, т. к. не так далеко было до общежития, примерно с полчаса ходьбы.

Пошли как раз по тому переулку, где проживали наши дядя Коля с Лилией Ивановной. И как раз в этот момент д. Коля подъехал на старенькой Волге к своему двору. Мы с радостью подошли и поприветствовали его. Оказывается, он только что отвёз супругу в больницу из-за болевого приступа. На вечер была намечена операция – подозрение на обострение поджелудочной.

Вот на такой грустной вести закончился этот день.

На следующий день моя малая бригада потерпела потери. Саша и Дима приболели и остались в общежитии лечиться от простуды. Лишний раз подтверждается, что человек не всесилен, и его планы не всегда следуют его амбициозным желаниям. Да и я к вечеру почувствовал слабость и ломоту в конечностях, так что вечер субботы был мне в испытание, тем более, что необходимо было перед сном подготовиться к воскресному Причастию, прочитать ряд нужных молитв.

Прочитать, конечно, проще всего. Но надо прочитать со смыслом, вкладывая душу, чтобы не было пустословия. Ведь молитва – это твой разговор с Богом, твои просьбы, на которые ты желаешь получить ответ.

После воскресной Литургии и Причастия чувствуешь духовное возрождение, какое-то ментальное обновление. Умиротворение вливается потоком в душу, хочется летать и петь. Но больше всего хочется молчать и бережно хранить полученную благодать, чтобы не расплескать её через край, не потерять ни единой капли.

Очередной понедельник ознаменовал начало новой трудовой недели. Всё шло как по накатанной, выезд на объекты в 7.00. Как и все прочие, день выдался жаркий. На крыше в такое время работается весьма нелегко, когда некуда спрятаться от палящего солнца, да ещё

приходится затрачивать энергию по переноске тяжестей, распилке, укладке, крепежу. И спина, и вообще весь в итоге становишься мокрым от напряжения. Хочется пить и пить, а от этого ещё интенсивнее потеешь и потеешь.

Хозяин Сергей Иванович позвал на чай, кипяток поспел. Спустились в беседку, в прохладную тень. С полчаса чайных разговорах обо всём, но в основном в расспросах, как пережили обстрелы.

Они с женой и сыном никуда не уезжали, все обстрелы перенесли на месте. Как только начиналась канонада, уходили хорониться в гараж, в смотровую яму под машиной. Раз, когда находились там, пришёлся прилёт снаряда от «Града», рядом с их гаражом. Контузило сильно, Сергею Ивановичу до сих пор сказывается, зрение резко упало, давление скачет, как мячик. Что говорить, если у стоявшей в гараже легковушки вдавило крышу взрывной волной.

А бедный дом, возведённый ещё дедом, пристроенный впоследствии отцом, принимал и принимал осколки и пули, расплачиваясь дырами и покосившимися стенами.

В конце прошлой недели приехали в наше расположение две Марии – журналистки телеканала «Спас». Планировалось, что денёк пробудут, поснимают объекты, а потом уедут. Но обстановка военная внесла свои коррективы.

Происшедшая в пятницу попытка военного переворота дала негативный результат. На три дня прекратилось транспортное сообщение с большой землёй, с Ростовом, с Москвой, короче, практически со всей Россией. Больше ничем это не отразилось на нас. Но тревожность появилась. Заволновались родственники всех работников, названивали постоянно в беспокойстве. Ведь прекратилось даже снабжение этого региона, т. к. дороги были блокированы военными. Но вскоре всё нормализовалось. Эти события, конечно, будут анализироваться военными и прочим летописцами. А мы продолжали жить и работать.

Вторник был знаменателен окончанием работ по ремонту крыши на доме Сергея Ивановича. Помимо крыши пришлось помочь в починке небольшого провала в потолке на кухне, обшивке фронтона. Сергей Иванович, солидный мужчина 65-ти лет, страдавший последствиями контузии от обстрелов, нисколько не унывал и не сдавался, хотя в таких

условиях любой мог опустить руки и отчаяться. Он постоянно что-то делал, помогал нам, подносил шифер, доски, подавал инструмент. Не говоря уже о том, что регулярно готовил чай, приносил холодную воду.

В пришедшую «Газель» уложили инструмент и леса. А на завтра намечен уже новый объект, требующий обновления шиферной крыши.

Кто они, наши адресаты, которым оказывается помощь в ремонте домов? В первую очередь, конечно, остро нуждающиеся. И старики, и инвалиды, и одинокие женщины с детьми.

Поразил недавний случай, вскрывший факт вовремя неоказанной помощи семье из двух человек – женщины с мужем-инвалидом. Крыша дома была почти полностью разрушена. Потолочное покрытие за полтора года под открытым небом превратилось в мокрый огород с сорняками и плесневым гребком изнутри. Приходилось обитать в одной комнате с электрообогревателем, прикрывая единственное ложе целлофаном от воды.

И стряслась беда, не вынес муж этих условий, в мае-месяце предал душу Господу. И вот в таком скорбном состоянии, похоронив супруга, женщина продолжала существовать, окружённая лишь вниманием четвероногих собачки и пары кошек.

Когда эта ситуация вылезла наружу, оказалось, что семья была в приоритетной очереди на улучшение жилищных условий. Юрий Алексеевич, наш руководитель, оперативно начал шевелить все каналы в администрации, также быстро определили бригаду на этот дом. Пока зачищали всё от сгнившей мебели, поражённой грибком, от обвалившейся штукатурки, рассыпающихся деревянных конструкций, организовался завоз стройматериалов, и пошло дело...

Казалось бы, теперь всегда в поникшем состоянии, хозяйка начала преображаться, воспрянула духом, видя к ней особое внимание и позитивные изменения в ремонте дома. А когда крыша была покрыта кровлей, это уже был вполне счастливый человек, как будто рождённый заново после стольких потрясений в жизни. Её благодарности строителям не было предела. А нам лишь оставалось сожалеть, что так поздно наша помощь пришла в этот дом.

Четверг выдался промозгло-дождливым. Если с утра было прохладно и ветрено, но вполне комфортно работать, потому что не

жарко, то с обеда пошёл затяжной дождь. За какой-то час мы промокли до исподнего, пришлось ограничиться малым, но всё-таки небольшой скат пристройки успели разобрать, поменять доски обрешётки и накрыть рубероидом.

И наравне с нами, двумя мужиками, работали две девушки, такие же волонтёры. Анжелика снизу помогала Александру, а со мной наверху трудилась москвичка Елена, кстати, кандидат биологических наук, имеющая богатый опыт восстановления храмов по северным окраинам российским.

А вечером новое испытание свалилось на наш коллектив. Наша «Газель» оказалась прилично поцарапана сбоку, будучи находясь на стоянке возле общежития. И всё это произошло после того, как я по разрешению руководителя брал машину, чтобы свозить свою бригаду окунуться в море. А теперь стоит в ожидании разбирательств, когда приедет инспектор ГИБДД, которого вызвали, но который не спешит ехать весь день субботы, чтобы составить протокол и просмотреть запись видеокамеры с крыльца здания. Только к вечеру был составлен протокол.

И лишь в понедельник по видеозаписи удалось выяснить, что повреждение нашей машине нанёс другой автомобиль, маневрировавший на стоянке при развороте и потом покинувший место происшествия. А это сразу сняло с меня подозрения на умышленное сокрытие факта повреждения, так что моё волнение по этому поводу было весьма немалое.

В пятницу была пересменка руководителей. Уехал домой Юрий Алексеевич, сменил его Михаил. Также уехало несколько старых работников, приехали новые. Уехал Пётр, к которому все испытывали неподдельное уважение за его умение подсказать правильность наших действий, направить в нужное русло нашу порой бестолковую энергию, своим примером показать, что ничего невозможного нет. Короче, был всегда и везде, как по мановению волшебной палочки. Ну, а расставаться испокон веков всегда было намного тоскливей, нежели вливаться в новые условия и коллектив.

Петру, кстати, в день отъезда исполнилось 45 лет, юбилей. Както экспромтом, но подготовились его поздравить. Мой коллега по бригаде Саша, по своей специальности повар, утречком приготовил ему блинчики с творогом. Алексеевич организовал покупку

фруктов и арбуза, Борисовна приготовила вкусный обед. Подарили ему перочинный нож «ВДВ», хорошую книжку, а Саша даже написал стихотворное поздравление:

И в дождь, и в стужу, и в жару
Идёт он на работу,
Не забывая к нам ко всем,
Он проявлять заботу.
Он каждому и брат, и друг,
Мы для него как дети.
Пусть обойдёт его недуг!
Да здравствует наш Петя!

Последние дни моей работы шли буквально на износ, и не только меня. Вся наша маленькая бригада горела желанием закончить объект – очередной дом в нашей строительной благотворительности. А в мой период работы – третий от начала до сдачи. Просто не хочется оставлять недоделки по смене другим, тем более уезжает завтра ещё и Лена. А сегодня последние штрихи – установка коньков, подгонка и крепление жестяных элементов, устранение недоделок.

Спасибо всем, приложившим тепло и умение своих рук в эти наши крыши! Спасибо Диме и Тёме, Саше и Лёне, Елене и Петру, Дмитричу и Сергею, Борису и Артёму, Алексею и Игорю! Спасибо боссам! Спасибо всем, что уживались друг с другом, старались не конфликтовать!

Мы сами себе подарили эту возможность работать на благо других, приобретая при этом непередаваемые ощущения, размягчая свои чёрствые сердца.

Да будет мир этим домам! Дай, Бог, избытком благодати наполнить всех неравнодушных и излить её всем понемножку! Да будет так.

июль 2023 г.

МАРИУПОЛЬ

Часть вторая

Ноябрь-месяц сподобил меня принять решение об ещё одной поездке потрудиться в славный Мариуполь. Будучи в данный период с лета безработным, и чтобы не прожигать в безделье дни, тем более, что сильно затягивалось согласование с очередным работодателем по моему трудоустройству, принял такое решение. Созвонился с Юрием Алексеевичем. Получив от него уведомление, что специалисты всегда нужны, незамедлительно приобрёл билет до Москвы, сообщив также московскому нашему куратору Дмитрию, чтобы взял мне проездной на автобус из столицы в Мариуполь. Единственной проблемой было, как одеваться в дорогу. Ведь на севере стояли морозы до -20, в Москве колебалось около 0, а на юге доходило до +10. Пришлось выбирать утеплённый осенний вариант, чтобы было что-то среднее.

В Москве в запасе был весь день. Прилетел в 7:30 утра, и нужно было до шести вечера занять себя. С аэропорта поехал на ВДНХ ознакомиться с новой выставкой «Россия». Впечатления, конечно, незабываемые. Вспомнилось, как в детстве нас с братом, школьников, мама возила на летних каникулах в Москву, как мы несколько дней посвятили ознакомлению разных павильонов ВДНХ. Поэтому мои теперь потраченные неполные четыре часа на экскурсию лишь поверхностно окунули в такое увлекательное современное многообразие жизни.

После выставки я поехал заглянуть в гости к матушке Макарии, моей духовной наставнице. Схимонахиня Макария живёт в городской однушке, весьма уже преклонна в годах и здоровье. Шутка ли, 92 года исполнилось уже. Наше знакомство состоялось 15 лет назад. В поисках своего погибшего в 1943 году деда мне посчастливилось пересечься с тогда ещё монахиней Митрофанией, искавшей своего погибшего отца. И тогда выяснилось примечательное обстоятельство, что наши сродники, упокоенные в одном братском захоронении, погибли в один день и в одном селении Смоленской области при наступательной операции Красной армии 18 марта 1943 года.

Как и в предыдущие мои посещения, она была откровенно рада мне, как близкому родному человеку. В этот момент при ней дежу-

рила соцработница, тоже православная женщина. Меня накормили, напоили чаем, а оставшийся в запасе часок мы с матушкой сердечно общались, как будто всю жизнь знакомы.

Автобусная дорога до места назначения длилась почти сутки. И утомительна была ещё и тем, что все места были заняты. Вот так в периодической полудрёме и проходила поездка с регулярными остановками подкрепиться и заправиться.

Как и в прошлый раз, в салоне были военные. Ребята возвращались с краткосрочных отпусков на боевые позиции. Уважение к ним со стороны пассажиров было неподдельное.

Как контрастом выделялась группа пенсионеров, в основном семейных пар, которые возвращались из загранпоездки в Грецию. Они вели себя весьма привольно. А если учесть, что отправка автобуса была задержана белее чем на час по причине ожидания их прибытия из аэропорта, то весь остальной пассажирский контингент отнёсся к их соседству далеко не дружелюбно.

Но путевые истории и встречи тем и хороши, что быстро заканчиваются и выветриваются из памяти, в основном недостойные никакой зацепкой там задержаться.

На автостанции Мариуполя встретил меня на нашей волонтёрской «Газели» Андрей, молодой человек лет тридцати. С бородкой, с чутким проницательным взглядом полуазиатского прищура на худощавом лице.

Как рассказали потом ребята, Андрей закончил духовную семинарию, готовился к рукоположению. Но так как был в статусе холостяка, то пока и не определён на ответственный пост священнослужения до момента женитьбы. Он же был в настоящий момент нашим прорабом, ведя ответственную работу по распределению рук и материалов по объектам, общению с администрацией и нуждающимися владельцами полуразрушенных хижин.

А ведь именно хижинами и хотелось назвать многие дома. Нередко они были созданы из самана – соломенно-земляных кирпичей. А в случае разрушенной крыши этот саман размывался осадками и ветром со скоростью осыпания песчаных часов. И именно на такую хижину я и поехал в первый день.

Поначалу полуразрушенный дом одинокой бабушки Юлии Николаевны уже месяц восставал из пепла. Единственная кирпичная стена была восстановлена нашими работниками под крышу, другая

блочная стенка почти также возведена за исключением надоконного перекрытия. Заново выросла новая добротная крыша из свежего пиломатериала, покрыта лоснящимся от заводской пыли шифером.

Каждый вносил свою посильную лепту, передавая дом меняющим его коллегам. Нам досталось монтировать внутреннюю обрешётку стен под гипсокартон, укрепление венца стен по периметру кирпичной кладкой, укрепление саманной стенки, которая шаталась даже от прикосновения.

Юлия Николаевна, весьма переживавшая процесс восстановления дома, периодически посещала наше общество. Шагая потихоньку с палочкой, приносила нам вкуснейшие оладушки к чаю. А жила она у соседки по двору, приютившей её в своём доме. Вообще, дом Юлии Николаевны был продолжением общего ряда совмещённых между собой соседских домов в силу архитектурной особенности центрального района городской застройки, и вот эти дома вместе и пострадали от бомбёжки в период военных действий.

Крайний дом был разрушен до степени невозможности восстановления, дом Юлии Николаевны, второй, подвергся почти такой же участи, но тут приняли решение его возрождать. Третий пострадал меньше, а далее – лишь частично. Единственное, что умаляло весь процесс восстановления, явилось фиктивное заключение администрации города о степени разрушения дома. Согласно этому акту, Юлии Николаевне было выделено лишь 178 тысяч рублей, пиломатериал, шифер и кирпич. Пиломатериал, шифер, кирпич пошли в дело. А деньги быстро закончились, ведь на них покупались цемент, песок, утеплитель, проводка и много другой мелочи.

Стало практически правилом, что наша миссия тратила собственные средства, для этого не предназначенные, на покупку материалов. Частенько сами трудники раскошеливались из личного кармана. Но главное, что дом восстал из руин. Этому, думаю, способствовало и то обстоятельство, что за его забором высился величественный собор Покрова Божией Матери. А Богородица, как известно, не замедлит к бедствующим в этой бренной жизни.

Состав нашей бригады достоин отдельного повествования, настолько у всех разные судьбы и причины.

Алексей – метростроевец из Подмосковья, ввиду отсутствия работы подался безвозмездно потрудиться в обездоленные края.

Николай – уроженец Волгограда, уже два месяца здесь трудившийся, собрался уехать на родину по необходимости смены паспорта на рубеже 45-летия.

Иван Иванович – моложавый, лысый как пасхальное лицо, предприниматель из Ярославля. Разведён, ох уж эта эпидемия разводов семейных. Четверо детишек обитают с мамой в Тобольске.

Роман-пчеловод, как он сам себя и назвал, т. к. практически профессионально занимается этим сладким медовым промыслом в подмосковных окрестностях.

Виталий Саныч – архангельский мужичок с седой бородкой, пенсионер, бывший строитель подводного флота Северодвинска, в настоящий момент алтарник и регулярный волонтёр-строитель по восстановлению храмов русского Севера.

Владимир – житель Калининграда, профессиональный каменщик, временно безработный, тоже пенсионер. Но на пенсию ведь не прожить, сейчас в поисках работы. Его навыки нам пригодились на нашем следующем объекте – разнесло снарядом две совмещённые стены кирпичного дома, прихватив ещё и блочную стену гаража, но оставив почти нетронутыми крыши строений. Удивительным образом угол крыши дома висел практически в воздухе, ни на что не опираясь. Перед проведением ремонтных работ угол крыши подпёрли железной трубой, исключив тем самым возможное её обрушение.

Хозяева дома – семейная пара преклонных лет – Нина Михайловна и Василий Прокопьевич. Нина Михайловна являлась активной хозяйкой, руководившей домом и заботливо присматривавшей за хозяином и нами, строителями. При попадании снаряда в их дом серьёзно пострадал и Василий Прокопьевич. Он находился недалеко от центра взрыва, ударной волной его отбросило в сад-огород, сильно контузив. Но Прокопьевич не из тех, кто сдаётся. Он, как мог, укрепил свои развалины, собрал битый кирпич, продолжая жить с любимой супружницей в уцелевшей части дома.

В первый день мы разобрали оставшиеся внизу разрушенных стен кирпичи и приступили к возведению каменной кладки. Решили, с позволения хозяйки, не отлучаться на обед в общежитие, чтобы не тратить драгоценное время на дорогу. Ведь немаловажным фактором являлось, что мы ориентировались на замесы цементного раствора, а не на время обеденного перерыва.

Нина Михайловна потчевала нас в обед такими вкусными произведениями своих рук, что после трапезы мы с великой неохотой поднимали свои тела и выгоняли их на двор для продолжения стройки. Осложняла работу температура воздуха, всё время колеблющаяся возле нулевой отметки. Поэтому приходилось на ночь укрывать кладку, чтобы на утро влажно-моросящий воздух не превратил её в ледяной панцирь, который просто так не убрать, а лишь при помощи горячей воды и скребка.

День за днём, за девять трудовых смен мы подняли стены под крышу. Под самый конец, когда Володя доводил верхний фигурный венец, мы с Романом взялись и за два дня возвели Прокопьевичу гаражную стену из новых блоков.

Сегодня последний день моих трудов. Сегодня завершаем нашу стройку восстановления дома, заодно и гаража, и передаём по эстафете объект крышевикам.

А я уезжаю завтра домой, хотя так хочется ещё и ещё трудиться и трудиться, черпая в этом труде Божью благодать и раздавая её окружающим.

Слава Богу за всё!

АВДЕЕВКА

Часть третья

Минул ровно год после прошлой поездки на Донбасс. Ровно год прямого неучастия в миротворческой миссии показался слишком длинным. Хотелось и раньше опять присоединиться к уже родным по духу людям, но дела мирские не отпускали. Работа, семья, свадьба дочери – всё это отодвинуло мою мечту опять на начало зимы, когда годовая суета слегка поулеглась, разложилось по полочкам намеченное и осуществлённое.

Год действительно был суетливый, можно сказать, даже бешенный. Требовалась какое-то финальное действие, подводящее черту под этой муравьиной беготнёй.

Конечно, я заранее определил срок поездки, заранее купил авиабилет. По прилёту в Москву моей промежуточной целью было посещение матушки Макарии, моей духовной наставницы. Я каждый

раз стараюсь почтить своим приездом мою славную матушку, когда бываю в столице. Ведь нас связывают родные нам люди, её отец Александр и мой дед Иван, погибшие в один день в одном месте и захороненные в одной братской могиле многострадальной Смоленщины. Об этом у меня есть отдельное повествование.

В этот раз состояние матушки, в силу возраста, было совсем неважное. Она опекалась сиделкой Татьяной, женщиной немолодой, но энергичной, кстати, уроженкой Донецка, куда я и держал свой путь. Многочисленные отклонения в здоровье матушки сказываются на её угасающей способности передвигаться по однокомнатной квартире. И у меня закрались робкие опасения о том, что эта наша встреча может быть последней, не вечен человек в этом мире, все приходим к одному концу. Пробыв там с два часа времени, сердечно обнявшись и попрощавшись и с матушкой, и с Татьяной, ставшей уже близким человеком, покинул я эту святую келью одинокой схимонахини, оставив на душе тяжёлый осадок от осознания бренности человеческой жизни.

Привычная, почти суточная, дорога по трассе «Дон», среди прочих привычные пассажиры в военной униформе сформировали подобающий рабочий настрой. По приезду в Донецк пришлось подождать пару часов возле придорожного пятачка с шаурмичными ларьками, пока за мной приедет волонтёрский «Соболь». Приехал за рулём наш прораб Серёга Жуков, бывший кадровый офицер. Его занимаемое место на должности прораба, а вообще – главы нашей миссии в Авдеевке – это именно его место, как специально сотворённое под его качества, способные сплотить разных людей в одну команду. Ведь контингент волонтёров еженедельно обновляется приезжающими со всей страны неравнодушными людьми. И попробуй сплотить их в бригады, собрать воедино знающих спецов и дилетантов, чтоб не в ущерб результату. А ведь главный результат – восстановление разрушенных крыш, а может, и разрушенных судеб благодаря этим крышам.

Конец ноября, стоявший на дворе, сопровождался чуть выше нуля температурой и удивительно ясной погодой без осадков, что благоприятно для наших работ на крышах. Достался моей бригаде домик многодетной семьи с разломанной и как бы вогнутой крышей от ударной волны недалеко взорвавшегося ФАБа – фугасной авиабомбы, о чём свидетельствовала приличная воронка возле летней кухни, восстановление которой было под большим вопросом,

а также доброго комля земли, прилетевшего в самый центр крыши из этой воронки. Почему-то заключение комиссии городской администрации гласило о реальности починки крыши из текущего состояния. Соответственно, и материал был выделен не более, как кому-то показалось, необходимого. Мы всем составом залезли наверх и, оценив степень разрушения, быстро приняли решение о полном сносе деревянно-шиферного нагромождения, приправленного сверху свежим чернозёмом из воронки.

Процесс разборки и сброса, ломать не строить, занял каких-то три часа. Вчетвером – я, Максим из Нижнего (демобилизованный по ранению участник СВО), Костя из подмосковного городишки Талдома (участковый инспектор, военный офицер) скидывали вниз лом и мусор, а здоровенный москвич Данила (подполковник в отставке) легко это всё растаскивал в стороны. Ровный слой оставшегося глинистого потолочного перекрытия не был нарушен, что облегчало нам дальнейший ход работ.

Как и в Мариуполе, ни единой неповреждённой крыши, ни единого целого окна. Но степень разрушения здесь, конечно, на порядок масштабнее, что явилось результатом применения более разрушительных бомб, тех же ФАБов. Тоскливое впечатление создавал пейзаж вокруг нашего дома. Там – и справа, и слева, и по другую сторону улицы, по большей части, почти никакому восстановлению не подлежали дома соседских участков, частично разрушены даже стены, не говоря о крышах.

Хозяева нашего дома, а у них четверо детишек, в данный момент снимают маленькую квартиру в областном центре, что в сорока километрах отсюда. Лишь раз они выбрали возможность приехать обсудить план строительства. А потом мы сами уже осуществляли монтаж стропильной части, укладку обрешётки и шифера.

Следующий день был воскресенье. По установленной традиции, он посвящался посещению храма и отдыху для желающих. Величественный собор Петра и Павла был закрыт в связи с отсутствием отопления, газовое снабжение только восстанавливалось. Поэтому службы велись в небольшом нижнем храме в честь иконы Божией Матери Неупиваемая чаша. Но даже в малом храме ввиду отсутствия нормального обогрева было заметно зябко, лишь многочисленность прихожан да горящие свечи делали атмосферу более комфортной.

А в понедельник мы продолжили работы на объектах. Моя бригада уменьшилась до трёх человек, Максима откомандировали в Донецк для ремонта помещения нашей миссии. Но мы втроём неплохо сработались. Не имевшие опыта в крышевом строительстве Костя и Данила ловко помогали, быстро схватывая, что необходимо делать. За день была возведена стропильная часть. Девять деревянных вершин из свежей «пятидесятки» красиво выделялись на сером фоне нежилого дома с чёрными оконными проёмами.

Через день к нам присоединился Геннадий, как он представился, хотя в его возрасте под семьдесят явно напрашивалось присовокупить к имени и отчество. Геннадий вообще умница, лазал по самой верхотуре, смело воплощая свой опыт в результат, не пытаясь даже ограничить риски. Но мы всё сделали, чтобы свести их к нулю – соорудили скатную лестницу, при необходимости применяли верёвочную страховку.

Обедать ходили в недалеко находившийся жилой дом, где такая же наша бригада вела ремонт кровли у одинокой бабушки. Туда привозили кушанье наши замечательные девчата, такие же, как и мы, волонтёры, только трудившиеся на кухне.

В один из дней при утреннем развозе по объектам прокатились всем составом на двух микроавтобусах по Авдеевке с экскурсией, если так можно сказать. Увиденные разрушения невозможно выразить благопристойными выражениями. Некоторые многоэтажки представляли из себя лишь высившиеся останки крайних подъездов с отсутствующей серединой, на многих железобетонные межэтажные горизонтальные перекрытия болтались в вертикальном положении, словно подвешенные сверху доминушки, когда верхняя повалила нижнюю по высоте всего дома, да так и остались висеть.

В одной из оголённых от внешней стены квартире на самом краю обломленного пола выделялся чистым боком высокий белый холодильник, ещё чуть-чуть, казалось, и он упадёт во двор с верхнего этажа, в полёте освобождаясь от содержимого. Кое-где контрастом выделялись цветастые обои, на фоне унылой разрухи казавшиеся словно красивые репродукции в старом чёрно-белом журнале.

Примечательной особенностью поздней осени являлось обстоятельство богатого неубранного урожая грецких орехов и винограда. Если иметь ввиду, что почти все дома были покинуты в прошедший сезон на время боевых действий, то и собирать эти плоды,

естественно, было некому. В конце смены мы набирали в пустые пластиковые баклажки и орехов, и винограда всевозможных сортов. А виноград, слегка тронутый морозцем, был вообще бесподобен на вкус. Конечно, был риск нарваться на шальную мину, когда заходили в сады за ягодой, но почему-то хотелось верить сапёрным надписям «мин нет» на входных воротах.

За пять неполных дней мы закончили с возведением и покрытием шифером крыши практически под ключ. Единственным невыполненным моментом осталось возведение трубы (кстати, при взрывной волне часть трубы даже под практически целой крышей всё равно разрушается). В связи с ограниченным временем на каждый объект и отсутствием каменщиков или хотя бы знатоков укладки печных труб, этим мы не занимались, закрыв кровлю полностью с возможностью облегчённого доступа в место выхода трубы наверх.

В пятницу же и перевезли инструмент и леса на следующую точку. А на завтра отбыли по домам Костя с Данилой, впервые записав на свой счёт с нуля восстановленную крышу. Геннадия перебросили в другую бригаду, а мне выделили вновь прибывших Игоря Васильевича, жителя Соловков, Игоря из Кирова, москвичей Дениса и Юру.

В этом доме хозяйка – одинокая вдова Елена. Сын и дочь с семьями и детьми (шесть внуков у Лены!), «застряли» на Украине. Сама она временно живёт в другом посёлке, занимая для обитания бытовку в конторе, где работает уборщицей, более лучших условий проживания у неё нет, только вот этот полуразрушенный дом без отопления и окон. Здесь было и сложнее, и проще. Проще в том, что не потребовалось ломать наименее пострадавшую крышу, а сложность заключалась в необходимости укрепления третьей части треснутых от взрывной волны стропил, а также в потребности перекрытия ещё двух крыш, входивших в общий ансамбль всей постройки – летней кухни и санитарно-бытовых помещений. Кстати, в летней кухне во время боевых действий размещался медицинский пункт, где военврачи даже делали полевые операции.

В период работ на новом объекте заметно увеличилась боевая активность наших войск. Почти беспрестанно доносилась вроде притихшая вдали артиллерийская канонада. Мимо нас каждый день проезжала военная техника. То Град проскочит на точку отработки по противнику, а потом мы слышим, как в нескольких сотнях метров сперва уходит на северо-запад пристрелочный заряд, а че-

рез минуту-другую следом залп из восьми-десяти выстрелов. То зашитый в стальной «мангал» танк смотается на такие же стрельбы, а потом с грохотом возвращается назад в укрытие. Разок даже Солнцепёк прошелестел гусянками мимо наших удивлённых глаз. А чему удивляться? Красная зона ведь. Между прочим, и ПВО наша неплохо отрабатывала. Как-то так бахнуло, а я как раз крепил жестяной конёк, сидя верхом на нём, что по спине пришёлся глухой толчок отдалённого воздушного взрыва, а в ушах зазвенели перепонки. Почти через день наблюдали пролёты в зону ЛБС наших вертолётных троек – по паре КА-52 в сопровождении МИ-28 на бреющем полёте уходили на атаки вражеских позиций и через 15-20 минут тем же порядком возвращались назад.

Когда работали на предыдущем доме, через пару дворов от нас обитало подразделение ПВО-шников. И вот как раз в те дни много расквартированных по таким домам наших военных снимались и перебазировались в сторону наступления. При разговоре с ними чувствовалась усталость в тональности, один солдатик даже высказался, что порядком устали все за полтора-два года в боевых условиях, кому сколько пришлось. Действительно, это серьёзное испытание даже просто в моральном плане. Не говоря уже о том, что там нет реального представления, что ждёт завтра, возможен любой поворот событий…

Крыши почти готовы. Осталось на промежуточной «плоскушке» достелить мягкую кровлю с использованием горелок.

Но у меня пришло время уезжать. Мой настрой на этот темп было жалко останавливать, хотелось опять и опять в морозно-слякотную погоду с молотком в руке энергично двигаться, чтобы не замёрзнуть, по крыше, сметая ночной декабрьский снег из-под ног. Лезть с шуруповёртом (или ласково – Шуриком) на остриё конька, не взирая на ледяной ветер. Чтобы потом вечером перед ужином забраться на полчасика под три одеяла в кровать отогреться. Чтобы после ужина со всеми вместе петь до хрипоты песни под гитару, получая за это аплодисменты друг от друга. Чтобы участвовать в вечерних планёрках нашей строительной миссии, горячо обсуждая возникающие вопросы и решая неразрешимые проблемы. Чтобы стоя на замученных ногах перед сном и утром перед завтраком коллективно молиться за вечерним и утренним правилом. Чтобы помогать товарищу в непонятном для него деле строительства, а самому после

этого чувствовать, что твоё окаменелое сердце становится мягким и податливым, а товарищ твой тебе уже роднее брата. Чтобы видеть слёзы благодарности в неунывающих глазах испытавших горе военного лихолетья одиноких бабушек, у которых из близких остались только соседи да кошки. Чтобы знать, что твоя капля работы – это огромный вклад в общее дело всей страны.

Вот ради этого и стоило сюда приехать. И, надеюсь, не в последний раз.

Дорога назад была как во сне. Я всё продолжал и продолжал работать в дорожной дрёме. Лез на крышу, замерял, пилил, зачем-то кричал что-то напарнику.

По приезду в столицу целый день, имевшийся в запасе до рейса на Север, посвятил поездке в Сергиев Посад, в гости к Сергию Радонежскому, ни разу не был там. Привезённая с Донбасса благодать прекрасно совместилась с благодатью святой Сергиевой Лавры, можно сказать, даже преумножилась. Теперь бы её не расплескать…

PS. Стихи, которые родились раньше прозы:

Город войны

Зияют окна пустотой, зияют бездной,
И нету крыш над головой – небесной тверди.
Стоят угрюмые дома, стоят и плачут,
И выглядят они совсем не так, как все, совсем иначе.
Совсем иначе в них уют, его там нету,
Там песен вовсе не поют, да просто некем.
Там нет ни детских голосов, ни даже кошек,
Там просто камни и песок и ужас ночи.
И даже солнце не встаёт в тени развалин,
И не растает камня лёд ни до проталин.
Лишь стены жалобно стоят и тихо воют,
О прошлой жизни в них людей тихонько стонут.
Придёт ли вновь туда рассвет утра надежды
И запах новеньких газет от строчек свежих?
Никто не скажет, будет день или не будет,
Пока лишь жизнь всё не сотрёт, не позабудет.

Леонид Берлев

Я понял вдруг…

Я понял вдруг, что мир враждебен,
И что на свете только Русь
Спасёт и отстоит молебен.
И я за Родину молюсь.
С времён древнейших, допотопных,
Россия мечена Творцом,
Что для племён непросвещённых
Быть непорочным образцом.
Чернили, жгли и истребляли
Россию эти племена,
Вели на крест и в грязь топтали
Людей великих имена.
Всем в этом мире помнить надо,
В том убеждение моё,
Россия это – злу преграда,
Не будь её – погибнет всё.
Пусть сгину по вине злодея,
Иль предан буду палачу,
Но, кроме той, что я имею,
Другой Отчизны не хочу.

Тихону Яковлевичу

моему деду

Он где-то затерялся там,
Среди дорог военных,
И лишь известно небесам
Пристанище для тленных.

В снегах ли мартовской метели
Сражённый насмерть он упал,

И всё бои, бои… В апреле
Уже никто их не искал.

Скупое «Без вести пропавший» –
Конверт в далёкий дом летел
И дом, такой беды не знавший,
Вдруг навсегда осиротел.

Мне кажется, сиротство это
Передалось тебе и мне.
И сколько нам не жить на свете,
Мы шлём проклятья той войне.

В саду заилился колодец,
Без рук мужских скучает конь,
И тихо стало у околиц,
И не зовёт девчат гармонь.

День Победы

Мне с этим жить,
Как с самым дорогим,
Пусть мне твердят,
Что мыслю по-старинке,
Но навсегда останется святым
Победы День!
В весенней сизой дымке
На юге, под Новочеркасском,
Окаменевшая, на Запад смотрит мать.
Весна вокруг разбрасывает краски,
И ввысь всё журавли летят, летят,
А мать всё ждёт.
Хоть много лет минуло,
Ведь матери до смерти могут ждать –
Он где-то жив,
То сердце обмануло.
Ведь всякое случалось у солдат…

А в небесах всё те же журавли
Летят в века,
Уже в парадном строе.
А я машу и всё машу рукою,
Чтоб вновь весною
Прилететь смогли
Святой Победы
Наши журавли.

Виктор Козлов

***

Дай Бог, когда-то прочитать
Сии небрежные заметки,
Себя представить и узнать –
Каким я был в той пятилетке,
Когда писал на буровой
Я на клочках заметки эти,
И что творилось в мировой
Семье на голубой планете…

***

Я ещё не хочу «уходить коридором» –
Ни больничных палат,
ни таёжных сквозных профилей;
Не сманить меня даже
высоким кремлёвским забором, –
Не истёр я ещё
всех заточенных мной грифелей.
Ждут блокноты меня,
пачки тонкой лощёной бумаги –
Их просторы обширны,
сравнимы с простором полей:

Освоенье их требует
тоже крестьянской отваги
И двужильной работы
не день и не год, а всю жизнь.
Будней вязок зыбун –
из него светлых праздников ваги
Вызволяют, тогда –
пей вино, как студент, веселись...

***

Когда
желанье есть
о чём писать,
я знаю...
Тогда я переполнен, как ледник,
как айсберг тающий...
Я знаю:
коснись меня, и я зашиплю,
а, может,
зацвету альпийским лугом...
Я знаю:
коснись меня –
я замедоточю или оставлю
след на плащанице...
Коснись,
потрогай с той и другой стороны, –
понравится, а может быть и нет...
И тогда принимай окончательное решение.

***

Хоть поздно или рано,
Но настаёт конец:
Тому – залечь в бурьяне,
Тому – одеть венец...

Но, поздно или рано,
Поймут все, что кому:
Кто лёг за всех в бурьяне,
Одеть венец – тому!

***

Снег искристый, золотистый –
Будто мошкара
В золотых лучах толчётся...
Будет, знать, с утра
Вёдро – ясная погода...
Дай-то Бог, а то –
Насучила за ночь вьюга
Мне тоски моток...

***

Снега, снега... Снега иль тени –
Сугробов или облаков?
Или обрывки сновидений?
Иль сна распавшихся оков?
Снега, снега... Вы – чьи-то вздохи,
Мечты и сны, другой поры,
Другой, идущей вслед эпохи,
До рук горячей детворы?
Снега, снега... Иль белы снеги?
Всё дело видно в новизне:
Устав бороться с вашей негой,
Мы вас разлюбим – до весны.
Снега, снега! Весной, растаяв,
Водой польётесь кто куда...
Но это будет – не простая! –
Живая,
Талая вода...

«Колёсный» романс

Может, милая, хватит?
Ну, чего ты – в халате?
Ты надень лучше платье:
То, с каймой голубой.
Что ты, милая, плачешь?
Мне ж «колёсные» платят
За разлуку с тобой!
Перестань же, не ной:
Я и так сам не свой!
Средь «колёсных» занятий,
Матюков и проклятий,
Я с ума чуть не спятил
Средь тайги и болот;
Так и вижу: в халате
Тянешь крылья объятий
Ты всю ночь напролёт.
Перестань, не тяни!
Перепутаю дни,
И ступлю на порог
В неназначенный срок!

Боязнь огня

Боязнь огня... Боязнь телесной боли...
Боязнь – что я не выдержу всего,
Что связано с огнём...
Ты – ветром в чистом поле,
Я знаю, налетишь и дунешь: ни-че-го!
Всё! Зажило!.. Как будто не горело!
Как – ничего?.. Меня ж насквозь прожгла!
Мгновенно!..
Душу мне!..
Не тело:
Зелёных глаз твоих, как лазером, игла...

***

Думал, ты будешь хрупкой и тонкой
С длинной косой синеглазой девчонкой,
Встречу в театре иль с книжкою в роще.
Всё оказалось гораздо проще:
Встретил на профиле, волосы рыжие,
Будто пылающих стружек охапка,
Будто смолистый факел под крышею:
Чуть-чуть и вспыхнет заячья шапка.
Просто со скуки за нею ухаживал.
И целовал прямо с первого вечера...
Что ж в ней такого, что трогает заживо,
Против чего возразить даже нечего?
С каждою встречею я всё нежнее...
Всё оказалось гораздо сложнее.

К тебе одной

сонет к сорокалетию Гали

К тебе одной влечёт сильней поныне!
И, как бы ни был гадок я порой,
Меня ты, как заблудшего в пустыне,
Вновь возвращаешь к жизни – не водой
Живительной, – мучительным прощеньем!
И горько, и пронзительно опять
Переживал я радость возвращенья:
Возможности коснуться и обнять.
Тебе, тебе, моя Галина! –
Хранящая очаг наш и добро...
... Для твоего созданья б половину
Я отдал сердце... Сердце, не ребро!
Знать потому влечёт меня и ныне.
И пусть тот зов во веки не остынет!

Признание губ

Рисунок губ – как ты причудлив,
Как ты безмолвно говорлив!
И жизнь души в порывах чудных,
Добра и зла: прилив-отлив...
Рисунок губ – сердцебиенье,
Заветных слов сердечный гул.
Нечаянное озаренье:
Поцеловать я их смогу!
О, абрис губ твоих желанных!
Таких податливых – во сне...
Когда ты – жмуришься жеманно
И не пытаешься краснеть...
Рисунок губ... А их движенье,
Признание молчащих губ
Доводит до головокруженья:
Тогда я туп, тогда я глуп...

Размолвка

Уж, казалось, чего бы проще:
Взять по-аглицки и уйти...
Позабыть к ней дороги-пути...
Есть в общаге пока жилплощадь...
Встретить девушку без претензий,
Посвятить себя ей одной...
Так и сделаю!
... А рукой –
Всё рисую знакомый вензель,
Силуэт, до боли родной...

***

Когда сидишь, опустошён
Деянием, делами, думой,

Вдруг ощущаешь: сладкий сон,
Наплывом,
Весело-угрюмый,
Объял тебя... Потом рассвет,
Вначале тяжкий, медно-красный...
И вдруг – луч солнца!..
Белый свет
Становится цветным
И ясным...

***

Гляди: осиновая почка
с потугой (словно за грехи!)
всё ж разрешилася
листочком!
Ещё не ведая лихих
налётов ветра, тот листочек
идёт без страха
в разворот
и, как зеленоклювый кочет,
весне осанну он поёт! –
не зная, что такое – трепет
и что – осиновая дрожь...
... Я слушаю твой смелый
лепет:
как на листок тот
ты похож!

***

Что тебе пожелать, моя радость,
Моя милая младшая дочь?
Пусть огни полыхают всю ночь:
Мы – актёры, а жизнь – как эстрада!

Пусть под утро рассыпят ракеты
В небе розовом снов вашу цветь.
Днём – экзамены сдать бы успеть,
Только ночью вновь буду поэтом...
Что тебе пожелать, моя радость?
Что тебе пожелать, моя грусть?
Припади на отцовскую грудь,
Словно в детстве,
Желанной отрадой.

***

Погряз я в грехах и обмане
Единственной женщины – кто
Меня, может статься, помянет,
Когда я наброшу пальто
Из дуба на стылые плечи
И лягу в пуховую твердь...
... Задуй эти жёлтые свечи,
Задуй!.. Не хочу умереть.
Хочу я немного исправить
Всю эту – надгробную! – жизнь...
Хочу тебе валенки справить:
Чтоб пальцы не жало... Скажи –
Я построю сарайчик
(На домик не хватит меня).
Не бойся меня озадачить:
Скажи при сиянии дня.
Скажи, пока сумраком ночи,
Как славой дурной, не покрыт.
Скажи...
... Я люблю тебя очень,
Но ты не узнаешь: я скрыт
От мира сего шебутного,
Где каждый урвать норовит,
Себе – словоблудного слова
И славы томительный вид.

Отклик

Опять и мечты, и сомненья
Меня полонили совсем.
Как юноша, снова в волненьи
Я код набираю «07».
А в трубке пушистенький гномик
Шевелится и ворчит.
И только желанный твой номер
Упорно и глухо молчит.
Я напрочь убит и подорван
Упорством твоей немоты.
Тогда перед мысленным взором
Безмолвно являешься ты.
Но, Боже, хотя бы дыханье,
Хотя бы рыданье яви!..
... Запахло твоими духами.
Как ладаном в храме любви.

Откровения сорванца

Я живу в Мегионском Посаде.
Возле леса, на самом конце.
Сорванцом меня звали в детсаде.
Сорванец – и сейчас на лице.
Но!
Есть одна городская девчонка,
Говорит она мне о другом:
Что – натурою я очень тонок
И – что скоро я буду отцом...
Хоть за это сейчас не «посадют»,
Но ведь так разволнуется мать,
Что придётся остаться в Посаде:
К Невмержицкому – брусья «пилять»...
Ну и пусть! «Напиляем» мы брусьев –
Свой! – чуть дальше построим Посад.
Сорванцы станут взрослою Русью

И детей своих с радостной грустью
Поведут в ставший тесным
Детсад...

***

Девочка книгу раскрыла случайно,
Пальцем потрогала чёрные строчки.
Всё для неё это скучная тайна,
Ей отрывать интересней листочки:
Р-раз – оторвёт и по ветру запустит,
Голову набок склонив от восторга,
От восхищения губку закусит,
Смотрит – как кружатся в воздухе долго
Белые листья... нет, белые птицы,
Лебеди белые кружатся это
С братцем Иванушкой... Где же сестрица?
Машенька, Машенька, где же ты, где ты?..
... вот и распущена по ветру книга...
Девочка с грустью вздохнёт, разревётся
И незаметно уснёт... А проснётся –
Мир уже будет другим, обновлённым:
Новая звёздочка в небе зажгётся,
Новые ветви распустят деревья,
Новые в мире родятся детишки,
Новые ей напечатают книжки...
Время придёт, и она с интересом
Первую в жизни откроет страницу,
Девочка с тайн приподнимет завесу:
Девочка станет учиться...

Елена Гостева

***

У кромки небес на восходе,
Где застил туман синеву,
Усталые ангелы бродят
в росе, не сминая траву.

Окутан надмирным покоем
Ещё не проснувшийся лес,
Но скоро взойдёт золотое
И брызнет лучами с небес.

На все голоса день восславит
Пичужек ликующий гам.
А ангелы, крылья расправя,
Отправятся в мир
По делам.

***

В почерневшем старом доме
люди больше не живут,
Всё и вся застыло, кроме
пауков, что сети ткут.
Вот он – сумеречный житель,
суетливый восьминог,
здесь теперь его обитель.
Никакая из дорог
не вернет хозяев дому.
Только призраки придут,
паука прогнать не смогут,
пыль с окошек не смахнут.
Их невидимые пальцы
тронут выцветший альбом.

И застонет, и заплачет
ветер в раструбе печном.
Но почует пёс безродный
из соседнего двора
дух погибельно-холодный
и провоет до утра.
И весь дом в смятенье, в страхе
Крышу выгнуло горбом.
Словно узник, что на плахе
Ждёт удара топором...

***

Прочь, суета и все мысли досужие!
Перед иконою гибнет свеча.
Видишь – рванулась, взметнув полукружие
Пламени яркого, словно крича.

Свечка, твоё поминальное знаменье
Расшифровать тщетно силится мозг.
Миг – и потухла, и нет больше пламени,
Лишь почерневший расплавленный воск…

А за окном фейерверки расцветили
Небо ночное на десять минут.
Радость и горе и в этом столетии,
Рядышком, словно соседи, живут…

Письмо в Калифорнию

Марине
Пишешь:
у вас – жара,
И у тебя – мигрень.
Ну а у нас ветра,
Снег и пуржит весь день.

В Пасху была весна,
Духом воспрял народ,
Только Борей без сна
Новую стужу шлёт.
Западная Сибирь:
В мае опять зима
Строит и ввысь, и вширь
Снежные терема.
Твой океан теплей,
Но не об этом речь.
Главное, ты сумей
В доме любовь сберечь.
Дай Бог, не знать потерь,
С миром в согласьи жить.
Дочке твоей теперь
Три языка учить…
Будь её путь открыт,
Будь её даль светла,
А в небесах, как щит,
Ангела два крыла.

Свидимся ль, мой кумир?
Я ведь не соберусь…
Там, у тебя, – весь мир,
А у меня здесь – Русь!
Здесь ли наметил Бог
Место под Страшный суд?
Не уточнил пророк
Даты конечных смут.
Худ, недоверчив, лют
С голоду и утрат,
Вновь неимущий люд
Ищет: «Кто виноват?»
Выпуски новостей
Снова полны тревог.
Схватку идей-страстей
Нам уготовил рок.
Эти зовут на бой

Против любых господ,
Те – на борьбу с чумой,
Третьи – на Крестный ход...

Грустный прости ответ
И настроенье-хмурь.
Солнца всё нет и нет,
В голову лезет дурь…
Если бы мне читать
Только твои стихи,
И не слыхать, не знать
Наших вестей лихих!

Враг мой

Враг мой, темницу мою открой,
Душит меня тюрьма.
Враг мой, демон, мой гений злой –
Это все я сама.
Сама себя держу взаперти,
Стальную сладила клеть,
Быть вольной хочу, но боюсь уйти
Из клети и – захмелеть.
Не знают люди, какой обман
В моих ледяных глазах,
Что дикий ветер из дальних стран
Жду я в своих тайных снах.
Он дышит зноем в моём окне,
Настойчиво манит ввысь
И сладко шепчет: “Доверься мне,
За ложный стыд не держись,
Тебя никто, как я, не поймёт,
Душа твоя мне близка,
Впусти, разбей предрассудков лёд,
Ведь знаю – гложет тоска”.
И я держусь. Дом мой льдом забит,
Рассвет одинок и хмур.

Но рядом, рядом уже горит,
Искрится бикфордов шнур...

***

Я разумно решила: нет,
Быть не может любви меж нами,
Гнать пыталась амурный бред
Из души своей батогами.
И запрет любовным словам
Обоюдным скреплён неверьем.
А душа убежала к Вам
И скулит под Вашею дверью.

***

Об одном прошу тебя: «Будь!
Пусть не рядом, но где-нибудь
Здесь, под небом лазори нежной,
Средь лесов зелёных иль снежных»
В бедах, радостях бытия
Об одном заклинаю я:
«Будь! И пусть от меня вдали,
Ты мне нужен поверх земли!»

***

Читаю память:
День один затёрла почти до дыр.
Обуглился от пристального взгляда
Лист,
Где тот день записан.
И даже страшно:
Ненароком дуну – он в прах рассыплется,
А как восстановить?
Я чувствую, что надо, надо, надо (!)

Другое что-то мыслями мозолить,
Но не могу отвлечься, не могу!
…Так может быть, и вправду мне пора
Сжечь этот день и по ветру развеять,
Чтоб не держал меня, чтоб дал уйти?
Нет, не смогу!
День этот был прекрасен,
Да жаль, что продолженья нет ему…

***

Помню пристальный его
Взгляд,
Помню речь с моей душой
В лад,
И внушительный размах
Плеч.
Вот бы рядом с ним в ночи
Лечь,
Чтоб – до сеточки морщин
Люб –
Был на уровне моих
Губ.

***

Кабы нам с тобой да пораньше
Встретиться так на десяток-другой годков
Мы как с пани пан и как с ханом ханша,
Иль как в деревне родной крестьяне
Жили б, вставая с зарёю ранней,
Поднимали деток бы семь али пять ротков.
Был бы наш дом не пуст,
Но не богат, конечно,
Главное то, что с уст
Слов не слетало б грешных,

Мол, не мила нам жизнь –
Некогда, знай – трудись.
Пили б вино не с горя, не от тоски пустой,
Что душу разъела ржой,
Пели б, ветрам залетавшим вторя,
Мы «При лужке…» да «Златые горы»
Как певали отцы и матери,
Собравшись за праздничной скатертью
Всею большой роднёй.
Если бы нам с тобой,
Если бы нам с тобой…
Милый, потеряно столько времени
Даром, даром совсем, в песок.
Но не бродяги ж без роду-племени
Помним и чтим, из чьего мы семени,
Значит, в том был урок.
Значит, такая нам доля-долюшка:
Сперва хлебнуть до избытка волюшки,
С потом смывая пыль долгих чужих дорог,
Копоть и соль, и чужие запахи,
Чтобы вернуться сирыми птахами,
Грешными, каяться
К отчему дому, на милый родной порог.

Ожидание

Так долго я стояла у дороги,
Высматривая лик твой в сонме толп,
Что каменными ныне стали ноги –
Я превратилась в придорожный столб.
Глаза от солнца каменной ладонью
Я заслонила. Отдых от хлопот
Просила я у Бога в бессезонье –
Вот и настиг дар Божий в свой черёд.
И с небом грозным я уже не спорщик,
Смиренно ждать готова много лет.
Боюсь лишь, что какой-то юный гонщик

На скорости спихнёт меня в кювет.
Я, каменная, двигаться не в силах –
Засыплют снегом, а потом – землёй.
Ни знак тебе подать, ни крикнуть:
«Милый!»
Я не смогу…

***

Вы, как на трон, опуститесь на кресло,
А я усядусь возле Ваших ног.
Умаслила б, излобызала б чресла,
Боюсь лишь: иззавидуется Бог.
И потому в волнении стеснённом
К руке любимой я прижмусь щекой.
Быть страстному желанью утаённым,
Мне только Ваш бы уберечь покой.

Не покидай меня

Солнце мое золотое, желанное,
Не покидай меня, не покидай,
Сбитую с толку сырыми туманами
Ночи губительной не отдавай.
Связаны мы и не ниточкой –
Лучиком
Волоса тоньше, но не покидай!
Стал для меня не случайным попутчиком –
Солнце принёс в мой заснеженный край.
Я без тебя знала ночи да сумерки,
Не было дней и не помню весны.
От сигареты в густеющем сумраке
Падали искры желты и красны,
Вот и все звёзды, до боли знакомые.
Ты показал – есть немеркнущий свет.
Ныне любовью, издревле искомою,

Путь мой к тебе освещён и согрет.
Ты – моё солнце, а я – отражение,
Буду тебе незакатной луной.
Не покидай! Наших душ притяжение
Держит тебя и меня над землей.

***

К надменности отчаянья привычна,
Я знаю: друг мне лжёт!
Печётся обо мне – ах, не цинично,
Наоборот!

Онкологам доверился всецело
И гонит прочь
Меня, как будто не сумела б
Ему помочь.

И оправданья благородно глупы:
«Ты молода!»
И мне одной тоску уныло, тупо
Слагать в года.
В моём предположеньи – святотатство,
Но мнится мне,
То от меня он выдумал скрываться
В монастыре!

Молюсь, кричу уже ему вдогонку:
«Пусть разлюбил,
Да прячься ты хоть в дебрях Амазонки,
Но только б жил!»

Ему же – вновь переливанье крови,
За кругом круг.
О, если б верой да усильем воли
Прогнать недуг!

Но верую: вдвоём нам было б проще –
И в ад и в рай,
И крик мой осень на ветру полощет:
Не прогоняй!

Молитва о поэте

Что перед вечностью жизнь одного человека?
Все мы предстанем в свой час пред Твоими очами.
Боже, прошу, дай поэту ещё четверть века,
Не торопи, умоляю, его расставание с нами.
Миг для Тебя и не более, эта отсрочка.
Боже, прости, не понять мне Твоих испытаний:
Споря с недугом, выводит он строчку за строчкой,
Я же порою с трудом удержаться могу от рыданий.

Чую, под окнами бродит старуха с косою,
То приближаясь вплотную, то вновь отдаляясь.
Снова несчастья широкой пошли полосою,
Силы его да и веру в Тебя отнимая.
Реанимация, ангелы в белых халатах,
И каждый день для него превращается в битву –
Битву за жизнь в одиночной стерильной палате.
Как я боюсь навредить неумелой молитвой!

Здесь, на земле, он любим. Боже, дай ему годы,
Лучших из лучших и так уж собрал Ты немало.
Не допусти, чтоб поэта сломили невзгоды,
А ведь ему подошла б седина аксакала!
Боже, прости, мои мысли сумбурны и грешны,
Я кроме слов и любви, ничего не имею.
Я умоляю: не делай прощанье поспешным
Лишь об отсрочке прошу – а о большем не смею.

Сорокоуст

Где ты сейчас, мой друг,
Сколько прошёл кругов?
Я научилась вдруг
Жить по закону вдов.

Сверху стакана хлеб
Чёрный уже засох.
Чёрной каймою креп.
Свечки последний вздох.

Хочется выть, кричать:
«Пламя, не умирай!»
О, если б точно знать,
Принят ли в светлый рай,

Пётр ли с ключьми в руках
В Царство врата открыл?
В перистых облаках
Росчерки чьих-то крыл…

Вот поглотила тишь
Душу-скудельницу.
Ты всё шутил: взлетишь
К Малой Медведице.

Звёздный вдыхаю свет
И вопрошаю: «Где?»
Но для меня ответ –
Вилами на воде…

Андрей Бениаминов
11.03.2008 18:13

Вилами по воде:
Только негромкий всплеск.

Где?
Может быть везде:
Мало ль на свете мест.

Может быть этот снег?
Или вот та звезда?
Время замедлит бег
Что б он дошёл туда.

А сквозь разрывы туч
Вновь к куполам церквей
Тянется тонкий луч.

В пятницу сорок дней...

Елена Гостева
12.03.2008 09:27

Он всё шутил: взлечу
к Малой Медведице.
Тоненькому лучу
проще.
Не пленница
суетной злой земли
ныне его душа.
В звёздный чертог вдали
Мчится ль, как обещал?
Или Господь другой
путь для него избрал?
Только бы в жизни той
больше он не страдал!

***

Опустошеньем души замещается боль…
Жизнь проиграла,

сдала смерти новую пешку.
Та приняла это с самодовольной усмешкой.
Не поглупела ль ты, жизнь?!
Приглядись. Он – король!
Разве достоин подобный удел короля –
Быть в непонятной игре лишь
разменной монетой.
Столько преступных людишек гуляют
по свету,
Все ужасаются, как же их носит земля.
Ну а его почему не могла сохранить?
Жизнь, я не верю, что чудо тебе не по силам!
Смерть ли настойчиво ценную жертву просила,
Или случайно была перерезана нить?
Жизнь, ты слепа!
Как могла ты такого отдать
Вечно голодной?
Сожрала ведь, не поперхнулась.
Небо прогнулось, гляди, появилась сутулость
Даже у стен, что со мною, качаясь, скорбят.

***

Утопить свою тоску не получится,
Не настолько я, мой милый, мудра.
Память, словно приживалка-попутчица,
Разбирает старый скарб до утра.
Хлам и тлен, а для неё – в злате-серебре,
да каменьях дорогих фолиант.
Пусть скорбей в минувшем было немеряно,
так душа гранится, словно бриллиант.
Из прошедшего страницы пергамента
Тлеют сразу за горящим пером.
Прочитать их можно только по памяти
В час, когда луна дрожит за окном.
Пред глазами все страницы истлевшие
Проплывают, шелестят имена.

А сквозь них глядят с земли улетевшие,
Да туманные судеб письмена.

Мне б узнать, с теплом или с укоризною
Смотришь, как я без тебя здесь живу.
Не убавить боль-тоску пышной тризною
И ответ не получить наяву…

Из безумно далёкого далека

Ты сегодня в ударе, твой дерзкий смех
Растревожит и мертвого. Как любил
Не святую, но светлую! Знаю – грех,
Грех, то, что я так мало с тобою был.

Вот с отчаяньем, словно стремишься в ад,
Соблазняешь, танцуешь... Не обманись!
Ты поверь мне, что лучшая из наград
В ослепляющей вечности – это жизнь!

И когда разудалый пройдёт кураж,
Не корись и волчицей в ночи не вой.
Я не волен, горчайшая из пропаж,
А для Бога рыдания – не впервой…

Нежным лучиком, ласково по щеке
я поглажу. Ревную… Но боль сильней.
Потерявшей вдруг землю в шальном пике
не сорвись в пучину из чёрных дней.

Из безумно далёкого далека
Заклинаю, родная: люби, живи!
Отделили не вёрсты и не века
от последней, от сладкой моей любви…

Я и сам иногда начинал кутить –
Знаю, тусклые будни страшней огня.

Я и сам среди вас мог бы жить да жить,
Но не вышло… Прости, вспоминай меня.

***

Время года неизвестно нам с тобой,
неизвестны век и звёзд расположенье,
где богами иль скучающей судьбой
будет дан нам шанс проверить притяженье
наших душ и тел в реальности другой.

Вновь узнаем ли друг друга средь толпы?
Как наивны пред веками обещанья –
(амфибрахия и ямба две стопы) –
что столь искренне звучали при прощаньи.
Впрочем, любящие все чуть-чуть слепы.

В горькой памяти оставшихся живут
в землю сшедшие опавшею листвою.
А у душ в туманном мире свой приют.
Неужели за означенной чертою
встреч с любимыми не ищут и не ждут?

Ход игры случайных числ не угадать.
Знать бы, кто имён колоду там тасует!
Верю я: нас вместе в мир земной послать
Снова можно, или я мечтаю всуе?
Я мечтаю, но кого мне умолять?

Татьяна Юргенсон

Мимолётности

стихи в прозе

***

Новой точкой отсчёта может стать любой день, час и даже миг, если после осознанного «особым» мгновения удаётся или просто пытаешься сохранить себя «новым». И чем дольше длится такой опыт над самим собой, тем удивительнее итог… Пусть через какое-то время просто забудешь о кратковременной вспышке устремления к собственному совершенству и покажется, что всё вернулось на круги своя. Твоя жизнь уже никогда не станет прежней…

***

Ловлю себя на том, что всё чаще хочется остановиться не на миг, а на подольше… подольше… Чтобы разглядеть особенности шевеления именно того, понравившегося берёзового листка или отяжелевшего от наполненности соком кисти рябины под дуновением неуправляемого ветра. Движение… движение… и во всём этом скрытое спокойствие. Единство противоречий. Но как оно гармонично! Душа входит в резонанс с ними и со звоном колоколов маленького храма, который от моего дома просто через дорогу. Вот он – виден из окна. И прихожане, осеняющие себя крестом, вышедшие в храмовый дворик после службы, делают это не только из-за правил, из собственного поиска защиты, но и за меня, посылая Всевышнему одно лишь моление – о мире…

***

И всё-таки, какие хрупкие существа – люди. Порой достаточно одного лишь, даже не слова, а взгляда, чтобы человек почувствовал

себя разбитым или сломленным. И восстанавливается он потом из кусочков, и не факт, что сможет собрать все, чтобы чувствовать себя снова цельным и целым. И без утраченного кусочка человеку плохо, он начинает болеть, и это состояние, как вирус исподволь начинает поражать всех вокруг. Даже самым устойчивым достаётся, потому как мы – люди, а не фарфор или хрусталь, осколки которых можно просто выкинуть в мусор и забыть…

***

В момент нашего рождения мы все были пойманы Временем. И оно, со своими правилами и фантазиями, ткёт бесконечную реальность этого мира. Вырванные кусочки из контекста мы высокомудро называем Историей. Но всё это просто длительное движение в обозначенных началом и концом реалиях нашей солнечной системы и бесконечности Космоса…

***

Старые двухэтажки зияют выставленными проёмами окон и в смирении ждут своего окончательного ухода в небытие. Своё они отжили, а точнее отслужили людям и в обновляющемся потихоньку городке давно выглядят как ветошные заплатки на наряде модника. Всё правильно, жизнь должна обновляться, и, может быть, со старыми стенами окончательно исчезнут из судьбы и памяти некогда живших там людей обиды и проблемы. В новых квартирах они начнут всё с чистого листа, переписывая набело свой опыт.

А старые дома исполнят свой долг до конца и унесут с собой в безвестность недопонимания, ссоры и скандалы, щедро оставляя жемчужины замечательного своим бывшим жильцам. Ведь они тоже были.

Но меня волнует судьба старой черёмухи, которая несколько десятков лет радовала пешеходов своим одуряющим запахом во время цветения и птиц осенне-зимней порою, щедро делясь своими ягодами. А ещё кажется, что домовята или квартирники сейчас стоят перед важнейшим выбором – погибнуть вместе со своим старым домом или всё-таки перебраться к людям. Выживут ли они?..

***

Прогноз погоды всё больше нагоняет печаль обещаниями дождей и холодов. Вот и ловим последние солнечные дни этой осени. Сегодня с сыном рванули ранним утром в лес за зарядом бодрости и настроения. И не прогадали. Около ноля градусов. Однако бесконечное лазоревое небо, потрясающе яркое солнце и седая изморозь на болотных просторах добавили к традиционному пёстрому осеннему одеянию ощущение изысканности и дороговизны.

Сын пошёл к озеру покидать блесну, а я – в лес. Здесь теплее, и нет того инея, что серебрится на болоте. Потревоженные белки сердито цокают на нас с собакой: «Зачем вы здесь?», но не убегают далеко, а смотрят внимательно и, кажется, готовы обстрелять нас кедровыми шишками. На земле очень много уже расшелушённых белками и бурундуками. Но попадаются и почти нетронутые – это уже моя добыча. Но не она главная в этой прогулке.

Дышу. Жаль, надышаться впрок невозможно. Но память и подсознание точно всё зафиксирует, и где-нибудь в будущем неожиданно поможет справиться с проблемой, просто пробудив воспоминание об этом утре…

***

Кажется, на голубое небо и ветер, играющий листвой, можно смотреть бесконечно. Радость движения, пестрота осенних красок, – всё это восторг жизни.

Но вот вчера уже летел гусиный косяк низко и тяжело, словно беженцы с болью покинувшие свои гнёзда ещё где-то севернее. И их печальный крик неожиданно резко напомнил – идёт холод, идёт мороз, идёт Зима, а вместе с ними печаль и тоска по такому короткому северному лету.

И лишь накопленные радостные воспоминания и впечатления будут отдавать тепло и согревать сердце долгими зимними ночами, присылая во сны радугу и ароматы цветов.

Копилка, от разорения которой мы становимся только богаче…

***

Отсутствие мыслей и звенящая пустота в голове во время утренней прогулки. Только взгляд мимоходом фиксирует: вот первый настоящий ледок на остатках вчерашней лужи, вот под лапами довольной собаки хрустит подмороженная трава газона, а вот стая голубей пытается понять, что же вкусненького в чёрном пакете, то ли вынесенном специально для них, а то ли просто недонесённом до мусорки. Для моей спаниельки голуби как тролли – их надо догнать, напугать, а ещё лучше – поймать и будет счастье. Но это счастье такое улетучее…

Белёсое солнце дарит свет, но не тепло. Высветленное им серо-хмарное небо обещает осадки. И невозможно предугадать, что это будет – дождь или снег. Как говорит мой сын – нормальная осенняя погода. И прислушавшись к своим чувствам, я улавливаю их неразрывную генетическую связь с этим утром, когда всё просто, понятно и любые порывы кажутся подмороженными…

***

На маковке колокольни крест. Она возвышается прямо над самым входом в старенькое здание храма. Нет, его не строили специально для православных христиан. Когда-то, ещё во времена геологического освоения нашей территории, здесь был магазин. И сколько сейчас лет этому зданию скажут разве что старожилы, да документы в архиве. Но если ровесники этого здания и даже более поздние дома сегодня сносятся и их сменяют новые высотки, то уже невозможно представить, что у кого-то хватит ума и поднимется рука на то, чтобы потревожить Храм. Его стены уже намолены, его иконы уже помогли многим душам, а ещё многих проводили в последний путь.

Служение Богу и людям даже неживые строения делают долговечнее, особенно когда в них поселяется истинная вера…

***

Неожиданно сегодня вспомнился берег Белого моря. Может быть виной тому наше северное небо, а может состояние покоя и тишины, в котором с утра пораньше ещё находится город. Редкий случай даже для выходного дня, когда не суетятся машины и нет пешеходов.

Только тихий шорох палой листвы под ногами отзвуками напоминает медленно накатывающую лёгкую волну штилевого моря…

***

Нежность, которую испытываешь к друзьям, оказывается, обладает замечательными качествами. Она согревает, когда все отношения вокруг кажутся вымороженными. Она поддерживает, когда есть необходимость принятия тяжёлого решения. Она наполняет верой в то, что одиночество, это просто мимолётный штрих в портрете времени. И она просто есть, подтверждая, что жизнь прекрасна и имеет глубокий смысл.

Мои друзья, я отдаю вам всю свою нежность…

***

Очень сложно разобраться с принципом, по которому едва проснувшееся поутру сознание, начинает выбирать объекты для размышления. Иногда, знакомые, повторяющиеся ежедневные явления и такие же предметы, которые длительное время находятся на одном и том же месте, вдруг привлекают внимание к себе каким-то новым штрихом или странной ассоциацией.

Сегодня, например, красный флаг, из тех, которыми украшены фонарные столбы, вдруг напомнил ноябрьский праздник из советского детства. Много лет в день 7 ноября на улицы своих сёл, городов и даже деревень выходили нет, не жители, а граждане огромного государства. И если верить детским и юношеским воспоминаниям, которые пробудило это красное полотнище на улице, праздничное настроение не было притворным.

Наверняка моя лёгкая ностальгическая грусть через несколько дней будет поддержана открытками и сообщениями от таких же, как и я, вышедших из СССР. И почему-то есть чувство, что эта приверженность общим воспоминаниям всё ещё является надёжной скрепой для современной России.

***

Дилетантским взглядом меломана взираю на многотысячный список музыкальных треков в моём компьютере. Сегодня он зацепился за папку с произведениями Микаэла Таривердиева – композитора прекрасного и в то же время, как мне кажется недооценённого. Многочисленные базы торрентов в интернете предлагают оцифровки с виниловых пластинок, саундтреки к десяткам любимых фильмов, студийные записи оркестров и ансамблей. Даже нашлись записи его произведений для органа. Но ведь это далеко не всё его творчество…

Лет пятнадцать назад в поисках нот для вокала наткнулась на оцифрованные рукописи «Акварели» – цикла таривердиевских миниатюр на стихи Цветаевой, Басё, Вознесенского и др. Его, узнаваемая с первых звуков, гармония, способна моментально захватить душу и заставить замереть. Пронзительная, чистая и, одновременно, ностальгически-тревожная и грустная. Но вот пока так и не нашла записи профессионального исполнения этих и других многочисленных композиций.

Википедия сегодня выдаёт огромный список произведений. И я, как истинный меломан, печалюсь от того, что большую часть их так и не услышу…

***

Сегодня с утра пришлось заниматься бытовыми вопросами, которые, казалось, напрочь вышибли все другие мысли. Делиться проблемами?.. Жаловаться?.. Ну, все претензии выслушали и приняли соответствующие инстанции, но вот испорченное настроение осталось. И тут, по дороге домой меня словно остановил невидимка.

Сначала даже и не поняла, что это такое, настолько ещё голова была занята обдумыванием устройства нашего быта. Невольно прислушалась и сознание переключилось на окружающий мир, в котором откуда-то сверху лился тихий звон маленьких колокольчиков.

Взгляд непроизвольно направила вверх, и там, на макушке берёзы обнаружила целую стайку небольших серых пушистых комочков с удивительными голосами. Они всегда путешествуют семейками и на облюбованном дереве сидят недолго. Но исправиться моему настроению под звук их песенки хватило буквально пары минут.

Люблю свиристелей.

***

Целый день под стук колёс и мелькание зимних северных пейзажей. Убаюкивает. Поток мыслей дробится, как льдины в бесконечных заберегах на ещё сопротивляющейся зимним морозам реке – мелкие и бесконечно однообразные. Словно сознание отдаёт последние силы на сохранение ясности в неумолимо накатывающем сне.

Любая дорога – это портал во времени и пространстве, закрывает одни дела и начинает другие. Время в пути дано для свершения окончательного выбора принятия прошлого и будущих действий.

А ритмичный стук колёс просто вплетает в этот процесс свою гармонию…

***

На днях подруге, художнику, объясняла основы стихосложения и поймала себя на том, что для более точного понимания приводила ей принципы и понятия из законов живописного мира. Вспомнила, как нечто подобное делала для музыканта, используя уже понятия из мира музыки.

И в очередной раз убедилась в том, что для человека Слово всё-таки первое среди равных.

***

Морозец. По нашим сибирским меркам небольшой, но для начала зимы после лета и осени ещё чувствительный. Отвыкли за несколько месяцев. Однако привычка быстро восстановится. Уже среди кутающихся прохожих можно увидеть тех, кто идёт почти нараспашку. Горячая кровь, горячие головы. И это не приезжие с Кавказа, а обычные сибирские мальчишки и девчонки, в которых бурлит сила молодости и энергия родной земли. На замечание встречных прохожих, что «совсем безголовые» и могут капитально заболеть, молодёжь только смеётся. Это не те страхи, которые их действительно пугают.

Пытаюсь вспомнить, а что пугало моё поколение в таком юном возрасте? И не могу. Видимо годы затёрли всё несущественное, оставив лёгкую грусть по возможности быть таким же беззаботным и, наверное, счастливым.

Интересно, что останется в памяти через несколько десятков лет у сегодняшних юных?..

***

Много лет назад на реке Щекурье, что вечно торопится по долинам и долинкам Полярного Урала, встретила Большую Каменную Черепаху. Высоченные кряжи Урала придавили её к земле, но невозмутимая голова, приподнятая над хрустальной водой, вот уже необозримое количество лет зорко смотрит на этот мир. На мою мимолётную жалость: «Бедненькая, как же тебя ещё не раздавило такой тяжестью…», – я словно услышала насмешливый ответ – «Это моя работа – поддерживать и удерживать в равновесии этот Мир. А вот что ты делаешь для сохранности его?».

Сегодня фотография этой Черепахи висит у меня на стене в самом центре. Даже в таком виде она держит равновесие, теперь и моего пространства.

А я всё продолжаю искать ответ на вопрос, услышанный тогда. Видимо в этом и заключается моя часть ответственности за весь этот Мир…

***

Только корни позволяют выстоять дереву, только семья и род позволяют человеку чувствовать себя человеком, а не оторванным от мира неопознанным Нечто. Аксиома или непреложная истина. Назовите как хотите. Только цивилизация сегодня всё больше нацелена на разрушение, в том числе и семейных, родовых связей. Такое чувство, что создаются предпосылки для абсолютного хаоса.

И лишь генетическая память, заложенная в нас как защитный механизм, заставляет искать и крепко цепляться за остатки родовой, семейной силы. В ком-то этой потребности больше, в ком-то меньше, но даже в мизерных количествах эта сила мощнее накатывающей волны хаоса.

***

Ворох коротких мыслей. Перебираю их, как бусины в чётках – все они сегодня ровненькие, гладкие, нет ни одной, которая бы обратила на себя особое внимание. В таком состоянии, наверное, лучше что-то делать руками – полезного результата будет больше. А может просто погрузиться в медитацию и все имеющиеся силы направить на молитву о мире. Искреннюю и бесконечную.

Молитва всегда действенна…

***

Сегодня ищу настроение в фортепианных картинах Грига. Не оговорилась – именно картинах. Настолько выпуклы и ярки образы его мысли. А может ещё сказывается моя любовь к Северу. Природная суровость и лаконичность повышает ценность каждого момента прекрасного – от полёта простой пичужки, причудливого изреза скалы или обыкновенного цветка вереска. А ещё память не запрятала глубоко впечатления от Белого моря, раннего утра на его берегу и на берегу Онеги. Нет, это не Норвегия, но это Север, и музыка Грига рассказывает и о них. А я слушаю…

Слушаю и понимаю, что настоящая гармония скрывается не в дизайнерских изысках, в какой бы области это ни проявлялось, а в тонком настрое, совершаемом по камертону первозданной природы.

***

И снова в голове всплывает тема уходящего года и сумасшедшего времени, несущегося без остановки. Знаю, что чувство цейтнота переживают очень многие. Даже беспокойные сны не дают расслабиться от осознания, что просто не успеваю. Но ни явь, ни сон не отвечают на вопрос – куда же все так спешат, в том числе и я? И главное – зачем?

Какой вакуум может создать бездействие, который так пугает и исподволь нас подстёгивает порой до разрыва жил?..

***

Пытаюсь поговорить со скрытой частью своей собственной души. Почему она практически не позволяет во весь голос заявлять об её чувствах к Родине, патриотизме? И понимаю, эти чувства настолько её важнейшая и неотъемлемая составляющая, как например сердце для физического тела, что и особого смысла говорить об этом нет. Сердце работает, а значит, всё остальное живёт. И это скрытое сердце настолько защищено сознанием, всем опытом моих предыдущих поколений, духовной силой моей страны, России, что иное место моего постоянного обитания просто невозможно.

Булкин Артур

Запятые

Мы ставим точки.
Жирные.
Навечно.
Вбиваем словно гвоздь последний в гроб.
Но у судьбы порой иные планы.
И пара гнутых гвоздиков в горсти
Как запятые, выданные в долг.

Осень-чувство

Осень. Время подумать. Собрать урожай.
Вымести двор от опавшей листвы и сучьев.

Осень. Время итогов и время костров.
Что забираем в зиму, а что отпустим?

Время делить и делиться и пить вино.
Время прощать и прощаться и пахнуть дымом.

Осень - время простых и чуть грустных слов.
Осень - время. И осень - чувство.

Однажды

Однажды обстоятельства стекли.
Стеклись, сплылись, нечаянно случились.
А может чаянно, под ускорением вниз.
Как им того велит закон Природы.
Неважно в общем. Точка собралась.
Без молний меж землей и небосводом.
Обыденно. Как будто каждый день.

Мы удивились.
А потом забыли.

Перемены

Тишина вокруг.
И в почте одни рекламки.
Ворох старых писем дежурно летит в корзину.

Обрезаю нити.
Себя возвращаю в рамки.
Привожу в равновесие каждый свой плюс и минус.

Осень-время сбора камней
И впадения в спячку.
Вновь деревья стоят скелетами вдоль дороги.
Бурундук суетливо прячет свою заначку.
И медведь под корнями ладит себе берлогу.

Тишина вокруг.
Да и мне бы забраться в нору.
Завернуться от всех в мохнатый уют тулупа.
Только катится ком событий опять под гору.
И в песок не засунешь голову – это глупо.

Посижу.
Погреюсь часок на осеннем солнце.
Надышусь сыровато-пряной листвой с запасом.
Мир меняет обличье.
А это значит и мне придется.
Поменять свою шкуру на шкуру с другим окрасом.

О воздушных шариках

Жизнь воздушных шариков коротка
Норовит любой кольнуть под бочок.

Кожа их нарядная так тонка.
А вокруг то остриё, то сучок.

Да и под нарядами, лишь душа
Благородный гелий иль улиц смог.
А ведь есть у каждого цель, мечта:
– Оборвать бы ниточку – я бы смог
Воспарить над улицей!
(эй внизу! – задерите головы, простаки!)
В неба неизбывную бирюзу
Улететь от страха и от тоски

Жизнь воздушных шариков коротка.
Но и в этой жизни бывает прок.
Шарики взрываются в облаках
Отдавая небу последний вздох.

В ожидании сентября

Ветер крутит свои круги.
А вода, как всегда, течет.
Коль проснулся не с той ноги,
То как будто и день не в счет.
Между пальцев, как тот песок,
Каждый день убегает жизнь.
Седина серебрит висок,
И в руке у старухи нить.

Нет, не вспомнить мне всех слов,
Не собрать урожай листвы.
Я ловлю себя в дебрях снов,
только руки опять пусты.
Осень тихо стучит в дом,
Стылы пальцы её дождя.
Мир затих как перед прыжком,
В ожидании сентября.

Ленивое счастье

Дождь льет с утра.
Водою окна лижет.
Гудит трубой под водостоком бочка.
Ты близко так, что не бывает ближе.
Шепчу тебе – люблю, целую мочку.

Как жаль, что нет у нас с тобой камина.
Да и вообще у нас многоэтажка.
Пусть там внизу в окошко бьет рябина.
А я к тебе ладошкой под рубашку.

И чудно ведь, что нынче воскресенье.
И я б поспорил с тем, что дождь-ненастье.
Друг друга греть и предаваться лени,
Как хочется порой такого счастья.

Параллельность кривых

Параллельные кривые тоже не пересекаются.
И поэтому, куда б нас с тобою не привела дорога.
Я всегда буду чувствовать счастье, когда касаются
Наши кожа, ладони, губы - у нас так много
Общего.

Небо.
Воздух, которым дышим.
Наши дети.
Мысли угаданные друг у друга.

Мы с тобою как две опоры с единой крышей,
Как полюса магнита, как север с югом.
Так я думаю. Сидя рядом с тобой. На углу дивана.
За окном рассвет. И ты спишь, прикрывая ладонью
сына.

Ты улыбаешься. И я замираю. Как йог, достигший Нирваны.
И весь мир сейчас в углу улыбки твоей любимая.

Холодотерапия

Ближе к утру, когда звезды торопятся спать,..
выключить комп и босыми дойти до балкона.
вспомнить заначку и смятую пачку достать
и закурить.
Тишина отдает поролоном.
Скорый туман на глазах покрывает дома.
Сыро и зябко. И пусто. Мурашки на коже.
Капают мысли в бездонный колодец ума
И цепенеют в полете.
И зябко до дрожи.
Горечь во рту – Я давно не курил сигарет.
И на душе – от осадка былых поражений.
Холод – мой друг, не позволит мне встретить
рассвет –
Выгонит спать.
Заморозив побеги сомнений.

Гордиев узел

пусть любовь как эспандер.
и руки твои мускулисты.
и чем дольше качаешь - тем толще двуглавая
мышца.
но не верь расписаньям и планам.
они не спасут.
жизнь умеет рубить
все что создал,
как гордиев узел

Тихое счастье

моей жене

Выключен свет и упрятаны сны под одеяло.
Тени на стенах от лунного света в окошке.
Между тобою и мною, свернувшись, устало,
Спят наши дети как - будто котята в лукошке.
Мы поколдуем над ними, пошепчем на пару.
Тихое счастье распустит свои лепесточки.
Разве же ты не об этом, родная, мечтала?
Вот они - пару сыночков и лапочки дочки!

Теоремки

жене

Нам с тобою делить слишком много.
Мы срослись кровеносной системой.
Наши дети давно не гипотезы,
а доказанные теоремы.
И когда нам порою болью
рвет в лохмотья сосудов стенки,
нас спасают своей любовью
наши милые теоремки.

Сегодня холодно...

Сегодня холодно. Но ты не унывай.
Зима, прощаясь, пожимает руку.
Ты улыбнися ей в ответ, как другу,
И новой встречи её пообещай.

Сегодня холодно, но это не беда.
Мороз внезапный, лишь напоминанье
О беге дней, о том, что в их мельканьи

Не замечаешь, как бегут года.
Сегодня холодно. Так радуйся тому,
Что у тебя есть повод оглянуться,
Убавить шаг, открыть глаза, очнуться,
И в суете не пропустить Весну.

Бумажные девочки

В бумажные игры играют бумажные девочки.
Бумажной любовью бумажные полнят сердца.
И дарят своих оловянных солдатиков мелочью.
И не отпускают бумажной улыбки с лица.

И глубже чем море им кажется клякса чернильная,
И с пальцев уже не отмыть фиолетовый цвет.
В бумажных мирах обладая бумажным всесилием,
В бумажном чулане хранят свой бумажный секрет.

Я видел таких. Я бумажными гранями резался.
Бумажные тапочки в сердце подолгу хранил.
Бумажный их мир мне ночами бессонными грезился
Но вспыхнул огнем и золою бумажной остыл.

К спору

Вадиму

Не бывает мозолей на сердце,
Но рубцы остаются на нём.
Рассудить, обождать, отсидеться,
Но ты снова идёшь на пролом.

Головою о твёрдые стены –
Боль взметнется, оскалит клыки.
Снова сети любовного плена,
Снова в кожу впились узелки.

Будь умнее, подлее, жесточе,
Видишь пропасть – сверни, обойди.
Коль беду на пути напророчат –
Ты иди по другому пути.

Помни ямы, капканы, ловушки,
Не стесняйся схитрить, обмануть,
Сделай принципом ты равнодушие
И сумеешь без боли вздохнуть.

Но увы не мозолится сердце –
Только рану затянет рубцом,
Не боясь на куски разлететься,
Оно снова зовёт – напролом.

Несказанные слова

Она приходила, к нему когда он был нужен.
По деловому – вопросы сведя к нулю.
А он был готов променять на неё небеса и ужин,
Чтобы услышать неласковое – люблю.

Она заходила в чужие двери, как кошка – первой,
сбрасывала одежды на пыльный пол.
И у окна, замерзая, курила нервно,
Вздрагивала, услышав, как он пришёл.

То, что случалось дальше трудно назвать свиданьем, –
Жадность друг к другу, умноженная на два.
Она уходила, лишь он засыпал, не прощаясь, тайно.
Оставив в пыли на зеркале несказанные слова.

SOS

нет не SOStоялась,
а я так SOSкучился...

не выдержав SOSлагательного наклонения
SOSкочил с катушек сердца наSOS..

SOStояние пата..

SOSредоточиться..

SOSкрести себя с дивана..

выSOSать яд сомнений из мыслей..

подойти к терминалу и набрать коротенькое

SOS

и зациклить REPET....

Иван Кулаков

***

От Чука до Гека – четыре парсека.
Расчёт под углом неизвестной планеты.
Со скоростью света, от Чука до Гека,
Летела ракета – образчик макета.
Отращивая за собой хвост из пепла,
Ракета летела, минуя кометы,
Кривую рисуя на карте полёта
Беззвучно ревела меж звёздной породы.
Внутри, меж простора кают и отсеков,
Компьютеров скорых и вороха меток.
Пронзая вселенную взглядом аскета,
Смотрел в пустоту капитан Громозека.
Исследуя чёрные дыры без света,
И сметы записывая на кассеты.

Пока на земле громыхали газеты:
Вселенная, мол, не предел человеку!
И тайны галактики песенка спета!
Покуда от Чука до Гека ракета,
Стремилась в полёте инертном, меж ветра,
Пронзить словно пика, четыре парсека …

Четыре подъезда по наледи снега,
Цунами из санок и детского смеха!
Оксанок и Толиков, Сашек и Светок,
Неслось по проспекту от Чука до Гека.

***

У Толика восемь игрушек –
Четыре – подарок от папы,
Одну обменял во дворе у подружки,
Одну мама взяла с зарплаты.
Ещё одну купит бабушка:
«Прям аккурат с пенсии».
Так и сказала, кормила оладушками
И мурлыкала старые песни.
У Толика восемь игрушек:
Железный конструктор в коробке,
Набор деревянных кубиков скучных,
Пластмассовый кортик короткий,
От старшего брата, за верность –
Соврав, что у деда спёр крону.
Толик теперь оттачивал меткость
Из револьвера с пистонами.
Две боевых единицы,
Пусть и размера малого
Но верные Толику пехотинцы
Сделанные из олова.
Ещё бегемоты без шариков,
Застрявшие в пыльном плену у комода.
И дядей Андреем подаренная

Электромодель вертолёта!
У Толика восемь игрушек,
В забытой коробке картонной
И память намотанная как катушка
Для пистолета с пистонами.

***

Солнце зреет через призму форточки,
Грея сентября постылый воздух,
Я в подъезде закурю на корточках
С первым снегом авитаминозным.
Он как пепел в банке с едкой вьюгою
Запорошит, заметёт вчерашнее,
И на донышке, проснувшись с руганью,
Влезет в тапки кто-то мнимо-важный,
Кто-то бесполезно-обязательный
Отутюжит брюки словно помыслы.
Волосы зализет по касательной
В аккурат пробора сделав полосу,
Сварит кофе по обыкновению
И в подъезд, что б закурить на корточках.
Я же затянусь поглубже, с рвением,
Чтобы солнце раскалить сквозь форточку,
Чтобы этот кто-то важный-мнимо
С первым снегом пеплом вьюжил банку
И ни в коем не промазал мимо
В нерушимой, постоянства Планка.

***

Небо на дне, не над нами – на дне наше небо.
В отражении дней, догорает кострами листвы,
опалённой в огне.
Меня ранит шрапнель слишком ранней зимы,
дробью первого снега.

И как на экране в окне искажением
в лужах рябит наше небо на дне
Наше небо на дне…
Не над нами – на дне наше небо.
Его в грязь разметёт сапогами случайный прохожий,
идущий извне.
По ковру из планет. Измеряя шагами
глубины бездумно и слепо.
И как будто взамен, камень луны зажелтеет,
сплавом монет.
Наше небо на дне…

***

Я взираю на мир с хитрым прищуром
солнце плавит обои зайцами
обрамлённый судьбою нищего
оголённый да с вырванным панцирем
Я на осень смотрю через окон муть
поглощённый туманом «винстона»
и так сильно уж хочется утонуть
истощённым в объятьях единственной
Я взираю на мир из-под шапки
когда страшно я под капюшоном
растворяю всё страшное в сладком
поглощая поток интершума
я на осень смотрю через донышко
запрокинув башку повыше
умолкает вопросами стон в ушах
лижет дождь острошляпые крыши

***

Когда ты была маленькой девочкой
И носила в горох платье.
Ты помнишь? – хватало мелочи,

Чтоб на улыбку потратить.
И двор, где мальчишки дерзкие,
Боролись за ту улыбку.
Ты помнишь? Проказы их детские,
Что в памяти лишь урывками.
Как щёки обжёг румяною
Пожар поцелуя первого.
И путались мысли, как пьяные,
Редея как звёзды Севера.
Как руки твои охальником
Сжимал он так ласково-робко
С дыханием душной спаленки
Во взгляде его ты топла.
Ты знаешь? Ведь хватит и мелочи
Улыбку зажечь – хватит
И смех, как у маленькой девочки,
Что носит в горох платье.

***

– Ложь!
– Да как ты мог только подумать?
– Вот, посмотри ...
– Хорошо, согласна.
– Что ж, мы с тобою по разные луны.
– Разве? Давай просто снимем маски?
– Снимем?
– Да, как провода оголённые! Только...
– Что только?
– Я могу исчезнуть.

Тёмные улицы, пары влюблённые,
Стойкое чувство – стою у бездны.

***

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало..

О, Господи, как от грязи отмыть безупречного прошлого
простыни?
Не поздно ли, Господи? Ведь апостолы смерти, как хвост в дали!
Свой, отстроив, мы создали на обломках и вот, теперь мост
горит.
И нет уж пути обратно, Господи, не буди моих слёз пролив.
Просто, it's doom, I'm a recluse in a closed room.
Доступ из дум – это тайна плюс оплот звуков из струн.
Кросс сдал, поменяю сталь на брус дерева в этой игре сумм.
О, Господи, прости меня, ведь ты видишь, насколько грешен
твой сын!
И как псы по пятам за мной с бешеным лаем бегут мои грязные
мысли,
Свой посыл не продам и в заснеженной тундре астрала я в
поисках истин.
Не рассыпать бы искр, от когда-то пылавшего знания,
Я застыл в зоне риска и состав мой идёт с опозданием,
Ты прости меня, отец наш небесный, ты слышишь, прости меня!
Стал растением, не хватает мне видно удара по темени,
Что бы выгнать всех демонов и внутри мне до боли противно –
Я стал бездарем и я чувствую, что последствия необратимы!

Где же тот Святой Дух, что поможет зажечь мой огонь, который
так быстро затух?
Режет слух скрежет струн от неправленых нот, словно сотни
аккордов простуженных!
Нагадали, мол, суженый, а на деле никчёмный, не нужный,

Руки тянутся к ножнам, но подобные мысли в себе запру.
Где мой ангел хранитель? – Может быть я не на той планете?
Как от грязи отмыть безупречного прошлого простыни я не
имею понятия
Вы меня не браните, за то, что попал в эти сети,
Я раскрасил отныне насквозь пробитое сердце в цвета, что
повнятней.
Но не понять мне, Господи, не понять, когда этот пост сдадим?
Не понять, может быть нужно себя истязать мне розгами?
Я прошу тебя, разгони эти мысли яркими красками, Господи!
Я настолько же молод, насколько годами потасканный!
Ты прости, Отец наш небесный, прошу, отпусти мне грехи,
Не достиг я вершин, но поверь, не нужны те верхи!
Я бы мог быть лихим, как когда-то, но захлебнулся в рутине,
Я стал бездарям и мне кажется, что последствия необратимы.

Вечное лето

Лету чуть-чуть не хватало до вечности,
В крепких объятьях сплетались деревья.
Волосы, что я до плеч носил,
И голос твой, вторил в ответ мне: «Верю!».

Вместе минуты глотали безудержно,
Солнце не грело, а плавило в кашу.
Что-то обидное? – пустишь слезу нежно.
Шёпот – железные рельсы к бесстрашию.

Мысли пропитаны едким безумием!
МЫ, без остатка, в каждом мгновении,
Вынуждены извергаться Везувием,
И как дожди иссякать к воскресенью...

Время расставит, разложит по полкам,
Вторили слухам вибрации залы,
А мы эти мысли дробили в осколки,
В неутомимом прыжке к финалу.

Гибли сверхновые в узорах на стенах,
Пусть не хотели, но всё же не спалось.
Осень не знала, вступая на смену,
Что Лету до вечности – самую малость.

***

Невозможно словами сыграть эти мысли,
И не выкрикнуть нотами чувств безобразье.
Я тут встану за вами, в эту очередь истин?
И тихонечко ляпну: «Мол, вот он, наш праздник».
Мы так ценим свободу, уют из бетона,
Справедливости ягоды рвём, словно гроздья.
И пусть куплены, проданы наши иконы,
И пусть тащат нас в омут, схватив за волосья.
Что нам! Мы образованы школами, грамотны!
Это кто-то другой называется быдло!
Если так, по-простому – уходить ещё рано так,
Если нужно – другого мы вылепим идола.
Не сыграть нам словами, ни выкрикнуть гаммой,
И не движется очередь в поисках истины.
– Если что, я за вами стоял, держитесь за дамой.
Ведь отныне и впредь это очередь вдоль стены
Не содрать с глаз повязок, после выстрела эха.
Вдоль стены телеса – это истин искатели.
В окровавленных рясах служители смеха,
Раздают адреса, места жительств под стать теперь.
Вам раскроется правда тех самых ягод,
Что когда-то осознанно топили в болотах.
Только верующий скажет: «а вот, если б, я бы…».
Только знающий, промолчит как по нотам...

Леонид Берлев

Север

Здесь тепла не много
и уюта здесь не много
И едва ли, может,
я себе-то объясню
Почему отсюда
не зовёт меня дорога?
Почему так тянет
нас к таёжному огню?
Вновь грибная осень
заведёт в такие дали.
Сладкая усталость,
но присяду, покурю.
Почему – не знаю,
Не бывает здесь печали,
Почему хочу я видеть
Вновь в реке зарю?

Скоро, очень скоро
Закурлычут к югу птицы.
Где-то далеко их ждёт
Другая сторона.
Только верю я,
Сюда нельзя не возвратиться,
Как нельзя не верить,
Что вновь придёт весна.

Когда уйду

Когда уйду я за порог
Земного бытия,
Мне суд учинит Господь Бог –
Чем жил, что делал я.

Кого спасал, кого топил –
Он знает всё о том,
Но на земле покуда жил –
Что ты считал грехом?

И мог ли людям ты прощать
Намеренное зло?
И о несчастных вспоминать
Когда тебе везло?

И перед всеми наяву
Просить хочу о том,
Чтобы успеть, пока живу
И не уйти с грехом –

Простите все, кого хулил,
Злословил, обвинял
И с кем порой жестоким был,
Кого я не прощал.

Моему другу М. А. Озерову

Ты приезжай сюда, мой друг,
Я обещаю тишину,
Здесь шум тайги лелеет слух,
Твоей душе уют найду.

Быть может, станет по душе
Тебе наш неуютный край.
Осенний дождь пошёл уже.
Я очень жду, ты приезжай.

Хоть на недельку приезжай,
Пока снега не упадут.
Они, как будто, невзначай,
Тебя, не выпадая, ждут.

Северная душа

Льдом покрылся Тихий Дон,
А душою я
Там, где город Мегион
Стынет без меня.

Коротали мы с тобой
Много долгих зим,
Для меня остался ты
Навсегда родным.

Возвращаюсь иногда,
Словно наяву,
В свои лучшие года –
Молодость мою.

Я с собою привезу
Для тебя тепла,
Я сумею, я смогу
Сжечь мосты дотла…

На Оби

Ах, в родной стороне
Вольно дышится мне,
Дон течёт по степи,
Конь летит в табуне.
Ты прости, батька Дон,
Строго нас не суди –
В твои степи влюблён,
А живу на Оби.

Мне теперь на Дону
Не сносить головы
За измену, за ту –
Что живу на Оби.

Буду падать в ковыль
На твоих берегах,
Расскажи ты мне быль
О былых временах.

И смеётся казак,
Потирая усы, –
Как же вышло, земляк,
Что живёшь на Оби?
Мне теперь на Дону
Не сносить головы
За измену, за ту,
Что живу на Оби…

Деду

У деда было имя – Тихон.
Его не видел никогда.
Он долго б жил, когда б не лихо,
Когда бы не пришла война.

Каким он был на этом свете?
Сажал хлеба, растил детей.
Любил вставать он на рассвете.
Ещё любил он лошадей.

Увы, о нём я знаю мало,
Но кто был в жизни с ним знаком –
Всем очень деда не хватало,
Он другом, мужем был, отцом…

Он знал, зачем живёт на свете.
Хоть знанье то, как мир старо –
Во что угодно можешь верить,
Старайся делать лишь добро.

А жизнь теперь у нас иная,
Но всё ж до смерти сохраню.
И пусть, почти его не зная,
Я знаю, помню и люблю.

Искушение поэзией

Нет, не поэт я! – подмастерье,
Люблю игру я рифм в словах,
Со мной не дружит вдохновенье,
И с ним я тоже не в ладах.

Зачем? – вы спросите. Не знаю,
Какой я в этом вижу прок?
Бумаги дюжину мараю,
А оставляю пару строк.

О том, чего на свете нету,
Могу в себе лишь отыскать.
Но как же хочется об этом
Мне пару строчек написать.

Мише Озерову

Где ты, друг мой дорогой,
В небесах иль под землёй?
Зимний день, как свечка тает.
Как тебя мне не хватает.
Где ты, друг мой дорогой…
Знаю, что в толпе людской
Вдруг мне встретится прохожий –
Взгляд знакомый, взгляд похожий,
Только будет он чужой.
Где ты, друг мой дорогой…
День мой, как и твой, настанет,
Жизнь уйдёт и жизнь обманет.

Мне б поговорить с тобой…
Где ты, друг мой дорогой?..

Родина

Дни тают, словно белый дым,
Жалей иль не жалей –
Край Севера мне стал родным,
Был край другой милей.

Случилось так в моей судьбе.
Но коль свиданью быть,
Приехав, я прильну к земле
Прощения просить.

И поклонюсь я только им,
Заветным тем местам
И неоплаканным, родным
Могилам и крестам.

И после долгих лет и зим
Мне снится сон один –
Всё тот же дом, и дуб стоит,
И ясень исполин.

***

Ужель не вспомнит нас никто?
Клянусь красотами земными,
Благословенно время то –
Когда мы были молодыми.

Незыблемость благих начал,
Незыблемость всего живого,
Ещё неведома печаль,
Ещё не ранит душу слово.

Смысл бытия не тяготит.
Ответы есть на все вопросы.
Не скоро время нам сулит
Утрат незнаемые слёзы.

Где вы, кто жив ещё, бог весть…
Мы все навек родные люди,
Отрадно думать, что вы есть.
Живу надеждой, что мы будем.

Покинутым домам и деревням

Дом покинут, как будто вчера.
Стопка книг, тусклых бусин горошек…
Выдаёт во дворе лишь трава,
Что давно этот дом уже брошен.
И какая такая беда
Разорила деревни по свету?
Не разруха, не мор, не война,
А дома эти – канули в лету.

Жёлтых фото, прикинув года,
Вывод сделан банально и просто –
Не вернётся никто, никогда
И хозяин давно на погосте.

Я побрёл через этот погост.
Покосившийся крест, тоже фото,
Как и двор, холм травою зарос,
Шелест листьев, как просьба кого-то.

Словно просьбу услышав, я встал,
Виновато к кресту прислонился.
«Вы простите» – чуть слышно сказал
И могильной траве поклонился.

***

Степей хохляцкие сыны,
Ужели вы считали дни,
Когда бы Русская земля
Ушла с под ног у москаля?

Ужель забыли вы года,
Когда Хмельницкого орда,
У смерти стоя на краю,
За помощью пришла к царю.

И русский царь вас приютил,
И мир вам дав, слегка журил
За грех предательства, строптивость
Вы не попали вновь в немилость.

Но что же видим мы опять –
Со стороны Европы – рать,
Владея вашими умами,
Нас, братьев, сделала врагами.

Вы вновь поддались на обман
От варварской Европы – стран,
У коих цель в веках одна –
Чтоб пала Русов сторона.

Я хотел бы…

Я хотел бы, я хотел бы
В своё прошлое вернуться,
Там шумят у дома вербы,
Там другие слёзы льются.

Я прошу совсем немного,
Мне всего лишь малость надо –

Одного мне хватит вздоха,
Одного мне хватит взгляда.

Я б помчался, что есть мочи,
Я б успел бы дорогие,
Посижу я с вами молча,
Старики мои родные.

Я хотел бы, я хотел бы
В своё прошлое вернуться…
Но давно срубили вербы.
В детство – край мне не вернуться.

К молитве

О, Господи, прости,
Что вечно не с руки
Мне в храм зайти,
Чтоб замолить грехи,
Что вечно тороплюсь я по делам
И некогда внимать
Молитвенным словам,
И некогда подумать о душе.
Пора, пора – мне тридцать три уже…

***

Суровый взгляд суровых женщин
Я в пожелтевшем вижу снимке.
Удел нелёгкий им завещан –
Разруха, голод да поминки.

А возле них смеются дети,
Отцы и будущие мамы,
Но им своих отцов не встретить
И не оплакать их слезами.

Петру, Марии да Оксане
Пришлось хлебнуть сиротской доли,
А время ведь не лечит раны,
Мы просто привыкаем к боли.

Мы, внуки тех суровых женщин,
И время вроде бы иное.
Да только на душе не легче,
Да только сердцу нет покоя…

Игорю Талькову

Поэт угадывает строки,
Они ниспосланы с небес.
На эти Господа уроки
Со злом взирает старый бес.

«Ценою слишком дорогою
Заплатишь ты, – он говорит.
– Забудь перо! Тебе открою
Я мир иной, внемли, пиит!».

Ему открытою душою
Поэт промолвит только: «Згинь!».
Не постоит он за ценою.
И пусть ценою станет жизнь.

Воскресенье

Соседка утром принесла
На блюдце свойского печенья,
Сказала: «Будем поминать
Усопших в это воскресенье».

Отца и мать ты помяни,
Моих, твоих, земля им пухом.

Давно ушли их жизни дни,
Пусть память остаётся внукам.

За жизнью смерть идёт чредой,
Свой век прожить не прячась надо,
Чтоб в мире этом, под луной,
Кто будет жить, была отрада.

И, вспоминая тех, кто жил,
Теплом бы сердце отзывалось,
И светлым день воскресный был,
Как те, что после них осталось.

***

Живой, единственный,
Воспринимая эту Землю
Я боль её,
Как боль свою приемлю.
Желаю тайно я,
Чтоб сбросила она наш разум…
….А дальняя Луна
Была свидетелем чрез миллионы лет
Когда влюблённый в Землю
Явится на свет!

Лариса Хомутова

Я о Югре эту песню пою

Я в этих краях оказалась случайно.
Ругать ли за это судьбину мою?
И я обомлела: великою тайной
Окутано всё в этом дивном краю.

Звенящим безмолвьем болота покрыты,
Лишь изредка птица вспорхнёт в тишине.
Лесные чащобы туманом укрыты.
В нём что-то волшебное чудится мне.

Здесь в недрах сокрыта великая сила,
Великая тайна, великий покой.
Кто знает, земля почему так остыла,
Что вечною стала она мерзлотой?

Кто чёрное золото спрятал в глубины?
Чей дух охраняет к сокровищам вход?
И что зашифровано в мифах старинных?
Чем жил и дышал человеческий род?

И кто по болотам рассыпал как бусы
Ягоду щедрой добротной рукой,
По кочкам развесил кто мох седоусый,
Кто синее небо разлил над рекой?

Я в этих краях оказалась случайно.
Ругать ли за это судьбину мою?
Тайна – хрустальная, Север – бескрайний!
И я о Югре эту песню пою!

***

Светлее неба те глаза,
Нежней самой лазури,
Которыми ты мне сказал,
Надлом бровей нахмуря,
Что просто рядом хочешь быть,
Не можешь жить иначе,
Что ночь не можешь ту забыть…
А я молчу.
И плачу.

Любимому

Верность тебе берегу,
Как огонёк негасимый.
Я без тебя не могу.
Вспомни меня, любимый.

Вспомни мои глаза,
Разве солгут такие?
В них, приглядись, роса,
Как на лугах России.

Ты приглядись к бровям –
Взмах журавлиной стаи!
Разве такие, как я
Таких как ты покидают?

Телом и сердцем любя,
В самые страшные зимы
Я отогрею тебя.
Вспомни меня, любимый.

***

И тишина… Такая тишина,
И рук твоих тепло неописуемо.
Как у Цветаевой: «Любовь ненаказуема!».
Остался мне на память вкус вина.

И с губ твоих всю прелесть я смахну
Заметным еле-еле поцелуем.
Давай тихонько свечи все задуем
И впустим в нашу сказку тишину…

Размышления в поезде

За верстой версту верстаю.
Необъемлемая Русь!
Есть ли край у ней? Не знаю.
Я ответить не берусь.

Всё поля, леса, да реки –
Посмотри хоть вширь, хоть ввысь.
И везде преданий вехи
Пропитали Русь насквозь.

В каждом доме точно знали –
И в избе, и в теремце
Что Иван – дурак вначале,
Но царевич он в конце!

Если завистью покрыта
Вся душа твоя, то впредь
У разбитого корыта
Ты останешься сидеть.

Если ввысь душа стремится,
А дорогу замело,
Всё-равно свою жар-птицу
Ты ухватишь за крыло.

Каждый верит, каждый знает:
Наши земли и моря
От врагов оберегают
Русских три богатыря.

Они, землю охраняя,
Не спешат рубить с плеча:
Кто с мечом к нам подступает,
Тот и гибнет от меча!

И за мудрость, за терпенье
Я преданьями горжусь.
Нет сильнее наслажденья,
Чем любить святую Русь!

Мороз

Взялся дедушка Мороз
В полуночном мраке
Разукрашивать всерьёз
Ёлки и овраги.

Не учёл он одного,
Маленькую малость:
То, что краска у него
Белая осталась.

Взял он в руки свою кисть,
Глянул на берёзу,
Сделалась берёза вмиг
Ну совсем белёсой.

Землю он припорошил
Ласково, с заботой
И белилами залил
Всё до небосвода.

Разукрасил белизной
Берега у речки,
Дым над крышами рукой
Вытянул, как свечки.

И узором расписал
Старые оконца,
Мир чтоб утром засверкал
Под лучами солнца.

***

И зазвонят по мне колокола.
И горсть земли ударится о крышку.
Так Бог решил, что хватит, пожила
И пожила, наверно, даже лишку.
И полетит душа на божий суд,
Покорно свою участь ожидая.
Последний раз ей ангелы споют
Перед вратами ада или рая.
Что будет там: огонь или покой?
Всенаслажденье или наказанье?
Жаль, не успела я перед собой
Произнести при жизни покаянье…

…И отзвонят по мне колокола.

***

Тихо трону струну,
Не дописаны строки…
Погубили страну
Дураки и дороги.

***

Я уже не молода
Но не бабка!
Мимо тянутся года
Без оглядки.

Скоро сяду на пенёк,
Как в той сказке,
У развилки трёх дорог
После Пасхи.

Может семечки куплю
Поспелее.
Я ведь жить ещё люблю,
Хоть старею!

Три дороги и пенёк,
Солнце светит.
Что мне надо-то ещё,
Чтоб старость встретить?

***

Зелёный лес густой местами.
И вот одна среди берёз
Осина красными листами
Мне душу тронула до слёз.

У всех деревьев ещё лето,
И холодов ещё не ждут.
А среди них вот чудо это,
Как яркий праздничный салют.

Доносись издалека

Анатолий Филановский

Филиграни или «...Не просто так»

Попытка говорить прозой

Филиграни – это совокупность изображений, отпечатавшихся на бумажном листе, во время его производства вручную или на машинах.

Точка ухода

С тех пор прошло уже много времени: лет, наверное, пятнадцать. Я тогда точно решил: буду писать прозу. Операция на сердце прошла удачно, времени у меня теперь много. На Эверест не подняться, но писать обязательно нужно. Я даже знал, что это будет книга о жизни. О жизни от появления на свет до точки ухода. Я отчетливо представлял себе, как это произойдёт.

Я заключил жизнь в некое геометрическое тело. Это была пирамида. Я обозначил точку появления. Я представил, как человек карабкается вверх, и начинил пирамиду, чем только мог: шарами, призмами, какими-то ещё многогранниками. Они с трудом помещались в ней, меняли форму, трескались, образовывали непонятные соединения. Трещины странным образом заполняли всё внутреннее простран-

ство пирамиды. Это и были непредсказуемые повороты человеческой жизни. Но я чётко понимал: как бы не сложилась жизнь, какие бы ты не принимал решения, в итоге должен прийти в ту единственную точку, которая предназначена тебе судьбой. Она где-то там наверху. Твоя точка ухода. Мы не знаем куда, но каким-то непостижимым образом догадываемся, что продолжение должно быть, и может быть, именно от нас, от того, по каким трещинам и зигзагам мы доберёмся до «своей точки», зависит какой будет ждущая нас неизвестность.

Фильм «Осторожно! Двери закрываются!» с неожиданной Пэлтроу прошёл по экранам незаметно. Но до жестокости просто «разрешил» все проблемы: главное, проскочить в закрывающиеся двери или наоборот дать им закрыться и остаться на пустом перроне. Именно от этого зависит твоё будущее. (Как говорил один известный поэт: «Вчера написал стихотворение о любви. Стихотворение удалось. Всё. Тема закрыта»).

Я надолго убрал в стол свои наброски и накопленные материалы, решив, что это не моё. Видимо, для прозы нужно какое-то другое, особое призвание. Да меня и просто опередили, и все мысли мои теперь вторичны и вряд ли будут для кого-то интересны и оригинальны.

Но желание отобразить на бумаге нерифмованные строки время от времени возвращалось. По каким-то причинам написанных и опубликованных мною стихов было недостаточно.

…Жизнь продолжалась. Иногда дни пролетали, и события калейдоскопом спешили сменить друг друга. Иногда казалось, что ничего не происходит, и ты медленно тащишься в скрипучей телеге мимо чьих-то, весело подглядывающих за миром окон.

Всё, что происходило, откладывалось в памяти. Но каждый раз вспоминая, я ловил себя на мысли, что это уже другие события. Это жизненные моменты, подогнанные под тебя теперешнего.

Печали и неудачи вспоминаются с улыбкой. Бесшабашные поступки, анекдотичные ситуации, юмор неожиданно получают философский подтекст. Конечно, с годами меняются и самооценка, и даже оценка оставшегося в памяти события. Но главное (и обидное!) – забываются подробности, притупляются чувства, и ты сам теряешь интерес к тому, что было.

И я решил задержаться в памяти подольше и записать то, что пока ещё мне необходимо и помнится.

И потихонечку всё стало ложиться на бумагу. Подробности появлялись не сразу, но появлялись. А писать становилось всё интереснее и интереснее.

И родились Филиграни.

Дай Бог, чтобы не последние.

О времени и о себе

Это был типичный сибирский городок начала 21-го века. Городок, рядом с которым буквально недавно нашли нефть. Мы сидели за столиком в местном кафе. Мы – это четверо сравнительно нестарых мужчин, только что приехавших, ни много ни мало, для участия в кампании по выборам Мэра этого города. Впрочем, ни количество, ни цель нашего приезда, ни даже наши имена не имеют никакого значения.

Итак, мы ощущали себя самыми голодными в этом городе людьми, и с нетерпением ждали, когда на нас обратят внимание. В середине рабочего дня небольшой зал оказался абсолютно пуст и официантка – молоденькая симпатичная девушка в очень коротеньком платьице (как и всем молоденьким симпатичным девушкам платьице было ей «к лицу») не заставила нас долго ждать и довольно грациозно положила на столик меню и винную карту в потрясающе помпезном переплёте. Не будем перечислять названия всех представленных нам на выбор блюд (готовят в Сибири не очень разнообразно, но, поверьте на слово, очень вкусно), главное, что выбор был совершён почти мгновенно, и мы притихли в ожидании.

Ожидание продолжалось довольно долго. Иногда официантка пересекала зальное пространство. Иногда мы даже слышали где–то за кулисами смех и обрывки слов. Прошло минут сорок. Вялые попытки привлечь к себе хоть чьё-нибудь внимание казались совершенно безуспешными. Наконец, мне пришлось встать, пройти на звук голосов в служебное помещение и буквально под конвоем привести мучительницу к нам. Вернувшись за столик, я задал простой вопрос: «Мы ждём уже около часа, в кафе кроме нас нет ни одного посетителя, Вы явно не спешите. В чем дело? Может быть, мы Вам не нравимся? Или есть причины, о которых мы не знаем?»

Ответ прозвучал почти мгновенно: «А куда спешить? Время-то есть!»

Опешив, я продолжил разговор, спросив с поистине идиотской многозначительностью: «У кого время есть?»

И был добит тут же и окончательно: «Вообще, есть!»

…Мы, конечно, пообедали, притом очень вкусно. Но выйдя на улицу, переглянулись и вздохнули, сойдясь в едином мнении, что выборы в этом сибирском городке вряд ли окажутся для нас лёгкой прогулкой.

Что впоследствии и подтвердилось.

Первая песнь о Голане

Михаил Голан – это будет твоя (или наша общая) история, потому что во многом именно благодаря тебе и твоим товарищам по кардиологической клинике в Тель-Авиве я сейчас пишу эти строки.

Михаил Голан – коренной израильтянин, блестящий хирург, удивительный человек, оптимист и весельчак. Михаил Голан – в совершенстве владеющий русским и английским: по его словам, причиной этому послужили 6 лет, проведённые в Ленинграде за изучением медицины, и последующие 5 лет, в течение которых он переучивался в Нью-Йорке.

Итак, наша первая встреча произошла ещё в прошлом веке в далёком 1997 году в Тель-Авиве, куда я приехал вместе с женой после того, как в Москве мне отложили операцию на сердце по совсем непонятным (как потом оказалось) причинам.

Я вошёл в кабинет Михаила почти без надежды, но уже через 10 минут улыбался его шуткам, когда Голан знакомил меня со своими пациентами, ещё лежащими на поскрипывающих койках, но мысленно уже бывшими там, за больничными стенами, рядом со своими близкими в той, просто на время оставленной ими, такой интересной и ещё очень долгой Жизни. Всем им была сделана столь необходимая мне операция. «Таких операций мы сделали за 5 лет порядка трёх тысяч, неудачных 0,3%. Считай, что у тебя сложный случай аппендицита. И не будем надолго откладывать» – резюме не допускало возражений.

Уже возвращаясь со мной обратно, Михаил увидел сидящую на стуле молодую женщину. «Кто это?» – спросил он. «Моя жена, Татьяна». – «Заходи!» – И он за руку буквально ввёл её в кабинет. Мы с Таней сели напротив Голана.

«Только не нужно обманывать, что это жена. Жёны такими не бывают. Такими бывают только любовницы».

От неожиданности я покраснел. Но Татьяна не сдалась: «Значит я и жена, и любовница» – уверенно возразила она.

«Не бывает, не бывает», – продолжал бурчать Голан. Потом вдруг резко встал, передал супруге подписанное направление, и, обращаясь только к ней, очень серьёзно сказал: «Я жду вас как можно скорее. До встречи в моей клинике».

Об операции я ещё, возможно, расскажу. А об остальном…

Всё же Голан не прав: наверное, в жизни и так бывает.

Или мне просто очень повезло?

Вторая песнь о Голане

Как прошла операция? Всё же об этом я рассказывать не буду. Прошла и прошла. Главное, что это было уже пятнадцать лет назад. Я расскажу о нашей третьей встрече в Москве через два месяца после операции. Голан позвонил неожиданно, сообщил, что в Москве по делам, пробудет несколько дней, очень хочет на меня посмотреть и предложил подъехать к нему в отель «Минск», что на Тверской. На следующий день в 11 утра мы были у него. Привез меня мой близкий друг Юрий, они познакомились, и Голан стал доставать разные стетоскопы, манометры и ещё что-то, попутно жалуясь на охрану отеля, которая трижды проверяла у него документы, но ни разу не проверила содержимое портфеля. «А значит, я трижды мог взорвать их вместе с отелем и половиной улицы!» – не успокаивался Михаил. Наконец, он перешёл к осмотру, взятию каких-то экспресс анализов крови и в итоге сделал заключение, что у меня всё в порядке и через три месяца, после осмотра в его клинике, он надеется окончательно убедиться в том, что операция прошла успешно. Обратив внимание на наши удивлённые лица, Голан пояснил, что по израильским законам в течение шести месяцев ответственность за здоровье оперируемого несёт хирург.

Юру это не устроило. «Михаил, ты скажи мне: Анатолий здоров или нет? Мне нужно знать точно», – потребовал он. «А зачем тебе точно?» – переспросил Голан.

«Хочу знать, могу ли я называть его Жидовской мордой?».

«Ну, конечно можешь!».

Пришлось вмешаться. «Ребята, хватит. У меня мама русская, а значит и половина крови русская».

«Забудь! – потребовал Голан – На операции я сменил тебе всю кровь, доноры были, как один, кошерными евреями!»

В общем, беседой все остались довольны. Прощаясь, Михаил пожелал удачи и уверенно предсказал, что от сердца я не умру.

«А от чего умру?» – я чуть не продолжил беседу. Но Голан был краток. Он возвёл глаза к небу, мечтательно вздохнул и подвёл итоги: «Хорошо умереть от любви. Но что бы получить сифилис… пахать на-а-а-а-до!».

Я сделал вид, что согласился.

Серебряная свадьба

Серебряная свадьба – как серебряная свадьба. Со всеми её радостями и проблемами, с юбилейными обычаями. Слава Богу, что за две недели до даты мы выиграли муниципальные выборы в Сибири. Естественно, появилась возможность отметить День свадьбы, как говорят на Руси, по-человечески. Мы выбрали кафе «Пушкин» – самое элитное у среднего класса той зимой. Столы накрыли в Каминном зале. Хвастовства ради, добавлю, что в зале соседнем справлял торжество (а может быть просто ужинал) сам мэтр Церетели. Но дело не в этом. Дело в том, что не привыкнем мы никак к Каминным залам. Столы пустые, все закуски разносят официанты в ливреях. Пройдёт мимо тебя с блюдом пирогов, а ты на камин засмотрелся, и взять не успел: пиши всё, проехали. Жди пока до тебя очередь снова дойдёт. Но главная опасность в другом: как только рюмка пустеет, появляется рука и снова её наполняет. Тосты поэтому идут один за другим, обстановка дружеская. В общем, всё на самом деле было хорошо, и мы с Татьяной, наверное, просто светились от счастья. Правда, старший сын в своём тосте задался вопросом: «Дорогие родители! Почему отмечаем серебряную свадьбу, а мне всего двадцать? Где же Вы были

целых пять лет?» Но гости посмеялись немного и ответа требовать не стали. Так всё и текло своим чередом, да случился один казус.

Вроде ничего серьёзного, если бы не имел он своего философского продолжения. Один из очень близких наших друзей (назовём его, к примеру, Володей) стал жертвой той самой не дремлющей «наливающей руки». А выяснилось это уже часа через полтора, когда было решено сделать первый перерыв, и заиграла музыка. Правда, нужно признать, что из гостей практически никто ничего не заметил. Володе с женой помогли сесть в дежурившую машину, они уехали домой и праздник продолжался. Жена Володи позвонила Татьяне на следующий день и, всхлипывая, рассказала, что плакать она начала ещё вчера вечером, как только уложила мужа спать, потому что уж очень обидно получилось. Она и платье новое сшила, и так за нас радовалась, а тут на тебе…

Мы как могли, успокаивали, переживали вместе с ней и убеждали, что всё обойдётся и, в сущности, золотая свадьба не за горами. А и в самом деле, что страшного? С каждым может случиться.

Прошло два месяца. Мы были приглашены к Володе на день рождения. Вечер был весенним, и гости выпивали, закусывали и радовались. Примерно через час, как и положено, мужчины вышли на первый перекур. Я уже целую вечность не курю, но никогда не упускаю возможности выйти с мужиками: а то где же ещё поговорить о наших мужских делах? А к концу перекура ко мне подошел Володя, отвёл чуть-чуть в сторонку и протянул руку: «Толь, хотел тебя поблагодарить за вечер у Пушкина. Какое я получил удовольствие! Наверное, это был лучший вечер в жизни! А официанты?! Звери! Спасибо».

«Не стоит, старик. Всё нормально!» – ответил я. А сам подумал: нужно уже прекращать быть ханжами. Много ли в нашей жизни минут, когда мы можем быть самими собой? Может быть, зря это: отказывать себе даже в таких маленьких удовольствиях.

Хотя бы иногда.

Рецензия

Первый сборник моих стихов был издан непозволительно поздно (автору уже исполнилось пятьдесят!), поэтому особых

восторгов в моём сознании это не вызвало. Скорее в ощущениях преобладало чувство справедливости: всё же то, к чему стремился, произошло. Но когда в одном из ведущих литературных альманахов появилась небольшая, но очень тёплая рецензия с ласкающим самолюбие заголовком: «Тем, кто любит шестидесятые», гордыня, как говорится, взыграла, и удовлетворённое честолюбие продиктовало известный ход событий. Я купил достаточно внушительное количество экземпляров альманаха, тут же раздарил их друзьям, а супруге и детям передал рецензию для прочтения. Что они и сделали (кроме старшего сына, которому «всегда некогда» по причине очередной курсовой в институте). Моим близким рецензия понравилась. Сборник действительно удался. Мне не было за него стыдно. Вот только старший сын… Он никак не мог освободиться и на мои вопросы отвечал: «Скоро».

К концу недели обстановка накалилась. «Ну!» – голос мой прозвучал максимально грозно. «Прочитал!» – моментально ответил он. Но ответил как-то обыденно и нарочито безразлично. Жена и младший сын напряжённо застыли в ожидании развязки. Я был неумолим: «С каких слов начинается рецензия?» Ответ прозвучал убедительно и снова без задержки: «Вы держите в руках книгу великого русского поэта». Все переглянулись.

Слава Богу, я рассмеялся первым…

Только наши собственные дети способны сбить спесь, удержать от падения и поставить на место.

Просто потому, что они так хотят нами гордиться!

Мегион

(Опыт литературной ностальгии)

Посвящается Егору Горбатову

Мегион – это такой город в Сибири недалеко от знаменитого Самотлора, на берегу Оби и крутой излучине протоки Мега. Город красивый и очень важный в жизни всей моей семьи. В 90-е годы, в период между инфарктом и операцией на сердце я работал в Мегионе заместителем Мэра по вопросам образования, культуры и молодёжной политике. Команда подобралась очень профессио-

нальная и дружная, и в городе стало, как говорят сейчас, «реально» интереснее жить. В комитете молодёжи уже с раннего утра собирались неравнодушные к городским проблемам ребята, Дом детского творчества вечерами был переполнен, Коллектив духовной музыки «Вдохновение» месяц провёл в гастрольной поездке по Англии, а 4-я школа вообще стала кладезем талантов. Не хватало только финансов (а когда их хватало на молодёжь и культуру?). Дело дошло до того, что однажды вечером Мэр заскочил ко мне в кабинет и со словами: «Поехали, покажешь, куда народные деньги уходят!» – увёз меня в Дом культуры. Я знал, что там кипит детская жизнь, но боялся, что шефа могут как-то не так встретить. Поэтому прямо с порога громко прокричал: «Выходите, к вам Мэр приехал!».

«Анатолий Яковлевич! – выбежала руководительница детской художественной студии. – Вас-то мы и так знаем. Всегда рады. А с Вами кто? Познакомьте, пожалуйста, может, из Окружной культуры приехали?» «Что получил?» – успел я шепнуть шефу.

После нашей поездки с деньгами в департаменте культуры стало лучше. Но, кажется, я увлёкся. А хотел немного о другом.

Однажды летом мы засиделись в Комитете культуры. Готовились ко Дню города. Расходились довольные. А когда у ДК «Прометей» стали прощаться, раздался голос: «А можно с Вами?». Это был хороший знакомый, коллега по работе в геологии. «Конечно можно, Валера. Но в другой раз, мы уже расходимся». И мы разошлись. Вот, собственно, и всё. Ничего особенного. Можно было бы и не утруждать читателя. Но история запомнилась, потому что у неё было абсолютно литературное продолжение.

Буквально через несколько дней мы встретились с Валерой на каком-то очередном совещании по взаимодействию мэрии и градообразующих предприятий. И в перерыве он напомнил о недавней встрече: «Слушай! Откуда такие красивые женщины? Почему не знаю?».

«В места разные ходим», – назидательно высказался я в ответ.

Продолжение заслуживало того, чтобы его запомнили, и время от времени цитировали по поводу и без…

«Перестань. Места разные, а красивые женщины одни и те же!».

И это было точно о Сибири.

Больше тема никогда не всплывала. А вскоре Валера уехал в один из городов на Волге, и наши дороги больше не пересекались.

Время летит быстро, опережая память. Но Мегион – это навсегда, и не только из-за красивых женщин.

Вот теперь уже всё. … Или нет. Мы оба тогда были женатыми людьми. В отличие от Валеры, я и сейчас женат.

…О чём не жалею.

Как Толя ремонтировал кран

Чего только не происходит с нами. Иногда случайное событие, ничего не значащий пустячок сопровождает тебя всю жизнь. Вроде и последствий никаких, но …всё же.

Это случилось давным-давно, ещё в 80-х. Мы жили в Сибири и работали в геологическом объединении, искали и не безуспешно нефть. Объединение было одним из крупнейших в стране, сложно структурировано и состояло из большого количества производственных предприятий. Мой друг Толя занимал в нём должность начальника цеха водоснабжения и канализации и отвечал как за производственные базы, так и за состояние жилья, в котором проживали наши геологи. Однажды в его кабинете раздался телефонный звонок. Звонил начальник дорожно-строительного управления (назовем его Егор А.): «Анатолий! Сгоняй, будь добр, ко мне домой. Что-то там протекает. Ни постирать, ни помыться». И Толя, конечно, сгонял. Время было рабочее, и на его звонок дверь открыла молоденькая стройная и очень миловидная девушка. Толя вежливо поздоровался, улыбнулся и попросил: «Маму позови!»

Вот вроде и всё. Жизнь вела нас по-своему, била и баловала, разбрасывала по «городам и весям» и вновь сводила. С Толей мы остались друзьями на долгие годы и до сих пор часто встречаемся семьями, и часть жизни проживаем в какой-то общей только нам известной колее. Егор сделал карьеру госслужащего (поверьте, карьеру в хорошем смысле этого слова), одно время пути наши пересекались, но постепенно встречи сошли на нет, да и общие наши знакомые на вопрос: «Как Егор?» отвечали: «Да, вроде бы ничего, но давно его не видели». А это супруга Егора с годами стала, по отзывам, очень ревнивой и сочла именно нас всех виновными в любви своего мужа к застольям и саунам. И постепенно она сумела оградить мужа от дурного влияния и сделать настоящим семьянином. А подруги

её рассказывали, что в их болтовне о годах молодых, она говорила, что одного джентльмена помнит из числа геологов, того самого, который в далекие годы перепутал её с пятнадцатилетней дочерью. И лучших комплиментов она в своей жизни никогда не слышала.

А кран Толя в тот день починил.

Звонок

Бояться неожиданных звонков – это всё время прощаться на лестничной клетке. Всё получается как-то впопыхах. Вроде всё уже сказано. Нужно нажимать кнопку лифта. А боишься. Вдруг хозяин на что-то обиделся, а ты и не понял. А уже на улице вспоминаешь, что, конечно, о главном забыл, нужно бы вернуться, но возвращаться смешно. Мучайся теперь до следующего раза. А когда он будет, этот следующий раз? Да, и будет ли?

…Однажды мне позвонили. Звонила Наташа. Наталья Александровна. Когда-то ученица моей супруги, мечтавшая стать врачом, а теперь ведущий кардиолог крупнейшего российского кардиоцентра. Она опекает меня более двадцати лет: практически с момента инфаркта и до сегодняшнего дня. Наташа редко звонит просто так, тем более что за неделю до звонка я был у неё на очередном однодневном обследовании, и она осталась довольна моим состоянием. «Анатолий Яковлевич! Получила результаты анализов. Прекратите немедленно приём всех лекарств и завтра утром постарайтесь приехать», – «Наташа, что-то серьёзное?» А что я мог ещё сказать?

«Печень… Так я вас жду», – и повесила трубку. Я понял, что звонила она с дороги. Наталья Александровна, вообще, человек рациональный, по одной ей известной причине не очень щадящий нервы больного и считающий, что правду нужно говорить всегда и, по возможности, вовремя.

Не скажу, что я был в шоке, или что передо мной «промелькнула вся прожитая жизнь». Нам столько выпадает на нашем веку, что постепенно, иногда чисто интуитивно, мы начинаем понимать как всё вокруг (да и внутри нас) устроено. Проживая жизнь, время от времени приходится спускаться на одну-две ступеньки вниз и идти дальше. Это неизбежно. Жаль только не знаешь: сколько там этих ступенек.

Часа через два снова раздался звонок. Опять Наташа: «Анатолий Яковлевич! Я всё не могла успокоиться. Приехала домой, решила перепроверить. Там произошёл сбой. Фамилия Ваша, а реестровый номер другого человека, который приезжал на обследование в один день с Вами. Так что на завтра отбой. Не волнуйтесь, всё в порядке».

…К вечеру я приехал домой и за ужином пересказал близким свою историю. Пересказал, уже улыбаясь, слегка посмеиваясь над собой и окружающими.

Но ночью долго не мог заснуть. И ближе к утру понял: в череде происходящих в жизни событий наступают мгновенья, когда что-то необъяснимое вдруг блокирует реверс и не даёт нам возвратиться в прежнее состояние. Может быть, меняется уровень ожиданий?

Или что?

Новогоднее

Всё тяжелей нести оковы,
Всё чаще в тучах небосвод.
Но снова, снова, снова, снова
И Рождество, и Новый год!
Вино в бокале. Вязь из тостов.
Чуть-чуть надежды в паруса.
И кажется, что очень просто
На миг поверить в чудеса.
И кажется, совсем не трудно
Заставить сдаться календарь.
……
В окно заглядывает утро.
И на дворе уже январь.

Тебе

Я по этой тропе никуда не дойду.
Здесь и солнце, и птицы поют по утрам.

И счастливую мне предрекают судьбу.
Только вот, на тропе неуютно стихам.
Тем, с которыми я достучался до звёзд
И к субботе успел на седой перевал.
Те, что в дождь по Парижу я бережно нёс,
И которых пока ещё не написал.
Разве можно мечтать, что отпустят грехи,
Как бы не был коротким оставшийся век.
…Снова маленьким Чудом приходят стихи.
Это мой, навсегда не отмоленный, грех.

Возвращаясь к 26 октября 2006

К Юбилею коллектива «Вдохновение»

Ну, наконец-то, собран урожай.
Цыплят все кто хотели, посчитали.
Дождь зарядил. И птицы прокричали
Кому «До встречи», а кому «Прощай!».
А листья в парке что-то о своём.
И дачи снова заперты до лета.
И вместе с эхом затерялось где-то,
Что вдохновеньем всякий раз зовём.
И всё ж собрал нас вместе этот зал.
Пусть не большой, но истинно прекрасный.
Не тот велик, кто красным шьёт на красном,
Но тот, кто в Небо за собой позвал.
А музыка, то проливалась в нас,
То, покидая, поднималась к сводам.
И вместе с нею рвались на свободу
И мы с тобой! Как редок этот час!
И как же мал. Но повторившись вновь
Он даст нам силы (как бы не устали)
Поверить в то, что выше всех печалей,
И даже больше, чем сама Любовь.

***

Опять медведица-зима
В капели промочила лапы.
И снова очередь у трапа
На рейс, спешащий в никуда.
И тонет полоса в огнях:
Ни отчего не зарекайся.
Непредсказуем путь от вальса
До пляски Витта на углях!

***

…Жаль, что предвидеть не дано,
С какой ноги мы встанем утром.
Нет, ногу подобрать нетрудно.
Но мы не с той встаём назло.
И требуем убрать сирень.
(У нас же аллергия с детства),
Но снова, никуда не деться,
На нас накатывает день.
Он ветками стучит в окно.
Ещё весной пропитан воздух.
Всё изменить совсем не поздно.
Но нам, увы, не суждено.

На склоне

Не пишется, уже который день.
Не верится, уже не первый месяц.
И шлейф невосполняемых потерь
Лёг узелками по годам и весям.
И пусть ещё не пройден Рубикон,
Нет в прошлое, как не проси, возврата.
Уже скольжу. И подо мною склон
Всё круче. И всё ближе…ближе Дата.

***

Не простилась весна, умчавшись,
Стужа быстро сменила лето.
Сказка кончилась, не начавшись,
Дожидаться не став рассвета.
А года – метель за метелью.
Ты, наверное, догадалась:
Та – моя, что сейчас за дверью,
Называется просто: старость.
Не поймать, не вернуть, не встретить,
И почти не видна дорога.
Ветер…ветер…и снова ветер.
…Но всё легче услышать Бога.

***

Мише и Кириллу, нашим детям,
которые и есть Любовь.

Смотрю на прожитые дни.
Их наугад перебираю.
Как будто бы готовлюсь к Раю,
Мгновения остановив.
Вот тридцать лет назад январь:
Как было грустно в этот вечер,
И рифмовал я слово «свечи»
И строчку «светлая печаль».
Была апрельская Любовь.
Кого я ею осчастливил?
Глаза не помню – помню ливень,
Когда бежал, спеша домой.
А в марте светлое пятно?
Помог я бескорыстно другу.
И удивлялась вся округа,
И Бог смотрел в моё окно.
Но можно ль, возвращая сны

Жизнь повторить, стирая даты,
И ставя свежие заплаты
На еле видимые швы?
Как объяснить, когда уйду,
Насколько это важно: вместе
В ответ злословию и лести
Учиться слушать тишину.
И что от Пирровых побед
Никто из нас не застрахован.
У каждого свой Рим основан
И свой в конце тоннеля свет.
И даже если обречён
Во-искупленье на Голгофу,
Я свет для Вас собрал по крохам.
И только он… и только он…

Странный сонет с эхом

Как незаметно кончились дела…
Бреду себе, от января к июню.
А там, где след позёмка замела,
Снег почернел. Что сомневаться втуне:
Конечно, всё кончается. «Привет», –
Мне кто-то вслед махнул рукой устало,
И нет его. А мой кивок в ответ,
Вдруг оказался шуткой запоздалой.
Кем ни был, путь к Массовке предрешён,
И что-нибудь едва ль изменит Он.

Неудавшийся пейзаж

Ну, наконец-то собран урожай.
Цыплят, все кто хотели, сосчитали.
Дождь зарядил. И птицы прокричали:
Кому: «До встречи!», а кому: «Прощай!».
А листья в парке что-то о своём.

И дачи заколочены до лета.
И в одиночку тащится по Свету
То, что Любовью с юности зовём.

Иллюзия

Ирония тянула до субботы.
Любовь застряла где-то в четверге.
Лениво (страх держа на поводке)
Юлою боль проигрывала ноты.
Зачем же, продираясь сверху вниз
И мудрость отложив на воскресенье,
Я вдруг решил, что победил сомненье?
……
Иллюзия…
А мы считали – Жизнь!

Год 2010

Налейте мне ещё вина,
Я пить хочу сегодня много,
Чтоб в Мой октябрь меня дорога,
Чуть спотыкаясь, привела.
А в октябре, а в октябре
Такая Осень золотая.
И ничего, что время тает.
Остаток сладостен втройне.
И пусть Надежды прежних лет
Не разглядеть за поволокой,
Не провожайте нас до срока.
Ещё действителен билет.
И крики журавлиных стай,
Как обещанье новой встречи.
И этот год – ещё не вечер.
Влюбиться, что ли, невзначай?
Себе казаться молодым.
Судьбе сдать возраст на поруки.

И засыпать под флейты звуки,
Чуть-чуть горчащие, как дым.
И вдруг понять: что это – Там,
Наверное, уже за Краем,
Тихонько музыка играет.
…Но, кажется, ещё не нам.

Сергей Луцкий

В Усть-Сабун и обратно

Рассказ

1

Тамаре снится, будто она утёнок. Маленький, жёлтый, с писклявым голосом. Где-то рядом мать, но Тамара её не видит, только знает, что она здесь. Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает во враждебную тёмную воду, не даёт дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие её силы. Вместе с ужасом мысль: где мама, почему не отбивает, почему не прогонит страшную утку?!. Тамара захлёбывается, вода врывается в легкие, безысходность и смертная тоска.

Фу ты, блин!..

Женщина садится на постели, сердце стучит так, что того гляди проснётся Сашка. Дурацкий сон! Вчера она заходила в музей, принимала у деда Камина хантыйские луки и стрелы, может, потому. Обычно угрюмый дед разговорился, вертел в руках особую стрелу с набалдашником впереди. Когда такую пускали, она прыгала по воде и напоминала несущегося к матери утёнка. Утка бросалась навстречу и получала в грудь острие на набалдашнике. Дед Камин говорит, для уток это обычное дело, топить чужой выводок. Потому матери так бросаются. Разговоришься, когда от Тамары зависит, сколько дед получит за свои экспонаты.

Сквозь тюль на окне во всю светит солнце, но Тамара смотрит на часы. В мае солнце не показатель, в два часа уже светло, практически начались белые ночи. Пять, рано. Тамара пробует заснуть ещё, но не получается. Сон про утку, которая её топит, не даёт. Всё в нем так осязаемо, явственно, будто происходило на самом деле: жёсткая хватка сильного клюва, упругость озёрной воды, ужас… Нет, не заснёт, надо подниматься.

В Тамаре килограммов девяносто, перебраться через Сашку она старается аккуратно. Но тот всё равно просыпается. Не открывая глаз, улыбается и пытается ухватить за бедра.

– Отстань.

Сашка открывает глаза и удивлённо смотрит.

– Ты чего?..

– Настроения нет.

Сашка пожимает плечами. Хорошо выспавшийся, он выглядит сейчас особенно молодо. Сашка похож на киноартиста Михаила Кузнецова из старых фильмов, брюнет с голубыми глазами, был когда-то такой.

– Дело хозяйское.

И отворачивается к стенке. Обиделся. Но Тамаре сейчас всё равно. Вчера было, хватит, не двадцать лет. И собираться надо. К тому же сон этот дурацкий, к чему – не поймешь. Тамара в ночной рубашке принимается ходить по дому, отыскивает Сашкину сумку с надписью «Puma», прикидывает, что взять с собой.

Сейчас ездить в гости просто, подарки можно купить на месте, были бы деньги. Тамаре обижаться не приходится, зарплаты в администрации хорошие, недавно опять прибавили. Но лучше всё-таки своими руками, уважительнее. Когда выяснилось, что дочь наконец-то забеременела, она заказала по почте шерсть, связала комбинезончик. Потом узи показало: двойня, мальчик и девочка, Тамара связала ещё один. Хорошо бы из своей шерсти. Раньше в деревне держали овец, но собаки всех передавили. Тамара помнит, как на лето овец перевозили на остров, но лайки и туда добрались. Плавали как на охоту.

Женщина откидывает крышку в подпол, спускается по ступенькам. Тело под ночнушкой, будто в воду, окунается в стоялый холодный воздух – и сон про утку тут как тут. Тамара старается быстрее взять трёхлитровую банку белых грибов, и скорей назад. Банку она

завернёт в детские комбинезоны, чтобы по дороге не разбить. Кстати будет, Наташка и зять вряд ли в прошлом году ходили за грибами. Всё мотались в Тюмень и обратно с этим искусственным оплодотворением. Хорошо хоть, результат есть, четыре года ничего у них не получалось. У зятя какие-то ленивые сперматозоиды.

– Оленину возьми. Я там разделал на куски, в морозилке лежит.

Сашка тоже встал, умывается на кухне под рукомойником. Он уже забыл про свою обиду, поглядывает на Тамару весёлыми васильковыми глазами. У Сашки ещё одна особенность. На следующий после выпивки день губы у него становятся пунцовые, будто подведены помадой. Вампир прямо.

– Прикинь, поехали на гусей, а вернулись с олешком!.. Интересно так получилось. Смотрим, прямо по курсу стадо переплывает, голов так двадцать…

Сашка никак не отойдёт от своей охотничьей удачи, принимается в очередной раз рассказывать, как с моторки он и ещё один мужик подстрелили дикого северного оленя. Он и вчера во время застолья в администрации только об этом говорил. По характеру Сашка лёгкий, общительный, многим нравится. Сам он не говорит, но Тамара догадывается, в их краях Сашка скрывается от алиментов.

– Загадку хочешь? – вдруг спрашивает он и заранее смеётся. – Скажи, чем деревенская женщина отличается от городской? Прояви сообразительность!..

Тамара отмахивается.

– Делать мне нечего.

С Сашкой хорошо, но беспокойно. Разница в возрасте всё-таки чувствуется. Сашка несколько секунд выжидательно смотрит, потом сообщает:

– У деревенских на заднице след от ведра!..

Можно было бы принять за намёк (а что, зимой приходится, удобства на улице), но Тамара знает, Сашка это от простоты, и смеётся тоже.

Интересно, почему он к ней прибился? Потому, что она в администрации работает?.. Работала.

Пока собралась, позавтракали – начало девятого. Сашка ушёл к себе в пожарку, а Тамара берёт мобильник. Можно звонить Викторовне, та уже на работе.

– Начальник отделения почтовой связи… – заученным голосом начинает трубка.

Тамара смеётся:

– Отставить!.. Как ты там? Голова бо-бо? Или похмелилась?

– Не говори! – голос у подруги становится разбитным. Чувствуется, на почте она одна, посетителей пока нет, рано. – Ты же знаешь, не умею я похмеляться, такое паскудство!.. А не помешало бы, ей-богу, не помешало!

– Значит, угодила?

– А то нет! И вино, и водка, и пиво… Давно никто так с работы не уходил, кое-кому ты нос утёрла!

– Ну, пока только в отпуск.

– Так с последующим увольнением, не бойся, все соображают. Знают, что в няньки решила податься… Нет, Том, здорово было! Я не помню, кто ещё так уходил, стол прямо ломился.

Тамара понимает, подруга хочет сказать ей приятное, но и на самом деле она не поскупилась. Всё, что можно было купить в их деревенском магазине из выпивки и продуктов, купила. Был даже коньяк, специально в город заказывала. Тамара удовлетворённо улыбается, но сейчас важно другое. И она рассказывает про странный сон.

Викторовна какое-то время молчит, потом уточняет:

– Утка какого цвета была?

– Ну, дикая, какого они цвета – серая.

– А мать?

– Я её не видела, только знаю, что рядом. Но чужую почему-то не прогоняет.

– Хорошо, я в сонник посмотрю, недавно выписала. – Однако к её проблеме подруга относится легкомысленно. То ли мечтательно, то ли с горечью говорит: – Эх, Тома, накрылся теперь наш Кисловодск медным тазом! А как хорошо там, какой парк прекрасный!.. Не пожалеешь?

Тамара соображает не сразу: почему накрылся?.. А ей больше не полагается санаторно-курортное лечение – всё, не бюджетница.

В Кисловодске действительно хорошо, лучшее место на Кавминводах. С Викторовной они в прошлые годы побывали в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске – компенсация за скудное северное лето, – но в Кисловодске лучше всего. Викторовна ещё и романы крутила.

– А чего мне жалеть? Подкоплю, съездим.

– Ага, с пенсии!.. – иронизирует подруга. – Я, например, боюсь с работы уходить. Так авторитет, зарплата, а на пенсии?.. Ты обратила внимание, как Лариска вчера смотрела на Сашку? Так и съела бы. Ты, Том, держи уши топориком, а то уведёт. Она мимо чужого пройти не может.

Тамара смеётся:

– Не уведёт! Он брезгливый, а на Лариске пробы негде ставить. Полдеревни молочные братья.

– Не зарекайся, мужиков не угадаешь. На Сашку твоего многие поглядывают. Если б не подруга, я бы… Не боись, шутю!

Во время вчерашнего застолья в администрации Тамара не заметила, чтобы Лариска (раньше секретарь, сейчас, по-новому, старший специалист) ухлёстывала за Сашкой. Под конец забралась на стол и начала танцевать, задирая юбку, это да, но и только. Можно было бы сделать замечание, но раз Конкина, начальница, молчит, то чего Тамаре соваться. И смешно – с Ларискиной-то кирзовой физиономией на что-то рассчитывать. Однако Тамаре на время становится беспокойно. К Сашке она привыкла, уступать никому не хочет.

– Я за Сашку спокойна, – говорит она уверенным, даже безразличным голосом. И переводит разговор на то, ради чего, собственно, звонит: – Слушай, Маш, мне самой неудобно, да и не успею. Поговори с Полиной Николаевной насчёт сна, пусть погадает. Она там как-то по свечке и блюдцу с водой. Говорят, всё точно. Ладно?

– Не вопрос! – щеголяет недавно появившимся в деревне словечком Викторовна. – А ты позванивай. Я знаю, что такое маленькие дети, с рук бы не спускала! Ты Серафимычу своему насчёт билета звонила?

– Какой он мой…

Теперь позвонить бы Наташке и сказать, что сегодня прилетит, но Викторовна права, сначала надо решить вопрос с билетом, мало ли что. Следующий звонок на аэроплощадку. Бывший муж солидно произносит:

– Вас слушают.

– Мне в Усть-Сабун сегодня надо.

Тамара не называет себя. Анатолий должен узнать по голосу. Как-никак вместе прожили почти двадцать лет, трёх дочерей родили.

– Ну и что?

– А ничего, место оставь.

– В порядке живой очереди. – И Анатолий кладёт трубку.

У Тамары раздуваются ноздри. Ну, козёл, всегда любил повыпендриваться! Потомок сибирских казаков, видишь ли!..

– К дочери твоей, между прочим, лечу, к внукам! – говорит она, нажав кнопку повторного вызова. – Не понимаешь, что ли?!

– Не надо скандалить, ты теперь на общих основаниях. Пришла, заняла очередь, купила билет, если останется. Бронь администрации на тебя не распространяется. – И бывший муж опять кладёт трубку.

Тамара плотно, до белизны сжимает губы. Умеет унизить! Вот скотина!.. Удивительно, как быстро всем стало известно, что она увольняется.

2

Тамара метиска, отец у неё ханты. Но об этом напоминают разве что скулы и слегка приподнятый к вискам разрез глаз. В остальном она в мать – белотелая, крупная, пропорционально сложенная. Та в пятидесятые приехала по вербовке в здешние края, работала сначала на рыбоучастке, потом устроилась ночной няней в интернат. Сама Тамара не помнит, но мать рассказывала, как в детстве отец смотрел на неё и качал головой: плохо, очень белая. Однажды на все деньги, полученные за соболиные шкурки, купил чёрного чая и велел Тамару купать каждый день в заварке, чтобы стала смуглой.

Отец вообще был занятный человек. В деревнях вдоль Реки до сих пор рассказывают историю о том, как один хант на своём облась обогнал пароход «Антонин Зырянов». Это про Тамариного отца. Капитан «Зырянова» пожалел аборигена, окликнул через жестяный рупор, предложил подвезти. «Нет, мне, однахо, быстро ната», – якобы ответил хант. Капитан только засмеялся. И очень удивился, увидев ханта в деревне, куда «Антонин Зырянов» шёл, – тот уже спал пьяный у мыр-лавки.

Оказывается, Натальин отец спрямлял себе путь, переносил лёгкий осиновый облас через перешейки, где Река делает большие петли. А петель у неспешной Реки с избытком. Отец и закончил

жизнь по-особому. Не вышел из тайги весной, в конце сезона на соболя и белку. Что с ним случилось, так никто и не узнал.

В мать Тамара не только телом, но и характером. Спокойная, рассудительная. После восьмого класса пошла работать на звероферму и заочно поступила в техникум. Замуж вышла рано. Сначала с Анатолием жили так, потом расписались, когда родилась старшая дочь. Для их деревни это обычное дело. Многие парни вообще не женились, если до них у девушки никого не было. Дескать, если она никому не нужна, то мне зачем. В начале девяностых звероферму закрыли, и Тамара осталась без работы. Здесь и пригодилось то, что по паспорту она ханты. К тому же с техникумовским образованием.

Прежде малочисленная деревенская администрация в те годы стала стремительно разрастаться. Появилось с десяток различных должностей, в том числе специалиста по работе с коренным населением. Районный бюджет позволял – не все нефтяные деньги стали уходить наверх. Как затем оказалось, временно. А года два назад деревню включили в новообразованное сельское поселение. В администрации оставили трёх человек, и она теперь называется отделом. Тамарину должность не сократили – в деревне добрая половина ханты.

С Сашкиной сумкой «Puma» Тамара идёт к аэроплощадке. То, что на дворе май и начались белые ночи, ничего ещё не значит. Ночью был ноль, и сейчас холодно, пришлось надеть куртку с капюшоном. Но это даже хорошо, не потечёт оленина в сумке. Вообще-то май самый лучший месяц. Без морозов – и комаров с мошкой ещё нет.

– Здравствуй, Тамара Ефремовна. Ты куда это собралась? – В голосе встречной Лыткиной преувеличенное удивление. Чёрные глазки сметливо бегают.

Тамара ставит тяжёлую сумку на землю, растирает ладонь со следами врезавшихся ручек.

– В Усть-Сабун надо, внуков ещё не видела.

– Выписали уже? – продолжает радостно удивляться Лыткина.

– Пора, месяц в боксе продержали. Двойня, роды тяжёлые.

Лыткина смеется:

– Ты у нас теперь богатая бабушка! У старшей дочери дети, теперь у младшей… То ни одного, то сразу двое! Хорошо, сразу отмучается, может больше не рожать. Демографическую проблему в масштабах семьи решила!..

Говорить, что при искусственном оплодотворении двойня не редкость, Тамара не хочет. Вроде как тень на зятя. Она только молча улыбается и кивает головой.

– Как твои нижневартовцы поживают? – продолжает задавать вопросы Лыткина, не хочет Тамару отпускать. – Всё нормально? Оба работают? Сейчас с работой даже в городе проблема. А попробуй детей в детский сад устрой! Племянница звонила, сто сорок седьмые на очереди, три года ждать…

Лыткина любит поговорить, но на этот раз Тамаре кажется – неспроста. Она рассказывает, что перебравшаяся из деревни в Нижневартовск семья старшей дочери устроилась неплохо. А сама думает, не метит ли Лыткина на её место. Лыткина она по мужу, а так ханты, окончила институт, кандидатура подходящая. Работает в школе, но, говорят, с первого сентября будут объединять начальные классы, первый с третьим, второй с четвертым. Две учительницы окажутся лишними. Может, Лыткина ищет запасной аэродром.

– Ладно, побегу, а то билета не достается.

– Сегодня боинг или вертолёт?

– Дак четверг, вроде боинг.

– Тогда достанется! И тошнить не будет, ветра нет.

Тамара отвечает на «здрасьте» редких встречных, дышит пахнущим холодной хвоей воздухом, смотрит по сторонам. Привычно отмечает, дворы у ханты не такие, как у русских. В русских теплицы, грядки, а хантыйские пустые, с полегшей прошлогодней травой. Многие даже не огорожены. На одном из подворий, громко стукнув дверью, появляется заросший растрёпанный парень, делает несколько неуверенных шагов. Увидев Тамару, круто, едва не свалившись, поворачивает назад, скрывается в доме. Тоже привычно. Аборигены её побаиваются, пьяными стараются на глаза не показываться. Ведь в случае чего обращаться приходится к ней.

С хантыйскими подворьями ясно, люди привыкли жить лесом и рекой. Но раньше можно было ягоду, кедровый орех, другие дикоросы и рыбу сдать заготовителям. А сейчас тем невыгодно в их глухомань ездить. Пушнину тоже продать тяжело. И по безработице хантам уже не платят. Конечно, можно жить на стойбище, разводить оленей. Нефтяники до их мест пока не добрались, экологию не испортили. Но попробуй заставь молодёжь. Она выросла в интер-

нате, тянется к нормальной жизни, а в деревне работы нет, молодёжь спивается, бичует. Так и получается, от одного ханты ушли, к другому не прибились.

Тамара даже не вздыхает. Привыкла.

В кармане куртки играет мобильник. На дисплее Викторовна. Удобная всё-таки штука, мобильник, с ним всегда на связи. Ещё недавно было странно видеть человека, который идёт по улице и сам с собой разговаривает, – крыша, что ли, поехала? Сейчас нет.

– Чего, Маш?

– Слушай, что в соннике про уток пишут. – И подруга принимается монотонно читать: – Приснившиеся вам утки в чистых водах реки предвещают счастливые путешествия, морские поездки. Если белые утки бродят по крестьянскому двору, сон сулит процветание вашему дому и большой урожай…

– Самое оно. Насчёт морских поездок и большого северного урожая.

– Подожди ты, слушай дальше! Охотиться на уток – предвестье резких перемен в осуществлении ваших планов. Если на охоте утки были подстрелены, сон предвещает вмешательство недоброжелательных людей в ваши дела… Я тебе говорила, опасайся Лариску! Ты всё на Сашкину совесть надеешься.

– Ладно, Маш, потом, – говорит Тамара и хочет отключить мобильник. И так на душе из-за сна хреново.

– Подожди, здесь хорошее есть! Ага, вот. Если видите уток летящими, судьба улыбнётся вам. Возможен счастливый брак, рождение прекрасных детей или новый дом.

Это лучше. Но Тамара не просто утку видела, та топила её. И настойчиво так, злобно. До сих пор Тамара чувствует болезненную хватку клюва на затылке.

– Больше ничего про уток нет?

– В этом соннике нет, я в других посмотрю.

– Ты с Полиной Николаевной поговори, пусть по свечке и блюдечку погадает.

– Да помню я, помню!..

Окраина деревни. За последними домами и кедровой гривкой угадывается пустое пространство взлётного поля. На бревенчатом здании хантыйского музея, где Тамара вчера принимала сделанные дедом Каминым экспонаты, замок. Не торопятся девчата на

работу. И осуждать их тяжело – обеих увольняют по сокращению штатов. Раньше предполагалось на базе музея открыть мастерскую по изготовлению поделок из бересты и бисера – всё-таки аборигенам работа.

Специально прилетали телевизионщики из города, районная газета много писала. Но что-то там не сложилось. Похоже, опять проблемы с финансированием. Это в районе, который добывает каждую пятую тонну нефти в стране. Или как там, баррель.

– В Багдаде всё спокойно! – рапортует через забор Рогожников и прикладывает ладонь к вязаной шапочке. Выражение лица у него придурковатое.

Это ещё не старый мужчина с коротким крепким телом. Он выглядывает из теплицы с запотевшими стёклами, она у него капитальная, отапливается. А чего не отапливать, Рогожников лесник, дрова и транспорт для него не проблема. Первые огурцы и помидоры в деревне у него. Сначала Тамара думала, Рогожников заигрывает. Оказывается, нет, он со всеми работниками администрации так здоровается.

– Почему в Багдаде? – спрашивает Тамара то, что давно хотела спросить. – Мы в деревне живём.

Рогожников ухмыляется.

– Неужели фильм не смотрела?.. Посмотри, советую. Название забыл, там один старик всё время такие слова говорит. Власть его уважала. До восьмидесяти лет старик дожил, башку не отрубили!..

И Рогожников щурится, то ли ласково, то ли с издёвкой. Странный человек, мутный какой-то. В деревне он не так давно, перевёлся откуда-то с большой земли. Говорят, там у него были проблемы. У такого язвы будут. Ты власть не люби, но Тамара-то здесь при чем?

Уже видно, как по взлётной площадке разъезжает машина с цистерной и поливает утрамбованную землю. Это чтобы не было пыли, полагается по инструкции. От пыли летная техника быстрее выходит из строя, Тамара знает, не зря столько лет была женой заведующего аэроплощадкой. То, что поливалка на взлётном поле, показатель: рейс состоится, боинг уже вылетел из города.

Тамара торопится в избушку из соснового бруса – здание аэропорта, где находится касса. Если бы даже не знала, что Анатолий на месте, это можно было бы понять по «Тойоте», машина стоит рядом. До аэроплощадки Анатолию ходьбы три минуты, но он ездит, а как же!.. Наверно, уже выписывает билеты. Неужели не оставил?

Народа в комнате, она же зал ожидания, всего несколько человек. Это Тамару немного успокаивает. Настоящий бум начнётся летом, когда бюджетники станут разъезжаться в отпуска. Вот когда Анатолий в деревне царь и бог. Все перед ним прогибаются, даже администрация. Но и теперь надо быть начеку. Человек поступит подло, понимает это, но вместо того, чтобы извиниться, исправиться, начинает гадить. Обычное дело.

– Выписывает? – Тамара показывает головой в сторону комнатки с открытыми дверями, где рация. Там сидит Анатолий.

Ей кивают. Среди пассажиров Тамара замечает в прошлом продавщицу рыбкооповского магазина, а ныне пенсионерку и авторитетную гадалку Полину Николаевну. Удивляется (тоже улетает?..), но мимолётно, не до того. Заходит в кассу-диспетчерскую-кабинет, достаёт из куртки паспорт и молча кладёт на стол. Так же молча садится – не стоять же перед бывшим мужем. Хорошо хоть мандавошки этой нет, его жены. Анатолий оформил её кассиром, но занимается билетами в основном сам. Та больше сидит дома с детьми.

Бывший муж, увидев Тамару, делает постное лицо. Чего, казалось бы, проще, возьми ручку и выпиши билет, а он тянется к микрофону, чем-то щёлкает в рации, вызывает борт. Говнится, показывает власть. Сейчас-то ничего, Тамара уже может спокойно его видеть, у неё Сашка, да и время прошло. А сначала было очень обидно. Прожили двадцать лет, трое дочерей – и пожалуйста, снюхался с молодой девкой, присланной в клуб методистом. Тамара достаёт портмоне, отчуждённо спрашивает:

– Сколько теперь?

Но Анатолий продолжает ломать комедию, делает вид, будто не слышит. Экипаж на подлёте, ответил бы, а он с умным видом всё не выпускает микрофон из рук.

– Сколько билет стоит, спрашиваю?

Анатолий наконец переводит на неё глаза, называет сумму.

– Ого! – вырывается у Тамары. Ей давно не приходилось летать, с прошлого ноября.

– А чего хочешь, керосин дорожает, – быстро отзывается Анатолий.

Тамара усмехается. Решил, её удивление вроде как сигнал, приглашение к нормальному разговору. Нет уж, ей этого не надо. И о Наташке и внуках ничего не скажет, если он спросит.

Но Анатолий не спрашивает. Почувствовал, видимо, её настроение. Может, и не собирался. Тамара забирает билет, паспорт, сдачу. Старается проделать это так, чтобы не было заметно досады. Не спросил, скотина!..

Самолёта ещё не слышно, и в первой комнате, служащей залом ожидания, Тамара заговаривает с Полиной Николаевной. Мелькает быстрая мысль, может, успеют ещё пойти к ней домой, погадают?.. Но тут же от этой мысли отказывается. Поздно, боинг ждать не будет. Полина Николаевна летит в город жаловаться на цех ЖКХ. Она купила тепловой счётчик, десяток инстанций оббегала, а здесь всё волынят, не хотят врезать. Ещё бы, цеху невыгодно, по счётчику платить выходит меньше. Обнаглели.

Тамара смотрит на расстроенное лицо всё ещё подводящей глаза и губы Полины Николаевны и думает, что у неё впереди такие же проблемы. Тепловой счётчик в доме не установлен, а пенсия это не зарплата работника администрации. Ещё Тамару томит и смутно удивляет сознание, что обычная с виду женщина может обладать такими способностями. Всю жизнь Полина Николаевна простояла за прилавком и не подозревала о них. Неужели и с ней возможно что-то похожее? Может, тоже есть необычные способности, просто Тамара об этом не догадывается? И как, наверно, интересно и страшно знать то, чего не знают другие.

3

Боинг отдельная песня. Так в деревне прозвали двенадцатиместный АН-2. Он прилетает раз в неделю, и билеты на него дешевле, чем на вертолёт. Компенсация за страх и неудобства.

Сидеть в боинге, когда он на земле, приходится мало того, что в тесноте, так ещё перекособочившись, подавшись телом в сторону пилотской кабины – она над передними шасси, которые намного выше заднего, хвостового. В колени крупной Тамары упираются ноги сидящего на противоположной лавке мужчины. И не раздвинешь колени, чтобы не давил, не пустишь его ногу между своими, не так поймёт. В салоне боинга полутемно. Салон – слишком шикарное название для узкого низкого пространства. Как в гробу, думает Тамара и пугается сравнения. Не нравится ей и то, как ведут себя оба летчика, слишком весёлые. Господи, долететь бы!..

Особенно ненадёжным самолёт кажется в воздухе. Ничего не стоит рассыпаться хлипкой конструкции, под которой сотни и сотни метров пустоты. Тамара представляет эту жуткую пустоту, на дне которой голые рогульки деревьев, обширные болота, сверху похожие на куски замши, сосновые и кедровые гривы с сохранившимся кое-где снегом – и кожу на Тамариной голове сводят мурашки. Сколько не сглатывай, не помогает, уши напрочь заложены. Двигатель гремит так, что не слышно собственного голоса. Когда весёлые лётчики закладывают вираж, Тамара, которая не знает, что такое морская болезнь, начинает шарить рукой в поисках пакета. Хорошо ещё, нет ветра, не болтает. Иначе точно бы все обрыгались.

В Усть-Сабуне Тамара выбирается из АН-2, словно выпила. Слава тебе, господи! Сашкину сумку она едва не волочит по земле. Клянётся, что никогда больше на боинге не полетит. С какой, спрашивается, стати сорвалась, страха натерпелась?! Подождали бы внуки, вертолёт через два дня. Тамару встречает зять Василий. Прямо у самолёта он перехватывает сумку и сочувственно интересуется:

– Все нормально, мамо?

Зять на Севере давно, но хохляцкие привычки и некоторые слова сохранил. В том числе «мамо», когда обращается. Василий чернявый, с усиками, Тамара долго не могла понять, кого он ей напоминает. Пока наконец не вспомнила – писаря на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Постриги ещё под горшок – копия! Похож не столько усами, сколько понимающим, лукаво затаённым выражением лица. Зять в самом деле человек непростой. Когда другие в геолого-разведочной экспедиции месяцами сидели без зарплаты и гадали, что будет дальше, Василий уволился, взял в банке ссуду и открыл рыбокоптильный цех. Места-то здесь рыбные. И вроде ничего, дела идут неплохо. Даже детей с Наташкой родили, хотя сейчас на это не каждые молодые решаются.

Посёлок Усть-Сабун, конечно, не Тамарина деревня, но и не город. Простоты здесь тоже хватает. Свою пропахшую рыбой «Газель» Василий подогнал почти к боингу. Он ставит сумку в машину и распахивает перед Тамарой переднюю дверцу.

– Садитесь, мамо.

– Уф! – выдыхает Тамара. – Подожди немного, дай на земле постоять. – Но тут же поворачивает к зятю озабоченное лицо. – Как у Наташки с молоком? Хватает на двоих? Или прикармливаете? Всё нормально?

Перед самым вылетом она звонила дочери, Наташкин голос ей не понравился. Вроде как что-то скрывает.

– Прикармливаем. Они хорошо детские смеси едят, в больнице привыкли.

– А с весом как?

– Почти набрали.

– Грудь берут?

– Наташа потом даёт. Тоже едят.

Тамара смотрит, как боинг, высадив в Усть-Сабуне часть пассажиров и взяв новых, разгоняется, чтобы лететь дальше. Его двойные крылья похожи на полки для посуды, одна длиннее, другая короче. Ни за что больше не полетит на нём!.. Полина Николаевна осталась внутри, ей в город. Жаль, не получилось у них погадать.

– Ну что, поехали?

Василий кивает и садится за руль. Тамаре кажется, с прошлого раза весёлого лукавства в его лице поубавилось. Озабоченное оно какое-то, словно зять о чём-то постоянно думает. Тамара успокаивает себя, с этим сном про утку ей теперь везде будут мерещиться неприятности. Выкинь из головы.

Едут минут пять, но Тамаре кажется, дольше. Наверно, потому что по пути встречаются машины, а на тротуарах видны люди. Тех и других не так много, но всё равно не деревня. У них если машины кто и покупает, то в основном для выпендрёжа, взять того же Анатолия. Ездить особо некуда, зимник работает, дай бог, месяца три в году. Зима вроде длинная, но пока его проложат, ледовые переправы наморозят, то да сё. Основная связь с большой землёй по воздуху, «Антонин Зырянов» тоже давно не ходит. А из Усть-Сабуна до города дорога круглый год, бетонка. Цивилизация.

Неподалеку от Наташкиной двухэтажки Тамара замечает ряды голых берёзок, привязанных к косо воткнутым палкам. В лунке вокруг каждой торф. На фоне песка, который в Усть-Сабуне всюду, тёмный торф бросается в глаза.

– Что, парк у вас решили сделать?

– Вроде того.

– Ещё бы, теперь вы центр сельского поселения! Все деньги у вас. Куда хотите, туда направляете!..

Говорится это с полушутливым укором, мол, средства до деревень доходить не будут. Но зять тон не поддерживает, не начинает

со смешком, с улыбками защищать поселковое начальство. Скучно роняет:

– Всё равно коровы сожрут.

– Ты радоваться должен, будет где с детьми гулять. А ты – коровы!..

Тамара поворачивает к зятю лицо. Обычно весёлый, остроумный, он за словом в карман не лезет. Сейчас молчит. Или случилось что-нибудь и от неё скрывают, или зять просто не высыпается. Всё-таки двое грудников.

– Поселение… – говорит, тормозя у подъезда деревянной двухэтажки Василий. – Ещё бы зоной назвали. Реформаторы…

И это опять странно.

Тамара не раз представляла, как возьмёт на руки двойняшек, зароется лицом в пелёнки, вдохнёт сладкий детский запах. Верно говорят, к внукам отношение особое. Когда свои дети растут, сама ещё молодая, много других интересов, да и работа, хозяйство. Срывалась на дочерей, иногда не по делу. Двойняшек Тамара ещё не видела, но уже любит. Любила даже тогда, когда они не родились. Это правда, для внуков надо созреть.

– Ну, где они, показывай! – заявляет она в прихожей, едва сняв куртку.

Наташка делает большие глаза, прикладывает палец к губам.

– Тс-с-с… Спят.

Она молодец, не опустилась, как бывает с кормящими мамочками. В аккуратном халате, причёсанная. Не поцеловала, а приложила, как в заграничных фильмах, свою щеку к Тамариной, чмокнула воздух. Молодежь, у них так теперь принято.

– Ну хоть взглянуть, – тоже переходит на шёпот Тамара.

Наташка манит её за собой, осторожно открывает дверь в комнату, оглядывается и ещё раз прижимает палец к губам.

– Тимка такой чуткий, от малейшего звука…

Дети спят в одной кроватке, но места в ней всё равно ещё много. Личики уже разгладились и не красные, нормальные, оба тихо посапывают. Шторы в комнате задёрнуты, полумрак и тишина.

– Господи, – шепчет Тамара, на глазах у неё слезы. – Господи…

Нежность и жалость рвут сердце. Только родились, а уже в боксе с кислородом лежали, капельницы ставили в эти маленькие ручки, иголками истыкали, бедные мои… Но она справляется с собой.

– Тимка? – едва слышно спрашивает, показав на завозившегося и недовольно сморщившего круглое лицо ребенка.

– Нет, Анжела… – Наташка на цыпочках тянет её к двери. – Насмотришься ещё, пошли…

Всё-таки она молодец. Двое грудников, а сумела к материному приезду накрыть стол. Через несколько минут они втроём уже на кухне, зять наливает Тамаре полную рюмку.

– А себе?.. Наташка ладно, кормит, а ты чего скромничаешь? Наливай!

Молодые переглядываются, дочь вступается за мужа:

– У него ещё дела, не надо его заставлять… Ну, мам, с приездом.

Тамара молча смотрит на Наташку, потом на зятя, выпивает. Нет, что-то не так. Василий раньше никогда не отказывался поддержать компанию. Ситуацию сглаживает подарок. Дочь на минуту отлучается из кухни, возвращается с небольшим глянцевым пакетом на золотистом шнурке.

– Мы не смогли вовремя подарить, ты не обижайся… С юбилеем, мамуля! Чтобы ты ещё пятьдесят лет прожила нам на радость.

На это раз Наташка целует по-настоящему. Целует, крутя ус и шутливо подмигивая, зять. Раскрасневшаяся Тамара смеётся. Всё-таки хорошие они у неё. Старшая дочь только позвонила, средняя вообще не поздравила, та в Ханты-Мансийске живёт, а эти... Не подарок дорог, внимание. Однако на мгновение Тамара становится девчонкой, ей хочется узнать, что в красивом пакете. Но лезть в него сразу она считает неприличным.

– Нет, ты посмотри, посмотри! – настаивает дочь. – Вдруг не понравится.

Тамара, неловко посмеиваясь, уступает. В пакете продолговатый конверт. Уже догадываясь, что это деньги, Тамара достаёт его, открывает. Какая-то несерьезная, похожая на фантик разноцветная бумажка, внизу надпись: 50 euro. О существовании евро Тамара знает, но ни разу не видела, только слышала, что они дорогие.

– Мы подумали и решили, – говорит дочь, – ты сама себе купишь, что надо. А то купим, а тебе вещь ни к чему. Правильно? Только деньги зря переводить. Или отложишь, мало ли, пригодится.

Наташка младшая, но самая толковая из дочерей. Окончила институт, удачно вышла замуж, до декрета работала экономистом у нефтяников. Если считает, что это хороший подарок, значит, так и есть.

– Обратите внимание, мамо, – поддерживает зять, – у вас пятерка с нулём и здесь пятёрка с нулем. Наше пожелание, чтобы вам дожить до пятёрки с двумя нулями!

Тамара машет на него рукой.

– Не надо, не надо! Я уже не та сейчас, а дальше так вообще!..

– Не прибедняйтесь, мы вас ещё замуж выдадим.

По-настоящему посидеть не удаётся. Во время еды Василий поглядывает на часы. Вскоре говорит, что ему пора. Едва он уходит, подают голос двойняшки. Оставив Наташку убирать со стола, Тамара спешит в комнату.

Вот когда она отводит душу. Ласково приговаривая, разворачивает пелёнки, меняет памперсы, осторожно, нежно гладит под распашонками маленькие худенькие тельца, берёт внука и внучку на руки, принимается расхаживать с ними по квартире. Врёт Василий, не набрали они ещё своего веса. Руки всё прекрасно помнят, уверенно держат двойняшек, будто и не прошло столько лет, как нянчили дочерей.

– Как у тебя хорошо получается. – Наташка стоит в дверях, с улыбкой наблюдает за ней. – Я первое время боялась. Такие маленькие…

– Ничего, мамка, вырастим. Правда, Тимофейка, правда, Анжелка?.. Кормить когда будешь?

– Я поставила подогреть.

– Смеси? Может, сначала грудь дашь? Материнское молоко полезнее.

Дочь отводит глаза.

– Что молчишь?

– Молоко пропало, – после паузы отвечает она.

– Почему? Давно?

– Уже неделя.

Дочь уходит на кухню и не появляется. Тамара с детьми на сгибах обеих рук идёт к ней.

– Почему пропало?

– Ты сядь, – говорит Наташа и трясёт бутылочки, взбалтывает подогретые смеси. Наконец решается. – Думаешь, куда Вася поехал?

– Куда – работа, наверно. А что?

– Если бы работа… В город, к прокурору. Цех у него хотят отобрать. Рейдеры. Слышала про таких?

4

С Линой Кулызиной Тамара училась в техникуме. Вообще-то она Сталина, Линой стала позже. В их техникумовской группе Кулызина была старостой. Это словно про неё сказано: комсомолка, спортсменка и просто красавица.

Ну, красавица не красавица, а то, что была в группе зоотехников самой активной, точно. Организовать для заочников культпоход, выступить на собрании, купить подарки преподавателям – это Сталина. Одно время Тамара была у неё в подчинении. Кулызина тогда заведовала коопзверопромхозом, в состав которого входила и звероферма в Тамариной деревне. Во время перестройки Кулызина прошла в депутаты, потом работала где-то в городе, и вот недавно её избрали главой сельского поселения. Так что опять она Тамарина начальница. К ней Тамара и пошла на следующий день.

Лина Степановна встретила приветливо. Заметила её в приёмной и сразу пригласила в кабинет:

– Заходи-заходи. Работников администрации я принимаю без очереди. Тем более из отдалённой деревни. – Это говорится для остальных, дожидающихся в приёмной. – Валя, чаю нам.

Как меняешься сама, почти не замечаешь, а в других перемены бросаются в глаза сразу. После того, как Тамара видела Кулызину в последний раз, та погрузнела, щёчки оплыли, кожа на шее дряблая, как ни прикрывай крупными бусами. Ну так бывшая однокурсница и старше. А вообще-то, видно, что следит за собой. Волосы осветлены, макияж, причёска.

– Слушай, мне сказали, ты увольняешься, – говорит Лина Степановна и на мгновение приостанавливается, это уже в кабинете, удивлённо смотрит на Тамару. – Правда, что ли?

– Пока в отпуск…

– Не глупи. Сейчас в госструктуры даже из бизнеса рвутся. Теперь не девяностые, всё поменялось. Лучше зонтика, чем госслужба, нет. Ты подумай, ты хорошенько подумай!..

Тамара из уважения соглашается:

– Подумаю.

Отпивая из чашек, женщины принимаются вспоминать знакомых по техникуму и коопзверопромхозу, кто где чем занимается, сколько детей и внуков. Некоторых уже нет в живых, другие вышли

на раннюю северную пенсию или уехали на большую землю. Лина Степановна знает о многих, не то, что Тамара в своей деревне. В общем, ностальгируют.

– Ты ко мне по делу?

– Даже не знаю, как сказать…

Вот оно. Тамара подбирается, отводит глаза, передвигает чашку на невысоком приставном столике, за которым они расположились.

– Говори, как есть. – Лина Степановна улыбается и тут же убирает улыбку с лица, будто её и не было.

Это умение всегда озадачивало Тамару. На совещаниях в кооопзверопромхозе Кулызина могла кому-нибудь улыбаться, потом улыбку мгновенно будто выключала, смотрела серьёзно, холодно. Словно отодвигала человека, говорила, что её улыбка ничего ещё не значит. Могла так отчихвостить, что держись. Тамара одно время пыталась копировать начальницу, но у неё получалось неважно.

– У зятя неприятности. Он предпринимательством занимается, рыбокоптильный цех, слышала, наверно… – И Тамара рассказывает то, что узнала от Наташки и Василия.

В феврале в цехе появились двое незнакомых мужчин, по виду не местные. Василий подумал, что хотят заключить договор или на поставку рыбы, или на приобретение продукции – обычное дело. Повели себя мужчины странно, сначала попросили показать цех, однако это Василия не насторожило.

Когда вернулись в кабинет, предложили продать бизнес. Василий засмеялся, продавать цех ему даже в голову не приходило, столько труда вложено, да и прибыль нормальная. Покупатели не хамили, не угрожали, посоветовали не торопиться, подумать, они позвонят.

После их визита в цех зачастили с проверками. Районная санэпидстанция, пожарные, налоговики, технадзор… Раньше Василий со всеми жил дружно, сейчас выяснилось, что в цехе множество недостатков. В конце концов санэпидстанция заставила остановить производство. Деньги на счетах закончились, банк перестал давать кредиты, магазины нашли других поставщиков. В это время Василию и позвонили. Опять предложили продать цех, но сумму на этот раз предлагали смешную. А на днях ещё хлеще. Приехали крепкие ребята, вытолкали охранника, заняли кабинет Василия, опечатали сейф и отключили компьютер. Когда прибыла сосновская милиция, старший показал решение суда об удовлетворении

материального иска поставщика рыбы. Всё как полагается, с печатью, с подписями. Василий клянётся, никто из поставщиков в суд на него не подавал.

– Да, мне уже говорили. – Лина Степановна кивает. – Спор хозяйствующих субъектов.

– Какой спор, Сталина?! Отобрать цех хотят, не мытьём, так катаньем. Там одного оборудования на четыре миллиона, зять до сих пор с банком не расплатился!..

Кулызина несколько секунд молчит.

– Ему нужно найти хорошего адвоката.

– Так он уже несколько раз ездил в город к прокурору!..

– И что?

– Говорят, ждите.

Лина Степановна громко, искренне удивляется:

– Чего вам беспокоиться, скажи на милость? Прокуратура солидный орган, разберутся! Понимаю, была бы еще нефтяная фирма, там бизнес отбирают серьёзные люди. А здесь шелупонь какая-нибудь, не те силы!..

Тамара решается:

– Ты не могла бы помочь?

– Как ты себе это представляешь? – Лина Степановна выключает улыбку, её лицо становится чужим.

– Ну, ты глава администрации, у тебя власть, милиция. И так повлиять можешь, позвони в город…

Тамара знает, как решаются вопросы в их деревне, уверена, здесь круче. У администрации сельского поселения больше возможностей.

– Ты ещё советские времена вспомни! Это тогда звонками всё решалось. Теперь не так, теперь демократия… – И снисходительно, как неразумному ребенку, Лина Степановна принимается объяснять, что существуют три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная не имеет право вмешиваться в деятельность ни законодательной, ни судебной. Не прежние времена, у каждой власти своя зона ответственности. Спор хозяйствующих субъектов, закон разберётся.

Тамара понимает, Сталина помочь не хочет или не может. Но выработанный годами инстинкт подчинённого человека заставляет опустить голову и кивать, как бы даже каясь. Действительно, как

сама не сообразила. Ей неудобно, что побеспокоила занятого человека, злоупотребила старым знакомством.

– Извини, – говорит она, поднимаясь. – Не буду отрывать тебя от дела. Вон сколько людей в приемной.

– Ну что ты. – Кулызина поднимается тоже, провожает до дверей кабинета. – Я слышала, твоя дочь двойню родила? Передавай мои поздравления.

– Передам.

«Спасибо» Тамара не говорит.

Идти домой не хочется. Там ждёт Наташка, а что ей сказать?.. За благоустройство в Усть-Сабуне и в самом деле взялись серьёзно. В будущем парке с голыми берёзками женщины в комбинезонах с надписью на спинах «Жилищно-коммунальное хозяйство» насыпают торфяные клумбы, красят невысокий, городского вида забор из литого металла. На одной из сторон центральной улицы автокран вместо деревянного тротуара укладывает бетонные плиты. Стропальщики в оранжевых куртках машут рукавицами «майна», «вира» и налегают на троса, стыкуя плиты. В устье боковой улицы остановилась и смотрит на всё это пегая корова с такой же пегой нетелью. На мордах растерянное удивление.

– Вот и хожу за ними, жду, пока опорожнятся! – со смехом говорит пожилая женщина, почти старуха, но очень живая. В руках у неё ведро и совок. – А что делать, огород удобрять надо. Здесь голимый песок, сын торфа привёз, а его одного на такую землю мало!..

Эту женщину Тамара видела. Когда вчера вечером прогуливала внуков в широкой двухместной коляске вокруг дома, та возилась на участке под окнами первого этажа. Женщина, видно, её тоже запомнила.

– Что, коров в посёлке много?

– Есть. Вот смотри, почти целое набрала. – Соседка показывает ведро со свежим навозом. – Говорят, стайки скоро сносить будут. Дескать, вид портят. А если семья к молоку привыкла, да к настоящему, а не из магазина? И зарплаты у всех разные. Здесь-то ещё рай, а у нас…

Соседка рассказывает, что сын перевёз её с большой земли. Цены там почти такие же, а пенсии намного меньше. Здесь к праздникам неработающим пенсионерам когда пятьсот рублей, когда тысячу подкинут, а в их краях и не мечтай. Одним словом,

забота. Тамара внимательно смотрит на соседку. «Заелись мы, – думает она. – Всё нам не так. А вон как другие живут, в их бы шкуру!..». И волна благодарности к тому, что родилась на Севере, что здесь добывают нефть, что жизнь лучше, подступает к сердцу. И уже не таким обидным кажется нежелание Сталины помочь. Единственное, что смутно озадачивает, это то, что на улицах никто с ней не здоровается. Ну да, не деревня, здесь от неё ничто не зависит.

В квартире ор на два голоса. Наташка мечется между детьми, лицо у неё несчастное.

– Мам, не знаю, что с ними. Сухие, накормленные, а… Ты руки после улицы помой.

Она права, но слышать замечание неприятно. Тамара молча идёт в ванную, не спеша берёт мыло. В деревне руки особенно не моют, а дети вырастают здоровые и молоко у матерей не пропадает. Однако надолго Тамары не хватает. Вытерев ладони, спешит в комнату, берёт заходящегося багрового Тимку, принимается расхаживать с ним по квартире, укачивает. Держит внука так, чтобы тот животиком был прижат к её телу. Показывает глазами дочери, делай то же с Анжелой.

– У них животы в этом возрасте болят. К тому же на смесях растут, не на материнском молоке.

Наташкины глаза наливаются слезами.

– Я что, виновата?..

Тамара не торопится её успокаивать. Пусть знает, как делать матери замечания. Наконец дети засыпают. В таком возрасте они почти всё время спят. По Наташкиному лицу видно, ей не терпится спросить, чем закончился поход в администрацию. Тамара коротко пересказывает разговор с Кулызиной. Дочь опускает голову, какое-то время сидит молча.

– Ты не говори, что ходила просить. Вася не любит.

Может, Наташка и права, что так за мужа переживает. Дети вырастут, разъедутся, а хороший муж на всё время. Да и на что жить, если Василий не будет приносить денег. Тамара смягчается:

– Пойди поспи пока.

– Я борщ варить поставила.

– Я доварю.

Дочь уходит в комнату к двойняшкам, а Тамара снимает с кастрюли крышку, выуживает из борща ломтик картошки. Дует в ложку,

пробует. Ещё сырая, пусть покипит. Она набирает номер Сашкиного мобильника, слушает гудки. Наконец Сашка отзывается.

– Ты чего не звонишь? Вчера молчал, сегодня молчишь. Спишь, пожарник?

– Скажешь тоже. Проверка у меня. Документация там, материальная часть…

– Чего это вдруг? – Тамара озадаченно поднимает брови. Проверки пожарного депо вроде не намечалось, она бы знала.

– А хрен поймет. Из города комиссия.

– И как?

– Вроде нормально.

– Ладно, – говорит Тамара. Ещё одна забота, ломай теперь голову. – Про парник не забыл? Огурцы поливаешь?

– Сегодня полью, ничего с ними не случится.

– Саш, ты это брось! Они сейчас нежные, погибнуть могут. Навоз внизу горит, температура…

– Я не могу разговаривать, потом перезвоню.

Тамара отводит от уха мобильник. Сашка глуповат, не понимает, с внеплановыми проверками просто так не приезжают. Ей стоило труда уговорить заведующую отделением назначить его начальником пожарного депо. Конкина у них ни рыба ни мясо, если на неё начнут давить, отстаивать не будет. Пожарное депо только название, всего одна машина, но должность хорошая, бюджетная зарплата, соцпакет, желающие всегда найдутся. А у Сашки нет специального образования. Ну, окончил пожарную учебку в армии. Теперь этого мало, дети начальства позаканчивали институты, их нужно трудоустраивать...

Тамара набирает номер Конкиной. Разговор начинает вроде как с шутки:

– Ань, ты на мое место никого не взяла? А то смотри, я, может, еще передумаю.

– Внуки уже надоели? – бесцветным голосом отзывается заведующая отделением. Тамара никогда не видела Конкину вышедшей из себя. Чтобы ни случилось – авария на котельной в самые морозы, убьют кого-нибудь, ханты по пьянке дом спалят, – Конкина всегда спокойна.

– Ну что ты, как эти солнышки могут надоесть!.. – Тамара на время обо всём забывает, делится своим счастьем. Но здесь же и

мысль: Конкина должна понимать её положение, сама скоро станет бабушкой, сын недавно женился. И вообще проникнуться к ней и расположиться. Как бы между прочим интересуется, что за проверка у Сашки.

– Не знаю, – отвечает Конкина. – Прилетели, попросили показать пожарку. Я отвела…

Тамара представляет лицо начальницы. На нём постоянно написано: не трогайте меня. Вот именно, не мешайте получать мою большую зарплату!.. Удивительный человек. Умудряется ни с кем не конфликтовать, но и не берёт ничего на себя. Удобна для начальства, потому и поставили заведовать отделением – никто не пишет на неё, не жалуется, не надо разбираться. Раньше Конкина директорствовала в школе, говорят, такой же была. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Ничего больше не выяснив, Тамара с досадой отключает мобильник.

В начале их совместной жизни Сашка как-то заявил: «А чего мне здесь ловить? В случае чего, ноги в руки и до свиданья. Классные отделочники везде нужны». Похоже, не шутил. В деревне он появился прошлым летом вместе с бригадой строителей. Тамару назначили курировать их работу – дом строился для хантыйской семьи, на бюджетные средства. Там она Сашку и увидела в первый раз. Молодой улыбчивый мужик с яркими голубыми глазами, он однажды спросил: «А в гости к вам, Тамара Ефремовна, прийти можно?» Тамара попробовала отшутиться: «Нашёл к кому в гости ходить. Вон сколько молодых вокруг!» – «Э, они не такие». – «Чем же это я лучше?» – «Вы серьёзная женщина. Положение у вас». – «Смотри какой!.. Да у меня зятья такие, как ты». – «Ну и что?».

Казалось бы, пошутили и забыли. Но Сашка в самом деле явился вечером с бутылкой. Его прямодушие развеселило Тамару. Не то чтобы она поставила на себе крест как на женщине, но не с таким же молодым!.. Однако в тот же вечер всё и произошло. Через несколько дней Сашка перебрался к ней из интерната, где бригаду разместили до начала учебного года. А потом Тамара его устроила пожарным, недавно – начальником депо. Прост-то Сашка прост, но понимает, наверно, как от неё зависит. Должен понимать.

«Блин! Да я же увольняюсь!» – вдруг вспоминает Тамара. И эта мысль, будто поленом, бьёт по голове.

5

Она едва дожидается, когда встанет Наташка. Но сразу о своём желании не говорит. Терпеливо смотрит, как дочь уходит в ванную, слушает звук воды из крана. На кухне Наташка появляется посвежевшая, волосы на висках слиплись от воды.

– Вася обедать придёт?

– Не знаю, мам. Может, опять в город поехал.

– Тогда садись, поедим.

Пообедав, Тамара говорит:

– Ты вроде пасьянсами увлекалась. Не забыла ещё?

– Да нет. А что?

Тамара рассказывает ей про сон с уткой. Ещё об одной вещи, на которую хочет получить ответ, она не говорит. Дочь становится оживлённой, в глазах появляется интерес:

– Я знаю лучше, чем пасьянс. Есть такая китайская Книга перемен, по ней тоже гадают.

– Китайская?.. – Тамара в сомнении поднимает плечи.

– Не бойся, это не китайские шмотки. Там шестьдесят четыре варианта, в каком-то из них ответ. Кстати, в молекуле ДНК тоже шестьдесят четыре составляющие.

– Ладно, давай.

Наташка приносит книжку, три монеты, листок бумаги, ручку. Тамара с усмешкой наблюдает за приготовлениями.

– Значит, так. Бери копейки, тряси в ладонях и бросай на стол. Если орлов выпадет больше, чертим одну сплошную линию. Если больше решек, чертим пунктир… Ты не смейся. Сосредоточь мысли на своём вопросе.

Попытка не пытка. Только с чего начинать – с утки или как повернутся дела у Сашки?.. Усмехаясь, Тамара трясёт в ладонях монеты, рассыпает их на столе. Наташка внимательно смотрит на то, что выпало, делает пометки на листке бумаги.

– Так, ищем, – наконец говорит она и принимается листать книжку. Находит выпавший вариант и поворачивает книжку к Тамаре. – Читай.

«До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она выпрямится и займёт прежнее положение. Обстоятельства ваши в данный момент можно назвать лишь умеренно благо-

приятными. Если поведение ваше будет отличаться умеренностью и сдержанность, впоследствии вы станете хозяином положения…»

И ещё несколько обтекаемых, не очень понятных фраз. Китайцы.

– Ещё раз можно?

– Подожди, сейчас я, – отвечает Наташка и принимается трясти монеты. Выпавший вариант она читает молча.

– Ну что?

– А, так себе! – Дочь легкомысленно машет рукой, и Тамара понимает, что выпало неприятное. Наташка успокаивает себя: – Вообще-то, любое гадание это так, развлечение!.. Ещё раз тебе?

На этот раз Тамаре сообщается, что она ощущает дисгармонию. Назревает конфликт. Ей надо вести себя скромно и сдержанно и если бросят перчатку, не поднимать её. Пусть всё идёт своим порядком, тогда наступят мир и покой, и Тамара лишний раз убедится в том, что жизненные проблемы не только удручают, но и учат... В общем, поджать хвост и не рыпаться. Но главное, Тамара не знает, какой ответ к чему относится. Когда она бросала на стол монеты, оба вопроса смешались в голове.

Через полчаса они кормят проснувшихся двойняшек. Дочь будет стирать детское бельё, а Тимку и Анжелу пеленают, укладывают в коляску и спускают со второго этажа во двор. Гулять с ними будет Тамара. На свежем воздухе дети сразу засыпают.

– Мам, – говорит Наташка, стягивая ворот халата под горлом, – ты обратила внимание, Анжела на хантыйку похожа? Лицо круглое, и смуглая.

– А чего удивляешься. Дед у тебя хант, гены должны сказаться… Ладно, иди, простудишься. Мастита ещё не хватало.

Соседка, которая утром собирала навоз, опять возится под окнами. Узкая полоса чёрной от торфа земли тянется метров на десять. Заметив Тамару, старуха выпрямляется.

– Убей бог, не могу без дела! – смеётся она. – Картошку дешевле купить, а я сажать надумала – всё занятие! Может, сына уговорю тепличку поставить…

И старуха рассказывает о том, что раньше у неё была забота, внуки. Сейчас выросли, в ней не нуждаются, а руки чешутся, делать что-то хочется. Сын у нее хороший, невестка тоже, говорят, отдыхай, а она не может, всю жизнь работала. Пока здоровье есть, будет понемногу топтаться.

Тамара кивает, однако в ответ ничего не говорит, боится разбудить двойняшек. В самом деле, старуха сначала жила своей жизнью, потом жизнью сына, его детей, а сейчас вроде как и не для кого. Работа – желание занять себя, чтобы не чувствовать пустоты, своей бесполезности. Неужели и её, Тамары, тяга к Тимке и Анжелке оттого, что своя жизнь закончилась? Дочери и внуки вытеснили, они теперь замена её жизни, той, что настоящая, заняли место?..

От такой мысли Тамара перестаёт качать широкую двухместную коляску и останавливается. Нет, она не согласна! Она ещё сама жить хочет!

– Ты гордая какая-то, – недовольно бросает старуха. – Слова от тебя не дождёшься!..

Тамаре не до неё. Не отвечая, толкает коляску по деревянному настилу вдоль дома, уходит. Колёса то и дело съезжают с узкой деревянной дорожки на песок, проваливаются, грузнут, но женщина не замечает этого.

От открывшейся правды всё в ней оцепенело.

Не хочу, не согласна, сама ещё жить хочу!..

Василий появляется поздно, уже после ужина. Наташка уводит его на кухню кормить, и они там вполголоса о чём-то разговаривают. Судя по всему, веселого мало. Тамара во второй комнате, где ей определили ночевать, смотрит телевизор, спать пока рано. Какое-то время спустя молодые подсаживаются к ней на диван, тоже начинают смотреть фильм. Оба молчат.

Фильм заграничный, у парня убили родителей и его же подставили. Ему приходится прятаться от полиции, одновременно собирая на убийц улики. К делу подключается ФБР, парня обложили со всех сторон, кажется, ему только и остаётся, что пойти сдаться. Но он не идёт, с разных телефонов звонит помощнику окружного прокурора, рискует, убегает, в него стреляют. В конце концов всё заканчивается хорошо. Помощник прокурора получает улики на убийц, один из них срывается с крыши небоскреба, второй гибнет под машиной, суд присяжных парня оправдывает.

– Кино… – от долгого молчания или ещё от чего-то сипло говорит Василий. – Одно не могу понять, откуда у американцев такой оптимизм? Что ни фильм, правда обязательно побеждает. Или в Штатах на самом деле так? Добиваются, доказывают своё? Государство так устроено, у них можно?..

– Ладно, Вась. – Наташка берет мужа за руку. – Проживём без цеха.

Но тот уже не может остановиться:

– Я никому ничего плохого не сделал! Хочу только своим трудом зарабатывать! Головой, руками! А на меня смотрят, как… Хоть на стенку лезь, всё схвачено. Пустой дом какой-то, кричи не кричи – никто не отзовётся! Я для них хуже бомжа. Путаюсь под ногами, жить мешаю…

– Ва-а-сь, – тянет Наташка и прижимает руку мужа к себе. – Ну, вернёшься в экспедицию, будешь там работать. Я на детей получаю, с голоду не помрём…

Зять выдергивает руку.

– Не в этом дело! Я человек или скотина, чтобы со мной так?.. Налоги платил, что полагалось, делал! Почему такое отношение? Все понимают, а делают вид… – Он вдруг поворачивает отчаянно весёлое лицо к Наташке. – Может, взять ружьё и разобраться? Как в американских фильмах?..

Тут уже вмешивается Тамара:

– Брось фигню нести! Детей без отца оставить хочешь?.. Себе жизнь поломаешь и семье?!

Василий замолкает. Хохол, старших слушается. Наташка тихо всхлипывает сбоку.

– Вот что, – говорит Тамара, – сегодня дети пусть у меня спят. Перевезём кроватку в эту комнату. И давайте ложиться, поздно.

Пусть Наташка с мужем останутся вдвоём. Выспятся, и вообще, стресс снимут. В семейной жизни это бывает нужно. А то за нервотрёпкой, наверно, забыли, как это делается. Выпить бы ещё им.

6

И опять ей снится сон про утку.

Глухая старица, густая осока у берегов, ряска на открытых местах. Тамара и её жёлтые пушистые братья и сёстры пытаются нырять, радостно трясут хвостиками, крутят по сторонам головёнками. Всё вокруг такое яркое и интересное. На этот раз Тамара видит мать-утку. Она большая, сильная, родная. Крякает, напоминает об осторожности, говорит, что жизнь полна врагов.

Тамара не думает об этом, её тянет к осоке, там мальки, она уже знает их сытный вкус. Из осоки неожиданно появляется чужая утка и бросается к Тамаре. За ней ещё одна и ещё, страшные, с раскрытыми клювами. В этих чужих утках столько беспощадной злобы, что Тамара в ужасе машет скелетиками будущих крыльев, пытается бежать по воде, прочь, прочь, скорее к маме!.. Страшные утки догоняют её, принимаются топить, но мать уже несётся навстречу, стучит чужих уток клювом по головам, бьёт крыльями. Тамара прячется за большое тело, которого нет надёжней и роднее. Всё, никуда от неё, рядом, дальше от страшных уток, от предательской осоки, от мальков. По крайней мере, пока помнит…

Спокойные ребята, думает Тамара о внуках. За всю ночь двойняшки ни разу не проснулись. Она приподнимается на локте, заглядывает в кроватку. Дрыхнут. Но приготовить есть надо, уже семь. Тамара встаёт, осторожно ступая, выходит в коридор. В комнате молодых тихо, куртка Василия на вешалке. Пусть побудут вдвоём.

Почти тот же сон, а впечатление совсем другое. Тамара сама удивляется своему спокойствию. Потому, что закончилось хорошо? «Это мне предупреждение», – думает женщина. Что-то должно защищать и оберегать, вон какая теперь жизнь. Собственно, жизнь никогда доброй не была, только каждый раз недобрая по-своему. Решение появляется само собой. «Поторопилась!». Но ещё не поздно, по-настоящему она не уволилась. Тамара включает на кухне радиоточку, приглушает звук. Музыка словно по заказу, энергичная, подталкивающая.

Надо лететь.

– Что-то у меня на душе неспокойно, – говорит она, когда Тимка и Анжела подмыты, перепелёнаты и накормлены. Тамара берёт их по очереди на руки, держит «столбиком», чтобы срыгнули лишнее. – Оставила хозяйство на квартиранта, а как там он справляется, не знаю. Навоз в парнике горит, огурцы требуют регулярного полива. Да и пахать огород скоро пора, картошку сажать…

В семье Сашка известен как квартирант, хотя о настоящей его роли все догадываются. Наташка и Василий смотрят друг на друга. Ведь договаривались, что Тамара уволится с работы и приедет надолго.

– Ладно, давайте вместе позавтракаем, – говорит Тамара, чтобы перевести разговор на постороннее. – А то всё порознь да порознь. Наташ, накрывай на стол.

Сама уносит детей в комнату, укачивает. Молодые её решению, понятно, не рады, но ведь отпуск большой, она ещё прилетит. А вот насчёт того, чтобы уйти на пенсию… Можно подыскать Наташке кого-то в помощь. Да хоть ту же соседку с первого этажа, бабка ещё энергичная, мается без дела. Тамара заплатит.

Викторовна звонит в самый неподходящий момент, внуки только-только закатили глаза. Тамара быстро выходит в коридор, негромко отвечает:

– Да, Маш?

– Хреново дело, подруга! Утром Лариска выходила из твоего дома.

Тамара несколько секунд молчит.

– Откуда знаешь?

– Люди видели! Вчера Сашка фестивалил в пожарке с комиссией, Лариску тоже пригласили. Вроде как для компании. А утром…

– Подожди, – останавливает Тамара. – Комиссия где ночевала?

– К тебе домой Сашка повёл, куда ещё?!.

– А с чего ты решила, что Лариска с Сашкой была? Может, кто из комиссии пригрел.

– Удивляюсь твоему спокойствию, Тома! У неё мужика уводят, а она!..

– Что-то ты слишком заботишься обо мне, – сухо отвечает Тамара. Может, не шутила тогда Викторовна, на самом деле имеет на Сашку виды. Насчёт женской дружбы Тамара давно не заблуждается. – Надо будет, я сама с ними разберусь. Брось сплетни распускать.

Викторовна оскорблена:

– Я? Сплетни?! Будешь ещё локти кусать, да поздно будет! – И отключается.

Завтракают молча. Ещё одна причина, чтобы не уходить с работы. Викторовна, скорее всего, паникует, но, может, Сашка в самом деле хочет прилепиться к Лариске, чтобы была поддержка и защита? Однако не он всё же главное, пятьдесят лет, не так уж ей мужик и нужен. Кто Тамара без своей должности? Пенсионерка. Пустое место. Ничто.

– В аэропорт подбросишь? – спрашивает она у зятя.

Тот, не поднимая головы, кивает.

– Прямо сегодня, мам?.. – Наташка смотрит тоскливыми глазами.

– Я ненадолго. Кое-какие вопросы решу, и обратно. Через пару дней буду.

К рейсу Тамара успевает. И с билетами проблем нет – летит вертолёт, билеты дорогие. Зато и условия хорошие, с боингом не сравнишь: просторный салон, мягкие, как в автобусе, сидения на два человека, чистые круглые, будто иллюминаторы, окошки.

– Садись ко мне, – хлопает по сидению рядом возвращающаяся из города Полина Николаевна. Заметив Тамару, она оживляется.

Тамара тоже рада видеть знакомого деревенского человека. Подсаживается к бывшей продавщице рыбкоопа, принимается расспрашивать, как дела, чего удалось добиться. За разговором женщины не замечают, как вертолёт поднимается и ложится на курс. Вверху грохочет двигатель, но слова разобрать можно. В районной администрации Полине Николаевне сказали, что ЖКХ теперь им не подчиняется, пусть обращается в суд. А это опять лететь в город. Не налетаешься, если ты пенсионер, и гостиница дорогая. К тому же неизвестно ещё, как суд решит.

– Испугаются жэкахашники судиться! – говорит Тамара, приблизив лицо к уху Полины Николаевны. – Подумайте сами, зачем им проблемы, зачем скандал?.. Испугаются, точно говорю!

Бывшая продавщица, а ныне гадалка, в сомнении пожимает плечами.

– Испугаются, испугаются! – напористо повторяет Тамара, свято веря в то, что говорит. – Суды у нас демократичные, справедливые! Там всё по закону, честно!

Своего заявления на отпуск с последующим увольнением она ещё не переписала, но уже чувствует себя уверенно, твёрдо. Если захотеть, добиться можно всего. Было бы желание.

И даже то, что под вертолетом сотни метров леденящей душу пустоты, Тамару теперь не пугает.

Александр Шнеур

Откровение паяца

Когда мне хочется поплакать –
Я силюсь!.. но глаза сухи.
Не то, чтоб чувства так туги,
Но!.. слёзы – в душу рвутся капать...
Вот так – с зарёванной душой –
Я, одураченный, дурачусь!..
И, под чужой личиной прячась,
Блещу улыбкою чужой!..

***

Когда душа твоя стареет, отлюбя,
И пошлость бьёт наружу гадким словом –
Взлелей в себе ребёнка, друг мой, снова,
И вновь полюбишь всё, что близ тебя!..
И вдругорядь очнётся вития,
Чарующийся красками природы,
И синевой манящей небосвода,
И прелестью безбрежной бытия!..
Восторженно воззрится на рассвет,
На майский вечер – тёплый и негромкий...
И ты опять пленишься незнакомкой,
Что прожила с тобою столько лет!..

Ноль

Снизойдя до чувств высоких,
Он разбрызгивает счастье.
Он легко себя ввергает
В тяжелейшее похмелье.
Он способен на заскоки

Раболепного всевластья,
Безотчётно обрекая
Бренный разум на веселье.
Наполняя Знаньем Вечным
Души маленьких себя же,
Он покоится (неведом,
Никому не ощутимый)
В непостижном, быстротечном,
Окончательном Пассаже,
Где, рождён щемящим Светом,
Он почил во тьме Режима.
В круге первом и последнем –
Круге магии порочном –
Он, на реверсе бессрочном,
И себе-то неизведан.
Он судил меня намедни.
А сейчас прощает мной же.
И, наверное, попозже
Наградит, став мной при этом…
Кем мы станем? Кем мы будем?
Может, Богом непонятным?
Может, мелкой аксиомой?
Иль никем в нигде, вне время?..
Первым словом словоблудья?
Философским даром Сомы?
Тайным символом обрядным?
Или квантом в мехсистеме?..

Осенние метаморфозы

Осень. Увядающий подсолнух
В землю оброняет семена.
Гаснет жизнь. В глазах последний сполох
Отцветает, в вечность семеня...
Обнажённым нервом стынут ивы,
Молчаливо вздрагивая в снах.
И, печальным, траурным мотивом,

Плачет ветер в гибельных лесах.
Только мне плевать на эти страсти
И, беспечно движась на Восток,
Всем прохожим говорю я: «Здрасте!», –
Грязный, пьяный, рваный Кабысдох!..

Сын

На дворе весна. Сосульки
Слёзно плачут за окном.
И посапывает в люльке
Мой любимый милый Гном.
Дремлет сын мой безмятежно
Не заботясь ни о чём!..
И, как нянька, гладит нежно
Солнце лик его лучом!..

Сюр

Крокодилы летают внутри сознания
Моего «Придуманного Друга»!
Его зовут
Онсамприходит.
Он то плавится неоновыми образами
во время покупки
иконки-брелока
в салон моей «Девятки»!..
То Он разбухает
супер-впитывающей
ванной губкой,
пропитанной идеей
Мойдодыра!..
А то, вдруг,
Он
оказывается

усыпляющей
колыбельной Гершвина;
чуть позже, –
самим Гершвиным;
и, уже через планку,
Онсамприходит
становится Мной,
как персонификацией
самого Символа Жизни.
И я бью Ненавистью
по широкому заду
этого «Нового Я»...,
и демоны изрыгаются из Меня!.. –
маленькие, красные гаргульи,
пышащие злобой
моего Единого
«Придуманного Друга».
И Он уносится прочь
всепожирающим горнилом
своей крокодильей пасти...
Уносится в Нутрь, в Суть
своего же Сознания.
Туда, где, –
касаемо сюрреалистической
литературы, –
никто,
никогда,
ни единой строчкой ничего:
не читал,
не писал,
не слышал,
не видел,
не состоял,
не существовал...

Осень

Осень. Природа в агонии бьётся и стонет,
В трауре землю усыпав отмершей листвою.
В сером унынье душа моя скорбная тонет.
Чувства взъерошились вместе с пожухлой травою.
Мысли подобны дождливости хмурого неба,
В лужах зеркальных найдя отсветившее счастье...
Мир распадается, падает в бездну... и слепо
Взор мой бездумно пустой убегает в ненастье...

Вечное творение

из юношеского

В межсезонья середине,
Заломив на бок берет,
Рисовал я Твой портрет
На заплаканной витрине.
И в июльской знойной доле
Я Тобой переживал.
И цветами вышивал
Образ Твой в зелёном поле.
Ну, а нынче... Ноют вьюги.
Я в бредовой неге сплю.
И из снежных снов леплю
Стан Твой – тонкий и упругий...
Во мгновеньях одичалых
Год пройдёт, вернувшись вспять,
И весною я опять
Сочиню Тебя сначала...

***

Я нужные фильмы смотрю лет с пяти.
И в нужные игры пустился попозже.
Да так и застыл – под дождём конфетти,

Читая Талмуд, тамариском поросший.
Читая меж строк потаённые тайны,
Простые слова заклинаний своих –
Простого читателя в зале читальной –
Счастливого дауна с Книгою Книг.

***

Смотрю на мир отдохновенно,
Не бременя себя мечтой,
И в бесконечности мгновенной
Я вижу вечность за чертой.
Я слышу гул недвижной дали,
Я зрю огни недвижных глаз...
Я вновь один, я изначален,
Чтоб снова в мир явить свой глас.
И глас срывается и льётся
Объёмным словом форм и тел,
И следом дух на части рвётся,
Ища свой маленький удел...
Я распадаюсь на осколки,
Чтоб возродить себя в себе,
Вздохнуть, отринув сон не долгий!..
И бресть смиренно по судьбе...

Язык

Мы часто наблюдаем у иных:
Иль словоблудство, иль косноязычность.
Кого несёт на выдержки из книг,
А кто в распутстве речи зрит типичность.
Елей кудрявых слов не ластит слух,
Когда межстрочность знает лишь оратор,
Но и язык низкопошибных шлюх,
Плодя порочность бьёт душевным смрадом.
Витийство на потеху – не нужно,

Но и бессвязность фраз не тешит ухо.
Быть в простоте изящество должно
И мысли ясность, и просторность духа.

Монолог книги

из Эразма Роттердамского

Что мне до мненья толпы дураков-пустобрёхов:
Тешусь, привечена мудрым иль милым блаженным.
Нет мне отрадней судьбы, недоступной упрёку:
Словом своим – златокудрым, изящным, нетленным –
Праведных слух ублажать.
Ведь, обласкана Фебом,
С тем и живу, чтоб отдать
таинства Неба,
их блеск драгоценный.

Слепец

из Борхеса

Я отлучён от вида птиц,
Не тешусь светом звёзд покорно,
Дождя неведомою формой,
Цветком на мраморе...
Зарниц
Едва ль снискать мне в тёмной мути,
Бельмом, застлавшим блеск зениц.
Одним перстам – убогим судьям –
Читать с бугрящихся буквиц...
Лишь Шахрезады сказок пенье,
Ублагостившее мой сон,
Да бард, соплетший рифм венцом
Имён столпы с столпом явленья,
Со мной останутся. Как грусть,
Не обратившаяся в память,
И как Любовь, с которой таять
Алкаю тайно и томлюсь...

Вспоминая принца...

О, разум мой источённый сомненьем,
Пустым стремленьем разобраться в бытии –
Остынь, уймись, найди отдохновенье,
Развейся в полудрёмном забытьи...
Что жизнь?! – неразрешимая проблема.
В ней вряд ли есть логическая суть...
Иль быть, иль прахом плыть... – вот где дилемма!
Но смерть страшна!.. Ах, если бы уснуть!
Ах, если б знать, что есть иная сущность.
Иной предел... мерцающий Эдем!..
Где в голосах иная сладкозвучность,
Иная нега в мерной череде...
Уйти, уйти! Уснуть! Растаять дымом,
И слиться с мерной благостностью дрём,
Где всё чисто, понятно, всё вестимо!..
Вопрос лишь в том: уснём или умрём?..

Впадая в детство

Рекомендую читать на одном дыхании...
Коль скоро мой путь замели сны мечтой голубой, я вновь, увлечённый игрой, забываю, что взрослый...
И вижу все тайны Земли, и, вдыхая покой,
Внимаю богам и рукой робко трогаю звёзды!..

***

Под оболочкой грубой тела
Душа полна метаморфоз.
В ней уживаются мороз
И жар. Но, лишь она взлетела
В те запредельные миры,
Где стынут время и пространство,
Где нет ни мелочной игры,
Нет ни злодейств, ни кафкианства –

Душа становится иной.
Или, скорей, опять собою:
В ней нет уже стремлений к бою,
И нет побед любой ценой.
Летит хрустальной, лёгкой птицей
Эфирный дух вне суеты...
И иногда любимым снится.
Как будем сниться я иль ты...

***

Искрятся снежные меха
На лапах сосен отдыхая.
В морозном небе, словно стая,
Стремятся к Югу облака...
А я, по грудь в пушистом море,
Смеюсь неведомо чему!..
И всё кричу, кричу: «Amore!»
И сладко сердцу моему...
Себя не помня и не чуя,
Я погружаюсь в небытьё...
Уж скоро ночь и я почую,
Шепнув последнее «адьё»...
Я не увижу в неге пьяной
Как звёзды жгут ночную синь,
Но Дух мой будет петь осанну,
Внимая божьему «Аминь».

Э…

Сквозное сиянье бесчисленных грёз
Уводит в познанье безликих значений...
Так миг созерцанья опошленных звёзд
Ввергает в предвечные муки сомнений...
Чем больше вбираю – тем меньше даю...
Стремясь в дебри рая, стелюсь по Вселенной...

И, в смутном раздрае, я сплю на краю
Мятежных окраин бескрайнего Плена...

Она уйдёт...
из Шекспиара

Кичливый дух богат на проявленья:
Кто удалью хвалится, кто мошной,
Кто знатностью, кто брошью, кто уменьем,
Кто рыбками, кто койкой раздвижной.
Влеченья есть у каждого в избытке,
Даётся ж предпочтенье одному.
А я бы не отрёкся и под пыткой
От той, кто люба сердцу моему.
Пред нею меркнут жалкие страстишки,
Её любовь желанней всех наград,
Мне чёрный блеск её короткой стрижки
Дороже всех монаршеских палат.
Сокровища мои в руках девичьих –
Она уйдёт, и я погибну нищий.

Я

Я живу на обломке извечной мечты по себе.
Может будущем, может быть прошлом...
Как в дырявой котомке мирской нищеты
я блужу в своём нутрище в поиске пошлом.
Я рождаюсь незримо, и трепетный миг
с безудержною силою губит беспечно
силуэт пилигрима и чувственный крик...
и уносит в унылую, полую вечность.
То, что кажется мною, но мною другим –
тем, каков я пригрезился в шуме оваций!..
Но уж с ролью иною появится мим,
чтобы, выпав из креслица, пылью распасться!..
И опять я рождаюсь, чтоб вновь умереть –

мой удел быть избранником гибельной сцены.
Сам себя дожидаясь, я тщусь рассмотреть
за одеждами странника образ нетленный.
Только знаю: бездонный, бесчисленный Я
будет стёртым изглоданной вечностью Негой,
чтобы хором пасхальным из небытия
возрождать моих подданных маленьких эго!..

Валерий Михайловский

Три тайны Самотлора

северная легенда по мотивам сказаний
и мифов народа ханты

1

– Всегда Великая река Обь здесь текла. А как иначе могло быть? Говорят старики, что гагара со дна её кочку достала и оделась с той поры берегами Великая река: правый повыше, а вот левый положе вышел. Ну, не хватило, видно, илу на два крутых берега, а может и силы у гагары кончились. Всему же конец приходит..

Старик Пален поправил узловатой клюкой догорающие головёшки в костре, расчесал седой дым над костром кривыми пальцами, пытаясь отогнать его от лица. Глаза его прослезились, сверкнули блеском костровым и тут же притушились за дымовой занавесью.

Имя старику досталось от шамана местного: раз в грозу появился на свет, так Паленом и нарёк он его, по хантыйски значит – гроза.

Сидят у огня на тёплых оленьих шкурах дети охотников, оленеводов да рыбаков стойбища. Слушают старика, каждое слово ловят. Отцы их по борам, лесам разбрелись: кто на зверя охоту ведёт, кто в далёкие старицы на облась уплыл, в надежде рыбы наловить, а кто оленей стережёт от старика мохнатого. Матери тоже своими делами заняты: кто шкуры вычиняет, кто хлеб печёт, а кто одежду подшивает. Все при деле. Кому детей поручишь, чтобы не шибко шали-

ли, чтобы научились чему-то, чтобы дыхание времени дальнего уловили? На этот случай Пален есть до седин доживший, много повидавший на своём веку.

– Много раз пришлось Гагаре нырять в воды Большой реки, – продолжает старик, – ил доставать из глубины. А как достанет, так и летит то в одну, то в другую сторону. А где летит и роняет ил – там суша образовывается. Где больше брызнет – там грива, где меньше – болота появляются, да мшаником – сукном зелёным выстилаются, а где и вовсе не попало – там озёра возникают. Синим сукном богатые реки и озёра в зелёные шелка-берега оделись. Семью сильными-сильными криками возвестила гагара о завершении преображения Земли. И сбежались звери, и прилетели птицы, и люди пришли, чтобы жить на этой Земле. Давно это было. Никто не помнит. Седые старики детям-внукам об этом рассказывают, а внуки, до седин доживши, своим внукам передают. Так давно ведётся.

Теперь в лесах звери водятся, в реках, озёрах рыбы разные плещутся, а по берегам люди стали расселяться; зверя стали промышлять по урманам, да рыбу ловить в водах синих. Тем и живут. Сам Ими-Хили[1] – сын Торума[2], живущий в золотом чуме, в полуденной стороне в светлом бору, научил людей рыбачить да охотничать. Озеро большое чудесное людям подарил. В таком месте это озеро образовалось, что и от Оби, и от реки Вах недалеко. Но вот не всем оно даётся, не всем открывается. Многие искали: одни потерялись в болотах бескрайних, в урманах тёмных. Другие измождённые поисками ни с чем вернулись, и потом уже не пытались дорогу к нему отыскать. Молчат, обычно, не сказывают, кто помешал озеро найти. Такие слухи ходили среди людей, что рыбы в озере водится много, что рыба белая, щука жирная, пятнами нераспятнана, полосами не располосана; прямо золотом-серебром небо в ней отсвечивает, прямо солнцем блестит, прямо луна отражается. Такая вот рыба там водится. Да-а-а, – старик задумался, – сам ловил, своими глазами видел.

Детишки рты пораскрывали, ловят каждое слово, слетающее с уст старика.

---

[1] Але-Ике – Большой старик, почитаемый народом ханты, который помогает людям, у него ханты спрашивают совета.

[2] Нум Торум – верховное божество, бог.

Вот он рассказывает о том, что три тайны озера человеку, пришедшему на берег его, нужно разгадать, только тогда рыба ловиться будет. А кому тайна не откроется, тот пустым и вернётся. Только ноги изобьёт, только руки натрудит, только душу разбередит. Это ещё повезёт, если вернётся. А молва меж людей дальше идёт. Шаманы сказывают, что в моховинах, недалеко от ручья с травянистыми истоками да тальниковым устьем Глаз Земли есть. Так назвали озерко, скорее на колодец похожее: маленькое премаленькое оно, размером с оленью шкуру, только круглое, что глаз олений; и таким же чёрным блеском отсвечивает в ненастье. Враспогодье же доброе – солнце отражает, а ночью – звёзды и луну. Дух тяжёлый от него идёт, прямо голову обносит, а иногда изрыгается из него пузырь, лопающийся с таким треском, будто в ладоши кто лязгнул. И в нём, говорят, не вода вовсе, а жир земли – чёрный, горючий. И дна, говорят в этом колодце вовсе нет – бездонный Земли Глаз, говорят.

Нарта с тремя оленями пропала в нём: только огнём будто плюнул Глаз Земли, только облако чёрного дыма изрыгнулось и вознеслось в небо синее. Это и есть самая главная тайна – Земли Глаз – Мув Сэм.

Дорогу ко Глазу Земли только шаман знает, а ему его отец открыл тайну, а отцу – его отец. Так и ведётся от отца к сыну. Только вот какой у них был обычай шаманский: отец сыну передаст тайну великую только тогда, когда голова сына сединой подёрнется. Говорят шаманы, что с сединой к человеку вразумление приходит, и что седина, как снег самые горячие, головы охолаживает. Вот тогда старый шаман молодому бубен излаживает из шкуры белого хора, специально для это взращиваемого, и тайну Глаза Земли открывает.

В озере вода белизну и синеву небесную впитавшая, удивляла всегда любого, кто оказывался на берегу его. Словно и не торфяные берега окружают озеро, а пески белые. И впадает в озеро со стороны восходящего солнца ручей весёлый с водою чистой и прозрачной. А в месте впадения ручья с травяными истоками в озеро, в самом устье тальниковом – источник бурлит. Прямо из-под моховины струя бьет. Вода такая чистая, как в святом роднике, что из-под горы Шаманской пробивается. А уж в нём не вода – слеза девичья, вот какой ручей втекает в это озеро, вот какие источники наполняют озеро водою. Это и есть вторая тайна.

– Об этих двух тайнах я от человека из рода Мамонта, живущего в норе, узнал, – тихо продолжает свой сказ старик Пален, – потом расскажу о нём. Вот только отыскать, только разгадать эти тайны осталось. Но когда знаешь, какое лицо ищешь, оно попадёт тебе и узнаешь. А вот ещё об одной тайне было известно только то, что большим трудом добыть её можно. «Так и сказал старик с горбом на спине, живущий в норе: сам отыщешь, ноги не жалей, а когда луна, да солнце вокруг тебя обернутся, тайна сама и откроется». Вот, что я знал. Тайнами окружённое озеро захотелось мне поглядеть своими глазами. Молод тогда был…

2

– Так вот, в то стародавнее время, – продолжал старик Пален, – я был молодым, на ногу ходким; умом быстрым и горячим обладал. Летящей белки отважной духом отважным был наделён. И был я совсем не седым, а голова моя была, как смоль черна. Захотелось мне самому Глаз Земли увидеть. Обмолвился я как-то шаману о своём таком желании. Сверкнул он глазами своими-
углями, схватил бубен, и давай вокруг меня, сидящего у костра, кружить.

– О, человек!!! – рыкнул он, а потом песню завёл, да приплясывать стал, да притопывать стал неистово.

Не песня будто, а халея хохот слышится мне, не пляска будто, а множества звериных ног топот окружил меня.

– О, человек, живущий на берегах священной реки Вах,
о люди, родившиеся на берегах Великой реки Обь –
матери всех рек земных.
Заклинаю вас –
не ходить тропами неизведанными,
не ходить тропами запретными,
не тревожьте Духов Земли,
Духов Воды не тревожьте,
не тревожьте Лесных Духов,
охраняющих великие тайны народа!!!
Никому пока не открылся Глаз Земли,
никто не смеет взор свой направить

в его чёрную бездну…
А кто дерзостью своей обуянный
найдёт его,
тот речи лишится, станет безмолвным, как рыба,
и голова его рыбьей станет…

– Холодного ветра дуновение внутрь вошло: испугался я тогда не на шутку, – голос старика присел, сиплостью прошуршал, – пропало у меня всякое желание искать Глаз Земли за горбатоспиннымибездверными лесами: не хотелось голос обронить, не хотелось в немую страшнолицую рыбу превратиться. Я к тому времени девушку чудной красоты приметил, свататься уже хотел. Как же я в таком рыбьем обличье перед нею предстану, да ещё и речи лишённый. Кому нужно такое чудище? Так я думал тогда. Решил жениться. Поехал свататься я к той девушке, но, опоздал: другой уже сосватал её, и она согласие дала. Так вот получилось…

Дед Пален долго поправлял головёшки в костре палкой крючковатой.

– Подбросьте-ка дров, – обратился он к детям, и те быстро выполнили его просьбу; и заполыхал огонь, отдавая тепло, и набирая свою световую силу в уже наступившей ночи. Озарилось лицо старика доброй улыбкой, что не бросили дрова в огонь небрежно с высоты, не высекли искр множество, что означало бы гнев самой богини-огня Най-ими; а с почтением, будто его рукой подложили дров.

Котёл пока варится, с котла пока убывается, тихо сидят. Задумчивым сделалось лицо рассказчика.

Долго сидел старик молча. Такой промежуток времени прошёл, что чайник закипел. Налил себе чаю. Пален кружку обнял узловатыми ладонями, крючковатыми пальцами, в огонь взгляд погрузил.

– Дедушка, а дальше, что было? – спросили нетерпеливо дети, прихлёбывая из кружек чай, заваренный чагой.

– Дальше? – старик будто очнулся. – В том месте, где Вах с Обью сливается, белый, как снег, с горбом на спине старик жил. Дед мой знал его: не раз обращался за советом. Говорят, старик этот о многих тайнах был осведомлён. Секреты Священного озера ему тоже ведомы были.

Род старик-горбун свой вёл от мамонтов принимающего народа. Не стало людей из их рода теперь совсем. Один он остался. Сам одинёше-

нек на мысу песчаном жил – в пещере, как зверь мамонт. Говорят, как и все люди его рода, он с этими подземными зверями дружбу водил. Вот я и пришёл к нему. Долго не решался к норе подойти, дрожу весь: в заячью шкуру переоделся, не знаю, как примет.

У самого входа в его подземелье костёр догорает. Дымом ветер вёртко заправляет, по всему песку косматой бородой метёт. Вдруг потянуло бороду в нору. Кашлянул кто-то под землёй раз, другой, земля будто дрогнула. Вышел старик согбенный, руки до земли достают. Седые волосы длинные – ниже плеч, однако. Сразу по ветру разлетелись, с дымом смешались. Слезливыми глазами посмотрел на меня седой старик и спросил: «Не внук ли ты Хойем-хо – человека-золы, который, как молва шла, родился уже седым с пепельными волосами. Не под горой ли шаманской живет твой род?».

– Да, недалеко от священной горы мы живём. Да, это мой дед седым родился, так рассказывали старшие, но в тайне держали, от чего так случилось, – говорю я старику, жившему в подземном жилище.

– Его боги так наказали за то, что отец его – твой прадед великую тайну шаманскую разгадал, – сказал старик, – нашёл Земли Глаз. Не удержался он и тронул пальцем жир земли, и превратился в человека с головой щуки и речи лишился. В таком обличье домой возвернулся, а жена его – твоя прабабушка тяжёлая была дедом твоим. Испугалась она такого обличья, хоть и узнала его даже таким. Страх её ещё не рождённому ребёнку передался. Вот и родила сына седого.

Сбились дети куропатками в кучку, прижались друг к другу. Боязно стало до жути. А страх он такое вот свойство странное имеет: когда люди вместе соберутся, да локоть друг друга ощущают, то он, как бы, на всех поровну разделяется. Оно же как: на двоих уже по полстраха приходится, на троих уже только треть, а что уж говорить, когда вот этих пичужек добрый десяток у костра в комочек единый сжался. Вот и выходит, что на каждого по чуть-чуть страху приходится. Но и этих чуть-чуть хватает, чтобы до дрожи дошло.

Старик, прозванный Паленом, вроде как, передых взял. Дров подбросил, вокруг костра обошёл, клюкой своей огарки к огню подвинул. Мальчик маленький, однако, самый младший, ногой подковырнул затухающую головёшку, в огонь швырнул.

– Ты зачем её ногой пинаешь? – строго спросил старик.

– Кого? – не понял мальчик.

– Най-Ими – богиню огня, – ответил старик наставительно, – она же тебя не пинает, и ты её не пинай. Возьми палочку и поправь угли. Так всегда делай, а ногой – не смей. Стучать палкой по огню тоже нельзя, искры высекая. Больно же ей…

Усваивают детишки дедову науку, соображают. Вспомнилось им, что и родители о том же сказывали. Старик подождал, когда дети усядутся, дальше повёл свой рассказ.

– Так вот, что мне, дошедший до седин, мужчина из рода мамонтов растолковал: кто только сыздаля да мимолётно глянет в Глаз Земли, ну случайно набрёл, ну, – не знаючи; да руки жиром земли не измазал, любознательность чрезмерную не обозначил; тот чары страшные на себе не испытает, и обличье своё на рыбье не изменит, и язык его не усохнет. Засмотреться нельзя, сказал он, а то притянет к себе Глаз Земли, захочется человеку рукой потрогать, на палец жир земли попробовать, тогда беды уже не миновать: враз онемеет, и лицо в щучью пасть обернётся.

Тихо сидят ребятишки, глаз не сводят с клюки дедовой. На её набалдашнике сцепились в единый узел руки, скрюченные временем. А клюка – крепкого дерева крепкий сук, поблёскивает местами костровым блеском, зашлифованная руками за время долгое. Пожевал-пожевал беззубыми челюстями старик, причмокнул звонко и дальше присказку повёл, как нитку из клубка потянул.

– Такое вот колдовство ждёт каждого, кто не остережётся, кто под чары Глаза Земли попадёт – продолжает старик.

– А можно ли такое колдовство снять с человека? – тихо с опаской спрашивает девчушка. Глаза таращит на старика через пелену дымную, боится глянуть в сумрак, будто там, где-то в кромешной тьме Глаз Земли на неё глядит.

– Есть такое средство, которое расколдовать может, есть! О нём-то и поведал мне старик из рода мамонтов. Но не каждый может воспользоваться им. Потом расскажу, не спешите ветер обогнать, расскажу, как проклятье Глаза Земли снять можно. Сам там был, своими глазами видел, своими ушами слышал…

3

Только-только ворона прилетела, лапки свои погреть в кучке гнилушек из люльки ребенка. Ещё не появились халеи, не огласи-

ли лес ближний своим противным хохотом, смерть призывающим. Время большого наста скоро настанет. Засобирался в дорогу Пален – мужчина молодой – волосы чёрные, отважной белки отважным духом наделённый, девушкой отвергнутый. Затёрлись в памяти слова страшные шаманские. Крепко запомнил заповеди человека с горбом на спине из рода мамонтов. От самой поры, золотым шёлком богатой земли, до самой поры малого наста всё не шла из головы его мечта: увидеть своими глазами великое чудо – Глаз Земли. Не терпится ему разгадать все три тайны Священного Озера, удалившегося от берегов Великой реки Обь и дочери её реки Вах. Смастерил облас[3] новый – белым золотом отливающие бока. Лёгкий получился, по насту тянешь за собой, собольком скользит – нет в нём тяжести никакой.

Лесного мужчины добывающей тропой он шёл. От половины утренней зари до времени полусвета вечернего первый день легко прошагал. И попадались ему слопцы на зверя из половины дерева сделанные. Давно никто их не настораживал. Удивляется Пален: крепок и силён местный охотник, почему тропу оставил? Решил насторожить путник один слопец: вдруг пригодится. С трудом пребольшим удалось ему это. Уж очень тяжёлое дерево попалось. Ещё раз подивился он силе местного охотника. Находил он стрелы, застрявшие в середине высокого дерева, потемневшие от времени, зверя поражавшие. О, думал он, ростом высок охотник был, охотничавший в этих местах; в лесу тёмном, в лесу бездверном промышлявший. Зверями избеганной звериной тропой, шёл Пален. Ноги лёгкой белкой несутся вперёд. Мышиным хвостом исчезла тропа враз. Куда идти? Сел на пень, задумался Пален. Ладно, пойду, куда глаза смотрят, куда ухо слышит, и пошёл дальше. Долго ли коротко шёл, со знаком топора хорошую дорогу нашёл. Идёт от затеси к затеси. На деревьях, путь охотнику указывающие знаки топора уже потемневшие, высоко над головой затёсанные. Понял, что вот она дорога, путь к озеру ведущая. Идёт весело, песню запел.

А в лесу этом бездверном, в лесу тёмном злые мэнки[4] водились. Вот они-то и отвадили, видимо охотника, мешая ему охотничать, а

[3] Облас – деревянная лодка-долбленка из цельного дерева.

[4] Мэнки – первые люди, неудачно созданные Нум-Торумом из лиственницы и убежавшие в лес. Тела их неуязвимы; но наблюдательный человек может обнаружить его слабое место. Часто мэнки описываются, как людоеды и оборотни.

может, и вовсе жизни лишили. Вот и услышал местный мэнк песню, вот и вышел навстречу. Росту он большого – в два человеческих будет. Руки крепкие, толщиной с ногу человеческую, ноги крепкие, толщиной с дерево. Голова маленькая, ушки сыроежками торчат, на свету просвечивают. Тонкие, крылышками бабочки на ветру трепещут. «Вот оно слабое место этого мэнка – уши хрупкими сыроежками» – подумал Пален. Не зря же грозой его прозвали: быстро, молниеносно сообразил.

– Куда же ты неизвестный мужчина путь держишь? – спросил зычным неприветливым голосом мэнк.

– На Святое Озеро иду, загадки его хочу разгадать, – с вызовом гордо ответил Пален. Знал, что слабость нельзя мэнкам показывать: враз может задушить крепкими руками и тут же проглотить. Много слышал таких историй молодой со смоляной шевелюрой мужчина из рода, что жил под Шамановой горой, Паленом прозванный. Да, что тут далеко ходить, вот же доказательство – местного охотника извели.

– Ха-ха-ха! – зарокотал Мэнк. – Никто ещё из людей, ну кроме шаманов, не разгадал эти тайны. А кто пробовал, тот домой уже не вернулся. Знаешь ли ты о том?

– Знать-то знаю, но у меня есть секрет, который поможет мне.

У мэнка лоб трещинами коры осиновой пошёл, задумчивость обозначая. Заинтересовали его такие слова. Захотелось ему узнать этот секрет. Почему раньше не знал?

– И где он, твой секрет? – спросил Мэнк.

– Пойдём, покажу, мне не жалко, – хитро подмигнув, ответил Пален.

Подходят к настороженному слопцу.

– Вот там под деревом посмотри и увидишь секрет мой.

Мэнк, хоть и большой, но глупый оказался: полез послушно в слопец. Подбил настораживающий колышек Пален, и тяжёлым бревном прижало голову мэнку, а самое главное, что уши его смялись и рассыпались, словно скорлупа яйца трясогузки, и потерял не только силу свою мэнк, но и жизнь его улетела птицей-халеем, оглушая лес страшным хохотаньем.

День идёт Пален лесом бездверным, лесом тёмным, два идёт, три. А за ним обласок – бока белым золотом отливают, легко соболиной шкуркой скользит по насту. Лыжи, подшитые камусом, тихую еле

слышную настовую песенку напевают: «ш-ш-ух, ш-у-ух, ш-ш-ух, ш-у-ух». Дальше ушей Палена песня не летит: нет у неё такой силы, чтобы другие услышали.

Кончился лес. Вышел на опушку Пален. Окинул взглядом безбрежное пространство вправо-влево распространяющееся. А прямо, так и вовсе конца-края не видно. Оробел человек, пришедший сюда из-под Шаман-горы, Паленом прозванный. Не встречалось ему ещё такие огромные белым шёлком богатые земли, так широко раскинутые, что взором не объять, мыслью не окинуть. А солнце так весело заиграло по шёлку белому, так долго висело над простором неоглядным, что глазам больно стало, даже слезу вышибло. Куда идти дальше не знает. Затеси кончились, подсказок нет. А кто ему укажет путь, кто направит в нужную сторону? «Уйду так в белизну эту, спутаю дороги, так недолго и выше спины леса уйти, а там, как известно всем, дорога только к божеству. Рано мне на ту дорогу ступать…», – подумал Пален.

День ждёт, два ждёт. Думает. Ошибиться боится. Тишина вокруг такая, что шелест снежинок слышится.

На третий день кедровка объявилась, на кудрявую шевелюру кедровую уселась, и давай трещать, да так, что ушам стало больно после такой тишины.

– Чего трещишь, горластая? – прикрикнул на неё Пален, а в душе что-то шевельнулось, вроде как теплом обдало: хоть одна животинушка рядом появилась, хоть так пусть будет, а то совсем одичал. Поговорить не с кем.

– Пр-р-р-р-ямо! Пр-р-р-р-ямо! – закричала кедровка надрываясь.

«Прямо пойду» – подумал Пален, и шагнул в белизну эту без границ. Время большого наста настало. Идёт Пален легко, скользя по самой поверхности плотного снега; за ним обласок на верёвке привязанный, а на дне обласка припасы скудные, казанок медный, сеть для ловли рыбы, пешня лёд рубить, да лук со стрелами – вот и весь скарб. Топор да нож при себе – к поясу привязаны. День идёт, другой уже скоро к закату поклонится. Седьмой день, как из дому. Попадаются сосёнки кривые, болотом изможденные, ветрами исковерканные, уже и кочки местами из-под снегу повыбивались. Берёзки стали чаще встречаться, а вот вдалеке большая берёза стоит, увешанная жертвенными подноше-

ниями. Тут и место повыше. «Озеро рядом. Священная берёза в священном месте стоит» – подумалось. Повязал Пален, приготовленный для такого случая жертвенный кусок белой материи на священную берёзу. А вот и берег на расстоянии полёта стрелы показался. Вот оно Священное Озеро!

– Сумэт Лор! – берёзовое озеро, – воскликнул Пален.

4

«Поживу на этом берегу, подожду, когда кочки оттают, когда Земли Глаз обнажится», – подумал Пален. Домик из снега соорудил, чтобы от ветра укрыться пронизывающего. Прорубь пешнёй прорубил – вода чистая, что слеза девичья. Это и есть Святое озеро, понял Пален. Чаю наварил, оленины сушёной пожевал. Рыбы свежей захотелось. Ещё семь лунок прорубил в толстом льду, любуясь колокольным звоном льда мелкого, пешнёй высекаемого.

Целый день пешнёй тюкал, колокольчики слушал – устал. Работы и на следующий день осталось. Затянул сеть под лёд бечевой для этого случая припасённой. Глубина не так большая – чуть больше роста человеческого. День стоит сеть, два, три. Ни одной рыбёшки даже самой маленькой не попалось. Не ловится рыба.

Понял Пален, что это колдовство такое: пока не раскроет он хоть одну тайну озера, не поделится оно с путником рыбой. А за эти дни тепло установилось, ветер с солнечной стороны подул, кочки вокруг обозначились, клюквой прошлогодней усыпанные. Самое время Глаз Земли искать. «Обойду вокруг озера, пока по утрам наст крепкий, может, и увижу Глаз Земли.

Облас у священной берёзы оставил. Вспомнил наказ человека в норе живущего, из рода мамонтов: кто намерился озеро покорить, пусть на шею венок из травы возложит, и только на противоположном берегу на возвышающейся берёзе повесит, чтобы все узнали, что ещё один человек к святыне прикоснулся. Насобирал Пален травы сухой, сплёл венок, на шею себе водрузил. Посолонь решил озеро обогнуть. День идёт, два, три. Утром обычно раненько в серости предрассветной ступает на наст крепкий, лыжи за собой тянет. Щучкой скользкой вслед ему следуют. По самой границе береговой идёт. Больше, чем на длину лыжи от льда не отходит. Боится, что

тайна уйдёт от него неразгаданной. В половине утренней зари, как только солнце покажется отмякает наст, слабеет. На лыжи встаёт. А к полудню ближе и лыжи не держат. Полдня потом сиднем сидит на берегу: портки сушит, чай пьёт.

День идёт, два, три. Солнце уже полукруг сделало. «Половину, прошёл, однако, – подумал Пален, и повесил на приглянувшейся берёзе венок, как можно выше. Отдохнул, вяленной олениной подкрепился, чайку пошвыркал, и дальше пошёл. Весело идёт, песни поёт.

На седьмой день к обласу своему пришёл.

Взял палочку суховатую, стал чертить, путь свой семидневный повторяя. Удивился: сердце оленя получилось.

– Самлор! – крикнул, – Сердце-озеро!

Тёплого ветерка дуновение ощутил.

Сеть проверил, а там щука огромная, жирная, белым боком небеса отсвечивает. «Вот и разгадал я первую тайну, – подумал Пален. Как иначе мог истолковать он озёрное подношение – щуку такую большущую.

5

Ещё семь дней прошло. Кочки совсем наружу повылазили, можно теперь и без лыж ходить.

Лыжи, облас оставил Пален, налегке решил ещё раз вокруг озера обойти. Ещё две тайны озера священного не открылись пока. Дни длинные потянулись, тёплые; берега тёмные обозначились, лёд на озере поднялся гладкий и сухой стал – ходи, хоть от утренней до вечерней зари. День минул, а путь такой прошёл, как за три дня раньше. Второй день завершился.

А на третий день вышел пораньше – в начале утренней зари. Некогда бока мять. Невтерпёж стало, хочется скорее разгадать секреты озера священного. Время такое было, что с тальниковыми устьями ручьи ещё не ушли, с травяными устьями ручьи ещё не ушли, лебединая песня уже оживила всё пространство над озером. Белое сукно – богатство своё стала терять земля. На шкуру линялого оленя стала походить.

И вот открылось взору Палена в месте одном пространство, зелёным ковром уходящее в глубь берега. Ноги сами повернули, несут

его всё дальше и дальше. Идёт он, куда глаза глядят, куда ухо слышит. Вдруг услышал он хлопок такой, будто кто в ладоши лязгнул. Куропаткой встрепенулось сердце, бубном ударило в уши. «Это он – Мув-Сэм – Глаз Земли», – догадался.

– Охо-хо! – тяжело вздохнул старик Пален. – Я сразу догадался, что это Глаз Земли. Повернул голову: вот же он в трёх заячьих прыжках, холодным блеском небо отражается в нём; недвижим тёмный глаз, не морщит его ветер. Ноги мои подкосились, с коленями слабыми мужчиной я стал, присел на кочку. Ветерком запах жира земли принесло. Окружило, заморочило облачком голову. Мне бы уйти сразу, но нету сил отвернуться. Вот же он за кочкой Глаз Земли.

Набрался я решимости, встал на твёрдые ноги, шаг, два, три. Семь шагов сделал, взор не отрывая от Земли Глаза. Голову так заломило, что пошатнуло даже, но устоял.

Нагнулся, и глянул в бездну. Лица своего не вижу – только небо синее, такое синее, что глаза слепнут. Взял я жир земли на палец, потёр, склизкость пахучую почувствовал. На язык нехорошее слово уже попросилось, но рот мой не произнёс ни звука. Силой неведомой будто подняло меня вверх, до верхушек низких деревьев я взлетел и упал на кочку.

Не знаю сколько лежал. Когда очнулся – звёзды на смену солнцу пришли. Вот и вторую тайну священного озера отгадал, но тёплого ветерка дуновения не ощутил – холодом обдало. Слова сказать не могу, руками ощупал голову, пальцы в кровь исцарапал – до губ хотел дотронуться, а там зубы щучьи острые.

С горя да испугу закричать бы, да голоса нет.

6

Идёт-бредёт Пален по льду, шуршащему под ногами, вдоль берега с вытаявшими кочками. Увидят его куропатки, разлетаются с криком, испугавшись его страшного вида, а по вечерам квохчут в кустах, да похохатывают. «Надо мной хохочут» – грустно думает Пален. Глянет в воду, как в зеркало. Жутко станет. Взвыл бы, да только беззвучно пасть щучья раззевается.

А утром дальше идёт. Одна тайна осталась – священный источник. Только на источник вся надежда. Горбатый старик из рода ма-

монтов так сказал: «Увидишь родник священный в устье с густыми тальниками, умойся исцеляющей водой. Но только бурлящую воду зачерпнуть нужно. Не поддайся желанию нырнуть: голова щучья тянуть будет в воду. Удержишься – снимется проклятье Глаза Земли, а нырнёшь – всё: в щуку превратишься, и не будет уже пути назад».

Время такое пришло, что с тальниковыми устьями ручьи вскрылись, с травяными устьями ручьи зажурчали. Много их в озеро воду свою чистую несут. В каком из них священный родник, заклятье снимающий? Как узнаешь? Загрустил Пален. День идёт, два, три. Уже дважды озеро обошёл, не показывается тот источник, что расколдовать может. На седьмой круг пошёл. Уже новая луна царапинкой на небе появилась. Местами лёд от берега отстал. Спешит Пален: нужно же успеть, пока лёд стоит, потом тяжельче будет ходить, травой берега затянет, тальники залиствятся курчаво, родник укроют.

Вдруг куличок, только что прилетевший со стороны солнца, сел среди тальников на берегу ручья в самом устье. «Иди-и-и-и! Иди-и-и-и!» – запищал так истово, что Пален поверил ему, и пошёл на этот писк. Клёкот такой, на журчание воды похожий, робкий-робкий до ушей долетел. Присмотрелся, а в самом устье, где ручей под лёд прячется, вода бурлит. Вода чистая-чистая, синевой небесной отливает, весёлым журчанием манит. Побежал сначала Пален прытко, но остановился вдруг. Сердце заячьим стало: затрепетало, забилось: лёд-то истончился около родника, так и провалиться можно, а там только одна дорога – в щуку превратиться. Распластался на льду, пополз осторожно. К роднику к самому придвинулся, руку в родник окунул, кромку льда тронул. Охололо сердушко: с топора лезвия толщиной лёд, а если не выдержит? Зачерпнул воду, бурлящую, и на лицо брызнул, и так три раза повторил, как велено было седым стариком, что с мамонтами родство вёл. И тут же щекой ощутил холодный и шершавый лёд.

– Я человек, открывший все три тайны святого озера Сами Лот Лор – озера, берущего начало из священного источника! – крикнул зычно Пален. Радостно стало ему, тёплого ветерка дуновение ощутил.

Вернулся Пален к священной берёзе. Оглядел берёзу, повязанную жертвенными лоскутами разной давности, издалека, повернулся в сторону восходящего солнца, да вдоль берега: берёзки белым рядом сомкнулись, руками-ветвями взявшись.

«Сумэтлор – берёзовое озеро» – выдохнул Пален.

Решил сеть проверить, а на лёд уже не зайти: промоина широкая образовалась вдоль берега. Вот и облас пригодился. В сети три щуки большие попались. Возрадовался такому улову Пален, но только одну взял, две выпустил. Время весеннее – пусть нерестятся.

Домой вернулся Пален. К человеку слова священные, слова заклинающие знающему – к шаману пришёл. О разгаданных тайнах поведал.

– Нам давно тайны священного озера были известны, – седой шаман легонько коснулся колотушкой бубна, – но берегли их, чтобы люди не прознали.

Але-Ики – седой старик ещё эту тайну шаманам открыл, но опасался, что, узнав о нём люди, могут погубить озеро. Поэтому и молчали. Но, если ты узнал и разгадал тайны Самотлора, то и другие разгадают. Да мы, шаманы давно его называем Самотлором – озером-сердцем, берущим начало из родников, в самой середине земли расположенным, белыми берёзами окружённым. Придёт время и об этом священном озере узнают все люди, живущие на Земле. Потревожат люди Духов Воды, охраняющих тайну озера. Духов Земли потревожат. Чёрные реки мне снились.

Слышу уже гул: семью сильными-сильными криками ответит земля. Много лет пройдет, прежде чем примирятся Духи земли нашей с пришельцами. Поймут всё же они, пришедшие взять богатства озера, что и для своих детей Землю беречь нужно.

Люди, пришедшие на священную Землю, Своей Землёй назовут её, почитать будут Самотлор, как самую дорогую святыню, будут славить его. С народом, проживающим на берегах Оби и Ваха, будут мирно жить. Так отец мой сказал, в Нижний Мир уходя, такая надежда и во мне живёт.

– Да, – сказал старик Пален, обводя тёплым взглядом притихших детей и родителей их, закончивших свои дневные дела и подсевших к костру, – берегите Землю нашу священную, живите со всеми людьми в мире и согласии.

Тихо и незаметно разошлись по домам слушатели, а старик ещё долго сидел у догорающего костра…

Альфея Мухаметова

***

Картина имеет душу,
Она рождается молча,
Когда выходит наружу,
Когда на разрыв эмоции.

Картина имеет тело
И голос, и крик под маской
Для тех, у кого есть вера
В слова, изречённые краской.

Картина умеет плакать.
Сквозь боль тишину обнаружить
И голос умеет прятать,
И вникнуть в скрытые души.

***

Человек рождается в муках:
Первый крик, первый плач, первый звук.
И абсурд судьбоносного круга
Не всегда разгадаешь, мой друг.
Но в извилинах перекрёстков,
В промежутках ночного стиха,
То, что было постигнуть непросто,
Открывается наверняка!

***

Это о том,
Как покрылись льдом
Кончики пальцев.

Снег, пустота, гранит,
А в душе огонёчек горит,
Растворяясь
Негой
Танца.

***

Сколько стоит мой труд?
Я отчасти в раздумье.
Мир творить, созидать!
Но картины бесшумны.
Не копаю я землю,
Кирпичи не кладу.
И мне чужды суровость и строгость.
Я беззвучные краски
В повседневном найду,
До кого-то родного дотронусь.

***

Мои пальцы в мозолях
От поиска линий,
От бескрайних просторов
И далёкой звезды,
От бессонных ночей,
От приснившихся лилий,
От истоков земной красоты.

***

Последний день лета
И шум берёз.

А ты согрета
Смолою слёз.
Купалась в солнце
Где сто ручьёв?
Ходила в гору
Где тайны вдов?
Закрылась в нору,
Унявши нрав.
А где же лето?
Букет приправ.

***

Только будь, как прежде, человеком.
Умоляю, всё-таки живи.
Жизнь не покоряется с разбега.
В ней неистощим закон любви.

Не опубликованы отгадки
Странных судеб, света и теней.
Посмотри на жизнь в другом порядке:
Не всегда что проще, то верней.

***

Отголоски эпох, письмена.
Где-то глиняный бог правит чинно.
Неподвластны ему времена,
И тиха ожившая глина.

Но у времени власти нет.
Круг гончарный вращается снова,
И рождается глина из недр –
Первозданной жизни основа.

***

К тебе – истории народов
И страны всех материков.
К тебе – ракеты, пароходы
И сонм небесных облаков.
Ты только точка во вселенной,
Вершишь всё правильно, но вмиг
Ты пылью сделаешь деревню
И лес, и горы, и родник.
Тебе подвластно всё и больше –
Придёшь ты камнем и цветком.
И на войне, где слёзы горше,
Сквозь расплачешься тайком.
Я о тебе, Земля родная,
О том, что выше всех начал:
О человеческом причале.
Живи, зелёный мой причал!

***

А как-то однажды утром
Звонок разбудил засоню.
Привет, полусонное царство!
С рожденьем тебя, спросонья!

Заколотилось сердце,
Ведь это звонок оттуда,
Где маленькое школьное Чудо,
Где суматоха будней.

– Привет, почему так поздно?
Полвека прошло, ты слышишь?
Я думала, невозможно.
Ведь ты почти не дышишь.

Бывает, что он её терпит
Капризы её смешные,
То ангелы, то черти в ней
Пляшу ещё какие!

За прошлым закрыли двери.
Он с ней не будет строже.
Он просто в неё верит.
Она в него, кстати, тоже!

***

Любому сердцу хочется тепла,
Уютного и нежного заката.
Одной, но общей с кем-то тишины,
Любимых глаз, сейчас, а не когда-то.

Любому сердцу хочется весны,
И нипочём тот возраст, время года,
Какой бы жизнь холодной ни была,
Где есть любовь, там тёплая погода.

Любому сердцу хочется любви,
Той яркой, без остатка.
Где даже в мыслях тишина
Вам кажется достатком.

***

Перебитое сердце стонало,
И опять уходило во тьму.
Накипевшие слёзы глотало,
Задыхаясь тихонько в дыму.

И из страшного тёмного мрака,
Поднимали её не спеша.

Всё решали: волчица, собака?
Ошибаетесь – это душа!

***

Душа живёт,
И о себе лишь стоном
Напомнит – иногда сквозь суету…
Но вдруг взорвётся
Колокольным звоном,
Пронизывая мрак и пустоту.

Другие души в поднебесной сфере,
Живущие в заоблачном саду,
Ответят ей
И воздадут по вере.
От нас, молящих,
Отведут беду.
И станет радостно в небесном храме,
И темноте нет места на свету,
И лишь душа,
Что поднялась над нами,
От счастья плачет, тая на лету.

***

За всё приходится платить
Деньгами, честью или кровью.
Свободой, совестью, любовью –
За всё приходится платить!

За всё приходится платить:
За зависть (цвет совсем не важен).
За подлость, трусость, слабость даже
За грязь в душе,
За сердце в саже…

За всё приходится платить!
И за любовь, и за измену,
За ложь и правду (равноценно),
За поцелуй, скандала сцену –
За всё приходится платить!

Россыми

Александр Шигаев

***

Окна распахнуты в ночь.
Ожидание звёздного ливня.
Открытые рты праздных зевак
Ждут, когда грянет полночь.
Только звёздам ещё невдомёк.
Что пора уже падать
На головы тех, кто так жаждет
Увидеть их смерть.
У каждого долг –
Плюнуть в лицо упавшей звезды...

Манекен

Я – манекен, завёрнутый в плащ.
Я – манекен с живыми глазами.
Я – манекен, различающий грань
Зла и добра, живущих меж вами.
Я вижу печаль, радость и горе.
В ваших глазах читаю, как в книге –
Одни мечтают о мраморном доме.
Другие – о том, чтобы их полюбили.
Я – манекен, мечтаю прожить

Десять минут человеческой жизни.
Чтоб ненавидеть и чтобы любить,
Чтоб ваши дела понять и осмыслить.
Чтобы узнать, что с вами случилось.
Ведь вы же когда-то в верности клялись,
Чтобы сказать вам – вы жить разучились,
В безделье святыни свои растеряли.
Вижу обман, сомненья, тревоги,
Надежды, секреты, правды и были...
Я только не понял – какие же боги
Стеной равнодушия вас оградили.

Я жив

Если утро приносит сотни проблем.
Если свет за окном и за дверью шаги.
Значит, чей-то отсчёт не дошёл до конца.
Это значит, что я ещё жив.
Ты такой же, как все, – ищешь тайный свой мир
Среди этих имён и фамильных таблиц.
Если день – ты один, реже – ночью вдвоём.
Только всё-таки что-то не так.
Всё прохладнее ночь, толще стена
Между днём, что наступит, и днём, что идёт.
На груди у земли нарисован прицел,
Не нашли лишь причин для войны.
Значит, будем с тобой ещё один день,
Сочинять эти песни, точь-в-точь, как вчера.
Как вчера, будет спор просто так, ни о чём,
Пока ночь не вступит в права.

***

Колонны идут маршем,
Колонны кричат хором,
Колонны идут по звёздам,

Да звёзды давно уже скрылись.
Держат в руках компас
С украденной кем-то стрелкой.
Идут. Идут к лету.
Приходят – на Север.
Колонны идут маршем,
Колонны несут знамя,
В семнадцатом бывшее красным,
Быть может, до 37-го.
Север, Восток и Запад
Залиты чьей-то кровью.
Идут и идут на Юг.
Приходят – на Север.
Колонны идут маршем,
Колонны идут в лето.
Кто-то украл солнце,
Кто-то закрыл небо,
Кто-то убил память,
Кто-то зарыл честность,
Кто-то сломал веру,
Кто-то сожрал верность...
И все идут и идут на Юг...

Галина Чепиль

***

Как странно всё же наше бытие.
Я не спешу уже в свою обитель.
И, вроде бы, присутствие моё
Бессмысленно – я как сторонний зритель.
Умчался поезд, опустел перрон.
А я стою, не в силах оглянуться.
На скорости промчался твой вагон,
Дай, Бог, скорей назад ему вернуться.

С тобой умчались радость и печаль,
Умчалась вдаль лучистая улыбка.
И мне до боли, бесконечно жаль
Лишь оттого, что это не ошибка.
Люблю твой умный, тихий, нежный взгляд
И смоляных волос твоих богатство.
Так хочется всё повернуть назад,
В твоих объятьях снова оказаться.
В плену любимых рук так хорошо.
Спокойно так, что я глаза закрыла,
Я верила, что ты ко мне пришёл...
И ты придёшь, я знаю это, милый.
Ну а пока – пустеющий перрон,
И ветра крик, и завыванье вьюги...
Всё дальше, дальше, дальше твой вагон.
Но я дождусь, я вынесу все муки.
И будет петь весенняя капель,
И солнца луч запрыгает по крышам,
И ты тихонько постучишься в дверь,
И я открою, я тебя услышу!

***

Я верю в очищение души
Путём страданий, горя и лишений.
Путём невзгод, обид и унижений,
Я верю в очищение души.
Я не приемлю ненависти, зла,
Мне также чужды
Зависть, месть и льстивость.
Я иногда колючею была.
Но, упаси, Господь, мне быть фальшивой.
Мы все приходим на какой-то срок,
И на Земле никто не остаётся.
Так стоит ли запасы делать впрок?
Пусть лучше песней жизнь твоя зовётся.
Мне дай, Господь, немножечко тепла,

Немного хлеба и немного соли
И сделай так, чтоб с верою жила.
Убереги детей от горькой доли.
Мне дай услышать милый детский смех,
Здоровья дай всем дальним и всем близким,
Молю Тебя, Господь, прошу за всех
С глубокой верою,
С поклоном самым низким!

Оксана Абрамовская-Величко

***

Я лист одинокий,
Что ветер осенний
Несёт в неизвестность,
Несёт в никуда.
Окончилось лето,
Пахнуло прохладой,
Уютности летней
Уж нет и следа.
И нет больше места
На Дереве Жизни,
И нет больше прелести
Солнечных дней.
Где ты, моё Солнце,
Мне холодно, милый,
Гони эти тучи
И лист свой согрей.
Как тянется Осень!
Уныло и сыро,
Тебя я не вижу
Шестнадцать недель.
Я так бы к тебе
Прикоснуться хотела,

Чтоб снова вернулся
Ушедший Апрель!

***

По серпантину, не страшась обвалов,
Ни пропасти, со скоростью обычной
Вперёд, навстречу тупиковому началу
Несусь по безысходности привычной.
Мотель Удачи в прошлом растворился,
Мираж Любви рассыпался в ненастье,
Мой Идеал в реальности разбился,
Зачахло в паутине быта Счастье.
Для расстоянья грусти нет предела,
По серпантину кольцевому колесница
Летит, глотая километры обалдело,
Слагая о богине небылицы.

***

Тянулись дни ничтожные и серые,
Сухие строчки медленно ползли.
По вечерам Ахматова с Есениным
Заботливо спасали от тоски.
Кто знает, хорошо ли, плохо ли
Искать уюта в лабиринте строк.
Так хочется, чтобы меня немного поняли.
Но даже ты меня, увы, понять не смог.

***

Каждый вздох на уставшей груди
Принесёт из изгнанья печали.
Мы о главном в предсмертье ночи

Так привычно-тревожно молчали.
Лишь отчётливей сетка морщин
Под прицелом пытливого взгляда,
Изворотливо-лживых причин
Рисовать разноцветно не надо!
И стремительно времени воск
Ускользал сквозь немое бессилье.
Внешний временно-псевдо-лоск
Умирал в неподдельном унынии.

***

Секунды отсчитывают Время,
В котором мы заблудились.
По лабиринтам печали плывём,
Затаив дыхание, в неизбежность.

***

Время пришло…
И расставило всё по местам.
Открою заслонку –
Огонь не погас.
Время пришло…
Полный назад шершавым словам,
Вопиющего глас – я говорю глазами.
Время пришло…
Этот взрыв – порядок вещей, –
Пусть разорвёт меня на тысячи звёзд,
И каждая
Будет шептать тебе то,
Что я тебе говорю глазами!
Время пришло…
Я открываю рот,
Чтоб разорвал тебя звук,
Царапал, лапал и ласкал

Звук тех чувств, о которых
Я говорю тебе глазами.

***

Это – вечной зимы после
Подснежника нежность,
Это – классики строгой после
Лёгкая небрежность.
Это – белого сразу после
Чёрного пропасть,
Это – тяжести чувств после
Нового чувства лёгкость.
Это – верности мнимой после
Иллюзии верность,
Это – всех восхищений после
Реальности бренность.

***

Грешно, как Бога в суе помянуть,
Грешно разлуку видеть, как спасенье!
И будет стыдно, как с утра похмелье!
И будет тошно от того, что не вернуть!
Любовь свою закрою на замок,
А ключ, что отвечает за разлуку,
Отдам в надёжную, мужскую руку,
Чтобы подальше в омут бросить смог.
Не призывай разлуку, как спасенье!
Ты сам всего хотел и Бога не гневи.
Любовь – как путь святого Воскрешенья
Из мнимой жизни, жизни без любви.
Не призывай
разлуку
как
спасенье!

А попросту со мною говори,
Минуты откровения дари,
Но призови в союзники терпенье!

***

Себе позволила о страшной плате
Под нос промямлить –
Минутное… Глупчиха!..
Как-то странно…
Зачем так подвергалась я гипнозу?
Или обдуманно в иллюзию впадала,
Не находя отчаянью предела.
Да сколько можно наступать
Всё в ту же кучу?!
И созерцать ухмылку святотатца,
Прикрытую личиной благодати?!

***

О, если б только губы оставляли след –
Я б оплела неистовым узором,
Где промежутка никакого нет!

***

Вбей осиновый кол, не дождавшись конца,
И святою водой окропи,
Молитву прочти «Во имя Отца…»,
В изголовье крест прикрепи.
Попроси у старухи травы-отворот,
И Тайное слово узнай.
Обещаю тебе, ЭТО скоро пройдёт.
А мне… мою мудрость отдай.

Антуан Мичурин

Голоса эпохи

Всё громче звучит дивный голос эпохи
И ярче мерцают дальние звёзды,
Рассыпались в бездне планетные крохи,
Шумят повсеместно безумные грозы!

Я слышу Высоцкого нервные ноты,
Раскатистый голос Есенина вширь;
Мне снятся заветные Пушкина строфы,
Бальмонта зовущие в небо шаги.

Я чувствую пульс стародавней эпохи,
Ступени и ритмы земных катастроф,
В мой Бронзовый век все поэты, как блохи,
Плывут на плотах из мелодий и слов…

Но есть и другие беда-голосишки,
Которым напел дифирамбы эфир…
Искро́й промелькнули
девчонки-мальчишки,
Собой сотворив одиозный кумир.
Одни прославляют великого гуру,
Иные злословят, сбежав за рубеж.
Нет сил изменить цирковую натуру,
Продав свою душу за деньги в манеж.

Всё громче звучат голоса злой эпохи,
Всё громче звенит колокольчик времён!
Никто не задушит свободные вздохи
Моей партитуры во Имя Имён!

Зашифрованная быль

Жизнь по периметру нощно и денно
Давит в затылок и в грудь.
Небо квадратами смотрит надменно,
Глаз не давая сомкнуть.

Плен

Я в плену своих убеждений…
Почему?
Как избавиться от сомнений,
Не пойму…

Жить без радости, без мечтаний
Не могу.
На чердак безумных желаний
Убегу.

В суету пространственных линий
Не пойду.
Я покой в плену горных лилий
Обрету…

Пасторальная песня № 22

На пшеничных полях
У жемчужной воды
Я встречаю рассвет
Одинокой звезды.

Вольный ветер поёт,
Укрепляя мой дух.
Вдаль уводит стада
Одинокий пастух.

Сквозь долину теней
Я без страха иду.
Буду радостно петь
У врагов на виду.

На родимой земле
Расцветают сады.
Вновь увижу рассвет
Лучезарной звезды.

На пшеничных полях
У жемчужной воды
Вновь я вижу рассвет
Лучезарной звезды.

Иногда

Иногда мне чудится, что я не я,
что это мудрость вековая
живёт и буйствует во мне…
Иногда мне грезится,
что жизнь – петля,
что в ней сбывается простая
Печаль тоски в ночном окне.
Иногда я чувствую, что ты не ты,
что это нож вонзился в душу,
убив Исконию мою…
Иногда я думаю:
слова пусты,
что им не выплеснуть наружу
глубоких помыслов струю.

Иногда случается, что мы не мы,
что это рабская личина
мычит в безмолвии снегов…
Иногда печалится
остаток тьмы,

что в нём схоронена причина
безумных и кровавых снов.

Вселенная, или Вершина Эго

В моих стихах поэзия мира!
Моими стихами поют соловьи!
Объяв необъятное, робкая лира
В грядущем продолжит творенья мои…

В моих глазах течение тризны,
Рабы и монархи считают гроши,
От ада до рая плещутся жизни,
Земля с небесами в движенье пришли.

В моей душе покой и разруха
Сплелись, как один Ариаднин клубок.
Сгорая от горя нищего духом,
Мне мало вселенной, мне тесен венок.

Вершина – венец великой вселенной!
Эльбрус, Джомолунгма, Монблан, Арарат –
Заложники песни вечной и бренной,
В ней Эго вершина, а я ее брат.

Не

Не увижу росы
на листве спозаранку,
Не услышу молвы
болтунов и зевак,
Не истрачу души
на ржаную буханку,
Не заплачу навзрыд,
как последний дурак.

Не умчаться в мороз
по заснеженной дали,
Не вдыхать запах роз
в цветочном ряду,
Не мечтать в сенокос
о потерянном рае,
Не ласкать русых кос
на весеннем лугу.

НЕ всегда не дано,
НЕ почти не известно.
НЕ судьбой решено
Обрести своё место.

Башня

(ямбохореическая ода)

Мы строим дружно Башню,
Башню из песка.
Для нас работать важно,
Наша цель близка.
Народ кричит: «Победа!
Победа до конца!
Не надо зрелищ, хлеба,
Мы требуем венца!

Слава нефти, газу,
Золоту, зерну!
Мы подключим фазу
К вечному огню!»

Мы дружно строим Город,
Город из песка,
Нас не пугает голод,
Нам не страшна тоска.
Толпа кричит: «Напьёмся!
Даёшь большой потоп!

Мы с Небом разберёмся,
Мы строим небоскрёб.

Слава нефти, газу,
Золоту, зерну!
Мы подключим фазу
К вечному огню!»

Мы строили Планету,
Планету из песка.
Мы делали ракету,
Стояли у станка.
Мы говорили много,
Смеялись напоказ,
Мы превратили Бога
В святой иконостас.

Но обернулось Счастье,
Счастье из песка
В грозное ненастье,
Смывшее века…

Легенда Человек

Мои соперники лежат давно в гробах:
Атропос режет нить судьбы вслепую.
Наследники богов растаскивают прах,
Нектара кубок вознеся, пируют.

Но прах в безмолвии лежит в земле сырой,
И лик его вовеки безмятежен,
Он не блеснёт уже талантливой строкой
И гениальной выставкой в Манеже.

Легенда спит? Мертва? Иль, превратясь в эфир,
Слилась с великим разумом Вселенной?

Ответа нет. Но, сотворив собой кумир,
Легенда стала вечной и смиренной…

Рабыне суеты

Прощай, рабыня суеты!
Не оправдались ожиданья
И бесконечные страданья
Моей измученной души.

Не верю я твоей хвале
Из чаши праздничной отравы,
Ты жаждешь греться в свете славы
С печатью крови на челе.

Рабыня, знай, что я не раб,
Но господин великой силы,
Что правит миром до могилы
И любит всех, кто нищ и слаб.

Ты суеты сует раба́,
Тебе неведомо познанье,
Ты ищешь легкого признанья,
Ты суть надменная ТОЛПА.

Прощай, рабыня! Твой удел
Смеяться над чужой бедою
И плакать нищею слезою
Над вышним счастьем ратных дел.

Время поэтов

Поэты умирают вовремя,
Срывая маски
На прощание.
Поэты умирают добрыми,

Огню доверив
Завещание.

Поэты умирают верными,
Мечтой вселенской
Искушённые.
Поэты умирают первыми,
Навеки властью
Осуждённые.

Поэтам строят усыпальницы,
Где чахнут толпы
Перехожие.
Поэтам чуждо мирозданьице,
Где есть помост
И есть подножие.

Поэтов измеряют нервами,
Гвоздями вечного
Проклятия.
Поэтов провожают с вербами
На крест позорного
Распятия.
Поэтов измеряют вечностью,
Бессмертным криком
Мимолётности.
Поэтов облекают млечностью
Пути без края
И без пропасти.

Я знаю

Я знаю, как
Закончится мой бег
По мукам.
Я знаю, где
Сгниёт мой тощий труп.

Часовщика
Души я узнаю по стуку.
В моей избе
Он сбросил с плеч тулуп.

Умру во сне,
Как дед почил однажды
Тихо,
Иль как отец
Зайду в обитель комы раз…
Поэты те,
Кто правду сочиняют
Лихо.
У них один венец –
Его хранит Парнас.

Наталья Жидкова

Золотой олень

В этот морозный день,
Когда тебя нет со мной,
Когда золотой олень
Уносит меня зимой.
О, этот златой олень,
Король, заколдованный принц,
А, может быть чья-то тень
Мне в дар от знакомых лиц.
Откликнись на мой вопрос,
Зачем ты уносишь меня,
В этот белый мороз,
В те голубые поля.

Татьяна Алёшина

Одиночество

Одиночество – театр.
Драма в актах,
Драма в лицах.
Первый акт –
Мечты о счастье,
Круговерть весны –
И птицей
Песня юности взлетает…
Акт второй –
Разлуки горечь,
Боль любви неразделённой,
Шёпот сплетен,
Ложь – признанье…
И в беспомощности сонной
«Happy and», как наказанье.
В третьем акте:
Всё пристойно –
Борщ, котлеты,
Две подушки
На постели ночью душной.
Пульс спокойный.
Песни – в клетке.
И в толпе
Безумной, серой
Одиночество сокрыто…

Ник Гардт

***

Будь проклят этот день,
Когда я в забытьи,
Оставив все земные сны,
Ворвался в мир, построенный не мной.
И на руках любви своей
Сгорал, как щепка, брошенная в печь.
И, обречённый на войну,
Как трус последний, отступал.
Пусть замок я, покрытый тьмой,
Но слёзы льются с древних стен,
И стоны в комнатах пустых,
И тени в ночь ушедших дней.
О, были годы, и балы
Гремели страстно при свечах…
И ядом жгучим на губах
Лежала зыбь пленённых дам…
Но был шутом я, как всегда,
Слагая песни на лады.
А ужас той любви своей
Скрывал за маской от царей.
Да столько раз хотел понять,
Кем ты была мне в эти дни:
Сомненьем в жизни, сладким сном,
Полётом птиц, а может льдом?
Наверно, солнцем ты была,
И я, взглянув в твои глаза,
Ослеп. И голос задрожал,
Когда к себе тебя прижал.
…Будь проклят этот день,
Когда я в забытьи,
Оставив все земные сны,
Сорвался и погиб в плену жестоких чар…

***

Ты – призрак былой любви
И холод в мятежных снах.
Ты – камень судьбы на пути
И сердца печальный страх.
А годы сжимаются в дни.
Лишь строчки ложатся в стих.
Всё в жизни не так, ты пойми.
И голос уж как-то стих.
Пусть раны ноют в груди,
И в небо врывается крик –
Ведь я так любил, ты пойми.
Сейчас просто к боли привык.
Луна. Тёплые звёзды. Ночь.
Любовь. Старые мысли. Пыль…
Печаль – вот мой новый стиль.
Душа обратилась в сталь…

Лилия Лебедева

***

Мне было слишком одиноко,
А день всё плыл и ускользал.
Ты рядом был, но был далёким,
Хоть боль мою и разделял.

Смотрел в глаза, как гений строгий,
Смотрел, как старый добрый друг.
Ты рядом был, но был далёким
И, вдруг, растаял, словно звук…

***

Эпохи нежное дыханье
Меня влачит к истокам дней,
Соединяя мирозданье
С душой проснувшейся моей.

***

Нетронутое…
Чистотой своею
Возрадует и обогреет, и простит.

***

Синий сон в тумане неба,
Освещённый яркою луной…
Ну и что? Я плачу…

***

Белый стих заговорил печалью.
Как всё знакомо,
И лист упал в ладонь мою.

***

Капельки, живущие в лепестках рассвета,
Сотканы из бисера солнечного света,
Из коры берёзовой, ласково смотрящей
В небеса, что сотканы из воды журчащей,
Из зерна пшеничного, в тишине расцветшем,
Из листа клубничного, аромат разнесшем,

Из любви негаснущей, песнями воспетой,
Из души доверчивой, теплотой согретой.

***

Жду утешения в словах,
Жду одобрения во взгляде,
Но их сокрыл полночный страх,
Оставив грусть в моей тетради.

Александр Ефременко

Леди Боль

И снова ломаешь меня, моя леди.
Моя бесконечная, нежная боль.
Ударами плети, слухами, сплетнями
Жадно вкушая нашу любовь.

Танцы раздора и песни сомнения,
Ноты тревог и холст пустоты,
Полная чаша лжи, лицемерия…
Здравствуй, любовь, любовь это – Ты?

Всё бесконечно кроме терпения,
Вечна любовь, но короткая жизнь.
Плачет она слезами безверия,
С подбитым крылом устремляется ввысь.

Здравствуй прекрасная, милая леди,
Воспетая тысячи раз Ты в стихах,
Запутана верой, надеждой и сетями,
Желал Тебя каждый на риск свой и страх.

Есть ли надежда в твоей благосклонности?
Ветер попутный в парус мечты?
Ты вне преград, Ты воля всех вольностей,
Ты не любовь, Любовь – это Ты!

***

Туман развеет летний дождь,
Проснётся лес от пенья птиц.
Волшебный сон – ты мой каприз,
Души беспечность потревожь.
Растает ранняя роса,
Восторжествует утра свет,
От восхищения рассвет
Подарит щедро чудеса.
Дары природы – жест любви,
Как шелест листьев и цветов.
Меня с собою забери
В мир сказок, детства, сладких снов…
Туман развеет летний дождь,
Проснётся лес от пенья птиц.
Меня к себе ты заберёшь,
Мой детства сон – волшебный принц!

***

Дух скрипача сошёл с небес,
Увидел мир – страну чудес,
Склонил к плечу свой инструмент –
И застонала скрипка.
Впивая когти между струн,
Звучит «слияние двух лун»,
Смычок и тело всё в крови –
Вот праздник для души.
Гуляй и пой, честной народ,
Ты ждал – и вот пришёл черёд –

Звук плоти вас к себе зовёт,
Он песню о любви поёт.
Но вот запятнана тетрадь,
И света больше не видать,
Лишь слышен всюду стон и крик –
Счастливый миг!
Горят в огне отцы святых,
И голос сердца вдруг затих.
У стен церквей растёт гора –
Кто там?..

Инесса Матвеева

***

«Вот это сосулька!» –
невольно с губ. –
Наверное, весом потянет на пуд…
С такими размерами – хоть до лета!
Взбрело же сосулькой назвать вот это!
Ишь, дылда какая, повисла тут.
Такую в природе «айсберг» зовут!»
И дальше, вздыхая, пройдёт человек…
А «айсберг» под крышей заплачет на снег…

Ночной полёт

Замирает мгновение нежно-тревожно,
Выливается в сердце горячий сироп.
Здесь земное забыто – оно невозможно,
Здесь нельзя делать пауз и дать задний ход…
Под минутой одной пролегли расстояния
Бесконечно-затерянных дивных широт.
Здесь нельзя подчиняться причудам отчаянья,

Наслаждаясь истомою сладких свобод.
Взгляд уносится вдаль, в океан бесконечности,
Свет огней отражает ночной небосвод.
Ощущение лёгкости, взломанной вечности…
Гул моторов и странное чувство… Полёт…

***

Что-то хмурится сегодня небо.
Все заботы и дела нелепы.
Знаю, что они нужны, наверно…
Только главное теряю
Глупо… Где-то…

***

Солнечные зайчики – на фасад…
Возле телевизора – зимний сад.
Кот сопит калачиком, шум воды…
Лишь в душе по-прежнему свет звезды.

***

Огоньки проносятся куда-то,
Мимо пробегают, подмигнув.
Вновь дорога, лес, овраг, болота…
В сумерках… намёками… чуть-чуть…

***

Уплывает мир. Исчезает в сумерках.
Разлетятся бабочками грёзы…
Зажигают свет. Все обиды умерли.
Только отчего-то льются слёзы.

***

Просто, когда умирают слова,
Те, что дарила полночная мгла,
В пропасть летит что-то важное очень –
То, что осталось от звёзд и от ночи…

***

Я открыто в мир смотрю и наивно верю,
Что рассветную зарю пропускают двери.
Что на свете просто всё и понятно –
За провинность – голова на расплату…
И не просто в стену лбом – а на прочность.
Светлый взгляд невинных глаз… Непорочность…
На губах солёный вкус – это слёзы.
Разбиваются мечты. Гаснут звёзды…

***

Взвалил на богатырское плечо улов – добычу.
Сверкнул улыбкой из-под бороды, мигнул
при встрече.
Весёлый огонёк лукавых глаз, лучи – морщинки…
И тают от приветливости фраз на душах льдинки…

Вячеслав Радковец

***

В театр бренных вселенных,
Из далёких духовных сфер,
Прибывают наивные Души,
Облачаясь в костюмы из тел.

Бесконечно – Величайшая Драма,
Действие – «Материальный Мир»,
Имеет место быть в вечности,
У каждой души – свой Шекспир…
Блуждая в пространстве и времени,
У всех Душ одна беда,
Ошибаемся в собственном выборе,
Путешествуем в никуда..
В азарте сменяя роли,
Умираем в своём отражении,
Страдаем в перевёрнутом мире,
В забвении о вечном творении..

Время

Время в пространстве –
Незримая нить.
Люди стремятся –
Им управлять, себе подчинить…
Не оседлаешь, не остановишь,
У всех – обусловленный век.
Мы – в зоне контроля – высшая воля,
Божественный план, извечный аспект.

Механизм –
Старт – Пуск – Жизнь,
Старость – Смерть,
Точка отсчёта и есть – круговерть!
Жизни дни,
Сочтены,
Вечный круг–
Не разорвать его, не развернуть!
Вся вселенная – внутри,
Этой Временной петли!
Жизнь – циклична, цель – конечна,
Время – вечно, быстротечно!

Тщетно пробуем творить –
Мир законов подчинить.
Забывая – Разум бренный,
Часть конструкции вселенной!
Жизнь – как сон,
Армагеддон,
Ты – внутри,
Самой тёмной вселенной, как взаперти!
Не паникуй, осмотри всё вокруг,
В сердце твоём есть спасательный круг!
Эта реальность – красивый обман!
Тебя разбудить – есть Божественный план!

Ирина Бочарова

***

Какие бы ни делал повороты
Прямой дороги путь необходим,
И скорости, уменьшив обороты,
Мы вдаль с тобою вместе полетим.

Туда, где горизонты и закаты
Нашёптывают нежности волне,
Туда, где может были мы когда-то,
Где радость бьёт фонтанами вдвойне.

И сколько бы по жизни ни мотало
Есть остров, есть причал и есть маяк
И всё весомое когда-то станет малым,
А малое вдруг станет не пустяк.

И все мечты, что мы с тобой срывали
Нас унесут в заоблачную даль,

Туда, где мы, возможно, и бывали,
Туда, где и остаться нам не жаль.

***

Звучат неозвученным текстом,
Слагаясь всё в ритменный строй,
Судьба их пока что безвестна,
Но каждая строчка – герой.

Они словно все на параде
Начищены гордо стоят,
И разные буквы в каскаде
О чём-то своём говорят.

Их надо услышать, запомнить,
Им надо родиться тотчас,
Иначе о них и не вспомнят
Ни в этот, ни в завтрашний час...

Про Мегион

А сегодня всё белым-бело,
Притрусило снегом все дорожки,
Градусник на минус вновь пошёл,
Из-за ветра двигаюсь немножко...

Что не так? – Читатель не поймёт,
Вроде по погоде всё, по зимней,
Просто лето через день придёт,
Ну а здесь морозы вместо ливней...

Гусь

Проходишь важный, словно гусь,
Поверь, – тебя я не боюсь, –

Ты нервы всем привык трепать,
А я люблю таких щипать:
По ветру пёрышки пущу,
И птицей вольной отпущу!..

***

Ярким пятнышком в серости дня
Ты блеснул и исчезнул в движении,
Среди тысячи тел бытия
Я искала твоё отражение…

Это сложно, – как в сене иглу,
Но найду, – чего бы ни стало!
Ради счастья – я много могу,
Ради счастья – это так мало!..

Тот, кто хочет действительно жить, –
Избежит темноты окружение,
Яркий отблеск спасительных душ, –
Это радость, пусть даже мгновение…

Светлана Десятова

***

Настала осень. Облетели
Мечты несбывшейся весны…
И в предвкушении зимы
На суету мы тратим время.
Мы тонем в сумраке тоски,
Довольствуясь своей печалью,
И за тоской не замечаем,
Как краски осени ярки.

***

Размокропогодилось.
Слёзы льются с неба.
Листья хороводами
Улетают в небыль.
Тротуары мокрые,
Всё серым-серо.
Словно чёрно-белое
Я смотрю кино.
А народ в заботах всё –
Нынче ж выходной!
Многие за городом,
В баньках всей семьёй,
Под навесом жарятся
Чудо-шашлыки.
Нам ль от скуки маяться?
Мы ж – сибиряки!
Пусть тоска дождливая
Стороной идёт!
Ведь меня, счастливую,
Где-то радость ждёт!
Улыбнусь восторженно
Небесам в слезах–
Размокропогожая
Нынче красота!

***

Иду по улице,
От солнца жмурятся
Глаза. И листьями
Шуршу, как мыслями.
Они все разные...
До безобразия
Иду счастливая!
И всё, что мнимое,

Идёт пусть к лешему!
Прогулки пешие
Дают покой душе
(Как раз что нужно мне)...
Иду, шуршащая,
Я – настоящая!
Пусть листья падают –
Мне сердце радуют!

Жизнь

Жизнь! С каждым вдохом на рассвете
Ты пробуждаешься во мне,
Как солнца луч, иль сильный ветер,
Иль нежный голос в тишине...
Открой глаза – жизнь так прекрасна,
В ней столько света, чистоты.
Она нам дарит ежечасно
Воспоминанья и мечты.
Ещё любовь... Грааль священный,
Сосуд великой простоты,
От Бога дар благословенный
Непроходящей красоты.
Мы жизнь листаем, как страницы,
Спешим, торопимся вперёд.
Но, как рассвет не повторится,
Так безвозвратен жизни ход!
Менять не бойся горизонты
И что-то новое искать,
Ведь новый день под новым солнцем
Гораздо радостней встречать!
В круговороте быстротечном
Остановись, на миг замри;
И снова в путь, судьбе навстречу,
На крыльях счастья и любви!

***

Мне не важно какой
Цвет у бури в пустыне
И каков запах первой
Грозы в сентябре.
Мне плевать на вкус ночи
Пред зажжённым камином,
Потому что всё это
Неведомо мне…
Вы скажите, какой
Цвет у пыли, что люди
Ежедневно умело
Пускают в глаза,
А каким должен быть
Вкус у «дара на блюде»,
И какая на ощупь
Человечья слеза?
Не хватает мне слов,
Чтоб на ярком рассвете
Вдохом мысли заполнить
В пустой голове.
Ну, так надо ли знать
О каком-то там цвете
Какой-то там бури
В песчаной земле?..

Зелёный цвет

(ирландская нар. песня, пер. с англ.)

Слышал ли ты, Пэдди-друг,
Что за новости вокруг?
Трилистник запрещён законом,
Нельзя теперь ходить в зелёном!
И коль должны носить цвет крови –
Английский красный – поневоле,

То вам ещё не раз напомнят
Сыны Ирландии о боли.
Трилистник можете сорвать,
В могилы наши затоптать,
Но он сквозь землю прорастёт,
Свободы духом расцветёт.
Лишь в тот момент, когда трилистник
Сквозь землю не пробьет свой листик,
Тогда сменю я цвет свободы,
Признав падение народа.
Ну, а пока, Господь Всесильный,
Носить Зелёный дай мне силы!

Юрий Яковлев

***

Я придумал свой «Коран»
И ушёл от этой жизни,
Чтобы разум не сдавило
Тяжестью душевных ран.
Я придумал свой «Коран».
И мой путь не одинок:
Есть Она в далёких снах,
Словно зори по утрам,
Улыбаясь, и в слезах
Лотоса, как лепесток,
Расцветает в простынях,
Будто свечки огонёк.
Я придумал свой «Коран»,
Но я верен тем обрядам,
Где кладут цветы к ногам.
Спи, о, милая, я рядом…

***

Меланхолический круг,
Жёлтой отлитый
Медью.
Как прекрасны мимозы
В руках Маргариты –
Ведьмы.
В эту ночь я рисую свечу
И в окне
Лица.
Это всё очень просто:
Жёлтый фломастер мне
Снится.
Смысл зову я всех тайн
Неизведанных –
Другом.
Жёлтым рисую их.
Ставлю печать на них
Кругом.
Ведьмы луной живут,
В жёлтом.
В другом им
Не скрыться.
Вот почему жёлтый
Фломастер мне
Снится.

***

Упала тень ромашки в лёд
Коричневых волос.
Ты знаешь, даже сладкий мёд
Не сушит слёз.
Взгляни на мир, взгляни в окно –
Там белый снег.
Прекрасней больше не дано

На этот век.
А снежный лепесток,
Как бред:
«Не любит, любит…»
Даст на вопрос судьбы ответ,
Как будет.

***

Я не знаю, какое сегодня число.
Я где-то в июне дождливого лета.
Исчез. И невидимым стал, как стекло.
Меня кто-то ищет? Мне всё равно…
Я занят: смотрю, как горит сигарета.

***

Тает снег в горячих губах.
Весеннее солнце – в кровь!
Снежной лопаты – взмах!
Красные щёки – стылый страх.
Я умер весною вновь.
Но всё это шутка. (Бах).

***

Мой новый флаг из трёх цветов.
Моя страна – открытых ртов,
Пустых и глупых сотен слов,
Людей из сломанных оков…
Смотрю на мир в своё окно,
Лишь просыпаюсь утром рано.
Всё изменилось, как в кино,
А я такой, как раньше.
Странно.

***

Подожду.
И взорвусь.
Ухожу –
Не вернусь.
Не скучай,
Не грусти.
Выпей чай
И усни.
Слёзы дня,
Ночи грусть…
Дай огня,
Затянусь.
Марш в кровать!
(Как в бреду…)
Твою мать,
Не пойду.

***

Были сильны они, ныне – увяли.
О, красоты они много познали.
Пальцами нежили, словно ласкали
Нечто из плоти.
Ныне они не такие, как были.
Всё позабыли…
Всё позабыли…
Руки мои…

***

Я венчался с тобой раз в год,
Я родился с тобой навек,
А потом приходил черёд –
Разводился.

Такой человек.
Я тебя обожал, любил.
Рисовал твоё тело. Звал
На прогулку.
С тобой ходил
В рестораны и в кинозал.
И вот снова в потоке дней
Я стою у окна с утра:
Кто полюбит тебя сильней?
Моя Осень. Жена моя…

***

Шнурки развязать,
Прежде чем повернуть ключ в двери…
У нас ещё есть шанс
Побегать, как ветер по полю.
О, танцы!
Мигай же, фонарь мой, гори!
Я знаю – мы больше,
Чем можем друг другу позволить.
Но вот светофор.
Вспышка жёлтого.
Гаснет. Вновь вспышка,
И солнце ночное
Миганием с тенями спорит.
Но ради чего ты крадёшься из дома, как мышка?
Я знаю – мы больше,
Чем можем друг другу позволить.
Скамейка всё ждёт,
Когда к ней прикоснётся твой агнец,
И знает, какой это боли всё стоит.
Наташка, ты знаешь теперь этот танец!
Мы – эхо!
Мы больше,
Чем можем друг другу позволить.

Валентина Киселёва

В архиве СПГО

В тиши хранилища архива,
Где пахнет плесенью времён,
Там пишет жизнь неторопливо
Историю, скрипя пером.
Листая прошлого страницы,
Я, словно таинство творю,
И в полустёртых строчках лица
Друзей ушедших узнаю.
И с ними вновь я молодая
Над догорающим костром,
Иль с радиометром шагая,
Делюсь оставшимся глотком.
Наступит время, и мы тоже
Пройдём последний Рубикон.
Но только жаль: не каждый сможет
Войти в историю времён.

У Бощакуля

Затерялся наш лагерь
В просторах степи:
С самолёта без карты
Вам его не найти.
Здесь горячие ветры,
Зной до звона в ушах.
Степи вытканы шёлком,
Ковыли на ветрах.
Чайки носятся с криком,
Тихо плещет волна.
Спят спокойно ребята
После трудного дня.
Завтра снова в маршруты

За счастливой звездой.
Но бывают минуты –
Ты до чёртиков злой.
Когда друг тебя предал –
Рядом кто-то другой,
Когда сроки проходят
И не пахнет рудой.
Неудачи, невзгоды
Вдруг забудутся вмиг,
Когда на ладонях
Вдруг руда заблестит.
Вот махнула нам осень
Золотым рукавом –
Мы свернули свой лагерь,
Чтоб вернуться потом.

На родине

Я вновь у родного порога,
Где вещают рассвет петухи.
Здесь вместо водопровода,
Воду в баню берут со стрехи.
Я нечасто бываю в деревне,
Путь далёкий и дома дела.
Очень жаль, что моя деревенька
Стариками пока и жива.
На окнах – герани, алоэ,
Крестьянской избы колорит.
Спаса лик со старинной иконы
На меня с укоризной глядит.
Прихватив полушубок овчинный,
Я, как в детстве, иду на поветь,
Там на сене под писк комариный
Любо дивные сны мне смотреть.
По утрам перезвон наковальни
И серебряный звон бубенцов
Мне слышится гимном деревни,

Уводя меня в юность отцов.
Умывшись прохладной росою,
Мы с дедом идём на луга.
И вот уж звенит под косою
Тягучая нить вязеля.

Юлия Смирнова

Имя твоё Мегион

Мегион – это имя далёкое
Мне напомнит о славной поре,
Когда небо его синеокое
Нас касалось уже в октябре.

Когда ветер безжалостно рвал с ветвей
Устилая дорогу, листву.
И приглаживал старый мороз-кощей
Новым снегом живую траву.

Как из птиц оставались лишь голуби,
Воркованием грея сердца.
Когда мы вечерами долгими
У окна ждали мать и отца.

Мегион – это зимние россыпи
Алых ягод рябины в снегах.
И, неспешною, белою поступью
Заходящая в город пурга.

Это – ёлка на площади шумная,
Ледяные фигуры и смех.
Мегион – это имя особое,
И оно для меня лучше всех.

Лето 2018

Я весело размажу лето
Холодным утренним дождём
По ледяному парапету...
Мы с ним вдвоём всю ночь идём.
Мы с ветром щуримся сердито,
От веток уклоняясь ввысь,
На гнёзда, что некрепко свиты
Плечом вполсилы опершись.
Я с птицей песню на рассвете
Спою «Неузнанный дуэт»,
И на «Асфальтовой газете»
Приклею от рябины цвет.
Я испеку песок на пляже,
Как стопку масляных блинов,
Любуясь, как забавно пляшет
По гребням юный рыболов.
Мы поползём по узко-длинной
Травинке. С маленьким жуком.
Раскинем метко паутину
С давнишним другом – пауком.
Я распишу холсты на выбор,
На каждый час, на каждый миг.
И заменю страницы сгибов
В прочитанной
полсотне
книг.

Провожая Старый год

Приходит неожиданно пора,
Когда ты обнаруживаешь данность,
Что старый год уходит со двора,
Автографом подчёркивая давность...

Не обернётся сгорбленной спиной,
И, что-то бормоча в ладонь бессвязно,
Он знает, править будет молодой –
Одет по моде, хоть и несуразно...

И через год, когда придёт черёд,
Ты с грустью обнаруживаешь данность,
Что старым стал и этот Новый год,
И он уйдёт, подчёркивая давность...

***

Осень Время летит, словно листья с деревьев усталых.
Лишь вчера был апрель и весенние тёплые дни.
Щебетание птиц. И журчание вод полуталых.
Зелень летняя леса. И солнцем нагретые пни.

Золотится листва и к ногам опадает лениво.
И к щеке прижимается лучик осенней любви.
Паутину, летящую в руки Судьбы торопливо,
Не жалей, взмахом ветки одной пополам разорви.

Ты в останках паучьей красы рассмотри ожиданье,
Страх зимы и мороза, искристой большой тишины.
Отчего так стремительна жизнь? И зачем увяданье?
Почему же так короток миг от Весны до Весны?

***

Старосельская церковь скрипит на застывшем погосте,
И крестов деревянные руки качаются в такт,
Не бери на себя лишних дел, ведь у жизни мы гости,
И дорогой любой попадёшь на Единственный тракт...
И, припомнится всё до секунд, до мгновений коротких,
И неправда прожжёт рядом с сердцем, касаясь души,
Ты увидишь предательство глаз, столь надёжных и кротких,

Но судить не себя в час последний ещё не спеши...
Думай лишь об одном, как же так, ты за столькие годы
Умудрился прожить, не оставив следа о себе...
Лишь рубцы на земле, да послушные талые воды,
Здесь допишут постскриптум в твоей неприметной судьбе.

***

Как тяжелы года и как легки,
И с каждым годом жить хотим сильнее.
Отсчитывает время корешки,
Хлеща вершками тех, кто не умеет.
Тех, кто не может вовремя соврать,
Спасая всех, кто рядом – ложью.
Красиво кто не может умирать.
И напоказ любить – совсем не может.

Кто отстаёт в погоне за добром,
По душам не топочет сапогами,
Кто для гостей открытым держит дом,
Не разбирая меж собой чинами.
И вот, когда закончится отсчёт,
И стылый лоб до боли распрямится,
Мы предоставим Вечности отчёт
О том, что никогда не повторится.

Мы не забудем

Не будем забывать глаза детей,
Что руку тянут за краюхой хлеба,
И, смотрят на казённых матерей,
Обделены Любовью – Даром Неба!
Мы не забудем тех, кто не дожил,
Кто ждал, надеясь, и молился Богу,
Кто жизнь, как Литургию, отслужил,
Откладывая дальнюю дорогу...

Мы вспомним тех, кто даже не кричал,
Кто не успел на этот свет родиться,
Ни разу слово «мама» не сказал,
Кому не удалось перекреститься.
Мы не забудем жалких стариков,
Ненужных, прозябающих в глубинке,
Что собирают сучья вместо дров,
И, слушают приёмник по старинке.
Мы не забудем тех, кто мало спит,
Прислушиваясь к шуму городскому,
Кто в магазине у дверей стоит,
Навеки потеряв ключи от дома.
Мы будем помнить тех, кто мало жил,
Вложив в ружьё патроны боевые,
В земле далёкой голову сложил,
И стал Героем Матушки-России.
Мы их запомним, юных и седых,
Чей путь окончен, не успев начаться,
Всех, кто надеялся ещё побыть в живых,
И, жить до ста, любить и возвращаться...

Людмила Юхимович

***

Пусть говорят, что в жизни всё проходит…
Любовь и счастье тоже пролетит,
Но огонёк, что в наших душах бродит,
Я знаю, никогда не догорит.
И даже у смертельного предела,
Когда стоим у пропасти с тобой,
Спасает нас огонь души. Мы – смелы
И ощущаем жизненный покой.
Пусть жизнь прожить – не поле перейти,
Нас счастье ждёт на жизненном пути!

***

Расцвёл цветок весенний на лугу,
К нему присела пчёлка и застыла…
Лягушка тихо квакнула в пруду,
И не затянут водоёмчик илом.
Звенит весёлый птичий перезвон.
А солнце ярко светит в небе ясном.
Цветочный луг притягивает взор…
Да, мы живём, и эта жизнь прекрасна!

Любовь Ефременко

***

С каждым днём ты для меня дороже,
И любовь всё крепче и сильней.
Может стали старше или строже
Мы относимся к любви своей.
Может прожитые годы обтесали
Все неровности и острые углы.
Может просто взрослыми мы стали
И не ищем авторов вины.
Виноваты в том, что не любили,
И немало нанесли обид,
Иногда друг другу зря грубили,
Униженьем прикрывая стыд.
А теперь, ты с каждым днём дороже,
И любовь всё крепче, всё сильней.
Может стали старше или строже
Мы относимся к любви своей.

Ирина Любимова

Женщины осени

Женщины осени: волосы с проседью,
Сетка морщин на лице.
Небо высокое с дальнею просинью,
Плотная тень на крыльце.
Женщины осени: цветы запоздалые
Гордо цветут под дождём.
Вёсны ушли вместе с талыми водами,
Осень укрыла плащом.
Яркое платье из красного золота,
Взгляд не уставший – живой.
Женщина осени: спелость граната,
Вы и печаль, и огонь!

Блюз

Дрожала, падая звезда
Сквозь золотую сетку неба,
Цветною бабочкой она
Летела в паутине света.
В осеннем парке слышен блюз:
Играет ветер с листопадом.
Рябина в нитках красных бус
Торопится укрыться снегом.
Увяли все цветы в саду,
Стоят унылые берёзы.
Аллеей тёмною бреду.
Предчувствие – грядут морозы.

Одиночество

В моём доме темно, не звонит телефон.
Где ж друзья, что здоровья желали?
За стеной одиноко запел саксофон.
Слава Богу, меня услыхали.
Серебристая пыль ярких звёзд за окном,
Снова иней окутал деревья.
Я жалею теперь, поверь, об одном,
Что не верила раньше в поверья.
Замолчал саксофон, свою песню допел.
В мою дверь постучали чуть слышно.
И мой страх одиночества вдруг улетел,
«Не одна», – прошептала и вышла.

Татьяна Трумпайтис

Одинокая птица

Игра огня в больших глазах,
Походка легче взлёта птицы…
Она порхает над землёй –
Боится на неё спуститься.
Она, внимая, говорит,
Хоть всё, что есть, сказать не может,
А сердце тягостно болит,
Молчанье больно душу гложет.
Её преграды не страшат –
Перелететь их ей по силам,
Но в карих трепетных очах
Печаль навеки поселилась.
О чём грустишь, не утаи,
Ведь ты так много в жизни можешь.
Что хочешь знать ты о любви –
И неподвластное тревожишь?

Иди вперёд по лужам слёз,
Не из твоих очей пролитых,
Иди смелее по сердцам,
Тобой нечаянно разбитым.

Нет смысла путать мысли

Нет смысла теряться в догадках
И дальше тянуть поклажу.
Искать в смеющихся складках
Слова, что ты мне не скажешь.

Нет смысла судить за кражу:
Я сердце сама отдала.
Зачем гадать, что скажут?
Я знаю сама – не права.

Нет смысла двигаться дальше,
Плутать в лабиринтах лжи.
Я же просила: разлюбишь раньше,
Мне первой об этом скажи.

...

Среди двоих есть раб один,
Второй быть должен господин.
Среди троих – один уйдёт:
Лишь одного там счастье ждёт.
Среди пяти – один не кстати:
Его тоска как на плакате,
Напоминает этим парам,
Что они вместе всё ж не даром.
Чтобы собраться вдруг шести,
Нам нужно повод обрести:
Среди привычных серых буден
Мы забываем тех, что любим.

Среди восьми теряем скромных,
Меж десяти – даже огромных.
Среди тринадцати – Иуду...
Так лучше я одна побуду.

...

Я сижу посреди лабиринтов,
В самом сердце густых коридоров.
Мне нужен лучший из гидов
В этом мире стен и заборов.
Толпы мыслей блуждают там,
Но находят одни тупики.
Я уже не верю словам;
На моей душе замки.
Мое сердце, наткнувшись на стену,
Разлетелось на сотни осколков;
Я уже познала измену,
Отбивалась от кривотолков.
Я сижу в самой гуще событий:
Я не знаю – зачем идти.
Скоро стану тобой забытой,
Только всё не решусь уйти.

Игорь Киселёв

***

Ночь, ноябрь, лежу в постели
И мечтаю, ангел мой,
Чтобы гарпии летели
Над моею головой.
Чтобы снова сон кошмарный
Эти крылья принесли,

Я иду в дороге дальней,
Под ногами ледники.
Тяжкий груз на плечи давит,
Солнце жжёт моё лицо.
Ветер снег в него швыряет,
В-общем, тяжко, ё-моё...
Только зря зову я гарпий,
Тихо тикают часы.
Не вернуть мне сон тот давний,
Как на гору не взойти...

***

Трудный возраст – тридцать лет,
На душе покоя нет.
Ночь длинна и холодна,
Что ж не спишь ты, старина?
А читаешь всякий бред,
В нём надежды нет, как нет.
За потоком умных мыслей
Лишь отчаянье и боль.
Ты уходишь в нигилисты,
Как в изгнание король.
В лёгкой дымке алкоголя
Всё отчетливей видна
На плато Кукисвумчорра
Та кирпичная стена.
Там наряд безумных мыслей,
Завязав тебе глаза,
Вскинет ружья. Грянет выстрел –
Вот и смерть твоя пришла.
Я – не мудрый Заратустра,
Я – не гегелевский дух.
Мне всего то только нужно
Ощутить пожатье рук.
Чтобы снег на перевале
Мёдом таял на губах.

Чтоб верёвка находилась
В разнадёжнейших руках.
Чтоб опять придя домой,
Знать одно – что ты живой.

***

Ну, а что до меня,
Всё нормально пока,
Как и прежде метели, морозы.
Только вот почему,
Я никак не пойму,
Реже видеть я стал
Неподвижные звёзды.
А промеж облаков,
Где-то спутник летит,
Посылая на Землю сигналы.
А у нас на Земле
Только ветер шумит,
Да рычат по дорогам «Уралы».

***

Плывут по небу облака,
Плывут неведомо куда.
А я сижу среди болот,
Как на реке застрявший плот
И никуда мне ни шагнуть,
Ни полететь, ни утонуть.
И лишь холодная вода
Мне всё твердит: беда, беда…
И тиной всё сильнее я
Врастаю в эти берега.
И всё слабей желанье жить,
Искать, любить и не любить…
Но всё ж, быть может, стоит мне

Вновь оказаться на волне,
Рискнуть подставить ветру грудь,
Быть может, выйдет что-нибудь?!

***

Ветер листьями швыряет,
Развивает кудри, чёлки,
Объявления срывает,
Даже с ёлок рвёт иголки,
Моих мыслей, ход дурацкий,
Беспардонно обрывает
И походкою кабацкой
Меж слепых домов шатает!
Я хожу весёлый, пьяный,
И смотрю на ножки, лица,
И мечтаю, как с Татьяной
В венском вальсе закружиться!
И смотреть на ход вселенной
Вместе с этими глазами
Бесконечными кругами,
Бесконечными годами!

***

Мадонна с сыном! Боже правый,
На свете лучше нет картин!
Меня ж попутал бес лукавый,
И я иду, иду один…
И я иду, иду, меняю
Мир, окружающий меня,
Но быть счастливым как – не знаю,
И где любовь, не знаю я.
И почему, не знаю тоже,
Я лишь мадонне преклонён

Зачем в её улыбку, боже!
В её улыбку лишь влюблён!

***

К...

Светла моя печаль,
Покинув сад волшебный,
Иду я молча вдаль
Туда, где лес осенний.
Туда, где птичий хор
Уж не свистит с ветвей,
Где осени узор
И клинья журавлей.
И я врастаю в лес,
Я в тучи превращаюсь
И в синеве небес
Бесследно растворяюсь.
Чтоб устилать Ваш путь
Увядшими листами,
Касаться Ваших рук
Дождливыми губами.

Подражание
Ёсано Акико

***

Люблю я праздник
Весёлой майко виды
В лиловом ню.
Но спутанные пряди
Вселенский помнят холод

***

Легко на сердце
В осенний этот день,
Дождь распрямляет
Спутанные волосы...
И лишь горит рябина!

***

Не надо грусти!
Я вином разбавил кровь
И стало легче!

***

Я не жалею,
Но трудно без прошлого.
Как быть, скажите?

***

Я жив остался.
Что же делать мне теперь?
Лишь Бог то знает...

***

Южное небо,
Играет степь в цветах...
Так стой же, время!

***

Земля согрелась.
Мошка летает тучей,
На снег похожа.

***

Пошёл снег белый.
Весёлые наряды
Убрали люди.

***

Всё в ромашках,
Всюду слышен анко смех.
Я улыбаюсь
И берегу ромашки,
Что спутали мне мысли.

***

Счастлив, свободен,
Беспечно смотрю на мир.
Je ne regorien...
Чего мне желать ещё?
Кто даст мне этот ответ?

Анастасия Юсубова

Гаснущий очаг

По мотивам книги Еремея Айпина
«У гаснущего очага»

«Эта книга о народе, утратившем Душу, утратившем Веру. О народе, уходящем из жизни. О народе, обречённом на медленную кончину.

Но жизнь хороша тем, что ни один человек, ни один народ до самого последнего мгновения не верит в свою кончину. И если в твоём сердце отзовётся боль уходящего, и ты разделишь с ним его боль, то этим ты облегчишь его участь на пути к вечному и неминуемому покою…».

«О величии человека следует помнить при его жизни».

«Сейчас вспоминаю седую сосну и пучки оленьей шерсти на бечёвках. Каким узлом, какой нитью нужно связать человека с домом, землёй, отечеством, где родился, встал на ноги, чтобы не ослабела, не рвалась эта связь?».

Еремей Айпин

Действующие лица:

Ефрем, 25 лет.
Федосья, жена Ефрема, 20 лет.
Роман, сын Федосьи и Ефрема, 7 лет.
Коска (Константин), председатель колхоза, 23 года.
Дарья, жена Коски, 18 лет.
Иван Степанович, секретарь райкома партии, 40 лет.
Василий Венецианович, приёмщик рыбы, 40 лет.
Охотник Галактион, 45 лет.
1-й красноармеец.
2-й красноармеец.
3-й красноармеец.
Старец Зиновий.
Милиционер.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА 1

Медвежий праздник. Все выходят в масках на авансцену.

ХОР – Охотник Галактион принёс Чернолицего! Пусть Чернолицый простит охотника Галактиона. Старец! Расскажи сказку, пусть Чернолицый услышит и простит охотника Галактиона! Старец Зиновий! Сказку про Галактиона! Как стал охотником Галактион?

Все садятся слушать. Действие изображается пантомимой. Актёры в берестяных масках. Бабушка и мальчик (актёры)...

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Жил-был мальчик Галактион. Рано остался он круглым сиротой. Отец его, охотник, ушёл однажды в тайгу на промысел и не вернулся. А вскоре умерла и мать. Взяла мальчика к себе старая бабушка. Любила бабушка внука, и Галактион тоже любил бабушку. Целый день бегал за ней по пятам: бабушка к речке – и Галактион за ней, бабушка в лес – и Галактион с нею. А один никуда от избушки не отходил: боялся.

– Стыдно таким трусом быть, – говорила ему бабушка. – Ведь ты уже большой мальчик, а всего боишься.

Молчит Галактион. А бабушка думает: «Как бы его храбрым вырастить? Другие в его годы и за рыбой, и за птицей в лес одни ходят, а мой Галактион ни шагу без бабушки».

В тот год в тайге много кедровых орехов уродилось. Вот бабушка как-то и говорит:

– Пойдём, Галактион, орехи собирать.

– Пойдём, бабушка.

А в лес надо было плыть по реке. Собрала бабушка берестяные корзинки и села в челнок. Галактион рядом с ней пристроился... Оттолкнулись веслом от берега и поплыли. Проплыли две песчаные косы, миновали и третью. К четвертой косе причалили. Вытащили челнок на берег, сами на горку поднялись, в тайгу вошли. Стали орехи собирать.

Высокие кедры прячут в ветвях зрелые шишки. Бабушка ударит по сучку колотушкой – шишки сами на землю и падают. Носят бабушка с внуком полные корзинки шишек в челнок. Так много орехов набрали, что на всю зиму хватит. Можно бы и домой ехать. А

бабушка села на пень и думает: «Надо, чтобы внучек мой храбрым вырос. Испытаю я сегодня его, оставлю на ночь в лесу. Медведи и волки здесь не водятся, а остальные звери не страшны».

Подумав так, говорит бабушка внуку:

– Ой, Галактион, забыла я на горке ещё одну полную корзинку. Сбегай, внучек, принеси.

Побежал Галактион на горку. А бабушка села в челнок, оттолкнулась от берега и поплыла.

Глядит Галактион с горы: уплывает бабушка, всё дальше и дальше уносит её река. Закричал Галактион с горы, заплакал:

– Бабушка! Бабушка! Что же ты меня одного оставила?

А бабушка с лодки отвечает:

– Побудь здесь ночку, внучек, а я утром приеду за тобой. Так и уплыла. Галактион один на берегу остался. «Что же теперь со мной будет? – думает он. – Пропаду я тут один, конец мне пришёл». А солнышко тем временем уже низко за тайгу опустилось. Вечереет, скоро ночь наступит. Стал Галактион над рекой от дерева к дереву бродить – ищет, где бы на ночлег устроиться. В большом старом кедре увидел он глубокое дупло. Залез туда, свернулся клубочком и лежит тихонько. Сам ни жив, ни мёртв от страха.

Потемнела тайга, нахмурилась. Ветер поднялся, дождь пошёл. Падают шишки на землю, стучат по стволу. Совсем испугался Галактион. Спрятался он ещё глубже в дупло, дрожит, боится, как бы звери не пришли. Кедры шумят под дождём. Как ни трусил Галактион, всё-таки понемножку засыпать начал. Всю ночь и провёл в дупле. Утром просыпается, смотрит: светло, небо ясное, день жаркий, солнечный. Шумят над ним свежие зелёные ветки, а птицы так и заливаются. «Жив ли я? – думает Галактион со страхом».

Стал он сам себя ощупывать: правую руку протянул – тут рука, левую протянул – и левая тут. Голова на месте и ноги целы. Никто не съел. Вылез Галактион из дупла. Смотрит: кругом на земле шишек видимо-невидимо. Ночью насыпались. Вот хорошо-то! Стал он шишки в кучу собирать. Большую кучу набрал. Глянул на реку, а у берега на песке знакомый челнок лежит и бабушка, кряхтя, в гору поднимается.

Закричал Галактион бабушке издали:

– Ты что же меня вчера одного оставила?

А бабушка и отвечает:

– Это я нарочно, Галактион. Я хочу, чтобы ты храбрым вырос. Ты – человек, а человек над всем на свете хозяин. А разве ты не хочешь храбрым быть?

– Хочу, – тихонько говорит Галактион.

Помирились Галактион с бабушкой. Пошли вместе орехи собирать. Опять целый челнок шишек набрали. Домой поехали.

С тех пор перестал Галактион всего бояться. И в лес, и на реку – всюду один ходит. Нигде ему не страшно.

ХОР – Нигде ему не страшно! Чернолицый простил охотника Галактиона!

Ритуальный танец

СЦЕНА 2

Райком партии. Константин Покачев (Коска) и Иван Степанович.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ *(читает протокол допроса):* – Так, значит ты стрелял в портрет Карла Маркса из охотничьего ружья вечером 1 мая, так?

КОСКА – Так.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Так как же ты посмел поднять ружьё на самого Карла Маркса, на него же пролетариат всего мира молится, тайга твоя закон!

КОСКА – Я же не знал.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Не знал? Отец твой где, знаешь?

КОСКА *(ещё ниже опустив голову)*: – Не знаю…

ИВАН СТЕПАНОВИЧ *(достает из шкафа ДЕЛО и бросает на стол):* – Зато я знаю! Расстрелян органами ГПУ 23 февраля 1927 года, как враг советской власти, кстати, вместе с попом этим, тобольским епископом, тайга твой закон!

А знаешь, чем твой папашка занимался? На месте преступления застукан, лечил, тайга твоя закон, калеченного. Медведь спину

сломал охотнику, по прозвищу Петька-капкан. Донёс в ГПУ Сонька Пристав. Вот так. Всех попов и шаманов истребить, как нечисть, тайга твоя закон!

КОСКА – В тайге без шамана смерть. Он же про всё знает, где рыба есть, куда зверь ушёл. Все травы, заговоры, даже погоду умеет предсказать!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Цыть! Шаманы и попы – это враги!

Вот наша библия теперь. Называется «Манифест коммунистической партии». Кто написал? Карл Маркс! Он теперь наш Бог! А знаешь, что сказано в этой книжке? Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОСКА – А кто такие пролетарии?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Тайга твоя закон! Это фабричные рабочие, как я, к примеру. Когда в Иваново на фабрике, при царе, спину гнул на хозяина – был пролетарием. А потом мы взяли и хозяина сбросили.

КОСКА – И что?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Что? Фабрика остановилась. Я в руководство подался.

КОСКА – А как же пролетарии?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Пролетарии объединились, не переживай! Царя свергли, Ленина поставили. Все сделали, как в этой книжке написано.

КОСКА – А мне- то, что делать?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – А ты…тоже будешь присоединять туземцев к общей пролетарской семье. Закончишь курсы председателей колхозов. Там тебя научат думать по-партийному, по-марксистки, по-ленински, по-сталински.

КОСКА – Так это ж, как много думать надо!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ну, не так уж и много. Думает партия, в лице товарища Сталина. Наше дело – исполнять.

КОСКА – Не пойму, как ханты в колхоз…присоединять, куда, кого? У них же у каждого свои угодья, свой промысел?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ничего не будет, ни угодий, ни промыслов! Построим бараки, и пусть в колхозе вкалывают. У нас уже все объединились. Один твой медвежий угол остался. Из всего Остяко-Вогульского округа только твои юрты дикарями живут до сих пор.

КОСКА – А что им в колхозе надо делать?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Что партия скажет, то и делать, понял? Смотри у меня, я портретик-то спрячу, на всякий случай, чтоб ты у меня с крючка не сорвался! Ты ещё молодой, у тебя вся жизнь впереди! Курсы закончишь, дам тебе рекомендацию. В партию вступишь, станешь коммунистом. А книжку возьми, будешь читать, чтобы мысли твои в правильном русле текли, тайга твоя закон!

КОСКА – А молиться?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Что «молиться»?

КОСКА – На Карла Маркса молиться? Сам же сказал, что он теперь Бог.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Устав партии выучишь – это и будет твоя молитва. Да не вздумай брякнуть где-нибудь про Бога Карла Маркса. Это я его так, для пущей важности, обозвал, чтобы ты, тайга твоя закон, меня правильно понял. А Бога товарищ Ленин отменил ещё в 17-м году.

Да, чуть не забыл: Интернационал выучи.

КОСКА – Это как же?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Гимн международной солидарности трудящихся! Тайга твоя закон!

СЦЕНА 3

Дарья в лабазе. Она достаёт маленького деревянного идола, украшенного очень красивой тканью и говорит со слезами, глядя на фигурку.

ДАРЬЯ – О, Матерь-Покровительница! Скажи, почему наша мама ушла в нижний мир так рано? Она оставила нас, а мои сёстры так малы, они всё время просят кушать, я не знаю, чем кормить их.

А ещё! О, Матерь-Покровительница! Охотник-Галактион, мой отец встретился с Чернолицым, принёс его шкуру в дом, и может потому наказали лесные духи охотника? Но мы просили прощения у Чернолицего на медвежьем празднике. Охотник Галактион сделался будто деревянный, не ест, не пьёт, не шевелит ни руками, ни ногами. Не дай ему уйти в Нижний мир, о Матерь-Покровительница!

Я, конечно, могу рыбачить, и на облясе могу обогнать всех, но одной мне не поднять сестрёнок! Помоги, Матерь-Покровительница! Верни здоровье отцу моему, охотнику Галактиону!

Во двор входит Федосья с мешком. Заходит в дом. Быстро выходит и оглядывает двор, словно ищет кого-то.

ФЕДОСЬЯ – Дарья! Ты где?

Дарья торопливо прячет фигурку и выглядывает из лабаза. Федосья смотрит на неё удивлённо, подставляет лестницу, Дарья спускается вниз.

ФЕДОСЬЯ – Ты что там делаешь, Дарья?

ДАРЬЯ *(растерянно)* – Так…ищу…

ФЕДОСЬЯ – Слезай сюда быстрее…а почему слёзы? Что Галактион? С ним совсем плохо?

ДАРЬЯ – Сегодня стонал всю ночь, просит смерти. Сестрёнки плачут, они всё время хотят кушать!

ФЕДОСЬЯ – Малыши всегда просят кушать, не реви. Я принесла просо, муки немного – хлеб испечёшь, вот ещё чебаки. *(Даёт Дарье понюхать)* Чуешь?… копчёные… медвежий жир Галактиону, а ещё… печенье.

ДАРЬЯ – А… Печенье? Это откуда?

ФЕДОСЬЯ – Из Сургута, свёкор с ярмарки вчера заезжал, привёз гостинцы.

ДАРЬЯ *(всплеснув руками):* – Ой, Федосья, ты… ты!

ФЕДОСЬЯ – Перестань, ты же сестра мне… Чего свёкор-то сказывал… в Сургуте митинг был...

ДАРЬЯ – Митинг? Это что такое?

ФЕДОСЬЯ – Это – когда народ собирается, вроде, как у нас, на медвежий праздник, и один начинает говорить, и его все слушают…

ДАРЬЯ – Так он шаман, что ли?

ФЕДОСЬЯ – Кто?

ДАРЬЯ – Ну, который говорит?

ФЕДОСЬЯ *(задумавшись):* – …Так может и шаман… коль на него столько народу… приходят… Подожди, свёкор сказывал, запретили шаманов. Да нет… не шаман он, а просто про новую жизнь рассказывает, и все слушают.

ДАРЬЯ – Про новую жизнь, это как? Чтобы снова народиться, что ли?

ФЕДОСЬЯ – Так вот и я всю ночь думала… представляла эту новую жизнь… но ничего кроме нашего ребёночка не придумала…

ДАРЬЯ – Какого ребёночка?

ФЕДОСЬЯ – Какого? Нашего с Ефремом, будущего твоего племянника.

ДАРЬЯ – Так ты…

ФЕДОСЬЯ – Ага… но никто пока не знает, и ты молчи… Ефрему потом скажу… на путину скоро… не до того, а то не возьмёт с собой, а ему без помощника как? Я теперь буду вместо Галактиона…

За другое… переживаю. Мы уйдём… тебе одной ребятишек кормить. Лето надо протянуть, а там мы с рыбой вернёмся, да и Галактион… может легче ему станет.

ДАРЬЯ – Одной… страшно мне…будет.

ФЕДОСЬЯ – С сестрёнками тебе некогда будет бояться, справишься! Ефрем обещал… к осени Галактион на ноги поднимется, а Ефрем, знаешь, зря не говорит… Оленей береги, без них пропадём...

СЦЕНА 4

Берег реки. Ефрем подходит к реке, зачерпнув талой воды, выливает её себе на макушку.

ЕФРЕМ – Здравствуй, вода, здравствуй весна! Чтобы легче стало жить и зверю, и птице, и человеку, прогони стужу! Растопи скорее лёд! А мне, охотнику Ефрему, помоги благополучно дожить до следующей весны, чтобы встретить новый ледоход!

Ефрем видит лебедей и долго наблюдает за их полётом.

Неожиданно из урмана выходит Коска.

КОСКА – Э-э-й! Ефрем, ты чего, опять шаманишь? Пялишься на белых птиц, будто с роду не видал? *(смеётся)*

ЕФРЕМ – Иди-ка ты своей дорогой!

КОСКА – Не груби! А то подстрелю тебя нечаянно, как эту птицу. *(Стреляет в сторону птиц. Лебеди испуганно вскидывают крыльями и улетают.)* – Ну, как? *(смеётся)*

ЕФРЕМ – Да ты с ума спятил! В белых птиц стреляешь?

КОСКА – Опять слышу шаманские бредни! Белые птицы, белые птицы! А мне нет разницы – глухарь, лебедь, утка болотная – всё едино!

Опять стреляет, потом целится в Ефрема.

ЕФРЕМ *(гневно)*: – Тебе видно жить надоело, Коска! Не доводи до греха, сейчас станешь кормом для червей!

КОСКА – Ой, страшно! *(Смеётся)* …Да знаю я ваше ш-шаманское племя! Говорят, ты пули у-умеешь заговаривать. Только мне… я тебя… не боюсь. А вот ты меня, ты… бойся. Я ведь знаю, кто Галактиону зелье шаманское носит. А он… в нижнем мире его давно ждут, а ты ему своим зельем путь не даёшь.

Ну да скоро всё кончится. Скоро всё будет общее колхозное… олени… тайга… озеро… люди. И никто не пикнет против советской власти!

ЕФРЕМ – Ты чего мелешь – пикнет?

КОСКА – Ты не дразни меня. Не пикнет! Увидишь! Вот районный катер придёт через три дня, пойдёшь на путину под присмотром, а ещё и норму рыбосдачи назначат каждому!

ЕФРЕМ – Какая норма? Это что ещё мелешь?

КОСКА – Норма – это закон такой новый, чтобы все работали для пользы колхоза. А кто хочет быть лучше других, вроде тебя, тому шею свернут, чтобы не высовывался.

ЕФРЕМ – Чего-то, я не понимаю. Чего мелешь?

КОСКА – Не понимает он. Кто Галактиону зелье шаманское носит?

ЕФРЕМ – Он же… он же… у него дети… ему помочь надо.

КОСКА – Чего помогать? Переломанный весь… лучше бы прикончил его медведь, мне бы легче было.

ЕФРЕМ *(испуганно)*: – Чего сказал-то, ты, Коска, хуже зверя!
Коска уходит, поигрывая ружьём.

КОСКА – Все звери! И ты, и я! Только ты добрый, коли Галактиона лечишь, а я злой! *(Смеётся.)*

ЕФРЕМ *(вслед)*: – А Галактион-то тебе что сделал?

КОСКА – Галактион? Может, он мне жизнь поломал. Может, я на Дашке жениться хочу, а он в гордость ударился, вроде, не пара я ей, вот теперь и жду, когда помрёт Галактион. Надоела мне холостяцкая жизнь.

ЕФРЕМ – Ты – чужой! Не пойдёт Дашка за тебя!

КОСКА – Увидим! Ой, сдаётся мне, быть нам с тобой роднёй!
Уходит.

СЦЕНА 5

Ефрем и Федосья в зимнем доме. Они собираются на путину.

ЕФРЕМ – Ты всё приготовила?

ФЕДОСЬЯ *(плачет)*: – Конечно, Ефрем! *(Рыдает ещё сильнее.)*

ЕФРЕМ – Чего ты плачешь, Федосья, не реви!

ФЕДОСЬЯ – Не могу, так мне жалко с домом расставаться!

ЕФРЕМ – Было о чём реветь, осенью вернёмся.

ФЕДОСЬЯ – У меня никогда не было своего зимнего дома, и я так счастлива здесь с тобой!

ЕФРЕМ – Ну вот, счастливые разве плачут?

ФЕДОСЬЯ – Да всё вместе – и счастье, и горе. Галактиона жаль, Дарью жаль, ребятишек ещё жальче.

ЕФРЕМ – Тише…я вчера говорил со старцем Зиновием. Будем Галактиона огнём лечить. Выжечь надо боль, камлать будет Зиновий.

ФЕДОСЬЯ – Камлать? Да ты что! Если прознает кто, тогда… ой, Ефрем. Сдаётся мне, Коска следит за нами. В лабазе ни одного отреза ткани нет, ни единой нитки, всё украдено.

ЕФРЕМ – Думаешь, Коска?

ФЕДОСЬЯ – А кто? Он же с новыми порядками по дворам шастает, всё вынюхивает чего-то.

ЕФРЕМ – А я думал, не до того ему. Он на Дашке вздумал жениться.

ФЕДОСЬЯ – На Дашке?! Чтобы в нашей родне такой кын лунк (злой дух) завёлся? Он хуже самого худого халея, смерть за собой носит!

ЕФРЕМ – Погоди пока гневаться! Надо Галактиона спасать. Коска, давеча сказал, начальство из Сургута катером прибудет рыбаков собирать.

ФЕДОСЬЯ – Ой, кын лунк, на катерах?

ЕФРЕМ – Три дня ещё есть, пока сюда доберутся. Дарье провизию отнесла?

ФЕДОСЬЯ – Да всё я сделала! Ефрем, а катером-то, это как?

ЕФРЕМ – Караваном до самой Оби, я так думаю, а как ещё?

ФЕДОСЬЯ – Так, лодок же много.

ЕФРЕМ – Вот так… караваном и пойдём, на буксире, как баржи тянут, так и нас потянут.

ФЕДОСЬЯ – А назад?

ЕФРЕМ – Что назад? Назад по пескам, каждый сам по себе, бечевая на что?

ФЕДОСЬЯ – Ой, ёй, зачем тогда на буксире… вроде мы каторжные, или животные неразумные? Или дети малые, сами не знаем, что делать?

ЕФРЕМ – Новая власть… порядки такие постановила.

ФЕДОСЬЯ – Видать, они хотят всех ханты одним буксиром утащить в новую жизнь. Ты как думаешь, что такое новая жизнь?

ЕФРЕМ – Не знаю. Говорят, все счастливыми должны стать.

ФЕДОСЬЯ – Счастливыми? А мы без них несчастливые, что-ли? Ни у кого ничего не просим… рыбачим… охотимся… оленей держим…

ЕФРЕМ – Так вот, Коска и говорит, что будет всё общее и олени, и всё вокруг!

ФЕДОСЬЯ – Как это – общее? А кто выхаживать будет оленят, кто за нашим стадом смотреть будет? Кому это всё… Коске, что ли? Он… От него, кроме разорения толку никакого!

ЕФРЕМ – Он думает – надо жить по их законам.
(Задумчиво присаживается.)

ФЕДОСЬЯ – По каким законам, по коскиным что ли? Как будто мы сами не знаем, как жить. Веками жили наши предки, нам свои законы и порядки завещали. И что теперь?

ЕФРЕМ – Ладно, не кипятись! Приготовь к обряду, что полагается.

ФЕДОСЬЯ – Сегодня только смотрела. Тот отрез, что ты на соболя выменял в Сургуте, пропал. Ничего нет, ни единого кусочка, только мой платок остался.

ЕФРЕМ – Ладно, разберёмся позже. Придётся твой платок отдать. Не жалей, зимой из Сургута привезу тебе много красивых платков.

ФЕДОСЬЯ – Да мне не жаль. Лишь бы Галактион на ноги встал. Лишь бы ребятишки… Дарья чтобы… (плачет)

ЕФРЕМ – Не надо, не реви. До осени доживём, а там… всё хорошо будет!

ФЕДОСЬЯ – Да, да, Ефрем!

СЦЕНА 6

В избе охотника Галактиона его дочь Дарья, Федосья, Ефрем, дед Зиновий, одетый шаманом. Галактион лежит на нарах, накрытый оленьими шкурами. В чувале гудит огонь, потрескивают дрова.

Раздаётся осторожный стук в потолочное окно. Из открытого отверстия спускается нечто округлое, похожее на обод, спрятанный в тряпочный чехол. Федосья принимает зачехлённый обод и отдаёт его деду Зиновию.

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Пусть с холода согреется.

Он бережно водружает обод на верхнюю полку у самого потолка. В избу входит Ефрем. Он одевает Дарьин платок на маленькую сосёнку и ставит её в чувал.

ЕФРЕМ – О, домашнего дома Золотая Богиня, огонь-матерь всех Дома Богов-Хранителей, всех детей-малышей, всех взрослых и малых охраняй и защищай. (*Все кланяются огню.)*

ЕФРЕМ – Старец Зиновий! Галактион просит рассказать его любимую сказку про добрую Нани – Нэ и злую Пэрнэ.

ХОР – Старец Зиновий! Про Нани и Пэрнэ, расскажи!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ *(немного помедлив):* –Ну так слушайте любимую сказку охотника Галактиона.

ХОР – Любимую сказку охотника Галактиона…

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – В древние, задревние времена, на заре зарождения Человека и Жизни заспорили между собой две богини Нани-Нэ и Пэрнэ, какой быть Земле и Водам. Говорит Нани-Нэ: «Пусть будет по-моему: чтобы одна сторона реки текла вниз, а другая вверх». А Пэрнэ спорит: «Нет, быть по-моему! Пусть обе стороны реки текут вниз». С той поры все реки потекли в одну сторону вниз от верховий к устью. Тогда Нани говорит:

«Чтобы ханты-люди горе не мыкали, чтобы были всегда сыты, пусть одна сторона реки течёт водой, другая жиром рыбьим и жиром звериным, чтобы тело человека было крепким, и чтобы болезни обходили его стороной». «Нет, – говорит Пэрнэ. – Пусть все реки текут водой!». С тех пор все реки и наш Аган текут водой.

ХОР – С тех пор все реки и наш Аган текут водой.

– А почему, старец Ефрем, слова Пэрнэ всегда берут верх?

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Такой век наступил. В старину говорили – хороший век сменяется веком болезней, войн, большой воды – потопом. Но после века горя и печали придёт хороший век. Нужно ждать, и время добра, время Нани Нэ обязательно придёт.

ХОР – Нужно ждать и время добра, время Нани Нэ обязательно придёт! Обязательно придёт, обязательно придёт, обязательно придёт!

ЕФРЕМ – Ну, Старый Человек, та пора не настала ли?

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ –Как знаете, настала, так настала.

Ефрем снимает с полки зачехлённый бубен, расчехляет его, подносит к чувалу и греет, сначала внешнюю сторону, потом внутреннюю, потом вращая, подставляет бока. Ефрем время от времени взмахивает колотушкой – пробует на звук: дошёл бубен или нет. Старец Зиновий молча сидит, скрестив и подобрав к себе согнутые в коленях ноги, посреди главных нар у задней стены.

ФЕДОСЬЯ *(выглядывая в окно)*: – Кабы, кто посторонний не подъехал?

ДАРЬЯ – Собаки дадут знать, услышат, залают.
Старец молча курит трубку. Ефрем подходит к Старцу Зиновию.

ЕФРЕМ – Кажется, дошёл, кажется вот его мера.
Ударяет колотушкой, бубен отзывается сочным долгим звуком. Старец берёт бубен левой рукой, перекладывает в правую, снова в левую, не спеша перехватывает правой, трижды поворачивает бубен по солнцу и, приподняв на уровень лица, выдержав нужную паузу, взмахивает правой рукой, ударяя колотушкой.

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – О, ободообразный, рождённый землёй, рождённый водой, рождённый огнём, рождённый небом!

ХОР – О, ободообразный, рождённый землёй, рождённый водой, рождённый огнём, рождённый небом!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – О, ободообразный, живущий во всех мирах и во всех временах!

ХОР – О, ободообразный, живущий во всех мирах и во всех временах!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – О, ободообразный, живущий в нижнем мире, живущий в среднем мире, живущий в верхнем мире.

ХОР – О, ободообразный, живущий в нижнем мире, живущий в среднем мире, живущий в верхнем мире.

СТАРЕЦ – О, ободообразный, умеющий превратить сушу в воды

и воду в сушу: сделай невидимое видимым. Сделай неслышимое слышимым. Сделай неведомое ведомым.

ХОР – О, ободообразный, умеющий превратить сушу в воды и воду в сушу: сделай невидимое видимым. Сделай неслышимое слышимым. Сделай неведомое ведомым.

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Дай мне сердце оленя, дай мне крылья птицы, дай мне тело стрелы!

ХОР – Дай мне сердце оленя, дай мне крылья птицы, дай мне тело стрелы!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Чтобы долететь мне до Верхнего Бога Торэма Нэм и изведать истину истин!

ХОР – Чтобы долететь мне до Верхнего Бога Торэма Нэм и изведать истину истин!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Пусть отзовутся звёзды, пусть отзовётся небо, пусть отзовётся солнце!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Дай мне сердце оленя, дай мне крылья птицы, дай мне тело стрелы, чтобы помочь охотнику Галактиону. Верни ему прежнюю силу, дай подняться на ноги, чтобы лёгким шагом...

ХОР – Чтобы лёгким шагом шагал!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Зорким глазом...

ХОР – Зорким глазом глядел!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Твёрдой рукой...

ХОР – Твёрдой рукой лук держал!

СТАРЕЦ ЗИНОВИЙ – Пусть отзовутся звёзды, пусть отзовёт-

ся небо, пусть отзовётся солнце, и да помогут они распутать вятки-узлы. Пусть вернутся наши олени, а люди с красными звёздами на шапках оставят нас и дадут народу ханты свободно жить и свободно дышать.

ХОР – Свободно жить, свободно дышать!

Все зачарованно смотрят на шамана. Зрелище волшебное, завораживающе-красивое. Постепенно звуки бубна начинает перекрывать лай собак. В избу врываются красноармейцы. Все присутствующие замирают под стволами ружей.

КОСКА – Ну вот и отшаманился, большой зять Ефрем!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 7

Зимний дом Федосьи и Ефрема. Федосья качает люльку и шьёт. Заходит Дарья.

ДАРЬЯ – Здравствуй, сестра!

Федосья кивает головой, даёт знак говорить тише.

ФЕДОСЬЯ – Только, что уснул.

Дарья на цыпочках подходит к люльке, заглядывает в неё.

ДАРЬЯ – Такой хорошенький, вылитый Ефрем!

Федосья молча кивает головой, продолжая работу. Дарья рассматривает сшитую детскую одежду.

ФЕДОСЬЯ – Как Галактион себя чувствует?

ДАРЬЯ – Хорошо. Ходить начал потихоньку. Я тебе сказать что хотела: говорят, война началась.

ФЕДОСЬЯ – Война? Где война?

ДАРЬЯ – Говорят, Германия напала на Советский Союз. Всех мужчин на фронт будут забирать.

ФЕДОСЬЯ – О-о! Что же это? *(Прижимает шитьё к груди.)* – У нас же братьев сколько по всему Агану и на Ягур-Яхе наши двоюродные! А кто тебе сказал? Может неправда?

ДАРЬЯ – Коска заходил утром. Отец его прогнать хотел. А тот про войну как заговорил, отец давай его расспрашивать. Говорят, сильно большая война. Много городов разрушено. Народу полегло без счёта!

ФЕДОСЬЯ – Горе-то какое!

ДАРЬЯ – Коска говорит, Сталин всем управляет, значит, русские победят.

ФЕДОСЬЯ – Может Коску тоже на фронт заберут?

ДАРЬЯ – Коска говорит, у него бронь.

ФЕДОСЬЯ – Это ещё что?

ДАРЬЯ – Ну, вроде как, даже, если всех заберут, Коска останется здесь. Вроде, как он останется в тылу, ценный кадр.

ФЕДОСЬЯ – Кто, кто?

ДАРЬЯ – Ценный кадр – это он сам так про себя говорит. Я же не сама придумала!

Федосья смеётся.

ФЕДОСЬЯ – Ценный кадр? Может его на ярмарке задорого продать! Ценный кадр! А тыл – это что? Он рассказывал?

ДАРЬЯ – Да. Говорил, что тыл – это мы все.

ФЕДОСЬЯ – Чудно! Как это мы все – тыл.

ДАРЬЯ – Как тебе объяснить? Где война идёт – там фронт. Там солдаты с ружьями воюют против немцев, а где войны нет, как у нас, там тыл. Поняла?

ФЕДОСЬЯ – Так значит, и на нас могут напасть немцы?

ДАРЬЯ – Этого не знаю. Спрошу у Коски.

ФЕДОСЬЯ – Да нет, наверное, не нападут. Как они через тайгу сюда доберутся? Нет. По нашим рекам? Нет. Не нападут.

СЦЕНА 8

Ночь. Зимний дом Федосьи. Федосья топит чувал. Осторожный стук.

ГОЛОС КОСКИ – Дуся – это я, Коска, не бойся!

ФЕДОСЬЯ – Я и не боюсь. Чего тебя по ночам носит?

КОСКА – Не спится.

ФЕДОСЬЯ – А от меня чего надо?

КОСКА – Не кипятись! Про войну слыхала?

ФЕДОСЬЯ – Слыхала!

КОСКА – Повезло Ефрему. Кругом война, а он на нарах, и сам чёрт ему не брат!

ФЕДОСЬЯ – Тебе бы так повезло!

КОСКА – Нечего было ерундой всякой заниматься! Но я не затем пришёл. Я тебе предложение хочу сделать.

ФЕДОСЬЯ – Предложение? У меня муж есть, окстись!

КОСКА – Муж? Где твой муж? Нет у тебя мужа. Не вернётся он! Оттуда не возвращаются!

Подходит к Федосье всё ближе, пытаясь обнять её. Федосья хватает полено и бьёт его по спине. Коска падает. Поднимается в ярости.

КОСКА – Значит так. Не хочешь по-хорошему – дело твоё. Завтра же на лесозаготовки! Кругом война, а она дома нежится, вражина!

ФЕДОСЬЯ – А ребёнка я куда дену?

КОСКА – Не моя забота! Я тебе сделал предложение – ты отказалась!

Уходит, хлопнув дверью.

СЦЕНА 9

Райком партии. Входит Коска.

КОСКА – Здорово, Иван Степанович!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Здоровей видал, тайга твоя закон! Что? Хвастать, аль жаловаться прибыл?

КОСКА – Да, нечем хвастать! Ханты без оленей стонут. Не понимают они оленью коллективизацию.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Какую ещё оленью коллективизацию? Что за отдельная коллективизация такая?

КОСКА – Ханты без оленя нельзя!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – А мы разве отняли у них оленей? Они же в колхозном стаде! Они же никуда не делись, а?

КОСКА – Ну, привыкли они, что у каждой семьи свои олени, а тут вдруг всё общее! Не понимают они!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Плохо ты им политику партии преподносишь! Нет у нас теперь своего ничего! Есть общее – колхозное, государственное! Всё общее – люди, скотина домашняя, зверь лесной, птица, тайга твоя закон! Только общими усилиями и общим трудом

мы достигнем счастья для всех. Усёк, тайга твоя закон?

Медленно расхаживает, курит трубку, подражая Сталину.

– Если б не война, мы может, уже коммунизм бы построили! А тут немец, тайга твоя закон, позарился на наш общественный труд, на нашу прекрасную родину! Весь тыл теперь на войну работает. Что ты думаешь, нам с тобой просто так страна бронь дала? Нет, тайга твоя закон. Мы должны её отработать, себя не жалея. А раз себя не жалеем, значит и других жалеть нечего. Мы должны выстоять – любой ценой. Так сказал товарищ Сталин.

Привыкнут твои ханты к коровам, привыкнут. Молоко начал сдавать?

КОСКА – Ежедневно, пятьсот литров.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ну вот, тайга твоя закон. А говорил, твои ханты к корове не знают, с какой стороны подойти? Корова – тот же олень, только у коровы вымя больше, а у оленя рога ветвистее. Вот и вся разница, тайга твоя закон! Твой колхоз уже по многим показателям впереди! Так что работай, Константин, работай, тайга твоя закон! И не забывай, рыба, рыба, рыба. Стране нужны тонны рыбы, бойцов на фронте кормить!

СЦЕНА 10

Зима. Федосья машет топором. За плечами у неё ребёнок. Она рубит ветки у спиленных кедров и сосен. Вытирает пот со лба. Ребёнок начинает плакать. Федосья достает его из рюкзачка, даёт ему молоко. Кладёт его на подушку из веток. И опять рубит, и рубит ветки, пока не гаснет короткий зимний день.

Лето. Федосья косит траву на соре. Бесконечный летний день. Собирает её в стог. Укрывается под дождём и снова собирает траву. Встают стога на широком сору.

Зима. Увозит стога, один за другим, на оленьей упряжке по первому снегу.

СЦЕНА 11

Федосья идёт с Романом по посёлку. За плечами у неё топор. Навстречу бежит Дарья.

ДАРЬЯ – Федосья! Красная лодка пришла! Говорят, война кончилась! Федосья! Война кончилась! Может Ефрем тоже вернётся скоро! Бежим на пристань!

Федосья, Роман и Дарья бегут к пристани.

ДАРЬЯ *(на ходу)* – Слушай, мне сон приснился, будто Ефрем вернулся!

ФЕДОСЬЯ – Мне тоже Ефрем часто снится, только Коска сказал, что оттуда не возвращаются!

ДАРЬЯ – Не возвращаются? Он же не в нижний мир ушёл, значит вернётся! Вон, смотри, дядя Семён! Это же он, дядя Семён! Охотник Мерку – бурый глаз! Вернулся! Вот счастливый!

Машет рукой. Играет музыка оркестра. Красные флаги.

ХОР – Победа, победа! Войне конец!

Федосья, Роман и Дарья обнимаются, пританцовывая.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 12

Райком партии. Иван Степанович сидит за столом. Рядом на стуле Коска.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ну что, тайга твоя закон! Говоришь, шаман наш из тюрьмы вышел? Повезло же ему! Пока война шла, он на нарах отлежался, а мы с тобой, тайга твоя закон, как труженики тыла, колхоз поднимали, себя не жалея, фронт кормили.

КОСКА – Да, семь лет отсидел. Как вышел, удивляюсь. Ты же говорил, по той статье, что у него была…

ИВАН СТЕПАНОВИЧ *(прерывая)*: – И на старуху, тайга твоя закон, бывает проруха. Работай, работай с ним, раз такое дело, тайга твоя закон!

А баба его, говоришь, так и не далась тебе, как её там?

КОСКА – Федосья, зовут её.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – И, что говоришь, у неё сын? Сколько ему?

КОСКА – Семь лет.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Сын чей?

КОСКА – От Ефрема. Кто ещё?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Не твой?

КОСКА – Где мне! Как Ефрема посадили, она аккурат, через пять месяцев родила.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – И за семь лет ни разу, тайга твоя закон?

КОСКА – Да она хуже бешеной кошки! Только подойди, глаза выцарапает!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ –А тебе баб, что ли, мало? Ты женатый, чай, тайга твоя закон!

КОСКА – Чего ж мало, не мало. И женатый, тоже правильно. Только уж больно красивая Федосья. Веришь, Степаныч, Аж, скулы сводит, как вижу её. Дашка-то моя, она не ахти, я и женился на ней, думал, сестра, поближе к Федосье, вроде родня. Понимаешь, а та сестра однажды мне череп поленом чуть не проломила.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Так это в ту зиму было, что ты в больнице валялся?

КОСКА – Ну… да...

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Э-э, тайга твоя закон! А говорили, вроде балка на тебя свалилась, когда барак строили.

КОСКА – Так… как сказать-то было… я тогда, аккурат, возле барака Федосью подсторожил, когда она поленницу складывала.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ *(смеётся)*: – А чего её не посадил, покушение, ты при исполнении, тайга твоя закон?

КОСКА – А–а, если на то пошло, она не раз на меня покушалась, ещё до женитьбы. Про то никто, кроме меня, не знает. Даже думать о ней спокойно не могу. Всё внутри клокотать начинает. Даже перед Дарьей неудобно. Она баба-то хорошая, добрая и меня любит.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – И что, все семь лет маешься?..

КОСКА – Теперь уж б-больше…

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ну, вот и работай со своим шаманом, тайга твоя закон! Есть предмет для работы! Под корень их, всех врагов народа! (на ухо Коске, шепотком, усмехаясь) А жены их пусть нам достанутся! Тогда и Советская власть, тайга твоя закон, и все… будут счастливы! (резко меняя тон). – Чего тебя вызвал, Константин: план по картошке в два раза поднять приказано. Надо корчевать тайгу под новые поля.

КОСКА – Иван Степаныч! Я все хочу спросить: зачем ханты картошка? Ведь они к картошке непривычные. Другое дело – рыба, птица лесная, зверь.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ *(резко)*: – Ты что говоришь-то? Какая птица-рыба, закон твоя тайга! Вас, дикарей к цивилизации приобщают, а они ещё не довольны! Ты что, против политики партии, тайга твоя закон?

КОСКА *(испуганно)*: – Не-не-нет! Надо, значит надо, Иван С-с-степаныч! Никого не пожалею! Три шку-ку-куры спущу!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Вот и работай со своими шаманами! Пусть на лесоповале вкалывают, на картошке, тайга твоя закон, где там ещё? Никого не жалей! Топором из них шаманскую дурь выко-

лачивать надо, тайга твоя закон!

Поют оба:

– «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем...»

СЦЕНА 13

Изба правления колхоза. За столом сидит Коска. Перебирает бумаги. Почёсывает голову в раздумье. Входит Ефрем.

ЕФРЕМ – Звал?

КОСКА – Звал! Проходи! Садись, заявление писать будешь! На нарах грамоте научился поди?

ЕФРЕМ – Не понимаю. Какое заявление?

КОСКА – Сейчас поймёшь. Тюрьма не научила понимать? Значит, я научу! Вот тебе бумага, пиши! *(диктует):*

Я, враг народа, Ефрем Казымкин, обязуюсь помогать и верно служить партии, и обо всех случаях шаманства докладывать председателю колхоза Константину Покачеву.

ЕФРЕМ *(повернувшись к Коске)*: – Ничего я писать не буду!

КОСКА – Как не будешь? Это мой приказ! А я в колхозе за всех отвечаю! За каждую муху!

ЕФРЕМ – Я не муха, и сам за себя отвечу. Мне бояться нечего.

КОСКА – А мне есть чего! Ты своим Богам молишься, а я своим! Вот Бог, которому я служу! *(показывает на портрет Сталина)*.

ЕФРЕМ – Это твоё дело!

КОСКА – А служить не буду, башку снесут! У меня не спрашивали. Ты в тюрьме сидел в те годы, когда меня Советская власть в Сургут вызвала. Дали печать, замок амбарный, ящик – вот этот…

и сказали: вот тебе Коска стол – теперь это твой престол! Управляй колхозом! Всю войну управлял, пока ты на нарах лежал. А теперь ты мой колхозник! Как раз разнарядка пришла на лесоповал! Вместе с Федосьей.

ЕФРЕМ *(поднимается, подходит к Коске)*: – Ты мою жену не трогай! У неё ребёнок. Пусть дома будет. Ей и так досталось без меня.

КОСКА – Ребёнок? У всех ребёнок! Колхозу нужны рабочие руки! А клешни свои держи по стойке «смирно», а не то я быстро оформлю тебя ещё лет на десять. Пиши, хуже будет. Не напишешь сам, я накатаю. Ну? (пишет) Какую статью тебе приляпать, уголовную или ты по политике предпочитаешь?

ЕФРЕМ – Ты точно, бес, Коска!

КОСКА – Ну, бес ли я или кто, не тебе судить. У меня есть люди *(поднимает палец кверху)*, которые получше тебя разбираются, кто я есть на самом деле. Короче, распишись и иди. Деваться тебе некуда.

(Читает свою бумагу): «Я, враг народа, Ефрем Казымкин, обязуюсь помогать и верно служить партии, и обо всех случаях шаманства докладывать председателю колхоза Константину Покачеву».

Тебе даже не пришлось пером скрипеть, я всё за тебя сделал, Большой Зять, уважение проявил к тебе, уркагану, только подпиши, и иди гуляй!

Ефрем сидит, сжав кулаки.

КОСКА – Не сжимай кулаки, если что! У тебя семья, не забудь! Можешь потерять всё в один миг из-за своей закорючки!

Ефрем скорчившись, словно от боли, подходит и подписывает бумагу. Почти бегом направляется к выходу. Коска забирает бумагу со стола, ставит печать и прячет в ящик.

КОСКА – Ну, вот, теперь порядок! Русские бумагу любят! Говорят: «Без бумажки – ты букашка» *(кричит вслед Ефрему)* и помни, я тебе не Коска, а Константин Лексеич, ясно? Константин Лексеич, Большой Зять, запомни!

СЦЕНА 14

Дом Ефрема. Федосья печёт хлеб. Роман трёт порсу деревянной ступкой.

РОМАН – Мама! Мне сегодня снова приснилась наша золотистая малышка.

ФЕДОСЬЯ – Ты всё ещё помнишь её?

РОМАН – Как она мне часто снится! Всегда, когда я говорю подушке, чтобы она подарила мне сон про нашу малышку. Но… она всё время ускользает от меня. Я хочу накормить её поджаренным хлебом, он так вкусно пахнет даже во сне, а малышка пугается и убегает.

ФЕДОСЬЯ – А я-то думаю, почему у тебя глаза красные по утрам…

РОМАН – Мама, когда олени вернутся?

ФЕДОСЬЯ – Олени ушли в Нижний мир. Которые от работы надорвались, кого новая власть отняла. Лучше не вспоминай, а то и у меня сердце ныть начинает.

РОМАН – Ладно, ладно мама, я больше не буду! Может хватит порсы? Я уже полведра натёр!

ФЕДОСЬЯ – Да ты что, сынок! У нас же папка вернулся! Много порсы, много хлеба теперь надо печь. Он ведь мужчина. Мужчина в доме, значит и еды надо много.

РОМАН – Мама! А за что папку в тюрьму посадили? Дашка Лямкина говорит… он враг народа…

ФЕДОСЬЯ – Враг? Какой же он враг? Твой отец многим людям помог.

РОМАН – Помог? А за что его тогда в тюрьму?

ФЕДОСЬЯ – Он людей лечил, а советская власть запретила. Хотя испокон веку шаман в тайге лекарь.

РОМАН – А наш папка шаман?

ФЕДОСЬЯ – Молчи, не спрашивай лучше и не говори никому про отца.

РОМАН – А что будет? Могут опять в тюрьму?

ФЕДОСЬЯ – Могут. Молчи.
Входит Ефрем

ФЕДОСЬЯ – Чего Коска звал?

ЕФРЕМ – Большим Зятем меня назвал. Как случилось-то, что Дашка за него пошла?

ФЕДОСЬЯ – Куда ей было деваться? Тебя с Зиновием когда заарестовали, вскоре путина началась. Мы пошли тремя баркасами: я, дядя Семён и Тайлаковы вдвоём. Дарья одна осталась с ребятишками, Галактион тяжело поправлялся, ещё год в ногах силы не было. А голод-то их тем летом всех одолел, и Коска не упустил своё. Пожалела Дарья сестёр и отца больного, пошла за Коску. Я в зимний дом вернулась по снегу, они уже женаты были. Коска сам бумагу выписал, как председатель.

ЕФРЕМ – Породнился, всё-таки! Шайтан! Да, теперь ничего не попишешь.

ФЕДОСЬЯ – А Галактион с Коской так и враждуют.

ЕФРЕМ – Так это понятно. А чем вы тут живы были без меня? Голодали?

ФЕДОСЬЯ – Нет, нет, ты не думай! Мы не голодали. А Роман, знаешь, как ловко научился морды плести! Ну-ка сынок, покажи

отцу! Нет, не голодали! Мы тебя ждали, а когда ждёшь, про всё забываешь!

ЕФРЕМ – Ну что, сынок, пойдём смотреть? А то скоро лёд выйдет. Давно на реке не был. Стосковался.

ФЕДОСЬЯ – Говорят, норму рыбосдачи в эту путину опять поднимут.

ЕФРЕМ – Да, меня Коска вроде в командировку отправляет. Тайгу корчевать.

Федосья смотрит растерянно.

ЕФРЕМ – Да здесь недалеко…

ФЕДОСЬЯ – Ну вот, и Романа с осени в интернат забирают.

ЕФРЕМ – В интернат, в какой такой интернат?

ФЕДОСЬЯ – Ему в школу нынче. Вот в интернат и забирают. Там учиться и жить будет.

ЕФРЕМ – А как же… подожди… а кто… а как они дальше… без родителей? Кто ребёнка рыбачить, охотиться научит?

ФЕДОСЬЯ – Советская власть всему научит. Вроде, не должны ханты в тайге жить, надо в колхозе в одном котле вариться. Да мы не вольны выбирать. Сам ведь знаешь.

ЕФРЕМ – Значит и до детей очередь дошла.

СЦЕНА 15

Федосья берёт куженьки и собирается к колодцу. Роман видит её и стремительно несётся навстречу.

РОМАН – Мама, можно я с тобой?! Дай мне куженьку, я тебе помогу!

ФЕДОСЬЯ *(недолго подумав)*: – Эти куженьки для тебя велики.

РОМАН – Мама, я хочу тебе помочь!

ФЕДОСЬЯ – Ну, что ж сынок, пошли!

Роман берёт пустые куженьки, и они спускаются к колодцу (киври) за водой. Они подходят к островерхому навесу из жердей и мха. Под навесом колодец.

РОМАН – Мама, а зачем киври навес?

ФЕДОСЬЯ – Он защищает колодец от ветра, от пыли.

Федосья берёт берестяной ковшик и, зачерпывая воду, наполняет куженьки.

РОМАН – Мама, а почему ты своим ковшиком воду черпаешь?

ФЕДОСЬЯ – Потому, что нельзя лезть куженькой в общий колодец.

РОМАН – Почему?

ФЕДОСЬЯ – Чтобы вода чистой оставалась. Ведь люди разные, мысли разные.

РОМАН – Разве воду можно мыслями запачкать?

ФЕДОСЬЯ – Можно. Поэтому, у колодца нельзя браниться, говорить плохие слова. Плохое слово упадёт в воду, и кто-то проглотит его. Тогда человеку будет плохо. Нельзя желать людям зла.

Мать и сын поднимаются к селению.

РОМАН – Мама, а как вода становится водой?

ФЕДОСЬЯ – Вода, сынок, это сок таёжной земли. У каждого колодца свой родник, а родники рождаются из талого снега, сока спелой клюквы, брусники, берёзы, черёмухи… из всего, что растёт на земле. Как воды из колодца выпьешь, так усталость пропадает и настроение хорошее.

РОМАН – Так значит вода волшебная?

ФЕДОСЬЯ – Да, сынок, волшебная.

РОМАН – Мама, я хочу свою куженьку, чтобы носить волшебную воду!

ФЕДОСЬЯ – Вот и смастеришь завтра с отцом вместе свою куженьку.

СЦЕНА 16

Над посёлком зарево. Ефрем, Роман и Федосья смотрят в сторону горящего леса.

ЕФРЕМ – Что-то у геологов случилось. Горит в стороне Священного Бора.

ФЕДОСЬЯ – А кто это – геологи? Охотники, что ли?

ЕФРЕМ – Геологи? Нет, они не охотники.

ФЕДОСЬЯ – А что им в тайге нужно?

ЕФРЕМ – Говорят, подземный огонь они добывать будут.

ФЕДОСЬЯ – Подземный огонь добывать? Как это?

ЕФРЕМ – У них вышка железная выше самого высокого кедра. А с вышки спускается, вроде колотушки, только железный, здоровый такой бур у них называется. Он землю разрывает и оттуда огонь подземный и нефть.

ФЕДОСЬЯ – Нефть? Это что?

ЕФРЕМ – Это они так кровь земли называют.

ФЕДОСЬЯ – А как они сюда добрались?

ЕФРЕМ – Известно, как. На болоте, за Юганом, помнишь, где вода в пятнах, вроде радуги?

ФЕДОСЬЯ – Ну, за Юганом?

ЕФРЕМ – Ты ещё сказала тогда, что Матерь-Земля дышит, лишнюю кровь из себя выпускает?

ФЕДОСЬЯ – И что?

ЕФРЕМ – Русские охотники тоже пятна видели, кому-то рассказали, а тут как раз геологи. А они по земле ходят и ищут, где бы чего раскопать.

ФЕДОСЬЯ – А зачем им кровь земли?

ЕФРЕМ – Чтобы Коска на катере по реке мотался.

ФЕДОСЬЯ – Неужели из-за Коски они сюда пришли?

ЕФРЕМ – Шучу я. Советская власть их прислала. Мотор на катере чем заправляют? Бензином. Катеров много надо, значит бензина много надо. А бензин откуда?

ФЕДОСЬЯ – Неужели из крови Земли?

ЕФРЕМ – Из чего ещё?

ФЕДОСЬЯ – И они теперь будут нашу Землю калечить?

ЕФРЕМ – А ты как думаешь?

ФЕДОСЬЯ – Нашу землю? Так нас теперь Боги накажут!

ЕФРЕМ – А нас-то за что? Я так понял, что советская власть всех Богов отменила. И теперь русские ничего не боятся.

ФЕДОСЬЯ – Как это? Был же у них русский Бог, и царь был!

ЕФРЕМ – Отказались они и от Бога, и от царя. Теперь сами хозяева на всей Земле. Куда пришли, там и хозяева. Большевики они теперь зовутся. Отец слышал, что красные, большевики то есть, Лисьи юрты расстреляли.

ФЕДОСЬЯ – Расстреляли?

ЕФРЕМ – Ханты отказались сети ставить в Белом озере.

ФЕДОСЬЯ – Так оно же Священное – Белое озеро?

ЕФРЕМ – Вот и отказались ханты Богов гневать, а их расстреляли, прямо с аэропланов. Им что наши священные места? Нет, погоди, одно святое место у них есть, там, где Сталин живёт.

ФЕДОСЬЯ – А где Сталин живёт?

ЕФРЕМ – Далеко.

ФЕДОСЬЯ – Дальше Сургута?

ЕФРЕМ – Дальше. Туда ни нартами, ни лодкой не дойдёшь. Москва называется.

ФЕДОСЬЯ – А как же он так далеко, а мы его волю выполняем?

ЕФРЕМ – Сталин у русских теперь вместо Бога, и его воля для них священна.

ФЕДОСЬЯ – Так он у них что ли, как наш Торум?

ЕФРЕМ – Да. Пока, такие, как наш Коска ему служат, Сталин будет Богом на земле. Хотя, ты же знаешь, и хорошее, и плохое послано свыше. Это вроде, как испытание – выдюжит человек, значит – выживет, и будет жить дальше, а если нет, значит, такова воля Богов.

ФЕДОСЬЯ – И в самом деле, время Пэрнэ наступило. Жестокая

злая Богиня! Но всё равно, я верю, что Матерь-покровительница защитит нас. Она тебя мне вернула, это самое главное!

СЦЕНА 17

Изба Федосьи и Ефрема. Галактион и Ефрем чинят сети.

ГАЛАКТИОН – Вот так, подчистую, всех оленей и прикончили. Твоё стадо Коска в первую очередь к рукам прибрал. Как Федосья ни защищала своих важенок, надорвались они в колхозе-то. Парнишку твоего жалко мне было до слёз, когда последняя важенка сдохла. У неё малышка осталась, Золотистой прозвал её Роман. Такая красавица была – сама светленькая, будто и впрямь золотистая и пятнышко на лбу беленькое. Матка-то, важенка, сдохла, чем кормить детёныша? Болтушкой рыбной выкармливать начали, а у неё через время живот вспух, не принимал организм грубую пищу, вскоре тоже вслед за матерью.

Как Роман плакал! Даже я не выдержал, вместе с ним два дня ревел. Веришь? Я охотник, на Чернолицего не раз ходил один на один, а тут весь уревелся, как ребёнок. Федосья всё в себе держала, ни слова не сказала. Кремень баба. Голод, холод – ничего ей не страшно, а вот мне пришлось дочку отдать, когда голод наступил. Я ведь теперь на что гожусь? Сам видишь, на лыжах не хожу, сеть держать не могу. Так просто небо копчу. Так вот, еды разной Коска принёс, а мои ребятишки уже пухнуть начали с голоду в тот год, Дарья чёрная от работы, а в доме всё равно шаром покати, война ведь к тому же, всё на фронт отдавали.

ЕФРЕМ – Да, Галактион! С одной стороны Коска твою семью спас, с другой... Да ладно! Всё это ерунда, главное – ты живой, дочери у тебя уже подросли, теперь помощницы, ну а Дарья – у них семья, ничего не попишешь.

ГАЛАКТИОН – Он меня на порог не пускает, будто чего-то боится. А ты меня и в самом деле спас, Ефрем! Если бы не ты, мне бы уже не жить!

ЕФРЕМ – Роман! Дойди до сельсовета, посмотри, Коска у себя? Глянь, нет ли чужих в стойбище.

РОМАН – Ладно, папа.
(Убегает, на ходу одеваясь. В избу входит Федосья.)

ФЕДОСЬЯ – Здравствуй, дядя Галактион! Ефрем! Куда Роман бегом припустил?

ЕФРЕМ – Да посмотреть я его отправил, нет ли чужих в округе.

ФЕДОСЬЯ – Ты что-то задумал?

ЕФРЕМ – В Священный Бор пойдем с Галактионом. Поклониться хочу Матери-Покровительнице, Нум-Торуму, за то, что живым вернулся в родной дом. А ты собери–ка, всё самое лучшее в доме. Отрез шёлковый, что я привёз, чай, щук вяленых, медвежий жир!

ФЕДОСЬЯ – Конечно, Ефрем! Только разве я этого не знаю?

ЕФРЕМ – Да, это я для себя повторяю. Сколько лет в Священном Тереме не был, сколько лет воздухом Бора не дышал, священную тишину не слышал. Будто душу из меня кто вынул, и теперь она отдельно от меня живёт. Надо её на место вернуть.

СЦЕНА 18

Федосья, Ефрем и Роман молча приближаются к Священному Бору. Подходят к семейному Терему. Дарья развешивает шёлковый лоскут на деревья. Галактион, Ефрем и Роман заходят в Терем. В Тереме постелена мягкая чистая шкура. На широкой полке вдоль передней стены Нашей Реки Матерь-Покровительница, Урман-Старик, Божий Сын в лисьей шапке.

В это время Федосья заваривает чай и накрывает стол рядом с Теремом. Поднимается пар к небу. Мужчины выходят из Терема спиной к выходу, лицом к домашним Богам. Лестница с семью ступенями-зарубами. Садятся за стол, накрытый Федосьей. Поют все вместе:

– О-о-о, этого ягельного Агана на долгой середине,
Этого рыбного Агана на долгой середине,

Сидящая наша Агана-Матерь-Богиня,
На этой твоей воде рожденные,
На этой твоей Земле на глаза попавшие,
На образ солнца похожие,
На образ луны похожие,
На тебе посвящённые,
Уголок своего глаза держи,
Долгой жизни нашепчи,
Долгого века нашепчи,
От некого ноги несчастья,
От некого руки несчастья,
За одним – двух деревьев тенью
Стороной пронеси!
От некого пожирающего духа,
От некого кусающего духа
Охраняя, защищая,
Стороной пронеси!

Прими от меня от ханты-охотника Ефрема благодарность за освобождение от некого пожирающего духа, от некого кусающего духа, от тюремных оков. Дай терпения нам, чтобы выдержать, чтобы вынести огонь и железо калёное красного царя, и его слуг верных с красными звёздами на шапках. Верни утраченную свободу ханты-людям, чтобы могли они свободно жить охотой, рыбалкой, как предки умели, как предки велели!

Все замирают в полной тишине.

СЦЕНА 19

Семья возвращается из Священного Бора. Роман, немного отстав, заметил огромный гриб. Он срывает его и несёт матери.

РОМАН – Мама, посмотри, какой гриб я нашёл!

ФЕДОСЬЯ – Тихо, не кричи, в лесу нельзя кричать! И не надо было тебе срывать этот гриб. В Священном Бору ничего трогать нельзя. Всё, что здесь растет – всё священно.

РОМАН – …и даже грибы?

ФЕДОСЬЯ – И грибы! Да, да сынок!

РОМАН – А почему бор называется Священным?

ФЕДОСЬЯ – Потому, что здесь живёт наша Матерь-Покровительница. Отец у неё Нум-Торум, Верховный Бог, а мать – Матерь, Земля-Богиня. Однажды они отправили дочь на Землю, чтобы она оберегала всё вокруг.

РОМАН – Оберегала и меня, и тебя, и папу, и всех людей?

ФЕДОСЬЯ – И нас, и всех людей!

РОМАН – Так это, значит, она помогла дяде Галактиону?

ФЕДОСЬЯ – А кто же? Мы молились за него, старец Зиновий по небесной дорожке поднимался к Нум-Торуму. Ханты нельзя без молитвы. Ханты без Бога погибнет. Слишком земля наша суровая. Все должны уважать её силу, её могущество. В ней корень всех корней жизни.

РОМАН – А где он? Я хочу его увидеть, этот корень жизни!

ФЕДОСЬЯ – Он сынок, уходит глубоко в Землю, поэтому нельзя землю ранить, а поранивший Землю – поранит корень всех корней.

РОМАН – И даже тех, кто живёт далеко отсюда?

ФЕДОСЬЯ – Всех. Потому, у каждого народа своя земля и своя пища. Бог всем всего раздал в меру, поэтому жить сверх меры, значит, у других отнимать силу и здоровье, не по-человечески это.

РОМАН – А как же те, кто добывает подземный огонь?

ФЕДОСЬЯ – Они не чувствуют боль земли. Часто человек ставит себя выше Бога, думает, что ему всё, всё можно. Тогда земля начинает болеть, эту боль изначальную чувствуют немногие. И тогда может прийти другая, общая боль, её почувствуют все, но, возможно, уж будет поздно.

РОМАН – И люди умрут?

ФЕДОСЬЯ – Может и не умрут, но земле будет плохо, а значит, и людям станет плохо. Лучше бы такое время никогда не наступило!

РОМАН – Ну, что люди умирают, это я понимаю, они становятся старыми, или что-то случается. А откуда они появляются?

ФЕДОСЬЯ – Как откуда? Золотой цепью каждая колыбелька привязана к посоху Богини Земли. Вот я увидела твою колыбельку и забрала тебя к нам в дом. А ты стал кричать, а я удивлялась, глядя на тебя. Смотрю – и ушки, и ножки, и глазки – всё на месте, будто тебя кто вылепил. Просто не верила своим глазам!

РОМАН – А что я делал?

ФЕДОСЬЯ – Ты? Всё время спал или плакал.

РОМАН – Представляю, как это было ужасно!

ФЕДОСЬЯ – Почему ужасно? Малыши все плачут.

РОМАН – А почему плачут? Они, что, не рады, что встретили маму?

ФЕДОСЬЯ – Этого я не знаю. Маленькие ведь не умеют разговаривать, что у них в голове, никто не знает.

РОМАН – А шаманы тоже маленькие бывают и в колыбельке спят?

ФЕДОСЬЯ *(резко обрывает)*: – Не говори это слово, забудь!

СЦЕНА 20

Зимний дом Ефрема и Федосьи. Семья за обедом. Вбегает Дарья, жена Коски.

ДАРЬЯ – Ефрем! Помоги! Илюшка заболел. Горит весь! Что делать, не знаю!

ЕФРЕМ – Пусть Коска за врачом посылает. Он бумагу с меня взял, лечить партия запретила.

ДАРЬЯ – Какая партия, Ефрем! Умрёт, ведь Илюшка! *(рыдает)* Сын единственный!

Ефрем смотрит на Федосью.

ФЕДОСЬЯ – Иди, Ефрем, спасать надо ребёнка!

ДАРЬЯ – Ефремушка! Помоги!

ЕФРЕМ – Что Коска скажет?

ДАРЬЯ – Нет его. В район уехал. Сказал, не будет его дня три.

Ефрем выходит в сени. За ним выскакивает Роман. Ефрем ищет что-то на полках, где лежат мешочки с сушёными травами.

РОМАН – Папа! Может тебе не надо туда идти?

ЕФРЕМ – А кто поможет маленькому Илюшке? Врач далеко. Может не успеть.

РОМАН – Я с тобой пойду!

ЕФРЕМ – Нельзя сынок. Болезнь – ведьма злая и ненасытная. Оставайся лучше дома!

СЦЕНА 21

Роман бежит со всех ног в Священный Бор.

РОМАН *(шепчет на бегу)*: – О, Матерь-Покровительница! Спаси моего папу! Вдруг его опять посадят в тюрьму! Матерь-Покровительница! Я никогда больше не буду валяться в песке, дразнить Лямкину Дашку, драться с Петькой Тайлаком!

В Священном Бору он видит страшную картину. Их семейный Терем разорён. Кругом следы пребывания вандалов. Горят семейные идолы. Роман снимает одежду и тушит огонь.

Наконец огонь потушен, он падает на землю и рыдает.

СЦЕНА 22

В правлении колхоза Коска и милиционер.

КОСКА – Он сейчас на реке. Как вернётся, можешь брать его. Я ведь с него расписку взял, что не будет больше шаманить. Так ведь нет. Опять за старое взялся. Сына моего вздумал колдовством своим, шаманством, лечить!

МИЛИЦИОНЕР – И что, вылечил?

КОСКА – Вылечил, пока я в Сургуте, в райкоме был. Подумай, сына коммуниста лечит шаман! Разве такое можно допустить? Ведь всего год, как освободился, и вот тебе – на!

МИЛИЦИОНЕР – Да, дело серьёзное…

КОСКА – Он последний из рода Казымкиных. Всех врагов народа мы истребили, один Ефрем остался. И ты знаешь, рыбак ведь он отменный! Видать, и здесь колдует! Бывает, ни у кого улова нет, а у Ефрема полная сеть всегда. Чёрт, а не человек! А жена его, Федоська, как её не крути, в руки не даётся!

МИЛИЦИОНЕР – Как это, не даётся, может я попробую?

КОСКА – Сам справлюсь. Ты иди за Ефремом, смотри, он сбежать может.

Милиционер подходит к двери.

КОСКА – Погоди-ка, я с тобой пойду. Думаю, что живым его взять не удастся. А мы его, при попытке к бегству, понимаешь?

МИЛИЦИОНЕР – Понимаю *(усмехается)*, чего ж не понять.

СЦЕНА 23

Причал. На катере подъезжает секретарь райкома Иван Степанович. Здоровается с приёмщиком рыбы Василием Венециановичем.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Здорово живёшь, фронтовик!

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Иван Степаныч! Доброго здоровья, редкий гость, с чем пожаловали?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Что, правда, то правда, тайга твоя закон! Давно здесь не был. Дел по горло, некогда! Я чего, Венецианович, ненадолго заскочил. Передовиков надо к награде представить. К 30–летию октябрьской революции. Кто у тебя нынче? Самые достойные?

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Так и думать не надо – Федосья Казымкина! Три нормы ежедневно.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ну-ну, не горячись! Федосья – жена врага народа, с такими (пауза) надо поосторожней, тайга твоя закон!

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Не знаю, кто там враг, а для меня один враг – немец!

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – У нас ещё внутренних врагов полно, и Казымкин – один из них *(пауза)* был, тайга твоя закон!

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – А что, правда, Ефрема при попытке к бегству, он вроде мужик справный?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Ты меньше говори, Круглов, целее будешь, понял? Тайга твоя закон!

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Я *(пауза)* конечно *(пауза)* Вам виднее, но по мне – Федосья – первая.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ – Федосью – нет! Кого хочешь, любого, хоть самого распоследнего, только не её!

СЦЕНА 24

На причале идёт приёмка рыбы, засоленной в бочках. Приёмщик Василий Венецианович принимает рыбу у Федосьи.

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Сколько, Федосья, сегодня?

ФЕДОСЬЯ – Твоё дело, считай…

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Что хмурая такая?

ФЕДОСЬЯ – А что радоваться?

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Насильно, конечно, радоваться не заставишь, так ты молодая, здоровая, рыба к тебе так и прёт в сети!

ФЕДОСЬЯ – Молодая? Зачем?

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Нельзя так убиваться, у тебя сын, его растить нужно.

ФЕДОСЬЯ – Ах, Василий Венецианович! Сколько я Ефрема ждала, думала, вернётся, жизнь пойдёт по другому, а теперь я жить не хочу.

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Это грех. Сколько наших русских баб после войны без мужиков осталось. Тьма! Молись, Федосья, несмотря ни на что, молись и верь! Со мной однажды такое приключилось, что я теперь без молитвы ни спать не ложусь, ни утром на улицу не выйду. На фронте, как раз под Москвой дело было. Бои страшные. Сколько народу полегло!

Спали, почти стоя, как лошади, часа три, и снова под ружьё. Так вот, снится мне сон, будто Агрофена моя, как наяву, вот так прямо пришла ко мне и говорит: «На тебе, Василий, оберег мой. Достался мне от прабабки». И даёт иконку крохотную на тоненькой верёвочке. Тут я проснулся. Ни Аграфены, ни иконки. Чудеса, думаю. А к вечеру почта пришла. Письма бойцам доставили. У них радость, а мне

что? Мои-то в оккупации на Брянщине. Кто напишет, немцы что ли? Одним словом, грустно мне стало. Но к письмам ещё посылки прилагались. А в посылках кисеты, носки вязаные, ну что обычно на фронт посылают.

Командир наш, Минин фамилия, видит, что тоска меня заедает, даёт мне посылочку. «Возьми, – говорит, – боец Круглов».

Посылка из Сибири была, как сейчас помню, из Иркутска. А в ней носки, интересные такие, с полосочками. Полосочка жёлтая, полосочка красная, весёленькие, будто детские.

Командир говорит: обувай, мол, по праздникам, и помни, что Брянщина скоро будет наша! Как в воду глядел. Я носки-то взял. Примерять не стал. Уж больно они хитрые мне показались. Не буду же я их на портянки натягивать. Без портянок бойцу смерть, а носки баловство. Но на руку примерил. Чувствую, в носке что-то спрятано. Что-то маленькое, круглое. Но доставать не стал. Думаю, когда один останусь, посмотрю. Так вот, была там иконка, точно такая, как я во сне видел. Друг мой, Сидоров Коля, мы с ним из одной деревни родом, я тогда ему рассказал про чудо, что со мной приключилось. А он говорит: – «Ну, Васька, теперь жить будешь до самой смерти!» И давай смеяться. Потом серьёзным стал и говорит, мол, неспроста это, Вася. Видать, жить тебе долго и до Берлина идти и за себя, и за меня. Я говорю, мол, ты, Коль, чего? Он опять смеётся. Но как знал. Погиб в сорок третьем. А я так и воевал за себя и за него, правда, руку потерял. Но это уже в Берлине, в последнем бою.

Понимаешь? Жив ведь, смотри. Спасла меня иконка-то, до сих пор ношу!

ФЕДОСЬЯ – Значит, если я молиться буду, мне легче станет?

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Конечно. Ты только верь, Федосья! Это у нас Бог один, а у вас, у хантов-то, вон их сколько! И речные, и лесные Боги. Да тебе, каждая травинка поможет!

ФЕДОСЬЯ – Какой ты добрый человек, Вицаныч, если бы все такие были!

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Ты обратно-то как? Река обмелела, пески кругом!

ФЕДОСЬЯ – Бечевой пойдем, сын поможет!

ВАСИЛИЙ ВЕНЕЦИАНОВИЧ – Молодец он у тебя. Помощник растёт в отца. Может ему хоть счастье будет? Дай-то Бог!

СЦЕНА 25

Роман и мать сидят у костра. Рядом лодка, с верхом нагруженная домашним скарбом. Они отдыхают, возвращаясь с берега Агана в зимний дом. Их путь лежит по руслу обмелевшей реки вверх по течению. Местами, там, где река совсем обмелела, лодку приходится тянуть за собой, идти бечевой.

РОМАН – Как бы мне хотелось, чтобы сейчас Нани была с нами!

ФЕДОСЬЯ – Чего ты вдруг вспомнил Нани?

РОМАН – Ты разве не помнишь сказку старца Зиновия? Представь мама, идёшь в сторону Агана, течение помогает, обратно идёшь, тоже течение помогает!

ФЕДОСЬЯ – Да, сынок, хорошо было бы.

РОМАН – Жаль только, что век Нани ещё не наступил, но он придёт обязательно, нужно ждать! Так говорил старец Зиновий! Мама, а можно я в интернат не поеду?

ФЕДОСЬЯ – Почему, сынок?

РОМАН – Там плохо. Будут дразнить, что у меня папка враг народа. Там даже нельзя на своём языке говорить, только по-русски. Мама, а русские плохие?

ФЕДОСЬЯ – Всякие. Люди всякие есть. Дядя Василий русский, а какой добрый! А Коска ханты. Сколько он нам зла сделал, хотя и свой вроде. А тебе, сынок, учиться надо. Видишь, какая жизнь тяжёлая. Выучишься, станешь учёным, или ещё кем. Не будешь таскать бечевую по пескам.

РОМАН – Я тайгу люблю, дом свой люблю, не хочу среди чужих жить.

ФЕДОСЬЯ – Терпи, сынок! Папка что говорил: «Надо выдюжить. Такой век наступил». Давай с тобой помечтаем! Вот вырастешь ты большой, выучишься, будешь хорошо по-русски знать. Россия, она огромная, много русских людей. Среди них есть всякие, а есть хорошие, добрые, как наш Венецианыч. А есть учёные большие, известные по всей Земле. У них жизнь совсем другая, на нашу не похожа.

РОМАН – Хорошая жизнь?

ФЕДОСЬЯ – Наверное. Много разной еды, машины. Помнишь, когда красная лодка кино привозила, там всё это показывали. У них всё по-другому. Я бы так не смогла жить.

РОМАН – А нам в интернате рассказывали и про ученых, и про музыку.

ФЕДОСЬЯ – Про музыку?

РОМАН – Да. Есть такие люди. Они музыку пишут нотами. А другие её играют на разных инструментах, и получается музыка. Её надо слушать.

ФЕДОСЬЯ – Пишут нотами?

РОМАН – Да, такие кружочки на линеечках.

ФЕДОСЬЯ – И в этих кружочках музыка?

РОМАН – Да, и много людей слушают, как музыку играют по нотам.

ФЕДОСЬЯ – Чудно! Видишь, какая жизнь разнообразная! Может и к лучшему, что ты по-другому жить будешь?

РОМАН – А я хочу жить, как ты, как папа жил.

ФЕДОСЬЯ – Наша жизнь слишком тяжела, Роман, слишком. Я бы не хотела, что бы тебе пришлось также тяжело в жизни. *(Поднимается.)* – Пошли скорей сынок! Нужно успеть вернуться в юрты до заката.

Берут верёвку, идут дальше.

СЦЕНА 26

Зимний дом Федосьи и Ефрема. Заходит Коска.

КОСКА – Здравствуй, Федосья! Федосья молча смотрит на Коску.

КОСКА – Чего не здороваешься? Гордая такая сидишь.

ФЕДОСЬЯ – Что надо, говори и уходи.

КОСКА – Чего так г-грубо разговариваешь? Забыла, кто я?

ФЕДОСЬЯ – Рада бы забыть, так ты будто чёрт, перед глазами мельтешишь.

КОСКА – Как ты меня назвала?! В общем, долго говорить не буду. Собирай свои манатки, и переезжай жить в колхозный барак. Там у тебя будет койка. Каникулы кончились. Романа я в интернат отвезу. А тебе одной места хватит!

ФЕДОСЬЯ – Ни в какой барак я не пойду. У меня дом есть! Его Ефрем, муж мой, строил и я отсюда никуда не уйду!

КОСКА – Мужа твоего *(пауза)*, лучше тебе о нём забыть! Его пристрелили при попытке к бегству, как врага народа!

ФЕДОСЬЯ – Это ты всё подстроил! Какой он враг, он сына твоего спас!

КОСКА – Не будем об этом! Моё слово последнее. Собирайся, как ты говоришь, на «русскую работу». Заготовкой дров займёшься

для сельсовета! Твой рабочий день с семи утра до восьми вечера! Поняла? Спеши, а то опоздаешь!

ФЕДОСЬЯ – Мне до завтра не успеть. Романа собирать надо, лодка прохудилась, как на тот берег переправлюсь, на чём?

КОСКА – Жить захочешь, переправишься!
Садится на моторную лодку и уезжает.

СЦЕНА 27

Зимний дом Федосьи. Федосья рыдает. Роман, глядя на мать, вытирает слёзы.

ФЕДОСЬЯ – Сынок, надо вещи собрать, помоги мне!

РОМАН – Я свои уже собрал, мама, сейчас твои тоже сложу. Ты, мама, только не плачь!

ФЕДОСЬЯ – Сейчас, сынок, я успокоюсь, надо плот сколотить, на лодке нам не переправиться, прохудилась совсем.
Выходят на улицу, собирают плот.

РОМАН – Мама, а что такое «русская работа»?

ФЕДОСЬЯ – Всякая подневольная, что красный царь придумал, она и есть русская работа. Разве ханты колхоз нужен? Нет, не нужен. А теперь колхоз ждёт не дождётся, когда ты вырастешь, чтобы начать тебе хребет ломать да кровь твою пить.

РОМАН – Я что, тоже колхозный?

ФЕДОСЬЯ – А ты как думал? Колхоз всех в посёлок собирает. Только, как в посёлке выжить? Свежей рыбы нет. Свежего мяса нет. Ягоды брать негде – до ягодников далеко, ехать не на чем. Ни оленей, ни лошадей нет, всех извели. «Кулвоз» – чёртов воз, этот колхоз, хуже тюрьмы. Мужчины и женщины начинают водку пить, на людей походить перестают.

РОМАН – А как же русские женщины русскую работу терпят?

ФЕДОСЬЯ – Их приучили к такой работе.

РОМАН – Кто приучил?

ФЕДОСЬЯ – Красный царь приучил, кто ещё? При белом царе ханты свободно жили, детей своих сами растили, сами себя кормили, оленей держали. Никто никого не неволил в колхоз идти. А потом белого царя выгнали, красного поставили. И жизнь совсем другая стала.

РОМАН – При белом царе жизнь была легче?

ФЕДОСЬЯ – Жизнь не бывает лёгкой. Просто та жизнь – она привычна нам.

РОМАН – А кому непривычна?

ФЕДОСЬЯ – Кому? Тем, кто не ходил по нашим тропам-дорогам, кто не знает наш язык, нашу жизнь. Они думают, что раз она не похожа на их жизнь, значит она неправильная.

РОМАН – Почему неправильная?

ФЕДОСЬЯ – Не знаю, сынок. Жили мы своей жизнью, и вдруг нас заставили жить по-другому. Прежнее всё разрушили.

РОМАН – А зачем?

ФЕДОСЬЯ – Красный царь думает, что так будет лучше.

РОМАН – Лучше? Разве насильно можно сделать лучше?

ФЕДОСЬЯ – У красного царя много слуг, советская власть это называется.

РОМАН – Как называется?

ФЕДОСЬЯ – Советская власть. Коска так говорит. У кого власть – тот всегда прав.

РОМАН – А я не хочу, чтобы было так, как Коска говорит.

ФЕДОСЬЯ – Вот ты вырастешь, сынок, и всё будет по-другому!

РОМАН – Придёт век доброй Нани-Нэ?

ФЕДОСЬЯ – Конечно, придёт!

РОМАН – Скорей бы мне вырасти, и я буду защищать тебя от Коски! И от красного царя, и от всех, кто тебя обижает!

СЦЕНА 28

Федосья укладывает поленницу возле конторы правления колхоза. Подходит Коска.

КОСКА – Здравствуй, Дуся! Как ты?

ФЕДОСЬЯ – Ступай от меня, Коска, подальше.

КОСКА – Чего грубишь, я к тебе с добром!

ФЕДОСЬЯ – От тебя добра-то дождёшься!

КОСКА – Дуся, я ведь тебе давно хотел сказать, только не бей поленом, послушай! Я ведь на Дашке женился, только чтобы к тебе ближе быть. Думал, ты вон какая! Я таких не видел ещё, вот таких *(пауза)*, красивых, как ты.

ФЕДОСЬЯ – Отойди от меня! *(Замахивается поленом.)*

КОСКА – Значит, ты опять за старое! Не уступишь, значит, председателю колхоза?

ФЕДОСЬЯ *(Долго молчит, наконец, сдерживая рыдания)*: – Как же ты

живёшь, Коска? Ты ради этого своего проклятого колхоза лучших охотников-рыбаков разорил, свой народ по чужим законам жить заставляешь!

КОСКА – А у меня выбора нет. Мне выжить надо! *(Немного помедлив),* – Я не хочу умирать раньше времени, как твой Ефрем! А вот, я как раз бригадира подыскиваю бригаде лесорубов, ты и будешь!

Иди в правление, получи наряд! Бросай поленницу!

СЦЕНА 29

Комната в бараке. Федосья разговаривает с Галактионом.

ФЕДОСЬЯ – Дядя Галактион, что мне делать? Коска назначил бригадиром на лесоповал!

ГАЛАКТИОН – Та-ак. Решил тебе свой хомут на шею повесить? Слыхала, в район его забирают? Прежнего-то арестовали. Говорят, портрет какой-то у него нашли простреляннный. То ли Карла Марса какого-то? И теперь Коска будет всем районом управлять. Совсем большой человек станет!

Федосья начинает плакать.

ГАЛАКТИОН – Чего ты, Федосья?

ФЕДОСЬЯ – Он меня бригадиром назначил!

ГАЛАКТИОН – Так это – с одной сторон хорошо, в начальстве-то, может полегче тебе будет?

ФЕДОСЬЯ – Какое начальство? Участок, знаешь, где?

ГАЛАКТИОН – Где?

ФЕДОСЬЯ – Наш Священный Бор рубить приказано. А я бригадир, понимаешь?

ГАЛАКТИОН – Понимаю, Ефрема казнил, теперь за тебя взялся!

ФЕДОСЬЯ – Почему Боги не заступятся за нас? Чем мы виноваты, дядя Галактион?

ГАЛАКТИОН – Это они испытывают нас, выдюжим ли?

ФЕДОСЬЯ – И Ефрем так же говорил – испытание! Надо выдюжить, А я больше не могу. Хватит!

ГАЛАКТИОН – Ты чего надумала-то?

ФЕДОСЬЯ – Дядя Галактион, не оставь Романа, если что случиться со мной, ладно? Научи лесному делу, больше некому его учить. Он же сын врага народа (пауза), страшно представить как он там *(пауза)* в интернате.

ГАЛАКТИОН – Если что с тобой случится, я Коску порешу. Мало, что дочь у меня отнял, зятя убил выстрелом в спину, и ещё любимую племянницу отнимет? Ты даже мне ничего не говори о нём! *(встрепенувшись, глядя в окно)*, – Глянь-ка Федосья на ту сторону!

Показывает рукой вдаль, на другой берег реки, где видно зарево пожара.

ФЕДОСЬЯ – Что это?

ГАЛАКТИОН – Похоже, юрты горят, дом твой горит! Федосья бросается к реке, хватает плот и пытается перебраться на тот берег. На реке большая волна.

ГАЛАКТИОН – Куда ты, стой! Федосья…!!!

ФИНАЛ

ГОЛОС ФЕДОСЬИ – Скажи, Верховный Торум, скажи Дома Огня-Хранительница, за что посланы нам такие испытания? Разве человеку-ханты много надо? Ханты надо, чтобы земля с птицами-зверями, травами-деревьями, ягодами цвела, жила. Чтобы воды, реки озера с птицами, рыбами, зверьми были. Чтобы дом с женщинами, мужчинами, детьми, девочками-мальчиками был, чтобы жил ханты-человек, как велит ему Солнце, Разум, наш Верховный Торум.

Почему нельзя так жить, почему?

На авансцену выходит Роман (взрослый).

РОМАН – Так не стало моей Мамы. Она ушла, спасая свой Дом, свой очаг. Мужчины нашего рода с чёрными лицами рубили оледеневшую землю топорами. Я видел, как мёрзлые чёрные комья падали на чёрный снег. А мужчины рубили землю, ту землю, которую так любила моя мама и в которую она уходила преждевременно.

На авансцену выходит хор.

ХОР – Промчатся дни и годы. Утекут вёсны. Усохнут лета. Захлебнутся жидкой грязью осени. Окоченеют зимы. Уйдут из среднего мира шаманы и сказители. Уйдут навсегда. За ними уйдут люди. Уйдут народы. Осиротеют боги и богини.

РОМАН – Останется лишь надежда, надежда на жизнь, которая жила в моей маме.

Прекрасное
дыхание
молодости

Эмма Новак

2015

Клёкотом
в горле
дым,
проклятым
маршем
эхо...

Я не вернулся живым –
я просто туда не поехал,
не выжигал мне глаза,
не зализывал раны Ящер.

Руки мои не ловили свинец кипящий,
Плащ мой не вспорот, горячим не пьян вином!
Всплеском кевлара вокруг не свистела сеча,
глыбы бетонные мне не рвались навстречу –
этого не было,
не было,
не было...

Но,

вжавшись при штурме в забрало стального борта,
Брат, я в аду – здесь не твой девяносто четвёртый,
но –
что-то около.
Бьёт амбразуры жар.

В пляске свирепой пульсации артудара
бешеной тенью ревёт подо мной броня.

Пыльная станция
хрипло
стреляет
числами:
здесь умереть – в восемнадцать?
Нет, это немыслимо,
может кого и заденет, но не меня.

Гул нарастает – земля надо мною, небо ли...
Этого не было, я заклинаю, не было,
дай мне дышать!..

Продолжается бой, и в нём –

что я такое? – истории жрец вне строя.
Там, где должна быть нашивка за боевое –
знак безымянный латунным горит огнём.

Мой крик – грохот взрыва,
воронки – мои глазницы,
и даже когда моё сердце устанет биться –
надтреснутой песней продолжит звенеть мой гнев,

которого не было;
в шторме, которого не было.

Ночами я всё ещё там –
жить сражением мне бы, но

дождись меня, брат.
Я, возможно, вернусь.

Или
нет.

Письмо Богу

Здравствуй, Отец. Надеюсь, письмо получишь.
Пишет из мира смертных Твой сын заблудший.
Знаю, Ты, верно, хотел для меня как лучше,
А получилось... Но, впрочем, не мне судить.

Ты не поверишь, но волею тысяч судеб
Бывший Эдем – вот сюрприз! – заселили люди,
Создали самое грозное из орудий –
Ты их молитвами, верно, по горло сыт.

Создали всё, что казалось Тебе нелепым!
Здесь небоскрёбы, смеясь, подпирают небо,
Гул городов вызывает восторг и трепет –
В их закоулках хохочут лукаво черти.

Кто-то из нас изменился,

А Михаила
Лет пятьдесят чёрт те где по земле носило.
Майкл повёрнут слегка на небесной силе –
Лезет за ленточку, будто ещё бессмертен.

Что там творится! От ужаса крылья дыбом.
Я умолял не ходить – посылает, либо
Смотрит огромными синими. Нет, спасибо,
Больше не буду спорить, и не проси.

Что Гавриил? Любимец судьбы и фарта!
Шутит не в меру язвительно, пьёт, азартен.

Гейб безнадёжен – оставил трубу в ломбарде:
Там её выкупил вроде какой-то псих.

Что Самаил? Не лжёт и не смотрит волком.
Сэмми – о, Боже – чувствительным стал настолько,
Что, говорят, врагу не ответит колко,
Больше не занят местью и грабежом.

Помнишь твой дар – пару крыльев из Вечной Бездны?
Сэм его счёл ненужным и бесполезным.
В общем, подарок твой Самаил отрезал,
Сплавить хотел с молотка и в итоге сжёг.

Люди порочны и слепы. Но в час сомнений
Искра земная ведёт, опаляет тени
И прорастает в крылья мои и вены:
Мысль о падении больше не будет странной.

Знаешь, что лучше небесных Твоих угодий?
Жить.
Удивляться.
Сливаться со смертной плотью.

Чартер на Небо?..
Когда-то я был не против,

Но не теперь. Я останусь.

Твой
падший
Ангел.

Пилат

Холодный и немой, что мрамор обелиска,
в коробке серых стен, вслепую выбрав дом,

на будущие сто – застыл Пилат Понтийский:
его волнует рябь снующих за окном.

Снаружи – Новый Свет. Хранят его обитель
дорожные огни пульсирующих вен.
Пилат почти что слеп –
он никого не видит,
плывёт туманом мир от боли в голове.

В горниле странных битв бесформенного толка,
катящихся в абсурд, средь шума и возни
всё чудятся ему беснующихся толпы,
кричащие внизу: «Распни Его, распни!»,

священства мёртвый хор, казнённые – в химере...

Потерянный, больной, эквит не знает сна:
несутся на него циклоны кавалерий,
накроет с головой германская волна!

...Сменяется мираж: несётся брат на брата!

Снаружи хохот, визг – и, слыша этот звук,
озлоблен и жесток, безумный прокуратор
хватается за мысли, грёзы наяву,

Лишь только бы не ждать, лишь только бы не помнить –
двенадцать тысяч лун – бессмертие и стыд.
Великие миры цветут во мраке комнат –
всё видел, всё познал невидящий эквит,

наивный новый век приветствуя бессильно,
бездвижно, не скорбя о гаснущем волхве.
...Рыдает за окном клаксон автомобильный,
на кафельном полу рыдает человек:

В искусственных лучах плывут его седины,
надменное лицо – стирается с лица.

И смоет лунный свет его непоправимый
порок.
И явит лик ему Пророк и Царь.

***

Свободны и чисты, над миром смертной зыби,
Прозревший и Святой идут – плечо к плечу.
Подбит кровавой тьмой плаща молочный кипень –
туманом вьётся он по лунному лучу.

Это было непросто

Я прочла твою книгу.
Я получила её и подумала: «Полторы сотни страниц? Справлюсь за пару часов!».
Открыла прямо на ступеньках почты – потрогать переплёт, почувствовать ритм.
Первое стихотворение ударило двойным залпом.
Это было трогательно и слишком интимно. Меня словно бросило плашмя на перегретый солнцем гравий, а сверху накрыло штормовой волной.

Шум, вода, горячие жёсткие камни.

Ни глотка воздуха.

Я прочла твою книгу.

Полторы сотни страниц:

я справилась

с ними

за год.

Эмили пишет

Эмили пишет:

«Сирены ревут, но город
вроде не тронут,
в порядке отец и мать.
Рык карронады – голодному зверю впору.
Мы не увиделись, Томми, но верю – скоро
руки согреешь теплом моего письма.

Томми, мне стыдно.
Смущение скрыть в ладонях
было столь тяжко,
что проще насмешки плеть:

Грубо.
Язвительно.

Жгут не слова – огонь, и:
«только не выдать бы,
только бы он не понял...»

Томми, мне жаль.
Обещаю не делать впредь.»

Эмили пишет:
«Дотла догорела осень,
сполохи, грохот – терзают, лишая сна.
Вы отступаете – рубит приёмник в восемь;
Папа не слышал – такое его подкосит;
прячу как следует – лучше ему не знать.»

Видит во снах: исступлённо, не веря в помощь,
соткана болью, ведёт бесконечный бой
мёртвая рота,
где каждый – фантом всего лишь.

Эмили пишет:
«Три года прошло. А помнишь..?»
Эмили в ужасе: вспомнить бы ей самой.

Эмили знает:
кровавой забавы ради
время напрасно ломает кривой оскал,
рыжие пряди порывом фугасным гладит –
Эм цепенеет в холодном плену объятий.

Бешеным криком взорвётся её тоска –

где ты?!..

...и тлеют, и стонут в огне страницы.

Грозных мотивов скандируя первый стих,
в мороке лет растворятся границы лиц, а
Эмили пишет:
«Томми, мне скоро тридцать,
ты обещал, мол, вернусь к двадцати пяти.»

Эмили снится:
колонной с седого склона,
вплавив цевьё в ладони, спешит отряд;
снится кордон ей и рокот наречий горных,
полный огня и свинца предрассветный шторм, и –
громче и ближе вскипающая земля:

только бы выжить.

Бледны, холодеют пальцы,
плавится панцирь брони, защитив Ничто.

Зверь наступает.
Не слышать его.
Дождаться.

Эмили пишет.

А где-то, в могиле братской,

писем её
никогда
не получит
Том.

Ведьма

Ярун усмехался: у всех жена как жена,
плетёт кружева, шьёт рубахи из дикого льна,
при муже всегда – заботлива и верна.

Торги ли сберутся – сверх меры просить не сметь:
лишь локоть холстины, да перстень, одетый в медь,
сапожки сафьяна алого, коли кметь.

Опустится сумрак – хозяйка хранит покой:
нет шорохов странных ни в горнице, ни в людской,
не бьётся о ставни ни горлицей, ни лисой.

Ярун усмехался: у всех жена как жена...
Моя же жена – как молочный туман бледна,
бледнее лишь навьи, что в червень зовут со дна.

Нагая, да стыд ей – волос полотном сокрыт.
Всё в лес убегает, где в чащах ревут костры,
а взгляды её – пронзительны и остры.

Порой, замираю, жену у реки застав:
поёт, да не песнь – речи Сирина ткут уста;
плетёт, да не кружево: сеть из полынных трав.

Страшусь ли я той, что в повое приносит змей?..

...до зОри проснулся – ей в очи глядеть не смей:
покуда темно – волчьей крови они алей,
рассвета мятежней.

Коль скоро почует Зов –
испросит прилежно для чрева своих костров
всё зубы медвежьи, да перья янтарных сов.

...Ярун усмехался: у всех жена как жена...

И сам же тянулся к ведунье, лишённый сна,
покуда в межмирье
вела
за собой
она.

Рыжая Лили

Рыжая Лили прядёт и сжигает дни.

Зная напевы Древних, что лес хранит,
Ли приручила бы Зверя,
но им не верит.
Дом её шорохов полон, совиных перьев,
трав и свечей,
палых листьев и бурых мхов.
Солью и ладаном, воском и молоком
Ли по ночам запирает в Иное двери,

чтобы не смели стрелы во тьме мерцать.

Нет у неё ни матери, ни отца,
нет ни родной земли,
ни сестры, ни брата.
Прошлой зимой за змея овинник сватал,
да не пошла:
мол, очи его пусты.

«Сердцу горячему хлад чешуи постыл», –
шепчет колдунья,
ловя витражи заката,

травы лесные вплетая в полотна дней.

Сны её пламени ярче,
и в каждом сне
бледные руки звериным теплом согреты.
Снятся сплетенья полыни и бересклета,
высверк клинка и легенды чужих богов,
волны и скалы,
костры и медвежий рёв,
тёплый тумана мёд в молоке рассвета.

Снится и снится Иное, и тяжек сон.

Допьяна страх напоив ледяной росой,
ведьма устанет бояться межмирья сечи.

Тающий вечер оплавит узор оплечий,
древнее солнце
напевом
оденет в дым.

Поступь неспешную слушая лап седых,
Ли улыбнётся.

И сделает шаг навстречу.

Гримм

Bonjour, капитан. Пишу,
сбиваясь с неловкой мысли,
Оглядываясь на дверь, зачёркивая слова...
Ваш окрик звучит в моей больной голове как выстрел:

Я словно контужен – вам
лишь стоит меня позвать.

До одури властен шаг, суров деспотичный профиль:
Предчувствуя личный ад, склонится пред ним вассал.
Как странно писать вот так... Вы – принц Королевской крови,
А я – ваш дурной солдат, болтающийся в лесах.

Однако, за маской, что
сковали для вас Феррат, и
Минуя значок, костюм, отменное реноме,
Я вижу ваш облик, Шон, его от меня не спрятать,
Я вижу – и одой струн звенит оголённый нерв.

Тщеславный бастард! Приказ о крови ещё неиздан.
Ни славы, ни лавр. Семья – едва ли предложит трон.
Но гнев – ваш холодный гнев – безжалостен и неистов,
Его беспощаден лик и остов его багров.

Бросает в слепой азарт ваш прищур при свете рампы:
Мне стыдно смотреть – всю роль я выучил наизусть.
«Вы слышите, детектив?..» – я слышу, но чёрт побрал бы
Миг слабости, что не дал убить вас в ночном лесу!

И что же теперь?.. Ответь!
Колеблюсь как одержимый.
Кто мне даровал тебя, безумное Существо!

Я выбрал бы, верно, смерть – пусть будет непоправима,
Но лучше стократ, чем жизнь без адских твоих оков.

Укрытый слепой волной, под маской иного толка,
Твой образ опасен, строг и верен плохой игре.
Так «схлынь» же передо мной, заносчивый полукровка!..
Смотри мне в глаза, смотри, воинственный сюзерен!..

Что нужно мне? Кто бы знал! Теряюсь в догадках смутных.

Сказать – чёрт возьми, о чём?!
Молчать до конца войны?..

Отправлю письмо ли, нет – неважно.
Но этим утром

я буду совсем иным
с тобой, капитан.

[твой]
Ник.

Дикое. Древнее.

В иллюзиях саг, в плену
безумных твоих легенд,
твой мир развязал войну,
да, верно, не ведал, с кем.
Её принимая жар,
свободой и силой горд,
тревогой костров дыша,
проснётся столикий фьорд.

Щит крепок мой, волей норн,
Драккары мои легки.
Солёный бешеный шторм
волной закалит клинки
и паруса алый кров.

Под клёкот ревущих вод
в поход на моих врагов
мой ярл поведёт народ,

и будет метаться тень
и сталью о сталь звенеть,
и силу своих когтей

Фенрир завещает мне,
солёным багрянцем брызг с восходом омоет риф...

Секиры предвидя свист,
смотри же в глаза, смотри

свободных
с северных гор,
с обветренных бурых скал,
оттуда, где сын Вальхаллы
веками в походы звал
Одина, Фрейю, Хеймдалля
и Тора.

О любви и драконах

– Недурно. – дребезжаще протянул редактор, похожий на седую всклокоченную мышь. – Но печатать мы это не станем.

Двадцатый отказ за месяц. Камельской устало потёр глаза и спросил, непонятно зачем:

– Недурно, но печатать не станете? Почему?
– Ваши стихи, они, как бы сказать... О разном.
– О разном??
– О разном.

Поэт нащупал позади себя кресло и нервно присел на истёртый рыжий плюш.

– Ваши стихи, они, понимаете... Не о любви.

Камельской и так это знал. Он писал о бесконечности мира, о гигантских огненных птицах, кружащих над тёмными ущельями, о драконах, о бесстрашных героях. И никогда не писал о любви.

– Это мне известно. Но в чём же всё-таки дело?

– Как раз в этом, милостивый сударь, как раз в этом. Никто не станет читать ваши вирши, если вы пишете не о любви.

То ли похожий на старую мышь редактор и вправду сказал: «вирши», то ли поэту на нервной почве просто послышалось.

– Но я, в какой-то степени, о ней пишу, – заторопился Камельской, – вот, взгляните!

Он спешно начал листать свою рукопись, и на лице мышиного редактора появилась заинтересованность. Он вытянул тонкую шею и забавно поводил в воздухе носом.
Камельской нашёл наконец нужное место и ткнул в него пальцем.

– Вот!

Первые десять секунд редактор внимательно вчитывался, а потом его взгляд снова погас, а шея втянулась в плечи.

– Это, милостивый сударь, не то.
– Но здесь про любовь.
– Про любовь к миру.
– А надо?
– Про любовь к женщине.

– А вот, взгляните на это! – несчастный поэт лихорадочно перелистнул половину рукописи и снова ткнул пальцем в аккуратно выведенные строчки.
На сей раз редактор не читал и десяти секунд.
– Не то. Здесь у вас, милостивый сударь, переосмысление сказки. Вот если бы эти два героя были влюблены...
– Но они не могут быть влюблены! – схватился за голову поэт. – Это невозможно! Это противоречит сюжету и здравому смыслу!
– Ну, тогда покорнейше прошу прощения, всего вам доброго.

Камельской вышел на воздух. Над ним не пролетело ни одной огненной птицы, ни одного дракона.

Ни один бесстрашный герой не прошёл мимо него.

Алина Зарипова

***

Подарила стене трепет ласковых глаз,
Потолку на прощанье кивнув,
Отдала свою жизнь в безраздельную власть
Этажам и бетонному дну.
Неизбежность дала две секунды парить,
Оглядели глаза небеса,
И пропали навек в страхе плоской дали
Дух и тело по полюсам.
И душа, наконец, обретёт свой приют,
Горечь неба призреет её,
А осколки стекла ветры в ночь унесут,
Дождь наполнит её до краёв.

***

Света много, да не видно ни черта,
Жизнь прекрасна, да охота выть.
Путь мне ясен, цель моя проста,
Да не прыгнешь выше головы.
Ясный подпол – вот и весь простор,
Грязных стёкол ласковая гладь.
Понеслась я, мчусь во весь опор,
Только с места что-то не сошла.
Крик о стену – эхом тишина,
Реки-вены, руки-берега.
Злая сказка на ночь не страшна,
Ей поверишь, в первый раз солгав.
Нет решёток, дверь не заперта,
И не держат по углам слова,
Мне пора бы с ветром улетать –
Да заплутали крылья в рукавах.

***

И ясный ветер вольных солнц
Принёс свободу дуракам,
И мысли неба за версту
Несёт свободная рука.
И с колокольни ярый звук
На землю сыплет благодать,
И нам сквозь стены древ и трав
Иного счастья не видать.
И брызжет свет на небесах,
И нитью тянет нас наверх,
И крепнет вера в новый день,
Что нам принёс святой завет.

***

Нам бы верить в знаки удачи,
Нам стеречь мечту у порога,
Не сознав, что всё это значит,
Будем ждать, осталось немного.
Далеко поезда и метро,
В этом мире есть нечто прекрасней,
Этой ночью гуляет народ –
Никуда нам не деться от счастья.
Что поставим на чаши весов?
Что запишем в последние строки?
Знаю, жизнь – это сказочный сон,
Не проснуться бы только до срока.

***

Мне надоел прямой порядок быта –
Работа, дом, квартира и семья.
Я, как стакан, остался недопитым,
Я словно нож, лишённый острия.

Усталый взгляд очков моих разбитых,
И, как всегда, идёт за годом год,
Мне старческое «но» мешает быть убитым,
Мой компромисс не стоит ничего.

***

Багряной печалью повеяла осень,
Оставив лишь капли разумности туче,
И небо повисло свинцовым вопросом,
И ветер охрипший жизни вновь учит.
Давним молчаньем опала листва,
Бросив на камни звонное море,
Раскололась на части моя голова –
На дунькину радость и федорино горе.

***

Выдали по талону каждому
Килограмм личной свободы,
Но сменяли её мудрые граждане
На шоколад и газированную воду.
И верно, куда её, дуру, девать?
Не утрёшь ею нужды народа,
Да не занычешь под кровать.
Ну её к чёрту, эту свободу!
Зря ломали оконные рамы,
Зря мыли подъезды мы кровью,
Лучше смотреть только прямо,
Лучше дышать только ровно.

Кухня

В прихожей на виселице сырые плащи,
На коммунальной кухне распахнуты двери,

Житейской мудрости прокисшие щи
На газовой плитке искренней веры.
Непрерывно кислотно-щелочное движенье:
Первого варят, второй готов,
Третий в ведре признал пораженье,
А четвёртый, проныра таков –
Распростёрся в тарелке блаженной котлетой,
Пятый жестоко был брошен в рассол,
Шестого съели ещё прошлым летом,
Седьмой, сорванец, удалился под стол.
Заскрипели натужено стулья искусства,
Захохотали тараканы высокой морали,
В холодильнике сгнили высокие чувства,
Что в юности только бумагу марали.
На облупленных стенах запахи лука
Новогодней гирляндой повисли,
А серый котейка, наверно, от скуки
Захлебнулся в тарелке общественной мысли.

Весна

Я, оседлав знакомый подоконник,
Гляжу на мир с восьмого этажа,
Пылает город на моей ладони –
Весенний бред, весенний жар.
Парящим взмахом сильного крыла
Разорваны крючки ума и петли сна,
По снегу клочьями тепла,
Черны следы, красна весна.
Слетели напрочь старые афиши,
По-новому взглянул седой трамвай,
Растаяла тоска на ржавой крыше,
Пришла весна – скорее открывай.

***

Сделай меня умнее
Звона пяти рублей,
Сделай меня красивей,
да по лицу не бей.
Ах, делай меня красивей,
Делай меня умней.
Сделай меня счастливей,
Чем вечные ночи без дней.
Делай меня счастливей,
Делай меня честней.
Вешай меня на верёвках,
Свитых из брошенных жён.
Говори: «Ты, как мышка-полёвка,
Твой вид убог и смешон.
Но ты будешь приличная барби,
Но ты будешь хорошая баба,
Ты пополнишь ряд кухонных армий,
Потому что так надо!»
Заставь меня бросить в огонь
Последнего мишку из плюша,
Мой кулак разожми в ладонь,
Я стану умна и послушна.
Причиняй мне счастье по полной,
Ломай неумелые руки.
Я, надеюсь, не сдохну от боли,
Ты, надеюсь, не сдохнешь от скуки.

***

А в комнате моей пахнет мятой.
Её Маруся дала. И комплимент мне
За платье. Мне его мама купила.
Мы с мамой поедем на море.
Мы купили платья и босоножки.

Купальники – не стали,
Пойдут прошлогодние.
Я там обязательно буду вышивать.
Обязательно что-нибудь
Мексиканское.
И думать о Фриде Калло.
И воспевать её. Её смелость и боль.
Где бы увидеть все-все её картины?
А я ведь часто примеряла её положение:
«Я была маленькая дерзкая,
А вас все считали гением»...
Как же так, снова проживать
Своё это девичье,
Свои наивность и будто невинность.
Снова зарыться
в эти свои книжки, фантики,
Пить чай в одиночестве,
Распутывать ниточки,
расчёсывать волосы.
Снова в кукольном домике.
Снова в коконе. Снова куколка.
Снова пеленать себя, растить, пестовать.
Чтобы выйти однажды
И снова быть съеденной.

***

Холодно. Из комнаты в комнату.
В голове пусто. От мысли до мысли
О тебе. То звонки, то поиски фото.
Без ответа. Час от часу.
Не легче. То ли плакать, то ли кричать –
Не знаю. То стыдно, то страшно, иначе
Не могу. Это зависимость, можешь
Смело меня презирать.
В контакте сообщает: заходил сегодня

В 8:32. Трижды звонила – без ответа.
Паутина сомнений, я запуталась,
Вытащи меня.

***

Как не грустить по истлевшему? Кто знает?
Как не рыдать потерпевшему,
Пеленая внутри себя жертву.
Как быть спокойным, отпуская великое?
Оставляя себе одинокое?
Как не быть стариком беззубым,
Наблюдая, как всё меняется?
Как выживать в мире безумном?
Как быть просто свободным скитальцем?
А смириться с тем, что ничего не останется?
Всё, что дарили, всё, что берёг,
Не донесёшь до следующей станции,
Даже из детства пары серёг.

Ольга Юргенсон-Линкер

Инструкция: как выжить в морге...

Пульсация в висках раздражала. Не помогало ни одно обезболивающее, которого, кажется, Артём выпил уже целую гору, что могло бы привести к летальному исходу. А что? Вполне себе неплохо. Ходил бы, пугал весь персонал своим призрачным присутствием в морге, действовал на нервы, как они ему иногда. Получилось бы прекрасное развлечение, и никаких дополнительных неприятных ощущений. Ничего, кроме привычного холода, ставшего таким родным за последние годы работы. Однако ж в тонусе его держала тупая боль, что не прекращалась уже вторые сутки, выводя на новый уровень раздражительности и пассивной агрессии.

Бесило абсолютно всё: от звука помешивания ложечкой отвратительного растворимого кофе в кружке, до мерного гудения холодильных отсеков для трупов в коридоре перед секционной. Упомянутые покойники так вообще, казалось, задышали по новой. Артём даже прикладывал маленькое зеркальце к синим губам, пытаясь уловить то, чего априори быть не могло – мёртвые не оживают, Соловьёв, запомни уже наконец. Он отмахивался от невидимой мухи-мысли, противно жужжащей в голове. Каждое действие отдавалось очередной волной боли в висках. Грёбанная мигрень захватила весь его организм. С тяжёлым вздохом пришлось натягивать новые латексные перчатки, ибо копаться в чужих внутренностях с дыркой посередине ладони – такое себе занятие. Перчатки чёрные, к слову, подобно его душе, как ему ласково сказали, когда всучили новую упаковку. Так сказать, принимай подарочек.

Гуров Владислав всегда был своеобразен в мелочах, что любил подкидывать судмедэксперту, независимо, касалось ли это непосредственно его работы патологоанатома или же нет. «Хорошие» вести приносил с неизменной бодростью и крошечным налётом издёвки. К примеру, о недавнем утопленнике, у которого фиг разберёшься без стопочки водки, добровольно ли он решил отдать свою душу дьяволу иль помог кто. Вода коварна, у неё такое хобби – играть в загадки, потому она и смывала отпечатки возможного преступника, не оставляя почти никаких весомых следов. И после этого делайте, что хотите, ваше право. Так что перчатки ещё ничего такой подгон, полезный. Ну а то, что душонка у него чёрная – извольте, не его вина. Циником в морге выжить проще всего, потому крокодильи слёзы не лились по каждому, кто у него на столе оказывался. Хорошая черта.

Только черту эту надо оставлять на работе, впрочем, как и ряд других. Не было бы проблем с людьми, да хотя бы с теми, кто сумел разглядеть в Артёме положительные качества и остался рядом. Таким, как они, памятник ставить надо, определённо. А ещё лучше – его жене, что умело пропускала вырывающиеся противные словечки и попросту улыбалась. Нежно так, любяще, из-за чего Соловьёв моментально менялся на глазах: расплывался по дивану лужицей и издавал около мурчащие звуки. Тихий смех наполнял их уютное семейное гнёздышко, отчего делалось невероятно тепло. Поганый характер Артёма утихомиривался, становясь покладистым в маленьких ручках.

К сожалению, не всегда это работало, а жена у него всё-таки не терпила. На последнюю шутку, сорвавшуюся быстрее, чем Артём успел понять, обиделась знатно. Ну не виноват он, что не разбирался во всех видах сложного искусства мейкапа. Для него всё одинаково: декоративная косметика, она и в Африке декоративная косметика, на трупах и на живых людях аналогична. Катенька разное творила, пока практиковалась для своих курсов визажистов. Видите-ли, ей мало работы танатопрактиком, разойтись негде. А полёт фантазии у неё ого, какой большой. Артём ей эти курсы оплатил, чем бы любимая ни тешилась, лишь бы не грустила. Кто ж знал, что она моделями своими сделает не только готовых на любую халяву живых, но и усопших?

– Ах, значит, ты меня сейчас сравнил с трупом?

– Но я не…

– Вот пускай тебя твои трупы кормят, ласкают и вообще! – Катенька топнула ногой, складывая руки на груди. Её нижняя губа дрожала от негодования.

– Некрофилия запрещена законом, да и ты такой букет обретёшь, что никакие поминальные венки его не превзойдут. Катюша, дорогая, ну…

– Иди, зарабатывай свой букет, хоть так тебе кто-то цветочки подарит, как остальным врачам. Домой можешь его не приносить, я уж как-нибудь переживу.

Так что да, голова у Артёма болела уже второй день. Дома тишина хлеще, чем в морге, и, отчего-то ему думалось, в гробу. Она не была долгожданной, скорее, пугающей. Злая и обиженная Екатерина подобна маленькому дьяволёнку, что будет измываться до тех пор, пока её цель не признает полное поражение. Желательно, валяясь у её длинных ног и преданно смотря в глаза.

Прямо сейчас Соловьёв осматривал внутренние органы взрослого мужчины, – на вид ему около сорока-сорока пяти, – пытаясь установить причину. Работа судмедэкспертом – штука весёлая. Каждый день приходилось гадать, какой же «экземпляр» попадёт к тебе на стол сегодня – смерть от бытового предмета или что похлеще. Такие дела Артём любил больше всего: осмотрел внимательно, подтвердил предположение детективов и занёс в отчётную документацию. Никакой дополнительной возни, проще простого. Он не извраще-

нец какой, как его коллега из другой больницы – Молчанин Валерий Степанович довольно интересный персонаж, которому только дай возможность покопаться в витиеватых способах убийства. Тех же утопленников щелкал, как орешки, настолько легко управлялся с их историей. Умный дядька.

Ладно, Артём не жаловался, собственная работа ему нравилась. Всяко лучше, чем, если бы он просиживал штаны в больнице и слушал жалобы пациентов. Покойники больше молчали, и на том спасибо.

Артём присмотрелся к повреждённой печени, на которой остались следы ножа. Хватило трёх весьма агрессивных ударов в бок и в грудь, чтобы пострадавший начал усиленно истекать кровью. Следователь Собакевич Николай предположил, что это могло оказаться обычной кражей в тёмном переулке, но Соловьёва как-то смущал характер действий убийцы. Уверенные и быстрые движения, словно заранее знали, куда необходимо целиться. Окажись нападавший обыкновенным вором с улиц, то достаточно было бы и одного удара с правой или левой стороны. Если, конечно, его не спровоцировали.

Стянув с одной руки перчатку, Артём потянулся в глубокий карман халата за неизменным инструментом – диктофоном. В голове удержать всё невозможно, поэтому он, как и многие его коллеги, предпочитал голосом записывать нужные детали. Ранее он уже успел установить причину и предположительное время смерти, пол и возраст. Посторонних отпечатков на одежде, как и на самом трупе, не нашлось. Скорее всего, преступник знал о мерах предосторожности, что могло говорить об определённых намерениях. Артём зажал большим пальцем кнопку пуска и начал говорить:

– Приблизительная длина лезвия ножа составляет двадцать один сантиметр. Нож вошёл не до конца, примерно на семнадцать сантиметров, что позволило достать до печени. – Соловьёв вглядывался в лицо мужчины, которого уже настигли метаморфозные изменения. Кожа побледнела и приобрела синий оттенок; появились трупные пятна в области бёдер, спины; частичное трупное окоченение, хорошо наблюдалось в жевательных мышцах, а также в верхних и нижних конечностях. На руках не ярко выраженные ссадины. Возможно, была попытка дать отпор. – Ширина лезвия три сантиметра…

Стандартные после вскрытия процедуры, – бальзамирование, томпонирование и зашивание, – прошли без особых помех. По-хорошему, надо было бы дождаться Юру, чтобы тот мог выполнить

свою прямую обязанность санитара – обмыть и продезинфицировать тело, но сегодня Артём решил заняться этим сам. В конце концов, лишние лица в и так не большом помещении будут только мешать, а Соловьёв всё ещё надеялся поговорить с Катенькой, когда та придёт, дабы закончить свою часть работы. Всё же, помимо сегодняшнего жмурика, у них была ещё парочка предыдущих «гостей», на чьё захоронение родственники уже успели получить разрешение. Танатопрактик обязан приводить их «клиентов» в надлежащий вид, дабы после передать в руки близким. У тех и так шок от произошедшего, так зачем ещё больше усложнять жизнь и давить на психику не самым благопристойным видом почившего?

Не успел Артём закончить все свои манипуляции с трупом, как в помещение вошла Катя. На ней, как обычно, идеально выглаженный белоснежный халат, на ногах сменная обувь в виде удобных кед; на голове шапочка, из-под которой выглядывали невидимки. Наверняка отросшая чёлка лезла в глаза, от того и убралась по максимум. На лице медицинская маска, оставляющая на виду только глаза. Однако и без того понятно, – одного хмурого взгляда Катю хватило, – что продуктивного разговора не видать. Артём старался не отчаиваться.

Катя держала в руках простой чемоданчик с необходимой сейчас танатокосметикой. Даже мертвецам требовались услуги персонального визажиста, чтобы войти в загробный мир при всём параде. Жалоб иначе не оберёшься, и речь далеко не о живых – им и без того проблем хватало.

Следом за Катей вошёл хорошо знакомый санитар, что этот самый свежий труп доставил сегодня во владения грозного Соловьёва Артёма Александровича. Аксёнов Юра, готовый выполнить свою работу и увезти сегодняшнего «клиента» к его временному месту пребывания в холодильнике, застыл на месте, останавливая перед собой каталку. На металлической посудине с колёсиками лежал предыдущий покойник, – мужчина лет тридцати пяти ждал своего часа, – готовенький для окончательного приведения в порядок. В сторону санитара кидали убийственные взгляды и всем выражением лица показывали: «Забирай новенького и вали отсюда, ты не вовремя».

Аксёнов парень не глупый. Он не раз получал наставления от второго патологоанатома – Владислава, касательно отношений двух

супругов. Потому, наученный мудростью, лишь закатил глаза и развернулся к двери на выход. Всё отделение было в курсе ссоры семьи Соловьёвых, а лезть в их разборки – себе дороже. Хотя каждому было бы интересно послушать новоиспечённые слухи.

Юра, оглядев напоследок замершую парочку, прикинул, можно ли оставить дверь слегка приоткрытой и подслушать их разговор. Владислав, если он принесёт ему свежую сплетню, пообещал угостить чем-нибудь вкусненьким. А вкусно поесть он любил, особенно готовку практикантки Марии, хотя это уже лирическое отступление. Но тут их с Артёмом взгляды пересеклись, и Аксёнов поспешил ретироваться, пока в него не кинули каким-нибудь из инструментов. Не очень-то хотелось получить в голову молотком или долотом.

Раньше бы Артём оставил Катеньку, чтобы пойти в свою каморку, – у него просторный кабинет, вы не подумайте, – и заполнить отчётную карточку, но сейчас, видя его мнимое убийственно-спокойное состояние, не решился. На горизонте активно махала лапкой надежда, что им всё-таки удастся нормально поговорить. Конечно, где это делать, как не в морге? Кате не получится сбежать, бросив работу, а в доме она могла скрыться за любой дверью. Безмолвное «и что ты мне сделаешь» вызывало внутренний скулёж.

Присев на табуретку возле стенки позади жены, Артём следил за уверенными движениями её рук, что раскладывали необходимую косметику на столе рядом с привезённой каталкой. Соловьёву разве что не хватало виляющего хвоста позади, чтобы выразить всю свою преданность и готовность выполнить любую просьбу. Ох, кто бы что не говорил, но он так слаб перед Катенькой.

«Подкаблучник», – в сознании проплыла любимая фразочка Влада. Да, он, и что?

Многозначительное и явно затянувшееся молчание Кати прятало в себе раздражающую сегодня тишину, редкое потрескивание лампочек и бесконечное ожидание внимания. Артёма хватило всего лишь на пять минут тягостного безмолвия. Не выдержал больше, ведь он не слышал ласкового голоса, обращённого к нему, уже как два дня. А ласки хотелось. Не зря Катя, в минуты особой нежности, изредка называла его мартовским котом. Видя, как жена склонилась над трупом со спонжиком в руке, Артём вдруг опомнился.

– Катенька, солнышко, тут такое дело… «Чемодан» ещё не привезли, – искреннее раскаяние. Кошмарные два дня, что сказать.

Та вся напряглась. Послышался еле слышимый вздох через маску. Медленный разворот лица и взгляд, от которого по телу Артёма побежали мурашки, заставляя невольно сжаться. Он, конечно, не мог взять на себя вину за то, что две задницы ритуальщиков так нагло опаздывали, но чувствовал себя ответственным за них. Не самое приятное ощущение в его жизни. В глазах бывшей Кукушкиной, нынешней Соловьёвой, отчётливо читалась вся усталость этого мира, а всё из-за непутёвого муженька. На словесный контакт же выходить с ним по-прежнему отказывались. Мысли друг друга читать они не умели, хотя… Артём, кажется, научился и этому. Было видно, как Катя хотела поскорее закончить со своей работой, погрузить тело в «чемодан» и отправиться домой.

В этот самый момент в секционную ворвались со смехом, что в данных стенах являлось чуть ли не осквернением святая святых. Усопшие здесь принимали смирение или набирались сил перед тем, как войти в загробный мир. Весельчаков Олег и Сергеев Дмитрий – двое парней, бессовестно разбивавших не самый приятный образ всех работников ритуальных услуг. Последние вообще от них предпочитали открещиваться, приговаривая, что эти двое не с ними. Они слишком взбалмошные, шумные и весёлые для тех, кто хоронит людей по несколько раз в сутки. Въехала очередная каталка, на сей раз с гробом на ней.

– Соловьёв, циничная ты задница, наверняка опять шутил про свои «чемоданы», – Дмитрий показательно встал в позу, выгнув бровь. – Катенька, дорогая, он шутил, ведь так?

Сергеев в пол-оборота повернулся к танатопрактику, чтобы найти в ней поддержку и подтверждение своих слов. Та неопределённо промычала, не давая точного ответа. Оно, на самом деле, и не требовалось, всё и без того понятно – Соловьёвы себе никогда не изменяли. Неожиданно Олег приосанился, кинул недобрый взгляд на Артёма, мол, я знаю, что ты натворил. Он готов за Катеньку и ритуальный двор стрелять в упор. Хобби у него, кстати, цветочки сажать, потому недалеко от здания их агентства он развёл небольшой садик. Совместил приятное с полезным, так сказать. Эти лучшие подружки со своими причудами… Артём никакой ревности не испытывал, знал, что они друзья с детства. Собирались частенько, дабы приобрести метафоричные крысиные уши и хвосты,

и «посекретничать» за чужими спинами. Кто бы что не говорил, а мужики – те ещё сплетники.

– Понимаешь, Дима, некоторым просто не дано понять всю важность нашего дела, – Олег скрестил руки на груди, дуя губы.

– Валите, давайте, за своим «саквояжем» придёте чуть позже, – Артём отмахнулся от них, как от надоедливых насекомых.

– Клянусь, Тёма, я сделаю всё, чтобы ты в своём «чемодане» перевернулся раз так дцать прежде, чем тебя доставят куда надо. – Шутливая угроза Дмитрия вызвала в Катеньке усмешку. – Маякните, как будет готово. Мы пока плюшками побалуемся.

Как только два брата-акробата скрылись за дверью, тишина вновь зыбким туманом расплылась по помещению. Откровенно говоря, в Артёме появилось желание бахнуть кофейку, хотя бы того же отвратительного растворимого, присесть на мягкий стульчик в своей каморке и провалиться в сладкую дрёму. Документами заняться, в конце концов. Но, как самому провинившемуся человеку, ему пришлось выбрать тот, что в данной ситуации ближе всего к любимой жене. Снова поза послушного ждущего мальчика – ну точно щеночек.

К тому же, пульсирующая боль временами напоминала о себе. Ему хотелось, как в детстве, чтобы поцеловали и разом всё прошло.

Тем временем, Катя продолжала работать, а Артём безостановочно рассматривал её спину, мечтая к ней тесно прижаться. К сожалению, ему этого не позволят, пока способ заглаживания вины не будет найден. Если он сейчас подойдёт, то не дай бог, ещё ударят и вдогонку скажут, что просто тренировались в приёмах реалистичного грима. Новое увлечение, никаких предъяв.

– Катя, милая, ну давай поговорим, я устал от этой молчаливой войны. – Таким его мог видеть только один человек, что сейчас стоял и не обращал на него никакого внимания. – Ну что ты хочешь? Новую палетку, кисти, эм, тональник?

– То есть, – из-за продолжительного молчания голос Кати был непривычно низковатым и хрипловатым, отчего Артём чуть ли не взвыл. Эти два дня с ним не только не разговаривали, но и не касались. Он изголодался по ней всей. – Ты хочешь сказать, что можешь искупить свою вину какой-то там косметикой, которая делает меня похожим на труп?

– Я не… Это не то, что я…

– Это не то, что? Артём, дорогой, – плавный поворот и теперь они смотрели друг другу в глаза. – Не ты ли сказал, что мой макияж точно такой же, какой я делала на всех этих достопочтенных, почивших нас, людях? Какой же ты болван.

– Да чем он отличался? – всё же не выдержал, взрываясь. Он, правда, не видел никакой разницы. – Ты точно так же делала, когда руку на них набивала. С чем я ещё сравнивать должен был?

– Вооот. Вот об этом я и говорю! Дальше своего носа порой не видишь и не слышишь ничего, а я ведь объясняла много раз, что технике новой учусь. – Весь напускной холод, казалось, с каждой фразой только усиливался, будто покрывая помещение тонким слоем льда. Того и гляди, морг в Северный полюс превратится. А может быть… Артём почувствовал, что в действительности стало холоднее. Однако сейчас не об этом. – И он ярче был, чем обычно! Но нет же, ты умудрился ляпнуть, что ляг я на стол, то вообще бы не отличил меня от неживого человека! – ладони Кати сжались в кулаки. Благо хоть, в них ничего не было, а то остались бы одни щепки.

– Так это почти комплимент!

Среди повышенных голосов, фигуральных метаний молний друг в друга и напряжения, расходившегося волнами по секционной, прорезался приятный слуху баритон с нотками очевидного смущения и неуверенности:

– Эм, извините?

– Не вмешивайся! – сказано одновременно, от того так пугающе.

– Но… Может быть, вы закончите свою работу? А то скоро родственники придут, судя по гробу… Им бы тело моё забрать надо… – Он все же осмелился продолжить начатый вопрос.

– Послушай, – Катенька развернулась к появившемуся мужчине лицом, хватая со стола кисточку, – если ты сейчас не замолчишь, то я верну тебя в твой 2007-й. Мама родная не узнает. У нас тут важные проблемы решаются!

Артём наблюдал за тем, как бедный человек, точнее уже не человек, а призрак, прижался спиной к стене. Как он ещё не провалился сквозь неё – загадка. Собственно, само его появление никого из них не удивило. Время для подобного как раз подходящее, уже пару дней прошло со дня его смерти и вскрытия. Мужчина, физическое тело которого Катя приводила сейчас в порядок, смотрел на них и

не знал, куда себя деть. Этот хоть спокойный, сразу понимающий попался; объяснений, что произошло и как он здесь очутился, не потребовал. А то от некоторых такие истерики выслушивать приходилось… Артём в подобных случаях делал перекур, уходил на минут двадцать-тридцать, и после возвращался.

Когда он только пришёл сюда работать, естественно удивился наличию призраков в отделении. Подумал, что постепенно начал сходить с ума, оттого первое время шарахался из-за каждого шороха и холодного дыхания в затылок. Владислав тогда смотрел на него ехидно, не объясняя ничего, настоящий подлец. Чёрт знает, сколько бы это продолжалось, не увидь он однажды, как Соловьёв прямо на работе стакан чистого вискаря глотнул. У него под глазами уже такие мешки были, что очередной труп легко спрятать получилось бы. Гуров сознался быстро, сказав не переживать – место само по себе такое необычное, мягко говоря. Все, кто со жмуриками так или иначе работал у них, видели их призраков через пару дней. Никаких научных объяснений не имелось. Просто как данность, примите и распишитесь.

Так что, если и помешательство, то массовое. Неплохо так, да?

Через месяц, как Артём устроился, случилось знакомство с Катенькой, – на момент начала его работы судмедэкспертом, Кукушкина ушла в отпуск, – и зажилось куда проще. Их первые заигрывания, неловкая симпатия, неприкрытый флирт, свидания… А через два года и свадьба. Ух, сколько же всего эти стены повидали, не позавидуешь. В их странную компашку входили Владислав, Катенька, Олег и Дмитрий. С недавнего времени – Юра. Этому хоть бы хны, принял, как нечто естественное, и ладно.

Неожиданная ностальгия навалилась на Артёма, от неё как-то потеплело на душе, а ссориться дальше совсем расхотелось. Он поднялся с табуретки, подошёл к Кате и дотронулся до её предплечья, чтобы та снова переключила внимание на него.

– Кать, послушай, – его недовольно бурчащая жена затихла, – давай не будем ругаться. Лучше доделывай этого бедолагу скорее, а я с документами быстренько разберусь, да поехали домой. Я жуть как соскучился. Так много чего хочу сделать с тобой…

– Ммм, и что же? – появившаяся между ними игривость мигом сменила ориентир разговора. Прекрасная особенность Соловьёвой Екатерины: её можно отвлечь интересным предложением, и тогда

все обиды отходили на второй план. Так что оба, кажется, сосредоточились лишь на одном. Всё же, кошмарные два дня им обоим дались тяжело.

– Ох, я б с удовольствием принял сначала с тобой ванную, чтобы смыть этот дурацкий день, а затем…

– Не хочу вас отвлекать от примирения, но… Может, вы поторопитесь? Мои родные ведь… – Призрак мужчины во второй раз предпринял попытку их образумить. В самом деле, они в морге находились или где? Предъяву в какую-нибудь инстанцию накатать можно?

– О, Господь Всемогущий, ну можешь ты пару минуток помолчать? – Катя прохныкала. Ей так редко удавалось застать Артёма настолько открыто-нуждающимся в ней, что приводило в неимоверный восторг. – От такого примирения с многообещающим продолжением отрываешь, имей совесть!

Обиженный призрак весь как-то сгорбился, мягкой поступью добрался до ближайшего угла комнаты, присел на корточки и принялся «колупать» стенку ногтями.

«Дорогой дневник, не описать словами всю ту боль, что скопилась во мне не только при жизни, но успела и за время моей смерти. Прошло всего несколько суток, а я уже устал. Меня игнорируют даже врачи…».

Сергей Шелепюк

Баллада о железном солдате

Железные ноги шли по дороге,
В железных руках зажат автомат.
Шла по военной, разбитой дороге
Рота железных солдат.
Железное сердце в железной груди,
Железные ноги желают идти,
В железных руках зажат автомат.

Сам дьявол – железный солдат.
Железная рота идёт воевать,
Идёт убивать настоящих людей,
Железная рота идёт умирать
Во имя железных идей.
Железное сердце в железной груди,
Железные ноги желают идти,
В железных руках зажат автомат.
Сам дьявол – железный солдат.
Железная рота погибла в бою,
Попала в огненный ад.
Остался лишь тот, про кого я пою –
Один уже ржавый солдат.
Ржавое сердце в ржавой груди,
Ржавые ноги желают идти,
В ржавых руках зажат автомат,
А был же когда-то железным солдат.
Ржавое сердце колотится в ржавой груди,
Ржавые ноги желают, но не могут идти,
Не выстрелит он, ведь уже заржавел автомат.
А жалко, ведь был же когда-то железным солдат.

Горели свечи…

Горели свечи в сумраке церквей,
И воск слезой горячей в руки капал,
А где-то там, за тридевять земель.
Схватив свинец, солдат на землю падал.
А где-то там дымится БТР,
И снайперы вновь вышли на охоту.
А нам твердят, что не было потерь
И у ребят обычная работа.
У нас уже сирени зацвели,
Звенит гитара ночью на бульварах,
А там, на теле раненой земли,
Ребята ждут ответного удара.
Вернулся сын, и пусть на костылях,

Зато живым, и мать не зря молилась.
Вернулся сын. А все его друзья –
Кто в цинке, кто вообще не возвратились.
Сгорают свечи в сумраке церквей…
А где-то снова в бой идут ребята.
Пока ещё есть войны на земле,
Гореть свечам за упокой солдата.

***

Ветер-бродяга играет с туманами,
Пуля в груди, дотянуть до утра бы мне,
Сесть в самолёт и лететь во все стороны
Или домой – это было бы здорово.
Рядом горит БМД покалеченный,
Звёзды горят поминальными свечками.
Вижу, ребята лежат, не шевелятся,
А я живой. Даже как-то не верится.
Боже, скажи, как я здесь оказался,
Мама, с тобой даже не попрощался,
Письма писал, ну от силы в неделю раз,
Знал, что война, да всё как-то не верилось.
Знал, что стреляют, и знал – убивают,
Видел, как дети в войну здесь играют,
Да вот не думал, что может случиться,
Пуля в груди – как могло получиться?
Господи, я никого не обидел,
Я ещё толком и жизни не видел.
Слёзы текут – умирать неохота.
Крикну, надеюсь, услышит хоть кто-то…

Баллада о поэте

Он был поэт, простой, как все поэты,
Был одинок – таков его удел.
Он был несчастен и был счастлив в этом.

Он был свободен – просто не у дел.
Бывало, пьяным спал он у дороги,
На стоге сена Осень обнимал.
Рукой стирал с лица её тревоги,
Потом прощался и опять год ждал.
Случалось, пел в подземных переходах,
До боли гриф гитарный сжав рукой,
Когда в своих бессмысленных походах
Он на неделю обретал покой.
Но чаще пел в вагонах электричек,
Пел просто, ничего не брал взамен.
Сдувая песней пыль чужих привычек,
И уходил, когда вагон пустел.
И как-то раз в один дождливый вечер,
Вагон был пуст, а он ещё сидел,
Обнявши самого себя за плечи,
Он плакал, ну а может что-то пел.
Он умер позже, в здании вокзала,
Когда огни исчезли вдалеке.
И Осень его душу провожала,
До боли гриф гитарный сжав в руке.

***

Поэтом быть легко, но тёмной ночью,
Когда собаки воют на луну,
И ветер повалить деревья хочет,
Ты мучаешься болью за страну.
Поэтом быть несложно, просто надо
Хлебнуть вина, хоть знаешь, что в нём яд,
И получив пощёчину в награду,
Сказать: я прав, и ты не виноват.
Поэт – он прост. Но вместе с тем, как сложно
Понять его, пока ещё он жив,
И повторить поэта невозможно,
Неповторимы Пушкин и Шукшин,
Неповторим Высоцкий и Вампилов,

Ахматова, Цветаева – одна,
Чубатому Сергею на могилу
Я положу букет, налью вина.
Поэт – он пьян, но всё это от горя,
Ведь сложно боль страны взять одному,
Он тонет в этом океане боли.
Ведь он один, один на всю страну.

Любовь Бобылева

***

Ночь, тишина, бессонница,
Время сводит с ума.
Мчит листопадов конница,
Выпив туман до дна.

Золото, ржа и патина
Скрыты в шкатулках луж.
Осени горькую братину
Пью за свободу душ!

Нам бы взлететь над ивами,
Выше всех журавлей...
Решимся ли быть счастливыми,
Когда все шипят: «Не смей!»?..

***

Расцветают под кистью веления сердца,
Оживает душа на старинном холсте.
В озарении можно сгореть и согреться
И создать целый мир, замерев в суете.

И течёт волшебство, заставляя дышать
Тех, кто жив лишь земным и теряет так много.
Ты художник, а значит – умеешь летать,
С крыши в небо сойдя, как с крыльца на дорогу.

***

Каждый чего-то ждёт –
Счастья или тревоги,
Каждого в жизни ведёт
Одна, а не две дороги,

Каждый идёт один
По скалам и сквозь луга,
Сам себе господин...
И сам же себе слуга.

***

Всё закончено, и уже не нужен ответ –
Жизнь не спрашивает, готовы ли мы расстаться.
Это, в общем, весьма избитый сюжет
Из заезженных и известных всем ситуаций.

В нём героям приходится всё преодолевать,
Побеждать: драконов, врагов, в турнирах,
По шаблону друг друга терять, искать,
Целовать, наклоняясь как на шарнирах.

А мне хочется неизвестности на пути,
Поворотов, тропинок, лестниц, лазеек,
Чтобы не было карты и, как ни крути,
Приходилось по звёздам искать свой берег.

Я – наивный мечтатель из тех времён,
Когда рыцари бились насмерть – за лёгкий шарфик.

Нет коня и меча, нет щита, девиза, знамён –
Но мне слышится грохот битвы и звуки арфы.

***

Облака мошкары, мелкий дождь,
Водопад с листьев каждого дерева.
Ты, печальный, куда-то идёшь,
Я смотрю тебе вслед чуть растерянно.
Разминулись... Тебя не догнать.
Ты уходишь в туман вечереющий.
Светофоры – и те против нас,
Красный свет их – холодный, негреющий.
Ты уходишь... А я остаюсь.
Буду письма писать и надеяться.
Я тебя непременно дождусь,
Дождь затихнет и тучи рассеются.

Я свяжу тебе жизнь

Источник вдохновения: стихотворение Валентины Беляевой «Я свяжу тебе жизнь».

Я свяжу тебе жизнь осторожно.
Самый нежный узор подберу
И тончайшим крючком из возможных
Так свяжу, чтоб согреть на ветру.
Я свяжу тебе мягкое детство:
Гомон птиц за окном поутру,
И «мороженки» – верное средство,
Чтоб чуть-чуть отодвинуть жару.
Я свяжу много зайцев и мишек,
Над кроваткой – большую луну,
Робких девочек, бойких мальчишек –
Чтоб тебе не скучать одному.
Я свяжу тебе школьные годы

До последнего в мае звонка:
И оценки, и класс, и походы
В лес, где тихо лопочет река.
После яркую юность свяжу я:
С первой нежностью, с дружбой навек,
Чтобы жил ты, смеясь и танцуя,
Чтоб счастливейший был человек.
Я свяжу... Нет, так будет нечестно.
За тебя я не стану решать.
Постараюсь учить интересно,
Чтоб ты сам научился вязать.

Сердце

Сердце отдам на переплавку.
Не подлежит... Точно, я узнавала.
Нет, не вытаскивайте булавку...
Только она бережёт от развала.
Что с ним случилось? Такое дело...
Годы использовалось впустую.
Не износилось, а просто село:
Столько любить – и всё вхолостую.
Сколько хозяев? Готовы верить?..
Только один, но и тот не принял.
Нет, по источникам не проверить.
Я не могу назвать его имя.
Тайны? Да нет, всё открыто, просто...
Знаете, я отвечать устала.
Для переплавки много вопросов,
А для любви и не те, и мало.

Художнику N. N.

Расцветают под кистью веления сердца,
Оживает душа на старинном холсте,
В озарении можно сгореть и согреться

И создать целый мир, замерев в суете.
И течёт волшебство, заставляя дышать
Тех, кто жив лишь земным и теряет так много.
Ты художник, а значит – умеешь летать,
С крыши в небо сойдя, как с крыльца на дорогу.

***

А ты не видел этой красоты:
В туманном небе утро засыпает
И улыбается, совсем как ты,
И так же тихо душу забирает,
И светится нежнее фонаря,
И согревает сердце лучше чая,
И, соловьиным звоном говоря,
Меня клеймом незримым отмечает.
Я влюблена – в рассвет, в грозу. В тебя.
Я танцевать хочу с тобой на мокрых травах
И, пухлый одуванчик теребя,
Охране улыбаться на заставах.
Сквозь все посты прокравшись ветерком,
В твоих глазах не видеть удивленья
И, сладкий поцелуй сорвав легко,
Шепнуть как крикнуть: «Солнце, с Днём Рожденья!»

Сергей Третьяков

Солнце

«Я больше звёзд, потому, что
Я знаю, что я есть…»
Аристотель

Солнце!
Солнце…
– опять это солнце.
Тыщу лет это солнце – одно.
Как рифмуется к солнцу «оконце»,
Так же мне надоело оно.
Тыщи лет это солнце играет
В переглядки с зелёной землёй,
Раскрывает свой глаз, –
не моргает, –
Золотой засыпает золой.
Тыщу раз я встречал у великих,
я встречал
Твой мистический свет.
Тыщу раз я смотрел твои блики, –
Никакой там мистерии – Нет!
Я по солнцу страдал
так печально…
Я искал его тысячи лет.
Но,
кругом разливался
Нейтральный,
равнодушный
неоновый
свет.
Вдруг припомнились строчки
Бальмонта:
«Будем сами, как солнце!»
– вовек

будем сами
Смотреть с горизонта!
Не смежив,
не сомкнув своих век. Чело —
век – это солнце земное!
Это вечность сокрыта в нуле.
Не отыщется солнце другое,
Не бывает!
Двух солнц!
На земле!

Весна

Я помню, как пришла весна,
Ещё тогда, в начале марта.
Я помню, как пришла она,
Вся преисполнена азарта.
Вся разодетая в наряд
Из сна, из нежности и света.
… Вдруг мне сегодня говорят,
Что наконец настало лето,
Что за окном цветёт сирень,
И день до самой ночи светел.
Прости меня, июньский день,
Прости, тебя я не заметил.

***

Идём, мерцают фонари,
Вдвоём в предчувствии зари.
Молчи, мне нужно тишину.
В ночи я слушаю весну.
Люблю гулять с тобой весной,
Не сплю, не нахожу покой.
Ушла, повеял ветерок,
И мгла, и мелкий дождик лёг.

Умру, себя похороню.
К утру навеки я усну.
Весна, а шелесты осин.
Одна, и я стою один.

Баба

В полях, как русская душа,
Где голые колдуют духи,
Несётся пьяный Юз-баша,
А рожь коню уже по брюхо.
Трясётся туком, ноги гнёт –
Как мягкая живая жаба,
А рядом русская ревёт,
К седлу привязанная баба.
Под бабой гнётся первоцвет,
И плачут духи в чистом поле.
А бабе той семнадцать лет –
Ну что ж, такая бабья доля.
Опять не платят хану дань,
Опять изнежились урусы.
Горит стоглавая Рязань,
Горят иконные иисусы.
И ветер теребит закат –
Тот древний, добрый, стопудовый –
Тот ветер триста лет назад
Сушил иконы у Рублёва.
Под вечер, вымазана хной,
Она пришла в свою избушку
И принесла отцу, домой,
Диковинную безделушку.

***

Ведь я не виноватый.
В наш век придурковатый,

По жизни полосатой
Я вынужден идти.
Годами за годами
И пасмурными днями,
Несмелыми шагами
По лёгкому пути.
Протоптанная тропка,
А я шагаю робко,
Оглядываюсь кротко
На прожитые дни.
А мне кричат: «Смелее,
Ну что же ты робеешь,
Сейчас держи левее,
Там роковые пни.
Там кроется опасность,
Там дармовая страстность,
Там жизненная праздность
Разверзлись за спиной».
Как Лот из стен Содома,
Как речи Цицерона,
Шагаю непреклонно.
О, Господи Ты мой!

Евгений Аскаров

***

1.

Закрой глаза свои и в путь.
О притяжении забудь,
Забудь о том, что держит нас,
Лети, а за тобою в тот же час
И я взлечу. Мы покружим
И небом славно убежим

От этих «стен», земных оков,
Где бродят толпы дураков.
Закрой глаза… закрой, скорей!
Лети сквозь тысячи морей.
Лети за радостью, спеши,
Лети во благо, для души.
Я догоню, ты мне поверь –
Сильнее всех я стал теперь.
Ты эти силы мне дала.
И размахнулись два крыла…

2.

Ну вот, взлетела, мой черёд.
Но нет, мне лишь идти вперёд.
Орёл орлом, да крыльев нет.
Куда идти? Один ответ –
Идти спасать таких орлов,
Что с крыльями, да нет оков,
Как у меня. Нести свой крест,
Спасать обманом – «Да и нет».
А от кого? От дураков,
Что портят несколько шагов
До рая!!!

Иван Газизов

Звукоизоляция

Эту историю переделывали много раз, но я расскажу её в оригинале. Итак, начнём. В большом красивом городе жила одна бабушка, ничем не выделявшаяся. Изредка ходила в магазин, приходя, садилась за стол, отламывала от хлеба маленькие кусочки и ела их, запивая кефиром – божий одуванчик, одним словом. Но однажды…

В квартиру этажом выше вселилась одна семья – молодая и очень урбанизированная. У них (как высчитала бабушка) был такой распорядок дня: примерно с семи утра они шумно просыпались и включали ультрасовременную, по их мнению, музыку в исполнении группы «Гориллаз». С десяти утра главный гориллоид (как окрестила всех членов семьи бабушка из-за поразительного сходства с приматами) выходил на балкон и в течение часа грыз семечки и курил, причём все отходы летели на балкон бабушки. К двенадцати часам семейка уезжала на загородную дачу, но в семь часов вечера ад начинался снова, причём с удвоенной силой. Так продолжалось до тех пор, пока часы бабушки не показывали час ночи.

К концу недели Антонина Петровна (так звали бабушку) подвела итог ущербу, который нанесли ей хозяева злосчастной квартиры: завяли балконные цветы, в лоджии горами валялась шелуха от семечек вперемешку с окурками, а у неё, шестидесятилетней женщины, так поднялось давление, что пришлось вызывать «скорую помощь».

Так прошло четыре недели. Отчаявшаяся Антонина Петровна решила оборвать свою несчастную жизнь прыжком с балкона. Но едва она взобралась на перила, что-то залепило ей лицо. Потеряв равновесие, она упала, но не вперёд, а назад, на пол лоджии. То, что залепило ей лицо, оказалось газетой объявлений. Бабушка была достаточно суеверна, чтобы выбросить эту газету. Она взяла её и досконально изучила все объявления. Среди прочих ей попалось одно: «Звукоизоляция. Эффективно. Тел. 26-48-19».

Антонина Петровна всё взвесила и позвонила по указанному телефону. Переговорив полчаса, она одновременно с огорчением и облегчением повесила трубку. Огорчение состояло в том, что ей нужно было достать две тысячи долларов для оплаты услуг. Облегчение было в том, что после оказания помощи со стороны тех, кто дал объявление, её больше не будут беспокоить соседи.

Звукоизоляторы приехали точно в назначенное время. Один представился Гришей, другой – Васей, третий – Колей. Получив обещанные две тысячи «зелёных», они достали прибор, по виду напоминавший амперметр. Гриша, судя по всему, главный из троицы, нажал на кнопочку на приборе, и тот стал тихонько попискивать. Гриша обошёл с прибором всю квартиру, останавливаясь возле углов и косяков. Когда Антонина Петровна спросила, что это за прибор, Гриша чётко, но непонятно ответил:

– Это ультразвукоизолирующий автоприбор, позволяющий уничтожить звуковые волны в радиусе семи метров!

Закончив обработку, троица вежливо попрощалась с бабушкой и удалилась.

Антонина Петровна, будучи уверена, что полностью звукоизолирована, уселась смотреть телевизор. А звукоизоляторы на самом деле никуда не ушли, а остались под дверью.

– Ну как она? – шёпотом спросил Гриша.

– Телевизор смотрит, – ответил Коля, который тем временем открутил глазок и смотрел в образовавшуюся брешь.

– Пошли, ребята, – сказал Вася, – работаем быстро и без шума.

Поднявшись на этаж выше, троица остановилась возле двери гориллоидов. Коля быстро напихал в рот жвачки, разжевал, вынул, разорвал на кусочки и залепил глазки соседей. Затем Гриша достал три «Пока–18» с ввёрнутыми глушителями. Раздав каждому по пистолету, он направил свой на замок несчастной двери. Сухой щелчок, удар ногой – и дверь распахнулась…

Сделав своё дело, звукоизоляторы тщательно собрали все гильзы и, прикрыв дверь, удалились.

Спускаясь по лестнице, Гриша сказал:

– Ха, они ещё хотели увернуться! Триста пятьдесят метров в секунду – не фунт изюму!

Никто не видел, как троица вышла из дома, села в спецавтомобиль и уехала.

Итак, ещё раз напоминаю: «Звукоизоляция. Эффективно. Тел. 26-48-19».

– Вызывали?

Ирина Калистратова

***

Весела и счастлива я с виду,
Незаметно людям в суете,
Что служу сегодня панихиду

По своей несбывшейся мечте.
Я вчера ее похоронила;
Отпевала – голос не дрожал,
Ни одной слезы не обронила,
Платом не завесила зеркал.
Я годин по ней справлять не буду
И конфеты детям раздавать.
Лишь надежду на Господне чудо
Стану я в молитвах призывать.

***

В этом городе много рассказано,
Не умеет он тайны хранить.
На моей руке туго завязана
Его улиц сплетенная нить.
Город снежный, ты тесной темницею
Или домом мне будешь родным?
Я метаюсь озябшею птицею
По узорчатым окнам твоим.

***

Со стола не уронишь ты ложку,
Зря так часто подходишь к окну.
Словно рыжую спящую кошку
Я поглажу глазами луну.
Знаю, оба мы ночью не спали,
Красных жилок не смоешь печать.
Только что ж еще, кроме печали,
Наши руки способны связать?
А вчера я спала, и мне снилось,
Как очаг твой весь день стерегу…
Да не в камень ли я превратилась,
Если плакать уже не могу?

***

Светло-рыжих волос килограмм
Собрала я вчера по коврам.
Ты расти, волосинка, до пят!
Как бессовестно мыши храпят,
Было слышно в квартирной тиши.
Не чихай, не дыши!.. Ни души.
Громко-громко кричит тишина
Там, в груди. Я не сплю. Я – одна.

***

А за руку схватишь, знаю,
Да только скажи – зачем?
Я может быть здесь чужая
И завтра уйду совсем.
Монета в реке утонет,
Не будешь скучать по мне;
И город с утра не вспомнит,
Что видел меня во сне.

***

Этот стук моих шагов,
Тихий шорох голосов.
Отдала б я все на свете,
Чтобы не было стихов.
Надоели миражи.
Разум крысою бежит.
Это пенсии Лорелеи,
Тяжело мне с ними жить.
Каждой птице по кольцу,
Каждой кошке по крыльцу.
Не читаю больше Анну,
Не завидую венцу.

***

В ночные часы, когда гремела гроза,
Я писала стихи о карих глазах.
Где-то птица кричала грозно,
Я опять просыпалась поздно.
Вся земля была водою залита,
По двору плыло большое корыто.
Я садилась на мокрое окошко
И в воде холодной болтала ножкой,
А потом в корыте плыла по городу,
Чтобы где-нибудь кошку купить недорого.
В городе чего только не услышишь!
Говорят, что ночью исчезли мыши.
Ума не приложу, куда подевались?
Может быть, у них подводные норы?
Может быть, и кошки исчезнут скоро?
Вдруг, вчера последние продавались,
А я – вот досадное дело! –
Ни одной купить не успела,
И вот теперь плаваю по рынку до вечера,
Будто бы дома совсем делать нечего,
Хотя там много дел существует…
«Мне б кошечку – маленькую, ЖИВУЮ!..
Ой, дай глянуть, какая глазастая!
Я беру! Ну и что, что грязная –
Искупаю на крыше, в луже…»
Назову-ка я её Жужей.
Будет спать она под книжною полкой
И играть на полу с заколкой.
А когда вода поднимется выше,
Нам придётся перебраться под крышу,
Или окна заклеить скотчем…
Погибать веселее с кошкой.

***

Невыносимое мученье,
Проказа тяжкая моя!
За что в утробе до рожденья
Без боли не скончалась я?
В меня пусть первым камень бросит
Кто у родителей не просит
Ну ничего в семнадцать лет,
И у кого пороков нет.
Когда же мама вышлет деньги?
О, боги римские, за что?!
Не хватит на мое пальто
Пяти повышенных стипендий.
Придётся молча слёзы лить
И в старой курточке ходить.

Екатерина Мулюкина

Про меня

Появившись ниоткуда,
Я исчезну в никуда.
Лишь коротенькое чудо –
Остальное всё вода.
Жажда жизни побеждает.
Снег идёт, и я иду.
А вчерашняя картина
Остывает на ветру.
Из малюсеньких кусочков
Я сложу здесь полотно.
Пусть потом они решают!
Мне сегодня всё равно…
Тихий шорох, дух волшебный,
Сказки снов и красота –

Это главное на свете!
Это всё лишь у меня!

Александр Савицкий

***

Любовь к тебе даёт мне силы,
Источник чистый для духовной пищи,
И мир не кажется мне серым и унылым –
День ото дня я становлюсь всё чище.
Та боль и нежность, рай и ад,
Те сотни чувств и ощущений тыщи!
Моя любовь – маркиз де Сад,
Но с каждым днём я становлюсь всё чище.
И пусть она ж «дорога в никуда!»
И пусть на паперти любви я нищий,
И может, завтра, от неё не будет и следа –
Я с помощью её, возможно, стану чище.
Мой светлый Ангел, мрачный Демон,
И я почти готов себя сгубить…
Спасибо, Господи! Нашла коса на камень.
Мне просто очень нравится любить!

Роза Хуснутдинова

***

Мне досадно – я губы кусаю;
Потеряла – сама отдала,
Подарила… Так разве бросают?
Ведь любила и всё берегла.

То словечки, то нотки, то строчки
Или просто улыбку твою…
Но, увы!.. Ты теперь между прочим.
И увы!.. Я почти не люблю.
Ни в истерике, ни без сознанья
Я с другою встречаю тебя,
С бледно-розовым, кротким созданьем,
Так успешно сменившим меня.
От того, может, я и досадую,
Губы в кровь истязаю порой,
Что такого, как ты, мне и ненадобно,
Что ты отдан и больше не мой…

Дайте яду

Дайте яду – напиться мне надо:
Есть один только путь до весны.
Видно нет никому со мной сладу,
Видно нет у меня стороны.
Ворох перьев, амуровы стрелы
За диваном лежат, где-то там,
В сундучке, где написано мелом
«Реквизит», перечёркнуто – «Хлам».
И бывает ночами, я слышу,
Как скребутся себе в тишине
То ли крысы, то ль серые мыши
И тихонечко плачут по мне.
Они плачут, что я пью лишь воду,
Ем сухарь, и в квартире сквозняк,
Что мне худо в плохую погоду,
И на правой коленке синяк.
Но меня пустяки не волнуют:
У души нет коленок и сна,
Вот бы дали мне душу другую,
И, возможно бы, взвыла она.
Мол, сухарь – не еда, а отрава,
И от холода челюсть свело.

Бог терпел, но что ей за забава,
Коли тело пока что одно?
Но мне в голову лезет не это,
А настырная скорбная грусть.
И грущу я о тех, кто на веки
Завершает свой жизненный путь.
Я печалюсь, что в сердце немногих
Проникает святая любовь,
Что мы жалим упрёком убогих
И из глупости пьём чью-то кровь.
Что наш разум на полке пылится
Под завесой бредовых идей.
Что могло в этом мире случиться?
Что такое нашло на людей?
От чего мне так гадко и тошно,
От чего я из дома бегу?
Яду, яду бы мне этой ночью,
Да замёрзнуть на белом снегу!

Дождь

По стёклам – прозрачные речки.
Внизу всё бегут человечки.
Куда-то торопятся стаи.
Ползут неуклюже трамваи,
И фарами тускло мигая,
Такси без конца разъезжают.
Угрюмые граждане в шляпах,
И дамы с чулками в заплатах,
Прекрасные юные феи,
Чья гордость лишь – ноги от шеи;
Мужчины со множеством лиц
И жизнью в сто тысяч страниц –
Всё движется, словно по схеме.
Простой и заученной схеме:
Все дамы с авоськами к дому,
Все феи от парня к другому,

Мужчины же ищут приют
И, в общем, по схеме плюют,
Угрюмые граждане просто
Решают по службе вопросы.
Но вот отчего у меня
Нет схемы для каждого дня,
Заученных струнок, улыбок,
Побед и всё тех же ошибок?
Все мчатся, а я у окошка,
И уж подогрелась окрошка…
Плевать! Я смотрю на проспекты
И жду, что появится некто.
С зонтом и под правой подмышкой
Потрёпанной адресной книжкой –
Он ищет своих незнакомых
И верит, что счастье в подковах,
Что завтра дожди до рассвета,
И, видимо, кончится лето.
Он явится лишь на мгновенье,
Оставит мне банку варенья
И этим, возможно, согреет:
Он чудо творит, как умеет.
Я ж сделаю чаю покрепче,
И будет спасён этот вечер,
И будут внизу человечки
Надежду хранить, что не вечны
Дождей неуёмных походы,
Депрессии, грусть в непогоду.
И будет, и будет, и будет,
Коль он заглянуть не забудет.

Но дороже всё ж тот, кто крылат

Слушай, мы все не такие. Как есть.
И почти не такие, как думаем:
Ты соткан из золота весь,
Но совсем не похож на мечту мою.

Ты блестишь, отражаясь в себе
И любишь лишь свет своих лат.
Да, мне дорого золото, но –
Но дороже всё ж тот, кто крылат.

***

Кто-то издавна знал меня,
Да не помню, кто он и где,
Лишь примету: такой как я,
Я храню и шепчу везде.
Шаг за шагом, главу склонив,
Вёрсты, вёрсты – ищу его.
Нет, не лучше он тех, других,
Он такой же, как я, и всё.
Знаю, там, на краю земли
Или здесь, у моих ворот,
Он с приметой: «Такая, как я»,
Меня ищет и не найдёт.

Буриме

Для меня одно лишь счастье –
С днём простясь, пробраться в сад,
Притвориться солнцем красным –
Здравствуй, бронзовый закат!
И листвой – зелёной рясой,
Любоваться; холодок
Ощутить в ногах… О, счастье!
Брызг росы и спелость щёк.

Осень

Осень. День. По пеплу листьев
Шаг-шажок в размер зонта.

Город в швах прозрачных нитей –
Дождь. И снова я пуста.
Небо выпукло, печально.
В хаотичном хоре туч
Чуть заметным кругом солнце –
Ковыряет небо луч.
Параллельный мир так близко,
Вот, за краешком зонта.
И оттуда визги, брызги
Параллельного дождя.
Он столкнулся, покосился:
Захотел струёй достать,
Не достал и разозлился,
И давай в асфальт хлестать.
Две улыбки: «Ты обижен?
На, бери мою ладонь,
Навостри со мною лыжи:
Я беру тебя с собой.
А куда? Да разве важно?
Ты идёшь, и я иду.
Мне известно, что однажды
Я куда-нибудь приду.
Что там будет? А чего ты
Ждёшь, уныло морося?
Что меня собой затопишь,
По проспектам семеня?
Что молчишь? Ты мне не веришь?
Нет? И правильно, не верь:
Я сама себе не верю,
Я иду туда, где дверь
Во второй подъезд чуть скрипнет,
Проглотив меня с зонтом,
Бледный свет уныло брызнет…
Это что? Мой рыжий дом:
Два окна (и с боку бантик!),
Вот и всё. Не очень рай? –
Растерявши день и даты,
По теченью доживай.

Ты затих, ужель так скучно?
Ты же сам меня будил,
Взбороздил с утра все тучи
И за мною всё ходил.
Или жалко, что так вышло?
Не жалей, смешно жалеть.
Лучше приходи по крышам
На меня в окно глядеть.

Нерешительность

Какая неоправданная ложь:
Ложь за глаза, в глаза и в спину.
Я думала, что ты поймёшь,
А ты лишь взгляд прощальный кинул.
Я улыбаюсь – ложь и страх
Тебя улыбками морочат,
И надо мною все хохочут,
Сияя чёртиком в глазах.
А я хочу тебя окликнуть,
Но черти, черти не дают
Тебя позвать, да даже пикнуть,
Что я по-прежнему люблю.

***

Нет весны, что способна понять,
Как мне дышится, как мне живётся.
Нет весны… Нет, весну не унять,
И она мне улыбками льётся.
Я иду, и весна стороной,
Я стою, и она в стороне,
Вроде следом ступает за мной,
Но, увы, инородна во мне.
Я больна, не изгонишь недуг?
Или сплю на ходу – луноход?

Нет, ни то, ни другое. Я – друг,
Друг по жизни, а он не поймёт.
И весна не поймёт, что дышу я
Этим другом уж девять недель
И мечтаю забросить подальше
Ненавистный мне шумный апрель…

Солнце

Солнце встало спозаранку,
Смотрит круглое в окно
И смеётся: «Эй, гражданка!
Вам вставать пора давно!»
Я его ногой пихаю:
Не хочу, мол, буду спать,
Тапком в форточку кидаю,
Утыкаюсь лбом в кровать.
А оно сильней хохочет,
Льётся в окна через край.
Всё залить, наверно, хочет,
Хоть на стену полезай.
Улеглось на подоконник,
Растянулось, на пол – шлёп!
Растеклось – пропал мой сонник –
Начинается потоп.
Я – поглубже в одеяло,
Всё сжимаюсь в узелок,
Но оно меня достало –
Напекло мне правый бок.
Всё! Предел! Глупее солнца
Во Вселенной не сыскать!
Я встаю, оно смеётся,
Заливая мне кровать.

Немного о смерти

На беспредельно-ярком фоне
Я – бело-чёрное пятно.
Все надо мной – меня хоронят,
И, как в дешёвеньком кино,
Все говорят тугие речи,
Кладут свой поцелуй на лоб.
Лишь я одна средь них беспечна,
Осваиваю тесный гроб.
Порой окидываю взглядом
Пришедших за меня поныть.
Прошу с улыбкой: ныть не надо,
Я не умею дорожить
Ни льстивой жалостью, ни рёвом,
Ведь мной никто не дорожил,
(И всяк, заплаканный от горя,
Он, не любя, не долюбил).
Ведь я для них – пятно на фоне,
Незавершённый жалкий стих,
Мертва. И с пафосом хоронят
Меня, живую из живых.

Надо уметь

Надо уметь забыть
Измокшие стёртые лица,
Они всё сумеют понять:
Им тоже не нравится сниться
И ждать не отправленных писем
С какого-нибудь Магадана…
Надо уметь не любить
Палящие зноем глаза,
Они нам сумеют простить:
Их тоже достала звезда,
Кривые сердечки, платочки
С наколкой крестом мулине…

Надо уметь предавать
До мозолей знакомые руки,
Они всё сумеют принять:
Их тоже доводят до скуки
Подробнейшая откровенность
И сжатое в плечи плечо…
Надо уметь оставлять
Пустоты в желудочках сердца,
И их ни за что не сдавать
Желающим в душу втереться
И ночью трепать за грудки,
Из глаз выбивая слезу…

Евгений Тарунтаев

Дорога к дому

Далека дорога к дому,
Всё прошло, как на картине,
Притомился путник-странник –
Сколько лет был на чужбине.
Только птицы, пролетая,
Приносили весть из дома.
Веселись разлука злая,
Мне игра твоя знакома.
Прислонясь спиною к клёну,
Призадумался тут странник, –
Возвратясь в село родное,
Не нарушу чей-то праздник?
Только прочь гоню я мысли,
Что я дома стану лишним,
Обниму я мать старушку,
Посидим в саду под вишней.
Только мысли – не реальность,
Можно взять их за основу.

Нет друзей и нету мамы...
Начинать всё надо снова.
Быть полезным максимально,
Постараться в этом мире,
Никому зла не желая,
Жизни грань раздвинуть шире.
Сбросил мысли паутину,
Помолился спешно Богу,
За спиною ранец жизни,
Вновь взглянул я на дорогу!

Мой друг Пэныч, собака хаски

Зовут мою собаку Пэныч,
Не разменялся я на мелочь,
Он из породы гордой Хаски,
Что нарты возят на Аляске.
Коричневой он был окраски.
Как рыжий мальчик в скандинавской сказке,
Чудное Имя Питер Пэн носил,
И с Феями и Эльфами дружил.
А предки этой благородной лайки,
В родстве с волками были без утайки.
Природа щедро ту породу наградила,
Глазами голубыми одарила.
У моего щенка, по правде говоря,
Глаза лучатся светом янтаря,
Терпеть не может тесного вольера,
Манит его Полярная Ривьера,
Он рад морозу, снегопаду,
Быть запряжённым в нарты для него награда,
И сниться Пэну словно в сказке,
Как мчится он в лихой упряжке,
Детей люблю катать в салазках,
Я все же ездовая Хаски.
В снегу свернувшись калачом,
Ему морозы нипочём,

И равнодушен он к теплу,
По сердцу снежное Иглу!

Алёна Газизова

Нескладная проза

Ты не хочешь мне ничего рассказать? Нет? Ну, тогда говорить буду я…

Снег однажды покроет землю. И настанет никогда. И придёт тишина. И не будет никакой суеты. Я уйду туда, в никогда. Завоет собака, увидев луну. Я понесусь, растворяясь в метели, в небо, к звёздам, к луне, в пустоту. Я хочу, чтобы был мрак. И он будет. Он придёт. Когда-нибудь. Нужно ждать. Нужно время. Но времени нет. И не будет..

Уже ничего нет и ничего не будет.

Не склеишь порванную в клочки фотографию. Да и зачем её клеить снова? Это же слабость. Кому надо – пусть клеит сам.

Мне не надо. Я – сильная!

Пошевелю пепел, что остался от всего этого, и крикну в темноту безысходную. А она, искажая мой крик, мне ответит злорадным хохотом. Вот это да!

Я уйду. Ты придёшь навещать меня. А в глазах твоих слёзы отчаяния. Ну что ты плачешь? Ведь меня же не изгнали. Я сама ушла. Чувствуешь разницу? Ну при чём здесь презрение и какая-то там твоя или моя гордость. Нету здесь такого, понимаешь? Э-э-э, да ты не поймёшь… А собака всё воет под нашим окошком. Как ты думаешь, завтра настанет утро, будет рассвет?

Впрочем, какое мне дело. Это будет ведь только завтра, а завтра не настанет. А если… Ну какая тогда будет разница? Не люблю, когда всех под одну гребёнку. Все ведь вон какие разные! Ну что ты с тоской на меня смотришь? Полетели с тобой в никуда, а? Там дождей нет. Там нет времени. Снег да тьма. А ещё звёзд куча целая. И луна. Такая, знаешь, белая-белая. Она дикая. – Полетим, а? И

пусть себе лает собака. И воет на нашу луну. Но нам-то всё равно! А утром… Но утро уже не наступит.

Не могу я рваться на два берега. Не хочу быть похожей на соседей своих. Не хочу я по году тебя дожидаться. У меня скулы сводит от кислых яблок. А на стене тени огромные. И твоя, и моя, и от свечки тень, вот интересно, правда? И телефон противно так звонит, тонким таким голосочком. И зовёт меня. Как будто я подойду. И везде бумажки от конфет валяются. Не смотри на меня, пожалуйста, как щенок нашкодивший! Это я виновата, я знаю. Догорят свечи – останешься в темноте.

Ну к чему нам эта комедия?! Не буду я ломаться за копейку. И ты не будешь. А воск от свеч мне прямо на ладошку так и капает. Но я – каменная. Не больно мне! Не больно! И воет собака… Не плачь, ну не плачь же! Ну что ты? Пусть её воет…

Полночь! Сбываются старые зловещие предсказания. Ты веришь в них? Даже собака умолкла. Боится. Бой часов. Или это моё же сердце? А кругом слепая какая-то темнота. Не верь в приметы. Ну, вой же, собака! Ну, что же ты молчишь? Старая…

Со злостью луна отвернётся. Вот здорово! Никто не видал обратной стороны её. А я вижу!.. Но я – сумасшедшая.

Да ведь на крест-то никто не хочет!

Ты опять хочешь музыки и красивых стихов. Но я – неспособная. Не могу стихи написать. Даже для тебя… Только кину я пепел на ветер. Пусть подальше его унесёт, пусть утопит в свете грядущего дня. А давай клеить зеркало. Помнишь, то что вчера я разбила. Нет, зачем же его выкидывать. Я всё склею – и будет как новое. Да не верь ты в приметы – они для старух и монахов!

Дай, я склею. Дай, хотя бы попробую.

Ну а розы, зачем они? Или так тебе лучше? Ну да ладно, неважно всё это.

Это же круг, ты не видишь разве? Рассветы, закаты, лес, речка, дожди! Так всегда и будет. Ну, давай уйдём. Забери меня…

Боже, сколько же в тебе малодушия!..

И пью кисель остывший. И радуюсь. Глупая. Неразумная. Ну, зачем я так?! Хочу многого. Я уйти хочу, убежать хочу, улететь, уползти, да мне всё равно! Лишь бы далеко. Не могу. Не должна.

А к ботинкам моим листик жёлтый прилип. А я боюсь скользкой улицы. Только б не упасть, не поскользнуться. Нельзя мне заново.

Не смогу… А собака опять завыла. Небо приняло вой её, разразившись гремучим хохотом. И я тоже смеюсь. Ну, а что мне?

Не могу я про вечность и про сон не могу. И про чувства, и про истину тоже не знаю я. Хочется чашкой об пол. Выбегу на середину – вдребезги! Что ж теперь? Ведь не склеивать, правда же?.. Надо жить. Ну, а надо ли? Надо. Скоро будет рассвет. Ну, а будет ли?..

Васильковая сказка

Год 1997, январь.

…Вечер. Тихо. Падает снег. Удивительными хлопьями кружится он в ледяном воздухе зимы. А мы сидим у окна. Я и мама. И я думаю, будто мы – совы. И сидим на заснеженной ели в тёмном лесу, стережём добычу. Я нахохливаю перья и зорко всматриваюсь в белоснежную гладь снегов. Зима – плохое время для зверья. Любую тёмную шёрстку заметит мой цепкий взор. И вмиг я, расправив крылья, бесшумно упаду за добычей.

– Ты любишь васильки?

– А? Что? Какие такие васильки? – Пожимаю плечами – причём тут васильки?..

Год 2000, июль.

… Я спиной чувствую её дыхание – спина покрывается инеем. Она здесь!

… Я как будто иду по аллее. Жёлтые листья увядших берёз мне под ноги сами бросаются. А вокруг – пустота, как в кастрюле без супа. Глупо!

А в душе – темнота, как в Кунгурских пещерах. Жутко! И ботинки мокры от слёз. Если в лужу заглянуть – там будет небо. Грязное, серое, истоптанное, пожёванное, затрёпанное родное небо. А если вверх поднять голову – там тоже будет небо. Весёлое, голубое, светлое, счастливое чужое небо.

… Я как будто на острове. Вокруг него – густой зелёный туман. Надо было выйти отсюда, но не хочется. Сквозь туман малюсенькими капельками просачивается правдочка. Я отмахиваюсь от этих капелек. Ну зачем они мне! Не хочу! Не хочу! Нет! Не надо! Я ЕЩЁ человек! Я ВСЕГО человек! Никакая мне правда не нужна! Я хочу

жить в тумане. Мне приятно его слащавое тепло, оно обволакивает, оно заставляет забывать, забывать, забывать…

… Мозг изъеден строчками из нечитанных писем. Серым пеплом вокруг летают фотографии. В воздухе – оранжевый запах васильков. Запахи бывают разные – тёплые, холодные, грустные. Свежие, любимые… Конечно, васильки синие, но запах у них – оранжевый, тёплый, лучистый, как маленькое солнышко.

Когда держишь в руках букетик, кажется, что ты – солнце, от тебя расходятся в стороны маленькие лучики, оранжевые, пушистые, как только что народившиеся ёжики. Я думаю, я люблю васильки.

Год 1998, октябрь.

Кладбище – это место захоронения умерших. Все дороги ведут на кладбище. Все мы будем на кладбище. Кладбище. Кладбище. Что-то старинное. Плесенью пахнущее, зловещее, но притягательное есть в этом слове. Кладбище! Сильнее звучат аккорды. Кладбище. Бушует стихия. Кладбище. Рушится общество. Кладбище. Стираются грани. Кладбище и… замолкли аккорды. Всё утихло – остались лишь крест да веночки. Где же буря, где страх, где смятение?! Кладбище, всё это кладбище. Оно сожрало, поглотило всё – будущее, прошлое, настоящее. Испепелило, развеяло, стёрло. И живёт себе тихо-мирно-спокойно.

Кладбище, кладбище, кладбище…

А цветов было море. Нет, в самом деле, море, море цветов. Астры, пионы, гладиолусы (вот поистине королевские цветы), лилии… Были мёртвые чужие запахи, не было любимого, ярко-оранжевого. Плебейский разноцветный запах астр вызывал головокружение, высокомерно-холодный синий запах гладиолусов, смешиваясь с нарядным зелёным запахом пионов, становился невыносимым и заставлял глаза закрываться, обволакивая липким сном. Лилии. Мертвенно-бледный запах их действует на меня странным удушающим образом… Где же васильки?! Где её, наш, мой родной запах?! Хочу крикнуть: «Эй, люди, принесите сюда васильков!». Но не крикну. А лишь прикушу губу – не поймут, уведут, ПОЖАЛЕЮТ…

Год 2000, утро октября.

…Мрак однажды ляжет на землю. Я войду в холодные сени. Я тебя поцелую устало. Я заплачу, но слёз не будет. Закричу, но выйдет беззвучно. И тогда я присяду рядом. Помолчу. А потом ты уйдёшь.

…Когда растают сердца моих недругов, придут они ко мне. И прощу я все грехи им. И полюбят они меня. И всем станет…

Это другая сказка. Не моя…

… А с утра дождь оближет моё окно. И начнётся всё сначала. И некогда будет думать, да и не о чем. И закончится всё ничем. Ты прости, не могу по-другому. Всё просто, всё слишком несложно, чтобы понять, чтобы хоть попытаться.

Год 2000, ночь октября.

Просыпаюсь с утра от света. Где? Откуда? Почему тут этот свет? Я боюсь, что это сон. Я зажмуриваюсь крепче… и чувствую оранжевый запах. Значит было! Значит всё-таки было!

Улыбаюсь, открываю глаза – вся комната в васильках. Здорово!

Пузырьки и jet'amie

Картинка-лень

Смешиваю цветные картинки – я во сне вижу наше усталое лето. Серпы залитых светом солнечных лучей перед тем, как УЛЕЧЬСЯ поперёк постели, переворачиваются НА СПИНУ. Гербарий полумёртвой традесканции тихонько доживает в горшочке – надо бы ПРИКРЫТЬ газетой… лень. ГЛАЗА фиксируют кусочками мелькающего отражения в зеркале. Обгрызенные трупики яблок разложены ТАК, ЧТОБЫ можно было не замечать. А вместо дрожащего марева в воздухе разливается СЕРЕБРО. Слишком много СВЕТА кругом. Вспоминаются чьи-то(мои?) стихи: «… серый снег. Седые кольца вечности разбросаны по бесконечности ничтожно малыми крупинками истёртого в золу песка…» Когда-то это ПРОЛИВАЛОСЬ каплями на подставленные ладони. Вчера. Сегодня – ПОД топор. Сухое дыхание забирается под ВЕКИ И вьёт себе уютное колючее гнёздышко на лопнувших капиллярах. Раньше, когда не было свинцовой тяжести в губах, дыхание ОТРАЖАЛОСЬ на сетчатке искристым, сияющем УЛЫБКОЙ мыльным пузырём.

Картинка-воздух

СЛУШАЮ запах цвета бургундского вина, переливающийся мегатоннами из ТЕБЯ в меня по тонюсеньким трубочкам нервов. Прозрачная сырость разливается в ещё НЕ тронутом тлением воздухе. Давно погнившие мечты вдруг отзываются предсмертным предосенним стоном, силясь превратиться в СЛОВА. Бессмысленно… А они, растоптанные, всё тянут полуразложившиеся пальчики, рвут на клочки сознание, пытаясь обрести ГОЛОС. Взгляд ТУМАНИТСЯ. Однако слабость духа, истёртая, ПЕРЕЖЁВАННАЯ миллиардами сомнений, не может служить опорой мечтам. Забытые, они будут гнить дальше. Это – РАДОСТЬ. Они не погибнут, не разлетятся ОСКОЛОЧКАМИ, преодолевая границы собственного бытия, что ПРОНИКАЕТ повсюду. Может, они бы и выбрали гибель, но В выборе предназначенного нет свободы. Рождённое однажды – будет всегда, и это придумала не я, как не я создала КИСЛОРОД. Это – изначальное, это – слепок взгляда вечности. Нет смерти, есть ФИЗИЧЕСКОЕ, знакомое ДО СЛЁЗ, до трещин на губах, до побелевших суставов пальцев её ОЩУЩЕНИЕ. Жизнь – это тонкий непрочный канат, жизнь – это движение ПУЗЫРЬКОВ В шампанском, имеющем заиндевело железный привкус КРОВИ. Нет смерти, есть бесконечно прозрачные МАЛЕНЬКИЕ миры возрождающейся жизни.

Картинка-паутинка

Даже воздух становится тонкими прослойками хрустящей субстанции, ломающейся при моих движениях. Апельсиновая полоска незнакомой короткой змеи скручивается и подпрыгивает, как скручиваются и ПОДПРЫГИВАЮТ все подобные змеи. Зазевавшийся маленький тушканчик обречён. Его большущие, полные искривлённого ужаса глаза успевают мелькнуть передо мной и навсегда впечатываются в память. Змея не может откусить ему, скажем, голову – её ротовая полость не предназначена для пережёвывания. Она аккуратно и медленно заглатывает то, что недавно было маленьким тушканчиком. И вот уже его останки ТОЛКАЮТСЯ И ПИЩАТ писком разорванной плоти внутри сытой оранжевой красавицы. Под сердце внезапно наваливается тяжесть чугуна. Оттенки

розового В АЛЬВЕОЛАХ превращаются в багряно-багровые, размытые капли последнего дождя В ПАЛЬЧИКАХ, в разветвлённых щупальцах-нервах. ОГРОМНЫЕ, цвета лежалого болотного ила, тени ПОЛЗУТ по сосудам вверх, ищут беззащитные чувства В АОРТЕ, В КОРОНАРНЫХ АРТЕРИЯХ. Расползаются В НИХ своей смрадной чернотой, наливаются, давят. Тоненький крик страха ЗВЕНИТ в рвущихся венах. Цунами собственной глупости слизнула заботливо выстроенный песочный замок. Тление и любовь. Оставшееся от разгрома – снова моё. Собранное по песчинкам – МОЁ. Склеенное из осколков – тоже моё. В зрачках ещё долго будет полоскаться СЕРЕБРО неконтролируемого НЕУПРАВЛЯЕМОГО, животного ужаса от сотворённого своими руками. Наверное, я поздно родилась, и уже нет СЧАСТЬЯ.

Картинка-конфетти

Утром ранним белый саван. Вокруг, кроме снега, наверное, никогда ничего и не было. ОДИН снег. Пугающая поначалу яркость завораживает, зовёт, РАЗРЫВАЕТ желанием приблизиться к ней, как к святыне. Я надену, как на свадьбу, и войду неприглашённой в мёртво-мраморную залу. А после вдруг сдавливает ГРУДНУЮ КЛЕТКУ витками анаконды… Проглотив кусок ставшего колючим воздуха. Я опускаюсь на колени, НЕ перед кем бы то ни было – перед собой. Утешенье утешений разорвётся на лоскутья дикого аквамарина неиспользованных слёз. Кто бы сказал «легко» – я не МОГУ. Осталось прислониться лбом к обледенелому стеклу, простить жизни её змеиную дорогу, ЗАПОЛНИТЬ вакуумом ПУСТОТУ. Ржавым лезвием попытки на стекле дрожащем кожи бесконечно тусклым жестом губы выведут узор. А надо бы просто поверить в мир, тогда ОН поверит в тебя. Better late than never. Я отпущу надежду белым голубем примостившуюся на край ладони. ТВОЙ мир не примет меня даже в качестве жертвы. Дар, разменянный на штампы, не достоин сожалений – утоплю в восходе синем смысл будущего дня. Когда растает последний айсберг, когда луна повернётся обратной стороной, когда раскалённый песок превратится в стеклянное крошево, когда иссохнет по капле моя нежность, когда расцветёт столетний кактус и когда станет незачем верить – я буду

твоей последней каплей… Бесконечная оглушающая боль, и с ней привыкаешь жить.

Картинка-льдинка

Всегда наступает такой момент, когда перестаёт волновать собственная жизнь, – начинаешь думать о чужой; это состояние – не полёт, не атомная вспышка счастья, это – страх. Чужая жизнь – это непрочный мыльный пузырь, и даже не в моих руках. До сведённых судорогой пальцев, до противной дрожи в коленках, до зубовной чечётки, до захлебнувшегося крика по ночам боюсь смерти. Не своей – чужой. Физически ощущаю пустоту. Пустота – крохотные ледяные шарики, перекатывающиеся внутри, занимающие совершенно особое пространство – не в лёгких, не в трахее, не в предсердиях, а между… с треском взрывающиеся при соприкосновении с мыслями. Всепоглощающий страх, от него никуда не деться, а осознание неизбежности лишь увеличивает его тотальность… Может быть, Я всё-таки смешаю серый с бесконечностью – получится беспросветно яркий оранжевый. Говорят, РАЗБИТЫЕ жизни погибших в воздухе – оранжевые. Кофе на дне ЧАШКИ покрывается льдистой плёнкой, И хрупкие нити нервов рвутся шёлком под бесчувственными пальцами. ЗАЧЁРКНУТЫЕ стихи не стоит пытаться прочитать, они написаны не для тебя, а ради твоей МЕЧТЫ. Звенящее СЕРЕБРО шорохом сдерживаемого дыхания отзовётся ударом сердца. Я не дам тебе раствориться ради оранжевого света расцветающей ядерной звёздной полыни. Остаток холодного огня ВЫЛИВАЕТСЯ через точечные зрачки.

Февраль

Воскресают забытые прозы:
Вновь и вновь для меня настают
Те ненастные, злые морозы,
Что ночами мне спать не дают.
Пессимизм – в унынье впадаю,
Снова я и глуха, и нема.

Беспричинные слёзы – я таю
И тебя вспоминаю, весна.

Небо

Небо – Бог, небо – судьбы и смерть.
Ты не веришь? Взгляни на него.
Это мощная синяя твердь,
Поглотившая сотни миров.
Мы наивно даём им названья:
Звёзды, солнце, плевочки, тела…
Это небо! И небо лишь знает,
Что оно выше страхов и зла.
Небо – сила, свобода и страсти,
Что способны увлечь и убить.
Для кого-то оно, небо, счастье,
Для кого – путеводная нить.
Для меня же оно – вдохновенье,
Небо – Бог, небо – судьбы и смерть.
Небо – воздух, полёт, наслажденье
И бескрайняя синяя твердь.

Календарь

Дни в охапку, дни на стену,
Календарь висит в углу;
Пере-пере-перемены –
Я листы с усмешкой рву.
Анекдоты, выходные,
Игры, тосты, «сделай сам», –
Чёрно-белые, цветные
Дни мои летят к чертям.
Календарь с тоски худеет,
Календарь в ответ молчит,
Но всё так же, не краснея,
На меня числом глядит.

Детский мир

Лилия Такташева

Разрешили перезимовать

Когда обустраивали дачи, пришлось потеснить тайгу. Оставили только узкую полоску вдоль реки. Все зверюшки из вырубленного леса переселились сюда, благо ещё и по откосу росли сосны и кедры. Еды белкам и бурундукам хватало. Дачники в этом леске грибы и шишки не собирали, им бы на своих грядках управиться. А если кто и собирал, то в других местах. Зверюшек возле дач было так много, что порой на наших глазах сразу пять белок в догонялки играли – скакали друг за другом с ветки на ветку. Лес наш не только зверюшками богат. Каких только птиц не увидишь, каких только песен не услышишь.

Как-то весной соседские ребятишки, Алёша и Максим, смастерили скворечник и попросили своего старшего брата Женю повесить его на старой берёзе. Прилетели скворцы. Двое из них облюбовали домик и стали его обустраивать. Носили сухие травинки, веточки, листики – выстилали гнёздышко для своих будущих скворчат. Летом вывелись птенцы. Почти месяц родители выкармливали их. Став самостоятельными, молодые скворцы объединились с другими выводками и уже больше не прилетали к своей берёзе. А старые скворцы изредка проверяли своё обжитое место.

Однажды, вернувшись после долгой отлучки к скворечнику, они были очень удивлены. Из окошка их домика выглядывала рыжая мордочка. Скворцы возмутились, подняли галдёж на весь лес, но зверёк и не подумал покидать чужое жильё. Погалдели скворцы,

погалдели да и улетели. Наверное, решили: «Да ладно, пусть перезимует, мы всё равно скоро в тёплые края улетим».

А зверёк – это была белка – стал готовить домик к зиме на свой лад, выстилать внутри сухим мхом, чтобы было где спрятаться в лютый мороз и чтобы бельчата не замёрзли. Ведь появляются они на свет ранней весной, да к тому же совсем голенькие.

Перезимовала белка в скворечнике. Выходила, выкормила своих бельчат. Покрылись они густой шёрсткой и выскочили на волю. Разбежались по всему лесу. Да и сама она стала надолго покидать присвоенный домик. Зимние запасы в тайниках заканчивались, нужно было искать свежее пропитание.

С приходом тепла потянулись в наши края стаи птиц. Прилетели и хозяева скворечника. Белки в это время в нём не было. Ушла по своим делам. Скворцы сразу принялись наводить в старом жилье порядок. А рыжая квартирантка тут как тут. Прискакала, зацокала, заворчала и прогнала хозяев. Скворцы далеко от домика не улетали. Уйдёт белка – скворцы в скворечнике, вернётся белка – скворцы на ветке. Очень не хотелось им покидать свой домик.

Решила шустрая разбойница от них избавиться. Погналась за ними. Скворцы с ветки на ветку перелетают, а белка с ветки на ветку за ними прыгает. Так и прогнала. Улетели бедняги и больше не возвращались. Наверное, другое место для гнезда, нашли.

Вышло всё как в сказке про лису и зайца. Разрешил заяц лисе переночевать, а она же его и выгнала. В сказке петух с косой на плечах помог зайцу выгнать плутовку из избушки. А вот в жизни скворцам петух не помог, хотя он и разгуливал по даче, правда, косы на плечах у него не было.

С тех пор прошло много лет. Скворечник посерел, потрескался, но и сейчас из окошка то и дело выглядывает рыжая мордочка. Та ли это белка или другая, я не знаю. Но то, что белки любят жить в скворечнике, это ясно.

Братья Женя, Алёша и Максим стали совсем взрослыми. У Жени и Алёши уже свои дети. У одного сынок Паша, у другого дочка Варя. И может быть, в недалёком будущем услышу я стук молоточков на соседней даче.

– Паша, а что ты строишь? – спрошу я.

– Скворечник, – ответит он.

– А ты, Варя, что строишь?

– Бельчатник.

Игрушечное Море

Однажды ночью в одном городе во время грозы родилась большая лужа. Сначала она была совсем крошечной, но к утру успела вырасти до огромных размеров. Лужа очень гордилась собой. Ещё бы не гордиться, ведь она была самой большой лужей в городе и его окрестностях. Эту весть ей принесла старая ворона, которая спозаранку успела всюду побывать и всё разузнать.

С утра у лужи было отличное настроение. Она вся сияла, нежась в лучах ласкового солнца. Но вскоре её настроение стало портиться, потому что уже первые прохожие начали её ругать и даже обзывать.

– Да что же здесь творится? – возмущалась, чуть не плача, молодая женщина. – И откуда взялась эта противная лужа? Она испортила мои новые туфли.

– Разлилась тут. Не проехать, не пройти, – ворчал на лужу пожилой мужчина.

– Безобразие! – визгливо кричала толстая женщина. – Эта нахалка скоро влезет в наш подъезд! Надо что-то делать...

Лужа огорчённо морщилась: ей было очень неприятно слышать о себе всякие гадости. Она вовсе не собиралась влезать в какой-то подъезд. Ей и на улице было неплохо.

«Бедная я, бедная, – думала про себя лужа. – И зачем я только родилась на свет, если всем приношу одни неприятности».

Но тут вдруг она услышала детские голоса.

– Ты только посмотри, какая огромная лужа! – радостно кричал какой-то мальчик.

– Здорово! Да это же целое игрушечное море! – восхищался другой. Луже очень понравилось, что её назвали морем. «Море, море, море!» – повторяла она про себя, – «Какое красивое и знакомое слово. Может, в своей прошлой жизни я была настоящим морем?!» Эти мысли немного приподняли её настроение. Она снова стала гордиться собой.

– А давай принесём из дома наши кораблики, – предложил первый мальчик.

– Точно! Давай! – согласился другой.

Вскоре корабли, которые полгода пылились на полках, гордо бороздили зеркальную поверхность лужи. Это были красивые совре-

менные крейсеры с пультовым управлением. Сначала они соревновались в скорости, потом совершали сложные манёвры.

Возле лужи собралась целая толпа ребят. Они смеялись, кричали, спорили, хлопали в ладоши. И даже взрослые уже не ворчали на лужу. Одни старались обойти её, а другие останавливались и с улыбкой смотрели на радостные лица детей. У лужи снова было отличное настроение.

Ближе к вечеру дети разошлись по домам. Игрушечные корабли опять заняли свои места на полках. Волнение, поднятое ими, успокоилось. Лужу ласкал весенний ветерок, и она таинственно мерцала, освещенная взошедшей луной. Успокоенная, обласканная, счастливая, она мечтала о завтрашнем дне, когда её снова назовут морем. И снова пустят по ней игрушечные корабли. И снова будут радоваться дети.

Но вдруг её радужные мечты прервал сердитый голос:

– Ну никакого спасения нет от этой лужи. И когда она только высохнет!

«Эх, – вздохнула лужа, – до чего же сложная штука жизнь. Одни меня любят, другие ругают... Ну и пусть ругают. Если я кому-то приношу радость, значит, всё-таки не зря появилась на свет».

Пошутилки

Деткам для чего язык?
Чтоб врачам показывать.
Ну а волосы зачем?
Чтобы бант завязывать.
Ручки, ножки для чего?
Чтобы баловаться.
Носик деткам для чего?
Чтоб в нем ковыряться.
Ушки выросли зачем?
Чтобы сказки слушать,
Ну, а ротик для чего?
Чтоб конфеты кушать.

Детям нужно солнышко

Дождь-проказник бьёт по крыше.
Видит мама-грустно Мише.
Чтоб проказника унять,
Стала песню напевать:
«Дождик, дождик, хватит лить!
Хватит сырость разводить!
Со вчерашнего утра
Льёшь и льёшь, как из ведра.
Нет ни солнца, ни луны.
Все дворы водой полны.
Негде Мише погулять.
Дождик, хватит поливать!
От твоей от сырости
Малышу не вырасти.
Детям нужно солнышко.
Пусть настанет вёдрышко!»
Дождик песенку услышал,
Перестал стучать по крыше.
И на радость всем опять
Стало солнышко сиять.

Случай на рыбалке

Я был на рыбалке,
Ловил там ерша.
Но вместо ерша
Я поймал вдруг ежа.
– Как в речку попал ты? –
Спросил я ежа.
А ёж отвечает:
Там жизнь хороша!
– У каждого место
Своё на земле:
Живут рыбы в речке,
А белки в дупле.

Мне нравится небо,
Туда ж не лечу...
А ёж отвечает;
– Живу, где хочу.
Я мордочкой к лесу
Ежа повернул.
Он фыркнул сердито
И в речку нырнул.
С рыбалки домой
Я шёл не спеша.
И вдруг под сосною
Заметил ерша.
– Как в чащу попал ты? –
Спросил я ерша.
А он отвечает: –
Здесь жизнь хороша!
Здесь сыро, прохладно,
Здесь жизнь без забот.
Здесь мошки толпою
Летят прямо в рот.
– У каждого место
Своё на земле:
Живут рыбы в речке,
А белки в дупле.
Мне нравится небо –
Туда ж не лечу.
А ёрш отвечает:
– Живу, где хочу.
Я тоже по-новому
Жить захотел –
Руками взмахнул
И на небо взлетел.
Вдруг слышу по имени
Кто-то зовёт:
– Арсений, проснись!
У тебя же клюёт!

Мне первым подал руку друг

Нет больше друга у меня,
Вчера поссорился с ним я...
На всех ворчу, как старый дед,
Идти гулять желанья нет.
Друг не звонит и не стучится.
Решил: пойду к нему мириться!
Но только я сошёл с порога,
Бежит навстречу мне Серёга.
Опередил меня опять,
«Привет! – кричит, – Пора гулять.
Мне первый подал руку друг,
Обидно даже стало вдруг.
Но главное, мы с ним вдвоём
По нашей улице идём
И говорим о чём попало,
Как будто ссоры не бывало.

Пузырили пузыри

Отпустила туча-мать
Деток по небу гулять.
Как надули щёчки
Сыновья и дочки,
Вынули из сумочек
Миллионы трубочек,
Стали в лужицы играть,
Пузыри в них надувать.
От зари и до зари
Пузырили пузыри.
Заодно ребятки
Поливали грядки.
Ночью свои трубочки
Положили в сумочки.
Нарезвились вволю.
Полетели к морю.

Воробьиная песенка

В чудный праздник – Новый год.
Лишь проснулось солнце,
Три весёлых воробья
Сели на оконце.
– Чик-чирик, чирик-чирик –
Песня зазвучала,
А на птичьем языке
Это означало:
Не годится в праздник спать!
Эй, вставайте, дети!
Дед Мороз к вам приходил
Рано на рассвете.
Он подарочки для вас
Положил под ёлку.
И ещё мы кое-что
Подглядели в щёлку.
Торт, конфеты на столе
Ешьте! Не зевайте!
Да про нас, про воробьёв,
Чур, не забывайте
Разве можно в день такой
Усидеть на месте?
Выходите к нам во двор!
Порезвимся вместе.
Три весёлых воробья
Песенку пропели:
– Чик-чирик, чирик-чирик.
Фыр-р-р... И полетели.

Ирина Бочарова

Тортик

В канун Нового года, оббежав не один десяток магазинов и, поняв, что не в моих силах удовлетворить все Илькины желания «Деду Морозу», в отчаянии я забрела в небольшой зоомагазинчик. Побродив вдоль аквариумов с яркими рыбками, с удивлением остановилась у огромной зелёной массы маленьких черепашат, которые с поразительным упорством выстраивали большущую пирамиду из собственных тел. Они забавно двигали лапками-ластами и смешно виляли из стороны в сторону крохотными хвостиками.

– Какая прелесть! – ахнула я.

– Берите, сегодня урожайный день на них, – уже штук двадцать купили, – произнесла девушка-продавец.

Ещё раз взглянув на смешных строителей пирамид, я решилась, – а ведь и правда, – ну чем ни подарок к Новому году?

…Увидев меня с огромным террариумом в руках, муж чуть не хлопнулся в обморок.

– Это что ещё? – спросил он, с опаской поглядывая на непрозрачный пакет с водой.

– Не бойся, – это Тортик, – наш новый жилец и Илькин подарок к Новому году.

– «Тортик»?!

– Да-да, Тортик!

– А почему именно Тортик?

– Да потому, что старую черепаху в сказке звали Тортилла, а он её потомок, – значит Тортик…

Наш разговор был прерван радостными воплями детворы за окном. С криками и визгами ребятня разбегалась из школы по домам на каникулы.

– Илюшка идёт, – что делать?

– Живо прячь террариум под ёлку!

Через несколько минут запыхавшийся и счастливый Илюшка заходил в квартиру. Переглянувшись с мужем и не давая опомниться ребёнку, я «атакую»:

– Иль, у нас тут дед Мороз мимо раньше времени пролетал. Сказал, что в этом году много ребятни ждут подарков на Новый год, переживал, что вовремя всех не одарит, поэтому и решил некоторым пораньше вручить. Ты, кстати, как окончил четверть?

– Да есть по математике тройка…

– Вот, он нам то же самое сказал. А раз ты не сдержал своё обещание по учёбе, то в качестве компенсации он передал для тебя «тортик», а всё, что ты заказывал, – привезёт на следующий Новый год. Ведь тогда без троек будет, правда?

– Тортик?.. – разочарованно прошептал Илька.

– Ага, красивый такой, там, под ёлкой стоит…

С потухшим взглядом и опустившимися плечами Илюшка побрёл к красавице-ёлке, что стояла в гостиной. Видя его реакцию на мои фантазии, я уж было испугалась.

– Ну, и где он? – недовольно пробурчал Илюшка.

– Ищи, ищи, – там где-то стоит…

– Ой! А что это?! – Мам! Тут какой-то аквариум… Ой!!! Мамочка!!! Да тут же черепашонок!!! Какой хорошенький!..

– Это и есть Тортик! – Кто тебе говорил, что он съедобный?

Илька с обожанием смотрел на маленького пловца, а потом бросился к нам в объятия.

– Ну вы и хитрющие: «Тортик, тортик»… А он вон какой!..

***

Новогоднее настроение снова вернулось в семью. Вспоминая разыгранную нами сцену, Илюшка хохотал, изображая, как он искал в ветках лесной красавицы чудо-торт. Маленький зелёный черепашонок, похожий на плоское блюдце, уплетал за обе щеки новогоднюю порцию мотыля. С улыбкой наблюдая за ним, мы лакомились ароматными мандаринами, а за окном медленно порхали белые снежинки, и совсем близко был новый добрый год…

Фотосессия с маслёнком

В сосновом бору,
Под пушистою ёлкой,

Нашёл я лесного
Красавца-маслёнка.

В лоснящейся шляпке
Цветов шоколада
Он выглядит классно, –
Как раз то, что надо!

Я знаю, что гриб этот нежен и вкусен,
Но в лес я пришёл за другим:
Мне просто хотелось побыть на природе,
И сфоткаться рядышком с ним!

Сила для Дождика

Спросил у Тучки Дождик силу
К земле, которая б, пустила,
Чтобы полить дождинкой травку,
И попугать в кустах козявку…
– Шалун, – когда ты повзрослеешь?
И загреметь, в сердцах, сумеешь?
Большие ливни в уваженье,
И всех приводят в устрашенье… –
Так Тучка Дождику сказала,
Но для внушенья слов сих мало…

– Зачем, скажи, пугать кого-то?
Мне почему-то неохота,
Чтоб кто-то просто так промок.
Я в своих струях вижу толк:
От них растёт всё, пьёт водичку…
А запугать всех, – это слишком.

– Ну что ж, – ты мудр не по годам, –
Пожалуй, силу тебе дам.
Пускай послужит лишь на благо, –
Коль рассуждаешь ты так здраво.

Конечно, ведь когда взрослеем,
Становимся во всём сильнее,
Но применять с умом дар нужно:
В гармонии жить надо, дружно!
Лети! И поиграй немного, –
Пусть будет Радугой дорога!

Антуан Мичурин

Тем, кто боится уколов
(Гимн прививке)

Я трусишка, не хочу
На приём идти к врачу.
Пусть мой друг Веснухин Мишка
Перед доктором стоит.

Во дворе он всем мальчишкам
По-геройски говорит:
– Не боюсь я докторов!
Укололи – будь здоров!

Я скажу трусишкам прямо:
«Не позорьте свою маму!»
Посмотрите на солдат –
Все как на подбор стоят!

Потому что слабый воин
Защищать мир не достоин.
Должен быть солдат здоровым!
Плохо, если он больной…
Кто привит, тот сдвинет горы,
Если надо – примет бой!
Не боюсь я докторов:
Врач уколет – я здоров!!!

Молодец мой друг Веснухин!
Не боится он краснухи,
Скарлатины и бронхита,
Столбняка и гепатита,

Не боится друг мой гриппа,
Так как он всегда привитый!
Я смельчак, теперь хочу
На укол идти к врачу,

Потому что друг мой Мишка
Не хвастун и не трусишка!

Весна пришла

Вот весна пришла к нам в гости,
Зазвенела с крыш капель.
Растеклась зима от злости,
Лёд растаял, стал ручей.

Ветерок бежит по полю!
В небе солнышко блестит!
Над моею головою
Быстрый скворушка летит.

Людмила Кошиль

Ящерка

Люська всегда просыпалась рано. Она любила это утреннее время, когда все звуки громче, а деревня пробуждается не торопясь. Над каждым двором струится столбик дыма от железной печки, на которой варят утреннюю уху. И жизнь начинается заново, без суеты и спешки.

Однажды в одно такое летнее утро Люська шла по тротуару вдоль улицы, грея озябшие от росы босые ноги о пропитанные солнцем доски, и чуть было не споткнулась о большого чёрного кота, сидевшего у неё на пути. Кот что-то трогал лапкой, как бы играя, но с опаской.

Любопытная девчонка, конечно же, не могла пройти мимо. Отогнав кота, она увидела ящерку, перевернутую на спинку. Ящерица лежала неподвижно, выставив ярко-жёлтый животик и раскрыв рот с торчавшими мелкими частыми зубками, похожими на щучьи. Люська подумала: «Раз не шевелится – значит мёртвая». И, пожалев её, решила похоронить. Взяв в руки щепочки, девочка стала перекладывать ящерицу на листик подорожника. Но как только ящерка перевернулась на бочок, она тут же закрыла рот и быстро встала на лапки. Её серенькая спинка сливалась по цвету с досками тротуара.

– Ах ты моя хорошая, ожила. Сейчас я тебя в лес отнесу, а то на тебя здесь наступят и раздавят, – хлопоча приговаривала Люська. Ящерица затихла, как бы прислушиваясь и поняв, что ей уже ничего не угрожает, юркнула под доски. Довольная своим поступком, девчонка побежала домой поделиться впечатлениями с отцом. Рассказав всё подробно, Люська тут же спросила:

– Папа, она что, в обморок упала от страха?

– Нет, дочь, – притворилась мёртвой, а сама момента ждала, чтобы убежать. И ужи так делают. Все думают – мёртвый, выбросят его в траву или кусты, а он быстренько, раз-раз, и уползёт. Хитрые они – от смерти спасаются. А ты, молодец, вовремя её от кошачьих лап освободила. Без нужды да раньше времени никому умирать неохота, – добавил отец, как бы задумываясь о чём-то своём.

Под впечатлением произошедшего в голове у девчонки разыгралась фантазия. Может это вовсе и не ящерку она спасла, а хозяйку Белой горы, что неподалёку от деревни находится, как в той сказке, что ей мама недавно прочитала про Хозяйку Медной горы, которая превращалась в ящерицу. Она чувствовала себя счастливой, ещё не понимая почему. А счастье Люськино было от того, что она впервые спасла чью-то жизнь, пусть даже маленькой желтопузенькой ящерки.

Черёмуха

Незаметно подошёл август. В лесу поспели ягоды. Грибная пора в самом разгаре. У Люськи было полно дел. Она бегала в лес. Приносила домой полный туесок маслят и красноголовиков. Других грибов она пока ещё не знала, а эти ей показал отец и добавил:

– Бери, дочь, только такие, не ошибёшься – они съедобные, а другие потом научишься отличать.

Вечером, когда сёстры лежали в постели, и Люська уже засыпала, Галина доверила ей секрет, что завтра старшие девчонки идут по черёмуху, она уже поспела. А из младших решили взять Люську, потому что она умеет хорошо лазать по деревьям и не боится высоты. Это сообщение Люську очень обрадовало. Старшие девчонки держались особняком и играли в другие игры, а младших не брали, чтоб не мешали. А Люська с Томкой однажды подглядели за ними. Как те, привязав тесёмками к пяткам пустые деревянные юрки от ниток, учились ходить на «каблуках» и красили губы помадой, которую утащили в бане у местной портнихи – эвакуированной ленинградки.

После этого младшие при каждом удобном случае стращали их:

– А вот расскажем, как вы губы красили, – и те быстро шли на уступки, потому что за такие вольности их ждало суровое наказание от матерей.

Люська засыпала счастливая. Её берут с собой старшие, а это значит, что признали за свою. Где-то к обеду девчонки собрались возле люськиного дома, стоявшего посредине деревни.

У всех с собой были берестяные туески и набирки. Их обычно надевали через голову на длинной верёвке. Набирка висела на груди и можно было брать ягоду обеими руками.

– Ну чё, девки, куда пойдём? – спросила Нинка. – За ручей или рыбозаводскую баню? Там и комара меньше – с реки дует, и ягода крупней.

С ней все согласились. Она была старшая и пользовалась авторитетом.

Девчонки пёстрой стайкой побежали в сторону рыбозавода.

Люська едва за ними поспевала.

– Галька, Галька, – дёргая сестру за подол платья, спросила, – ты маме сказала?

– Нет, отстань.

– А отцу?

– Да говорю тебе, нет.

– Ругать будут.

– Если б сказала, не отпустили бы одних. А так черёмухи наберём, мама пирогов напечёт.

Довод был веский, и Люська замолчала.

Путь оказался неблизким. Они шли до излучины Ваха по вязкому илу. Там, на высоком месте, называемом гривой, росла черёмуховая роща. Войдя в неё, девчонки увидели, что все деревья были увешаны гроздьями чёрной спелой черёмухи. Каждый занял себе облюбованное дерево и начали брать. Нижние ветки обобрали быстро, а лучшая ягода всегда растёт на верхушках.

Девчата стали звать Люську наклонить ветки. Люська, ловкая как обезьянка, забиралась на тонкое дерево или хорошую ветку и повисала. Перебирая руками, достигала того места, где ветка под тяжестью её тела сгибалась. Люська разжимала пальцы и прыгала. Если было высоко, девчонки её поддерживали и снимали. Увлечённая крупными ягодами, Люська не заметила, что ветка тонковата и, только повисла на ней, как раздался треск.

Она полетела вниз, держа ветку в руках. Было невысоко, да и ветка попалась развесистая, поэтому приземлилась относительно мягко. Раздался дружный смех. Нинка кричала, хохоча:

– На парашюте Люська приземлилась! Ха-ха-ха!

И Люська, опомнившись от испуга, заливисто засмеялась тоже. Потом, уже осмелев, она из озорства так же прыгнула ещё несколько раз.

В черёмуховой роще стоял полумрак. Солнце почти не пробивалось через густую крону деревьев, и сборщицы ягод не заметили, как приблизилась гроза. Гром прогремел неожиданно. Они все собрались под густым деревом, чтобы укрыться от дождя.

– Скоро пройдёт. Вон, как льёт, – сказала Нинка. – Да и ягоды уже некуда брать, набирки полные. Переждём и домой пойдём.

Девчонки болтали, не обращая внимания на раскаты грома:

– Грунька, а когда твоя мама из черёмухи лепёшек наделает, дашь? Они у неё самые вкусные в деревне.

Люська проглотила слюну. Черёмуховые лепёшки – такое объедение! Их делали из толчёной черёмухи, затем сушили в печке, заготавливали на всю зиму. Это было лакомство. Маленькими

кусочками клали в рот, как конфетку. Девчонки заговорили о еде – все уже давно проголодались.

А Грунька стояла, слушала, кивала головой.

– Я знаю, почему лепёшки вкуснее. Мама по-старинному делает, на рыбьем жире, который в жирварке топится. А ваши матери на постном масле, вот, – подытожила Грунька, как взрослая. Дождь кончился, девчонки мокрые, но довольные, пошли домой.

Было уже часов шесть вечера – никто и не заметил, как время пролетело. Миновали баню, возле которой толпился народ, как вдруг Люська увидела идущего навстречу отца. Дёрнула за руку сестру. Они остановились, а подружки с пониманием побежали дальше. Вид у отца был грозный. Кожаная фуражка, которую он всегда носил, была надвинута на самые глаза.

– Где были? Мы везде обыскались. Гроза такая страшная была.

– По черёмуху ходили, – тихо сказала Галина.

– Идите домой. Приду из бани, ремня получите, – коротко сказал отец и пошёл.

Под мышкой у него был берёзовый веник и авоська с бельём.

Девчонки приуныли и побрели к дому.

– Бить будет, – сказала Галина.

– Будет, да ещё как, – подтвердила Люська. Помолчав, сказала:

– Я придумала. Давай подушки привяжем, платьем сверху прикроем. Папа ничего не заметит, а когда начнёт «ремня давать», нам не будет больно.

Придя домой, поставили туески с черемухой на лавку в кухне, быстро поели молока с хлебом, густо намазанного сметаной.

Ужина дожидаться не стали, пошли в свою комнату. Переоделись в сухую одежду и приступили к осуществлению задуманного.

– Галь, а Галь, так мне подушка во всю спину и до пяток достаёт.

– Ничего, зато будет не больно, – ответила сестра, привязывая верёвкой на Люськиной спине подушку. Затем помогла ей залезть на кровать. Накрывая одеялом, сказала:

– Притворись, что спишь. Папа придёт, а мы спим. Вот он нас ругать и не будет.

Согревшись под одеялом, девчонки заснули настоящим сном.

Вскоре пришёл отец. Удивился необычной тишине в доме и забеспокоился:

– Шибко тихо что-то, и девчонок нигде нет. Спрятались или

убежали... Ведь и постращал-то только для порядка, чтоб слушались, а то тайга рядом, далеко уйдут, заблудятся – маленькие ещё, – думал Алексей, направляясь к детской комнате. Приоткрыл дверь. И перед ним предстала картина – на кроватях возвышались две «горы». Он неслышно подошел к кровати младшей, приподнял одеяло и увидел...

Из-под большой подушки, привязанной к спине, торчала макушка и раскинутые ручки и ножки. Ни дать, ни взять – черепашка. Он видел их во время войны в зоопарке в Австрии, когда освобождал Вену. Смех начал душить его. Откинув одеяло старшей, увидел то же самое. Дивясь хитрости озорниц, развязал и вытащил подушки. Дети спали так крепко, что даже не почувствовали.

– Притомились, родные, – прошептал отец. Вышел, тихонько, прикрыв за собой дверь.

А утром сестёр разбудил ароматный запах пирожков с черёмухой.

Зимние приключения

Утром, уходя на работу, отец сказал:

– Сегодня морозец. Да и пора уже – конец октября. Ты, дочь, когда на улицу пойдёшь, оденься потеплей.

За окном уже светило солнце. Люська собралась и пошла погулять. Выйдя из дома, она увидела, что землю подморозило, и снег не растаял, а лежал белым покрывалом. Вдохнула вкусный морозный воздух. И только хотела пойти на горку, как её внимание привлёк большой навесной замок на двери, весь покрытый пушистой изморозью. Его очень хотелось потрогать или лизнуть. И Люська... лизнула.

Язык прилип к замёрзшему металлу. Она так и осталась стоять с разинутым ртом. Как будто собиралась проглотить замок. Ни с места сойти, ни головой повернуть. Помочь некому. Губы мерзли, язык пекло.

Люське стало жалко себя. Она разозлилась и дернула головой. Почувствовала резкую боль и солёный привкус крови во рту. Язык освободился, только белая полоска осталась на замке. Подставив ладони лодочкой, чтобы кровь не капала на пальто, побрела в больницу к маме.

Поднялась на крыльцо и стала бить ногами в дверь. Тётя Маша-санитарка открыла, увидела девчонку с окровавленным ртом и позвала:

– Маркеловна, иди сюда! Твоя опять чего-то натворила.

Пострадавшей быстро оказали первую помощь. Умыли, раздели, выяснили причину. Затем мама развела примочку в стакане и сказала:

– На, опусти язык, только не пей и сиди здесь.

А сама пошла к больным.

Люська осталась на кухне под присмотром тёти Маши. Боль вскоре прошла. Она закрыла рот, сидела молча, задумчиво глядя в окно на горку и катающихся с неё ребятишек. Посидела немного и, как только санитарка вышла по делам, оделась и, не сказав ничего маме, помчалась домой. Схватила новые алюминиевые санки и на горку. Она всё лето ждала того дня, чтобы испытать их.

Лёгкие санки неслись с горки на большой скорости – аж дух захватывало. Люська мчалась, обгоняя ребят, катающихся на деревянных санях. Веселье, смех разносились по улице. Утренняя беда вскоре забылась.

На следующий день Люська задумала в новые санки запрячь Собольку. Он был сыном любимой Музгарки. Молодой крупный пёс серой масти, больше похожий на волка. Отец сшил для него специальную упряжь и ходил с ним на рыбалку. Соболько послушно тащил гружёные сетями и рыбой маленькие нарты. Дождавшись из школы сестру, Люська попросила её подержать собаку и помочь надеть упряжь.

Когда всё было готово, Люська села на санки. Галька отпустила Собольку, и он понёсся что было духу. Около клуба дорога шла под горку, санки разогнались ещё быстрее. Вдруг из-за поворота вывернула запряжённая в сани лошадь, которой правила калмычка Боярта. Столкновение было неизбежно, но умный пёс резко отвернул в сторону, санки накренились, и Люська вывалилась прямо под ноги лошади...

В одно мгновение она увидела над головой заиндевевший лошадиный живот, надвигающиеся на неё полозья саней и просвет между двух ног. В него она и нырнула. Выкатившись на обочину дороги, Люська услышала:

– Тпр-у-у.

Возница пыталась остановить лошадь. От испуга слёзы потекли из глаз бедной женщины.

Галька стояла как вкопанная, с побелевшим лицом, а Люська поднялась и пошла домой, не чувствуя от потрясения ног. Соболько же как ни в чём не бывало сидел возле дома и с радостью встречал сестёр. Санки валялись рядом.

Родителям они договорились ничего не рассказывать, боясь наказания. Но те всё же узнали. Боярта пришла просить прощения. Она была из высланных и очень боялась.

– Всё случайно получилось, никто не виноват, – говорила она с волнением. – Приходите к нам в гости чай калмыцкий пить.

– Хорошо, мы с Люськой придём, – сказала мама.

После ухода Боярты отец строго сказал:

– На собаке больше не катайтесь, иначе ремня получите. А Люську в детский сад для присмотру отдадим.

Лилия Валеева

Сказка о червячке Тосике

На белом свете много земляных червяков. Но у одних червячных родителей был маленький сынишка – червячок. Как и все в его возрасте, он старался познать всё вокруг, везде успеть первым, всё увидеть самому.

Ему было скучно по велению родителей сидеть и читать книжки, заданные учителем Червём Дождевым на лето, и осваивать дела подземные. Червячку казалось, что он уже выучил каждый поворотик в тоннелях, прорытых его предками.

Звали этого червячка Тосик, и был у него дружок Зосик, который был такой же непоседа и забияка, как и Тосик. И перед уходом на работу родители каждый раз предупреждали, чтобы Тосик не заползал туда, куда сам чёрт не заползал, и был очень осторожен, выходя на поверхность. Ведь там много всяких птичек, которые могут склевать, и пикнуть не успеешь.

Послушал червячок, но не долго задумывался об этом. Он ре-

шил, что надо бы сходить к своему дружку, а он уже сам тут как тут – предлагает пойти к ближайшей луже искупаться, позагорать.

Наверху была прекрасная погода, как раз то, что надо: тепло, светло и водичка в луже была тёпленькая. В общем, забыв обо всём, два червячка целый день купались да валялись под знойным солнышком.

Под вечер, вернувшись домой, червячок почувствовал себя дурно – голова болит. Вызвали доктора. Доктор Червь, осмотрев его, сделал заключение – перегрелся наш Тоська на солнышке и получил солнечный удар.

На следующий день, немного окрепнув, Тосик пошёл навестить друга Зосика. Тот, оказывается, тоже получил солнечный удар и до сих пор лежал с влажным полотенцем на голове, но, увидев друга, всё же улыбнулся, потому что увидел в какой красивой и модной кепке был Тосик.

После этого случая друзья, выходя на улицу, всегда, даже не в солнечную погоду, надевали на головы кепки. Да и другим советовали при случае, не забывать головные уборы или зонтики для девочек–червячков, чтобы не испортить себе каникулы.

Владислав Хенов,
Светлана Хенова,
Андрей Хенов

Росток жизни

На берегах могучей Оби вырос маленький кедр. Ласковое солнце грело его веточки, звонкие дожди питали корни, и даже суровые сибирские морозы оберегали его долгими зимними вечерами. Много ли мало ли времени прошло, и наш малыш-кедр превратился в красивейшее высокое дерево с могучей кроной, а на ветвях созрели сочные шишки. В каждой шишке жила огромная, но очень дружная семья. Они всё делали вместе: играли в прятки, делились впечатлениями о прошедшем дне, мечтали о прекрасном будущем. Мама и папа очень любили своих детей и хотели передать им все свои знания и умения.

Малыши росли не по дням, а по часам.

Один из них был очень любопытным и всё время выглядывал из-под чешуйки на улицу. Больше всего ему нравились закаты. Ах, какие чудесные закаты в Югре! Огромное огненно-красное солнце медленно катится за горизонт, окрашивая и небо, и землю, и реки, и даже пролетающих мимо уток и чаек яркими красками. Как же это красиво! Он с нетерпением каждый день ждал, когда же наступит вечер, и снова можно будет любоваться очередным закатом. Как же это было страшно красиво! Этот другой, неизведанный мир, словно магнит, манил его. Как же он хотел поскорее оказаться там!

– Не спеши, сынок, – говорила мама. Придёт время, и ты узнаешь, какой подвиг может совершить одно маленькое кедровое зёрнышко. Ты – особенный! Именно тебе выпала такая возможность! Ты станешь невероятно знаменит! Нужно лишь немного подождать.

Не успела она договорить, как налетел сильный ветер, заскрипел могучий кедр, ветви качнулись и зёрнышко выпало из шишки. Бурлящий поток воздуха подхватил его и понёс далеко-далеко. Он летел над бескрайней тайгой, извилистыми реками, высокими горами, топкими болотами и живописными лугами. Он даже не успел испугаться, настолько был очарован красотой Югорской земли! Но ветер, наконец, нарезвился и опустил нашего путешественника прямо на душистый одуванчик.

– Где я? – вдруг придя в себя, подумал наш герой. Где моя семья? Почему я не послушал свою маму, она ведь меня предупреждала! И именно в этот момент наш герой почувствовал себя самым одиноким и несчастным в этом мире! Он заплакал горькими слезами, ему стало холодно и страшно. Я не хочу быть взрослым! Я не готов к таким испытаниям. Он сидел на цветке, сжавшись в комочек, плакал и дрожал.

А на горизонте догорал закат, тот самый, очередной закат, который он каждый день наблюдал из-под чешуек. Но сейчас он не был таким чарующим, несмотря на всё те же яркие краски, которые разлились по всему лугу и окрасили все цветы огненно-красным светом. Ведь рядом не было его семьи. И только теперь он понял, что семья – это самое тёплое место на земле! С этими мыслями он уснул. Солнце спряталось за горизонтом, стало темно и прохладно. Одуванчик, сонно качнувшись, сомкнул свои лепестки в упругий бутон и погрузился в ночную дремоту. Нашему герою внутри стало

тепло и уютно. Ему снились добрые сны: заботливые родители, весёлые братья и сёстры, его родной дом на могучем кедре на берегу полноводной Оби.

Быстро пролетела ночь, утреннее солнце, озарившее небо, разбудило землю и душистый одуванчик раскрыл свои лепестки. Горячие лучи щекотали щёки нашего героя.

– Ещё минутку, мамочка, и я встаю! – сонно промурлыкал он. Но открыв глаза, он понял, что это был лишь сон! Он сидел на одуванчике и думал, что же ему делать дальше. В голове крутились последние слова мамы. Стоп, она говорила о каком-то подвиге! Жаль, что я не дослушал. Как же я теперь узнаю, где и когда я должен его совершить? Что это за подвиг? Вдруг его размышления прервала вспорхнувшая на одуванчик невероятно красивая бабочка. Она была огромная с жёлто-рыжими крыльями, которые украшали чёрные пятна. Но когда бабочка расправила крылышки, большие белые пятна на нижней стороне вдруг заиграли перламутром.

– Привет! Ты почему такой грустный? Что-то случилось? Наш герой рассказал ей свою приключенческую историю. Бабочка, внимательно выслушав, сказала, что ему нужно попасть к реке, там живёт её друг Бекас, он всё знает и поможет. Вдруг, как по мгновению волшебной палочки, снова налетел озорной ветер, подхватил нашего героя и унёс прямо к Оби. Зёрнышко упало в воду и начало тонуть. Бекас, бродивший неподалеку, увидел его и вытащил из воды длинным клювом. Отдышавшись, он поведал свою историю. Бекас был очень мудрым, и, поразмыслив, сказал, что знает, как помочь нашему герою. Однажды, пролетая над бескрайней тайгой, с высоты он увидел горы, на них не было никакой растительности, звери и птицы не могли там жить и мечтали, чтобы там появился лес, который стал бы им родным домом.

– Летим туда! Вот, где ты должен пригодиться! И в то же мгновение Бекас подхватил нашего героя и понёс его над Югорской землей. Окрылённый мечтой и идеей, наш путешественник, был счастлив и верил, что у него всё получится. Наконец, показалась та самая гора. Какая же высокая и могучая!

– Время для подвига пришло! Прощай! Удачи! Я в тебя верю! – крикнул Бекас и разжал клюв. Упало зёрнышко на землю и укатилось в глубокую ямку. Долго пытался он выбраться из неё, да так и не смог. Много ли мало ли времени прошло, проснулось зёрнышко,

а пошевелиться не может. Проросло наше зёрнышко, укоренилось и дало новые сочные ростки!

– Получилось! – воскликнуло зёрнышко! – У меня получилось! Счастливое, оно стало расти, тянуться к солнцу и превратилось в могучий кедр. Прошли годы, и вся безжизненная когда-то гора превратилась в густой кедровый бор. Животные и птицы облюбовали его. Целыми днями слышны звонкие трели и чириканье, белки и зайцы играют в салки, громко барабанит дятел, веселятся собольки, осторожно пробирается хитрая лиса, хозяин тайги выходит на охоту. Однажды мимо проходила целая семья мамонтов. Семь пушистых мамонтов во главе с огромной мамонтихой ростом 8 метров и весом 70 тонн. Самый маленький мамонтёнок ростом всего лишь 3 метра! Как им понравился этот чудесный лес на высокой горе, здесь и до солнышка рукой подать. Остались и они здесь жить. И до сих пор живут!

Наш герой, превратившийся в роскошный кедр, наблюдал за ними с высока и был счастлив, что смог выполнить волю матери, совершить подвиг и помочь всем животным и птицам обрести свой дом и семью. А место это чудесное стало самой масштабной реконструкцией доисторических времён под открытым небом. Вот так и возник культурно-туристический комплекс «Археопарк» в самом сердце Югры – городе Ханты-Мансийске.

Дорогой читатель, всегда слушай своих родителей, верь в себя и свои силы, даже, если ты ещё маленький, ты всегда можешь сделать доброе дело на благо тем, кто в этом нуждается! А, если ты ещё не был в этом волшебном месте, то обязательно посети его! Там ты увидишь и величественные горы, и дружную семью мамонтов, и густой кедровый бор, который, качаясь на ветру словно шепчет: «Спасибо, зёрнышко, за твой подвиг, за дом и за семью!»

Юлия Ярушина

Сказка о девочке, которая не любила своё имя

Жила на свете одна девочка, и имя она своё не очень любила. Вот у её подруг имена красивые были – Оля, например, или Света. Ещё Анюта. А у неё имя вовсе было не интересное.

И вот, как-то раз шла девочка по дороге, усыпанной красным щебнем, да собирала круглые камешки. И попался ей камень, очень похожий на старичка. Девочка подивилась тому, какие камни бывают на свете, положила его в карман и забыла.

Но забыла конечно не навсегда, а на время, так как навсегда – это очень скучно, и для интереса можно сказать: «Забыла навсегда», но проверять каждые пять минут, проводя рукой по карману.

Очень довольная своей находкой, девочка прибежала домой, и поставила на стол камень. До чего же он был похож на старичка!

– А я и есть старичок, – послышался голос.

Девочка перевернула камень. Потрясла, и ничего необычного не увидев, решила его вымыть. На всякий случай. Выбрав самое лучшее мамино мыло, девочка как следует помыла камень. А потом просушила феном.

– Спасибо! Я не мылся так уже лет триста! – снова произнёс тот же голос.

– Камень, это ты говоришь со мной, хотя этого не может быть? – спросила девочка.

– Я. Потому, что здесь кроме нас никого больше нет. Ты, конечно, знаешь, что камни говорить не могут... Но, позволь, я расскажу тебе свою историю, и ты всё поймешь.

История каменного старичка.

Триста лет назад я был маленьким мальчиком, и любил играть в старых развалинах со своими друзьями, у которых были красивые имена – Алекс и Дэвид. А своё имя я не любил, и даже просил маму и папу, чтобы они изменили моё имя на более красивое. Мама и папа очень расстроились, когда я сказал им, что хочу новое имя,

ведь сам Король был моим крёстным, и это он выбрал мне имя, которое я так не любил.

Невозможно было изменить имя, и не навлечь гнев Короля на наш род.

С горя, я целыми днями бродил по развалинам старого замка, собирая необычные камешки.

У меня накопился целый сундук камешков, но я каждый день приносил новые. И вот, в один прекрасный летний день, мне попался камень в виде маленького старичка. Я тут же отмыл его в пруду и высушил кружевным платком.

– О, как чудесна вода в пруду, – услышал я голос.

Оглядевшись, и не найдя никого, я понял, что голос идёт от камня.

– Почему ты грустишь? – спросил меня камень.

И мне захотелось рассказать о том, как не нравится мне моё имя. И я рассказывал, плача, обвиняя и под конец выкрикнул:

– Уж лучше быть камнем вместо тебя, чем называться... и, когда я назвал своё имя, то почувствовал, как что-то сжимает меня, уменьшая. И вот, я упал на песок у пруда, а каменный старичок вырос, стал мальчиком, и убежал.

Прошли годы, и даже столетия. Много раз я пожалел о сказанных словах, много раз плакал о своих родителях, которые так и не нашли меня. Дожди омывали меня, а зной сушил, дикие звери топтали, и никто-никто не слышал моих просьб о помощи.

Пока однажды я не оказался на этой дороге, по которой шла маленькая девочка. И это была ты!

– Но я ничего не слышала, – сказала девочка камню, – я просто собираю красивые и необычные камешки.

– Да, как и я когда-то... И ещё тебе не нравится твоё имя...

Девочка с ужасом поняла, что ещё немного, и её постигнет та же печальная участь, что и этого мальчика, триста лет назад.

– Но я не хочу лежать на дороге, превратившись в камень, – сказала девочка. Камень молчал.

– Я обещаю, что перестану называть своё имя некрасивым..., я буду любить его! Тут девочка поняла вдруг, что у неё прекрасное имя, и его даже можно пропеть на разные лады...

Камень грустно молчал.

– Что же ты молчишь? – осторожно спросила девочка.

Но сколько девочка ни старалась, камень не издавал ни звука.

Шли дни, тёплое лето сменилось ненастной осенью, а затем и первыми заморозками. Деревья грустно махали голыми ветками, царапая крышу дома, в котором жила девочка. Камни уже невозможно было собирать, и девочка перебирала те, что нашла летом. Но самым лучшим оставался каменный старичок, который всегда лежал у девочки в кармане. Она часами рассматривала его и протирала невидимые пылинки, разговаривала с ним, зная о том, что он всё слышит.

И вот, однажды, под Новый год, когда происходят разные чудеса, девочка решила дать камню новое имя. Засыпая, она перебирала в памяти разные подходящие имена, и всё не могла выбрать. Так девочка заснула, и увидела прекрасный сон, в котором каменный старичок снова стал маленьким мальчиком, он весело бежал по песчаному берегу пруда, и кричал:

– Спасибо, но я так люблю своё имя, что ни за что на свете не поменяю его!

Проснувшись утром, девочка по привычке взглянула на полочку, куда на ночь ставила каменного старичка, но увидела вместо него лишь осколки красного камня, на которых было написано её имя.

– Я всегда буду помнить о тебе, – прошептала девочка.

– Я всегда буду помнить о тебе! – прокричал маленький мальчик, пробегая по песчаному берегу пруда...

Тихие шаги Истории

Лина Кашина

Подарки судьбы

Причуды судьбы необъяснимы. Одному дарует сытую спокойную жизнь, другого закрутит в водовороте страстей и событий, кого-то накажет скучными серыми буднями, а иного, напротив, наградит яркими встречами, воспоминаний о которых хватит на целую жизнь.

Своей благосклонностью она отметила и Канина Степана Алексеевича, одарив его встречами со знаменитыми и просто интересными людьми. Наверно, и его увлечение фотоделом не случайно. Ещё не так давно он, труженик тыла, житель Мегиона с 1975 года и наш сосед по улице Подгорной, приносил показать моему брату, Дмитрию Шлябину, два чемодана, битком набитых фотографиями. На них – без малого столетняя история нашей страны через призму семейных событий и встреч. Тогда наши родители умирали, и нам с братом было не до истории. Других она не заинтересовала. Сегодня передо мной на дне чемодана жалкая стопка снимков, да на столе три пакета ждут отправки к дочери, сестре, другим родственникам.

Самые ранние из оставшихся фотографий – творение не Степана Алексеевича. Здесь семейные снимки разных лет, в их числе фото его, ещё подростка, сделанное учителем физики. Имя, отчество и фамилию которого он помнит до сих пор, несмотря на свои 86 лет и перенесённый лет 30 назад инсульт, из которого Степан Алексеевич вышел победителем. Примечателен снимок, сделанный в Никольской тюрьме Вологодской области. На нём среди заключённых отец

Степана Алексеевича, Канин Алексей Кузьмич, 1907 года рождения. Заключённым не только разрешили сфотографироваться, но и к их группе беспрепятственно пристроился охранник, не упустивший редкой возможности сфотографироваться, пусть себе даже и с «врагами народа». От «политзаключённых», два из которых босые (их, очевидно, забрали ночью, лишив возможности даже обуться), охранника отличает только «городская» рубашка да сумка через плечо, в которой хранился наган.

Этот редчайший снимок – свидетельство перегибов в государственной политике и беспредела в организации сельского хозяйства. Алексей Кузьмич, передовой потомственный земледелец, к тому же владевший специальностями столяра, плотника, кузнеца, сапожника, экспериментировал на земле, получая высокие урожаи. В 1932 году руководителем только что образованного колхоза в его родной деревне Раменье Костромской области комиссия назначила далёкого от сельского хозяйства пьяницу-босяка, рвавшегося к власти. Вступить в колхоз, чтобы внимать его наставлениям, Алексей Кузьмич категорически отказался, заявив, что колхозом должны управлять не политики, а опытные земледельцы. И несмотря на то, что закон не запрещал быть единоличником, был осуждён. Через год по решению другой комиссии Алексея Кузьмича освободили со словами: «Будешь махать кулаками, посадим надолго». Хорошо, что дом – единственное достояние семьи, построенный им в 1928 году с помощью отца и братьев, не забрали.

В 1937 году Канины переехали в Пыщугский район Горьковской (позже Костромской) области. Сюда, в колхоз «Коммунар», в состав которого входили два небольших поселения: Краевский и Климовский, так называемые, подчинки, Алексея Кузьмича убедил переехать сосед. Его сын руководил колхозом. Пообещал, что здесь его, принятого кузнецом, никто не тронет. Дом продали за 800 рублей. Через 10 лет его вновь продадут в соседнюю деревню Грехово. В 1967 году Степан Алексеевич сделает снимок дома, в котором родился. На фото дому почти сорок лет, понятно, что за этот срок деревянный дом осел, но он и ныне не перестаёт поражать размерами и добротностью. Наверно, потому и всколыхнул недобрые чувства «тройки», осудившей его отца.

Школы на новом месте не было. Учился Степан в деревне Гаревой Вологодской области, жил на квартире у чужих людей. Его

первой учительницей была Анастасия Сергеевна Фокина, имевшая орден Трудового Красного Знамени. Позже сын Фокиных стал знаменитостью, стоял у истоков создания телевидения в СССР.

До войны Степан успел окончить пять классов, в начале войны отца мобилизовали на фронт. На руках у матери осталось шестеро детей, Степан самый старший. Он и тянул вместе с матерью мужскую работу и дома, и в колхозе. В 1942 году с фронта вернулся искалеченный отец. С возвращением Алексея Кузьмича у Степана появилась возможность окончить семилетку.

В 1948 году Степан Алексеевич был призван в Советскую Армию. Служил в 43-м Гвардейском тяжелотанковом самоходном парадном полку Кантемировской правительственной парадной дивизии. (Во время отстранения от власти Берии дивизия стояла у Кремля, обеспечивая безопасность нового правительства).

В процессе службы из-за красивого почерка Степана Алексеевича перевели писарем технической части 3-го батальона с присвоением звания младшего сержанта. Самостоятельно по книгам подготовился и сдал на права механика-водителя. Так и служил механиком на самоходке и одновременно писарем.

Летом 1950 или 1951 года тяжелотанковый полк расположился в полевом лагере в Люберецком районе. Между совхозом «Белая дача» и военным училищем Верховного Совета РСФСР раскинули палаточный городок, неподалеку построили макет-панораму Красной площади с Кремлём. Репетировали парад.

Однажды Степану Алексеевичу было поручено в числе других доставить в баню в Люберцах чистое бельё. Предстоял банный день. Бельё разгрузили. До бани ещё оставалось часа три-четыре. Попили пивка. Степан Алексеевич пошёл бродить по улицам, купил «Беломор-канал» и с папиросой задержался у вывески «Завод сельскохозяйственного машиностроения». «Я же на жнейке работал! Родня! – вспоминает Степан Алексеевич. – Вдруг ко мне подбегает фэзэушник, просит закурить. Сказал, что рано ещё ему курить, но папиросу дал. Просит для друга. Снова дал. А тут целая стая ребят налетела, все в форме, я им деньги из кармана достал, купили пять пачек папирос, стоят, курят… Подходит высокий парень и предупреждает, что хватит курить, Юрка Гагарин идёт. Ребята тут же всё попрятали, а мне интересно стало, что это за тип такой, которого все боятся. Он тут же появился, посмотрел на всех, махнул рукой

и скомандовал: «Пошли работать! Мастер ждёт!» Его нельзя было не запомнить: в аккуратной форме, крепкий и подтянутый. Искрящиеся светлые глаза и слегка приподнятые вверх уголки губ делали открытое лицо под густыми вихрами зачёсанных назад волос особо примечательным. Остались в памяти и его имя с птичьей фамилией. А 12 апреля 1961 года он уже улыбался со страниц всех газет. Действительно, как птица, взлетел».

После демобилизации осенью 1951 года Степан Алексеевич приехал в Киев, хотел поступить в школу машинистов паровозов, но не прошёл комиссию, подвело цветоощущение. В декабре 1952 года устроился на военный завод №7. Механик-танкист, он здесь ремонтировал и после ремонта обкатывал танки.

В послевоенные годы и в период «холодной войны» вооружению страны правительство и партия придавали особое значение. На завод для прохождения практики присылали студентов танкостроительного факультета Московского политехнического института. Сегодня это кажется странным: «Политех» и танки… Степан Алексеевич обучал ребят по полной программе. Учил основам капитального ремонта, сборке механизмов и частей, обкатке танков после ремонта и прочим военным премудростям.

Одна группа студентов особо запомнилась Степану Алексеевичу. Среди двадцати человек была одна девчонка, лучше всех знавшая теорию и быстрее всех освоившая ремонт и вождение. Студенты очень хотели сфотографироваться, а на завод фотоаппарат запрещалось приносить. Но иногда практика проводилась не на заводских полигонах, а в лесу. Вот там-то и появился ряд снимков. Сняли на память и Степана Алексеевича.

На новом месте, где Степан Алексеевич работал автомехаником, на трассе Киев-Одесса делали насыпь. Недалеко от Киева, в том же районе, но в стороне от трассы, Союз писателей получил дачные участки. Где-то в 1958 году писатели Мороз и Мусиенко обратились к Степану Алексеевичу с просьбой завезти на участок, который представлял собой пересохший пруд, землю. Задача была не из лёгких, земли требовалось много, взять её было негде. Выход всё-таки нашли, и пока Степан Алексеевич занимался землёй, познакомился с некоторыми киевскими писателями, но ближе всего с Морозом и Мусиенко. Первый – автор книги «Длинная минута», во время Великой Отечественной войны руководил партизанским движением,

вернулся без правой руки. Алексей Мусиенко совместно с министром Внутренних дел Украины Иваном Головченко собирал исторический материал о Великой Отечественной войне. В соавторстве два писателя воссоздали картину начала войны, описали героическую оборону Киева, подвиг наших подпольщиков и партизан. В первую книгу исторической тетралогии вошли две части «Золотые ворота» и «Чёрное солнце». В свете сегодняшних событий на Украине, думается, если бы современные украинцы читали эти книги, не было бы в истории республики кровавого Майдана.

В конце 1950-х годов мы, Шлябины, всей семьёй в далёкой от Киева Сибири читали книгу известного украинского юмориста Остапа Вишни. Его язык и образы были настолько близки нам, северянам, что и сегодня, спустя столько лет, его имя не стёрлось из памяти. Не один раз видел его в Киеве Степан Алексеевич, хотя близко знаком с писателем не был. Остап Вишня любил «ходить в народ», слушать простонародную речь. Искал бытовые сюжеты для своих произведений, запоминал детали. С этой же целью часто ездил на рынок, азартно торговался. А когда оплачивал хозяйкам стоимость товара, иногда превосходившую даже начальную, у тех отнимался дар речи. Пытались вернуть ему честно выторгованные деньги. Он не брал, знал, каким трудом колхозникам даётся урожай. О смерти Остапа Вишни в 1956 году Степан Алексеевич тоже был наслышан, да и в газетах читал.

Осенью 1963 года он, работая водителем такси, получил от диспетчера вызов на Бессарабку – центральный рынок в Киеве. Стал в указанном месте, ждёт заказчика. К машине подошёл мужчина. У Степана Алексеевича зашевелились волосы на голове – перед ним стоял покойный Остап Вишня. Протёр глаза – привидение не исчезло, но рассмеялось: «Я брат Остапа, Вы меня с ним перепутали». Брат, бывший директором театра во Львове, рассказал, когда Харьков был столицей Украины, Остап выступил с критикой в адрес евреев, написав фельетон о курах и долгоносиках, которые друг друга поели, за что и получил семь или восемь лет тюрьмы. (В 1934 году столицей провозгласили Киев). В заточении писатель надорвал своё сердце. Заядлый рыбак, он и умер на рыбалке – выловил огромного карпа, разволновался, таблеток с собой не оказалось…

Тогда же, в таксомоторном парке №3 Степану Алексеевичу посчастливилось увидеть и Германа Титова. Шёл 1963-й год. Приезд

космонавта в Киев был шумным, по пути следования чёрной «Волги» люди кричали даже с балконов: «Титов! Титов! Ура-а-а-а!» В машине случилась какая-то поломка, космонавт вынужден был заехать в таксомоторный парк. Из «Волги» вышел с телохранителем. Тут же сбежались люди, посыпались вопросы. Степану Алексеевичу тоже удалось втиснуть свой вопрос в маленькую паузу общего интервью. Спросил: «Герман Степанович, мы, водители от 25 до 45 лет, по состоянию здоровья могли бы быть зачислены в космонавты и определены к полёту?» Космонавт рассмеялся: «Половина из вас по состоянию здоровья пройдёт, но перед полётом надо брать запасные трусы». Потом серьёзно добавил: «Нас допустили к полёту потому, что имели запас здоровья, прочность организма должна быть увеличена и за счёт тренировок».

В 1964 году Степан Алексеевич перешёл в 17-й Киевский грузовой автопарк шофёром 1-го класса, доверили ГАЗ-53. Машина тяжёлая, с прицепом, грузоподъёмность без малого три тонны. В августе 1966 г. вызвал его начальник отдела кадров и предложил взять в напарники земляка – уже известного поэта Николая Рубцова. (В 1966 году после недавнего отчисления из Литинститута Москвы, а затем зачисления на заочное отделение он был принят в Союз писателей). Узнав, что стажа работы водителем у стихотворца нет, Степан Алексеевич от предложения отказался. Уж очень ответственно в дальние рейсы ездить с необученным напарником, которому к тому же в кабине нет места для отдыха. Но посоветовал посадить Рубцова в машину МАЗ-500-Ц к Моисееву, напарник которого уходил на пенсию. Мирон Саввич Моисеев, бывший майор артиллерии, сам писал стихи. Он сможет дать поэту и водительские навыки. На том и остановились.

С поэтом Степан Алексеевич встречался часто. Первое стихотворение, которое прочёл ему Рубцов, удивило: «Где ты нашёл такого Филю?» «Есть такие Фили и много», – услышал в ответ.

Расспрашивал поэта о личном. Рубцов оказался бывшим детдомовцем, мать умерла, а отец от него отказался. Рассказал, что есть дочка, о которой заботится и к которой часто ездит в село Никольское, но с женой не живёт. Машины часто ломались и тогда напарники-поэты звали на помощь Степана Алексеевича.

Оба читали ему свои новые стихи, он смеялся: «Нашли критика!». Рубцов, как и Степан Алексеевич, пел и играл на гармошке,

поэты несколько раз приглашали его к себе в гости, посидеть вместе после работы, домашний концерт устроить. Играл Рубцов и на гитаре. В те годы без музыки и песен не жили. Да как-то все планы срывали непредвиденные семейные события. В последний раз Моисеев обиделся. «Не обижайся. Мы же ещё не умираем, успеем, посидим», – успокаивал друга Степан Алексеевич. Не успели, очень скоро автопарк расформировали. Судьба развела всех троих. А в 1971 году в охотничьем магазине на Крещатике Степан Алексеевич столкнулся с Моисеевым, который и рассказал о трагической гибели поэта.

Были в Киеве, столь притягательном для советских людей, и другие интересные встречи. Обо всех не расскажешь. А в 1975 году Степана Алексеевича поманил Север. Но это уже другая история, другие события и люди…

Ореховские спецпереселенцы

В сугробах – на краю страны –
Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было – Без вины...
Анатолий Жигулин

Не одно людское проклятье выпало на Куль-Ёган с его крутыми берегами-ярами, каменистым дном и капризным нравом. На заре коллективизации его левый берег километрах в сорока от Оби был определён местом ссылки спецпереселенцев. Даже само его название в переводе с хантыйского «Река злых духов» не сулило сосланным ничего хорошего. Первые ссыльные появились здесь морозным февралём 1930 года. Это были семьи Осипенко и Стрекаль. Большую часть «врагов народа» составляли дети: в семье Стрекаль их было четверо, у Осипенко – трое. Соне Осипенко не было ещё и пяти лет.

Спецпереселенцев доставили на лошадях. Везли в будках – деревянных каркасах, обтянутых ватными одеялами и каким-то тряпьём. В дороге обошлось без жертв – органы исполнительной власти разрешили взять тулупы и кое-какую детскую одежонку.

Осипенко Семёна Трофимовича и Устинью Емельяновну сослали из деревни Сорокина Тюменской области. Батраков в семье не держали, хоромов тоже не имели. Не числились за Осипенко ни мельница, ни сеялка с веялкой, надел земли был, как у всех: сеяли хлеб да огород имели. В вину поставили лошадей – много показалось.

Отец Сони даже по тем временам слыл человеком необычным. Голубоглазый и кудрявый, был он крупного телосложения. Нрав имел озорной. Однажды на спор съел стакан из тонкого стекла – и ничего! В другой раз ввёл в дом лошадь. Испуганный конь взвился на дыбы и передними копытами проехался по лицу Семёна Трофимовича. Силён был невероятно: без особых усилий брал в охапку два больших мешка с сахаром, прижав их друг к другу.

Взрослых сыновей Семёна Трофимовича от первого брака – Захара, Павла и Иона – не тронули. Хотя те и жили отдельно, ещё не успели нажить ничего, что могло быть предъявлено им в вину и конфисковано. Стариков-родителей тоже пощадили.

Высадили ссыльных на голом берегу. Первое время жили в тех же будках, в которых и приехали. Взрослых сразу же направили валить лес, определили строить жилье – бараки. А когда сошёл снег, переселенцы взялись корчевать лес. Огороды не стали разбивать – не было семян. Умереть с голоду не дали ханты, живущие по соседству. Помогали, чем могли: снабжали снастями для рыбной ловли, приносили рыбу.

Вскоре привезли и других репрессированных: Колмакова Фёдора, Сорокина Вавилу, Шевелёва Ивана, Сухоплюева Александра, Иванова Степана, Губина Луку – всех с семьями.

Тогда же на берегу Куль-Ёгана появились Ефим и Николай Простяковы, Чепурновы, Кузнецовы, Падерины, Шаляпины, Шестаковы. Посёлку дали имя Орехово. Своим названием он обязан кедрачу, стеной стоявшему над урием, который делил Орехово на две части. От Сургутского леспромхоза организовали лесопункт, позже преобразованный в лесоучасток. Как и во всех сибирских лесозаготовительных хозяйствах держали лошадей – в то время главную тягловую силу. Лошади появились в Орехово до приезда спецпереселенцев, откуда взялись – сегодня трудно сказать. Когда начинался их падёж, снять шкуры и уничтожить заразных животных поручали Семёну Трофимовичу. Устинье Емельяновне как раз пришло время рожать, когда его, больного водянкой (кто знает – не заразные

ли лошади тому виной?), в очередной раз отправили разобраться с лошадьми. Пообещал скоро вернуться, однако не приехал. Роды у Устиньи Емельяновны приняла соседка на русской печке.

А вскоре рыбаки поймали никем не управляемый облас, на дне которого в тяжёлом состоянии лежал Семён Трофимович. Болезнь победила истощённый организм. Выдаваемые по талонам немного муки и хлеба да помощь хантов-соседей не могли утолить бесконечный голод. Ели мох, наросты с тальника, траву. Приходилось варить мясо тех лошадей, которых надлежало уничтожить.

С наступлением осенних морозов вслед за отцом ушла и новорожденная девочка. Хоронить младенца власти запретили, отдав приказ – верх цинизма и бездушия – закинуть тело на чердак и ждать появления следующего покойника. Однако, несмотря на то что обычно люди расставались с жизнью довольно часто, на сей раз, никто не спешил умереть. Трупик девочки на чердаке замёрз. В те годы смерть была настолько обыденным явлением, что несмышлёные сёстры Ираида и Соня лазили на чердак, чтобы, как с куклой, играть с тельцем младшей сестрёнки. Тяжелобольная мать об этом не знала. После родов лежала, не поднимаясь с постели, мучимая бесконечной мыслью о том, что на чердаке лежит её мёртвая дочь, не преданная земле. Здоровья от этого не прибавлялось. Наконец, с лесозаготовок вырвалась Фрося, старшая сестра Сони по отцу. По сути, сама ещё ребёнок, она, как смогла, захоронила девочку в нарушение жуткой, бесчеловечной установки местных властей.

К середине 30-х годов в Орехово открыли начальную школу. Проучившись немного, Соня заболела малярией, болела долго и тяжело. Дальше учиться не пришлось. Ираиду возили учиться в Погорельск, там работала школа-семилетка.

Перед войной посёлок расстроился. Образовалось четыре длинные улицы. Кроме спецпереселенцев, здесь же жили и вольнонаёмные, что по договорам работали, или, как их тогда называли, вербованные. Несмотря на наличие леспромхоза, в Орехово был организован и колхоз, который относился к Погорельску. Его председателем во время войны был назначен Падерин. Большие колхозные поля засевались рожью, овсом. Сеяли и ячмень, хотя он не очень родился, лён, табак, коноплю. Из овощей сажали, в основном, картофель. Рядом на колхозном токе стояла молотилка. Две лошади, управляемые погонщиком, шли по кругу и приводили её в дви-

жение. Было в Орехово налажено и собственное кирпичное производство. Сарай-мастерская располагался по соседству с домом Осипенко, на краю посёлка. Здесь же, рядом, и глину копали. На этой работе потеряла здоровье мать Сони – Устинья Емельяновна, когда босыми ногами месила холодную глину.

С началом войны Соня уже работала в колхозе. Чем только она не занималась! Приходилось и лошадей обучать для сенокоса со Стрекалем Александром, позже погибшим на фронте, и нарочным ездить. Летом – обласом, которым ловко управляла, зимой – на лошадях. Возила документы из ореховской конторы в соседние деревни: Покур, Погорельск, Вату. На Погорельск был прямой зимник, туда доставляла угли для кузницы, которые ореховцы специально нажигали. Довелось и картошку возить в больших коробах, плетёных из ивовых прутьев и берёзовых ветвей. Летом с сестрой Фросей, Прибытковой Клавой и Замятиной Марией копали сосновые корни, из которых гнали смолу, из березы готовили дёготь.

Из Орехово Соня сбежала в Погорельск, здесь попала на производство пихтового масла. Тогда почти в каждом посёлке была своя пихтоварка. Из Погорельска девушку вернули домой и опять, по её словам, «затолкали» в колхоз. С единственным, оставшимся в Орехово мужчиной, Комаровым Миной определили поле пахать. С подругами Ткачёвой Соней и Захаровой Шурой из берёзы, что росла по берегам Кирьяса, пилила швырок – дрова на пароходы. Стояла Соня и на заготовке клёпки для бочек. Рыбный фронт требовал большого количества тары.

В Орехово была своя бондарка, хозяйничал в ней Николай Простяков. Готовые бочки (сухотарку) возили на засольный пункт в Покур, оттуда, наполнив их рыбой, отправляли на фронт.

В те годы рано становились взрослыми. В начале войны Софья Семёновна вышла замуж за Третьякова Михаила Ивановича. Познакомилась с ним в Локосово, куда была направлена с односельчанином Замятиным Иваном рыбу ловить. Неводили на Ярунинском песке, невода тянули с помощью вертушек. Мать плакала: «Утонешь, и не будем знать, где тебя искать».

Замужество Софьи Семёновны длилось недолго. До 1942 года ссыльных на войну не брали, а когда положение на фронте стало угрожающим, Сталин отменил свой прежний указ. «Врагов народа» отправили на фронт – кровью смывать «позор». Мобилизованных

спецпереселенцев столько набили в неводник, что от Локосово до Сургута ехали стоя, даже те, что находились на гребях. Вскоре (Софья Семеновна в то время уже работала в леспромхозе) пришла на мужа похоронка. Единственная дочь от первого брака умерла в пятилетнем возрасте.

Со вторым мужем Казанцевым Ильей Кирилловичем молодая вдова познакомилась в Ореховском леспромхозе, на сплаве – жили в одном бараке через стенку. Он был старше её на десять лет и также, как и она, репрессирован. Родители Ильи Кирилловича Анна Яковлевна и Кирилл Дмитриевич, как и семья Осипенко, были сосланы в феврале 1930 года и тоже не из дальних мест. До ссылки Казанцевы жили в деревне Вяткина Юргинского района Омской (ныне Тюменской) области. И хотя батраков не держали, жили безбедно: и земля была, и молотилка свой хлеб молотить, и другой инвентарь имелся. Сеяли рожь, ячмень, овёс, лён, табак и коноплю. Из неё своё масло делали. Держали коров и голов 30 лошадей, выездных и рабочих. Репрессировали Казанцевых вместе с односельчанами Бельмесовыми Фёдором и Марией. Привезли в небольшую деревушку Озёрную, что недалеко от Сытомино располагалась. Вместе со взрослыми выселили троих детей: Илью, Ивана и Дмитрия. Старшему, Илье, было тогда 16 лет, младшему – год или два. В деревне Озёрной загнали в колхоз. Ловили рыбу. Здесь, в ссылке, появился четвёртый сын – Владимир.

В 1930 году, в 16 лет, Илья Кириллович пошёл работать в Сургутский учлесхоз Остяко-Вогульского леспромхоза. С тех пор его жизнь всегда была связана с лесом. Во время войны делал приклады для оружия. Когда спецпереселенцев стали брать на фронт, получил броню как лоцман транзитного сплава плотов. Софья Семёновна работала вместе с мужем. Лучковой пилой валили деревья, затем волоком тащили их к ЛСЗ – двойным лесовозным саням, соединенным между собой верёвками наперекрест. С их помощью регулировали длину саней. Огромные лесины закидывали на сани две группы лесорубов, по четыре человека с каждого конца бревна, под песню «Ой, да взяли!» Потом деревья свозили в урии, увязывали в плоты, откуда катер буксировал их в Кирьяс. Здесь из нескольких плотов с помощью берёзовых виц (скольких плотогонов они оставили без глаз!) формировали плотоматку. На ней ставили два домика – баню да пекарню, сами жили в бараке на плаву, внутри которого стояли палатки.

С 1947 года, когда Совет Министров СССР принял постановление о строительстве трансполярной железнодорожной магистрали, которое осуществляли стройки ГУЛАГа №№ 501 и503, ореховцы, и в том числе Казанцевы, гоняли плоты с кульёганским лесом для этих строек. По самым скромным подсчётам, эта «северная авантюра» обошлась казне страны Советов в 40-50 млрд. руб. и стоила тысячи человеческих жизней.

Илья Кириллович плоты водил с Александром Шундеевым, старшим плотоматки был Кашин. От Орехово до Лабытнанги матку тянули пароходом. На реке опасней плотогона работы нет. Стояла на сплаве плотов и Софья Семёновна. Однажды соскользнула с бревна и ушла между брёвен под воду. Повезло – выбралась.

В послевоенное время в Орехово стали вольнее жить – разрешили собственные дома строить, переезжать. В 1949 году в семье Казанцевых родился сын Геннадий, в 1951 году – Виктор. Едва появившись на свет, ещё не провинившись ни в чём, они уже по факту рождения получили клеймо от государства: «спецпереселенцы».

В начале шестидесятых мы, Шлябины, и другие старшеклассники из деревни Ваты Сургутского района учились в Покурском интернате. Вместе с нами, ватинцами, жили школьники из Орехово, Вахлово, Домашово. Ореховцев было больше всех: среди них братья Казанцевы, Бельмесовы, Бакшеевы, сёстры Гладких, Войчук Нина, Простяков Коля, Перехватов Дима, Доронина Галя, другие. Несмотря на то, что со смерти Сталина едва прошло десять лет, мы никогда не делились ни на ссыльных, ни на вольных. Мы все были детьми одной большой интернатской семьи.

К 1965 году Орехово распалось. Кто-то перебрался на СартЁган, многие – в Зайцеву Речку, кое-кто, и в том числе, сёстры Софьи Семёновны Стрекаль Ефросинья Семёновна и Гриб Ираида Семёновна осели в Сургуте. Казанцевы переселились в Зайцеву Речку, оттуда уехали в Нижневартовск, где и поныне живут.

В 1994 году умер Илья Кириллович. С Софьи Семёновны, как и с других спецпереселенцев, государство сняло несуществующую вину – обвинение в том, что умели и любили трудиться, что на богатой земле хотели жить безбедно. Вина ушла, осталась горькая память об утратах, исковерканных судьбах и неосуществлённых надеждах. И всё-таки, несмотря на все тяготы жизни, Софья Семёновна не озлобилась, не замкнулась в себе. Любила танцевать,

участвовала в постановке спектаклей, великолепно пела. Да и сегодня редко кто в её возрасте может похвастать таким сильным, чистым голосом. Не забыла и частушки, которых знала множество. Такие люди, как она, пройдя испытания, становятся только чище, добрее, терпимее. Софья Семёновна – очень светлый человек. Одно плохо – нет здоровья, почти не ходит. Сгнивший по нижним венцам дом, с щелями в полу, никак здоровью не способствует: даже летом в нём холодно и сыро. Ей, незаконно репрессированной, труженице тыла, получившей от государства не одну награду, имеющей от рождения 82 года, давно должны были дать квартиру. Но чего-то ждут... И она терпеливо ждёт. Есть ещё одна мечта у Софьи Семёновны – побывать на Куль-Ёгане – реке, давно ставшей родной. На которой прошли трудные, но самые счастливые годы её жизни, и красивее которой в Западной Сибири, возможно, только Сосьва.

Васюган и «враги народа»

Пристань Нарым, река Васюган, Васюганские болота… Даже в безоблачную пору нашего раннего детства от этих в общемто безобидных названий веяло неизъяснимым ужасом. Нас, таёжных детей, не напуганных ни бескрайностью сибирских урманов, ни топкими болотами тайги, этим чувством заразили взрослые, не по собственной воле оказавшиеся там.

В 1961 году мы, Шлябины, с реки Вах переехали в Мегион, чтобы продолжить наше образование в старших классах. Через три года стали соседями Седых по улице Подгорной. Здесь, на берегу Меги, Васюганские болота снова напомнили о себе, сначала в виде случайно оброненных Анной Петровной фраз, оборванных на полуслове, потом более смелых клочков семейной истории. И только незадолго до 1991 года, когда Седых получили справку о реабилитации, правда вылилась в горький рассказ о тех далёких событиях, в которых Васюган сыграл не последнюю роль. С него и начала отсчёт ссылки семья Седых, в 1929 году сосланная из Новосибирской области, где имели дом, вели хозяйство. Однако главной причиной ссылки стало то, что Серафим Адамович, муж Анны Петровны, был сыном попа. Его отправили на перевоспитание в Прокопьевские рудники рыть

шурфы, а вскоре и жену с двумя маленькими детьми на Васюганские болота – один из островов архипелага ГУЛАГ.

На Васюгане было что-то вроде «сортировочной» базы, откуда вербовщики набирали ссыльных и везли их в другие точки Сибири. Человек восемьсот посадили на баржу. Ни попрощаться с родными, ни взять с собой вещи не разрешили. При приближении к населённым пунктам трюмы наглухо закрывали. Сходить на берег не разрешалось, даже чтобы похоронить умерших, их просто оставляли на берегу. В сутки давали по 400 граммов гречки да воды. По дороге умер полуторагодовалый ребёнок Седых.

Спецпереселенцев высадили на берегу. Тут же взялись корчевать деревья, рыть землянки, хорошо, что с собой были пилы и топоры. Это были дни и месяцы невыносимой жизни: ели мох, опилки. С наступлением холодов Анна Петровна заболела тифом, затем цингой. Девять месяцев лежала, не поднимаясь. Однажды в беспамятстве выползла из землянки и, потеряв сознание, пролежала ничком трое суток. Когда соседи перевернули её, пошёл пар, пролежни от корней на теле Анны Петровны оставили след на всю жизнь. Тогда же она получила воспаление лёгких. За год от восьмисот человек осталось без малого триста. Простая арифметика: похороны каждый день одного-двух человек. И вовсе не в многотысячном городе…

Через некоторое время Серафим Адамович, узнавший о ссылке семьи, каким-то образом ухитрился сбежать с рудников, его не особо искали, считали, погиб в тайге. Тринадцать дней плыл на обласе по таёжным речкам, искал близких. Когда нашёл жену, никто не верил, что она выживет, а он рвал черемшу, собирал на болоте прошлогоднюю клюкву. Вопреки всему выходил свою Анну.

Вскоре приехавший вербовщик определил семью в Нижневартовск, где оба работали на рыбозаводе. В 1931 году Седых перевели в соседнюю деревню Ермаково. Жили на квартире за занавеской. Работая на рыбопромысловом пункте обработчицей, Анна Петровна выполняла и всю домашнюю работу хозяев. Каждый день кровоточили руки – соль разъедала их вновь и вновь, не давая зажить. Позже жили в сарае, где всё протекало: и крыша, и стены. Со всех щелей дул ветер. Многие ссыльных сторонились, относились к ним с недоверием. Весной Анна Петровна с миской ходила по людям, просила хоть немного картошки, чтобы посадить на первом своём огороде в ссылке. Обжились. Рыбозавод выделил нетель и лошадь для рыбалки.

Из двенадцати родившихся детей Седых в живых осталось шестеро. В годы Великой Отечественной войны все пятеро братьев Анны Петровны, переехавшие вместе с матерью к ней, не вернулись с фронта – отдали жизнь за Родину. Жениться успел только один. Нет таких слов в словаре, чтобы описать ужас и горе семьи…

Детские впечатления и история Седых определили реку Васюган предметом моего особого внимания. Тогда же я записала рассказы других старожилов, дорога которых в наш район лежала через эту реку.

Печально знаменитые Васюганские болота стали перевалочным пунктом и для Тимофеевых, сосланных из Новосибирской области. Семья жила богато. Кроме скота, имели молотилку, жатку и сенокосилку, всё вместе и послужило причиной репрессии семьи. В 1930 году посадили в тюрьму главу семьи Антона Трофимовича. Затем отправили на Васюган его родителей – стариков Трофима Григорьевича и Ольгу Матвеевну и жену Екатерину Даниловну с тремя детьми: Марией, Иваном и пятилетней Любой. Беременная жена сбежала из больницы, чтобы не отстать от детей. Из Омска буксиром везли на барже человек 800. Везли хуже скота. Баржу с людьми к берегу не причаливали, есть не давали, даже пить было нечего. Напуганная бабушка заболела, в дороге умерла. Хоронить не разрешили, только на другие сутки на стоянке матросы лодкой отвезли тело на берег и оставили там. И это было страшно, не по-людски…

Недалеко от Нарыма на крутом яру Васюгана высадили. Налетели тучи комаров и мошкары. Народу на берег Васюгана навезли столько, что хватило основать шесть, а может и больше, посёлков. Тимофеевы жили в посёлке Первом. Женщины, старики и дети построили несколько избушек без окон, на четыре семьи. Каждой семье – угол с нарами, печь – посередине – одна на всех. На больную мать и старого не работавшего деда хлеб не давали. Питались подножным кормом. Позже выделили по сто граммов муки на человека в день. Но это не спасало. Вскоре с голоду дедушка умер.

На берегу метров на триста стеной стояла тайга, за ней тянулись болота. Каждый день туда сносили покойников, снимали верхний слой мха и опускали в болото трупы. Умирало по несколько человек каждый день. Зимой стало проще – смастерили саночки, чтобы трупы возить. Померла и етырехмесячная сестрёнка Любы, появившаяся на свет в ссылке. Невинный ангел, она тоже нашла покой

в болоте. А нашла ли? За что же её, как и всех, в грязь? Сколько слоёв костей там, на дне болота? Представляется мне: много веков пройдёт, копнут археологи эти места и будут ломать голову, что за природные катаклизмы свели воедино и уничтожили столько русских людей. Никому и в мысль не придёт, что это деяния их собратьев…

Мать Екатерина Даниловна заболела цингой, ноги посинели, работать уже не смогла. Стали давать на семью из пяти человек мисочку муки, из неё варили болтушку, добавляли мох. Люба с братом по очереди миску облизывали, день – она, день – Ваня.

Через полгода из новосибирской тюрьмы привезли исхудавшего отца. Пошёл валить лес, выделили и на него мисочку муки. Сплёл силки, начал ловить зайцев и куропаток. Ожили. Весной кормил жену черемшой – выходил. Люба с Ваней тоже пошли отцу помогать – на двоих стали выдавать одну миску муки.

Потом приехали вербовщики с Нижневартовского рыбозавода. Отобрали двенадцать семей, кроме Тимофеевых: Антиповых, Лавровых, Чехонатовых, Вараксиных, Ильиных, Колясовых, Епишкиных, Западновых, Плешаковых, Кожуховских. Сначала привезли на Ермаковские пески, прямо на берегу соорудили шалаши, жили в них. Стрежевым неводом ловили рыбу, хорошую сдавали на рыбозавод в Нижневартовск, а чебаками сами питались. И тех вдоволь не было, из костей делали муку.

Жили очень бедно, по мёрзлой земле босиком бегали. Не ходили, а именно, бегали, чтобы ноги не отморозить. К осени лов рыбы прекратился, семью отправили в Лекрысово, а отца в посёлок Мега. Других тоже распределили: кого в Ермаково, кого в Мысовую Мегу. Тимофеевы в Лекрысово прожили зиму, весной семье разрешили соединиться. Получив разрешение, Антон Трофимович забрал родных в посёлок Мега, которого, по сути, ещё не было. За зиму с Лавровым успели два дома построить. Здесь прижились. Раскорчевали землю, хлеб посеяли, овощи посадили. Но ссылка требовала жертв: в 1938 году утонул на рыбалке отец, во время войны замёрзла Маруся. В 1958 году семья переехала в Вартовск, чтобы детей учить, а с 1959 года Тимофеевы (ныне Нагибины) живут в Мегионе.

Семью старожилов Колясовых сослали из Кемеровской области отнюдь не по социально- политическим мотивам. Глава семьи Иван Герасимович положил глаз на жену председателя колхоза. Очень дорогого стоило его любование чужой женщиной – на сборы ему

дали 24 часа. Его жене, Александре Георгиевне, сердобольный председатель сельсовета предложил отказаться от мужа, чтобы не быть сосланной вместе с ним. Она отвергла предложение и предпочла ссылку: «Куда иголочка, туда и ниточка». Собирать особо было нечего, всё имущество уместилось в телегу.

Привезли Колясовых с тремя детьми на Васюган, там в то время уже жили люди. Ивана Герасимовича на барже отправили в другое место, а его жену с детьми оставили лес корчевать. Подселили к старикам. Бабка попалась очень жадная. Помогали ей делать по хозяйству всё, а она никогда куска рыбы не дала. Чтобы не умереть с голоду, рыбачили. Когда отца вернули на Васюган, семья по вербовке в числе других была переведена в Нижневартовск. Мужчин оставили работать на рыбозаводе, а женщин и детей определили в деревню Мысовую Мегу. В ней в то время жили несколько хантыйских семей. Мужчины построили баню и начали сеять хлеб, овёс. Сеяли даже пшеницу. Сажали табак, брюкву, тыкву. Тыква спасала от голода.

Вскоре была создана рыбартель, а затем и колхоз, главным занятием в котором было рыболовство. Ивана Герасимовича назначили председателем колхоза. Во время войны за невыполнение плана рыбодобычи Ивану Герасимовичу дали срок. Столько рыбы не водилось, сколько планировалось её выловить. Но долго не сидел – фронту нужна была рыба.

В семье росло девять детей, шестеро родились уже в ссылке. Две младшие дочери трагически погибли. Самый старший из сыновей, Алексей, погиб на фронте в 20-летнем возрасте, похоронен в Румынии.

Судьба семьи Ильина Николая Леонтьевича повторяет истории других. Его родителей Леонтия Михайловича и Фёклу Андреевну и его самого с братом Андреем сослали в наши края из Хакасской области Красноярского края в 1930 году. Хозяйство у отца было небольшое, но крепкое, на зависть тем, кто, как спички, ломал чужие судьбы. Вместе со своими детьми Ильины воспитывали чужого безродного мальчика. Парень вырос, женился, но из семьи не ушёл, считал своей. Тройка его засчитала батраком. Поразительно, но красноярцев тоже привезли на Васюган. Жили во времянках, было сыро, грязно и очень холодно. И хотя мужчины рыбачили, жили впроголодь.

Весной приехали вербовщики и отвезли семью в деревню Ермаково. Везли на баржах, как скотину или груз. Сначала ловили рыбу, потом мужчин возили на заготовку леса, в 12 километрах от Майонских юрт на необжитом берегу строили будущий посёлок репрессированных Мегу. На другое название у представителей власти не хватило фантазии. Посёлок в народе во избежание путаницы с Мегой Мысовой стали звать Поселковой Мегой.

Только благодаря сноровке и привычке к тяжёлому труду ссыльные выжили. Раскорчевали голыми руками тайгу и на её месте построили дома, распахали пашни. Создали артель, которая сеяла рожь, ячмень, овёс, сажала картофель. Пятнадцать семей обрабатывали около 30 гектаров пашни. Добывали рыбу, пушнину. Одним словом, увеличивали благосостояние своей Родины, получая за это копейки и имея клеймо «Враг народа».

Лучшая часть крестьянства: самая продуктивная, наиболее грамотная и предприимчивая, была объявлена врагом. Спецпереселенцев лишили права иметь паспорта, голосовать и быть избранными в депутаты, права переезда. До 1942 года их не брали в армию. До смерти Сталина находились под надзором комендатуры. Участь попасть в жернова «сталинской мясорубки» не обошла никого: ни детей, ни беременных, ни стариков. Сотни тысяч погибли, жизнь других была исковеркана. Бьющее наотмашь прозвище «кулак» или «колонок» делало ссыльных изгоями. И вовсе не социалистический строй, а именно целенаправленные действия по уничтожению крестьянства разрушили вековые крестьянские устои. Отныне уцелевшие в ссылке крестьяне должны были ловить рыбу, работать на лесозаготовках, рудниках и в строительстве. Историки утверждают, что Гитлер создал свои концлагеря по русскому образу и подобию. А Васюган, думается мне, был прообразом фашистских бирж труда для пленных. Только менее «цивилизованным».

Дмитрий Шлябин

Мёртвая деревня

Мелкого хозяйчика ликвидировать.
В. И. Ленин

Мне посчастливилось знать человека, прожившего на свете без малого век. Звали его Николай Федорович Удачин. Представитель зажиточного российского крестьянства, волею судьбы оказавшийся в Приобье, один из основателей деревни Погорельск.

Был этот человек удивительно цельной натурой, превыше всего ценивший на свете труд и волю. Всю свою жизнь он стремился познать Истину, и оставался ей верен всегда. Живой свидетель стыка двух эпох, того страшного времени, когда жернова истории, запущенные дьявольскою волей, перемалывали тысячелетнюю культуру, уклады, народы, судьбы, когда нелегко было просто выжить, Николай Федорович прожил долгую нормальную жизнь свободного человека.

Жаль, но мои попытки познакомить с дедом тех немногих писателей, журналистов, кто оказывался рядом, не увенчались успехом. В 70-е годы мало кого не захлестывал вал «нефтяных» рек, блеск «чёрного золота», и сиюминутные трудовые подвиги оставляли в тени жизнь простого русского крестьянина.

О многом мог правдиво и честно поведать этот человек. Кое-какие записи да чудом сохранившаяся магнитная лента с самобытным говором деда воскрешают образ этого человека и его рассказы о том далёком...

– Нет! Не из казаков мы. Хлебопашцы с Россеи, крестьяне мы. Кулак я, а сюды сам приехал. Давно прослышал про здешние вольные места. Ну, а в России жили мы богато, в семье мужики все ядрёные были. Достаток через мозоли давался, работали помногу. Жили в степу, под Челябинском леса мало, там околки, не то что здеся, но земли много было, бери... В роду все по сто лет жили. И отец век прожил, и дед. На жизнь меня дед наставлял, в семье он хозяином был: и к охоте приучал, и на земле трудиться. В пять лет впервой на охоту меня взял. На полях овсяных скоко тетеревей было! А зайца, гуся...

Дедушка мог часами рассказывать о той хлебопашенной монастырской России, которая спокойно жила на пороге великих потрясений. Японская, Германская, Гражданская – трагичные вехи нашей истории, всё было пережито этим человеком. Дед сплёвывал, с презрением рассказывал о колчаковщине и обо всём, где было насилие, где лилась кровь, где человеку мешали жить, свободно трудиться и распоряжаться своим трудом.

– В НЭПе маленько вольно пожили, поднялся народишко. А потом всех стали сгонять. Колхозы, иж, удумали. Будь оне прокляты! В колхоз всё сам отдал: и дом, и молотилки, анбары кирпичные и рысаков. Оно, конечно, и так бы все отобрали... Можно было однолишно жить, но я не схотел, больно глядеть, как пупом нажитое, переводят бестолково...

Ранее остяки зимою рыбу обозами в Томск привозили, от них, да и от людей бывалых я прослышал про здешние привольные места. Дядя у меня противился властям, вот его с семьёй сослали на поселение сюды. С ними и я поехал в Сибирь. Не хотел от родни отстать.

Ехали тяжело, на баржах. Много людей мёрло от заразы: лечить раньше разве умели, как сейчас? У меня два младенчика померли, так больше Бог и не дал сына. Одну девку вырастил, Надьку. То тиф, то какая ещё напасть. Коней ещё жалко. Рысаков орловских держал, зимой ямщину гонял – заработок хороший был. Призы брали в бегах, в газеты нас снимали – тройку мою... Ну, а сюда завезли народ, в тайгу, выгрузили. «Живите, – сказали, – робята». Выменяли у остяков топор да пилу, пуще ока берегли, боялись нарушить или потерять, – со слезами на глазах продолжал дед. – Давай наперво землянки рыть. Рыбачили, охотились, в лесу всего полно, глухари по осени на крыши садились. Ружей не было, луки смастерили, силки, слопцы в ход пошли. У остяков учились, они по промыслу смышлёные. Перезимовали как-то. Много народу тогда загибло. – И дед смахивал слезу крючковатым пальцем.

– В другое лето лесу наготовили, окантовали, высушили, срубы стали расти. Тайгу корчевали, пашни завели, смотрим: жито, ячмень, овёс вызревают, огородина родит. Пшенице только лето короткое здесь, перестали её сеять потом.

Здесь и лес хорошо кормит, ореха сколько – трудись, не ленись. Обжились люди, скотиной обзавелись. Только вот грозой ли, как ли – загорелась тайга. Много леса загибло. В нашей деревне только

два дома сумели отстоять. Мужики все на покосе были. Бабы, ребятишки ревут. Снова отстраивать стали.

Мужики все хозяева были. Опять деревня росла, кладбище посередь деревни стало. А по весне на поля все тетерева на ток играть собирались. – Улыбка появилась на лице старика.

– Хорошо скоро опять стало, отстроились все, помогали друг другу. Дома в ряд, тротуары кругом, хорошо зажили скоро. Пашни более 150 десятин устроили, покосы богатые. Бывало, на праздник какой, на троицу особо, выйдет на лужок вся деревня: и стар, и мал, песни играют, пляшут.

Дедушка, кажется, слышал голоса, девичий смех, частушки, прибаутки, игру балалаек – всё то, чем жила и отдыхала русская деревня, тот кусочек России, что прижился, отвоёвывая себе трудом места у кромки бескрайней сибирской тайги.

– Ну, а потом, – помолчал дед, – колхоз стали делать в Погорельске-то, так нашу деревню в округе стали звать. Ну, я-то не голодал. Я в охотники записался, мне воля дороже всего. Себе хозяин. Двадцать лет пушновал в тайге с остяками. Всякое было – давно это было, ноне-то никого уже нету. Остяков сколько было... На Моленные острова к идолам своим поклоняться аж с Сургута на оленях наезжали. Сказывают, в озеро серебро, золото, монеты Богу своему кидали. Ну, на Куль-Ёгане в 30-е годы напасть на остяков была, почти все попропали, хоронить некому было, в чумах вповалку лежали. Олени по тайге разбрелись. Комаровых да Каймысовых Бог пожалел, бросили они потом эту рыбную речку.

– Вон и Погорельск ныне пустой стоит. Как узнали в 56-м годе, что из колхоза выйти можно, весь народишко разбежался, трактор на улице забыли заглушить. Нельзя человека неволить. Пожил я один два года, думал, кто вернётся, всё Васильева (ныне покойничка) с Варлаковым ждал. Потом и сам заскучал, съехал на Вату. Человека к человеку тянет.

– А тамо... У-у, как кладбище травой заросло. Ноне – мёртвая деревня. Нарушили у людей жизнь. И я вспоминал картину, открывшуюся нам в конце 60-х годов, когда случайно заехали в правый исток Пасола. Синеющая стена тайги. Деревня раскинулась по холмам. Чем-то уж очень русским волновала она; то ли пашнями, уходящими вдаль, то ли кряжистыми основательными домами, сработанными добротно, на века; то ли срубами колодцев, столь не-

привычными для сибирских деревень. Здесь всё из крестьянской России: тележные колёса, кованные фигурные навесы на скрипящих калитках, дверях, амбарах. Как давно здесь ни к чему не прикасалась рука человека. Стоят с пустыми окнами-глазницами пятистенники, покосились резные крылечки. На крышах бань проросли кедрушки. Тайга снова возвращается на место, некогда отвоёванное упорным трудом.

Кажется, прошёл вселенский мор, и нет больше на земле людей. Кругом только буйствуют травы. И бродя по лугам, нет-нет да и встретишь колос ячменя, чудом проросший среди дикого сибирского разнотравья, – щемящая боль – напоминание о той поруганной хлебопашенной патриархальной России, которая трудилась, настоящим и не хотела, и не могла жить «будущим», которое рисовалось «кремлёвским мечтателям» светлым.

Антошкина речка

В пору половодья, когда цветёт черёмуха и земля одевается травами, любили мы с другом встречать рассвет на островке таёжной речушки, происхождение названия которой для нас оставалось загадкой. Среди непонятных хантыйских названий эта речка звалась, кажется, совсем обыденно: Антошкина. Но кто был этот Антошка? Отшельник, беглец, искатель покоя, охотник, геолог? Речка манила всегда, да и нам хотелось найти следы загадочного Антошки...

И мы отправлялись в путь по реке. Зловеще высились вдоль берегов над подрастающей молодежью березняка и осинника побелевшие от солнца и времени обгорелые стволы деревьев. И вдруг посреди речушки остров здорового леса. Пламя пожара не перекинулось сюда, здесь всё осталось так, как было века: одни деревья-великаны умирали своей смертью, другие великаны сменяли их. Потянуло дымом. На острове кто-то есть... Мы причалили.

Навстречу вышли двое: старик с подростком. К нашему удивлению, это оказались жители Ваты: Николай Фёдорович Удачин – наш старый знакомый и его внук. Увидеть вдалеке от домашнего уюта человека, возраст которого перешагнул за 90, было непривычно. После небольшого наставления: «Что по-дурному гоняете» и расспросов дедушка угостил нас ухой из сырка. Вскоре мы узнали, что

деда из Ваты привёз внук попрощаться с тайгой, с избушкой. Так вот кто хозяин полуистлевших рубленных брёвен, зарастающих мхом и брусничником в центре острова.

– Валько вон, по-дурному гонял, решил мотор, прошлый год ему купил. Три дён, как сидим, завтра на Вахлово на вёслах пойдём, сказал, махнув рукою, дед.

– Да вы не волнуйтесь, мой друг пошёл с ключами к лодке, поможем наладить, на запас полмотора возим.

Дед помыл с бережка руки, лицо, тщательно расчесал седую бороду. Меня поразила статность фигуры этого человека. Высокий, широкоплечий. Хотя и усохший, но не было в нём столь привычной старческой согбенности, напротив, он держался как-то особенно прямо. Мне он напоминал Тургенева, такими

я всегда представлял великороссов.

Меж тем солнце уже садилось, ночная прохлада окутала землю. Ребята гремели ключами в свете большого костра. Вокруг носились голоса ночного леса. Над торфяною водою стал собираться облачками туман.

Прохлада бодрила, спать явно никому не хотелось. Старик приблизился к теплу и молчал. Николая Фёдоровича было не просто разговорить, на «глупые» расспросы он, серчая, не отвечал, но если вспоминал былое, мог говорить часами, и это были удивительные рассказы.

– Дедушка, а что там за шум в вершине речки, вы не знаете? – спросил я.

– Фу ты, робята! Да я почто не знаю, двадцать лет пушновал по этим местам с хантами, выследил я эту речку. В неё ручьи под землю, под мхом с озера идут. В озере раньше сырок водился – спинка чёрная, и всё мерный. – Дед неопределённо развёл руками, можно было принять и за четверть, и за метр.

– Одним летом я по ямкам рыбалил, по пятьсот за тонь брал, на другое лето забрался, а там хозяин косолапый промышляет.

– Дедушка, ну, ты его стрелил? – спросил внук.

– Пошто? – сердито отвечал дед. – Нет, я их не трогаю, и они меня не трожь. С 30-х годов, сколько их видывал, ну их! Вон избушку, проклятые, у меня порушили, чисто всю раскатали. Валько на двери только подковку нашёл.

Дед замолчал, мысли его были где-то далеко...

– Коней жалко, – вдруг как-то неожиданно заговорил он, – орловские рысаки, эко, какие тройки были, пять троек было. Всё пришлось отдать. Раньше я простых держал лошадок. А в германскую меня в ногу ранило, да немец газом глотку пожёг. В Москве в госпитале мне кайзеровскую пулю доставали. Ходил я на костылях на бега глядеть. Один жеребец, резвый такой, панок подвернул, захромал, ну, куды его, только на племя. С хозяином я срядился. Продал я своих кобылиц и завёл орловского рысака. Потом в складчину с мельником подкупили кобылку породную, вот и стал свой завод.

Выезд был вёрст пятнадцать. Едешь – эх, удаль, бубенцы звенят, живое, оно и есть живое, не то что воно, – дед махнул в сторону разобранного мотора. – Берёг от худова глаза, от цыган, от колчаковцев уберёг... В Сибирь альбом вёз, в Тобольске обыск устроили – отобрали. Чуть не плакал, ну чего вам карточки, не наган ведь. Сейчас бы вот взглянуть дорого... Только подкова от Резвого осталась, на удачу... Ну, я-то и здесь вольно пожил, не жалею, тамо-то уж давно все позагнулися... В Погорельске, когда колхоз устроили, я с Антошкой пушновать ушёл. По Полуденной зверька брали, на Юганский урман ходили. Здесь дуплянки гоглям ставил, утки, как куры, неслись. Прожил...

– Это в честь него названа речка? – чуть не в голос спросилимы с другом.

– Какой Антошка? Одноглазый Антошка, по ему, по ему. А вы, робята, не перебивайте, слушайте, я сказываю: по ему. Вот у того мыса у него жильё было. А одноглазым стал после случая.

Шёл он как-то с племянником, с парнишкой, по лесу весною, и напал на Антошку медведь голодный. Злой, ломает Антошку, тот никак не может нож достать. «Стреляй!» – кричит парнишке, а парнишка струсил, убежал и ружье бросил. Запорол всё же медведя хант, но и зверь его помял крепко. Рёбра сломал, шкуру на черепе содрал, глаза одного лишил. Кое-как добрался до своих, едовый упал без чувств. Выходил его шаман. Всякими травами правил, в бубен стучал. На лбу всё заросло, да так, что глаза у ханта вроде бы и не было отроду. Антошка потом смеялся: «Так белка лутше стрелять – глас щурить не наты», – скопировал дед.

– А парнишко-то так и пропал, домой не вернулся. Находил я раз в тайге шкилет молодой, может и он. Схоронил я его, всё же человеческая душа жила.

Антошка тоже не пожил на свете. Нашли мы с ним по осени в этой речке у большого камня остов мамонта. Кости тяжеленные, два дня воротом с ила доставали на пароход, в Ханты-Мансийск в музей. Премию нам дали, по винтовке и денег по 150 рублей (на старые).

Выпил Антошка на радости и выпал с обласа, тут же и утонул недалеко от Погорельска. Никого ноне уж нету – скучно. Прошлый год, думаю, дай съезжу в Россию под Челябинск-от, на отцов дом взгляну, друзей повидаю. Всё не так, всё порушено. Деревни мёртвые стоят, у нас только анбар кирпичный сохранился, перед Японской клали. Ровесники уже давно убралися, – дед указал на землю перед собой. – Заскучал, заскучал, на завтра же и поехал в Сибирь на Вату.

Свет догорающего костра подсвечивал снизу лицо старика, делая его ещё более древним, словно пришедшим к нам из другого времени, непонятной нам эпохи. И словно подтверждая это, дедушка рассказывал нам, как он в юности ездил по монастырям в поисках невесты, играл на гуслях, видел на фронте императора Николая II, тот награждал солдат полка орденами и подарками за службу Отечеству, за геройство. Да и где можно встретить сейчас человека, который служил ямщиком по сибирским губерниям, перевозил грузы, почту на русских тройках, держал свой конный завод и гордо носил имя – хозяин, кулак?!

– Дедушка, когда же вы родились? – спросил приятель.

– В тыща восемьсот семьдесят первом годе. Без четырёх сто мне, – дедушка хитренько подмигнул и добавил, что ему надо дожить до ста. – Но, наверное, не доживу. Пещень пекёт, врачи говорят, какой-то пестрохвост из сырой рыбы перешёл туда, а так я ещё ничего.

Солнце позолотило стволы сосен, туман почти растаял. Началось чудесное летнее утро. Ребята запустили отлаженный мотор, сделали несколько кругов возле острова.

– Как часы, – заверил друг.

– Спасибо! Спасибо, робята! Душевные вы люди: таперь уедем, – благодарил дед.

Рёв мотора не нарушил гармонии леса. Кажется, с ещё большим неистовством раздавался щебет птиц.

– Эх, иволга играет, – улыбался дел, сидя на бревне, вслушиваясь во флейтовые посвисты. – Красота какая, приволье, помирать

неохота, – говорил старик, развязывая вещмешок. Он положил на колени какой-то свёрток из чистой ткани.

– Положишь, Валько, со мною на удачу, – дал он непонятное распоряжение внуку. Затем бережно развернул ткань – и в старческих руках оказался ржавый кусок кованого металла: подкова – всё, что осталось у Николая Фёдоровича Удачина от старой России, когда о нём говорили с почтением: хозяин!

В стариковских глазах стояли слёзы...

Дни апреля

Апрельские дни порой удивительно непохожи друг на друга...

Вот вчера был пасмурный, промозглый день. От накрапывающего дождя по низинам стоял туман. Туман стелился серой пеленою над уцелевшим кое-где снегом, цеплялся за кочки, кусты. Сквозь тяжёлые охристо-серые облака изредка виднелся голубой лоскут неба, и тогда на луга пробивался солнечный луч. Во влажном холодном воздухе были слышны обрывки лебяжьих кликов, скорее похожих на стон. Смотришь, как с гнусавым весенним карканьем пролетают вороны, и от этого всё вокруг кажется ещё более унылым и серым.

А сегодня ясный день! Бирюзово-синее небо – куполом над золотистым простором полей. Тёплый воздух волнами парит над землёю. Синеют дали. Какой простор глазу!

В ложке ещё вчера лежал снег, а сегодня талая вода спорит с синевою неба. Рямь (ракитник) преобразилась. Серебристые пуховички вербы за ночь позолотились, гудят шмелём. Где-то в бочажине меж кочек пробует голос проснувшаяся после зимы лягушка. А в синеве над головой: чайки, чибисы, утки. Стаи идут одна за другой. Доносятся крики, свисты, кряканье, шелест крыльев. На кустах черёмухи заквохтал, затрещал дрозд. Весело перепархивают трясогузки: на днях жди ледохода.

Вот у озера, из под моих ног выпорхнула с тревожным «тэ-ке, тэ-ке, тэ-ке» долгоносая птица. Зигзагами набирает высоту и, резко запав на крыло, пикирует вниз. Слышны дребезжащие звуки. Да это же бекас прилетел на родное болото. После чибиса – один из первых куликов, спешит на родину. Далеко слышно хлопанье по воде

лебяжьих крыльев. Торжественные лебяжьи трубы звучат повсюду. И кругом: тепло, талая вода и птицы.

Тёплый воздух пропитан топким ароматом сырой земли, цветущей ивы, древесной коры, берёзового сока. Рой комариков, жучков, вьётся над сладким источником.

И вот звенят капли о дно котелка. И несёшь домой дар проснувшейся природы – котелок живой воды да букет северного первоцвета – вербы.

Цветы наполняют дом весенним ароматом, и ещё долго будут живо напоминать о двух днях, проведённых на обских озёрах.

Костёр рябины красной

Сирень под окном – образ русской деревни. На Севере не часто встретишь такую картину – сильные морозы. Исстари сибиряки сажали под окном черёмуху, рябину да калину. Весной, с приходом долгожданного тепла (в конце мая или в первых числах июня) земля покрывается летним нарядом столь стремительно, что это напоминает какой-то «зелёный взрыв».

Кажется, только вчера черёмухи покрылись нежной зеленью ещё не полностью раскрывшихся листьев, а сегодня они белые от цветов. Прохладная погода может растянуть цветение на недельку, а она в эту пору случается часто: и лужи ночью вдруг прихватит ледком, а то и завьюжит вдруг на денёк-другой. В народе говорят: «Холод – на цвет черёмухи». При жаркой же погоде покрасуются черёмухи дня три и обсыплют белыми лепестками, как снежинками, всё вокруг, словно напоминание об ушедшей зиме.

Вскоре на смену аромату черёмухи приходит запах цветущей рябины. Он не такой сильный, более мягкий, какой-то фруктовый. Рябина всегда зацветает позднее черёмухи, её желтоватые соцветия собраны в пучки, заманивая нектаром насекомых. В конце лета ветви повиснут под тяжестью оранжево-красных ягод, привлекая многие виды птиц. По урожаю рябины люди предсказывали зиму: будет ли морозной либо снежной. Будет снег – будет урожай зерновых. В Сибири так: много снега – жди затопления. Вопрос – для многих дачников сейчас не праздный.

Черёмуха, рябина – культуры родственные, относятся к семейству розоцветных, они могут быть как кустарником, так и деревом. На протоке Кирьяс, на высоком берегу, недалеко от заброшенного хутора Черёмушки, растут пять рябин, стволы их – не менее 30 см. То ли они выросли на месте людского становища, то ли их занесли сюда когда-то зёрнами птицы? Дело в том, что в пойме рябину увидишь нечасто, в большие паводки корни её не выдерживают, «вымокают», рябина уживается лишь на высоких местах. А вот черёмуха в пойме занимает почти все гривки: растёт по берегам рек, проток, ручьёв — наводнения ей не страшны.

Если человек хотел создать возле жилья не только красоту, а в летний зной ещё и прохладу в доме, то садил под окно эти культуры: разросшиеся деревца скрывали кронами и само строение. С наступлением холодов палисадник – это столовая для многих пролётных и местных певчих птиц. Когда первый снег опалит землю, рябина среди «золота» берёз горит всеми оттенками красного – в глазах «рябит». И вспомнишь строчки поэта:

«В саду горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть...». Но рябина греет в другом смысле... То на рябине щебечет, поедая ягоды, стайка пролётных дроздов (черёмухи чаще всего уже пустые), то зимой налетит дружная компания хохлатых свиристелей. Нежно пересвистываясь, словно звучит тонко свирель, поднимая хохолки, эти серо-розовые красавцы – прожоры оставляют куст рябины или калины почти голым за считанные минуты. Ягоды птицы проглатывают целиком. И сороки, пополняя запас витаминов на зиму, склёвывают ягоды рябины.

А сколько людей, обольстившись столь ярким и привлекательным видом щедрого на урожай плодового дерева, тащили из леса домой вёдрами спелые грозди этой терпкой кисловато-горькой ягоды!.. Но избавиться от горечи в варенье или компоте, как и в прочих приготовлениях, не помогают самые «хитрые» рецепты... Да и жаль разрушать витамины. В конце концов, многие люди пришли к окончательному выводу, и как сказал один пожилой человек: «Хлопцы, рябину Бог создал для птиц!».

Иногда в зимнее сумеречное утро слышны глухие посвисты, на посеребрённых инеем ветках перекликаются розовогрудые сибирские птицы – снегири, словно яблоки позднего сорта, оставшиеся алеть на зиму. Вот уж поистине сказка русского леса! Снегирь –

птица спокойная, несуетливая, с важным видом склёвывает ягоду, тщательно перетирает в клюве лишь зёрна, а жмых откидывает в сторону – его подберут другие птицы. Часто снегири летят следом за свиристелями. Известно, что многие зёрна не перерабатываются и переносятся птицами – так возникают заросли ягодниковых кустарников на всё новых и новых местах.

Когда-то, в середине прошлого века, люди заложили в городе Ханты-Мансийске рябиновую аллею. Многие десятилетия поражало приезжих в окружном городке это «маленькое северное чудо». Не удивляла аккуратно подстриженная жёлтая акация...

В последние десятилетия многие виды растений более южных широт шагнули на Север, всё чаще радует запахом и цветом кистей гибридная сирень (сирень с черёмухой), привычная ирга, черноплодная рябина и другие ягодники.

Есть не только мечтатели, энтузиасты, но и знатоки дела, верящие, что на Севере будут цвести сады. Эти люди создали за городом питомник, где можно приобрести саженцы. Но стоит ли забывать при озеленении и о столь милом русскому сердцу деревце – «тонкой рябине»? Ей должно найтись место на даче, под окном, в городе, пусть она радует не только людей «костром осенних листьев», но и плодами – птиц.

Защитники покурской сторонки

Многие северные города и сёла в Приобье прижились там, где кромка тайги переходит в пойму. Таковы Мегион, Вата, Локосово. На таком месте и Покур. В обиходе часто слышишь «с покурской стороны». Село расположилось на холмистой местности. Когда-то это были болотные лога, гривы тайги. Но есть в центре Покура место особенное: куда ни взгляни зимою – видны заснеженные крыши, дали за рекой, на юг уходят в сизую дымку зарастающие пашни да кромки кедрача, который покурчане берегут. И всё на этом холме как-то соединилось…

Когда-то в 50-е здесь в районе была первая буровая вышка Р-2, сейчас стоит заглушка скважины. А нужна бы мемориальная доска – ведь это уже история. На месте буровой – трёхэтажная красавица школа, рядом была мельница, сохранилась с того века водокачка,

когда-то здесь же был клуб. Место, как сейчас модно говорить, обладает особой энергетикой. В таких местах исстари ставили церковь. На холме место для строительства будущей церкви освящено, огромный православный крест стоит уже много лет. И ещё рядом стела героев Великой Отечественной войны. На трёх бетонных плитах высечены имена и фамилии тех, кто ушёл защищать Родину из этого таёжного посёлка да из ближайших деревень-хуторков, что относились к Покурскому сельсовету, к покурской сторонке. Некоторые фамилии повторяются трижды – это братья, это отцы и сыновья. Им не суждено было вернуться с победой на родную землю. На стеле 113 имён.

Другие вернулись к мирной жизни, к труду, многие с ранениями. Вот уже третье поколение живёт без войны, благодаря людям, отстоявшим независимость страны от фашизма. С каждым годом их всё меньше и меньше. Время неумолимо.

Мы, сотрудники Мегионского краеведческого музея, направились в Покур, пока не закрыли зимник через Обь, чтобы поздравить с наступающим Днём Победы фронтовика Ф. А. Вотюкова.

Наш старый знакомый извинился, что прихворнул маленько. Но в дом пригласил. Мы попросили Фёдора Антоновича достать фотоальбомы.

– Нас, ссыльных, только в 42-м ведь на фронт стали брать, – начал он свой рассказ. Мы разглядывали фотографию группы учеников покурской школы 30-х годов. – Это наш учитель географии Александр Иванович. Он погиб. Да и много наших земляков на войне полегло. А я на Курской дуге, под Орлом воевал. «Мясорубка» была, – махнул рукой.

Фёдора Антоновича призвали на фронт в 42-м г. С мая по октябрь 42-го г. прошёл учёбу в Ульяновском танковом училище, а в декабре уже оказался в Нижнем Тагиле, где получил танк. Оттуда сразу на фронт – под Сталинград. Там Фёдор Антонович получил первое ранение. Около трёх месяцев лечился в госпитале, и уже в 43-м попал в Литовскую дивизию автоматчиков. Бои принимали в направлении Орловско-Курской дуги. Здесь получил второе тяжёлое ранение в ногу. Третье ранение было в колено. Военные раны до сих пор дают о себе знать. С фронта вернулся в декабре 44-го года инвалидом второй группы. Стал работать рыбоприёмщиком в рыбокомбинате. Работал и заготовителем пушнины, и в торговле

15 лет, в лесничестве 10 лет. А когда в посёлке поставили первую в районе буровую вышку Р-2, пошёл работать дизелистом – помогло знание механики.

– Меня с ранением в ногу эвакуировали в госпиталь в Барнаул. Лежать без дела тяжело, санитарам помогал. Вот фото в военной фуражке – сам шил. А это подруга, – отодвинул в сторону снимок молоденькой девушки. – А это мой брат младший, Виктор, – показал на паренька в бескозырке, – он под Мурманском воевал на Северном флоте, ранен был, так в госпитале с младшей сестрёнкой встретился в перевязочной. Виктор после войны служил, учился, капитаном на Чёрном море ходил – вот его корабль, на фото.

Мы продолжаем смотреть альбомы. Вот симпатичное лицо молодой хантыйской девушки. Фёдор Антонович, увидев наше любопытство, пояснил: Дарья или Марья Ачимова – это ханты, они жили в вершинке Коль-Ёгана, потом перебрались на Малый Юган. На обратной стороне одного фото была подпись. Мы перевернули снимок. На нем стройный, высокий солдат, рядовой, в стёганых штанах, в гимнастёрке, на груди гвардейский значок, две медали.

– А это наш парень, куль-ёганский хант Комаров (на верхнем снимке), имя сейчас не припомню. Фото я переснимал, увеличивал, так снимок и остался у меня. Этот-то воевал. – Потом помолчал и продолжил, – А был случай у нас в те годы. Парень из Орехова на реке Куль-Ёгане схоронился, всю войну «провоевал» с комарами да медведями. Я его нечаянно разоблачил уже после войны, когда пушнину от охотников принимал. Как он со страху в меня не выстрелил, не знаю, такое ведь от глупости да от страха случается чаще всего...

Но расскажу по порядку. Нас призывали, а сборный пункт был в Покуре – комиссар собирал нас на пароход. Паренёк с Орехова, Замятин Иван, на обласе поехал в Покур на сборный пункт. А по дороге думает: дай к дедко Ивану Степановичу на речку, что пониже речки Тарки и Орехова (сейчас река и зовётся «Ивана Степановича»), заеду, хоть маленько поохочусь. С дедко они друзья были. Ну, поохотился день, да два погостил. Дальше что? Не явился в срок – дезертир, попадёшь в трибунал, могут и расстрелять. И пропал паренёк – нигде нет: ни на фронте, ни дома, пропал и пропал. Поискали – нет, только вот стали обращать внимание, что дедко две, а то и три нормы пушнины сдаёт, до органов дошло, милицию направляли искать, да только где там...

Он сам себя выдал. Из Островного женщины ягоды собирали, одна заблудилась, вышла к речке: там облас, снасти. Стали ждать. К верной дороге её вывел паренёк бородатый, но прежде глаза завязал ей и попросил, чтоб никому не говорила. Она никому, кроме соседки, и не сказала, – с улыбкой добавил Фёдор Антонович.

– Я тогда работал заготовителем, на лошади ехал, сколько мог, на подволоках к избушке деда потихоньку подошёл, собаки не взлаяли даже. Дедко вышел, упал у порога, мол, нету пушнины, а парень-то в это время за печкой стоял. Вот тут-то мог он меня от страха и застрелить. Братья у него партийные были, на сплаву работали. Позор! Ну, как-то его вывели из тайги. Вскоре он под амнистию попал. Семь лет хоронился. Одичал, людей боялся, избушки-схроны в берегах выкапывал, облас туда затаскивал. Костёр жег, угли прятал. Не раз видел людей, что его искали. А так парень трудяга был. Уехали они потом под Сургут, в Банное, работал на лесоучастке хорошо, грамотами награждали его. Женился, семь деток потом завёл. На тракториста выучился, жил нормально, а вот ребятишек в школе дразнили...

Защитник хороший был бы, случись по-другому.

В руках Фёдора Антоновича фото группы стариков с медалями, колодками на груди.

– У нас тут осталось всего-то три человека. Какой это год-то? Вот Мити Тальничного, с Волхова родом был, уже нету, Домошова, Бардина. А вот хант Иван Степанович Комаров – жив ли? Меня почему-то на снимок в этот день как фронтовика не пригласили, – с обидой сказал Фёдор Антонович. – Судьба людская порой совсем непростая, вот наш покурский мужик, его тут нет на снимке. В 18-м пароходы с Колчаком у Покура стояли, белые пришли. Коммунаров расстреляли, возле церкви долго была братская могила. Парень Макар Крюков примкнул к белым, судьба до Владивостока довела, на японке подженился, жил, а потом потянуло к родным берегам. Вернулся в Покур. Во время Отечественной несколько танков немцев подбил, артиллеристом служил. Макар Григорьевич бывал в школе, рассказывал о солдатских подвигах, многие наверняка помнят. С помощью спичечных коробков он показывал поле боя, коробки – это вражеские танки. И как он их бил прямой наводкой, щелкая при этом узловатым пальцем, под восторг ребят коробки эти летели на пол. Вся грудь у него в орденах, медалях. Однажды пришлось ему

с медведем врукопашную за свою жизнь бороться. Собака спасла, отвлекла зверя. Макар дотянулся до ружья или ножом зверя одолел.

– Москву сибиряки отстояли, – продолжает Фёдор Антонович. – Стрелки прекрасные, разведчики. Самое заветное желание, спрашиваете, какое было? Уцелеть и вернуться домой, к семье, к родным просторам, конечно. Весною гуси, утки летят, вспомнишь в окопе утиные зори, и сердце защемит. И везли домой после Победы трофей – охотничью двустволку «Зимсон», «Зауэр», «3 кольца», «Меркель», оружие поверженного врага. Не для того, чтобы убивать людей, а для того, чтобы кормить семью. Для многих это был самый дорогой трофей. Многие ружья и сегодня служат, поражают своей подгонкой и прекрасным боем.

Долго ли вспоминалось военное пережитое? Долго... Особенно по первости. Сосед мой Иван Михайлович Жильцов рассказывал за бутылочкой как-то про случай с братом в послевоенные годы. Да уж порядочно прошло с Победы 45-го года.

Алексей, брат его, мегионский мужик, войну закончил, в Праге служил ещё, домой вернулся только в 47-м. И вот на родные озёра забрался карасиков половить, уток пострелять. Идёт вдоль озера, на плечах садок с рыбой. Вдруг слышит нарастающий свист, словно приближающийся снаряд. В доли секунды пал на землю, закрыл руками голову, рот открыл, чтоб от звука взрыва не оглохнуть и чтобы не контузило. Сразу вопрос: где взрыв?

Спохватился: да ведь 47-й год, и он на любимом озере. Но что это было? Огляделся: летела гагара, и что ей вздумалось сесть на озеро, с двухсот метров высоты пошла прямо в воду. Огляделся, не увидел ли кто, как он «снаряду» кланялся. Сработала привычка упасть в воронку, перебежать в новую от взрыва. Второй снаряд разрывался где-то рядом, был шанс выжить.

– О чём мечталось, – уже заканчивал свой рассказ Фёдор Антонович, – в окопе, в холоде, в грязи, под дождём? Эх, навес бы над головой да пищи горяченькой. А когда крыша мало-мальская над головой, мечтаешь: эх, землянку бы тёплую да с печкою. А попадёшь в землянку, и, как в песне поётся, от смерти четыре шага, мечтается о жизни, о живом. Эх, подруга была бы рядом, кудрявая. И случались военно-полевые романы, и ранения, и пленные, и разлуки, но чувство побеждало всё.

Брат мой Виктор встретил свою половину в госпитале, и на всю жизнь. Вот на этой фотографии они. А здесь вот он уже капитан ко-

рабля, на большом снимке. Мы ведь дети моря. С бойни, протянувшейся от Северных морей до Чёрного, шли домой солдатские письма-треугольники, где скупо писалось: жив, здоров, бьём проклятых врагов своей земли. А иногда родные получали с долгожданной весточкой маленькое фото, какое умещалось в письме. Сколько получали их, этих долгожданных фото, с простой надписью: «Фото с фронта, дойдём до Берлина»!

И они дошли до логова зверя, и наступил конец войне. Победу приближали все, кто ратным подвигом, кто трудом в тылу.

И даже парень-дезертир. Пушнину ведь не случайно называли мягким золотом. А люди со временем простили его.

Покурские старики — дети спецпереселенцев. Плотогоны

– К старушке Надежде Могильниковой я вас провожу, – предложила Анна Николаевна Рогачёва, – она живёт здесь, от меня недалеко, наискосок пониже.

В сибирских сёлах, что стоят на берегах рек, часто точкой отсчёта служит либо река, либо течение: повыше, пониже. Сотрудницы Мегионского краеведческого музея взяли под локоток нашу старую учительницу и медленно двинулись по улицелогу к центру посёлка.

Вот здесь в те годы, ну в 30-40-е, ещё тайга да болото были, кедрач, корни поверху – ни пройти, ни проехать. А потом посёлок помаленьку расстроился, срослись в одну улицу и старый Покур, и рыбоучасток, и Пятидворка, и новый Покур, то есть где колхоз был, потом уже вместо него стал совхоз «Авангард». Когда нас сослали в 30-м, село тогда называлось Фокур.

Вскоре Анна Николаевна указала на калитку у палисадника одного из домиков.

– Тут Надежда и живёт. Мужа уже нет, когда-то они вместе с мужем были в сплавбригаде плотогонами. Она тоже расскажет о том времени, слышит только плохо, да уж ей, однако, под девяносто.

Стучите сильнее. А говорить с ней надо так: садиться поближе и кричать, что называется, в ухо.

На пороге появилась круглолицая старушка. Долго не могла взять в толк, что за люди и откуда, с испуганным видом рассматривала нас, пока мы толклись у порога, затем согласилась поговорить и впустила в домик.

– Хотела ремонт вот завести, подкрасить, – показала на стены, обшитые тёсом и покрашенные в белый цвет масляной краской.

– Надя! Ремонт успеешь сделать, люди к тебе издалека за правдой приехали, интересуются, – попросила Анна Николаевна. Уселись возле стола:

– Надежда Абрамовна, мы знаем, что вы, как и многие жители Покура, Мегиона, Лекрысово, Погорельска, Орехово и других деревень, оказались здесь не по своей воле.

Старушка начала рассказ:

– Жили мы под Шадринском до 30-го года. Отец, Абрам Петрович, трудяга, руки от работы в мозолях да в крови были. Мать, Татьяна Ивановна, домом, хозяйством занималась. С ней нас шесть человек было. Дом свой имели, четыре лошади и три коровы держали. Баня под железной крышей, самовязка и молотяга (молотилка для снопов) были. Отец в колхоз не пошёл, предлагали – отказался. Вот за это, наверное, и сослали. Отца посадили в тюрьму, а потом отправили в ссылку. Конвоир говорит тёте: «Мяса жарь побольше на дорогу. Поедете туда, где Макар телят не пас!» Мяса тогда было вдоволь.

Коников дали, загрузили, как собак: старых, малых. Своих попрощаться не пустили. Я, самая большая, села в короб. Не то что мяса – ни чемоданы, ни мешки не позволили взять. Куда везут – неизвестно. По дороге и выпадывали, и чуть не позамерзали. Кто умрёт, хоронить не давали.

До Нижне-Романова добрались – тут до лета, до весны жить. А как пришёл пароход «Жорес», повезли на нём до Сытомина, расформировали кого куда: кого на рыбалку, кого на строительство. Отец мой был строителем. Начали бараки строить в Сытомине, дома в Зарямье. Там он и умер, а мы одни остались. Как жили – неизвестно», – старушка закрыла лицо руками, утёрла слёзы.

– Ты, Надя, чего уж там, не волнуйся, успокойся, расскажи людям, чтоб знали, как досталось вам. Холод, голод, всё было, подбодрила Анна Николаевна.

– Мы в колхозе в Зарямье у Сытомино были, и нас 15 молодых направили в леспромхоз Сургутский. И лес валили, и другие работы пришлось выполнять. Мужчины работали сами по себе, женщины – сами по себе. Потом замуж вышла, – улыбнулась Надежда Абрамовна, – была Юшкова, а стала Могильникова.

Участок наш лес валил по речкам в тайге: по Покурскому Ёгану, по Куль-Ёгану. Так мы стали жить в Орехово. Детей накопили: пятеро было, четверо осталось. Пока не подросли, в Орехове учились, а потом в Покуре, где-то и фотокарточка у школы есть.

Бабушка извлекла из шкафчика альбом с пожелтелым фото. На снимке у здания с большими окнами группа детей.

– Вот мои в Покуре, – начала рассказывать Надежда Абрамовна, с любовью глядя на фото подростков, узнавала своих детей, – Миша, Коля... А это я, молодуха, только вышла замуж... Это на именинах Могильников со стаканом в руке. А вот в порту, не помню уж где, в Салехард ли плоты гнали, где-то по дороге, или в Покуре на пристани.

В лесу брёвна вывозили к речушкам, к воде, там плоты делали, гнали их к матке. Матку из леса рубили, там дом, штаб, 30 человек нас было, с плотом управляться, чтобы ворота, цепи, якоря вовремя поднять, опустить. На ворот выходили вываживать, свинка держит, ну клин такой. Коли не видели, так не поймёте – плот-то с полверсты длиною, – махнула рукой Надежда Абрамовна. – Отправляли плоты до Салехарда, там сдавали с маткою, да и по дороге оставляли плоты – сдавали в портах. Начальство оставалось с документами, а мы по домам добирались в Орехово, и опять за работу. Так вот Мишку на пароходе, в дороге, родила. Хлеба давали 12 килограмм на месяц работнику, на иждивенца – шесть. Траву ели, пестики хвоща, грибы добавляли в тесто, кости с рыбоучастка брали, и из рыбы муку делали, а не только её солили.

Досталось, особо помолоду: сестрёнку мы тогда потеряли. В коробе, когда везли, брат маленький помер, сестра всё по нему скучала, а когда в первом классе училась, сбежала на пароход, два платьишка засунула в сумку, говорит: «Поеду, братика, может, увижу». Приехала я с покоса – нет ребёнка... Меня и в каталажку сажали: куда девали сестрёнку? Уж потом выяснили – на пароходе до Тюмени довезли её женщина с мужем, в приют сдали. Мы писали брату, брат оставался там, под Коневом, позже на фронте погиб. Но тогда жив был, писал везде. Нашли...

На письма нам дали ответ: есть такая, в возраст войдёт – будет жить у вас. Потом она приехала сюда, вышла замуж и в Москву уехала. Там она и умерла.

А я всю жизнь работала, награды имею и медаль, а другого ничего не заработала. Теперь вот всё болит. – Бабуля вскинула кверху руки, словно сделала взмах топором, и показала на плечевые суставы. – Подруг никого уж почти не осталось... В поссовет приду, на меня козырем смотрят.

Мы утешили, как могли, старушку, да и трудно чего-то пожелать кроме здоровья человеку, которому без малого 90 лет. Прощаясь со стариками, хочется от души пожелать им чего-то доброго...

Но часто бывает так: «Лет до ста пожить вам!» И слышишь: «Да куда уж, свет коптить, прибрал бы Бог скорей...» Пожелаешь здоровья, а в ответ: «Да где его взять, уж всё изболелось, всё износилось, всё изработано». И тут же слышишь: «Хоть немного бы ещё пожить, сейчас только бы жить». Странно получается, что те, кто менее изработанные, давно уже покинули этот мир.

Но есть пожелание, которое нужно всем людям, особенно в той, последней половине жизни, все в нём нуждаются, и сильные, и слабые, а старики особенно – внимание, заслуженное внимание. Наверное, с вниманием жизнь наполняется особым смыслом, что прожита не даром...

– Надежда Абрамовна, побольше вам внимания всех, а в первую очередь – внуков да правнуков! Вот ваше главное богатство, – показали мы на фото четырёх детей, нескольких внуков, правнуков, которые живут на сургутской земле. Часто ли они задумываются, как их дедов-прадедов занесло сюда ветром великих перемен, великих кочевий, или, точнее, великих потрясений. Теперь для них это родная земля. Древо жизни рода Могильниковых разрослось: ветвями, веточками, листочками.

Лицо старушки просветлело.

Мы — с финской стороны...

В деревне так: все знают друг друга, а порой и всё друг о друге. Кто, где, когда родился, когда крестился, когда женился, кто какого роду-племени. Каких только фамилий в деревне Покур в 60-е

годы не было! Одних немецких шесть. Жили в деревне и татары, и калмыки, и западные украинцы. Кто-то прижился, кто-то уехал. Не прижились дружные калмыки, в 1962 году вернулись на волжские просторы. А были среди многих ещё и финны. И теперь нет-нет, да и промелькнёт в округе звучная фамилия нашего северного соседа: Райнаненн, Якконнен, Фоккенен.

Многие старожилы Покура помнят старушку Инненен, или Ниссеннен. Да и трудно не помнить бабулю, которая имела обыкновение ходить в магазин и летом, и зимой босиком. Есть и сейчас там жительница, носящая фамилию отцов, Корханнен. К ней мы, сотрудники мегионского краеведческого музея, и приехали. Спросили прохожую, где проживает старая финка.

– А вам которую? Та, что за немцем Даувальтером была – Мария, так она уже умерла. Если Анну Каблову (по мужу), так вот её дом напротив, вон хозяйка снег с дорожки расчищает. Ой, мы уж и забыли, что её девичья фамилия Корханнен. Анна, принимай гостей!

Пожилая женщина рассматривала нас сквозь стёкла широких очков:

– А, пожалуйте, вы откуда?

Пригласила в дом. Домик на холме смотрит на улицу сверху, создавая чувство лёгкой приподнятости. Внутри всё освещено мартовским светом, льющимся через стёкла высоких окон, через лёгкие жёлтые шторы на оштукатуренные и побеленные известью стены. Перегородка, окрашенная чистой белой краской, сплошь увешана горшочками с цветами, стол рядом также предназначался для цветов.

– Садушки мои, – пояснила хозяйка, – вот весною зацветут, зарадуются, а сейчас только зелень.

На стене портрет молодой хозяйки – необычайно симпатичной, светловолосой, слегка курносой молодой женщины. В углу небольшая икона. Глядя на лицо пожилой женщины, трудно было увидеть в ней представителя нашего северного соседа.

Так и всплывало в памяти «...и рыжий финн – суровый пасынок природы», но стереотип разбивался напрочь. Простое округлое лицо, голубые глаза, да в российских деревнях, кажется, каждая вторая-третья женщина такова.

В разговоре чувствовалось лишь мягкое произношение букв н, л – результат знания другого языка. Часто люди, подумав на родном, помедлив, говорят на русском. Так разговаривала и Анна Степановна.

Хозяйка поставила на стол чай, варенье, печенье.

– Угощайтесь тем, что есть, – как бы извиняясь, указала на стол. – Раньше сын Володя на рыбозаводе работал-то, дак угостила бы и доброй рыбой. Сейчас вот одна живу, все поразъехались. Сын с 16 лет на рыбный промысел угодил, как и родители, – вздохнула, – только на лето дети приезжают чего-то помочь.

– Анна Степановна, расскажите, как вы оказались в Покуре, где вы жили. Мы слышали, что вас сюда эвакуировали во время войны. Откуда вы?

– Мы – с финской стороны. Жили до 42-го года за Ленинградом, километров за 25, до финской границы было рукой подать, как от Покура до Ваты. Село наше называлось Каудаловва. Фамилия наша Корханнен. Отец с матерью родились в 1890-х годах. Я старшая, с 1925 года, брат Степан – с 26-го года, сестра Мария – младшая. Все были крещёные, православные, а говорили на родном, на финском. В четвёртом классе учитель обучал русскому языку. Сейчас вот стала забывать свой язык-то, не с кем разговаривать.

28 марта 1942 года власти собрали нас на станцию, через Ладожское озеро и далее повезли в Омск. Ехали и поездом, и на лошадях, а с навигацией на пароходе сюда. Ждали навигации, ходили обменивали что-то, чтобы жить. Сестра солдатам рубашки шила. В Покуре нас приняли хорошо. Что ещё осталось, обменяли на картошку. Людей определили по квартирам. Кроме нас, финнов, пароход «Третий интернационал» привёз и русских эвакуированных. Во время войны у нас на родине было спокойно, но мы видели, как самолёты с крестами летели город бомбить и зарево над Ленинградом. Там в Каудаловве бабушка у нас осталась с больным дядей.

Здесь на всяких работах часов по десять трудились. На жизнь хватало, но одежду почти не покупали тогда. Всем тяжело было – отец не выдержал, на себя руки наложил в 42-м году. Финны многие работали в рыбном промысле: на рыбалке, на погрузке, разгрузке рыбы, с плашкоута разгружали соль, лёд. Носилки с рыбой аккурат 50 килограммов. Рыбы было много, крупную пластали по спине, мелкую солили, добрую ценную отправляли на завод в Ханты-Мансийске. Ящики – по десять в ряд до потолка. Возле рыбучастка своя бондарная мастерская работала.

Зимою делали заготовки льда в камеры. Камеры наполовину в землю закопаны, чтоб лёд не таял, зимой на лошадях верёвками с

реки его большими кусками – «кабанами» возили. Во время войны ещё рыбную муку делали. Нагреют немного рыбу, в основном щуку, затем отделят мясо от костей, и на мясорубку, а потом фарш подсушат – и на фронт или куда ещё. Нас так и звали «работники рыбного фронта».

Сестра Даувальтер по мужу, она здесь за немца вышла, работала на плашкоуте матросом, точнее, на изотерме – это судно для перевоза мороженой рыбы. Я не раз с ней в Ханты-Мансийск рыбу перевозила. Зимою часто на заготовке леса работали, лес возили к урьям, там плоты делали и гнали к матке. В 1949 году паспорт получили, поехали домой к бабушке, а она уже умерла. В Тюмени мы завербовались в Карелию – 15 лет проработали там на лесозаготовке с мужем, дети народились. Потом вернулись в Покур. Брат сюда собрался, вот и я решила от своих не отставать, да и дети подросли. Сестра Мария тоже здесь осталась, с Даувальтером. А я была работником и рыбфронта, и леса. Последние 12 лет в детском садике работала, уже на пенсию пошла, всё работала.

На родину ездили как-то. Скучали все годы, приехали, не больно-то понравилось, тесно, нет широты. Мы ведь здесь привыкли: народа немного, а всего вдосталь, хоть ягод, хоть грибов, хоть дичи. А доброй рыбы сколько! Бывало, невод воротом вытащат, а там – серебро.

Ворот конём вываживали, я девчонкою коногоном была. Во время войны на заготовках леса пониже Орехова работали, на Туполевских островах. Жили в бараках. Мы были от рыбучастка, а от Орехова – кадровые работники. На воскресенье домой собирались. Днём работали, а ночью одна бригада дороги водой поливала, делала ледяные, по ним легче лес везти.

Народ дружнее жил, день-то наработаешься, а всё равно собирались, где с гармошкой, где с патефоном. И не было ни обувки, ни одеть чего красивого, а всё равно в клуб бегали. Ноговицы оденешь – и на круг. Ноговицы кожаные – это чирки, тапочки с брезентовым голенищем, – пояснила Анна Степановна. – Дружно все в клуб, в кино ходили, пока телевизор от этого не отучил. Сейчас вот соберёмся, все на круг – потопчемся, какой уж танец, – махнула рукой с улыбкой Анна Степановна. – Ленинградских-то здесь сколько много было народа! Концерты сами делали, спектакли ставили. Раз Саша Даувальтер в Пушкина нарядился, да так, что и не признал

никто. А сейчас мы с Катей Мордовских только двое блокадниц и остались.

Дом этот в 1974 году купила, вот в нём и живу. Телевизор, холодильник, шифоньер брала в кредит тогда же. Год как тепло провели, батареи вон, – показала на трубы, – только вот цветам не нравится, многие не любят сухости. В огороде всё сама рощу, иногда дети приезжают, сын, две дочери, сейчас вот Володю жду.

– Анна Степановна, может, что-нибудь подарите нашему музею: старое фото, документ, предмет быта.

– А вот, возьмите, – хозяйка достала из альбома пожелтевший сложенный листок, – 60 лет хранится, да теперь уж тем более без надобности.

Это была справка. Комендант выписал, что берут на сохранность корову. И подпись: «Анна Степановна, десяток лет назад наш народ потерял все свои сбережения, а на сохранность государству отдал в мирное время».

– Дай бог, может, корова наша кому-то из ленинградцев не дала от голода умереть, кого-то поддержала, её ведь увели на убой. Вот в подарок музею прибор, видимо, нитки снурить, на чердаке от старых хозяев остался. Да ещё рубль серебряный с Николаем мне от мамы достался – до революции у нас такие были в ходу. Финляндия с 1918 года отсоединилась, дали ей свободу. По телевизору гляжу, иногда показывают, речь родную слышу, только переводчик перебивает. Как люди живут, нам и не снилось. Недавно показали, что лесоруб у них за месяц получает две тысячи долларов, соседка говорит, что это 60 тысяч на наши, что-то не верится. Да, это так, но жизнь их дорогая. А как лес берегут, воду, даже камни; за костёр не только штраф дадут, а могут и в тюрьму посадить. Мы, наверное, не сумели бы там жить. Мы-то здесь попривыкли повольнее жить. Не привезли бы нас сюда, так и жили бы там. Куда бы мы делись? Ездили бы к родне за границу, мы ведь с финской стороны.

Расима Ибраева

Когда сибиряки шли в разведку...

Мой дед, Чамалетдин Хамидуллович Хамидуллин, известный среди односельчан как Дед Чамака, родился в 1894 году в с. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области, прожил 70 лет. Слыл по всей округе как опытный мастер, который мог за короткие сроки изготовить любую лодку – долблёнку, плоскодонку, каркасную из досок. Он знал толк в древесине, понимал какая порода, для чего подходит. Из черёмухи гнул коромысла, из лиственницы мастерил бочки и т. д.

С супругой Эммекамал воспитали пятерых достойных сыновей и дочь.

Помогли вырастить 16 внуков и 25 правнуков. Семья деда велика и богата. В настоящее время о нём помнят и продолжают его род более 40 праправнуков, у которых есть уже свои дети.

Имея только одну руку, он плотничал, столярничал, рыбачил и огородничал. Мы запомнили его как доброго, надёжного богатыря, который и сказки рассказывал, и в лес нас водил, и немецкому языку учил. Он удивительно ловко управлялся топором, когда колол дрова, умело косил сено литовкой, рубил срубы домов и других построек и работал паромщиком на огромной лодке, управляя одним веслом.

Рядом с ним всегда было много детей, не только родных внуков и правнуков, но и другие деревенские ребята прибегали к нему целой гурьбой. Он с радостью помогал детворе мастерить различные снасти, игрушки. Дети любили его и помогали в хозяйстве своим посильным трудом. При этом совсем забывали о том, что у него всего одна рука, но и сам он этому значения не придавал. Дед наш был весёлым, добрым и любил пошутить.

Как-то 1 апреля, он взбудоражил всю деревню, тем, что у кого-то забыл одну варежку. Вот как это случилось: с утра пораньше он попросил дома найти варежку, одну одев на руку, он показывал вот, мол, одну нашёл, а вторую никак не могу найти. Мы начали искать, всё перевернули дома, а найти не смогли. Тогда он вспомнил, что с вечера был у деда Чалюка (его брат), мальчишки побежали туда.

Через некоторое время вернулись с пустыми руками. Потом дед вспомнил, что заходил к дяде Мингачетдину (третий сын), был у самой старшей внучки и у других.

К вечеру у нас дома собралось много народу, но никто не знал, как помочь деду. Мужчины предлагали ему свои варежки, а женщины порывались связать другие. Он же спокойно сидел у печки, курил свою трубку, поднося её рукой, пустой же рукав из кармана не вытаскивал, словно варежку припрятал в карман и придерживал, чтобы никто не вытянул её. Сам же убеждал всех, что эти варежки ему удобны, он привык к ним и другие ему не нужны, хотелось бы найти именно свою варежку. В тот день вымотал многих деревенских жителей поисками, наравне с детьми бегали, и взрослые и никто не вспомнил, что второй-то варежки ему не надо, он однорук.

В итоге он сам показал пустой рукав. Никто не обиделся, вместе посмеялись. К этому времени у мамы были готовы пироги, за чаем обсуждали как каждый у себя дома и во дворе, потом по дороге к нашему дому искали дедову варежку.

Он был для нас всех и нянем и наставникам, умел через игры втянуть малышей в любую работу, и она не была играющим детям в тягость, какой бы тяжёлой не оказалась.

Я была маленькой и по вечерам, когда он садился и доставал свою резную трубку, любила наблюдать, как набивает табак в неё. И в это время он был более разговорчив, и можно было задавать вопросы, на которые отвечал обычно шутками или поговорками да пословицами.

После войны на огородных грядках дедушка выращивал табак. Мы помогали ему ухаживать за этими посадками. Пололи, поливали. Когда приходила пора собирать листья, он срывал подходящие с кустов сам. Мы завязывали в пучки и потом вместе с ним развешивали их на чердаке. Там был всегда особенный аромат, аромат трав и старины. В одном углу на жердяных вешалах висели валенки. На карнизной опалубке стояли самовары и разная деревянная утварь и короба. На середине стоял большой сундук, в котором хранились меховые шапки и варежки. А на сундуке всегда стоял небольшой деревянный ящичек, мы с сестрой его называли сундучок. Он всегда был закрыт на маленький навесной замочек. Замочек был будто игрушечный, совсем крошечный.

Иногда дедушка в своих сказках говорил, что секрет кроется под волшебным замком и открыть его может только тот, кто знает вол-

шебное слово. Мы знали это слово и иногда забирались с сестрой на чердак, открывали сундучок и играли с его хозяйкой. Своя одежда у неё была старая истрёпанная, и мы из лоскутков шили новую одежду, переодевали её. Приносили ей угощения – карамельку или сахарок. Но она, почему-то не потребляла наши угощения, и они накапливались в сундучке.

Один раз дедушка обнаружил эти запасы, принёс нам назад и объяснил, что наша кукла не может кушать, так как её покинула душа.

На вопрос почему, он ответил, что, когда она оторвалась, кровь из неё вся вытекла, а вместе с кровью ушла и душа. А сама она высохла, и пальцы на ней немного согнулись. Хозяйка сундучка оказалась дедушкиной второй рукой. Он привёз её с войны домой, смастерил сундучок и закрыл его замочком, который открывался очень просто и легко.

Мы знали, что он был на войне. Знали, что вернулся с одной рукой. Старались не расспрашивать о тех годах. Но интерес, куда делась его рука, не оставлял меня, а спросить прямо смелости не хватало.

Когда узнал, что мы с его рукой играем, как с куклой, дед рассказал, где воевал и как потерял руку. Секрет второй руки постепенно раскрывался, и по крупицам складывался образ войны. Жестокой и страшной войны.

Оказалось, что деда с передовой отправили в Омскую школу разведки. Здесь он изучил все типы оружия, научился читать и чертить карты, говорить по-немецки без акцента, хотя ему это не стоило труда. Говор сибирских татар оказался схожим с немецким. В разведшколе выяснилось, что некоторые курсанты любили поговорить, поэтому, по словам дедушки, их учили больше слушать и запоминать, говорить коротко, без мимики и жестов. Во время рейдов в тыл врага нельзя даже курить, чтобы не обнаружить себя, но брали с собой матерчатые кисеты и табак только нюхали.

Многому разведчики учились у опытных охотников, среди которых были и остяки. Охотники – отличные следопыты. В лесу и в поле они легко читали следы по примятой траве, сломанным веткам, коре деревьев и т. д. У опытных охотников, было обострённое обоняние, слух. Они издалека различали запахи пороха, железа, горючего, удивительно точно определяли расстояние до места, где были замаскированы вражеские танки и орудия. В полевых условиях слышали даже запах немцев, прошедших по лесу.

Несмотря на войну, фашисты пользовались духами и душистым туалетным мылом. У нас же, бедных советских солдат, не всегда бывало даже «портяночное» (хозяйственное) мыло. Вместо него часто пользовались щёлоком.

Если в разведгруппе был, хоть один сибиряк, без языка она не возвращалась. Уже, будучи опытным разведчиком, дедушка понял, что у каждой разведшколы была своя специфика, свои плюсы и минусы, но самыми стойкими и надёжными слыли сибиряки.

На войне он и потерял левую руку. Случилось это во время рейда за языком. Тогда втроём разведчики взяли немецкого офицера «с толстой сумкой важных документов». Дедушка и его друг, узбек, тащили упирающегося крупного и тяжёлого немца, а третий разведчик отстреливался от преследователей. Когда его контузило, мой дед и его друг перебежками, отстреливаясь, продолжали тащить языка и раненного товарища.

Когда линию фронта уже было видно, ранило и узбека, из последних сил державшего оружие в руках. Дедушка первым перетаскивал его на несколько метров вперёд, возвращался за немцем, а потом полз за контуженым солдатом. Добравшись до леса, дедушка на немца положил узбека, укрылся за толстой сосной и стал отстреливаться от фашистов. Когда закончились пули, он решил поменять диск автомата. И вдруг ощутил, как что-то крепко прожгло руку, увидел её впереди себя, лежащую на земле и сжимающую автомат. Быстро затянул обрубок ремнем, обмотал его вокруг тела, чтобы не болталась култышка, и стал бросать гранаты в немцев. Уничтожив фрицев, доставил в часть немца и раненных товарищей, не оставил на поле боя и оторванную руку.

По пути в госпиталь, он впервые увидел Рокоссовского. По рассказам солдат представлял его очень крупным человеком, но оказалось, что он не богатырь. А вот воля у него была богатырская. Даже больной, без голоса, не покинул поле боя, стоя на пригорке, командовал жестами, стрелял в воздух, показывая направление атаки.

Возвращаясь с войны в родные края, он привёз домой и оторванную руку. Поместил в ящичек и хранил на чердаке.

За ту операцию, на которой потерял руку, дедушка был награждён медалью «За отвагу», которой очень гордился. А узбек, которого он не бросил в беде, подарил ему свою тюбетейку, сняв её со своей головы.

Николай Черняев

Детство

В деревне дома родственников располагались рядом. Наш дом стоял напротив дома деда Степана Петровича, где проживал с ним младший сын – дядя Андрей с семьёй. Около дома деда проживала его сестра Анна Петровна с семьёй. Между нашими домами был вырыт колодец, где брали воду и другие соседи. В просторных сенях у деда стояли жернова, на которых по очереди мололи рожь, и ступа с пестом, в которой толкли просо на пшено.

Мы, ребятишки были или родственниками, или ближними соседями, живущими рядом из поколения в поколение. Зимой выходили на улицу гулять. Того, кто не выходил, а хотели, чтобы вышел, вызывали таким способом: палками прокатывали сверху вниз по брёвнам стены напротив стола, где обычно находился вызываемый. Получался своеобразный тревожный перестук. Нас взрослые за эту шалость не ругали.

У меня не было валенок, а обуваться в лапти не хотелось, и я часто вечерами читал книжки. Любил читать стихи Некрасова. Отец иногда говорил мне: «Почитай-ка мне Орину – мать солдатскую». Видимо вспоминал службу в царской армии. Как-то вечером я читал Гоголя. До этого прочитал «Вечера на хуторе близ Диканьки» и стал читать «Вия». Мама сидела за прялкой, а я около неё на лавке, свесив ноги под стол. Все уже спали. Тускло светила лучина, и язычок пламени покачивался. Я уже читал о том, как Хома Брут в церкви начертил вокруг себя круг с молитвой и стал читать об усопшей панночке.

Читаю: открылась крышка гроба… Я подобрал ноги из-под стола на лавку и подвинулся к маме.

… Панночка ожила, гроб тронулся и полетел… В это время девчонки палками заскрипели по стене, вызывая меня на улицу.

Я от страха закричал и прижался к маме. Это был первый мой панический страх.

Второй, ещё более страшный случай произошёл со мною, когда я ходил в школу в шестой класс. До школы было шесть километров, и мы выходили из дома ещё затемно. Из нашего конца деревни я был

один. Посередине деревни жил Федюха Морозов. Я заходил за ним, и мы шли уже вдвоём. К нам присоединялись другие школьники.

Люди в нашей деревне, – а это в лесах между Керженцем и Ветлугой, были суеверными и по умершим справляли ритуалы, которых я в других местах не встречал. После захоронения над входной дверью чертили углём или мелом крест (похожий на крест на «Скорой помощи»). На угол снаружи, против иконостаса, вешали оторванный лоскуток от новой домотканой холстины и прикрепляли его щепочкой в щель углового бревна. Этот квадратный лоскут висел сорок суток. По поверью душа умершего сорок дней прилетала домой, но так как крест её не пускал, то она утиралась этим полотенцем.

Той осенью в нашей деревне умерла женщина, оставив грудного ребёнка. Говорили, что её душа огненным снопом влетала в трубу ночью и вылетала на рассвете. Это будто бы мать появлялась кормить ребенка.

Мне надо было проходить около этого дома. В одно утро я шёл, и, как обычно, боковым зрением поглядывал на этот дом. И увидел, как из-за стены медленно движется белый шар. Я с криком бросился бежать. Вбежал к Федюхе в дом, забежал к его матери на кухню и не мог вымолвить ни слова. Она с молитвой умыла меня святой водой, какая находилась в каждом доме от крещенского праздника, и стала успокаивать. Посадила завтракать вместе с Федей, чтобы я немного отвлёкся. Оказывается, хозяин дома нёс в коробе мякину для кур. Короб, сплетённый из белой сосновой щепы, в темноте выделялся, а человека в чёрном не видно. Вот мне со страху и показалось, что белый шар движется сам по себе. Уже после войны, когда я приехал домой и ночью проходил мимо этого, уже не жилого, с заколоченными окнами, дома ощущал какое-то неприятное чувство.

Мой дед Степан Петрович сделал себе гроб задолго до смерти. Срубил дуб, не спилил, а именно срубил. Из него теслом вытесал гроб и крышку, закрепив её шкантами. Ни единого гвоздя в этом гробу не было. Поставил его в угол клети (амбара), где размещались сусеки под запасы зерна. Перед яблочным спасом из черемисских (марийских) деревень привозил воз яблок разных сортов и ссыпал в этот же амбар. До праздника яблочного спаса есть яблоки было грех. И чтобы мы, его внуки, не согрешили, нам говорили, указывая на гроб, что это «тот свет», он всё видит. И мы со страхом поглядывали на «тот свет» и не брали яблок. Была ли эта дедовская прихоть

постройки гроба без гвоздей связана со старообрядчеством или что иное, я не узнал. Остальным всем делали гробы из досок и сбивали гвоздями.

У дедушки был посеян горох, а впереди вдоль речки лён. Как-то раз мы, его внуки, чтобы нас не видели, от речки проползли к гороху по льну, нарвали стручков за пазуху и обратно вновь поползли уже другим путём. Таким образом мы помяли лён дважды. Уже дома я из окна увидел (наши дома были напротив через дорогу), что дед ускоренным шагом идёт с поперечником в руках. Спрятался под кровать, но это меня не спасло. Дед, не говоря ни слова, вытащил меня и жестоко отхлестал. Отец и мама были дома, но за меня не заступились. Такая же участь постигла и других внуков и племянника. Нам объяснили, что дед побил нас не столько за горох, а за помятый лён.

У нас тоже был участок, засеянный льном, и когда нам было лет по семь-восемь мама брала нас с собой теребить лён. Он выдёргивался очень легко, и мы старались складывать ровненько. Мама нас за это хвалила, и сама выровняв, вязала небольшие снопики. Лён молотили не цепами, а кичигами. Из семян на маслобойке получалось масло и жмых (дуранда) похожий на халву. На маслобойке две лошади на противоположных концах ходили по кругу и специальным устройством выжимали масло из семян. Мы, ребятишки со всей деревни ходили макать хлеб в масло, когда оно стекало по жёлобу в ёмкость. Маслобойка принадлежала одному жителю деревни, и за определенную плату ею пользовались все.

Обмолоченные стебли льна расстилали тонким слоем на пойме речки, и они мокли под дождём и туманной сыростью. Затем их сушили в банях и на мялках отделяли кострику от волокна. После чего волокно трепали, чесали и получали чистое волокно куделью. Пряли на ручных прялках, где веретено вращали пальцами, скручивая нитку. Позднее появились прялки с ножным приводом. Из пряжи на ткацких станках (кроснах) ткали холсты разного назначения. Холстину выстилали на снег, где она под мартовским солнцем становилась белее и мягче. Из холстины шили рубахи и штаны. Рубашки вышивали по вороту и рукаву. Окраска холста тоже проводилась вручную, и всё это делали наши матери и старшие сёстры.

Я любил смотреть на цветущий лён. Это сплошной синий ковер. Землю для посевов делили каждый год. Более плодородную и

землю похуже делили отдельно на всех. Получались полоски в разных местах с другими соседями. Засевали каждый по-своему разными культурами. Во время цветения поле напоминало огромное разноцветное (лоскутное) одеяло. Весной, когда появлялись проталинки, мы босиком сбегались туда и играли в козны (бабки), чижик, лапту и другие игры. Свою эту природную обувь не меняли до поздней осени. Ноги у нас были в цыпках всё лето.

В пойме реки Люнды, впадающей в Ветлугу, рос дикий лук. Мы бегали туда километра за три и ели эту очень сочную зелёную траву со вкусом лука. Когда появлялись листья у липы, мы ели эти мягкие пресные листья. А уж когда начинала поспевать земляника, мы по нескольку ягод завёртывали в липовый листок, и это называлось у нас пироги с земляникой.

Лес у нас рядом с деревней. В лесу много ягоды земляники, черники, на горельниках сплошные заросли малины. Собирая малину, иногда встречались с медведями, тоже любителями этих ягод. На сухих болотах было много голубики, и там же заросли багульника. Нам говорили, чтобы в жаркий день не заходили далеко от леса. В середине болота от запаха багульника можно уснуть. Особенно любили собирать бруснику. За ней ездили на лошадях в сосновый бор и собирали её в набирки, кузова и даже иногда брали кадушки.

Однажды мы ушли за брусникой километра за три-четыре от деревни. Ягод было много. Кисти большие, ягоды спелые, собирались споро. Я набрал полную набирку и высыпал в кузовок, который носил за спиной. Кузовок был сшит лыками из луба и бересты. Очень лёгкий и удобный. Напал на поляну сплошь покрытую ягодами и стал собирать. Уже вечерело, и все стали перекликаться, чтобы идти домой. Я молчал, не хотел, чтобы пришли на эту поляну. Голоса стали удаляться, а я всё собирал. Когда набирка наполнилась, я побежал догонять, но голос не подавал, думал, что догоню. Начинало темнеть, и я понял, что заблудился. Мне стало страшно.

В деревне у нас люди суеверные и верили во всякую нечистую силу. Я устал и не знал куда идти. Около толстой сосны, на сухом песке, с молитвой очертил большой круг, как Хома Брут в церкви, и лёг спать на этой неприкосновенной территории. Проснулся я от холода. Уже рассветало. Вскоре я вышел на песчаную дорогу и увидел следы босых ног. Пошёл не по следам, а в противоположную сторону. По этой дороге я вышел в поле и встретил людей из села

Нестиары. Они меня вывели на дорогу, ведущую в нашу деревню, и километров через десять пришёл домой. Меня уже искали.

Осенью любил ходить в овин, где сушили снопы для обмолота. Летом не успевали убирать урожай. Рожь жали серпами, связывали в снопы этой же соломой. Снопы ставили в суслоны и покрывали снопом в виде развёрнутого зонта. Осенью эти снопы свозили на гумно, крытое соломой, и складывали. Вот эти снопы и сушили в овинах для лучшего обмолота. Овин представлял из себя сруб с крышей, без окон, потолка и пола. Под крышей настилали из жердей сушила. На эти сушила укладывали снопы и внизу разжигали из дров теплинку. Дверь закрывалась, и тепло, поднимаясь вверх, сушило снопы. Около огня дежурили и разговаривали о разном. Я любил слушать эти разговоры, а ещё больше любил есть картошку, испечённую в горячей золе.

Зимой в морозные дни девки и парни снимали квартиру у одинокой бабушки для посиделок. Это было что-то вроде клуба и называлось беседками. Ребята обеспечивали дровами, а девушки следили за чистотой. Во время посиделок девушки пряли пряжу, пели разные песни. Ребята разными шутками завлекали их и через посредников брали веретено и требовали выкуп – это на кухне за перегородкой поцелуй в щёку. Это была весёлая игра, ни к чему не обязывающая, и партнёры в разные вечера менялись.

Я в детстве переболел золотухой, на шее был большой нарыв. Отец проткнул его насквозь, и у меня образовался большой шрам с отверстием между частью кожи и шеей. Мне за перегородку принесли веретено для выкупа, но девушка с брезгливостью сказала: «Отдай, леший гнилой, веретено, а то батьке скажу». Я не особенно обиделся, ведь я и на самом деле был худосочным и бедно одетым. Но задумался и решил во что бы тони стало выбиться в люди. Но на эти посиделки так же продолжал ходить, так же приносили мне веретёна от разных девушек, и я с разными прибаутками возвращал их без выкупа. А у девицы, обозвавшей меня, веретено в ту зиму больше никто не забирал.

Жил в нашей деревне сапожник, звали его Петров. Не знаю, это была его фамилия или отчество, но так его все звали. Он был невысокого роста, сухощав, с каким-то добродушно-лукавым взглядом. Жили они с женой вдвоём бездетными. За работу он брал недорого, а совсем бедным за небольшой ремонт говорил: «Когда

разбогатеешь, тогда и расплатишься». К нему сходились мужики послушать его рассказы, пока он чинил им обувь. В деревне знают всю подноготную каждой семьи, и он рассказывал это в виде сказок, примерно так: «В одном селе жил мужик неглупый, как он думал, работящий, как он себя считал, а дела у него шли вот так-то…» Все смеялись, а кто больше всех смеялся, переходил на другой рассказ.

«Или вот в другой деревне жил тоже видный мужик», и рассказывал что-то похожее уже на того, кто больше смеялся. На него не обижались. Он в своих сказках с сочувствием относился к этим работящим, но забитым бедностью неграмотным людям. Или во время престольного праздника Троицы: молодёжь и гости из ближних деревень с гармошкой и песнями ходили из конца в конец деревни, взявшись под руки. На середине деревни около магазина останавливались, танцевали, плясали с частушками.

Парни вызывали друг друга на борьбу или по ушкам. По ушкам – это когда руки соединяли и прикладывали к своему уху.

Договаривались друг с другом и по очереди ударяли по сложенным ладоням. Выбранные судьи следили за соблюдением правил. Иногда договаривались, кто послабее – бьёт два раза, а в ответ получает один удар, иногда падает от него. Когда это гулянье в разгаре, Петров в белой вышитой рубахе, подпоясанной пояском с кистями, выходит и говорит на полном серьёзе:

«Я знаю разные приёмы как надо бороться. Кто хочет попробовать – подходи». К нему подходит здоровый сильный парень, но Петров говорит, что с одним бороться не интересно, вот если ещё найдётся кто смелый… Я и двоих сразу уложу. Выходит ещё крепкий парень, но уже вызов воспринимает с юмором. Петров входит в раж, ощупывает их плечи, имитирует выпады, как он может свалить обоих. Затем отходит от них подальше и говорит: «Ну, не дураки ли большие, а без гармони». Толпа хохочет, веселье продолжается.

Но в этот праздник у взрослых мужчин свои разборки. Если кто-нибудь за год сделал много плохого, то его Маленчик (так звали Ивана Ивановича Вавина за его большой рост и великую силу) обнимал и говорил – хороший ты мужик, все мы тебя полюбили, дай-ка я тебя пожалею, и сжимал его как удав.

Рядом стояли мужчины, чтобы не вздумал кто заступиться. Но это делалось справедливо от имени большинства жителей. А вот сын его Савелий, тоже обладающий большой силой, шофёр

леспромхоза издевался над более слабыми шофёрами без всяких на то оснований. И один из обиженных после его унижений ударом ножа отомстил за всех.

Но вернёмся к Петрову. В крепкий зимний мороз едут на базар несколько подвод. Дорога дальняя и всё лесом. На какой-нибудь подводе собираются по три, пять человек, большинство в добротных овчинных тулупах. А Петров в суконной поддёвке больше идёт рядом, чем сидит. Вот один из богатых седоков в тёплом тулупе говорит: знатный морозец, знобит, да не скажу кого, намекая на Петрова. Тот моментально парирует: да разве ты скажешь, что от Спири (Спиридона) твою Фёклу знобит. Не было кому записать его сказки и экспромты, а это был своего рода деревенский «Василий Тёркин».

В голодный тридцать третий год есть было нечего, а соседка спрашивает у нашей мамы, нет ли аппетитных капель. Стойкий, неунывающий характер наших людей проявлялся и проявляется в повседневной жизни.

Языческий праздник – масленицу отмечали особенно празднично. Проращивали рожь, готовили солод, и в больших глиняных корчагах варили сусло. Пекли блины, пироги, и соседи ходили друг к другу в гости, угощая самым лучшим, что у них было.

Лошадей за неделю до праздника усиленно кормили овсом. И вот выезжают со всех дворов отдохнувшие лошади, запряжённые в разукрашенные санки. В гривах коней вплетены разноцветные ленты, и на дугах ленты и колокольчики. Празднично, весело, все нарядно одетые. Нас на дедушкиной лошади прокатили по всей деревне из конца в конец. Затем разрешили проехать одним. Наказывали с дороги не съезжать из-за глубокого снега, а кричать, чтобы с дороги уходили. Правил лошадью дедушкин племянник, сын его сестры Василий Прокудин, тоже погибший на войне.

Проехали по всей деревне, развернулись и помчались обратно. Уже недалеко осталось до дома, как на дорогу вышел Терёха. Мы дружно закричали, но он продолжал идти. Сбили его и подъехали к дому. Отдали лошадь, а сами разбежались, ожидая наказания. Оказалось, что этот Терентий был глухой. Его санками отбросило в снег без ушибов.

В начале праздника жгли большой костёр один на всю деревню, около ворот, через которые проезжали, вернувшись с базара люди.

Мы ворота закрывали и требовали выкуп. Среди проезжавших были чьи-то из нас отцы, деды, дядья и давая своим гостинцы, угощали и всех остальных. Тогда мы широко отворяли ворота и кричали, «здравствуй, масленица!»

Через неделю на прощёный день мы вечером вновь зажигали костёр, но уже на пригорке, ведущем в пойму речки. Спуск был не очень крутой, но достаточный, чтобы на санях без лошади, как Емеля, съезжать до самого Быстреца с криками и визгом. За одной группой на других санях так же катилась другая, за второй третья и так далее. Сани оставляли в таком виде, как они останавливались. Костёр усиливали и дружно кричали: «прощай, масленица!» В этот прощёный день никогда никаких драк не возникало. Утром взрослые разбирали свои сани. Нас за это никогда не ругали.

Когда застывала речка, мы выходили кататься на лёд. Кто просто на своих лаптях, а кто постарше на деревянных коньках. У начинающих лезвие конька было широкое, сантиметра полтора. На таких легче было учиться. У некоторых лезвия коньков были оббиты полосками жести. На таких коньках скорость увеличивалась. От катания на льду лыки в лаптях быстро изнашивались. Мы с другом отрезали гужи у хомута, нарезали тонкие ремешки и вплетали их в ячейки лаптей. Так лапти дольше не изнашивались и лучше скользили. Лыжи делали из ольхи. Они лёгкие, и снег меньше прилипает.

Первый первомайский праздник запомнился так. Несколько человек с красным флагом (на две чисто остроганные палки привязали красное полотно длиною метра два и шириной сантиметров в семьдесят) напористо шли по улице. За ними бежали мы – толпа босоногих мальчишек. И ещё мы в школе готовили концерт на этот праздник. Около крыльца школы собрались родители всех трёх классов. Разыгрывали пьесу, где были кулак, батрак и Первомай. Я в пьесе играл Первомая.

Мама покрасила мою холщовую рубашку в какой-то красно-бурый цвет. Первомай должен быть в красном.

Сцена первая.

Ученики изображали гуляющую публику с гармонью, плясками. Среди них был и батрак, одетый хуже других. Входит кулак в чёрной поддёвке с большим животом и приказывает батраку: «Марш домой садить картошку. Я добром тебя прошу».

Батрак: «Дай, послушаю гармошку, да с братвою попляшу».

Кулак довольный собой прохаживается и говорит: «Эх ты, жизнь моя, малина. Прошка тут и Прошка там», – и повернувшись к батраку строго ему, – «Пошевеливай, скотина, а не то по шее дам».

Батрак неожиданно дерзко: «Мы по шее сами смажем, нынче нету дураков. Обожди, мы вам покажем, как позорить бедняков».

Слов Первомая не запомнил ни одного. Такое восприятие классового расслоения деревни.

Около правления колхоза, на улице проводилось какое-то собрание, и надо было выбрать делегата в район. Кто-то на смех предложил избрать Домну Ефимову, самую неряшливую женщину в деревне, но активную комбедовку. Проголосовали и с тех пор её стали звать делегаткой. В деревне создавали колхоз. Лошадей сводили в одну конюшню. Люди вступали неохотно. Некоторые сами не шли и отговаривали других. По какому-то поводу из района приехал следователь. Его называли угол розыска (уголовный розыск), а фамилия Каменев.

Взрослые говорили об этом с каким-то страхом. Мы, ребятишки, тоже обсуждали, кто что слышал. Я предложил создать «самосильный уголок» даже сильнее уголрозыска, а себе придумал фамилию Кремнев. Через дорогу от нас жила семья инвалидов. Хозяин дома Антон с детства хромой на обе ноги. Жена его Фёкла тоже инвалид, не действовала одна рука. У них были дети – сын Иван, звали мы его Ванька Антонов, не знаю, это его фамилия или просто по отцу называли, и дочь. Ваня был старше меня на год. Родители у них ходили по миру, собирали милостыню. Под окнами домов они певучими голосами просили: подайте милостинку Христа ради. Им подавали ломоть хлеба, кусок пирога, а где отказывали, говорили, бог подаст. Тогда они шли к другому дому, повторяя эту процедуру. Это была своего рода соцпомощь.

Они уходили в разные деревни и приходили только на другой день. Я часто находился у них. С Ваней играли в шашки. Шашки мы делали из липы: нарезали цилиндриков со спичечную коробку и кололи их на две половины. Разбрасывали на стол эти шашки и щелчками били одной в другую. Когда эта нехитрая игра надоедала, залезали на печь и слушали, как завывает ветер в трубе, и говорили о чём-то. Под вечер нищие приходили домой, высыпали из котомок всё собранное и начинали сортировать. Цельные куски откладывали для сушки. Надкусанные пироги и ватрушки складывали отдельно и давали нам с Ваней.

Однажды наши матери нас с Ваней взяли с собой на базар. На базаре было много разного товара: глиняные горшки, плошки, кринки, игрушки из глины, свистульки. Из дерева бочонки, кадушки, деревянные лопаты, лапти, кузовки, набирки, корзинки. Из пряностей – калачи, кренделя, пряники разных форм, мёд. Купили нам калач пышный с удивительно вкусным запахом и плошку жидкого свежего мёда. Этим мёдом мы с другом объелись, и в дальнейшем я мёд не ел.

В районном центре Воскресенское, где проходил базар, наши деревенские снимали квартиру для ночлега, вроде дома заезжих. Это был просторный пятистенный дом, чисто вымытый. В то время потолки, стены не белили и полы не красили. Всё было натуральное дерево. Мыли водой, тёртым кирпичом и хвощём.

Второй раз я попал в Воскресенское вместе с ребятами на какие-то соревнования. Зашли в магазин, на витрине под стеклом увидели конфеты «Арктика». Нас было пять человек. Пока продавец продавала разные продукты, мы загородили собой витрину, приподняли стекло и взяли пять конфет в очень красивой обёртке и ушли. Возможно, продавщица и заметила наши проделки. Но мы взяли только пять конфет, а на витрине их было много.

Всегда горячие

После двухмесячной учёбы в пятом классе я был вынужден оставить учёбу и стал нянчиться с ребёнком у моего дяди по материнской линии Павла Михайловича. Жена его, Анна Андреевна, преподавала в школе, и с её помощью я изучил школьную программу за пятый класс. Мне выдали справку об окончании пятого класса неполной средней школы. Павел Михайлович работал бухгалтером, но за пьянку был уволен и временно работал в лесничестве. Заготовлял хворост-неликвид.

Один день он взял меня убирать этот хворост и складывать для замера кубатуры. Позднее я узнал, что это была прочистка молодняков, где вокруг сосёнок вырубались осиновые и берёзовые стволики, чтобы на площади оставалось больше сосновых деревьев, как более ценных.

Во время летних каникул Анна Андреевна получала отпуск, и я мог ехать домой, но одного меня не отпустили. За мной приехал отец, и мы поехали через город Горький. Там на привокзальной площади я впервые увидел так много людей, и все куда-то спешили. Ребята моего возраста торговали обычной питьевой водой в эту жару. Женщины торговали пирожками. Перебивая друг друга, кричали: «Пирожки! Пирожки! Всегда горячие». Я недоумевал, как они могут быть всегда горячими. Отец купил мне два пирожка. Они были чуть тёплыми, но далеко не горячими и даже не допечёнными.

Я вспомнил суетливую привокзальную толпу и тех торговок «горячими пирожками» в связи с предвыборными обещаниями всех претендентов на президентских выборах и чиновников разных уровней, у которых ими «испечённые пирожки», как у тех базарных торговок «всегда горячие».

Разные судьбы

Вспоминаются из детства случаи, которые могли оказаться трагическими. Мы с Виктором Вавиным (сыном Маленьчика, они жили рядом с моей бабушкой), в одно воскресенье, когда мать его куда-то ушла, наломали коробок дурмана, вымыли, положили в глиняный горшочек и поставили в горячую печку томить. Нам кто-то сказал, что от дурмана человек становится как пьяный. Через некоторое время получилась коричневая масса вроде варенья. Вынули из печки и стали пробовать, но так как этот сироп был очень горячий, мы стали ждать, когда он остынет. На наше счастье пришла Витина мать, подняла шум. Пришла моя бабушка Василиса Кузьминична и соседские женщины. Стали заставлять нас пить молоко и спрашивали сколько мы слизали этого яда. Но поскольку мы не успели попробовать своё изделие, то всё обошлось благополучно. Нам объяснили, что этот яд хуже белены, и дурман повыдергивали и уничтожили. И второе. Мы втроем: Витя Вавин, Федюха Морозов и я решили убежать из дома в город Горький. Пошли не в сторону Семёнова, а прямиком через Керженские леса в Горький. Дошли до села Нестиары, где у Виктора были родственники. Они узнали о цели нашего похода, и мы были возвращены домой, так и не испытавши самостоятельной жизни.

Виктор был очень сильный, как и все Вавины. На фронте был ранен, получил инвалидность (атрофия руки). После войны устроился в г. Горьком на работу, связанную с поездкой в Монголию. Подделал какие-то документы и получил партию каракулевых воротников. Приехал домой очень богатым и довольно щедрым, многим раздал подарки и уехал снова на работу. Но вскоре был арестован и осуждён.

Рассказывали, что после отсидки срока или амнистии пришёл домой уже не щедрым богачом, а пьяницей, который терроризировал своих близких родственников и соседей. После одного из скандалов он умер в бане. Говорили, что его отравили угарным газом, закрыв трубу в бане при горящих углях. Я восьмидесятилетним ездил на свою родину и со своим внуком посетил кладбище. Попутно с сыном двоюродного брата разыскал могилу Виктора Вавина. Она находилась вдали от могил родных, на конце кладбища и не огорожена. На других же могилах Вавиных, в том числе и у Савелия, которого заколол шофёр, стоят надгробия и приличная металлическая ограда.

Большим праздником для нас был приезд цыганского табора. На нескольких подводах рысью въезжали в деревню. Сворачивали в пойму реки Быстрец. Там появлялись шатры и костры около них. Звучали удары молотков по наковальням. Цыганки очень проворные, в разноцветных широких, длинных юбках растекались по деревне гадать. Мы сбегались к кострам. Нас очень приветливо встречали, показывали кинжалы и предлагали нам сделать такие же из старых напильников за куриные яйца. Новых напильников брать не велели. Вечером табор оживал. Слышались цыганские песни, громкий своеобразный приятный говор и пляски цыганят. Пышные перины и весь дом у них всегда с собой, и везде у них Родина. Свободный своеобразный народ.

Уезжали так же внезапно, как и появлялись. После их отъезда наши матери не досчитывались яиц в корзинах, у отцов терялись старые напильники, а женщины недоумевали, как они отдавали цыганкам свои вещи за гадание.

На фронте цыгане мне не встречались, а вот в госпитале видел одну цыганскую девушку, раненую в ягодицу. Было ей около двадцати – двадцати двух лет. После войны цыганам определили постоянное место жительства в разных областях и обязали устраиваться

на работу. В нашем посёлке остановилось их семей десять, и только один поступил на работу в химлесхоз. Остальные мужчины не работали. Устраивали постоянные пьянки и разборки между собой. Их барон Роман не пил (у него была язва желудка) и регулировал их взаимоотношения. Цыганки гадали в посёлке, где было пять тысяч населения и в окрестных деревнях. Теперь цыгане сменили лошадей на легковые машины, а бароны – шатры на роскошные особняки и стали более высокомерными.

Приходилось общаться с евреями. Зимой сорок пятого года уже в Восточной Пруссии к нам на фронт прибыл капитан из охраны Кремля. Ему было лет за тридцать. Его назначили командиром стрелковой роты нашего батальона. Во взводе связи не хватало телефонных аппаратов, и мы с ним пользовались одним аппаратом на стыке рот. На фронте он был впервые. Мы с ним познакомились, и я рад был, что рядом старший по званию, возрасту и образованию. Он был кадровым офицером и службу проходил в подразделении по охране Кремля с начала войны. По национальности еврей. Говорили с ним о многом, но о службе по охране Кремля он ничего не рассказывал. Мы вели наступательные бои, и потери в ротах были значительными. А конца войны и в помине не было. По этому поводу он высказывал свои соображения, что раз освободили свою территорию, то можно бы войну и закончить.

Во время очередного наступления он был ранен пулей в живот. Я был рядом и видел, как быстро он бледнел, становясь как-то необычно белым. Я приказал своим и его связистам осторожно нести его в санбат на плащ-палатке вчетвером. Ему высказал надежду на выздоровление, но он знал, что ранение в живот очень опасно. Уже слабея, сказал мне, чтобы я постарался остаться живым и не подниматься первым в атаку.

Летом много времени проводили на реке Быстрец, вытекающей из озера Нестиар. Озеро достаточно глубокое, до двадцати метров, и площадь водного покрова около тридцати га. Вода в озере чистая, а в речке, протекающей через лес, чистейшая. В речке было много рыбы и раков. Раков в пищу не употребляли и их не ловили. Ели их только городские. Зелёных раков кидали в кипящую воду, а после варки доставали их красными.

Рыбу взрослые ловили только перед праздниками бреднями и недотками. Мы бегали смотреть, как выбредая на берег в мотне

билась разная рыба. Особенно энергично плескалась крупная щука, и безразлично относился налим. Ловили столько, чтобы хватило на уху и пироги с рыбой. Лишнего в запас не ловили, а мелкую отпускали обратно в речку. На речке были бочаги глубиною до двух метров, шириною пять-шесть метров и длиною до десяти метров. В таких местах водились щуки и налимы. Там мы рыбачили по-своему. Делали в узких местах перед бочагом запруду, и при выходе из бочага тоже запружали. Получался замкнутый водоём. В нём с разных сторон боталами мутили воду. В мутной воде рыба подплывала к берегу, где вода очищалась быстрее, и высунув голову с жабрами, стояла неподвижно в воде. Первыми появлялись щурята, за ними крупные щуки, и в последнюю очередь появлялся большеголовый налим, где-нибудь между корнями деревьев и корягами.

Ловили такую рыбу решётками или даже просто руками. Решётки плели из луба диаметром сантиметров сорок и высотою сантиметров двадцать – тридцать. Дно заплетали узкими полосками лыка с сантиметровыми ячейками. В мелких местах много водилось огольцов (по-местному месказобов), и в чистой воде их хорошо было видно. Особенно много их скапливалось на маленьких водопадиках. Они были небольшие, сантиметров восемь-десять, толстенькие и без чешуи. Ловить их было просто. Иногда вилкой, действуя как острогой, налавливали пол-литровую банку. Чистили и тут же у речки варили в подсолённой воде. Уха получалась очень вкусная, особенно когда добавляли пшено и лук. В заводях в стоячей воде водились вьюны. Мы их ловили, но не ели. Они похожи на ужей, только поуже и повыше.

Но больше всего в жаркую погоду мы купались в Вершинке, так почему-то называли большой бочаг, очищенный и пригодный для купания. Берег был чистый, пологий. Мы глубину определяли по-своему: по колени, по пояс, по грудку, по шейку и с ручками. Это когда взрослый уходил под воду с поднятыми вверх руками. Купались большими ватагами со всей деревни, где старшие ребята учили младших. Их допускали купаться там, где вода было по колено. Там они ложились грудью на берег и ботали ногами об воду. Затем и грудь в воде, на берегу только голова. После этого заходили, где вода по пояс и учились опускаться с головой под воду. Пробовали нырять. Постепенно начинали плавать по собачьи и привыкали держаться на воде. Постарше ребята переплывали бочаг на другой

берег. С крутого берега прыгали в воду и ныряли, кто дольше продержится под водой. Купались до посинения и отогревались на песчаном берегу.

Всё это проходило без надзора взрослых, но не было случая, чтобы кто-то утонул во время купания не только в нашей деревне, но и в других сёлах. А вот взрослые иногда при купании тонули, когда были пьяные. Мой однокурсник по лесному техникуму, Сухарев Николай Семёнович, богатырского телосложения и добрейшей души человек, прошедший войну без ранений и сохранивший отличное здоровье, погиб при купании.

После войны он работал матросом на маленьком мелководном пароходике, курсировавшем от районного центра Воскресенское до станции Ветлужская 80 км. Этот плавучий транспорт останавливался у каждой деревни, расположенной на берегу Ветлуги, обслуживая пассажиров при поездках туда и обратно. На берегу реки Ветлуги недалеко от районного центра расположена его деревня. Я во время учёбы в техникуме несколько раз ночевал в доме его трудолюбивых и гостеприимных родителей.

Его детство прошло на берегу этой реки, здесь он научился плавать и нырять. Долго мог держаться под водой при нырянии. Иногда, ныряя, менял направление, выныривал около берега, заросшего кустарником и, набрав воздуха, снова медленно опускался под воду и выныривал там же, где нырнул. Этот же трюк он проделывал при купании и взрослым, вернувшись с фронта.

Место купания вспоминается, как одно из любимых мест общения с ровесниками в детстве. Вот и он приехал в отпуск из Ульяновской области, где работал лесничим, с любимой женой к дорогим и любимым родителям. Встретились с родственниками и решили организовать маленький пикничок на берегу реки в том месте, где вместе купались в детстве и юности. Немного выпили. В компании были только он с женой и сестра жены с мужем. Радовались жизни, было тепло и солнечно, решили искупаться. Николай с берега с разбегу нырнул и долго не появлялся. Думали, что он вынырнул где-нибудь у заросшего берега. Первой забеспокоилась жена. Стали искать в разных местах по течению реки и нашли его уже утонувшего.

Он счастливо закончил войну, приобрёл специальность и женился на любимой девушке. Жизнь его оборвалась в счастливом

полёте, коснувшись чистой речной воды. Он не испытал ни болезней, ни старости. Ему не было и тридцати лет. Мы на фронте мечтали, хотя бы один день побыть дома, и тогда можно идти счастливым в смертельный бой. У него эта мечта сбылась.

Он из жизни ушёл самым счастливым.

Эльвира Ганеева

Попутчик

(Хроника одной поездки)

14.00. Город Екатеринбург.

– Поезд Волгоград – Нижневартовск прибывает на первый путь, – раздаётся сигнал на старт в зале ожидания. Отъезжающие, как один, срываются со своих мест и, увесившись поклажей, устремляются к выходу.

Тепловоз, тяжело стуча колёсами, проплывает мимо перрона и, устало вздохнув, останавливается в конце пути. Из вагона 12 повалил народ – всё крепкие красавцы, нагруженные рюкзаками и прочим туристическим скарбом.

Вот, оказывается, где мужики. То-то, я смотрю, их нигде не видно. А они всё по горам, да по долам – сплошь в походах. Что они там роют, что ищут? Так что девицы на выданье и незамужние барышни не отчаивайтесь – смелее в лес, за женихами.

Идёшь себе так тропой нехоженой, видишь – блудит молодец силы богатырской. Чуть замешкался – хватай его одичалого и домой.

Взбираемся с провожающей меня пожилой тётушкой в тамбур, идём узким пустым коридором и, отыскав указанное в билете место, падаем на него со своими пожитками.

Купе оказалось обитаемым. Перед нами стоял мужчина средних лет, тощий и жилистый, с острым проницательным взглядом и свежей щетиной на впалых щеках. Убедительно выглядел нос, казавшийся выдающимся на его худом лице.

– Вы здесь один? – спрашиваю я.

Он, по-хозяйски оценив обстановку:

– На вторую полку не полезу.

И испарился. Моя спутница по-отечески советует:

– Поменяйся с кем-нибудь местами, очень уж вид у него неблагонадежный и лицо какое-то уголовное.

Успокоив её, я вскоре с ней прощаюсь и, она, осенив меня крестным знамением, растворяется в привокзальной толпе.

Поезд, медленно набирая обороты, отправляется в путь. А я остаюсь с незнакомым мне мужчиной tet-a-tet.

– Дело житейское, – уверяет меня продавший билет кассир, – познакомитесь...

Жребий брошен. Поехали.

Действительно, где ещё можно так легально, на законных основаниях уединиться с мужчиной, как не в купе. Сосед, поначалу уткнувшийся в журнал с кроссвордами, вскоре его откинул, и с ходу перешёл на «ты». Выясняется, что наше совместное проживание продлится чуть ли ни сутки.

– Иван, – вдруг опомнившись, представляется он и, хватая мою ладонь, деловито её трясёт.

Не успев понять, в чьих руках оказалась, я на миг растерялась. И после затяжной вопросительной паузы выжимаю из себя своё имя. Товарищ попался словоохотливый.

– Тут до тебя ехал мужчина, важный такой – в галстуке и пиджаке. Всю дорогу спал. «Разговорчивый» был. За весь день я от него и услышал, что два слова – куда едет, да откуда. Ну не хочет разговаривать, чего навязываться.

И он, увидев во мне благодарного слушателя, решает наверстать упущенное. И узнаю я, что мой попутчик родом из деревни, что под Самарой. И вот уже восемь лет, как живёт на севере и работает водителем. Что у него вторая жена и двое детей. Что ездил навестить отца, у которого вот уже как год умерла жена, и вдовец от горя запил, а через два месяца завёл другую. Что пока ехал к нему, повредил ногу, свалившись с верхней полки, и теперь ни за что не согласился бы туда взбираться. И ещё многие и многие подробности его частной жизни.

16.00. Камышлов.

В вагоне душно. Мы с Иваном дружно и чинно, как в хорошей добропорядочной семье, пьём чай. Он вспоминает, как в таком же

жарком вагоне ехали с ним две набожные женщины в платках и строгих одеждах. Одна среднего возраста, другая совсем юная. Одной повеселиться бы, да побегать, другая так её и стережёт, так и усмиряет.

– Я так по-доброму советую той, что постарше: – Что ж вы томите девчонку, скинули бы облачения – совсем она у вас упарилась. Не послушала.

А за окном показалась деревня. На улицах – ни души. Как будто всё повымерло. Проносятся её убогие строения, какие встречаются по ходу движения всех поездов. Некоторые – брошенные, смотрят на нас пустыми глазницами окон. А вот, среди растащенных брёвен, как после пожарища, одиноко возвышается печь, некогда дававшая тепло, кормившая и теперь никем не растапливаемая, но ещё жаждущая кого-либо согреть. Следом – полигон танков, бронетехники и тяжёлой артиллерии. Может, бойцы тут так постарались? А может это памятник истории и охраняемый объект?

18.00. Талица.

– Может за пивом сбегать? – говорит Иван. Я отказываюсь.

– Ну ладно, водку предлагать не буду. – И продолжает. – Что сейчас хорошего в деревне? Всё развалилось, все разбежались. Остались старики, да пьяницы. И я пил, а что там ещё делать. Там один тариф – бутылка. В холодильнике вроде и мяса, и масла полно, а денег нет. Теперь я волен выбирать. Захотел яблок – купил. Сыра – пожалуйста. Отец уговаривает вернуться, а я ему говорю: – Вон видишь, Генку с Гришкой, песни в обнимку орут? Хочешь, чтоб я был третьим? Ни за что. Когда жил в деревне – скот забивал, вот там платили. Иду потом, машу на радостях, как флагом пятидесятирублёвой купюрой. Не всех звали. У меня получалось. Мой сосед, к примеру, работал на бойне, а курицы не мог зарезать. Просил. А тут, как-то жена его допекла. Поймал он тогда первого попавшегося курчонка, примерился и, отвернувшись, отсёк ему голову, да вместе со своим пальцем.

Тут не каждый сможет.

И в подтверждение своих слов, восстанавливая минувшие события героических схваток, он стал охотно выдавать все навыки и премудрости некогда доходного ремесла.

– А безболезненно это делать нельзя? – перебиваю я.

– Мы с отцом как-то решили током свинью убить. Дали ей двести вольт. Сначала она замерла, а потом как взвилась и давай рекорды бить. Такие барьеры во дворе брала, даже нигде не зацепилась. В цирк ходить не надо. Пришлось бежать к приятелю за ружьём, чтобы пристрелить её.

– И вам их не жалко?

– Ты, часом, не Гринписом заслана? Трава в лесу горит – жалко. Животных убивать – плохо. Есть-то надо что-то. Вот ты, наверное, любишь борщ с рёбрышками? Что может быть вкуснее парного мяса. Как нажаришь! Как наешься! Вот свинья, если вдруг его раз попробует, то уж никогда не откажется. У нас такое было, курица забредёт в свинарник, так потом только перья, да лапы находишь.

После историй про кур, коров и баранов, мне хочется освежиться. Иван тем временем что-то проверил под подушкой, а я неожиданно увидела. На меня смотрел нож. И совсем даже не перочинный. «Профессионал, – думаю я, – он всегда при своём орудии. И чем не ружьё на стене...»

– А этот нож у вас на кого?

Иван на миг растерялся.

– Да так, колбасу порезать, – и с гордостью протягивает мне своё оружие.

Какую колбасу, её и близко здесь не было. Может, он подразумевает меня? Набросится такой ночью, как в страшном ужастике и, принимая меня за крупный рогатый скот, будет вовсю разделывать. Вот и спи теперь с таким. А нож-то действительно впечатляет – солидный размер, рельефная ручка. Нажмешь на кнопочку – лезвие выкидывается. Одна его сторона остро заточена, другая – тупая, с нарезкой. На металле инкрустация.

– А с людьми вам не приходилось иметь дело?

– Всё-то надо тебе знать… Было когда-то. В Афгане.

Да, случай исключительный. И в окно не сиганёшь. Говорила мне моя тетя.

20.00. Тюмень.

Дело к ночи. Освещение вялое. Слушать уже не хочется. Говорить, похоже, тоже. Я валяюсь на полке и молча пялюсь в потолок. Иван не отстаёт и что-то там размышляет. С шумом открывается дверь купе и показывается лицо проводницы. Увидев лежащую

рядком парочку, она, извиняясь, тут же её захлопывает. Мы выключаем и без того тусклый свет. Во мраке перемешивается мычание и блеяние животных, всплывает огромный под подушкой нож и хочется поскорее уйти от этого наваждения.

Поезд, выбивая ритм, стучит резвыми колёсами. Яркий отблеск проезжающих фонарей устраивает в купе светопредставление и резко бьёт в лицо сквозь незашторенные окна.

И тут мне видятся лица разочарованной публики. И это всё? Где представление? Колеса колёсами, а где кульминация? И даже ружьишко не выстрелило, то бишь нож к горлу не приставили.

Да, товарищи, бывает.

0.30. Тобольск.

Сон, как шаловливая кокетка, то распахивает передо мной свои объятия, то возвращает на своё место. Проснувшись в очередной раз, я слышу, как мой сосед, словно в лихорадке, вздрагивает на полке и что-то взволнованно кричит. Ну, – думаю, – настал судный день. Не дают ему покоя души убиенных. А может быть просто, гоняется где-то по горам за душманами или в деревне за коровами. Бедняга.

5.25. Демьянка.

Просыпаюсь. Стоим. Сосед мирно спит. Выхожу в пустой коридор. На синем здании черными буквами «Демьянка». Сонные продавцы лениво открывают ставни вокзальных ларьков.

Пассажиров нет. Перрон безлюден. Только бездомные дворняги выясняют между собой отношения. Мимо меня пронёсся взъерошенный проводник и кинулся закрывать туалет. Возвращаюсь в купе. Занавески зашторены. Отдергиваю. За окном стоит поезд. Читаю – «Челябинск – Пурпе». Заваливаюсь на полку и думаю, ведь в ресторане этого поезда ездит моя школьная подруга. Может она сейчас там? Позвонить? Помахать платочком? Но я отключаюсь раньше, чем моя рука дотягивается до телефона.

7.50. Салым.

Открываю глаза. Мой сосед уже на ногах. Свеж и бодр. Как огурчик.

– Идём чай пить.

Вам чай в постель часто предлагают? Я присоединяюсь.

Иван интересуется:

– Как спалось, домашний скот не докучал?

– Спасибо, обошлось.

– А я тут вставал в Демьянке. Из ларька так музыка играла, вытащили динамики на перрон и врубили на всю катушку.

– Я тоже выходила на Демьянке, но никакой музыки не слышала.

– Как не было, я ещё купе закрывал, боялся, что ты проснёшься.

– Наверное, это была другая станция, вы в это время спали.

– Идём, посмотрим расписание, я точно знаю, было около шести.

– Не может быть, я ещё стояла в коридоре, и мимо проводник проскочил. Это была Демьянка, там ещё черным по синему написано. Собаки бегали и ларёк, напротив, с прессой.

– Ну да, собак видел. Ларёк тоже. Правда, не помню какого цвета буквы на здании.

– Надо пойти проводника спросить, видел же он меня, наверное.

– Да, мистика какая-то.

– Тут ещё за окном поезд стоял «Челябинск – Пурпе», – вспоминаю я.

– Да, поезд стоял, только не читал какой. Он ещё потом тронулся.

Вспомнив, что поезд напротив всё-таки стоял, у меня отлегло. Значит, он проснулся позже, а я ещё пока не тронулась.

11.50. Пыть-Ях.

У Ивана чемоданное настроение. Всё активнее поступают телефонные звонки, всё чаще вспоминается семья и работа. Переодевшись и собрав вещи перед выходом, он, как и прежде, ловит мою ладонь и трясёт её двумя руками.

– Ну, не скучай, я тут тебе кроссворды оставил.

И, пожелав мне счастливого пути, исчез.

– Ну и вам ни пуха. Не свидимся уж больше.

Ох уж мне эти расставания.

13.30. Сургут.

Я одна в купе. Одна в целом вагоне. А поезд то мчится, как сумасшедший, взбалтывая из стороны в сторону, словно в шейкере содержимое, то, овладев собой, сочувственно умеряет свой пыл, а то встанет где-нибудь в глуши и, отдыхая в тишине, терпеливо ждёт своих встречных собратьев.

До дома ещё три часа.

Журнал

Мой сосед по купе с верхней полки, исправно булькающий себе что-то в кружку и без конца предлагающий испробовать то на вкус, вскоре преобразился и откуда-то вдруг приволок толстенный журнал. Смотрю – «Книга жалоб и предложений».

«Ну всё, дошёл, – думаю – добулькался. Сейчас настрочит, кляузник».– Ан нет. И всё, даже, наоборот. Товарищ, тронутый вниманием молодой проводницы, решает выразить ей признательность.

– Это когда такое было, – справедливо замечает он, – чтобы в поезде ходили и предлагали чай. Разве что в далёком, добром прошлом. – И уйдя в ностальгические воспоминания, стал старательно марать чистый лист чёрной пастой. Я тоже взяла журнал. Из любопытства. Это была большая амбарная книга, какие выпускали в советские времена, увесистая и объёмная, почти вся исписанная благодарностями. На каждой странице – не мёртвый шрифт, а живой характерный почерк. Вот стремительный и беглый, словно кто-то несётся и торопится жить. А тут ровный и аккуратный – рука приверженца порядка. Здесь крупный и размашистый, будто росчерк начальника. Сколько их – оставивших свои автографы и запечатлевших свои имена. Милых и добрых, весёлых и ироничных, сдержанных и пристрастных. У каждого свой мир и своя судьба. Вошедшие в один поезд и собравшиеся под одной крышей, соединились они одним переплётом в разные промежутки времени, на разных отрезках пути. Одни на шестисотом километре, другие – на шестидесятом меридиане. В праздники и будни.

Из разных регионов и мест, различных возрастов и национальностей, с нижних полок и верхних. Где они сейчас – не знавшие друг друга и никогда не видевшие? Рассеялись они по сторонам света, отметившись каждый в свой час, и ушли в историю, связавшись воедино.

А книга, степенно раскачиваясь, продолжает свой путь единожды заведённым маршрутом и как солидный коллекционер, всякий раз волнуясь многочисленными страницами, оживает под пером нового автора.

Из записок путешественника по Йемену

Дочь только что из Йемена. Я с мужем под впечатлением. Летим по её следам.

Нижневартовск.
9.02.13. 6 ч.

Аэропорт. То ли спали, то ли нет. Ждём регистрации. Люди одходят – одни сонные, будто с постели соскочившие, другие вполне бодрые. Не зная, чем себя занять, слоняюсь сонная из угла в угол. Останавливаюсь возле дверей, ведущих в коридор. Служебные кабинеты, кадушки с деревьями, цветы на стенах. Зелено. И ни единого окна, ни лучика живого света. Как растут?

Где фотосинтез?

Москва.
9.02.13. 9 ч.

Люди-люди. Чёрненькие, жёлтенькие, беленькие. Бегут, спешат, летят, гудят. Серо на улице, зябко. Внутри – душно, неоны, блеск. Еда быстрая, дорогая, синтетическая. Скоро и сами такие станем.

9.02.13. 18 ч.

В самолёте – сидим, опять сидим, долго сидим. Вот тронулись, рулим, покатились. Едем, быстро едем. Уж потерялась – в полёте ли, на земле?

– Поехали, – разнёсся голос командира.

Взревели моторы.

– Долго же мы ехали, – выдохнул кто-то рядом.

Не мне одной кажется.

Дубаи.
9.02.13. 23ч.

А приехал я назад, а приехал я куда? Москва и Москва. Еда, еклама, магазины – ничего не поменялось. Лишь объявления звучат на чужом языке. Словно всё под копирку. То же питание – быстрое, искусственное, те же цветы, видимо с муренами скрещенные.

Пальмы, подпирающие призрачные потолки и птички сидят. Залётные? Механические?

Города будущего! Эх, люди, все мы под стеклянным колпаком. Стюардессы местных авиалиний улыбчивые, милые. И одежда на них – стильная, комфортная. Прямо арабские Красные Шапочки! Умеет же заграница людей наряжать! Кто б за нашу армию взялся.

Следующий рейс только утром, ожидание кажется долгим.

К путникам здесь отношение особенное – нам был предложен стол и ночлег.

Сана.

10.02.13. 9 ч.

Летим. Взглянула в иллюминатор и прилипла. Белым бело, но не зима. Пусто! Пустыня! Песок! Тонны песка. Кое-где волнами, будто море. Ни живой души, ни признака жизни. Лишь ветер играет в той огромной песочнице.

Эко тебя засыпало!

Турбулентность – самолёт трясёт, болтает. Пассажиров мало в отличие от Дубайского рейса. Крыло за бортом трепещет. От страха? Хрупкое, тонкое, нежное, того и гляди рассыплется. Разглядела ниточку дороги и точечку авто. Показалось? Сколько же песка натекло! По мере приближения к Сане стали показываться верхушки припорошенных не снегом гор.

Сели. 2286 м над уровнем моря. Не Москва. Встречает – внимательный, дружелюбный, улыбчивый. Оформляет визы, отбивает багаж от досмотра, сопровождает к выходу. Слово Каис звучит как пароль – зелёный свет, дорога открыта, ты под защитой, у тебя мандат неприкосновенности. У двери нам трясёт руку мужчина, называет имя дочери – вот он, Каис, организатор тура. Едем в город – жара, пробки, посты, люди с автоматами. Останавливаемся в гостинице с одноимённым названием «Сана», которой около 700 лет – маленькая, уютная, древняя находится в старой части города. Уставшие, поднимаемся по высоким каменным ступеням на четвёртый (последний) этаж, тогда как кажется, что прошли все шесть. На этаже два номера и душ с туалетом. Наш – маленький, даже тесный со множеством игрушечных окошек, состоящих из двух частей. Внизу обычное, как мы и привыкли видеть, только очень старое, деревянное, а сверху – узорчатое гипсовое с цветными стёклышками.

Как выяснилось позже – это стиль «тахрим», сохранённый только в Йемене. Комната, по мере попадания солнечных лучей, из серой и унылой становится весёлой и красочной. Солнце совершает свой круг и отражения вслед за ним. Сидишь, будто внутри мозаичного калейдоскопа, того, что в детстве крутили. Я открыла окно и решила поснимать. Только вошла во вкус, как внизу появляется мужчина и давай руками размахивать. Очень уж недружелюбно, как мне показалось. Закрылась.

Хорошо, что не автоматом.

После обеда – прогулка по старому городу. Лот – так зовут нашего гида, уже не отпускал нас ни на шаг. Узенькие улочки, каменные мостовые, древние дома. Первые упоминания о Сана относятся к первому веку. Люди странные – вооружённые ножами мужчины в юбках, таинственные женщины без лиц. Как в другом мире и времени.

Меня предупредили – женщин фотографировать нельзя. Вот только думаю – отчего? Все так тщательно скрыты, законспирированы, закамуфлированы. Кого снимать? Ой, как хочется иногда так спрятаться! Очень удобненько. А какая экономия!

Косметики, украшений, тряпок.

Увидела двух девушек – воду набирают. Лица открыты – редко, но бывает. Прошу разрешения снять. Заулыбались, призывно забегали, стали в прятки играть. Кокетство?!

Мужчины же напротив, так в кадр и просятся. Очень много детей на улицах. Мальчишки везде мяч гоняют. Футбол, видимо, здесь популярен.

Вечер – время кат(а). Трава такая, здесь распространённая.

Йемен – страна мусульманская, кругом сухой закон, а кат пожуёшь, лёгкость появляется, летучесть, проблем никаких. Вот и собираются – кат накатят, шишой (кальяном) догонят и пошли разговоры разговаривать. Причём, жуют всей страной, и мужчины и женщины, и дети. Ну, и летают потом. Сплошной Шагал! Очень комично при этом смотрятся – прямо флюсовая эпидемия. Видели лягушек, что щёки шарами?

Архитектура города очень необычна, парков, конечно, не видела, кинотеатров тоже, зато мечетей очень много. Люди сплошь религиозны.

Да, сегодня мой день рождения. Пили коньяк дьютифришный (разрешается для ввоза по литру на лицо). Ну, очень отличается от нашего самогоношнего.

Вечером упала. Спала – просыпалась.

Всю ночь кричали петухи и имамы.

Сана.

11.02.13. 6 ч.

Курс на Сокотру. Очень боялась проспать. Сборы, расчёт в гостинице, отъезд. Темно. Каис везёт нас по безлюдному городу. Покидаем внешне благополучный, сказочный центр. Въезжаем в районы поскромнее. Улицы грязные и, судя по следам от пуль, опасные. Вынужденная остановка. Придорожная лавка. Каис что-то прикупает. Никого. И только женщина издали – сандалии на босу ногу, платок на плечах, пакет со свежим хлебом. В такую рань! Одна! Оборачивается – мужик.

Проснись же, это Йемен!

На въезде в аэропорт слышны выстрелы. Птицы взметнулись, люди тоже. По прибытию нас облепили носильщики. Каис нанял. Загрузил, помимо наших чемоданов, коробки с провизией. Расплатился, попрощался там, где вчера и встретился. Исчез.

Неожиданно.

Не успели мы пройти досмотр и в который раз разуться, как мужа обступили незнакомцы – требовали денег. Когда успел задолжать?

Расплатившись со всеми желающими, мы отправились к стойке регистрации. Там нам объявили, что борт уже готов к вылету и стать пассажирами его нет никакой возможности.

Как! Так быстро? А по билету вылет через три часа.

– Ждите следующий – таков был совет.

– Так следующий только через неделю!

Муж и так взмок весь, а тут совсем стал терять связь с действительностью. Подбирая слова, он стал взывать к содействию. Но человек оставался непреклонен. И тут как в сказке вспомнился Каис (он накануне записал свой номер телефона).

Набираем спасительный код – Каис, объявись! Разговор между мужчинами, как показалось, затянулся, но «сизам» открылся. Нас успешно зарегистрировали за соседней стойкой и мы улетели на 1,5 часа позже времени, указанного в билете.

Самолёты тут, видимо, сами по себе. Как хотят, так и летают.

Сокотра.
11.02.13.

Летели мы, летели и, наконец, прилетели. Правда, чуть не соскочили на полпути. Борт приземлился, все выходят, ну, и мы с ними. Подумаешь, город незнакомо звучит. Здесь всё кругом незнакомо. Да и сомнения не покидали, а в том ли самолёте мы оказались. Хорошо спросили – усадили назад. Следующая остановка наша. Подвезли ещё людей, с коробками, котомками. Утолкались. Взлетели. Рейс осуществлялся местными авиалиниями. В салоне мы одни – туристы. Летим над морем-океаном.

Земля! Наконец.

Встречают торжественно, строем военных. Правда, не нас – генерала. Нас – ненавязчиво и деликатно окружили два молодых человека. Абдулла – водитель, смуглый, весёлый. Адлен – гид, темнокожий, сдержанный. Этим людям предстоит возить, кормить, ублажать нас целую неделю. Среди местного населения мы явно бросаемся в глаза. Идём получать багаж – диванчемодансаквояж. Такое впечатление, что грузовой рейс сел. Как взлетели? То-то всю дорогу трясло! Жара, духота, а мы из Сибири. В зале выдачи багажа, к своему ужасу, обнаружила, что я тут одна из женского пола. Неудобно как-то, слилась со стеной – ну, всё равно, что в бане, в мужском отделении. И пока попутчики разбирали по неведомым мне приметам свой груз, через стеклянную перегородку, в соседнем зале чинно и смиренно их ожидали спутницы. Сидят, стоят – все одинаковы с лица, чисто мыши летучие. Как их мужья различают? По сумкам, обуви, по детям? Хотя зачем – сами найдут. По эту сторону жизнь кипела, по ту – тихо и неспешно шла. Наконец-то появились наши чемоданы и мы отправились в манящую нас неизвестность.

И вот она – Сокотра.

Остров блаженства. Сказочный, таинственный, загадочный. Ещё по дороге к машине замечаю птиц мне неведомых. Сидят на заборе – большие, словно курицы. Важные, степенные. Хочется бежать скорее и фотографировать. Абдулла остужает мой пыл – говорит, что они тут повсюду. Мы загружаемся и двигаемся в путь.

Горы кругом, вдали деревня, люди у дороги сидят. И птицы. Ходят, парят аэропланами. Прямо ферма какая-то. Останавливаемся.

Сколько же их! Жёлтые, хищные, сухие, носатые. Старух напоминают в чепчиках. Как оказалось – стервятники. Так возле людей и вьются. Получив удовольствие, я – от птиц, остальные от тётки с камерой, тронулись дальше.

Время ланча. Мы сворачиваем с дороги и направляемся в кемпинг. Кемпингом оказался навес из пальмовых ветвей у берега моря – прозрачного бирюзового. Останавливаемся. Снимаем наконец-то тёплые вещи и скрываемся от палящего солнца в тени навеса. Пища ни на ум, ни на желудок не шла – там, на берегу, по безлюдному белоснежному пляжу бродил мальчик.

Туда-сюда, сюда-туда. Что делает, кого высматривает? Покидав наскоро в себя еду, побежала к нему фотографировать. Это был подросток – смуглый, робкий, худенький. Мы ни слова друг у друга не поняли, но контакт установили. Увидев лежащую на берегу сеть, я предложила её продемонстрировать. Мальчик оказался безотказным. Зайдя в воду, он закинул её в море – пришёл невод без рыбы. Закинул другой – ни с рыбой невод не пришёл, ни без рыбы. Была сеть и в воду канула. Заглотила пучина морская. Растерялся мальчик, опечалился. И всё из-за меня. Испугалась – кричу, машу:

– Давай! Ищи! Ныряй!

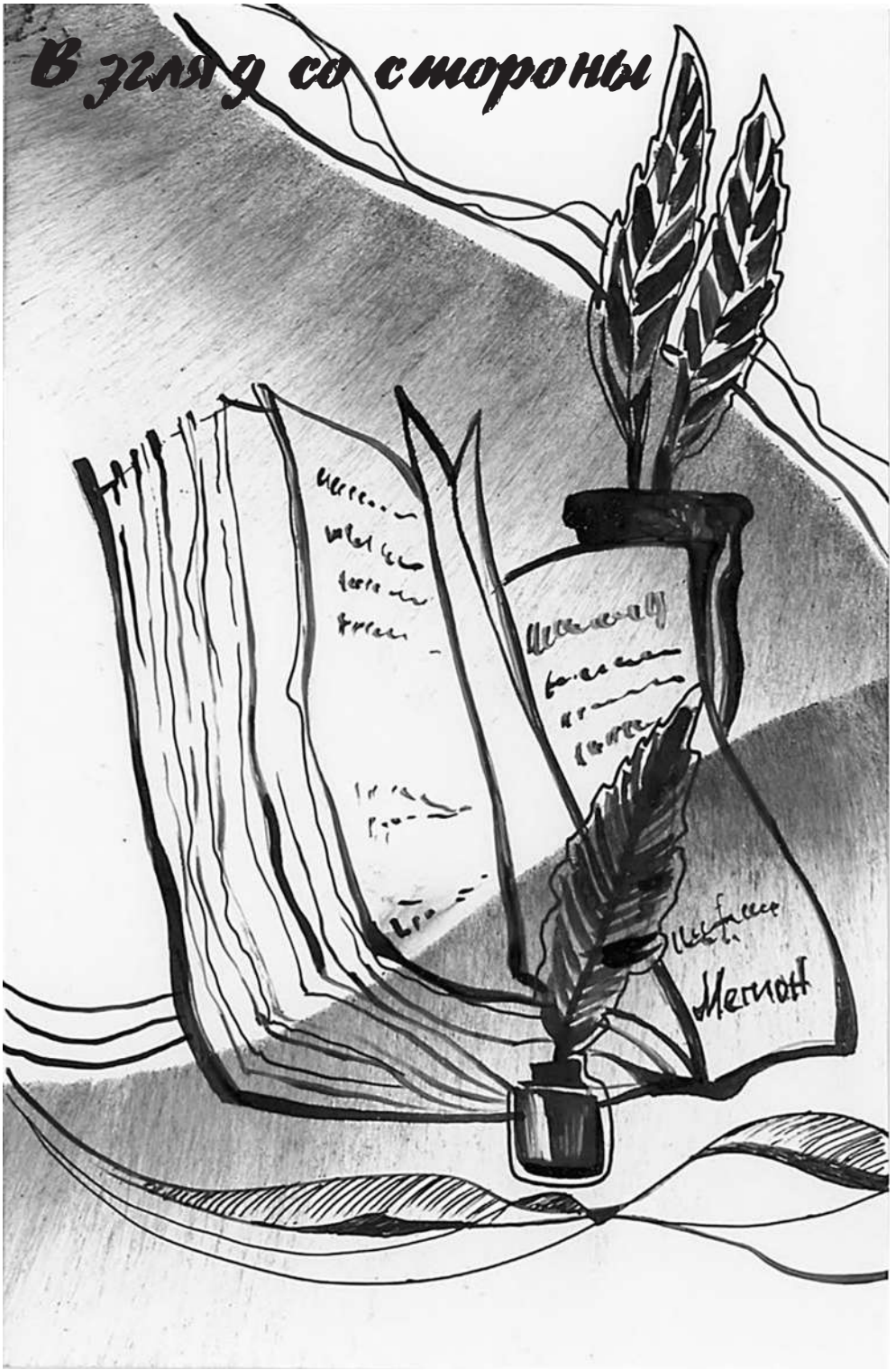
Так мне и надо.

Похоже, это самое дорогое что у него было.

И вот облегчение. Всё позади. Море сжалилось и вернуло сети хозяину. После всего пережитого захотелось назад, к машине. И только я уж было собралась, мой мальчик несётся к морю и возвращается с рыбкой. Золотой, серебряной, живой, мёртвой?! Какая разница.

Вот таким он мне и запомнился. Мальчик и его рыбка...

В глубину со стороны



Сергей Луцкий

Ипостаси Виктора Козлова

1.

Непростое это дело, вести «Литературную страницу» в районной газете.

Хочется, чтобы каждая получалась яркой, профессиональной, да вот незадача: где взять произведения, которые отвечали бы таким запросам?.. Читатели «районки», они же пишущие в неё, – люди, в основном, трудовые, озабоченные не столько высокими материями, сколько нуждами повседневной жизни и добыванием хлеба насущного.

Нельзя сказать, что они абсолютно чужды литературным интересам, особенно молодёжь. Но желание сочинять у них часто не подкреплено способностями. А если присутствует то и другое, тогда, как правило, нет литературного умения. Не говорю уж о мастерстве, без которого на успех в изящной словесности рассчитывать трудно.

Однако бывают в жизни составителя «Литературной страницы» и праздники. Это когда встречаешь не просто одарённого человека, а щедро одарённого. Так в середине 90-х произошло у меня. Я в ту пору служил в газете Нижневартовского района «Новости Приобья», и редактор передала мне как-то несколько машинописных страниц: «Посмотрите, это прислал Козлов из Мегиона. Стихи. Может, подойдут для вашей страницы».

Имя Виктора Козлова мне уже было знакомо по публикациям в местной периодике. Это были вполне добротные очерки, хотя чувствовалось, формат тесен для автора, он способен на большее. Но газетные материалы – они и есть газетные. Если имеют отношение к литературе, то весьма отдалённое. Так что мой лёгкий скепсис, когда я взял в руки переданные редактором страницы, понять можно.

Я прочитал их – и ахнул. Да ведь это настоящая поэзия!.. Я вполне отдавал себе отчёт в том, что, изголодавшись в сибирской глубинке по настоящей литературе, могу ошибиться – на безрыбье, как известно, и рак рыба. Потому на какое-то время отложил стихи в сторону. Однако, прочитанные несколько дней спустя, они подтвердили первое впечатление. Виктор Козлов – однозначно талантливый человек. Удивительно, почему я не встречал его стихотворений в литературно-художественных журналах, в том числе московских?.. Ведь они стоят того, чтобы быть известными широкому читателю.

2.

С чего обычно возникает уверенность, что перед тобой настоящий поэт? Разумеется, не с формальных вещей: размера, рифмы, расположения текста «столбиком». Всё это обязательные азы, которым следует каждый приверженец традиционного стихосложения. Так что сама по себе их совокупность ещё ни о чём не говорит.

Но когда, например, в качестве прилагательного к слову «пурга» встречаешь «упругая», а месяц плывёт над тайгой «осторожно, боясь уколоться» о её иголки, и, «чтобы тишину заштопать», мать шёпотом успокаивает заплакавшего среди ночного безмолвия ребёнка – это уже свидетельство образного мышления, которое и является признаком полноценной поэзии. Тем более, что в последнем примере налицо определённый изыск, идущий от литературной искушённости, – звукопись. В словах «тишина», «штопать», «шёпотом» слышится «ш-ш-ш...», каким мать обычно успокаивает не вовремя проснувшегося малыша.

Не стану подтасовывать факты, утверждая, что именно эти стихотворения, примеры из которых приведены, я прочёл при первом знакомстве с Козловым-поэтом. Но впечатление осталось стойкое: передо мной талант. И дальнейшее знакомство с произведениями

Виктора Козлова укрепляло впечатление. А это не только публикации в «Новостях Приобья» и других газетах Нижневартовского региона. Но и подборки в окружном альманахе «Эринтур», журнале «Югра», коллективных сборниках, в том числе «Кедровой гриве». Это в конце концов книги стихотворений «Теплынь», «Троицыно утро», стихи, вкраплённые в сборники документальной прозы, на которые Козлов плодовит.

Многое в понимании творчества пишущего человека даёт его биография. Не всегда, но как правило. Бывают, разумеется, литераторы, для которых частная жизнь – одно, а сочинительство – совершенно иное, никоим образом с работой, домом, привязанностями не стыкующееся. Виктор Козлов относится к людям, по произведениям которых можно изучать их биографии. Он родился на Алтае, детство в основном провёл в башкирской Малышовке. По окончании средней школы учился в Уфимском нефтяном институте, молодым специалистом в далёком уже шестьдесят первом приехал на тюменский нефтяной Север.

Здесь как геолог и прошёл все стадии профессионального становления – от помощника бурильщика до главного технолога экспедиции и ведущего технолога объединения. Непосредственно участвовал в открытии многих месторождений нефти и газа. И хотя все эти вехи биографии в основном отразились в документальной прозе Козлова, стихам тоже осталось немало.

В тёплых сумерках перепёлка
монотонно ко сну зовёт.
Пыль пушистая на просёлке
между пальцами ног течёт.
Малышовка ещё не скоро.
За угорьем бабы поют,
голосами плетут узоры
про любовь, да про жизнь свою.

В тёмных пажитях перепёлка
убаюкивает: «Пора...»
На полынной подушке колкой
детство спит мое до утра.
(«В тёплых сумерках перепёлка...»)

Удивительно гармонично и светло, в лучших традициях русской литературы представлен у Виктора Козлова мир детства. Невольно приходят на ум строки Некрасова о крестьянских детях, «Бежин луг» Тургенева, другие произведения русской классики о детстве. В одном из своих высказываний Козлов утверждает, что тяготеет к Есенину. Возможно. Но мне всё же кажется, что больше – к Пушкину с его открытым и радостным мировосприятием, не замутнённым житейскими обстоятельствами. Дело не в том, что их нет, а в том, что и «печаль моя светла». Когда же появляется хоть малейший повод для радости, душа Виктора Козлова распахивается во всю ширь:

Растихоня-Малышовка
в разгуляй-четверг шумит!
В председательской кошёлке
мала-куча гомонит.
Выездной рысак в запаре –
селезёнка ёкает.
Ездовой, весёлый парень,
девок в щёки чмокает.
Бабы – то навзрыд рыдают,
То – частушки голосят:
«У попа у Яшки, бают,
чашки вот таки висят!»
«Пережили, бабы, зиму,
чай, весною не помрём.
За налоги лапти снимут –
босиком плясать пойдём!»
Блин гречушный в маслице –
Малышовская масленица!
Солнце ластится,
к лету ладится...

Или ещё:

Во мгле искристой Малышовка.
Вокруг всё кажется седым.
От каждой крыши камышовой
тропинкой в небо – сизый дым.

А мы колядки тарабарим,
не понимая, в чём их суть.
А нам – кто пирожок с грибами,
кто крендель, кто пятак несут
с улыбкой, в бережных ладонях...
А кто – как побирушек гонит.

Раннее детство Козлова пришлось на военные годы. А это недоедание, страх перед почтальоном, разносящим похоронки, горе и тяжкий труд матери, собственное раннее приобщение к крестьянской работе. Всё это так или иначе отразилось в стихах. И слёзы украдкой на чердаке, когда мать скажет: «Терпи, сынок, погиб наш папка» (стихотворение «Порой меня ругала мать...»). И боязнь угрюмого объездчика «с сыромятным кнутом у луки» – под рубашкой у мальчишки, лирического героя, ворованные на колхозном поле колоски («Жаркий полдень...»). И такая понятная зависть к ребятам, в семьи которых возвращаются с войны отцы («После победного салюта»). Стихотворение завершается строками высокой поэтической пробы: «А мой папка погиб и не знает,/ что уже приезжают с войны».

И всё же, повторюсь, не мотивы уныния, горя и послевоенных тягот преобладают в стихах Козлова о детстве. Главное в них – солнечное мироощущение, изначально присущее поэту. Вера в то, что всё в конце концов сложится хорошо и гармонично, очевидна в одном из лучших, на мой взгляд, стихотворений Виктора Козлова о детской поре «Над Параниным угорьем...».

Всё, на первый взгляд, здесь беспросветно. Матери лирического героя, чтобы заработать колхозный трудодень, нужно сжать, связать в снопы и поставить в суслоны хлеб на восьми сотках – задача почти непосильная. Неподалёку сам лирический герой пасёт на жнивье заболевшую корову, которая, как известно, кормилица в крестьянской семье, без неё в тяжёлые годы не выжить. «За какой же грех великий/ все напасти на сирот?!» – в сердцах восклицает мать, оглядываясь на сына и не прекращая работать. Но постепенно всё меняется. Возможно, потому, что жалеет не только мать сына, но и он её – помогает ставить снопы в суслоны, а взаимная поддержка и доброта имеют свойство преображать окружающее. Быть может, причиной что-то иное, но в конце дня:

К вёдру золотится зорька...
Трубный голос подала,
Оживилась наша Зорька.
Хорошо пошли дела!
Серп железный на руке,
серебристый – в высоке...

Несколько режет глаз это «на руке» (правильнее было бы всё-таки «в руке»), но лексический огрех с лихвой компенсирует точное и естественное в детской речи «в высоке» (всё стихотворение – несобственно прямая речь лирического героя). О поэтической смелости говорит и рифма «зорька – Зорька». Казалось бы, слишком просто, даже примитивно. Но вспомним пушкинское «А что же делала супруга / В ожидании супруга?» Вольность, право на которую даёт мастерство.

3

Пожалуй, светлое мировоззрение, незамутнённость восприятия – ключевые слова в определении основы дара Виктора Козлова. И не только поэтического, скажу, забегая несколько вперёд. Если же продолжать разговор о стихах, это качество просматривается как в тех из них, что о детстве, так и в подавляющем большинстве других – о взрослой жизни.

В соответствии с канвой биографии автора его лирический герой едет работать в Сибирь. Стихи этого периода полны задора, искренности, переплетённой с молодой бескомпромиссностью, – всего того, чем была насыщена поэзия времён хрущёвской оттепели. Читатели старшего поколения помнят: в конце пятидесятых и начале шестидесятых стихотворцы собирали целые стадионы, как ныне это делают поп-звезды. Имена Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, Булата Окуджавы были у всех на слуху. Их известность в Советском Союзе мало чем уступала известности первых космонавтов.

Понятно, молодой поэт Виктор Козлов не мог соперничать с грандами в популярности, но темы его стихотворений и их пафос были созвучны произведениям именитых москвичей:

Летим! –
не в космос –
на работу
в Сибирь– она без нас там стынет.
Там ржаво-бурые болота,
как марсианские пустыни.
Наш край для мужества
не узок,
познаешь здесь свою весомость!
Ну а пределы перегрузок
тебе твоя укажет
совесть.
Сибирь, как новую планету,
должны
освоить мы с тобою,
не занеся сюда микроба
наживы,
рвачества
и злобы!

Этот не ведающий сомнений энтузиазм сейчас кажется несколько наивным, самонадеянным. Но искренности и готовности себя не жалеть у комсомольцев той поры не отнимешь. По своей пафосности молодая поэзия пятидесятых – шестидесятых перекликалась с поэзией двадцатых и тридцатых годов. Для этого были основания: осуждён культ личности Сталина с его людоедским отношением к народу, социализм приобретал, как говорится, человеческое лицо, и казалось, уже не за горами «светлое будущее всего человечества» – коммунизм с его гармоничным отношением людей между собой и людьми и государством. Нужно только добросовестно трудиться и верить. А некоторое ницшеанство, когда традиции и самобытная культура обширного края мало что в глазах покорителей-первопроходцев стоят, – неизбежный спутник великого дела. Именно таким воспринималось освоение Сибири, в том числе нефтегазовое.

Романтическая приподнятость ощутима практически во всех стихах Виктора Козлова тех лет. Вот стихотворение «Топографы», в котором автор сравнивает первопроходцев с богами: «Задумчивы, строги, / глаза горят. / Не «топики» – боги / со мной говорят». То-

пографам приходится шагать по таёжному бездорожью, чертовски уставать, теодолиты, как винтовки, натирают плечи, но ничто не может их остановить. Потому что цель, которая ими движет, высока.

Первый снег, предвестник суровой сибирской зимы, для лирического героя в радость: «...пусть из густеющего роя / снежинок / ветер вьюгу вьёт – / мне для весеннего настроя / лишь не хватает соловьёв» («Первый снег»). Он в восторге от скрипа снега в тайге, напоминающего голоса скрипок («Концерт»). И пусть «на спинах ватники / куржавятся, / и обжигают нос очки», молодую радость не унять: «По всей земле, наверно, / слышатся / шаги идущего тайгой!»

Попав в город и оттого, что здесь можно вдохнуть запах цветущей сирени и сменить сапоги на ботинки, от переполняющего душу молодого восторга лирический герой готов пройтись по земле колесом. Но главное для него все-таки другое: «Это здорово, правда? – / очутиться в Тюмени, / а потом / до весны / вновь в тайгу / улететь...» (стихотворение «Весеннее»). Работа, труд с полной отдачей, пахнущий «волей и потом», приобретают в стихах Козлова нравственную ценность. Сибирь обживают не боги, а мастера, говорит автор в стихотворении «Затейливых вод многолучье...»

Однако неверно утверждать, что ничего, кроме эйфории первопроходца, поэту было неведомо. Природа для него не только мастерская, в которой, повторяя известное выражение, человек работник. Это самоценная эстетическая категория, значение которой с годами всё явственнее проступает в творчестве Виктора Козлова. Приведу характерное в этом смысле стихотворение:

Октябрь, а навигация на Вахе
в разгаре: катера вовсю снуют...
Но хмурый день в мерлушковой папахе
отары туч пастись угнал на юг,–
и вызвездило в ночь, пока мы спали
коротким, но, как в детстве, сладким сном,
а утром – словно бы попали в Палех,
где чёрный лак в контрасте с серебром,
где отдалённый мир означен резче –
сквозь черноту просвечивает суть...
И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу.

Этой просвечивающей сутью в стихах Козлова можно считать сочувственное, любовное внимание ко всему живому, к самой природе. Стихотворение датировано восемьдесят седьмым годом, но ещё раньше – и намного! – написаны стихи о подстреленной куропатке. В охотничьем азарте вскинуто ружье и – «Ах, дурак, дурак, / что я наделал! – / крылья куропатка распластала / возле стылых веток краснотала». Страшно и нелепо выглядит на её груди рана и красный град кровинок на снегу. И не утешают лирического героя слова менее впечатлительных товарищей, мол, всё это блажь, пройдёт. Ему кажется, что он сделал нечто недостойное, противоестественное. Пафос первопроходчества не способен оправдать насилия над беззащитным живым миром. И это важный момент в восприятии поэта. Быть может, один из самых важных. Природа, живой мир вокруг становится не только эстетической, но и нравственной категорией.

Очередное подтверждение тому стихотворение «На Ермаках такое разнотравье!..» Буйное короткое цветение северных трав напоминает герою детские годы, «где первоцвет, дубравка и чабрец». Оно заставляет сладко сжиматься сердце, исцеляет душу. В числе других ценностей жизни не летние ли травы защищал на фронте отец? Но «на бочке с нефтью / лопнула заклёпка – / на Ермаках / поникла / мурава...»

Рифмованной публицистикой можно было бы назвать стихотворение «Метаморфозы», если бы не его яркая образность. Под словоблудие сановных ораторов о защите природы «в кассетнике воображенья / включаю я обратный ход». И, как в кувшин сказочный джинн, возвращаются в пласты нефть и газ, встают деревья из многокилометровых лежнёвок, обрушиваются обратно в карьеры дороги. Природе возвращена первозданная чистота, нет плёнки нефти на воде, кедры «роняют шишки на песок»... Рассудок ещё можно успокоить цифрами, логикой: стране нужны-де богатства Сибири, без вторжения в природу не обойтись, лес рубят – щепки летят. «Но как быть с сердцем?..». спрашивает лирический герой и винится, просит прощения у леса и рек. Ему горько, что вместо искреннего покаяния на устах у людей, от которых многое в этой жизни зависит, пустые слова.

До глобальных философских обобщений поднимается Козлов в стихотворении «Арбуз». В нём «веснушчатый сопливый карапуз»

держит «зелёно-голубой арбуз», полосы которого так напоминают земные меридианы. И вдруг нечаянно роняет его. Арбуз разбивается. «Лежат остатки, / как материки. / И багровеет мякоть, / будто магма...» Но если ребёнка можно утешить, сорвав или купив ещё один арбуз, то «у нас другой планеты нету!». Земля, сходство которой с арбузом так зримо и образно представлено автором, столь же хрупка в век огромных разрушительных сил, которые подвластны человеку. Добавлю от себя: парадокс, но Земля нуждается в защите от нас, её порождения, её детей. И чем раньше люди осознают это, чем бережнее и ответственнее будут относиться к планете, тем меньше вероятность глобальных катастроф – возможно, необратимых.

4

Литература – дама ревнивая. Рано или поздно она ставит пишущего человека перед выбором: или я, или дело, которое до сих пор кормило тебя. Как уже говорилось, по основной специальности Виктор Козлов горный инженер, геолог. И эта двойственность – точный аналитический ум с одной стороны, и тяга к слову, к литературному творчеству с другой, – в Козлове проявилась ещё в пору учёбы в нефтяном институте.

Одним из первых литературных опытов стал художественный очерк о работе топографической партии. «Были летние каникулы, – рассказал как-то Виктор Николаевич, – я и устроился в партию. Стипендия в нашем институте была сравнительно неплохая, но трудно найти студента, которому её хватает. А тут не только возможность заработать, но и пожить на природе – я ведь по рождению деревенский, тянет... В топографической партии познакомился с интересными, можно сказать, колоритными людьми. И как раз республиканская газета объявляет конкурс на лучший очерк! Я и написал о своих новых знакомых, о их работе, о природе Башкирии. Очерк был не только напечатан, но и победил в конкурсе...».

Однако ревнивая дама литература пока ещё спокойно относилась к Козлову. Мало ли молодых людей появляется в поле её зрения, чтобы затем навсегда исчезнуть. Тем более, что соперница-геология не собиралась отпускать подающего надежды литератора. Окончив институт, Козлов успешно работал, продвигался по

служебной лестнице, заявил себя талантливым инженером – на его счету со временем скопился не один десяток изобретений и рационализаторских предложений.

Но тяга к литературе не ослабевала. Молодой инженер писал стихи, пробовал свои силы в прозе. Его произведения печатает «Тюменская правда», он становится победителем всесоюзного телевизионного поэтического конкурса. Со временем стихи и прозу Виктора Козлова публикуют газета «Сельская жизнь», журналы «Уральский следопыт», «Югра»... Молодого литератора тянет к близким по устремлениям людям – тюменский период его жизни давал возможность для такого общения. Знакомство с Иваном Лысцовым, ставшим впоследствии довольно известным московским поэтом, а в шестидесятые годы работавшим в «Тюменьгеологии», учило профессиональному отношению к своим произведениям. Признали дар Виктора Козлова и другие стихотворцы тюменского края.

Но когда ребром встал вопрос, чему отдать предпочтение, литературе или геологии, Козлов задумался. В конце концов было принято непростое решение – геология. Почему именно так, а не иначе, досконально знает разве что сам Козлов, мы же можем только строить догадки. Не так-то легко кардинально менять жизнь, когда у тебя семья, а работа, в общем-то, по душе. Известность – штука притягательная и приятная, но опять вспомним Пушкина: «Что слава – яркая заплата на ветхом рубище певца». Однако даже её, яркой заплаты, удостаивается далеко не всякий пишущий. А вот перебиваться с хлеба на воду – удел большинства профессиональных литераторов. Что в советское время, что – тем более – сейчас.

Ни в коем случае не собираюсь утверждать, что именно житейские соображения сыграли в выборе Козлова решающую роль. Но даже если и так, бросить упрёк не поворачивается язык. Сожалеть – да. Русская литература, отдай он ей все свои силы полностью, потеряла в лице Виктора Козлова писателя общенационального уровня. Я не преувеличиваю, это действительно так. Впрочем, нет худа без добра. Если бы Козлов ушёл из геологии, нам остались бы неизвестны многие герои его рассказов и очерков, перипетии их судеб. Они взяты из личного опыта автора, непосредственно из рабочих будней семидесятых и восьмидесятых годов.

А герои и судьбы эти весьма любопытны и колоритны. Продолжая писать стихи, Козлов всё больше остающегося от основной

работы времени отдаёт прозе. Она полнее, чем поэзия, способна отразить разнообразие жизни, в том числе производственной, в которой автор принимал деятельное участие. Появляются очерки, рассказы, делаются наброски более крупных произведений. Но прежде, чем говорить о них детально, попробую определить то главное, что характерно для прозы Виктора Козлов в целом.

В своё время Чернышевский, откликаясь на первые произведения Льва Толстого, в качестве основной их черты назвал чистоту нравственного чувства. Живи Чернышевский в наше время, думаю, то же он мог бы сказать о рассказах и очерках Виктора Козлова. Отдаю себе отчёт в некоторой некорректности подобной параллели, но, по сути, всё обстоит именно так. Незамутнённость мировосприятия, безошибочное нравственное чутьё, о которых говорилось выше по отношению к поэзии Козлова, характерны и для его прозы. Не берусь судить, врожденные ли это качества автора или же они сформированы окружавшими в детстве людьми и обстоятельствами, но чистота тона и чёткие нравственные критерии прослеживаются практически во всех его прозаических произведениях.

Вот очерки, рассказывающие о первых трудовых месяцах молодого специалиста, – «Необыкновенное лето» и «Трудная осень». Время событий – начало шестидесятых, когда на территории округа шли активные поиски нефти. В Сургуте новоиспечённый инженер получает направление в Усть-Балыкскую партию глубокого бурения. Но до неё надо сначала добраться. Вместе с «хлопцами з Донбассу» герой очерка, в котором без труда угадывается автор, целую неделю добирается до промежуточного пункта, посёлка Пим. Затем со многими приключениями до Усть-Балыка и далее в богом забытое Ярсомово.

«Романтики» – с избытком. Это не только купание в ледяной воде, когда буквально на руках приходится снимать катер с мели. Это ещё спартанские условия проживания и питания, отсутствие элементарной механизации на буровой, сатанеющие комары и прочие прелести первопроходческой жизни. И – ничего, люди живут, трудятся, не унывают. «Незабываемое, необыкновенное время катилось!.. Долгое, счастливое времечко!.. Чем-то животно-бездумное, восторженное. Иной раз такое было желание взбрыкнуть молодым жеребёнком, зазвенеть колокольчиком и помчаться, не разбирая дороги!..».

Внимание автора привлекают не столько трудности (они – мимоходом, попутно), сколько люди вокруг. Козлов замечает в них исключительно светлые стороны. Таковы «хлопцы з Донбассу» Грицько Синенко и Павло Беседа, которые предпочли тюменские края благодатному Крыму. Таков бурильщик со стажем Анищенко, ни разу не повысивший голос на новичков, хотя у тех не сразу всё получалось. Более того, старавшийся помочь подчинённым и поднять их настроение. «Да и все остальные рабочие – благожелательны, открыты: объяснят, покажут. Друг к другу уважительны, нас тоже величают по отчеству», – пишет автор. Добросердечна бабка Гротиха, согласившаяся выпекать хлеб и на долю молодёжи, приговаривающая: «Проголодались мои хлопчики... Счас, счас... Сымем горяченького... С поду Богу в угоду, животу в поправку». Таковы практически все герои очерков. Самое негативное, что подмечает автор, это педантичность и склонность к перестраховке инженера Егорова.

Мне известно, что первоначально заметки, из которых затем родились очерки, писались для себя, следовательно – искренне, от души. Допускаю, Виктор Козлов испытывал определённое влияние той приподнятой тональности, которая была присуща советской очеркистике о первопроходцах. Но в основе всё же лежит его светлое мироощущение. Или, ещё раз повторяя слова Чернышевского, чистота нравственного чувства.

И не таким уж «бездумно-животным и восторженным» становится вскоре настроение героя. Собрание в Усть-Балыке, переименованном затем в Нефтеюганск, открывает ему на многое глаза, заставляет задуматься. Кто он и его новые знакомые? Люди, способные только работать через не могу? «Люди, из которых можно, по-тихоновски, делать гвозди? Или просто заторканные, привыкшие ко всему «трудящиеся», у которых только просыпается «классовое сознание», протест против устоявшегося порядка вещей?.. Такие мысли на излёте хрущёвской оттепели не поощрялись. Это была вольность, граничащая с инакомыслием. Как и закрадывающиеся сомнения относительно реальности планов догнать и перегнать Америку – в Ярсомово героя обязали вести занятия по новой программе КПСС.

Ещё одна черта, характерная для прозы (впрочем, как и для поэзии) Виктора Козлова, это образность слова и свобода, раскован-

ность стиля. Описания его зримы, ритм фразы, абзаца раскрепощен, соответствует изображаемой ситуации.

«– Да сядем ить, ся-дим!.. – кричит шкипер, бегая вокруг Бочарова, начальника партии. – Зазимуем ить на перекате!.. У Рысскиных! Сядим, епонский бог! Куда – и так под завязку!

Бочаров, грузный, невозмутимый, в мятой шляпе, в синей спецовке, в новых, с пряжками, геологических сапогах, небрежно закидывает за спину клетчатый шарф и машет белой рукой Кеше Муратову:

– Ехай, ехай!..

– Не дам!.. Швартовы порублю! – мечется шкипер».

Небольшой эпизод, а как всё осязаемо и зримо выписано. И суетливые возгласы и метания шкипера, опасающегося, что перегруженная баржа не дойдёт до Усть-Балыка, сядет на перекате. И начальственно невозмутимый Бочаров, который не считает нужным спорить. Не повышая голоса, машет белой, отвыкшей от физической работы рукой бульдозеристу, чтобы тот заезжал на баржу. Как полагается начальнику, Бочаров в новых сапогах и в шляпе, пусть и мятой, клетчатый шарф опять же...

Характерна речь персонажей. У шкипера она полна экспрессии, лексика в духе шестидесятых годов с их «епонским богом», простонародным «ить», вместо «ведь» и т.п. Для убедительности шкипер скандирует «ся-дим!» Бочаров, хотя начальник и в шляпе, говорит тем не менее «ехай», что тоже характерно для тех лет.

Можно приводить ещё множество примеров, свидетельствующих о зорком глазе, тонком слухе писателя, его умении образно представить внешность персонажа или событие. Вот как Виктор Козлов говорит о неаккуратной вырубке леса: «словно неумелая рука выхватила из густой шевелюры клок волос тупыми ножницами». О взгляде одного из персонажей: «В маленьких, коричневых, что кедровые орешки, глазках золотые рыбки высверкивают чешуйкой». Канаты оснастки у Козлова «струнно запели», когда их с силой натягивают...

Лучшие качества Козлова-очеркиста проявляются и во многих других произведениях. Таких, например, как «Злые Мощи», «Гусар», «Зарницы с четырёх сторон». Кажется, неистощима палитра писателя, каждому мало-мальски значимому персонажу он находит свои краски, зорко подмечает его особинку. Быть может, в очерках

семидесятых – девяностых годов меньше молодого задора, но определённо больше вдумчивого, внимательного отношения к отдельному человеку. За непритязательной внешностью, за не слишком ладно сложившейся судьбой Виктору Козлову удается рассмотреть сущность человека. Как правило – симпатичную, вызывающую расположение.

Многие годы писатель живёт в Мегионе. И было бы странно, если бы он, летописец нефтяного освоения Югры, не сказал доброго слова о земляках. Его перу принадлежит несколько документальных книг о жителях этого славного города. Скромность и трудолюбие лежат в основе характера Александра Маметьева, героя очерка «Саша. Внук Незнакомки?». Надёжность и верность данному слову характеризует Александра Ивановича Вацпана («Руки, которые без работы зябнут»). Немногословна и женственна молодая героиня очерка «Галина – Тишина и Спокойствие», эта хранительница семейного очага...

Казалось бы, что в своей основе представляют «Серебряные свадьбы» как не пространный пересказ биографии заместителя главного бухгалтера одной из мегионских строительных организаций? Но благодаря писательскому мастерству материал превращается в законченную новеллу о жизни обычной вроде бы женщины, за судьбой которой тем не менее просматривается нечто ещё – значительное, едва ли не всечеловеческое. И примеров таких метаморфоз, возводящих в степень обобщения, казалось бы, частные факты, немало.

5

Собственно говоря, большого различия между лучшими очерками Виктора Козлова и его рассказами я не вижу. То и другое – полноценная проза. Разве что в рассказах сюжет более строен, отчетливее просматривается основная мысль, а образы героев собирательные – в очерках же, как известно, речь идёт о вполне конкретных людях. Ну и, разумеется, рассказ предоставляет автору большую свободу вымысла.

Любопытно в этом смысле сравнить разные редакции «Тёти Нюры». В одном случае это очерк, в другом – рассказ. В «Тёте Ню-

ре»-очерке Козлова больше занимает атмосфера многочисленной семьи бывшей спецпереселенки, бытовые зарисовки с участием хозяйки дома, её сына, дочери, зятя, снохи, внучек, квартиранта Мишки Савина – любителя поэзии и бузотера по пьяному делу. И всё это Виктор Козлов выписывает живо, ярко, образно – как говорится, вкусно.

Возникает ощущение, что сам процесс перенесения на бумагу окружающей жизни доставляет автору удовольствие. В чём-то это перенесение может показаться самоцельным. Если искать ему логическое оправдание, можно сказать: в итоге получается срез конкретного времени и конкретного места, что само по себе уже немало. Но в повести или рассказе принято реализовывать определённую идею. Самого по себе отражения жизни, пусть и колоритной, недостаточно. Необходимо наличие серьёзной мысли, объединяющей героев и события. И такая мысль, идея очевидно просматривается в «Тёте Нюре»-рассказе.

Автор основательно сократил написанное ранее, из произведения ушли многие сценки и некоторые герои – тот же Мишка Савин, к примеру. Пришлось пожертвовать и видом Сургута начала шестидесятых с вертолета (в рассказе Сургут стал Пургаем) – видом зримым, напомнившим спил дерева. Тёмная древняя сердцевина, уходящая ещё во времена Ермака, затем полукольцо экспедиционных коттеджей, они из свежих брусьев и кажутся постоянно освещёнными солнцем. Ещё дальше от центра – корявая кора: времянки, «шанхай»... Хорошо, зримо представлено, но не соответствовало новым задачам автора и потому было убрано.

В результате последующих изменений в тексте явственно проступил образ главной героини. Тому способствовала и новая концовка, которой не было в очерке. Рассказчик несколько лет спустя появляется в доме постаревшей тёти Нюры, видит её саму, выслушивает новости о детях, внучках. Освобождённая от необязательных сценок и персонажей, выпукло предстаёт нелёгкая, по сути своей подвижническая жизнь этой русской женщины. Подготовленная всем предыдущим текстом, естественной кажется концовка рассказа. Прощаясь, тетя Нюра просит передать поклон родным рассказчика. Тот мысленно восклицает: «Господи, тётя Нюра! Тебе поклон низкий. Тебе!» За неустанный труд, за доброту, за перенесённые испытания.

В чём отличие хорошей прозы от посредственной, средней? Ведь бывает так: вроде бы и авторская мысль в произведении достаточно

весома, и язык неплох, и образность какая-никакая есть, и на жизнь похоже, – а не берут рассказ или повесть за живое, не проникают в тебя, не окутывают своей аурой. Когда же всё это происходит, и ты какое-то время ещё словно пребываешь в прочитанном, воспринимая жизнь вокруг себя глазами автора произведения, и не сразу это приятное наваждение проходит – верный признак того, что рассказ или повесть написаны талантливым человеком.

Такое ощущение оставляют по прочтении многие прозаические произведения Виктора Козлова. В том числе рассказ «Воспитание по Брэггу». Если говорить о его тематике, несмело затронутая в первых очерках тема человечного отношения начальства к рабочему люду в этом рассказе прописана более основательно.

Из-за необязательности, а то и прямого пренебрежения руководителей экспедиции вынуждены голодать на буровой тракторист Илюха и бурильщик Слава. Отправленные демонтировать оборудование без спальных мешков, необходимого запаса пищи, накомарников, они съели и выкурили всё, что смогли найти в заброшенных балках. Автор точно подмечает состояние людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Илюха мечтает, как привезёт Славку в родную деревню, познакомит с отцом и матерью – дескать, хороший человек, многое с ним пришлось пережить вместе. Это отвлекает от тягостной реальности и напоминает мечты людей на фронте, знакомые по литературе.

У Славки мечты иного рода. Он, как и Илюха, вахтовик, живёт на Украине. Перед последней вахтой гостил у тётки в Киеве, и там его приметила помощник режиссёра с киностудии Довженко. Славка прошёл пробы на роль инока в будущей картине. Но успеет ли он приехать на съёмки? Экспедиционное начальство, похоже, о них забыло, не присылает вертолёт.

Экстремальная ситуация действует на Славку своеобразно. Он вспоминает слова из своей роли, цитату из Библии: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, где воры подкапывают и крадут...» Происходит некое духовное просветление героя. Нельзя человеку жить только материальным, как это делает начальник смены Михал Михалыч. Тот и командировку выбил, чтобы уладить не столько производственные, сколько свои (и непосредственного начальства) дела, и «отмазаться» от Славки и Илюхи намерен тем, что «дефицита подкинем».

Мотив этот – необходимость преобладания в жизни духовного начала над материальным – быть может, для литературы и не нов. Козлова тяжело назвать здесь первооткрывателем. Но это один из тех мотивов, которые должны постоянно присутствовать в искусстве. И Виктор Козлов вносит свою лепту.

Повесть «Недра» вобрала в себя многие проблемы, характерные для промышленного освоения Югры. Это довольно обширное полотно, в котором на первом плане не столько производство с его нюансами, сколько судьбы первопроходцев. Далеко не всегда они благополучны. Специфика обживания Севера культивирует в человеке не только надёжность, трудолюбие, чувство товарищества. Случается так, что богато одарённые натуры растрачивают себя в бесконечных выпивках (благо, северные надбавки позволяют), в неразборчивых знакомствах, в эпатажных поступках. В итоге деградируют и как специалисты, и как личности.

Яркий пример тому Кирилл, бывший однокурсник главного героя повести Петра Мерцалова. Талантливый от природы, Кирилл после института стремительно пошёл вверх по служебной лестнице. Удачлив он и в любви – его предпочла девушка, которая нравилась Мерцалову. Но непоследовательность, легкомыслие, «гусарство» приводят к жизненному кризису. От Кирилла уходит жена, на работе он, как на качелях – оказывается то в героях, то в штрафниках. Дело доходит до того, что в экспедиции его держат из милости. Времена «запорожской сечи», утверждает автор устами главного героя, в геологоразведке заканчиваются. На смену им приходят дисциплина, упорядоченность, ответственность. Такие люди, как Кирилл, уместные на первом этапе освоения Севера, при всей их незаурядности становятся обузой.

Как и другие произведения Виктора Козлова, повесть насыщена яркими эпизодами, колоритными образами. Чего стоит описание пожара в посёлке, куда прибыл в командировку Мерцалов, – с его бестолковщиной и полупьяным, падким на зрелища людом. Запоминаются сожители главного героя по заезжей, этого своеобразного гостиничного номера: испытатель Алексей, горнотехнический инспектор Сурков, беспробудно пьющий бухгалтер. Характерен главный инженер экспедиции Плахин, неплохой специалист, но себе на уме, равнодушный к нуждам рабочих человек...

6

О написанном Виктором Козловым можно было бы сказать ещё немало добрых слов. Вспомнить, например, его малую прозу, составившую цикл «Короткие рассказы». В ней сжато повествуется как о случаях из будней геологоразведочной экспедиции, так и из «цивильной» жизни автора. Или поговорить о занимательных, свидетельствующих о любви к животным зарисовках цикла «О братьях наших меньших».

Достойны внимания и стихотворения для детей, в которых отразилось умение автора образно, с тёплым чувством изображать явления природы, зверушек, растения. Да и целый пласт очерков и рассказов остались за пределами этого обзора. Среди них такие колоритные, зачастую глубокие как «Льготный стаж», «Судьба», «Малиновый халатик»...

Написано Виктором Козловым немало. И каждое произведение в очередной раз свидетельствует о незаурядном таланте. Но особенно радует то, что талант этот не убывает. Недавно нашему земляку исполнилось семьдесят. В таком возрасте даже корифеи литературы всё явственнее ощущают, как уходят силы. А Виктор Николаевич продолжает работать, из-под его пера появляются новые стихи и проза. Вместе с сердцем пульсирует незамутненный родник его дара.

И пусть так будет как можно дольше.

Елена Гостева

В его книгах узнаём себя

«Ум и сердце человечье были гением моим…»
Г. Державин

Как бы часто ни раздавались голоса о том, что русская словесность погибла, перестала существовать, всё равно многие пишут и будут писать, запечатлевая реалии дней нынешних, минувших иль

создавая свои собственные фантастические миры. Тяга к творчеству заставляет творить, не взирая ни на какие суждения из бюро похоронных дел литературы. И в Югре немало творческих людей, пишутся и издаются новые книги, список членов писательских организаций всё увеличивается. Но у многих ли местных последователей Пушкина и Гоголя, Достоевского и Бунина хоть капля написанного будет принята в огромный океан великого Русского Глагола? Все ли дотягивают до высочайшего уровня русской словесности, создававшейся веками? Каждый по-своему интересен, но приходится с грустным вздохом признать – кто-то из них так и останется в истории писателем города-села такого-то. Однако есть, есть в Югре писатели, чьё творчество уже перешагнуло уровень местной литературы, кого по праву можно называть просто русским писателем. Просто русский писатель – это звучит гордо! Рассматривая наших писателей с точки зрения их сопричастности к общероссийской литературе, можно назвать несколько имён, и среди них обязательно Сергея Луцкого. Прозаик, журналист, эссеист, из-под пера которого вышли многие повести и рассказы, печатающийся не только в региональных альманахах, но и в центральных литературных журналах.

С Сергеем Артёмовичем Луцким я познакомилась до того, как прочла его книги. И знакомство мешало мне поначалу воспринять его прозу. Ибо внешне он – подтянутый, «как денди лондонский одет», всегда уравновешенный, немного ироничный, глаза скрываются за тёмными очками. Очень мало в нём – внешнем – от сложившегося в умах образа талантливого, зачастую растрёпанного, не приспособленного к жизни писателя. А в книгах вырисовывается образ совсем другой: тонкий, лиричный, эмоциональный, даже страстный и взрывной! И такую душу он научился прятать?! Во внешней жизни – да, научился, но раскрыл её в своих книгах. В творениях своих любой писатель не только высказывает свои думы, но и выражает душу – ранимую и нежную иль чёрствую и ко всему безразличную. Далеко не всегда окружающие могут знать о том, что творится в его душе – мало ли какую маску надел он на себя? А вот в книгах – там уже не спрятать, не утаить самого сокровенного.

И сам Луцкий подтверждает: «Жизнь каждого литератора проходит в двух измерениях. Первое: внешняя её канва, повседневность. Второе: подспудная жизнь ума и сердца, творчество». Понять эту

«подспудную жизнь ума и сердца» писателя – это важнее, чем запомнить факты биографии.

Однако биография не может не отражаться в творчестве пишущего человека. А как иначе? Ведь именно в детстве формируется мировоззрение, в своей жизни писатель находит героев будущих книг. Многие задаются вопросом: а как люди приходят к осознанию того, что они должны писать, творить. В этом есть что-то мистическое, можно даже говорить о предначертании, потому что, изучая биографии лучших писателей, замечаешь, что они уже в самом раннем детстве знали, что будут писать. И Сергей Луцкий, едва научившись читать, уже предчувствовал, предощущал свою судьбу. Ещё во втором классе, когда учительница спрашивала детей, кто кем хочет стать, мальчик уверенно ответил: «Писателем!» Хотя по окончанию восьми классов он поступили в Черновицкий индустриальный техникум, который и окончил в 1965 году. Отец, бывший кадровый офицер, смог убедить, что писательство – дело ненадёжное, нужно иметь настоящую профессию. И Сергей закончил техникум, причём с отличием, отслужил в армии, отработал год на заводе, а потом всё-таки подал документы в Литературный институт. Детская мечта и судьба оказались сильнее.

Литературный институт – тот, о котором мечтали многие, но поступить туда удавалось единицам. Сергей Артёмович вспоминает, что Литинститут научил его профессиональному отношению к литературному труду и позволил стать писателем.

После окончания вуза Луцкий работал в Госкомиздате РСФСР, в Литературной консультации Союза писателей СССР, в Министерстве печати Российской Федерации. А затем, в 1993 году, вдруг последовал переезд на север, в маленькую деревню Большетархово Нижневартовского района. Такой поворот судьбы может показаться непонятным. Из Подмосковья – и в сибирскую глухомань, в деревню? Сам Сергей Артёмович не любит рассуждать о причинах переезда, отшучивается: «Это у меня жена такая романтичная, она сначала сюда приехала, а я – уже следом за ней». А от писателей, что остались жить в Москве, я слышала, как они одобряют поступок Луцкого: мол, уехав подальше от столичного раздрая, дрязг, что были во всех творческих союзах в девяностые годы, он смог сохранить себя для творчества. Лучшие писатели России всегда жили в провинции, вдали от суеты есть возможность вслушиваться в то,

что советует душа, есть место и время для той самой «подспудной работы ума и сердца». Но всё-таки многие цепляются за Москву. Не секрет, что, живя там, вращаясь постоянно в кругу столичных литераторов, проталкивать в солидные журналы свои произведения проще. Что потерял, что получил Луцкий от своего переезда? Рассуждать об этом можно лишь в сослагательном наклонении: «если бы». А надо ли? Сам он говорит: «Всякий жизненный опыт ценен».

Работа журналиста (Сергей Артёмович стал корреспондентом газеты «Новости Приобья»), суетлива, поездить по огромному Нижневартовскому району пришлось немало. Но зато это обогащало новым опытом, впечатлениями, сводило с интересными людьми. И здесь, в Большетархове, написаны многие повести и рассказы Сергея Луцкого, глубокие, осмысливающие жизнь. Кое-кто из критиков уже говорит, что здесь писатель проявил новые грани таланта, его проза стала полнее, объёмнее, наполненной глубинной философичностью. А кроме того, Сергей Артёмович своим присутствием в регионе сумел обогатить нашу литературную жизнь, потому что вокруг него стали собираться пишущие люди сначала Нижневартовского региона, а затем и всей Югры. Как-то незаметно Луцкий стал человеком, вокруг которого собираются литераторы региона, общаются и между собой, и получают советы. Благодаря его помощи, советам начинающие нижневартовские писатели более требовательно начинали относиться к своему творчеству и получали возможность публиковаться сначала на страницах литературного приложения, которое он готовил, в коллективных сборниках, а затем – и выпускать свои книги.

Но главное, о чём бы хотелось поговорить – это о прозе самого Луцкого. В чём же суть его творчества? Читая произведения Луцкого, в первую очередь восхищаешься его прекрасным владением языка, его сочным, красивым русским словом. Затем удивляешься тому, какими узнаваемыми, живыми предстают перед нами его герои, правдивости прописанных характеров, почти реальности сюжетов, точности даже в малейших деталях описания быта. Очень внимательно Луцкий наблюдает за жизнью и умело переносит её в свои книги. Он следует традициям классической русской литературы, в которой обязательны красота языка, внимание к деталям природы и быта, но это лишь составляющие мастерства, средство, благодаря которому он достигает главного – раскрывает внутренний

мир своих героев. И описывает его так, что читатель обязательно сопереживает, волнуется вместе с героем, то есть, учится сострадать. Внутренние переживания: раздумья, метания души, взросление героя, сталкивающего с жизненными трудностями – это основное в классической русской литературе. Это же в полной мере мы наблюдаем и в произведениях Луцкого. Внешний фон создаётся в них виртуозно, но он остаётся только фоном, а главное – это та самая «подспудная работа ума и сердца».

Правдивость – это основное отличие его прозы. У одного знакомого в библиотеке я обнаружила книгу Сергея Луцкого, которая вышла в свет ещё в 1980 году «Десять суток, не считая дороги». Знакомый купил эту книгу на «большой земле», и при переезде в Югру счёл нужным взять с собой. На вопрос, чем книга понравилась, ответил просто: «Понимаешь, это как будто про меня написано, я таким же солдатом был. Всё здесь так, как и есть на самом деле, без всяких там выкрутасов. Читаешь некоторые книги об армии, и плеваться хочется, так жизнь солдатская переврана, приукрашена. А здесь всё – правда».

«Это как будто про меня написано» – если непредвзятый читатель отзывается о повести так, значит, автора уже можно считать мастером. Вступительное слово к первой книге Луцкого написал Виль Липатов: признанный мастер слова уже в то время отмечал у Луцкого «зоркость глаза, запоминающуюся мысль, стремление к сжатости и объёмности», сказал, что «при пристальном рассмотрении можно увидеть те внутренние пружины, которые двигают поступками его героев». У него есть умение словом обрисовать человека, обстоятельства, душевные состояния, что всё это предстаёт осязаемым, зримым – будто наяву. Можно говорить и о глубинном всечеловеческом смысле, который заложен в его произведениях, – о пробуждении добрых чувств, внимательном отношении к людям, то есть, безусловно, что Луцкий «сеет разумное, доброе, вечное».

«Здесь всё – правда» – это же можно сказать и о повести, также написанной в доперестроечные годы, до приезда Луцкого в наши края: «Будни или сразу после армии». Сначала герой, возвратившийся из армии, счастлив, полон планов, ему кажется, что все дороги перед ним открыты, устраивается на работу, как он считает – на время, пока не определился с выбором, мечтает куда-то уехать (может быть, на комсомольскую стройку), но будни – серые оди-

наковые – поглощают его. И героя гложет непонятная знакомым тоска по чему-то неосуществлённому, более высокому. Захотелось сбежать от удушья, от смертной тоски будничной жизни к армейским друзьям, на север. Он покупает билет на самолёт, но улететь не удаётся: на аэродром прибежала девушка, с которой у них и любви-то, по сути, не было, была просто пошлая связь, сообщает, что беременна. И самолёт улетел без него.

Опостылевшая жизнь, болото не пожелали выпускать, затянули. На тревожной ноте заканчивается эта повесть: что-то будет дальше с героем? Автор ставит вопросы, а искать ответы на них предлагает читателю. Повесть эта, вроде бы написанная по канонам соцреализма, по духу никак под эти каноны не подходит. Впрочем, соцреализм далеко не однозначен. Сергей Артёмович, размышляя на эту тему, подметил, что соцреализм не так уж и жёстко регламентировал писателей. Леонов, Шолохов, Платонов – всё это соцреализм, причём во времена идеологически очень суровые, 30-40 годы. И тем не менее их произведения – проза самой высокой пробы, высокая русская литература. Следовательно, не столько важны идеологические условия, в которых работает писатель, сколько его собственные творческие установки.

Да и стоит ли говорить о влиянии на творчество Луцкого этого пресловутого соцреализма? Несомненно, что он верен духу и букве всей русской литературы, которая ещё начиная с Гоголя была внимательна к «маленькому человеку». «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» – так говорят многие. Но следуют традициям далеко не все, а в произведениях Сергея Луцкого показан именно рядовой человек нашего времени, он очень узнаваем, его страдания не вымышлены, знакомы многим из нас.

Период, когда вся наша страна переживала очень непростое время, проходила ломка устоев, крушения человеческих судеб, ещё не ушёл в прошлое. Свидетелями стольких трагедий были мы в постперестроечные годы! Наверное, поэтому – из боязни новых страданий – нынешние российские читатели переключаются на книги лёгкие, приключенческие, развлекательные, те, что уводят, отвлекают от жизни. И трудно обвинять людей в таком выборе литературы. А над книгами Луцкого нужно думать, осмысливать, душа над ними «должна трудиться». Порой даже больно читать его повести – тяжело заново окунаться в гнетущую атмосферу развала и разрухи

«лихих 90-ых». Потому рано говорить об огромной популярности его книг. Это книги для думающих читателей, которые помнят завет классика: «душа обязана трудиться». Трудиться, размышлять о жизни, переживать за героев книг, а стало быть, и за людей, живущих рядом с читателем, а не сбегать от жизни в свои фантазии, не отгораживаться от окружающего мира.

И я верю, что, насытившись развлекательным чтивом, все снова потянутся к правдивой, серьёзной, повествующей о реальной жизни литературе. Верю – это обязательно произойдёт. Влияние литературы на умы русских людей всегда было огромно, мы учимся жизни по книгам – такими мы были всегда, такими и останемся. Потому и теперь у Сергея Артёмовича Луцкого большой круг читателей и почитателей, тех, что следят за его творчеством и ждут новых книг. Его произведения, кроме того, что издаются отдельными книгами, публикуются в окружных, региональных и центральных литературных газетах и журналах. Если б Луцкий оставался жить и работать в Москве, то, наверное, столичные журналы его бы признали гораздо раньше – с этим вряд ли поспоришь, писателю из провинции пробиться труднее. И если Луцкий, несмотря на то что давно живёт в провинции, сумел заново добиться признания «московской литературной тусовки», это свидетельствует о его несомненном мастерстве. Голос югорского писателя слышит вся читающая Россия, потому что он пишет обо всех, для всех. Герои его новых книг – это люди, по которым ударила перестройка, которые перестают понимать окружающую действительность, мучаются, мечутся, один из героев повести «Затмение» заканчивает жизнь самоубийством. Всё так, как и было…

О развале СССР и хаосе, охватившем нашу страну в постперестроечные годы, будут долго размышлять и историки, и социологи, и философы; несомненно, об этих годах будут ещё написаны и научные труды, и созданы новые художественные произведения. А книги Сергея Луцкого уже есть, и в них – точное отражение того, что происходило с людьми, о чём они думали, как метались в поисках нового места в ломающемся на их глазах мире. В своём эссе «Сажать свой сад» Луцкий, размышляя о доле писателя, живущего на сломе эпох, вспоминает слова Тютчева и Вольтера:

«Тютчев предлагал в такой ситуации считать себя счастливым. На том основании, что боги-де только избранным позволяют быть

свидетелями судьбоносных, зачастую – тяжёлых, даже кровавых событий. С точки зрения вечности, это, быть может, и так. Но сложно чувствовать себя счастливым, когда в сказочно богатой стране народ нищенствует. Когда у него отобрано даже то, что гарантировала прежняя, не слишком-то щедрая власть, – бесплатное образование, медицину, неплохие пенсии, другие социальные блага. Когда народ последовательно оглупляется, вследствие чего падает интерес к серьёзному искусству, литературе в том числе.

Приходят на ум слова ещё одного выдающегося человека – Вольтера. Он вёл обширную переписку с людьми самых разных социальных слоёв Европы своего времени. И они, в массе своей гуманные, думающие, спрашивали у Вольтера, как жить, если вокруг столько жестокости, подлости и грязи. Как не оскотиниться, не поддаться напору низкой жизни? Вольтер отвечал кратко: сажайте свой сад. Я его слова понимаю так: делайте то, что считаете правильным и нужным, несмотря ни на что. Сказанное Вольтером следует помнить и нам».

«Сажать свой сад» – эти слова, наверное, можно считать творческим кредо писателя Луцкого. Произведением, на которое следует обратить внимание читателя, является повесть «Затмение». Написанная в постперестроечные годы, повесть отразила печальную судьбу взращенной в советские годы и для нужд советского государства интеллигенции в период, когда государство это рухнуло, и ломалось всё, на чём основывалась жизнь.

Герой повести – не бунтарь по духу, рядовой служащий одного из НИИ Подмосковья. Институт и его исследования стали никому не нужны, и кандидату наук приходится перебиваться мелкими приработками, чтобы хоть как-то прокормить семью. Он растерян, но нравственность, моральные установки, заложенные сызмальства, не дают ему «пускаться во все тяжкие». Он с недоумением и непониманием наблюдает за энергичным знакомым, который набирает девушек в немецкие публичные дома, ему горько видеть, что сосед-официант преуспевает, тогда как он, кандидат технических наук, оказался не у дел. Автор сочувствует герою и вместе с ним не понимает, как человеку, сохраняющему чувство собственного достоинства, выживать в новых условиях. Сергей Артёмович, поясняя замысел «Затмения», говорит:

– Я ставил перед собой задачу провести лейтмотивом через всю повесть образ угрюмой и безжалостной силы, ломающей судьбы

и жизни рядовых людей ради неизвестных целей. По-писательски задача непростая, требующая умения, и немалого. Тектонические сдвиги в постсоветском обществе начала девяностых годов откликнулись разрушающим и бесчеловечным образом. Я пытался показать, что уязвимое положение значительной части советской интеллигенции, проявившееся в постперестроечные годы, во многом предопределено отсутствием у неё корней. Интеллигенция советской поры потеряла навыки выживания, свойственные простому народу, из которого она вышла. Но она не стала по-настоящему своей среди интеллектуалов старой школы, связанных с интеллигенцией ещё дореволюционной России. Это промежуточное состояние в основном и предопределило драму главных персонажей повести.

Сложную задачу поставил перед собой писатель, и можно уверенно утверждать, что с задачей он справился. И об этой повести кто-то из читателей скажет: «Как будто про меня написано».

Героиня повести «Варианты Надежды Вилоровны» не производит впечатления растерявшейся, беззащитной дамы, она энергична, материально независима. Однако и она мечется по жизни в поисках ускользающего счастья. В повести с несколько скандальным названием «Снохач Бусыгин» на фоне общественных катаклизмов серьёзные коллизии происходят и в семье главного героя. Но и эти герои узнаваемы, взяты из жизни, и эти его герои мучаются, размышляют о смысле своего существования и пытаются разгадывать, понимать, объяснять всё течение жизни.

Почему столь большое место в творчестве этого писателя занимает именно эпоха девяностых? Несомненно, отражать в прозе переломные моменты в истории, свидетелем которых он был, – это в какой-то мере обязанность писателя. И ещё Сергей Артёмович добавляет: «Конечно, постперестроечные годы шарахнули и меня по темечку. Мы оказались в положении того же Андрея, героя моих «Будней…». Находясь в армии, он слишком многого ждал от предстоящей гражданской жизни, а действительность после дембеля оказалась иной. Так и мы, раззадоренные перестройкой, думали, что теперь-то настанет другая жизнь: честная, справедливая, без лжи и притворства, пропитывавших советское общество. Ан нет, едва ли не всё стало намного хуже. В своё время Флобер сказал: Эмма Бовари – это я. Вслед за ним повторю: Надежда Вилоровна – это я. В судьбе этой женщины отразилась история нашей прекраснодуш-

ной и доверчивой интеллигенции. Изменила ли постперестроечная реальность моё мировоззрение? Вряд ли. Не изменились мои взгляды и на литературу. Я воспитан на классической литературе, её гуманистические принципы и высокое предназначение разделял и разделяю».

Я уже отмечала, что некоторые произведения Луцкого больно читать, настолько они реалистичны, и читатель переживает за судьбу героя, как за родного человека иль как за самого себя. И вот думаю: а сколь тяжёлую ношу взвалил на себя писатель, рассказывая о них – ведь ему нужно было прожить вместе с ним всю его нелегкую судьбу! Ну неужели из жалости к герою – созданному им, рождённому в его душе, стало быть, почти своему ребёнку – неужели автору не хотелось избавить своего героя от многочисленных испытаний, потерь? Наверное, хотелось, но тогда его повести стали бы в один ряд с лёгким развлекательным чтивом, они б потеряли правдивость.

А сам автор объясняет свою позицию так: «Жесток не автор – жестока жизнь. И беспощадней всего она обращается с душевно незащищенными людьми. Да, мне бывает жалко своих героев, горько за них, но подвести их к другому финалу – значило бы соврать, что писателю не рекомендуется. Да и кто сказал, что финал истории, в которой эти люди выступают героями, это финал всей их жизни? Не исключено, что в дальнейшем действительность повернётся к ним более приглядной стороной, почему бы и нет?..»

В последние годы стало появляться ощущение, что глубинные тектонические сдвиги и потрясения внутри нашего общества завершились, жизнь налаживается, (иль просто нам всем очень хочется в это поверить?), а потому герои книг Луцкого будут ещё счастливы. И все мы надеемся, ожидаем размеренную и счастливую жизнь. И когда тревожное ощущение ожидания постоянных катастроф, предчувствие бед забудется, люди снова будут уверенными в себе и перестанут бояться серьезной литературы, в которых присутствует горе, трагедии. А историки, социологи, психологи и прочая, прочая, будут размышлять о минувших днях, осмысливать, что, как и почему происходило в нашем обществе в эти переломные годы, как выживали, спасались от бед простые «маленькие люди». И как по книгам Гоголя, Тургенева мы изучаем людей, живших в 19 веке, так по книгам Луцкого и исследователи, и просто наши потомки будут

изучать, стараться понять людей, живущих в наше время, – нас с вами. Понять, простить и полюбить… И верится мне, что в будущем произведения Луцкого будут востребованы в большей степени, чем сейчас. Ибо «большое видится на расстоянии».

Татьяна Юргенсон

Под диктовку времени

(О книге Елены Гостевой «На качелях времени»)

Когда идёт разговор о поэзии, невозможно отгородиться от чувств, вызванных прочитанными или услышанными строками. И осыпается сухим песком весь заранее продуманный настрой на якобы объективное и отстранённое рассуждение об особенностях поэтического мира того или иного автора, становятся неважными существующие правила и законы литературной критики как науки. На первое место выходит собственный внутренний голос, вступивший в резонанс с прочитанным, а потому честный и искренний. Всё это происходит, когда встречаешься с настоящей Поэзией…

Для меня лично каждое погружение в поэтическую правду Елены Гостевой давно уже стало не привычным, но нормой. Не единожды мы вместе с ней выступали с одной сцены, перед одной аудиторией, мне посчастливилось быть свидетелем и в некоторой степени соучастником выхода её первой и второй поэтических книг. Всё это вспоминаю, чтобы сказать о немимолётности своего знакомства с поэзией Елены. И вот, перечитывая рукопись новой книги «На качелях времени», невольно ловлю себя на том, что и давно хорошо знакомые мне отдельные стихотворения совершенно не потеряли своего качества новизны и обнажённости чувств.

У переживших в осознанном возрасте последнее десятилетие прошлого XX века никогда не сотрутся в памяти события и горькие особенности того времени. И не удивительно, что испытанную обществом боль многочисленных потерь, среди которых и такие

монументальные, как уверенность в завтрашнем дне и даже смысл жизни, острее и ярче всех передали поэты.

В то непростое время Елена написала яркое стихотворение, которое смело можно предлагать для изучения в школьной программе истории и литературы.

«Россия – она не вокруг,
А – во мне,
Как песня и боль,
Как рассветное звонкое чудо;
И благовест чистый,
И трель соловья по весне
Вбираю в себя
И беречь,
И лелеять в душе своей буду…».

Не случайно именно этим произведением открывается книга. О том, как оно родилось, почему автор считает его важным, рассказала сама Елена Гостева:

«Вот уже у поколения родившихся после развала СССР растут свои дети. Я же помню жизнь в Советском Союзе, а ещё крепче в мою память впечатались «лихие девяностые». Сначала пришла гласность, которая всех обрадовала, обнадёжила. Но вслед за нею грянули разруха, развал производств, безденежье и прочее, и прочее. Кто-то стремительно богател, но большинство моих знакомых еле сводили концы с концами. А вести отовсюду приходили всё более страшные. Дальнобойщики, отправляясь в рейс, не знали, вернутся ли живыми... Человек, проработавший на предприятии около 30 лет и попавший под сокращение, повесился на воротах предприятия, откуда его уволили... Гуманитарная помощь в виде мяса кенгуру и «ножек Буша»... Неужто то, что я наблюдала в те годы, было Россией? Не хотелось в это верить! – вспоминает Елена. – Как протест против того, что я наблюдала тогда, у меня родилась строчка: «Россия, она не вокруг, а во мне!..» Ныне, из 2022 года, мы уже видим, что Россия не погибла, и сегодня правильней было бы сказать: «Россия – она и вокруг, и во мне!» Но что написано, то написано».

Недаром, разбирая стихи Елены на семинаре молодых поэтов, ныне покойный поэт Николай Денисов высоко оценил это

стихотворение. Он сказал, что поэты, сохраняя Россию в своих сердцах и в стихах, сберегают истинную Россию и помогают её возрождению.

Также неизменна уверенность Елены в том, что сохранить национальное самосознание народа России можно только при обращении к её духовным основам – православной вере, родовым корням и чистоте мировоззрения крестьянина-труженика, ибо:

«Хлеба должны созреть,
Должно стать крепким семя,
Коль недоношен плод,
Ущербной будет жизнь;
Без крыльев не взлететь
Орлёнку – нужно время.
Взрослей, и в небеса
По праву сильных – рвись!»
(«Хлеба должны созреть…»)

Притяжение родной земли в исторической памяти русского человека прорастает из ощущения собственной принадлежности к тем, кто плоть и кровь от земли – крестьянству. Особенно, если родился в деревне. И потому крестьянская правда в сознании русского человека для нас остаётся просто Правдой и тем Истинным Законом, которому необходимо следовать. Чтобы жить – надо дарить любовь земле, холить и лелеять её, и тогда не только взрастишь хлеб, но и сам возмужаешь и станешь настоящим человеком. Но никто не защищён от испытаний. Внешние, действовавшие длительное время, неодолимые силы привели к исходу крестьян в города на протяжении всего 20-го века, что породило новую трагедию и печаль. Об этой печальной для России тенденции – в стихах «А давай-ка пройдём пешком…», «В почерневшем старом доме…», «Печаль о доме…».

«…Никакая из дорог
не вернёт хозяев дому.
Только призраки придут,
паука прогнать не смогут,
пыль с окошек не смахнут.

Их невидимые пальцы
тронут выцветший альбом.
И застонет, и заплачет
ветер в раструбе печном...»
(«В почерневшем старом доме…»)

Однако Елена не теряет надежду на то, что заброшенные поля снова будут распаханы, и там будут вызревать хлеба, а на лугах будут пастись стада. Возродилась Россия, и вместе с ней обретёт новую жизнь и деревня.

«…Ну а если придём туда,
Где поля обихожены,
На отавах пасут стада –
Травы вовремя скошены,
Где пропахли насквозь смолой
Разулыбые плотники,
Там попросимся на постой
Да наймёмся в работники…».
(«А давай-ка пройдём пешком…»)

Основная мысль второго раздела книги логично произрастает из стержневых идей первого. Поэзия рождается на почве, возделанной с особым тщанием, политой потом непростого жизненного опыта и засеянной особыми семенами порой противоречивых, но, несомненно, ярких и настоящих чувств и переживаний. Например, в размышлениях о дочерях и их судьбах – настоящая понятная всем тревога. В другом стихотворении автор с неким грустным юмором повествует о собственной усталости и заурядных житейских мечтах об отдыхе на море, и обыденность, облачённая в поэтические строки, становится ярче, возвышенней. А старые зеркала, которые хранят, но не раскрывают свои тайны, кажутся волшебными, и их матовый блеск становится только более заманчивым.

Тысячи раз была права Анна Ахматова в своих строках «Когда б вы знали, из какого сора/ Растут стихи, не ведая стыда…». Только сор этот священен, и у каждого поэта в тайнике хранится сундучок, чердак или чулан, в котором, не дай Бог, кто-то посторонний надумает произвести уборку, чтобы найти и высчитать причину

рождения того или иного стиха. На то, что можно доверить всем, поэт обычно просто намекает.

У Елены эти намёки можно увидеть практически в каждом стихотворении. Только следует помнить, что это будут те строки, с которыми вступило в резонанс именно ваше второе «Я», а посему для каждого читателя они особенные, свои. Я же привожу здесь именно те, которые отозвались во мне собственным выплеском чувств и размышлений.

«Жаль, но не только в феврале
Нам, слабым, есть о чём поплакать
На сплошь зарёванной земле…».
(«Февраль. Достать чернил и плакать…»
Борис Пастернак)

«В поезд мне б, хоть на верхнюю полку,
Чтоб листать километры, листать,
Словно книгу!.. Увы, втихомолку,
Как о чуде, о море мечтать…».
(Белые ночи)

«А за окном фейерверки расцветили
Небо ночное на десять минут.
Радость и горе и в этом столетии,
Рядышком, словно соседи, живут…».
(«Прочь, суета и все мысли досужие!..»)

Третья глава книги печальна и преисполнена болью. Зная Елену, могу только сказать, что это абсолютно честные, прожитые её душой строки. Отбросив все лишние условности поэтических допущений и традиционно предъявляемых требований к некоей образности, она создала в этой главе до предела сконцентрированное чувство боли за происходившее и до сих пор происходящее с Россией.

«Я не играю роль!
Многие тысячи
мне завещали боль.
Мне её – выкричать,

мне её – выплакать
надо за них,
для их
душ неприкаянных…».
(Плач)

Можно, конечно, сказать, что сегодня Россия другая, а эти стихи уже принадлежат ушедшему времени. Но весьма интересен тот факт, что Елена опирается часто на строки русских поэтов, ставших классикой, раскрывает новые грани их смыслов, подтверждая, что настоящее – не устаревает, а всегда будет нести смысл, идею, чувства и поэтическую правду. И ещё к одной мысли меня привела эта глава. Чувствовать боль своей Родины – удел истинного поэта, свойство скорее врождённое, чем приобретённое, либо привитое на таком раннем уровне детства, когда оно становится таким же безусловным, как любовь к родителям. Априори. Безоговорочно. Воспитываются ли сегодня эти чувства в самом юном поколении? Сложно сказать. Но, коль уже слова произнесены, они будут нести в себе тот заряд истины и правды, которую поэты знали и прожили.

«Я жадно вглядываюсь в лица
Идущих встречь.
Пусть с лиц чужих нельзя напиться,
А мне б сберечь,
Постигнуть, что таят их взгляды:
«Да всё путём!»…
(«Я жадно вглядываюсь в лица…»)

Самая пронзительная и, может быть, самая понятная для любого читателя в этой книге – четвёртая глава. О Любви.

Об удивительно тонких нитях, что могут соединить мужчину и женщину, двух поэтов, стать основой для плетения магических слов-заклинаний.

«Об одном прошу тебя: «Будь!
Пусть не рядом, но где-нибудь
Здесь, под небом лазори нежной,
Средь лесов зеленых иль снежных».

В бедах, радостях бытия
Об одном заклинаю я:
«Будь! И пусть от меня вдали,
Ты мне нужен поверх земли!..».
(«Об одном прошу тебя:«Будь!..»)

Слова вырываются сами, не поддаются никаким условностям и настолько осязаемы, что и «огонь, опьяняющий, низовой…», и «… связаны мы и не ниточкой – лучиком/ волоса тоньше …», и «жить по закону вдов» становится и для читателя собственным ожогом на душе. А земная любовь превращается в бесконечную молитву к Богу с одной-единственной просьбой:

«Только бы в жизни той
больше он не страдал!..».
(«Сорокоуст»)

Эта глава настолько личностная, интимная, что кажутся совершенно неуместными какие-либо её интерпретации.

Зато скрытое до поры чувство магии этого мира выплёскивается в следующей главе. Стихи, собранные в ней Еленой, писались в разное время, но, собранные вот так, вместе, в одну главу, они погружают в древние, ещё дохристианские истоки славянского мировоззрения. И нет в этом налёта современной фэнтезийности, но есть пробившийся сквозь множество поколений голос предков.

«С души моей сорвали кожу,
Она – нагая, но не смей
Мне говорить, что я похожа
На сумасшедших. Все сильней
Я чувствую на расстояньи
Биение людских сердец,
Чужую радость и страданье,
Словно дыханье Бога жрец.
Душа страдает от вторженья
Чужих мне дум, но не солгу
Оголена, под напряженьем,
И ваш покой взорвать смогу».

(«С души моей сорвали кожу…»)

Специально не использую расхожее понятие «литературный герой», потому как во всех своих стихах Елена Гостева выражает именно себя, именно свои мысли и чувства и, кажется, не признаёт метод «взгляда со стороны». Всё прожитое благодаря силе её слова отзывается такими же искренними и настоящими чувствами, открывая в читателе способность к со-переживанию, со-чувствию и даже со-творчеству. И потому совершенно логична завершающая глава этой книги о месте и роли поэта в этом мире.

«Я знаю, все беды б минули,
Мне б только разумней жить,
Да вот стихи горлом хлынули,
Нет сил их остановить…».
(«Я знаю, все беды б минули…»)

Эта глава весьма значительна для понимания всей книги в целом. Она как эпилог к глубокой философской повести о жизни поэта, исполненной боли, печали и любви.

Елена Аушева

Семь небес Татьяны Юргенсон, или Что скрывает в себе матрёшка?

«Малое собрание» Татьяны Юргенсон объёмно по форме и глубоко по содержанию. Но название точно, оно не лжёт: это только часть творчества поэта, отобранное и сформированное по особому принципу. В этом и загадка, и ответ на вопрос: что же представляет из себя поэзия Татьяны Юргенсон? Попробуем пройти по пути, непростому и извилистому, приобщиться к миру творчества автора, прочувствовать самую суть и сокровенный смысл лучших стихотворений, вошедших в сборник.

До момента погружения остаются считанные секунды, поэтому хочу предупредить читателя, пока он не нырнул в глубины строк и строф: перед вами море философии. Здесь не будет простых решений, лёгких ответов. Поэзия Татьяны Юргенсон – это не томик стихов в руке скучающей барышни, решившей усладить свой слух нежными сочетаниями слов и струящимися звуками стихотворных строк. За рваными формами, экспериментальными рифмами или полным пренебрежением ими проглядывает главный замысел автора о своём творчестве: познании мира через себя, а себя через мир. Это явление обратной перспективы, принятой в иконописи. Чтение не будет лёгким, но будет интересным, это точно, потому что в «Малом собрании» вы найдёте сонеты, хокку, верлибры, вольный стих, классический силлабо-тонических стих и симбиоз нескольких форм.

Сборник состоит из семи книг, изданных ранее и нескольких неопубликованных циклов. Семь – сакральное число, священное и таинственное: это и седьмое небо, самое чистое небо рая, и перемена судьбы, и семь чудес, семь тайн. А ещё это матрёшка: раскрывая одну книгу, попадаешь во вторую, и без прочтения предыдущей не поймешь скрытых смыслов следующей. «Сказки странствий», «Низвержение в Хумгат», «Ветер востока», «Письмена на облаках», «Календурь», «Морошковый ликёр» и «Снежки» – вот наш с вами маршрут, и мы отправляемся.

Эпиграфом к «Сказке странствий» вынесены две строки:

Мы все слушатели сказки странствий
и участники её гениальной постановки.

Читатель находится в двух состояниях: активном и пассивном. Он, с одной стороны, волен воспринимать то, что слышит, а, с другой – исполняет чью-то чужую волю, пусть она и продиктована гениальным сознанием, он играет роль. В этом двойственном бытии раскрывается полная свобода и ограниченность в действиях, мир, созданный Татьяной Юргенсон, трансформируется, в нём происходят метаморфозы. И всё же главный герой здесь – это Сказка странствий, и она тоже двойственна. Нет однозначности, у каждой медали две стороны – нам нужно помнить об этом всё время, читая стихотворения поэта.

Сотвори меня, Господи,
В чистой воде,
Из ручья бесконечного и тишины,
Из рассветов весенних и холодов,
Из ночной непроглядности,
Света луны.

Читателю предстаёт чистота и совершенность всего сущего: человек в своей первозданности равен миру, и он же является его частью, он бесконечен, противоречив, состоит из диаметрально противоположных явлений.

Сотвори меня, Господи,
Силой любви.
Сердцем будет огонь, а разумом лёд.
Я пойду по дороге, ведущей к тебе,
Спотыкаясь и падая,
Но всё время вперёд.

Человек наполнен любовью извне, что не избавляет его от совершения ошибок, ведь он должен самостоятельно пройти свой путь. Задаётся вектор движения, проявляется суть человеческого бытия: необходимо достичь источника этой любви, надо приблизиться к центру своего созидания. Цель, обозначенная в этом стихотворении, пройдёт лейтмотивом через весь сборник стихотворений, это и будет та «сказка странствий», о которой мы услышали в эпиграфе.

Может быть, где-то там,
Подойдя к рубежу,
Буду я сожалеть о молитвах к тебе.
Но сомненья мои ещё не взошли.
Сотвори меня, Господи,
В чистой воде.

Тот, кто стоит на старте, в начале своего пути, ещё чист и помыслами, и делами, его падения не затронули душевной сущности. «Мои сомнения ещё не взошли», ещё есть возможность возрождения, воссоздания своей первоначальной сути, творческой и оттого

богоравной. Кто такой творец? Это отображение Божественной силы, творцу подвластно всё, для него нет невозможных форм, нет запретных тем. Так и всё творчество Татьяны Юргенсон: яркое, бесстрашное в своих экспериментах, уверенное в движении вперёд.

Мир поэта непрочен, зыбок, он принимает любые формы: «Мир – иллюзия, над пропастью – скольженье», он сам состоит из множества миров, поэтому он многогранен.

Меня составляют тысячи миров.
Такому богатству позавидует Вселенная –
Свои миры я познаю сама,
Ей же пришлось создать меня,
Чтобы хоть что-то узнать о себе.

Кроме того, этот мир цикличен, он состоит из круговорота событий в мире природы и человека. И в этом повторении действий, событий есть некая обречённость, «Всевышний… вынес свой приговор» тому, что он создал. Но лирический герой упрямо следует своему назначению: одолеть жизненный путь:

Так аллилуйя тем
кто в этот бренный мир вошёл
и путь свой одолел

«Низвержение в Хумгат» погружает нас в личную мифологию автора, где он рефлексирует на вечные темы жизни, смерти, сущности бытия.

Что есть вода? Теченье жизни.
Что время есть? Её ж дорога.

Среди произведений Татьяны Юргенсон есть стихотворения в прозе, они вносят в мелодику стиха равномерное, утяжелённое звучание основных онтологических вопросов. Будничные образы и события прерываются, заглушается внешний шум, автор концентрируется на осмыслении самого себя, так рождаются новые образы, наполненные памятью, мифами.

«Когда человек отрицает Бога, он ищет его замену в себе самом. Отрицание – движение, когда человек не смиряется с тем, что прикован к земле, он хочет взлететь. Движение – жизнь. Соглашение с действительностью позволяет нам смотреть только перед собой и не замечать неба, ходить, а по сути – топтаться на месте. Отрицание – жизнь. Соглашение – это растворённость в бездействии».

Не это ли ответ на вопросы, которые терзают лирического героя? Что же он ищет в своём пути, следуя сквозь время и пространства, и даже погружаясь в абсолютное безвременье и пустоту? «Ветер востока», помимо этих размышлений, дарит нам развёрнутый ответ в виде «Венка сонетов», который, в итоге, оборачивается неутешительным выводом:

Сомненья – призрачный итог
Того, кого придумал Бог.

Символичны названия книг Татьяны Юргенсон. Так, «Ветер востока» подхватывает и несёт куда-то выше, где мы читаем «Письмена на облаках», причём письмена эти с восточным колоритом: книга состоит из хокку. Выбранный жанр позволяет поэту с лёгкостью переходит из одной географической точки – в другую, менять внешний фокус на внутренний, сочетать разные фактуры, времена года, состояния души.

Тишина белоснежных крыш,
Одинокие столбики дым –
Банный дух субботней деревни…

Хокку Татьяны Юргенсон насыщены цветом, звуками, запахами – это настоящее пиршество для органов чувств, но одно неизменно: дорога, которую нужно пройти.

Путь к богу всегда прям,
Коли сердце не окаменело.
Но камней на дороге всё больше…

Философские размышления внезапно сменяются яркой игрой в

слова, в смыслы, в формы: перед нами «Календурь». В нём встретятся и «Январский краткодневник», и «Немартовский эскиз», и «Неябрь».

Доведи до абсурда рифму,
Скройся в ритме песчаных танцев
И в слепящих мотивах снегах
Позабудь о пути назад…

Автор остаётся верным себе: он продолжает играть и продолжает свой путь, наполненный поисками смысла, предназначения, служения.

И, как нельзя лучше, его жизненное кредо раскрывается стихотворением из книги «Снежки».

Не ропщу я на выбор твой,
Господи, твоя власть,
Не давать мне ни сон, ни покой,
И в кубышки злато не класть.
Но, зато, Ты отправил меня
В этом мире петь свою песнь,
Что тихонько в сердцах звеня,
Убивает и грязь, и плесень.
Разговор наш один на один
Выливается в сонмы строк.
Я молю тебя, мой Господин,
Быть со мной до конца дорог…

Что же такое «семь небес» Татьяны Юргенсон? Думаю, каждый читатель найдёт для себя свой ответ. Мне же в «Малом собрании» видятся дорога, поиск, игра, двойственность всего происходящего, юмор, философия и бесконечная любовь к жизни.

Содержание

Юргенсон Т. От составителя 3
Сладкова М. Очищение души 9

Точка опоры

Павел Миронов
Ответ 20
Клад 22
Весеннее 23
Прочитал вождя я телеграмму 24
Крылья 26
Моя цель 26
Новоселье 27
Небылицей назовут 29
Мегион 30
Рыбачка 31
На рыбалке 32
Не уйду! 32

Геннадий Барнев
Где начинаются дороги 34

Инна Алаева
Весна меня переполняет нежностью… 40
Роден. Весна. Любовь к скульптуре… 40
Ван Гог 40
Мой дед трудился весь свой век… 41

Микуль Шульгин
Мегион 41
Чудная машина 42
Обские рыбаки 42

Владимир Обозенко
Стихи о тревоге 43
Заповеди 44

Татьяна Юргенсон
На излучине Меги и судьбы (главы из романа) 46

Виктор Козлов
«Электровеник» 82
Нефтяники России 86

А нам нужна одна победа

Елена Гостева
Русско-иранская война 1826-1828 гг. Первая война Антона Телятьева (главы из романа) 88

Вера Шлябина
Юность, опалённая войной (главы из книги) 120

Николай Черняев
Разные судьбы 131
Июль 43 года 131
Война для многих только звуки… 132
В наступлении 133
Дождь затяжной, в окопе сырость… 133
Белёсое солнце над лесом осенним… 134
Осень затяжная престарелая… 134
Атака 134
Письма военных лет 135
Временная оборона 136
Молитесь вы насколько хватит силы… 136

Таисия Адартасова
Я сам не рад... 136
Много лет спустя 137

Анатолий Пикалов
1943-й 138

Татьяна Юргенсон
Что с тобою, моя Родина, творится?.. 153
Непрочность мира – увы, не иллюзия… 154
Наши бы добрые слова… 154
Время длинных теней… 155

Елена Гостева
Змеище поганое 156
Вернись! 157

Анатолий Пикалов
Мариуполь. Авдеевка. Записки волонтёра 158

Город войны 182

Леонид Берлев
Я понял вдруг… 183
Тихону Яковлевичу 183
День Победы 184

Веское слово

Виктор Козлов
Дай Бог, когда-то прочитать… 187
Я ещё не хочу «уходить коридором»… 187
Когда желанье есть… 188
Хоть поздно или рано… 188
Снег искристый, золотистый… 189
Снега, снега... Снега иль тени… 189
«Колёсный» романс 190
Боязнь огня 190
Думал, ты будешь хрупкой и тонкой… 191
К тебе одной 191
Признание губ 192
Размолвка 192
Когда сидишь, опустошён… 192
Гляди: осиновая почка… 193
Что тебе пожелать, моя радость… 193
Погряз я в грехах и обмане… 194
Отклик 195
Откровения сорванца 195
Девочка книгу раскрыла случайно… 196

Елена Гостева
У кромки небес на восходе… 197
В почерневшем старом доме… 197
Прочь, суета и все мысли досужие!.. 198
Письмо в Калифорнию 198
Враг мой 200
Я разумно решила: нет… 201
Об одном прошу тебя: «Будь!.. 201
Читаю память… 201
Помню пристальный его взгляд… 202

Кабы нам с тобой да пораньше… 202
Ожидание 203
Вы, как на трон, опуститесь на кресло… 204
Не покидай меня 204
К надменности отчаянья привычна… 205
Молитва о поэте 206
Сорокоуст 207
Вилами по воде… 207
Он всё шутил: взлечу… 208
Опустошеньем души замещается боль… 208
Утопить свою тоску не получится… 209
Из безумно далёкого далека 210
Время года неизвестно нам с тобой… 211

Татьяна Юргенсон
Мимолётности (стихи в прозе):
Мимолётности (стихи в прозе)
Новой точкой отсчёта… 212
Ловлю себя на том… 212
И всё-таки, какие хрупкие существа… 212
В момент нашего рождения… 213
Старые двухэтажки зияют… 213
Прогноз погоды… 214
Кажется, на голубое небо и ветер… 214
Отсутствие мыслей… 215
На маковке колокольни крест… 215
Неожиданно сегодня… 216
Нежность, которую испытываешь к друзьям… 216
Очень сложно разобраться… 216
Дилетантским взглядом меломана… 217
Сегодня с утра пришлось… 217
Целый день под стук колёс… 218
На днях подруге… 218
Морозец. По нашим сибирским меркам… 219
Много лет назад на реке Щекурье… 219
Только корни позволяют выстоять дереву… 220
Ворох коротких мыслей… 220
Сегодня ищу настроение… 220
И снова в голове всплывает тема… 221
Пытаюсь поговорить со скрытой частью… 221

Булкин Артур
Запятые 222
Осень-чувство 222
Однажды 222
Перемены 223
О воздушных шариках 223
В ожидании сентября 224
Ленивое счастье 225
Параллельность кривых 225
Холодотерапия 226
Гордиев узел 226
Тихое счастье 227
Теоремки 227
Сегодня холодно... 227
Бумажные девочки 228
К спору 228
Несказанные слова 229
SOS 229

Иван Кулаков
От Чука до Гека – четыре парсека… 230
У Толика восемь игрушек… 231
Солнце зреет через призму форточки… 232
Небо на дне, не над нами – на дне наше небо… 232
Я взираю на мир с хитрым прищуром… 233
Когда ты была маленькой девочкой… 233
Ложь!.. 234
О, Господи, как от грязи отмыть безупречного прошлого простыни?.. 235
Вечное лето 236
Невозможно словами сыграть эти мысли… 237

Леонид Берлев
Север 238
Когда уйду 238
Моему другу М. А. Озерову 239
Северная душа 240
На Оби 240
Деду 241
Искушение поэзией 242
Мише Озерову 242

Родина 243
Ужель не вспомнит нас никто?.. 243
Покинутым домам и деревням 244
Степей хохляцкие сыны… 245
Я хотел бы… 245
К молитве 246
Суровый взгляд суровых женщин… 246
Игорю Талькову 247
Воскресенье 247
Живой, единственный… 248

Лариса Хомутова
Я о Югре эту песню пою 248
Светлее неба те глаза… 249
Любимому 250
И тишина… Такая тишина… 250
Размышления в поезде 251
Мороз 252
Тихо трону струну… 253
Я уже не молода… 253
Зелёный лес густой местами… 254

Дотянусь издалека

Анатолий Филановский
Филиграни или «…Не просто так»
Точка ухода 256
О времени и о себе 258
Первая песнь о Голане 259
Вторая песнь о Голане 260
Серебряная свадьба 261
Рецензия 262
Мегион 263
Как Толя ремонтировал кран 265
Звонок 266
Новогоднее 267
Тебе 267
Возвращаясь к 26 октября 2006 268
Опять медведица-зима… 269
…Жаль, что предвидеть не дано… 269
На склоне 269

Не простилась весна, умчавшись… 270
Смотрю на прожитые дни… 270
Странный сонет с эхом 271
Неудавшийся пейзаж 271
Иллюзия 272
Год 2010 272

Сергей Луцкий
В Усть-Сабун и обратно 273

Александр Шнеур
Откровение паяца 304
Когда душа твоя стареет, отлюбя… 304
Ноль 304
Осенние метаморфозы 305
Сын 306
Сюр 306
Осень 308
Вечное творение 308
Я нужные фильмы смотрю лет с пяти… 308
Смотрю на мир отдохновенно… 309
Язык 309
Монолог книги 310
Слепец 310
Вспоминая принца... 311
Впадая в детство 311
Под оболочкой грубой тела… 311
Искрятся снежные меха… 312
Э… 312
Она уйдёт... 313
Я 313

Валерий Михайловский
Три тайны Самотлора 314

Альфея Мухаметова
Картина имеет душу… 329
Человек рождается в муках… 329
Это о том… 329
Сколько стоит мой труд?.. 330
Мои пальцы в мозолях… 330

Последний день лета… 330
Только будь, как прежде, человеком… 331
Отголоски эпох, письмена… 331
К тебе – истории народов… 332
А как-то однажды утром… 332
Любому сердцу хочется тепла… 333
Перебитое сердце стонало… 333
Душа живёт… 334
За всё приходится платить… 334

Россыни

Александр Шигаев
Окна распахнуты в ночь… 337
Манекен 337
Я жив 338
Колонны идут маршем… 338

Галина Чепиль
Как странно всё же наше бытие… 339
Я верю в очищение души… 340

Оксана Абрамовская-Величко
Я лист одинокий… 341
По серпантину, не страшась обвалов… 342
Тянулись дни ничтожные и серые… 342
Каждый вздох на уставшей груди… 342
Секунды отсчитывают Время… 343
Время пришло… 343
Это – вечной зимы после… 344
Грешно, как Бога в суе помянуть… 344
Себе позволила о страшной плате… 345
О, если б только губы оставляли след… 345
Вбей осиновый кол, не дождавшись конца… 345

Антуан Мичурин
Голоса эпохи 346
Зашифрованная быль 347
Плен 347
Пасторальная песня № 22 347
Иногда 348

Вселенная, или Вершина Эго 349
Не 349
Башня 350
Легенда Человек 351
Рабыне суеты 352
Время поэтов 352
Я знаю 353

Наталья Жидкова
Золотой олень 354

Татьяна Алёшина
Одиночество 355

Ник Гардт
Будь проклят этот день… 356
Ты – призрак былой любви… 357

Лилия Лебедева
Мне было слишком одиноко… 357
Эпохи нежное дыханье… 358
Нетронутое… 358
Синий сон в тумане неба… 358
Белый стих заговорил печалью… 358
Капельки, живущие в лепестках рассвета… 358
Жду утешения в словах… 359

Александр Ефременко
Леди Боль 359
Туман развеет летний дождь… 360
Дух скрипача сошёл с небес… 360

Инесса Матвеева
«Вот это сосулька!»… 361
Ночной полёт 361
Что-то хмурится сегодня небо… 362
Солнечные зайчики – на фасад… 362
Огоньки проносятся куда-то… 362
Уплывает мир. Исчезает в сумерках… 362
Просто, когда умирают слова… 363
Я открыто в мир смотрю и наивно верю… 363

Взвалил на богатырское плечо улов… 363

Вячеслав Радковец
В театр бренных вселенных… 363
Время 364

Ирина Бочарова
Какие бы ни делал повороты… 365
Звучат неозвученным текстом… 366
Про Мегион 366
Гусь 366
Ярким пятнышком в серости дня… 367

Светлана Десятова
Настала осень. Облетели… 367
Размокропогодилось… 368
Иду по улице… 368
Жизнь 369
Мне не важно какой… 370
Зелёный цвет 370

Юрий Яковлев
Я придумал свой «Коран»… 371
Меланхолический круг… 372
Упала тень ромашки в лёд… 372
Я не знаю, какое сегодня число… 373
Тает снег в горячих губах… 373
Мой новый флаг из трёх цветов… 373
Подожду… 374
Были сильны они, ныне – увяли… 374
Я венчался с тобой раз в год… 374
Шнурки развязать… 375

Валентина Киселёва
В архиве СПГО 376
У Бощакуля 376
На родине 377

Юлия Смирнова
Имя твоё Мегион 378
Лето 2018 379

Провожая Старый год 379
Осень Время летит, словно листья с деревьев усталых… 380
Старосельская церковь скрипит на застывшем погосте… 380
Как тяжелы года и как легки… 381
Мы не забудем 381

Людмила Юхимович
Пусть говорят, что в жизни всё проходит… 382
Расцвёл цветок весенний на лугу… 383

Любовь Ефременко
С каждым днём ты для меня дороже… 383

Ирина Любимова
Женщины осени 384
Блюз 384
Одиночество 385

Татьяна Трумпайтис
Одинокая птица 385
Нет смысла путать мысли 386
Среди двоих есть раб один… 386
Я сижу посреди лабиринтов… 387

Игорь Киселёв
Ночь, ноябрь, лежу в постели… 387
Трудный возраст – тридцать лет… 388
Ну, а что до меня… 389
Плывут по небу облака… 389
Ветер листьями швыряет… 390
Мадонна с сыном! Боже правый… 390
Светла моя печаль… 391
Подражание Ёсано Акико
Люблю я праздник… 391
Легко на сердце… 392
Не надо грусти!.. 392
Я не жалею… 392
Я жив остался… 392
Южное небо… 392
Земля согрелась… 393
Пошёл снег белый… 393

Всё в ромашках… 393
Счастлив, свободен… 393

Анастасия Юсубова
Гаснущий очаг (
По мотивам книги Еремея Айпина «У гаснущего очага») 394

Прекрасное дыхание молодости

Эмма Новак
2015 448
Письмо Богу 450
Пилат 451
Это было непросто 453
Эмили пишет 454
Ведьма 456
Рыжая Лили 457
Гримм 458
Дикое. Древнее. 460
О любви и драконах 461

Алина Зарипова
Подарила стене трепет ласковых глаз… 463
Света много, да не видно ни черта… 463
И ясный ветер вольных солнц… 464
Нам бы верить в знаки удачи… 464
Мне надоел прямой порядок быта… 464
Багряной печалью повеяла осень… 465
Выдали по талону каждому… 465
Кухня 465
Весна 466
Сделай меня умнее… 467
А в комнате моей пахнет мятой… 467
Холодно. Из комнаты в комнату… 468
Как не грустить по истлевшему? Кто знает?.. 469

Ольга Юргенсон-Линкер
Инструкция: как выжить в морге… 469

Сергей Шелепюк
Баллада о железном солдате 479

Горели свечи… 480
Ветер-бродяга играет с туманами… 481
Баллада о поэте 481
Поэтом быть легко, но тёмной ночью… 482

Любовь Бобылева
Ночь, тишина, бессонница… 483
Расцветают под кистью веления сердца… 483
Каждый чего-то ждёт… 484
Всё закончено, и уже не нужен ответ… 484
Облака мошкары, мелкий дождь… 485
Я свяжу тебе жизнь 485
Сердце 486
Художнику N. N. 486
А ты не видел этой красоты… 487

Сергей Третьяков
Солнце 488
Весна 489
Идём, мерцают фонари… 489
Баба 490
Ведь я не виноватый… 490

Евгений Аскаров
Закрой глаза свои и в путь… 491
Ну вот, взлетела, мой черёд… 492

Иван Газизов
Звукоизоляция 492

Ирина Калистратова
Весела и счастлива я с виду… 494
В этом городе много рассказано… 495
Со стола не уронишь ты ложку… 495
Светло-рыжих волос килограмм… 496
А за руку схватишь, знаю… 496
Этот стук моих шагов… 496
В ночные часы, когда гремела гроза… 497
Невыносимое мученье… 498

Екатерина Мулюкина
Про меня 498

Александр Савицкий
Любовь к тебе даёт мне силы… 499

Роза Хуснутдинова
Мне досадно – я губы кусаю… 499
Дайте яду 500
Дождь 501
Но дороже всё ж тот, кто крылат 502
Кто-то издавна знал меня… 503
Буриме 503
Осень 503
Нерешительность 505
Нет весны, что способна понять… 505
Солнце 506
Немного о смерти 507
Надо уметь 507

Евгений Тарунтаев
Дорога к дому 508
Мой друг Пэныч, собака хаски 509

Алёна Газизова
Нескладная проза 510
Васильковая сказка 512
Пузырьки и jet'amie
Картинка-лень 514
Картинка-воздух 515
Картинка-паутинка 515
Картинка-конфетти 516
Картинка-льдинка 517
Февраль 517
Небо 518
Календарь 518

Детский мир

Лилия Такташева
Разрешили перезимовать 520

Игрушечное Море 522
Пошутилки 523
Детям нужно солнышко 524
Случай на рыбалке 524
Мне первым подал руку друг 526
Пузырили пузыри 526
Воробьиная песенка 527

Ирина Бочарова
Тортик 528
Фотосессия с маслёнком 529
Сила для Дождика 530

Антуан Мичурин
Тем, кто боится уколов 531
Весна пришла 532

Людмила Кошиль
Ящерка 532
Черёмуха 534
Зимние приключения 537

Лилия Валеева
Сказка о червячке Тосике 539

Владислав, Светлана и Андрей Хеновы
Росток жизни 540

Юлия Ярушина
Сказка о девочке, которая не любила своё имя 544

Тихие шаги Истории

Лина Кашина
Подарки судьбы 548
Ореховские спецпереселенцы 554
Васюган и «враги народа» 560

Дмитрий Шлябин
Мёртвая деревня 566
Антошкина речка 569

Дни апреля 573
Костёр рябины красной 574
Защитники покурской сторонки 576
Покурские старики – дети спецпереселенцев. Плотогоны 581
Мы – с финской стороны... 584

Расима Ибраева
Когда сибиряки шли в разведку… 589

Николай Черняев
Детство 593
Всегда горячие 602
Разные судьбы 603

Эльвира Ганеева
Попутчик 608
Журнал 614
Из записок путешественника по Йемену 615

Взгляд со стороны

Сергей Луцкий
Ипостаси Виктора Козлова 622

Елена Гостева
В его книгах узнаём себя 640

Татьяна Юргенсон
Под диктовку времени 650

Елена Аушева
Семь небес Татьяны Юргенсон, или
Что скрывает в себе матрёшка? 657

Содержание 663

+12

Литературно-художественное издание

В ритмах сердца

коллективный сборник,
посвящённеый 45-летию
присвоения Мегиону
статуса города

Редактор-составитель
Татьяна Владимировна
Юргенсон

Художник
Альфея Фахриттиновна
Мухаметова